

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Арзамасский государственный
педагогический институт им. А.П. Гайдара»
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им.
Н.И.Лобачевского» (ННГУ)
Институт стратегических исследований ННГУ
НРОО «Фонд европейских исследований в Нижнем Новгороде»

Европа:
Проблемы интеграции и развития

Монография

в 2-х томах

Том 1

Часть 2

Нижний Новгород,

2008

УДК 94(4)
ББК Ф 4(0) 6
Е 22

Под общей редакцией академика О.А. Колобова

Авторский коллектив:

Колобов О.А. (руководитель), Браницкий А.Г., Бугров Р.В., Дмитриева Д.В., Жильцов Н.В., Кабешев Р.В., Каблова Л.В., Кемаев К.В., Колобов А.О., Леушкин Д.В., Морозова О.С., Сергеев А.Е., Толкачев В.В., Хохлышева О.О., Чумаков В.А.

Рецензенты:

д.и.н., профессор А.С. Макарычев
д.полит.н., профессор А.А. Сергунин
д.и.н., профессор С.В. Устинкин

Ответственный за выпуск: к.и.н., ст. преп. А.П. Коротышев

Е 22 **Европа**: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х томах. - Т.1. История объединения Европы и теория европейской интеграции. - Ч.1. Кол. Авт./Под общей редакцией академика О.А. Колобова. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им.А.П. Гайдара, 2008. - 356 с.

ISBN 978-5-86517-391-5

В коллективной монографии прослеживается история объединения Европы от самых первых проектов до середины 2008 г., анализируются актуальные проблемы европейской интеграции и развития Европейского Союза, исследуются взаимоотношения России и единой Европы. Работа написана с привлечением широкого круга оригинальных источников, еще не введенных в научный оборот в России и за рубежом.

Она предназначена специалистам-международникам, студентам, аспирантам, докторантам, преподавателям классических университетов России.

ISBN 978-5-86517-391-5

УДК 94(4)
ББК Ф 4(0) 6
Е 22

© Коллектив авторов, 2008.

© Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара, 2008.

© Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2008.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА V. БАЗОВЫЙ СМЫСЛОВОЙ КОНЦЕПТ «ЕВРОПА» И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	3
ГЛАВА VI. СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИТАРНОЙ ЕВРОПЫ	91
ГЛАВА VII. ОБЩАЯ ОБОРОННАЯ ПОЛИТИКА ЕС И ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НАТО, ОБСЕ И РОССИЕЙ	176
ГЛАВА VIII. РАСШИРЕНИЕ ЕС, НАТО И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ.....	246
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	344
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	354

Глава V. БАЗОВЫЙ СМЫСЛОВОЙ КОНЦЕПТ «ЕВРОПА» И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

1.«Европа» как базовый смысловой концепт

Последовательное прояснение смысла понятия "Европа" – одна из важнейших задач этой работы. Необходимо, опираясь на данные различных наук (географии, лингвистики, этнологии, этнографии, культурологии, политологии, истории), попытаться определить истинные границы Европы и основные элементы ее структуры. Автор убежден, что только полноценный синтез различных подходов к данной проблеме может дать понимание возможных пределов европейской интеграции в геополитическом смысле.

Еще Н.Я. Данилевский в своей знаменитой книге "Россия и Европа" довольно убедительно доказывал, что Европа с географической точки зрения - всего лишь часть Евразии. Автор готов пойти еще дальше; даже Евразия как часть света оказывается под вопросом – уместнее говорить о Старом Свете или Мировом острове, то есть о едином евразийско-африканском континентальном пространстве. Единственным физическим основанием выделения Европы как части света является, по мнению автора, евразийская (иначе – европейская) плита литосферы.

Для различения же Европы, Азии и Африки приходится опираться более на традицию, чем на географические реалии. Древние греки называли "Европой" часть света, лежащую к северу от Средиземного моря. Часть света, лежащая к югу, именовалась "Африкой". Термин же "Азия" первоначально означал некую относительно небольшую страну где-то между рекой Танаис (совр. Дон) и северными предгорьями Кавказа. Причем именно Танаис служит границей между Европой и Азией. Такое "узкое" понимание "Азии" мы находим, к примеру, в "Географии" Страбона.[1]

Позднее термин "Азия" стал относиться ко всей части света, лежащей к востоку от Средиземного моря, а условная граница по реке Танаис закрепилась просто в силу традиции. Начиная со средних веков – в разное время и разными народами – честь служить границей между Европой и Азией возлагалась: на реку Урал, на Волгу, на Сарпу и Маныч, на Волгу и Дон, на Западную Двину и Днепр, на Вислу и Днестр, на Большой Кавказский хребет и Урал, просто на южную (или юго-восточную) границу России - где бы она ни проходила.

"Общепринятая" географическая граница Европы - это Эгейское море, проливы Босфор и Дарданеллы, Мраморное и Черное моря. Далее – между Черным и Каспийскими морями - можно выделить три основанных варианта: по южной границе бывшего СССР, по Большому Кавказскому хребту (т.е. практически по современной границе России), по рекам Маныч и Кума. Последний вариант предпочитают многие энциклопедические издания – как отечественные, так и зарубежные. Для геополитической оценки ситуации в данном регионе даже весьма символическое проведение границы между Европой и Азией отнюдь не безразлично. Дело в том, что кавказские народы оказываются то "европейцами", то "азиатами", а вся область между реками Маныч и Кума (на севере) и южной границей бывшего СССР – "спорной" территорией. При проведении же границы по Большому Кавказу северокавказские народы становятся "европейцами", причем часть этнических территорий оказывается "поделенной" между Европой и Азией.

К северу от Каспийского моря можно выделить также три основных варианта границы: по реке Урал и Уральскому хребту ("традиционный"), по реке Урал и восточным подножиям Урала, по реке Эмба и восточным предгорьям. Таким образом, на Востоке Европы при любом чисто географическом членении всегда остается область, принадлежащая ныне суверенному государству Казахстан и хотя бы отчасти населенная казахами. Следовательно, Казахстан, – где бы мы не провели границу в "спорной" зоне

между реками Урал и Эмба – все равно оказывается третьим по счету евразийским государством, наряду с Россией и Турцией.

Еще раз, подчеркивая условность и символичность с чисто географической точки зрения – раздела Старого Света, а тем более Евразии, на отдельные составляющие (т.н. "части света"), автор все же вынужден согласиться на подобное черновое определение традиционных географических границ Европы.

Европу ограничивают на восточных ее рубежах пределы проживания разных народов, если смотреть на это с точки зрения этнолингвистической – или же религиозно-культурной. С чисто этнологических позиций следует, видимо, признать "Европой" ареал проживания индоевропейских народов. Уральско-юкагирское коренное население северо-востока географической Европы, долгое время, не имеющее собственной государственности, а также и венгры, в полной мере государственностью обладавшие, оказываются в некотором "промежуточном" положении между "этнической Европой" и "этнической Азией", генетически, лингвистически и исторически тяготея к последней. Чистой же "этнической Азией" следует, видимо, признать ареалы проживания алтайских, чукотско-камчатских и эскимосско-алеутских народов.

В расовом отношении Европа достаточно определенно является ареалом распространения европеоидной большой расы, откуда, собственно, эта раса и получила название. На крайнем востоке географической Европы обитают представители "уральской расы" – промежуточной между европеоидной и монголоидной, чьи представители – ханты и манси. К "уральской" по многим признакам близка и "лапоноидная" раса, чьи представители – саами. Некоторые антропологи объединяют эти две "расы второго порядка" в одну (т.н. "урало-лапоноидную"), особенности, которой выражены в менее резкой форме у удмуртов, коми-пермяков, марийцев, эрзя и мокша, венгров, восточных финнов, а также и у чувашей, башкир и татар.

Таким образом, многие представители финно-угорских и тюркских народов имеют выраженные признаки монголоидной расы и относятся к переходному "лапоноидному" (иначе - "субуральскому") расовому типу, где все же преобладают европеоидные черты. Переходный расовый тип с преобладанием монголоидных признаков – т.н. "южно-сибирский" – характерен для современных казахов и киргизов. Чистыми монголоидами в пределах географической Европы являются калмыки. Чистыми же европеоидами следует признать северокавказские народы. Этнические, расовые и языковые (лингвистические) границы, как мы видим, не совпадают.

Можно отметить, что этносы, говорящие на финно-угорских и тюркских языках, часто смешаны в расовом отношении и представляют собой промежуточные, переходные типы от европеоидной расы к расе монголоидной, т.е. от "расовой Европы" и "расовой Азии".

С лингвистической точки зрения Европа - это, по всей видимости, ареал проживания индоевропейских народов, причем далеко не всех. Этносы, говорящие на языках иранской, индийской (или "индоарийской") и армянской групп, - это, без сомнения, азиатские народы. Структура же "лингвистической Европы" определяется ареалами расселения в Старом Свете славянских, балтийских, германских, кельтских, романских народов, а также греков и албанцев. Африканеры (или буры) при этом, естественно, также остаются за рамками данного исследования, – равно как и все иные "заморские" ареалы расселения индоевропейских народов, возникшие в эпоху колониальных захватов.

Индоевропейские языки, которые, естественно, изучены лингвистами в достаточной степени, происходят они из группы близкородственных диалектов. Лингвисты делят все современные индоевропейские языки на две крупные ветви: "восточную" и "западную". К "восточной", в частности, относят греческий и албанский языки. К "западной" ветви принадлежат романские, кельтские и германские наречия. Балто-славянские языки при этом занимают промежуточное положение. Для целей нашего исследования, по мнению автора, можно допустить некоторое упрощение реальной картины и определить

романские, германские и кельтские языковые ареалы как "Запад Европы", а балто-славянские, греческий и албанский – как "Восток Европы": естественно, с точки зрения чисто лингвистической.

Алтайский, уральско-юкагирский, северокавказский, чукотско-камчатский и экимосско-алеутский языковые ареалы при этом отойдут к "Азии" (опять-таки в лингвистическом смысле), а некоторые территориально изолированные языковые ареалы внеиндоевропейского происхождения (например, баскский – в Испании и Франции) придется проигнорировать.

Итак, этнические, расовые и лингвистические границы Европы отнюдь не совпадают друг с другом, но при этом позволяют очертить некое пространство, являющееся "Европой" безусловно - со всех указанных точек зрения. При наложении одних границ на другие обнаруживается также, что существует и некая "пограничная зона" между Европой и Азией, где "Европа" (в любом понимании, не исключая и чисто географическое) плавно "перетекает" в "Азию". Выявилась и недостаточность всех вышеуказанных подходов к определению границ Европы для понимания истинных, глубинных связей, цементирующих европейское геополитическое пространство и лежащих за рамками всех рассмотренных подходов. По всей видимости, именно в области религиозных (конфессиональных) и культурных различий стоит искать как общее для всей Европы начало, так и то сущностное различие, которое делит Европу на "Восток" и "Запад". Так, согласно методологии Тойнби, Европа в цивилизационном отношении являет собой совокупность двух "братских" цивилизаций – Западноевропейской (Западнохристианской) и Восточноевропейской (Православной). Обе эти цивилизации являются "сыновьями" Римской империи – соответственно Западной и Восточной ее половины – и в совокупности образуют некую Метацивилизацию (Христианскую), противопоставленную как миру ислама (Исламской метацивилизации), так и Буддийской (Дальневосточной) метацивилизации.

К "исламскому обществу" Тойнби относит Северную Африку и Средний Восток - от Атлантики до Великой Китайской стены. Он также говорит о двух "обществах-братьях": Арабском (суннизм) и Иранском (шиизм) - в мусульманском мире. Таким образом, структура Исламской метацивилизации типологически близка к структуре Христианской метацивилизации: здесь тоже есть свой "Запад" (сунниты) и свой "Восток" (шииты). Известный философ и культуролог Г.Померанц полагает, что для Средиземноморья в целом необходимо ввести термин "бисубэкумена" или, сокращенно, "бизкумена" – это "исторически сложившееся тесное единство двух субэкументальных узлов, впоследствии давших начало двум субэкуменам". Под "субэкуменой" Померанц понимает, в свою очередь, то же, что и диссертант под "метацивилизацией" – это "завершенная попытка наднациональной культуры, выработавшая самостоятельную философию (или мировую религию, впитавшую в себя философские традиции)". Померанц насчитывает всего четыре "субэкумены": Европа, Ближний Восток, Индия и Китай.[2]

Таким образом, Европа – это особая "субэкумена", метацивилизация, основанная на одной из мировых религий – христианстве. Следовательно, ее границы, с точки зрения религиозной идентичности и цивилизационной принадлежности, должны охватывать весь ареал распространения всех направлений христианства.

Но христианская метацивилизация далеко выходит за рамки "Большой Европы": это и Америка, и Австралия с Новой Зеландией, и Филиппины, и целый ряд африканских государств. Все эти страны, испытавшие сильное "европейское влияние", между тем совершенно не имеют отношения к "Большой Европе". Цивилизационные границы Европы в таком случае опояжут весь земной шар и тем самым удалят нас от предмета исследования: собственно Европы. С другой стороны, Карл Ясперс выделяет 6 современных культур; Америка, Европа, Россия, Ислам, Индия и Китай.[3]

Но, вставая на эту точку зрения, мы рискуем, напротив, искусственно ограничить христианскую Россию от христианских же государств Европы. Единственный выход -

держаться середины. Другими словами, "религиозной Европе" в целом противостоит "религиозная Азия", под которой весьма условно здесь принимается весь нехристианский Восток, который никоим образом нельзя путать с Востоком христианским, т.е. с Восточноевропейской цивилизацией.

Понятие "нехристианский Восток" носит условный характер и имеет смысл только лишь в сопоставлении с "христианским Западом" и "христианским Востоком". Но внутренне это пустое понятие, т.к. по сути "нехристианский Восток" является совокупностью трех самостоятельных и разнородных метацивилизаций; Исламской, Индийской и Дальневосточной. Впрочем, последние две, следуя методологии Померанца, также можно объединить в "биэкумену", так как индуизм и буддизм не менее близки друг другу, чем христианство и ислам. В результате получается непротиворечивая бинарная структура:

Человечество

Средиземноморская
бизкумена

Восточная
бизкумена

Хорошо понимая всю условность проведения "цивилизационной" или "религиозной" европейской границы, автор вынужден все же проделать это, расчленив Евразию на "религиозную Европу" и "религиозную Азию". При этом из состава Европы естественным образом исключаются все исламские и буддистские анклав, а различия между христианскими конфессиями игнорируется.

Автор вполне признает генетическую близость ислама и христианства: создавая свое учение, Мухаммед использовал как библейскую традицию, так и ряд элементов собственно христианства. Однако, для данного исследования существенно именно различие между двумя мировыми религиями, которое и противопоставило, начиная с VIII в., Христианскую Европу миру ислама. К этому противостоянию русский философ Федоров сводил вообще всю мировую историю. Но то, что является преувеличением в отношении истории всего мира, в отношении европейской истории выглядит вполне достоверно. Борьба "христианского мира" с "миром ислама" шла, не прерываясь, более тысячелетия, что не могло не отразиться на "менталитете" как мусульманских, так и христианских народов.

С исторической точки зрения Европа также может быть охарактеризована как совокупность "христианских" и "полухристианских" государств Евразии. Примерно с рубежа X-XI веков граница Европы и Азии проглядывается довольно отчетливо, что напрямую связано с христианизацией таких славянских народов как древние русы и поляки. Границу Европы на начало XI в. важно установить еще и потому, что в 1054 г. произошел раскол Христианской Церкви на Западную и Восточную. Следовательно, границы Европы начала XI в. - это последние границы действительно единой Христианской Европы, еще не разделенной окончательно на "Запад" и "Восток".

Россия (Русь) всегда занимала особое положение в Европе. Как уже говорилось ранее, спорным остается даже вопрос о принадлежности ее к Европе. Но, тем не менее, "родительское" государство ее – Киевская Русь, по крайней мере, с начала XI века, вполне принадлежало к кругу европейских держав и поддерживало многочисленные связи с ними, включая династические (что особенно важно). Новгород считается первой столицей земли русской, а легенда "о призвании варягов" удивительно напоминает исторические предания других европейских народов эпохи могущества викингов (варягов). Именно границы Киевской Руси служили на северо-востоке рубежами Европы с точки зрения государственности и распространения христианства. Далее начинались владения тюркоязычных народов, в массе своей исповедовавшей ислам, – т.е. "Азия". Ни Хазарский каганат с высшей прослойкой иудеев, ни мусульманскую Волжскую Булгарию никак нельзя признать "европейскими" державами в смысле их происхождения и государственного развития. Они были тесно связаны со Средней Азией и Ближним Востоком, структурно вполне примыкая к прочим азиатским державам.

Южную и юго-восточную границу Европы держали в начале XI века Византийская империя, Армения и Грузия (точнее, мелкие грузинские княжества в их совокупности). Здесь совершенно особое положение занимала Армения как государство, во-первых, ранее всех других признавшее христианство государственной религией (в IV в.), во-вторых, вполне поддавшееся ереси монофиситства, широко распространенной на Ближнем Востоке.

Монофиситство возникло в Византии в V в. как реакция на несторианство и довольно быстро стало знаменем политического сепаратизма в Египте, Сирии, той же Армении. Халкидонский собор 451 г. осудил монофиситов и признал данное учение "ересью". Однако, в большинстве древних восточных церквей – от Эфиопии до Армении – с этим не согласились.

Поскольку Армения начала XI века, с одной стороны, входила в сферу влияния Византии и считалась христианским государством, а с другой стороны, упорно держалась характерной для Ближнего Востока ереси, ее положение можно рассматривать как промежуточное между Европой и Азией, что подтверждается и географическим положением Армении на стыке двух миров.

Грузинские государства, в географическом плане также расположенные в "спорной зоне", в конфессиональном смысле вполне примыкали к Византии и находились под ее прямым покровительством. Сама Византийская империя в начале XI в. являла собой образец "евразийского" государственного образования. Ее территория – от Южной Италии до пределов Армении – почти в равной мере принадлежала Европе и Азии. Однако, в цивилизационном и религиозном отношении Византия, бесспорно, являлась важнейшей составной частью Христианской Европы.

Следующей важной вехой в становлении структуры религиозной Европы после 1054 г. следует, вероятно, признать 1517 г. как начало Реформации, хотя настоящее реформационное движение началось лишь после Вормского сейма 1521 года. Как бы там ни было, необходимо определить границы Европы на начало XVI века, т.е. на момент, предшествовавший Реформации и дальнейшему усложнению структуры европейской христианской метацивилизации.

Границы Европы на начало XVI в. интересны и во многих других отношениях. Завершилось объединение всех северо-восточных русских земель вокруг Москвы, было сброшено иго Золотой Орды (1480), покорены обширные северные владения Великого Новгорода (1478). В 1493 г. Иван III получил титул "государь всея Руси" – "Московия" становилась "Русью". Границы начала XVI в. следует признать "национальными" для новой российской государственности. Политику же Ивана IV нельзя рассматривать иначе, как выход за пределы геополитической ниши национального великорусского государства, т.е. как "империалистическую экспансию" (по выражению Федотова). Именно границы начала XVI в. отчетливо рисуют нам контуры тогдашней "Европы". "Европа" того времени, накануне русской экспансии на восток и религиозных войн в центре континента, на юго-востоке упиралась в рубежи Оттоманской империи и ее вассалов, далее же шли еще три мусульманских ханства, осколки бывшей Золотой Орды: Астраханское, Казанское, Сибирское, все с преимущественно тюркским населением.

Островком христианского мира, со всех сторон окруженным враждебными исламскими государствами, выглядит Грузия, лишенная, к тому же, внутреннего единства. Вскоре ее территория будет поделена между Османской империей и Персией.

Европа XVI века, естественно, не была едина: она четко делилась на Запад, представленный огромным количеством государств, самым крупным из которых была Речь Посполитая, и Восток, где недавно возникло "универсальное государство" православного христианства. Однако, несмотря на это важное деление, христианская Европа совместно противостояла "Азии" как совокупности агрессивных мусульманских государств, окружавших ее со всех сторон (точнее говоря, с юга и востока). Только на

крайнем севере молодое русское государство выходило к Уральским горам (заметим, на географическую границу Европы), не встречалась с опасным противником.

Граница Европы на рубеже XV-XVI вв. показательна и в другом отношении: только что закончилась "первая реконкиста", но еще не началась "вторая", под которой мы понимаем освобождение европейского геополитического пространства от второй волны экспансии ислама, представленного Оттоманской (Османской империей). Все европейские историки, от Энгельса до Тойнби, любили проводить параллель между борьбой с арабами на Иберийском полуострове и борьбой с турками на Балканах, так что вводимый здесь термин "вторая реконкиста" не содержит в себе ничего существенно нового, а лишь несколько расширяет понятийный аппарат. Как известно, первое вторжение мусульманских воителей в пределы географической Европы произошло в 711 г. Арабы, закончив завоевание Северной Африки, всего за три года овладели большей частью Иберийского полуострова и в 732 г. вторглись в земли франков. По мнению Тойнби, это могло задушить западнохристианскую цивилизацию в ее колыбели. Но франки выстояли - и вскоре после битвы при Пуатье основали Испанскую марку. Так началась "первая реконкиста" - отвоевание европейской территории у исламского мира. Эта многотрудная борьба длилась без малого восемь веков и успешно завершилась как раз к концу XV столетия: в 1492 г. была отвоевана Гранада, последний оплот мира ислама на западе Европы.

Однако пока христианские рыцари успешно изгоняли арабов на западе, на юго-востоке Европы все более слабела Византия, теснимая молодой и агрессивной Оттоманской империей. Турецкие войска еще в 1354 г. переправились через Дарданеллы и закрепились на Галлиополийском полуострове. К середине XV века Турция заканчивает завоевание Балканского полуострова и начинает устремляться в Северное Причерноморье. В это же время на обломках Золотой Орды возникает пояс новых мусульманских государств: Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства. Если в Золотой Орде монголы, согласно их обычному праву и кодексу законов "Ясе", лояльно относились ко всем религиозным конфессиям без исключения, то теперь полукольцо агрессивных мусульманских государств сомкнулось на границах Европы.

В 1475 г. Оттоманская империя захватывает всю прибрежную полосу Крыма, а само Крымское ханство оказывается в вассальной зависимости от империи. Такая же судьба могла постичь и остальные ханства, если бы не активное вмешательство Русского государства. Внешнеполитические планы Турции не ограничивались бассейном Черного моря: империя старалась "наложить руку" и на родственные ей в этническом и религиозном отношении государства Поволжья. Полукольцо исламских государств, взявшее в осаду Европу с юго-востока и востока, могло получить единый организационный центр (что явно усилило бы мощь исламского натиска на Европу).

Покорение Иваном IV Казанского и Астраханского ханств, таким образом, было отчасти вынужденной мерой, а не просто "волей к экспансии". Этот шаг следует рассматривать, с некоторыми оговорками, уже как элемент "второй реконкисты", ибо без "российского фланга" Турция смогла бы легко расширяться не только в южном направлении, захватив Междуречье и Северную Африку, но и в северо-восточном, приняв в свой состав (или же на правах вассалов) все осколки Золотой Орды, – возможно, что вплоть до Сибири и Средней Азии. А с такой империей, равной по мощи и размерам Монгольской, не смогла бы справиться ни Австрия, ни Венгрия, ни Речь Посполитая, ни даже весь христианский Запад, взятый вместе. Именно расширению Турции на северо-восток и воспрепятствовала молодая Россия, чем значительно облегчила как свою собственную участь, так и дело "второй реконкисты".

Как мы видим, несмотря на многочисленные противоречия между европейским Западом и европейским Востоком (в лице России), они имели общего грозного врага в лице Оттоманской империи и образовывали две половинки единого геополитического пространства Европы уже на рубеже XV-XVI вв., т.е. на момент консолидации

великорусской народности в пределах национального государства. Поэтому нет оснований, говорить о том, что Европа "кончалась" на границах Турции и России. Европа, действительно, заканчивалась на границах Османской империи. Но на границах России "кончался" лишь Запад – и начинался Восток Европы, как "двуединого" геополитического пространства.

Однако в середине XX века Турция неожиданно оказывается "западноевропейской державой", безусловно входящей в европейское геополитическое пространство. Как и почему это могло произойти? Ответ на данный вопрос может дать только тщательное изучение процесса формирования европейского геополитического пространства за несколько истекших столетий.

Границы Европы на юго-востоке, с точки зрения исторической, а, также принимая во внимание концепцию государственных границ как "силовых линий", разделяющих поля действия различных правовых систем, длительное время определялись границами Оттоманской империи. А борьба за освобождение юго-востока Европы от турецких завоевателей, т.е. "вторая реконкиста", может быть интерпретирована как борьба за восстановление истинных границ Европы, понимаемых как совпадение "географических" границ с границами между метацивилизациями. Такие страны, как Венгрия, Польша и Литва (Речь Посполитая) и Австрия (Австро-Венгрия с сер. XIX в.) добились пика своего могущества, по словам Тойнби, именно в борьбе с Турцией. Сама же Оттоманская империя достигает пределов роста на европейском "фронте" в XVI-XVII вв.: первый пик приходится на 1568 г. (Адрианопольский договор, согласно которому большая часть Венгрии подпала под власть султана), затем идут мелкие потери и приобретения на севере Венгрии, после чего следует второй пик в 1664 г. (мирный договор в Васваре) и 1683 г. (Вольнь и Запорожье временно подпадают под власть султана – границы империи на севере вплотную приблизились к Киеву). Однако уже в 1699 г. Ян Собеский, польский король, выметает турок прочь из своих владений, а также и с большей части венгерской территории.

Затем еще два столетия Габсбургская монархия, особенно сильная в 1699-1789 гг., и Российская империя, усилившаяся с начала XIX века, медленно, но верно, вытесняют турок назад, в Азию (т.е. в Азию "географическую"). В 1830 г. при поддержке Великобритании получает свободу Греция. В 1878 г. (Берлинский договор) становятся независимыми и получают территориальные приращения бывшие "автономии" империи: Румыния, Сербия и Черногория. Наконец, в 1912 г. обретают независимость Болгария и Албания (что было закреплено Лондонским договором 1913 г.).

Однако во "второй реконкисте" выявились (на заключительном ее этапе) острые противоречия между "союзниками", помешавшие ее успешному завершению. Еще во время Крымской войны, как метко подметил Данилевский, весь Запад объединился против России. На стороне угнетателей христианских народов дружно выступили все передовые силы Европы. Парадокс? Видимо, разгадка лежит не только в области "европейского баланса сил", "вопроса о проливах" и "влияния на Ближнем Востоке" – по большому счету, здесь проявился конфликт между Западнохристианской и Восточнохристианской цивилизациями или, если угодно, между Западом и Востоком Европы. Россия на тот момент была слишком сильна в геополитическом смысле, в ее состав (а, следовательно, в "Восток Европы") вошли уже некоторые территории, в культурном отношении бывшие Западом (Финляндия, Прибалтика, Польша). Запад при такой расстановке сил вынужден был останавливать экспансию России даже в "естественном" для нее юго-западном направлении, боясь чрезмерного усиления Востока в ущерб Западу. Подобная ситуация сложилась и в конце XX в. на Балканах, где Запад вынужденно вступился за исламскую сторону, чтобы не допустить чрезмерного усиления Востока, представленного сербами.

В начале XX в., сразу после Первой Балканской войны, выявились и противоречия в Балканской антитурецкой коалиции, что привело к ослаблению позиций Болгарии и, что

самое неприятное, к возврату значительной территории с городом Адрианополь (Эдирне) в состав Турции. Впрочем, вскоре, в разгар Первой мировой, Антанта согласилась на передачу Константинополя России (1915 г.), что означало бы успешное окончание "второй реконкисты". Россия, наконец, добилась важнейшей дипломатической победы, позволявшей ей, при удачном течении дел, усилиться достаточно для полного господства на Балканах. Как известно, эти надежды рухнули с приходом к власти большевиков. Советская Россия, вопреки здравому смыслу и своим национальным интересам, не только упустила возможность изгнать турков обратно в Азию и приобрести влияние на Балканах, она в придачу безвозмездно передала Турции более 10 млн. рублей золотом, значительное количество вооружений и боеприпасов, отправила туда военных советников. Именно российская (правильнее сказать, советская) помощь позволила Турции организовать регулярную армию и остановить англо-греческое наступление, последнее усилие "второй реконкисты".

Итак, исторический шанс был упущен именно по вине России. Озабоченная социальными проблемами и бредившая "мировым коммунизмом", она не способна была в то время защищать свои истинные национальные интересы и, отчасти вынужденно, выступила на "исламской стороне", что по советской терминологии означало: "на стороне угнетенного Востока", "против мирового империализма", "в поддержку национально-освободительной борьбы". Теперь мы уже знаем, на опыте Чечни, к чему может привести иная "национально-освободительная борьба". По российской вине (тоже исторический парадокс) "вторая реконкиста" не была завершена. У Турции на европейском берегу остался Адрианополь (Эдирне), бывший с 1365 по 1453 год столицей Оттоманской империи, и, естественно, Константинополь (Стамбул), бывший в разное время столицей двух великих империй – Османской и Византийской. Автор посетил данные города летом 2005 г. и признал их облик (и уклад жизни) вполне «азиатским». Интересный факт: встреченные местные «европейские» турки почему-то считали необходимым доказывать автору, что они не «варвары».

Турция XXI века, несмотря на ее глубокую "модернизацию" и "вестернизацию", остается по истокам своей государственности и исконной национальной территории типично "азиатской" страной. Как в свое время в Иране, здесь возможен возврат к модели "исламского государства" с соответствующими изменениями всех правовых норм. В любом случае, именно граница с Турцией остается по сей день границей Европы с точки зрения исторической, религиозной и цивилизационной. Напротив, Россия может по праву претендовать на статус "европейской державы", ибо истоки ее государственности, ее исконная национальная территория и ее правовая система всецело принадлежат Европе. Исторически южная граница России (а затем - СССР) веками практически совпадала с границей европейского геополитического пространства. Кратковременный период независимого существования Грузии в конце века (1783-1801 гг.) можно проигнорировать, так как этой независимостью Восточная Грузия была всецело обязана России и находилась под ее протекторатом.

Статус южной российской (позднее – советской) границы как границы европейского геополитического пространства не нуждается в особых доказательствах. Требуется лишь определить момент исторического времени, когда подобный статус приобрела южная (и юго-восточная) граница Турции. Ясно, что в канун первой мировой войны об этом еще не могло быть и речи.

Севрский мирный договор, подписанный 10 августа 1920 г., оформил распад Османской империи, – Турция лишилась практически всех своих владений. Но время признания Турции "европейской державой" еще не пришло, что убедительно показала последовавшая за этим война с Грецией, союзницей которой выступила Великобритания при негласной поддержке большинства других европейских государств. Только с подписанием 24 июня 1923 года Лозанского мирного договора, сложилась первая предпосылка включения данной страны в европейское геополитическое пространство.

Теперь границы Турции на юге и юго-востоке практически не выходили за пределы бывшей византийской геополитической ниши. Турция получила Малую Азию и Стамбул, а также Восточную Фракию. Греческое население Малой Азии изгонялось в Грецию. В свою очередь, в Анатолию переселялись турки, проживавшие в балканских странах. Нерешенной осталась проблема принадлежности Мосула, населенного в основном курдами. Благодаря сохранению в составе Турции Восточной Фракии и Стамбула удерживался "евразийский статус" государства.

Следующая предпосылка включения нового турецкого государства в состав Европы сложилась после провозглашения страны республикой (29 октября 1923 г.) и ликвидации халифата (20 апреля 1924 г.). В течение последующего десятилетия была проведена целая серия реформ, направленных на "европеизацию" страны: секуляризация экономической, политической и общественной жизни, упразднение норм мусульманского права, отделение церкви от государства, предоставление избирательного права женщинам, введение европейского календаря. Таким образом, а середине 30-х гг. XX в. Турция перестала быть исламским государством с государственно-правовой точки зрения.

Однако, все это еще не делало Турцию европейской державой. Главный "геополитический сдвиг" произошел после Второй мировой войны, что напрямую связано с процессом структурирования "биполярного мира" в целом и "биполярной Европы" в частности. США остро нуждались в подобном государстве, граничащем с СССР и исторически враждебно настроенном по отношению к России. Следовательно, мы можем смело предположить, что Турция стала "европейской державой" никак не ранее 1945 года, когда началось структурирование биполярного европейского геополитического пространства, но и не позднее 1955 года, когда этот процесс благополучно завершился. Важными рубежами на этом пути стали: участие Турции в плане Маршала, а также принятие данной страны в Совет Европы и в НАТО. Приблизительно в 1952 году Турция была, наконец, прочно интегрирована в европейское геополитическое пространство. Южные рубежи "биполярной Европы" установились на долгие десятилетия.

2.Общеввропейская идентичность: процесс формирования и проблема определения

Поиски исконно европейского стали привычным делом в современном мире. По мнению Реми Брага, «свойственное только Европе должно обособить ее от всего иного и объединить все то, что ее составляет, отделить от чуждого и не входящего в изначальную формулу. Собственно европейское тогда образует ее единство; основанием европейского единства будет общее согласие по поводу указанного свойства»[4]. Однако, это отнесение Европы к ее квинтэссенциальным особенностям приводит к парадоксу, т.к. Европа никогда не была единой. Даже период средневекового христианства, который можно было бы назвать первым наброском будущей Европы, на самом деле не может считаться таковым.[5]

Даже при выделении «общеввропейского социума», можно сделать вывод, что «у европейцев есть много, что их объединяет, а еще большее того, что их разделяет», – как это удачно заметил Дж. МакКормик[6]. Американский политолог З.Бжезинский вообще утверждает, что европейская «Европа» как таковая, не существует. Это мечта, концепция и цель, но она все еще не действительность[7].

Во многом подобные заявления обусловлены тем, что трансформация идентичности трактуется в контексте процессов глобализации, постмодернизации и дестрадиционализации общества. Разрушаются социальные границы, дезорганизируются большие сообщества и структуры. Растет культурная фрагментарность. Кризис идентичности, как национальной, так и наднациональной становится одним из характерных явлений современности. В таких условиях чрезвычайно трудно сказать, какая страна является «более» или «менее» европейской - можно лишь согласиться

мнением британца Д.Рейнольдса, что идея четко выраженной европейской идентичности проблематична.

В то же время культура Европы - уникальный синтез классической греческой *panideia*, римской власти законов и концепции государства, христианской общности и индивидуализма германских наций. Это были базовые принципы, на которых выросли европейские национальные идентичности, и, следовательно, ни одна из них не может рассматриваться в отрыве от других. Несколько интенций разделяются всей Европой: ее религия, ее рациональная философия, ее научное и техническое развитие, ее вкус к революции и социальной справедливости, ее имперские авантюры. Поэтому не национальное государство, а европейское единство именно в этом аксеологическом смысле послужило основанием культуры континента.[8]

Прежде всего, при изучении такого актуального и многогранного вопроса, как проблема формирования идентичности, желательно уточнить то значение, которое вкладывается в этот термин, ибо дословный его перевод не отражает той смысловой гаммы, которой наполняют его различные исследователи. Если согласиться с гипотезой швейцарского исследователя У.Альтерматта о подмене старых терминов новыми и постоянной флюктуации терминологического поля, возникает опасность не только искажения смысла, но и превращения ложной сущности в онтологизированную реальность. Например - то, что еще в 30-х гг. XX века называлось расой, в настоящее время становится родом, суперэтносом или даже цивилизацией; то, что некогда определялось как «дух народа» трансформируется в «культуру»; «жизненное пространство» превращается в «регион».[9]

Понятие идентичности не претерпело существенных изменений, за исключением разночтений предметного содержания термина и ввода различных смысловых аспектов идентичности. В любом случае, все попытки определения идентичности связаны с такой константой, как этнос, народ или нация[10]. Э.Д. Смит предлагает сравнительную характеристику основных подходов к определению нации:

ОРГАНИЗАЦИОНИЗМ	МОДЕРНИЗМ	ПОСТМОДЕРНИЗМ
культурное сообщество	политическое сообщество	культурная фикция
продукт древности	продукт Нового времени	исторические границы не рассматриваются
естественная природа	сконструирована правящими элитами	идеологический мираж
органическое единство	механическое единство	аморфность
внутренняя целостность	стратификация	разноприродные фрагменты
природное качество	политический курс	воображаемая категория
свойство всего народа	изобретение элиты	анализ ограничен индивидуальными случаями
механизм функционирования - преемственность	механизм функционирования - коммуникация	функционирует только на уровне индивидуального сознания

Источник: А.Н. Кольев. *Нация и государство. Теория консервативной реконструкции.* – М.: Логос, 2005.

Французский богослов Э. Ренан в 1882 г. в качестве ключевой идентификационной идеи выдвинул идею общей воли, возникшей из чувства понесенных и предстоящих потерь, прошлой и будущей славы. И.В. Сталин определял прошлое нации в рамках категории историчности, а ее настоящее и будущее – в единстве языка, территории, хозяйственной жизни и психологического душевного склада, проявляющегося в общности культуры.

Смит же определяет идентичность через набор ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций, основанных на символической исторической памяти этноса (вожди, святые, герои, избранные победы и поражения). В итоге, «расовый подбор» не ограничивается антропоцентризмом, но определяет нацию как в контексте конкурентной борьбы за лидерство, так и в рамках формирования элит, заключающих в себе национальный идеал.[11]

В контексте европейской интеграции, ядром которой стал Европейский союз, происходит трансформация прежней идентичности, характерной для национального государства (Etat-Nation). Поскольку западноевропейская цивилизация воспринимается многими исследователями как некая отправная точка опоры, основа исторического развития современного мира, развитие каждого конкретного государства рассматривается только в отношении к Европе. Однако, начиная с эпохи Просвещения, образование, политика и общественное мнение пытались развивать национальное самосознание и подчеркивать важность национального государства, оставляя Европу в виде фона — расплывчатой идеологической абстракции или неопределенного географического понятия. С другой стороны, страны, вступившие в Европейский союз, на протяжении уже длительного периода времени являются европейскими, по крайней мере, с эпохи Средневековья.

Тогда закономерен вопрос, что же такое Европа и насколько возможно построение современной общеевропейской идентичности. С одной стороны, европейская идентичность — объективная метафизическая данность, она выступает как совокупность характеристик, отличающих европейцев от неевропейцев в традициях, культуре, образе жизни и системе мышления. Европейская идентичность лучше видится извне, из не-Европы, как принадлежность к некоей европейской общности. Тем самым европейская идентичность отличается от европейского самосознания как осознания собственной принадлежности к Европе. При этом европейская идентичность не остается неизменной константой. Говоря о современном этапе её трансформации можно сказать, что идёт сложный процесс поисков утраченной идентичности.[12] Это относится ко всей Европе после окончания холодной войны и преодоления её раскола на противостоящие военно-политические блоки.[13] Появление новой формирующейся общности неизбежно сопровождается проблемами её структуры, границ и идентичности.

Параллельно с той метафизической идентичностью, которая существовала объективно, вне зависимости от воли человека, на протяжении столетий мечты о европейском единстве вынашивались политиками и философами. Некоторые из них видели путь к объединению пролегающим через поля сражений и утверждение гегемонии, другие считали его естественным следствием религиозной и культурной близости народов Европы.

При разнице этих подходов они в значительной мере поддерживали друг друга. Первый порождал империи, объединявшие различные народы, - от державы Карла Великого и Священной Римской империи до Французской империи времен Наполеона, режима австрийских Габсбургов и гитлеровского Рейха. Второй укреплял единство веры

европейцев, торговые связи и родство культурных корней - то, что при логическом завершении способно было сделать Европу единой общностью.

В конечном счете, подобное субъективное восприятие европейской идентичности оформилось в виде «идеи единой Европы», основанной в первую очередь на том, насколько сами граждане западноевропейских стран считают себя европейцами. На самом деле, понятия «Европа» и «европеец» не тождественны. Последнее указывает скорее на идентичность или принадлежность группы людей к определенному пространству, как бы ни были определены его границы. В подобной форме она встречается еще у древних греков (фила, полис, Эллада), где родовая идентичность шире гражданской, в отличие от современных европейцев.

Если в Греции панэллизм опирался на единство мифологии с локальными нюансами, то в Риме миф выходит за пределы языковой общины, где мультикультурное пространство объединяется идейно-политическим мифом экспансии *Pax Romana* и римского права[14]. Пока происходило территориальное расширение, мультикультурность не имела особого значения, как и в современном ЕС. Империи были мультикультурными обществами, но в них не формировалось никакой интеграции традиционных культур в маргинальных слоях, и не существовало насильственной унификации жизни покоренных народов. Переход к имперской культурной парадигме (языковое, культурное и религиозное единообразие) стимулировался только карьерными соображениями местных элит. Многонациональные империи (даже Оттоманская) были намного веротерпимей, чем нынешний ЕС[15].

Мультикультурализм Рима не мог продолжаться вечно не только по причине исчерпания возможностей ее пространственного расширения, но и в силу внутренних дезинтеграционных процессов. Псевдомиф богоподобного цезаризма стал ритуалом лояльности, за которым вскоре не осталось реального духовного содержания. Рим никогда не был пространством социального благоденствия и стабильности. Напротив, его история – история беспрерывных гражданских войн, столкновений интересов группировок, мятежей и карательных экспедиций на периферии, восстаний рабов, коррупции, разбоя и пиратства. Межплеменные войны на периферии заменялись объединением племен, сражающихся с Римом, – так в столкновениях с империей на окраинах империи зарождалась неформальная приграничная идентичность. В самой империи формальное единство перед законом уступало место христианскому братству. Мультикультурных синтез и хаос мифов, религий, культов и философских школ влекли за собой всеобщую релятивизацию ценностей и прогрессирующий разрыв интегрирующих основ.

Синтез понятий «Европа» и «европейцы» связан уже с периодом «каролингского возрождения». Термин «европейцы», возможно, впервые появляется в одной из западных христианских хроник (в т.н. «Хронике продолжателей Фредегара»), где описывается битва при Пуатье между мажордомом Меровингов Карлом Мартеллом (Charles Martell) и мусульманскими силами Абд-ур-Рахмана в 732г.[16] Таким образом, термин появился в контексте столкновения с мусульманами, и изначально входил в структуру многоплановой идентичности. Это предопределило профессиональное использование этого слова преимущественно служителями Церкви. Но его применение не ограничивалось географическим понятием. За ним уже ощущалось присутствие некой идентичности всех людей, населявших это пространство. С другой стороны, непосредственно европейская идентичность была тогда достаточно слабовыраженной, чтобы затмить античное достояние или варварское наследие.

Поэтому даже в эпоху правления Каролингов, в IX-X вв. слово «европеец» почти не употреблялось, хотя в рамках «общеευропейской исторической парадигмы» первым объединителем Европы считается франкский король Карл[17]. Якобы он первым осознал необходимость объединения Европы и попытался это сделать двумя доступными способами – крестом и мечом. Его идеалом была Римская империя, управляемая «варварским» королем и «варварским» папой. Благодаря идеологической

привлекательности и умелой политике ему удалось создать гомогенное пространство, приблизительно включающее территорию шести государств-основателей ЕЭС. Однако в данном случае хотелось бы возразить – Карл Великий преследовал совсем иные цели – он не пытался объединить Европу, а скорее стремился воссоздать утраченное величие «вечного Рима». И имперская атрибутика, и политический курс «мечом и крестом» являются не слишком умелой попыткой копирования «варварской империи», не имеющей с Европой ничего общего, кроме географического пространства. Границы франкской (а не европейской) империи остались недолговечными, и *Regnum Francorum*[18] вскоре распалось. Жители Европы воспринимались извне как «латиняне» или «франки». Несмотря на это, Карл Великий возглавляет пантеон творцов единой Европы под именем отца-основателя (*Pater Europae*).

Сходными идеалами руководствовался и другой европейский «строитель» – император Оттон I – создавший Священную Римскую империю[19]. Священная Римская империя попыталась установить имперский универсализм, используя в качестве действенного механизма утверждение и распространение христианской религии. Во всех средневековых государствах был сформирован инвариантный правящий слой – клир осуществлял одинаковый культ, а аристократия практиковала одинаковую систему феодальных прав, правил и обычаев. При этом внутренние и межэтнические границы отсутствовали *de facto*, а внешняя комплиментарность формировала культурную солидарность в противовес византийскому (православному) и исламскому имперским концептам, а также языческому миру. Отличительной чертой являлся личный характер отношений, на основании которых строилась империя. Князья и ландграфы принимали от императора, помазанного папой, право на осуществление власти и несли перед ним ответственность. В то же время император являлся гарантом имперской справедливости и отвечал перед Богом в лице папы.

Отсутствие такого личного принципа противоречит современной практике ЕС по унификации государственных, экономических и социо-культурных стандартов. Это в итоге приводит к отсутствию гибких подходов, особенно перед лицом многоплановых вызовов и угроз. Казалось, Священная Римская империя германской нации представляет собой синтез наднациональной и национальной идеи, формируя имперское ядро. Национальная идея реализуется посредством гражданского (городского) самоуправления и династической лояльностью местному правителю, власть которого более доступна и носит национальный характер. Однако римское право и княжеская власть вытеснили личный принцип в пользу территориального. *Regnum Alemanie* распалось из-за кризиса католицизма, отсутствия имперского ядра и усиления местных элит в противовес имперским. Внутри самой империи наряду с центростремительными началами шло острое противоборство между императором, князьями и папами, что в итоге вылилось в политическую раздробленность Германии и культурный упадок.

В то же время, «готическая эпоха», несмотря на политическую раздробленность, создала духовное единство западной Европы. Это была синкретическая культура, где преобладали интегрирующие силы и стремление к уничтожению региональной раздробленности. В римских походах германских императоров, создании Римской империи, схоластических диспутах того времени обнаруживается решимость к слиянию готическо-христианской культуры с античной. До этого были лишь племена и народности. С угасанием готики уже появляются отдельные образования – национальные государства. Западное чувство общности – это остатки средневекового наследия. Понятие и реальность западной Европы заключаются в готической культуре.

Эпоха Возрождения ознаменовала стагнацию христианских основ европейского единства. Религия становится лишь частью идентичности. На смену приходит светский универсализм, хотя и признающий христианское наследие. Когда взаимосвязь между христианством и единством была разрушена в ходе религиозных войн, термин Европа входит в обиход как наиболее нейтральный для обозначения сообщества[20].

Тем не менее, некоторые мыслители продолжали искать институты «вечного мира». Например, доминиканец Пьер Дюбуа полагал, что самым верным путем к прекращению войн является конфедерация христианских государств. Энгельберт Адмонтский выступал за воссоздание в Европе единой империи во главе с единым монархом, основанной на имперском законе, как во времена Рима.[21] Великий Данте мечтал о создании идеального государства (федерации подчиненных государств), основанного на подчинении людей воле верховного правителя, источником власти которого являлся бы не папа, а Божья воля.

Известный германский гуманист Эразм Роттердамский[22] предложил свой проект объединения Европы, явившийся прямым следствием формирования национального сознания при сохранении панъевропейских настроений. В своей полемике с Ульрихом фон Гуттенем, который настоятельно призывал его к тому, чтобы занять национальную позицию, Эразм охарактеризовал себя как приверженца республики ученых, которая является наднациональной. Однако можно усомниться в том, что такая позиция могла бы стать основой для неэсклюзивной европейской идентичности.[23] По мнению гуманиста, деление по национальному признаку не имеет под собой рациональной основы, и только культурно-образовательный стандарт может служить основным критерием размежевания, сохраняя формальное наднациональное единство. Европа, предстающая в его космополитизме, была Европой небольшой группы образованных *eruditi*, которые пользовались не каким-то народным языком, а говорили и писали на латыни, причем не на какой-нибудь, а на цicerоновской. В его понимании Европы эксплицитно присутствовало отмежевание от массы европейцев - *ineruditi*, а имплицитно оно, конечно, подразумевает отмежевание и от всех тех народов, для которых плоды гуманистического просвещения (еще) не стали доступны. То, что так часто характеризуется как космополитизм Эразма, было в действительности элитарным европеизмом. Естественно, что европейские представления Эразма ограничивались странами, в которых гуманизм нашел широкое распространение, - это были Англия, Франция, Германия и Италия. Культурный империализм, который характерен для понятия Европы у мыслителей Просвещения, в скрытом виде присущ и космополитизму немецкого философа. В силу своего избирательного характера европеизм Эразма едва ли может быть использован для формирования демократически обоснованной европейской идентичности. Однако два тезиса, отмеченных немцем, актуальны при создании механизмов построения идентичности в настоящее время:

1. Европа развивается только в рамках «положительной» исторической парадигмы, а «побочные явления» (ереси, радикальные политические течения и т.д.) имеют неевропейскую природу. «Европейский» означает «прогрессивный», «цивилизованный» и «прекрасный».[24]

2. Понятие Европы всегда являлось крайне аморфным, базируясь одновременно на принципах национального шовинизма и универсализма. С учетом того, что концепт Европы перешел позднее в территориальную плоскость, встала проблема точной дефиниции европейских границ.[25]

«Европейская идея» становится популярной с 1453 г., когда исчезает основной политический противник Запада – Византия. Политическое и культурное противостояние восточной и западной Европы становится неактуальным, тем более что в христианском мире появился мощный внешний консолидирующий фактор в виде «турецкой угрозы». Лоренцо Валла, будущий апостолический секретарь папы Николая V, отклонил понятие «Запад» как слишком неопределенное и писал вместо этого о Европе в своем труде *De falsa credita et emendata Constantini donatione*, в котором он приводит доказательство подложности «Константинова Дара». Вслед за ним термин «европейцы» сознательно начинает использовать Папа Пий II - сиенец, носивший мирское имя Энеа Сильвио Пикколomini (Enea Silvio Piccolomini) и посвятивший Европе небольшой трактат. Папа заложил идейно-исторические предпосылки для нереализованной идеи крестового похода

европейцев против турок, отказавшись от понятия Запада и представив Европу как единое пространство, простирающееся от Испании до Константинополя. Им была предпринята попытка формирования при помощи идеи Европы политической идеологии. Представление об объединившейся перед лицом наступающих с Востока турок Европы должно было служить подчинению общей антиосманской политике иные стратегических интересов отдельных королевств, например – Франции.[26]

Европа как идея объединения оказывается производной от того, что ни при каких обстоятельствах не должно к ней относиться, что исключается из нее.[27] Начиная с падения Константинополя и продвижения турецко-исламского господства, это стало несравненно проще, чем в ситуации противостояния Восточной Римской империи или самому Риму. Тем самым в контексте противостояния военно-политической и культурной угрозе османов значительно возросла широкая популярность понятия Европы.

Проходившая по линии границ Османской империи восточная граница концепта Европы с падением Гранады в 1492 г. логически дополняется западным оформлением. Натолкнувшись на восточную экспансию (в том числе – в духе панъевропейской исторической традиции *ex Oriente lux*[28]), европейцы стали осваивать Новый Свет, в столкновении с которым и было выработано специфическое европейское самосознание. Решающее значение имело относительное культурное и цивилизационное превосходство европейцев над аборигенами, чего не наблюдалось при контактах с исламским миром. Это имело значительные последствия - как для их самоидентификации, так и для выработки позиции по отношению к народам других континентов. Подобное едва ли могло сложиться в контексте культурного контакта с Востоком, первый пик развития которого пришелся на крестовые походы, а затем, после крушения созданных крестоносцами государств, нашел продолжение в оживленных торговых отношениях. Представление о географии спасения, согласно которому рай находится на Востоке, являлось генетически обусловленной европейской традицией и подкреплялось культурным и материальным превосходством средневекового Востока. Поэтому утверждения тезиса о европейском превосходстве началось с колониальной экспансии на Запад и Юг в эпоху Великих географических открытий.

По мнению современного историка Р. Брауна, начала Европы были выкованы на наковальне войны. Поэтому исполнение всех идей по объединению европейских народов обеспечивается посредством силы, либо путем убеждения. Однако выбор в европейском сознании был предопределен исторически. Во-первых, он был обусловлен неопределенностью европейского геополитического пространства, которое некоторое время уравнивалась идеей о культурной, миссионерской, и цивилизационной роли Европы. Составлявшие европейскую идентичность космополитизм, универсализм и европеизм, отождествлялись. С другой стороны, Европа всегда осознавала себя единым целым при наличии внешней угрозы. Распространение культуры и цивилизации предстает при этом чем-то наподобие секуляризированной замены той самой христианской миссии, которая нашла свое выражение в неосхоластическом оправдании завоевания и христианизации Латинской Америки испанцами. Задача Европы состоит теперь в том, чтобы очистить путь для распространения свободы. То, что сопротивление при этом нужно было подавлять, в том числе и с оружием в руках, сомнений не вызывало.[29]

Стабильность современных европейских наций обусловлена христианской нетерпимостью, проявленной европейцами в ходе столкновений с внешним миром – крестовыми походами, насильственной христианизации Восточной Европы и Балтии, реконкистой, подавлением внутренних ересей, геноцида отдельных этносов. Таким образом, после Реформации Европа представляла относительно монокультурное и монотеистическое пространство, несмотря на принцип «*Ejus regio, ejus religio*». В эпоху Просвещения веротерпимость дополнилась новым интегрирующим фактором – системой этнолингвистической унификации. Современные нации образовались из этнографической мозаики, связанные единством языка, религии и абсолютной власти сюзерена. В рамках

«мифа о Европе» объединяются платоновская рационализация мира идей и августиновская – веры, дополненные европейской исторической парадигмой и современным научным потенциалом. «Мифом о Европе» и сейчас остается объединение идеальных государств, спаянных христианской культурой.[30]

Политическая реальность национального мифа является абсолютной объективной данностью. По мнению немецкого ученого К. Хюбнера, «идентификация с нацией не является актом воли или свободного решения – это судьба».[31] Национальное сознание, которое часто недооценивается, на деле представляет собой реальность политики и оказывает значительное влияние на поведенческий стереотип и принятие решений. Все попытки создания многонациональных обществ приводили к краху, так как в условиях «многонациональности» национальная и суперэтническая идентичности противоборствуют, если только они не построены как национально ориентированная государственная пропаганда.

Параллельно с началом оформления национальных государств стала вырисовываться и картина Европы. Становление в Западной Европе сильных национальных государств нейтрализовало имперский универсализм «античного толка», а Реформация придала исключительно светский характер европейской идее.[32] Идея воссоздания Римской империи отходит на второй план – ее заменяет сосуществование государств-наций. Отныне их объединение может проходить только в рамках построения чисто европейской империи. В эту эпоху король-гусит Богемии Йиржи Подебрад (Georges Podiebrad), стремившийся к созданию единого мирного пространства, предложил детальную концепцию создания союза европейских государств, включающего союзное собрание и совет, ротацию мест проведения заседания, удельный вес голосов государств, принципы формирования союзного бюджета и гарантии коллективной безопасности.[33]

Гуго Гроций создает систему международного права, направленную в первую очередь на Европу.[34] Ян Амос Коменский предлагал создать общество, основанное на совершенно новых принципах религии, философии и политики, где базисом выступают всеобщность, простота и добровольность. Гарантом являются избранные выдающиеся личности (элита). Утверждается идея ограничения королевской власти при помощи закона и общественного контроля. Сколько бы ни считали эти идеи утопичными, именно они легли в основу современной европейской интеграции.

Немецкий негодичант Эмерих Крюсе предлагал для разрешения споров создать межгосударственную ассамблею в составе всех ведущих стран. Они должны были помогать друг другу в подавлении восстаний и мятежей. Главную роль в поддержании мира должно играть заинтересованное сословие – купечество, для которого на первый план выходили экономические выгоды. Ключевым интегрирующим фактором должно было выступать существование единой валюты.

Слабой стороной этих проектов была нехватка политической воли и несоответствие общих стандартов реальным национальным интересам европейских государств. Поэтому со времен Реформации перед Европой встала проблема необходимости европейского единства, реальное достижение которого становится возможным только силовым путем.

Суперинтендант Генриха IV, чуть было не объединившего Запад, герцог де Сюлли выступал за военно-политическое объединение Европы под эгидой Франции. Он считал нужным разделить Европу на шесть наследственных монархий, пять выборных монархий и четыре республики. Эти 15 государств (!) должны были гарантировать союз и свободу торговли в Европе. Для управления создается сенат, голоса в котором распределяются пропорционально размеру и мощи государств.

Шарль-Ирине де Сент-Пьер продолжил его идеи, выдвинув тезис о взаимозависимости, основанной на «европейском равновесии». С целью его поддержания предполагалось создать конгресс, арбитраж и суд. К нарушителям системы должно было применяться коллективное принуждение. Британец У. Пенн расширил понятие принципа наднационального государства, обосновав тезис о том, что объединенные институты

общеевропейского союза должны обладать определенными правами в отношении отдельных стран. Для обеспечения коллективной безопасности создается общеевропейское собрание, которое может играть роль верховного арбитра в разрешении межгосударственных споров. Собрание, опирающееся на совокупную мощь членов, может принуждать отдельные государства выполнять коллективные решения. Мыслитель верил в сдерживающий потенциал подобной системы. В остальных областях, кроме поддержания мира, суверенитет наций не должен быть ограничен. Пенн детально разработал механизмы общеевропейской системы, включая источники финансирования, нормы представительства, порядок голосования, места заседаний.

В совершенно ином направлении продвинулся Иоганн Гердер, рассматривая в качестве основы европейской идентичности национальное многообразие Европы. Философ понимал идею Европы как единство многообразного, не связывая ее с централизованно-иерархической или с количественно-механистическими моделями устройства. Таким образом, не унифицированная идея человечества, а множественность и своеобразие различных национальностей, которые сосуществуют рядом друг с другом на равных правах, должны образовать ту связку, которая выделяет Европу на фоне окружающего ее мира. По гердеровской концепции, каждая нация проходит определенный цикл развития, который может не совпадать с динамикой развития других наций, а потому всякие нивелирующие механизмы рассматриваются им как противоестественные.[35]

Рассуждая о национальном многообразии Европы, немецкий мыслитель в первую очередь и с особой силой подчеркивал различие между южными и северными национальными характерами, которых отделяют друг от друга Альпийские горы. Благодаря этому описанию контрастов юга и севера он сумел противостоять характерной для Просвещения тенденции отождествлять с Европой территорию империи Каролингов и приписывать ее окраинам в лучшем случае более низкий статус.[36] Подчеркивая разделение Европы «стеной из скал», Гердер одновременно отошел от возможности определения идентификационного центра и переместил европейскую идентичность в область взаимодействия периферий. Кроме того, философ, включивший славян в свою концепцию Европы, действовал вопреки распространенной склонности ограничивать «настоящую Европу» романо-германскими территориями. Так он, определяя внутреннюю структуру Европы к северу от Альп, сравнивал между собой «германские» и «славянские» народы. Гердер открыл Европу востоку и югу, но тем самым он вновь привел в движение прежде ясно пролежавшие границы.[37]

Идея Европы Гердера была укоренена не только в политике, но одновременно и в культуре, что связывает ее с Гуманизмом. Тем самым она оказывается в явно напряженном противостоянии по отношению к распространившимся с XVIII века геополитическим представлениям о Европе, в которых она определяется через противостояние отчасти находящимся в Европе, но одновременно выступающим как мировые державы «фланговым» державам - Англии и России. Представления о культурно-цивилизационном превосходстве Европы и ее ведущей роли в экономическом развитии всего мира, в значительной мере определивших мышление XVIII и XIX веков, сосуществуют с боязнью угрозы маргинализации, которая представляется как опасность подчинения перифериям.

Важность периферий в лице двух вышеупомянутых великих держав развивает аббат Рейналь в 1770г. в труде «Histoire des deux Indes»[38], где он четко определяет европейское геополитическое пространство. Исключив Англию, Рейналь определяет Европу как континентальное образование, в котором Франция представляет европейский центр, поскольку она, по Рейналю, является главным носителем политической и цивилизаторской миссии Европы в мире.[39] Однако привлечение внешних по отношению к Европе факторов политического влияния имеет последствия и для сохранения и обеспечения свободы. Европа Рейналя превращается в очередной концепт

«Европы-крепости», будучи вынужденной противостоять периферии при помощи Америки.[40]

Особый акцент подобная идея получила в работе аббата де Прадта «*Du Congrès de Vienne*»[41] 1815г. Де Прадт противопоставляет «настоящую» Европу Англии и России - морской и континентальной державам, между которыми находится Европа и против которых она должна обороняться, если не хочет быть уничтожена.[42] Скрепляющими Европу факторами, согласно де Прадту, являются общая культура, сходное общественное устройство, а также общее стремление нейтрализовать значение обеих держав в европейской политике.[43]

К этим геополитическим размышлениям вновь обратился Константин Франц в своем опубликованном в 1859 году труде *Untersuchungen über das europäische Gleichgewicht*. Вновь переместив европейский центр с Запада на Восток, он констатировал разложение классической европейской пентархии вследствие вторжения мировой политики в европейские отношения. Конкретно речь шла о том, что Англия и Россия переросли Европу, а Франция тоже начала строить колониальную империю и все острее направляла свою энергию за пределы Европы, что позволило Франции подняться до уровня мировой державы в буквальном смысле слова. Вместе с США эти три европейские державы образовывали мировую тетрархию. Чтобы ограничить их влияние на Европу и создать возможности для проведения европейской политики, ориентированной на собственные интересы, Франц пропагандировал восстановление средневековой империи, которая, опираясь на германские земли в узком понимании слова, должна была включить в себя Центральную Европу и западную часть Балкан[44].

Обобщив исторический опыт, в 1923 г. Р.Куденхове-Калерги в книге «Пан-Европа» предлагает детализированную систему наднациональных органов управления при сохранении государственного суверенитета. Но данный проект был невозможен из-за противоречий государственных интересов и внутренней напряженности в Европе. Подобное же фиаско потерпел проект А. Бриана по межправительственному политическому объединению Европы. В 1938 г. выходит книга В. Шубарта «Европа и душа Востока», где автор, развивая учение об эонах, выдвигает концепцию духовно-культурного единения Европы через крушение «прометеевской» эпохи с последующей заменой ее на «иоанновскую».[45] Так или иначе панъевропейская идея начинает звучать все отчетливее, а даже предпринимаются первые робкие попытки по ее практической реализации.

Вторая мировая война могла стать возможностью для обретения европейского единства – первоначально под германским правлением[46], затем – под эгидой СССР. При этом необходимость институциональной интеграции Западной Европы становится столь очевидной и неизбежной, что американцы стимулирует этот процесс, контролируя его при помощи «плана Маршалла» в экономической области и созданием НАТО – в военно-политической сфере. Однако это не могло решить проблему европейской идентичности. Как отметил Р.Шуман, «прежде, чем быть военным союзом или экономическим пространством, Европа должна стать культурным сообществом в самом широком смысле этого слова».[47] Последовавшие вслед за этим интеграционные процессы привели скорее к успехам в экономической и политической сфере. Тем не менее, ЕЭС-ЕС был вынужден заняться этим вопросом, так как в последние годы происходит постепенное сращивание идентичности Европы с идентичностью ЕС, выражающееся практическими достижениями интеграционных процессов.

3.Общеввропейская идентичность и деятельность ЕС

Ключевой проблемой общеввропейской идентичности в рамках данного исследования является не вопрос ее наличия или отсутствия, четкости или аморфности идей, различных методологических подходов, а скорее – вопрос применения данной категории в политических целях. Под контролем Евросоюза концепт «Европа»

целенаправленно формируется в виде «эксклюзивного» культурного сообщества, объединенного общими целями, культурой и идентичностью. Несколько абстрактный характер идентификационной доктрины позволяет создавать действенные механизмы влияния на европейское сознание. При помощи политических институтов и культурных механизмов производства смысла, возникших за последние пятьдесят лет, ЕС полностью узурпировал историческую идею Европы, и в настоящее время формирует общеевропейскую идентичность, исходя из собственных представлений и интересов.

Хотя ЕС не является единственной международной организацией[48] на европейском континенте, ряд обстоятельств способствовал утверждению его идейно-культурного доминирования в Европе.

Во-первых, Европа как ментальное пространство находилась в постоянной готовности удержать общего врага – СССР. Эта необходимость признавалась обществом и требовала выплеска в виде институционального воплощения. Ослабление позиций европейских стран на мировой арене лишь усилило импульс к объединению Европы. Как отмечает П. Жербэ, «когда Европа почувствовала угрозу извне, необходимость европейского единения стала очевидной».[49] Поэтому основные сферы жизни в Европе должны по-прежнему определяться в рамках дихотомии *versus* Другие.[50]

Во-вторых, огромное значение в монополизации права ЕС на проведение политики идентичности стало успешное функционирование этой наднациональной организации. Стремительное падение значения Западной Европы в мире, вспомогательная роль во время холодной войны спровоцировали реваншистские настроения, основанные на европейской идее превосходства. Вывод о несовместимости перспектив возрождения Европы и нового военного конфликта на ее территории, предопределил решение политическим проблем с помощью экономических методов. Это получило институциональное оформление в ряде международных организаций – НАТО, ЕОУС, ЕЭС, ЕАСТ, Евратом, ЗЕС, Совет Европы и др. Поскольку наибольшую унифицирующую роль в Западной Европе сыграли процедуры ведения торговли и бизнеса[51], ЕЭС как ведущая европейская экономическая организация, стал разработчиком основополагающих, обязательных и функционально значимых ценностей.

В-третьих, Западная Европа как носитель либеральных норм и стандартов начала переводить их в набор институтов и процедур, которые должны были обеспечить их функционирование и воздействие на создание общеевропейского социума. Это было вызвано той необходимостью, что философских идей, образов культурного творчества и механизмов производства смысла было недостаточно, чтобы послевоенная Западная Европа обрела значительную степень консолидации. Основанная в большей степени на принципах промышленного капитализма, чем на традициях социал-демократии, современная идея «европеизма» определяет общий стандарт, по которому все попытки переместить социальные, моральные, эстетические и идеологические границы представляются ненормальными в общественном понимании.

Наконец, именно в формате ЕС проходит работа западноевропейских стран по созданию визуально нейтральных и бюрократических методов, при помощи которых стандартное поведение и нормы концептуального и образного присвоения опыта все больше переносятся в возрастающий корпус формальных положений и процедурных правил.

Создание Европейского объединения угля и стали в 1951 г., Европейского экономического сообщества в 1957-м, расширения ЕЭС в 1973, 1981 и 1986 гг., Единый Европейский акт 1986 г. - все эти успешно реализованные проекты служили превращению Европы в единый хозяйственный организм, устраняли искусственные барьеры на пути движения товаров, капиталов и рабочей силы, расширяли европейский рынок, делали европейскую экономику более конкурентоспособной. Однако хотя экономическое единство континента и создавало предпосылки к политической интеграции, само по себе оно не формировало ни единой государственности, ни четкой европейской самобытности,

способной отчасти включить в себя, отчасти преодолеть самоидентификацию европейцев с отдельными национальными государствами.[52]

Предложенный правительствами подход к европейской интеграции как к процессу, инициированному и направляемому «сверху», неизбежно оказывался весьма уязвимым в случае утраты политической поддержки. Этот процесс, на всех этапах имевший формальной и не вполне четко выраженной целью построение единой Европы, в понятие которой каждый из его участников вкладывал свой смысл, никогда имел и до сих пор не имеет четкой схемы, которая могла бы рассматриваться в качестве раз и навсегда принятого проекта.[53]

Впервые целенаправленно проблема европейской идентичности в рамках ЕЭС обсуждалась на Копенгагенском саммите в декабре 1973 г. в условиях глобального экономического кризиса. Идея идентичности базировалась на принципе единой позиции девяти государств-членов в отношении остального мира и динамике европейских интеграционных процессов. Ответственность перед остальным миром выражалась иерархически. Во-первых, она означала ответственность перед другими европейскими нациями, с которыми уже осуществлялось сотрудничество. Во-вторых, - перед странами Средиземноморья, Африки и Ближнего Востока. В-третьих, - относительно США при условии равенства шансов и дружественных отношениях.[54] Далее следуют иные развитые страны за пределами Европы – Канада, Япония, Австралия и др. В-пятых, в список с некоторыми оговорками был включен СССР и страны ЦВЕ. В заключение шли Китай, страны Латинской Америки и неразвитые страны Азии и Африки. В 1977 г. был оглашен так и нереализованный доклад МакДугалла, предусматривающий использование чувства европейской идентичности (солидарности) при проведении политики ускоренного индустриального развития[55].

Параллельно с этим развитием событий наблюдается повышенный интерес к европейской идентичности как механизму экономической политики, хотя концепт оставался весьма абстрактным. Европейской идентичности в то время предназначалась иная роль:

1. повысить уровень доверия к ЕЭС и определить место ЕЭС в мировом порядке;
2. обеспечить трехступенчатое устройство Европы (регион – государство – ЕЭС) для более гибкой экономической политики, при этом идентичность выступает в качестве связующего элемента между этими тремя уровнями;
3. усилить общественное сплочение посредством финансовой поддержки КЕС;
4. в противовес эрозии национального суверенитета и идентичности, вызванной интеграционными процессами, способствовать формированию общеевропейской идентичности, выраженному в наличии групп интересов на наднациональном уровне;
5. используя программу целевой помощи критическим регионам, сформировать моральную и финансовую зависимость от ЕЭС.

Такой подход позволял по мере необходимости корректировать и модифицировать как сами непосредственные задачи, так и методы их решения. Его основным преимуществом была возможность для ускорения или замедления интеграционных процессов. Этому способствовал тот факт, что вплоть до Маастрихта каждый этап европейской интеграции мог рассматриваться в качестве относительно самостоятельного. Переход от решения одной задачи к решению другой не был предопределен, а становился результатом осознанного выбора участников в рамках эффекта *spill-over*. Подобное положение, в свою очередь, определяло способность политических элит в полной мере регулировать данный процесс и сохранять свой контроль над ним.

Именно в такой ситуации был подписан Маастрихтский договор, целью которого провозглашалось оформление уже достигнутых результатов европейской интеграции и определение ее новых задач. Параллельно изменение международной обстановки привело к изменению самого формата европейского проекта, приданию ему более ясных форм,

создание своего рода символов, подчеркивающих и ежеминутно подтверждающих идею европейского единства.

Однако это привело к трансформации контролируемого процесса достижения преимущественно экономических целей преимущественно политическими методами в самоподдерживающийся процесс экономических, политических и социально-психологических перемен, подверженный уже не контролю, а незначительным корректировкам. При этом, та специфическая идентичность, проект создания которой разрабатывался европейскими политиками, перестает носить абсолютно искусственный характер и начинает развиваться по естественным законам коллективной идентичности. Считается, что такая коллективная идентичность фундаментально связана с культурой и основана на некоторых или на всех трех гердеровских элементах, которые обычно определяют сущность того или иного народа, а именно, территории, языке и общей истории или традиции. По мнению немецкого исследователя К. Хюбнера, Европейский Союз выполняет роль структурного дополнения, объединяющего европейские нации на наднациональном уровне и тем самым являющегося гарантом сохранения их идентичности.

В настоящий момент из-за кризиса доверия, побочных эффектов интеграции и постепенного снижения темпов роста Европейскому Союзу жизненно необходимо обрести новый источник для собственного развития – внешний или внутренний. Неопределенный статус ЕС (наднациональное государственное образование, конфедерация государств или международная организация) и его попытки отождествления с Европой привели к политике поиска наднациональной идентичности, способной не только гармонизировать последствия расширения, но и придать новый вектор процессу интеграции. ЕС находится в переходном состоянии и обладает неопределенным статусом – он уже вышел за рамки экономической конфедерации[56] и даже голлисткой «Европы наций», но не достиг политического единства Соединенных Штатов Европы. Договор, учреждающий Конституцию для Европы, так и не дает четкого его определения.[57]

К тому же, поиск общеевропейской идентичности жизненно важен для Европы, в настоящее время переживающей трансформацию идентичности. Из-за того, что национальное государство сохранило лидирующие позиции, глобализация и регионализация привели к диффузии[58] его суверенитета. Таким образом, стало очевидно существование иной идентичности, не укладывающейся в социальные или государственные рамки, а существующей на региональном уровне.[59]

Другой причиной, стимулирующей проблему поиска новой идентичности, стало осознание изменения европейской этики. В действие вступили «глобальные стандарты цивилизации», где наблюдаются явные противоречия между этикой, политикой и правом. С одной стороны, ЕС формально отказался от применения войны как способа объединения: «особенность европейской авантюры заключалась в переосмыслении общего будущего на аккумуляции действий и побед, мирных по своей природе, что полностью противоречит предыдущей истории континента».[60] Создание европейского «сообщества мира», таким образом, основывается на прагматическом соображении, которое требует телеологического оправдания. Телос мира как высшая ценность дает *неопровержимый язык необходимости*, который вложен в основы европейского единения.

В то же время, европейская политика нацелена на воссоздание общей исторической памяти и традиционно демонстрирует превратное понятие «цивилизованного» подхода к решению практических задач, руководствуясь тактикой подавления и санкций, даже наличии более гибких механизмов урегулирования вопроса. ЕС стремится не к урегулированию, а трансформации конфликтов на своей территории. Он пытается соблюсти интересы конфликтующих сторон без предоставления суверенитета. Не являясь официальным посредником, Союз внес новый элемент в динамику конфликтов в сопредельных регионах. Предложив перспективу членства в ЕС на определенных

условиях, Брюссель попытался решить проблему национальных меньшинств на основании Пактов стабильности.

Параллельно европейцы признают, что подобная этика мирного урегулирования конфликтов идентичности не может автоматически вести к этике ненасилия. Однако европейский логический концепт об обязательном урегулировании любой проблемы[61] в данном случае ведет к нарушению прав человека и обязательному использованию силы. Поэтому локальные конфликты и ведут к трагедии идентичности, т.к. вызывают легализованную или оправдываемую интервенцию с целью управления или стабилизации.

Наконец, третьим важнейшим механизмом построения идентичности является выбор имперской модели развития ЕС. Европейский Союз можно назвать «империей» лишь технически; также весьма распространенным является его определение как «империи поневоле».[62] Несмотря на недоразвитый внешнеполитический потенциал ЕС, со стороны европейских лидеров все чаще звучат заявления о повышении роли Евросоюза в мире. Союз обладает почти полным арсеналом сверхдержавы, к которому относятся ЭВС, свобода передвижения и общие внутренние права граждан, контроль над иммиграцией и внешними границами, ОВПБ\ЕПБО, политическая структура и система наднациональных органов всех ветвей власти. Имперская модель включает в себя ряд следующих компонентов:

- большая территория;
- высшая государственная власть, принадлежащая народу;
- развитие путем территориальной экспансии;
- формирование замкнутого самодостаточного пространства с ликвидацией внутренних таможенных, политических и иных барьеров;
- реализация «проектов века», огромные расходы на содержание армии, принудительные действия в отношении народов;
- наличие сил притяжения или давления и влияние в отношении периферийных зон;
- имперская интеграция является логическим стремлением к образованию большого пространства, обладающего идеей-силой.[63]

Вышеперечисленные признаки в той или иной степени отвечают текущему состоянию ЕС, за исключением последнего. Отсутствие ключевой идеи ставит перед ЕС проблему выработки политической концепции идентичности, которая могла бы служить не только логическим обоснованием дальнейшей интеграции и закрепления текущих границ, но и обеспечить идеологическую привлекательность.[64] В настоящее время ЕС представляет единственную политическую силу в Европе, способную разработать концепцию общеевропейской идентичности, в том числе – исходя из собственной заинтересованности.

В противном случае, европейская интеграционная модель встретит серьезные препятствия. Во-первых, ЕС может столкнуться с демократическим неприятием своего усиления[65] либо несогласием на вступление в Союз.[66] Во-вторых, ЕС может быть ввергнут в институциональный кризис, проистекающий из-за отсутствия эффективных механизмов принятия, исполнения и контроля политических решений. После расширения ЕС требуется перестройка структуры, о чем свидетельствуют призывы сформировать компактную центральную группу внутри ЕС.

Таким образом, внутренняя интеграция на данном этапе остается приоритетной для Союза, поскольку позволяет аккумулировать внутренние резервы на успешное осуществление имперской модели. Создание идеи-силы, несмотря на свой нематериальный характер, требует конкретных расходов и ведет к ощутимым результатам, способствуя интеграции не меньше экономических реформ или политического сближения. Однако «работа на себя», воспринимаемая ЕС как «второе Просвещение», ведет не только к распространению, но и навязыванию некоторых унифицированных ценностей. Поэтому сложившаяся практика «эффекта зеркала» привела

к функционированию нескольких многомерных моделей идентичности. Для их рассмотрения важно проанализировать несколько компонентов идентификационной доктрины ЕС. При проведении идентитарной политики ЕС исходит из нижеследующих положений.

Во-первых, индивидуумы являются одновременно носителями нескольких идентичностей. Поэтому было бы неверно определять европейскую и национальную идентичности в рамках концепции «нулевой суммы». Приверженность европейской идентичности вовсе не разрушает лояльность к национальному или иному сообществу. Если предположить, что Европа и национальные государства являются «воображаемыми сообществами»[67], то граждане не обязаны делать четкое разграничение между ними. Статистический анализ, основанный на ивент-анализе и экспериментах, показал, что большая часть людей, обладающих сильной национальной идентичностью, также испытывают сильное чувство принадлежности к Европе. Анализ Евробарометра – «страна впереди, но затем Европа» - является доминирующим в большинстве европейских стран, где граждане не воспринимают европейскую идентичность, как противоречащую национальной (59%), в то время как сторонники «эксклюзивной» государственной идентичности составляют всего 38%[68].

Во-вторых, наиболее значимый разрыв мнения существует между теми, кто отождествляет себя сугубо с нацией, и людьми, признающими и государство, и Европу.[69] Чувство национальной принадлежности способствует стремлению к Европе намного больше, чем экономические подсчеты и привилегии. Можно также отметить, что чувство принадлежности сильно различаются в зависимости от страны. Например, самая сильная национальная идентичность наблюдается в «евроскептической» Великобритании, тогда как сильная португальская идентичность направлена скорее на поддержку ЕС, чем на сохранение «множественной» идентичности. В общем, у европейцев существует потребность в некой общеевропейской идентичности, но приоритет остается за национальной. В то же время «свет идентичности»[70] ЕС достаточен для оказания психологической поддержки европейской интеграции.

В-третьих, ЕС – проект, управляемый элитами – подобный другим усилиям по построению государств-наций. Поэтому неудивительно, что европейская идентичность наиболее сильна среди политико-социальных элит.[71] Они являются сторонниками концепции государственности, согласно которой, «воображаемые сообщества» вынуждены вырабатывать символы идентификации. «Воображаемые сообщества» входят в повседневную жизнь, если они четко определили культурные ценности, территориальные границы и общие цели. Но никогда Европа и даже ЕС не имели четко определенных границ. Они представляют собой многомерное пространство, где ЕС перетекает в еврозону, а отдельные страны, не входя в них, в то же время принадлежат к Шенгенской зоне или участвуют в Болонском процессе. Поэтому, применительно данной точки зрения, европейская интеграция становится реальной для экономических, политических и социальных элит, тогда как для обывателя Евросоюз более чужд, чем государство-нация.[72] Например, как основной символ идентификации Европы был определен флаг ЕС (82%).

Практика показывает, что существует три различных модели, по которым Европа и ЕС интегрируются во множественной идентичности как единое сообщество.[73] Прежде всего, это модель «гнезда», или иерархичная. В ней идентичности – локальные, национальные, региональные - дополняют друг друга. Так, принадлежность к Нормандии может составлять часть французской идентичности, а быть французом – значит быть европейцем.

Вторая модель – кросс-культурная. В данном случае члены одной комплиментарной группы выступают по-разному применительно к другой. Наличие у индивида двух сильных идентичностей – например, гендерной и европейской – не означает их непосредственной взаимосвязи.

Третий вариант построения европейской идентичности может быть условно обозначен моделью «слоеного пирога». Эта концепция сочетает иерархичность первой модели с кросс-культурным характером второй. Здесь присутствует даже отрицательная комплиментарность, а взаимозависимость носит хаотичный характер. Хотя концепт недостаточно хорошо проработан, он признается основным в Европе, где идентификация строится по принципу «сначала нация, потом Европа».[74] Например, Франция позиционирует себя в качестве европейской страны с европейским наследством, что формирует сильную идентичность на обоих уровнях. Исследования доказывают, что эффекты эксклюзивной идентичности и поддержка интеграции с учетом национальных особенностей только способствуют утверждению модели «слоеного пирога». Таким образом, этот вариант направлен на создание исторической памяти, политические и культурные измерения которой имеют отношение и к государству, и к Европе. В конечном счете, эта теория не ведет к обобщению европейской идентичности, а предлагает идентификационное разнообразие как разрешение проблемы текущей трансформации идентичности.

Действительно, наднациональные идентификации подразумевают признание необходимости множественных связей. В той мере, в какой разнообразие культур традиционно было ключевым элементом величия Европы, само это разнообразие должно укрепляться и прославляться. Для создания новой европейской идентичности как сложной и гибридной «изобретенной традиции» необходимо признание неизбежно множественных традиций, из которых может быть создан европеизм. Увы, нынешние стратегии ведущихся переговоров об облике и характере европеизма во многом основаны на глубоком недоверии к частным и национальным идентификациям. Это недоверие, возможно, рационально понятно, но оно неприемлемо в условиях глобализации, где европеизм является лишь одной из частных идентичностей. Поэтому невозможно создать никакой общей почвы для всеми разделяемой европейской идентичности, если избегать локальных, частных маркеров. Если умышленно не брать в расчет значимость культурных привычек и ценностей различных национальностей Европы, то европеизм окажется пустым, симулятивным и бессодержательным. Ни призыв Европейской комиссии, ни универсальный характер наднациональных институтов Европы не обладают способностью воодушевлять граждан, поскольку они слишком пусты как факторы общественной мобилизации и слишком бесплотны, чтобы вдохновлять непосредственную привязанность.

4.Европейские технологии конструирования идентичности: мультикультурализм и политика «субверсивной европеизации»

Политическое будущее ЕС особенно зависит от того, насколько ему удастся создать реальное чувство принадлежности к общему пространству ценностей, которые будут выше краткосрочных эгоистических интересов или интересов отдельных государств. Новая европейская идентичность, способная легитимизировать Евросоюз, может быть создана только путем серьезных перемен в области культуры. По мнению комиссара КЕС Г.Паскариу, «объединенная Европа не может поддерживаться лишь элитой или малыми группками энтузиастов. Ей нужна мощная поддержка граждан, основанная на чувстве принадлежности к общеевропейской идентичности. Это единственный путь, на котором могут быть найдены общие цели, а противоположные интересы придут к согласию».[75]

Европа предстает перед остальным миром как нечто целое в своем уникальном качестве создателя завоевавших общемировое признание новых ценностей и смыслов и, тем самым, получает дополнительные стимулы к внутреннему единству.

Несмотря на существование метафизической общеевропейской идентичности, ЕС формирует собственную модель идентичности, более осязаемую визуально и отвечающую идее политической унификации Евросоюза. Брюссель отталкивается от двух взаимосвязанных процессов – мультикультурализма и эксцентричного характера

европейской цивилизации, вызывающего стремление к субверсивной экспансии.[76] Если мультикультурализм обеспечивает в основном процесс построения «внутренней» самоидентификации, то европеизация служит для выявления внешней комплиментарности и обеспечения стабильного развития.

Официально общеевропейский мультикультурализм[77] закреплен в статье I-8 Договора, учреждающего Конституцию для Европы, где воспроизводится известная масонская формула «Ex Pluribus Unum».[78]

Несмотря на то, что многие исследователи принимают как бесспорный факт заявления чиновников КЕС о характерном для Европы многообразии в силу географических и исторических факторов, это является не совсем точным. Тот мультикультурализм, который многими имеется в виду, основан на ярко выраженном национальном факторе. Скорее всего, наиболее емко значение европейского многообразия в этом смысле представляет гердерское понятие «плюрализма наций». Оно исключает окончательные решения, включает конфликты, но является гибким и открытым, а также способно осуществлять связь будущего Европы с ее прошлым. В данном случае ключевым аспектом является историческое развитие различных народов Европы, выраженное в понятиях прогресса и регресса. С этой позиции сознание панъевропейской нации определяется сознанием наций-компонентов. При этом любая национальная идентичность не вступает в противоречие с общеевропейской. Идеи европеизма и нации образуют диалектическую связь на основании отрицания внутренней комплиментарности.[79] Соответственно Европа заканчивается там, где завершается многообразие.

Тем не менее, ЕС придерживается иного взгляда относительно мультикультурализма. Дилемма, перед которой находится ЕС, состоит в поддержании формального неравенства при провозглашении курса поддержки программы равенства. Европейский союз исходит из принципа, что как только фактор количества и размера отдельных европейских наций начинает доминировать как критерий участия в построении общих культурных и ментальных рамок, сознание культурного разнообразия теряется.[80]

По этой причине в идентификационном плане культурное многообразие Европейского союза направлено на построение многослойной, а именно – двойственной модели идентичности. По возможности исключается национальный уровень, а акцент переносится на формирование линий прямых связей регионов с институтами Европейского Союза. С этим связано и оживление, и новый всплеск региональных движений в ряде стран Европы (например, в Италии). Тем самым, ЕС препятствует трансформации национального суверенитета, где его диффузия сменяется эрозией. По сути, разрушение многонациональной Европы жизненно необходимо Союзу для беспрепятственного проведения собственной идентификационной политики. Это обусловлено тем, что общественное мнение руководствуется преимущественно национально-государственными идеями, а культура, оставшаяся национальной, не может быть обобщена на наднациональной основе.

Другим фактором является факт, что ЕС изначально создавался не как сообщество ценностей или памяти, а как экономическая структура. Соответственно то, что препятствует экономическому росту - государственные границы, понятия морали, культурные традиции, специфические каждодневные ритуалы, умонастроения – рассматривается как негативные проявления анахронизма. Являясь международной организацией и обеспечивая интересы европейских ТНК, он заинтересован в своем естественном развитии в виде политического закрепления результатов интеграции. По мнению Ю. Хабермаса, Маастрихтским «недостает той цементирующей символической власти, которую может предоставить лишь акт политического основания».[81]

Действительно, Европейские Сообщества были созданы политической волей правительств (элит) и бюрократизированы на наднациональной основе вне собственного культурного и политического наследия. Поэтому легитимизирован не инструментами

демократической практики (волеизъявление народа), а межправительственными договорами.[82] Как следствие - общеевропейское государство представляет угрозу для всех государств Европы, так как ЕС становится «демократическим» инструментом изживания европейских наций[83] и формирования пирамиды государственной бюрократии, лоббирующей интересы ТНК.

То, что КЕС взяла за основу понятие «мультикультурализма» при общем наднациональном курсе политики идентичности, приводит к тому, что она не может обеспечить достаточное количество транснациональных идей, которые могли бы играть интегрирующую роль и в то же время не зависеть исключительно от рыночных законов или финансовых операций. Вынужденный проводить культурную политику на базе общих этнических корней, политических мифов и исторической памяти, ЕС параллельно опирается на антагонистическую политику сплочения, основанную на политической культуре прав человека, правовом государстве, либеральной экономической модели и демократии.

С одной стороны, конфликт идентичностей неизбежен оттого, что экономика ЕС функционирует транснационально, органы управления – наднационально, а политика осуществляется в национально-государственных интересах. С другой - Европейский союз не может определиться с формой и содержанием «общих ментальных рамок», в которые бы мог быть трансформирован богатый опыт европейского национального плюрализма. При попытке найти общественную опору объединению (в рамках т.н. «интеграции снизу») последовали кризис доверия и многочисленные общественные дебаты. Отсутствие широкой политической общественности и неприятие политики идентичности, проводимой ЕС, приводят к отсутствию общеевропейского дискурса, что исключает возможность выработки общей системы ценностей и общности.[84]

Проблема усиливается тем, что мультикультурализм является одним из основных последствий истощения ассимиляционного потенциала Европы. В силу того, что Европа — многокультурный, многонациональный и многоконфессиональный континент, содержащий этнические меньшинства и маргинальные группы, потенциал конфликта превышает потенциал общих ценностей. Ранее культурно однородные сообщества не в силах растворить инородный культурный элемент, и это инокультурное включение обособляется относительно национальной и материнской культур, влечет за собой утрату культурной однородности и ломку национальных культурных традиций. Прежде маргинальные группы объединяются посредством современных средств коммуникаций и усиливаются этнической интеллигенцией, разрабатывающих концепция возврата «колониального долга». Отдельными группами в маргинальные потоки влились течения феминисток, сексуальные меньшинства, расисты и этнические группировки, требующие признания и уважения. Из-за политики ЕС, направленной на подрыв национальной культурной гегемонии, КЕС вынуждена финансировать мультикультурные программы, национальные квоты в учебных заведениях, бороться со всеми формами расизма и дискриминации – в том числе с иллюзорными. Толерантность, спровоцировавшая мультикультурализм[85], трансформируется в безразличие, поощряемую пассивность и отсутствие активного интереса к чужому опыту. Все эти вызовы прикрыты дебатами интеллектуалов о европейском единстве на фоне слабовыраженной и расплывчатой европейской идеи, что может привести к эскалации внутренних конфликтов[86] или к снижению потенциала для внутреннего и внешнего развития Европы.

Хотя принцип мультикультурализма предполагает сохранение политической и культурной раздробленности, ЕС утверждает, что проводит политику направленную на укрепление европейского единства. В итоге, тот проект, который предлагает ЕС, напротив, напрямую ведет к образованию т.н. «новосредневековой Европы».[87] Неслучайно Якоб Буркхардт охарактеризовал Европу как *discordia concors*[88], где склонность к преодолению *discordia* отняла бы у Европы ее идентичность.

Что же касается политики «субверсивной европеизации», она основана на том, что исторически важнейшей чертой европейской идентичности выступала открытость другим элементам, чужому миру. Со структурной точки зрения, ЕС начинает выстраивать свою идентификационную политику по модели «паутины» (модели концентрического круга). Это предполагает систему, при которой центр стремится упростить и выстроить систему отношений с соседями, группируя их в соответствии с их географической/политической удаленностью или близостью к центру, с элементами многосторонности и стандартизации для каждой группы. Другие модели организации, которые ранее предлагались ЕС – векторная, матричная, многовероятностная («кубик-рубик») – по тем или иным причинам неприемлемы для Союза, поскольку препятствуют его институциональному развитию.[89] По замыслу КЕС, модель «паутина» будет охватывать как внутренние, так и внешние европейские группировки, например, такие основные группы внутри ЕС, как евро- и Шенгенскую зоны, и такие, как ЕЕА, средиземноморская группа, балканская, страны Содружества Независимых Государств, не входящие в ЕС. Сюда же относится более широкий круг участников Совета Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.[90]

Но эти схемы не годятся при наличии более чем одного мощного внешнего центра воздействия. В такой ситуации, когда каждый из этих центров имеет свою систему политического воздействия, требуется модель, «кубик-рубик». Это комплексная загадка, которую можно решить, но если системы политического воздействия действуют разрозненно или противоречат друг другу, решение, скорее всего, будет трудно найти. По мнению французского историка Р. Брага, идентичность Европы эксцентрична, то есть постоянно включает в себя новые элементы из своих периферийных областей, а также соседних культур, не имея постоянного европейского центра.[91] Сохранение этой открытости продолжается оставаться постоянным фактором общеевропейского развития, и необходимым условием формирования общеевропейской идентичности - иначе ЕС перестанет быть «Европой». Образы Европы и Другого только дополняют и усиливают друг друга.

Возникает вопрос, в какой форме иные культуры определяются европейской. Для разрешения подобных противоречий требуется культурная политика, отвечающая современной международной конъюнктуре. ЕС выступает одним из лучших создателей инструментария в области построения смыслов, образов и культурных моделей.

При реализации «есовской» культурной политики существует ряд вызовов при ее практическом осуществлении, проистекающих из двух парадоксальных факторов:

- вторичного характера европейской культуры (т.н. «романства» Р.Брага);
- европеизма, отраженного в антропоцентризме европейцев.

«Вторичность» европеизма проявляется в рамках эксцентричности и агрессивной направленности европейской культуры. Ни культурный фундамент, ни вера, на которых строилась Европа, не были созданы самими европейцами. Они позаимствовали их у римлян, которые переняли культуру от греков, а веру - от иудеев. Греко-эллинистическая культура и иудео-христианская религия сформировали Европу, но и та и другая были созданы при посредничестве Рима, для которого они всегда оставались усвоенным чужим. Поэтому чувство интеллектуальной вторичности всегда сохранялось у римлян и у наследовавших их традиции европейцев. В свете этого можно рассматривать склонность к экспансии и подавлению «варварских» народов как попытку вытеснить знание об этой вторичности и следующих из нее комплексов неполноценности. Стимулом культурно-цивилизационного превосходства европейцев выступает как раз их стремление к адаптации и усвоению. По мнению Р.Брага, для Европы опасно прекратить соотносить себя с превосходящим ее Другим ради того, чтобы в своей самобытности рассматривать только саму себя в качестве образца.

В итоге, европейский антропоцентризм парадоксально выражен в рамках европейского космополитизма, так называемой толерантности. В силу того, что все

народы Европы, несмотря на национальные, этнические, лингвистические и иные различия, представляет синтез более мелких этнических и социальных групп, связанных друг с другом диалектическими отношениями и узами общей истории, создающих некий запас для общих культурных ценностей[92], экспансивный характер европеизма наиболее полно отвечает интересам ЕС.

В этом контексте ряд исследователей, как Э. Хобсбаум, не воспринимает европеизацию всерьез, называя европеизм «изобретенной традицией», вдобавок не обладающей культурной привлекательностью. По мнению евроскептиков, ЕС не удалось выстроить удовлетворительную серию образов, ценностей и идеалов. Европеизм как упорядоченная система стремлений, ценностей, образов, позиций, убеждений и понятий, которые, будучи успешно связанными воедино, служат источником индивидуальных устремлений и придают смысл коллективному поведению, отсутствует.

Тем не менее, европеизм все больше укрепляется в европейском сознании. Даже если бы он не вносил структурные и социальные изменения в жизнь Европы, он все равно обладал символическим значением.[93] При столкновении преемственности устоявшихся механизмов культурно-социальной жизни с одной стороны и динамики изменений в виде европеизма – с другой, ЕС стремится подчеркнуть обременительность исходных организационных механизмов, обычаев и привычек. При этом структура преемственности новых традиций, представлений и деятельности может сама по себе превратиться в символическое представление и стать легитимным основанием для сохранения новой традиции и идентичности.[94] Она принимается через ссылку на ее присутствие в прошлом. Таким образом, традиция утверждается через межвременную преемственность представлений, которая означает передачу наследия и его восприятие. Иными словами, продолжая мысль Б. Паскаля, главное для возникновения веры - это внешняя форма, то есть форма молитвы, которую надо повторять изо дня в день, и тогда религиозное чувство возникнет автоматически. Например, принятие огромного корпуса *acquis communautaire*[95] и его интеграция в индивидуальное национальное законодательство воспринимается, как правило, как формальная и техническая обязанность и в меньшей степени как центральный политический механизм переустройства фундаментальных взаимоотношений не только между государством и гражданским обществом, но и между государством и существующими культурными, этническими и историческими идентификациями.[96]

Принцип европеизма закрепляется в институте членства в Европейском союзе, которое позиционируется в качестве исключительной привилегии для европейских стран. Таким образом, присоединение новых стран (в том числе – неевропейских) к ЕС автоматически означает признание их европейской идентичности. Поскольку никакая привилегия не может выжить без практической универсализации, европейцы оперируют понятием «мирового сообщества», «гуманитарных ценностей» и «общечеловеческой культуры» на основании критерия принадлежности к западноевропейской культуре. Следует учесть, что в слово «цивилизация» европейцы вкладывают ту культуру, которая была выработана романо-германскими народами Европы и усвоена некоторыми другими народами. В партнерских отношениях с другими странами ЕС исходит из того, что независимые политические общности, стремящиеся к включению в число членов международного сообщества, должны отвечать определенным цивилизационным стандартам. Исходя из европейской перспективы, утвердилось деление стран на «цивилизированные», «получивилизованные», «варварские» и «дикие», которое неофициально продолжает сохраняться до сих пор. Степень соответствия данным стандартам облегчает глобальную экспансию европеизма в текущий момент.

В критерии принадлежности к цивилизации включаются следующие компоненты:

1. Цивилизованное государство гарантирует основные права, т.е. право на жизнь, достоинство и собственность; свободу перемещения торговли и вероисповедания, особенно для иностранцев.

2. В цивилизованном государстве существует организованная политическая бюрократия, ответственная за функционирование государства и самозащиту.
3. Цивилизованное государство признает общепринятые нормы и принципы международного права, включая право войны. Оно также поддерживает внутреннюю систему судопроизводства, кодексов и писаных законов, гарантирующих правовую справедливость для всех субъектов, входящих в сферу его юрисдикции, включая иностранцев.
4. Цивилизованное государство придерживается норм международных отношений через поддержание адекватных и постоянных каналов дипломатического обмена и коммуникаций.
5. Цивилизованное государство отвечает нормам и практике цивилизованного поведения, принятого в «международном сообществе». Иные нормы считаются неприемлемыми.

Последний фактор вообще носит субъективный характер и отвечает интуитивной потребности ЕС гарантировать принятие европейской культурной модели. Политические деятели Евросоюза активно используют «цивилизационные» критерии как поводы для вмешательства при ущемлении прав Европы.[97] Таким образом, в понятии «цивилизованность» сочетаются экономические (статус страны с рыночной экономикой), политические и правовые аспекты, выраженные или «подразумеваемые» объективные и субъективные подходы. Зачастую эти подходы диктуются «инстинктивными» реакциями европейцев, позиционирующих себя как хозяев положения, и не подлежат формальной фиксации.

Закрепление единого стандарта как универсально приемлемого означало принятие европоцентризма. Подобная дискриминация подвигла другие супер-этноты на выработку собственных, «варварских», моделей, не обязательно враждебных европейской, но воспринимаемой Европой как угроза, выраженная в ослаблении универсальных критериев цивилизованности.[98]

В ходе переговоров с Россией в мае 2005 г. Европейский союз предложил свою концепцию культурной политики в рамках «дорожных карт» по четырем пространствам. На основании анализа «Дорожной карты по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты» можно прийти к выводу, что культурно активная Европа стремится заменить «военизированную» Европу. Актуальная политика ЕС преследует следующие цели:

- продвижение структурированного подхода к культурному сотрудничеству между расширенным Европейским союзом и другими странами;
- содействие творчеству и мобильности деятелей культуры;
- повышение доступности культуры для населения;
- распространение искусства и культуры, межкультурного диалога;
- углубление знания истории и культурного наследия народов Европы;
- укрепление и усиление европейской идентичности на основе общих ценностей, включая свободу выражения, демократическое функционирование СМИ, соблюдение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам;
- продвижение культурного и языкового многообразия как основы жизнеспособности гражданского общества в Европе без разделительных линий;
- развитие сотрудничества между сферами культуры ЕС и других стран в целях увеличения их культурного и экономического значения.[99]

Для реализации этих целей Европейский союз предполагает использовать:

- 1) разработку программы сотрудничества в рамках соответствующего института по внешним связям ЕС, включающей:

– продвижение художественных и культурных проектов европейского измерения (фестивали, мастер-классы, выставки, новые произведения искусства, экскурсии, переводы, конференции);

– продвижение кратко-, средне- и долгосрочного сотрудничества между музеями в целях укрепления культурных связей, сохранения и изучения общего наследия Европы;

– продвижение культурных связей между художественными университетами и институтами для создания новых культурных ресурсов;

– подготовку профессиональных кадров в аудиовизуальной области, продвижение и распространение кинематографических произведений и аудиовизуальных программ и оказание поддержки проведению фестивалей фильмов;

2) содействие сближению с Европейскими стандартами вещания. Не говоря о военном аспекте этого вопроса, можно заметить, что единые стандарты телекоммуникаций приведут к доминированию ЕС как в информационной политике, так и в сфере построения смыслов и образов. Существует угроза поглощения основных европейских конкурентов европейскими телекоммуникационными гигантами с целью создания благоприятного информационного окружения, распространения европейских ценностей и защиты европейских интересов.

3) использование в качестве платформы для переговоров другие международные организации, такие как ЮНЕСКО, Совет Европы, ОБСЕ. На их основе ЕС стремится к защите своих интересов и продвижению своей культурной дипломатии, включающей также:

- проведение консультаций и развитие сотрудничества на уровне крупнейших европейских ТНК;
- переговорный процесс по международным договорам, конвенциям и протоколам, отвечающим европейским ценностям – например, Конвенции о защите разнообразия культурного содержания и форм художественного выражения ЮНЕСКО или Киотскому протоколу.

Замаскировав общенаучной терминологией реальное этнографическое содержание понятий «общечеловеческая цивилизация», «плюрализм», «мировое сообщество» и т.д., ЕС делает их приемлемыми для представителей других этнических групп. Передавая предметы своей материальной культуры универсального назначения (вооружения, механизмы, ноу-хау), европейцы преподносят и закамуфлированные идеи («мировой прогресс», «глобальное развитие»). Линейная эволюционная схема ставит европейскую цивилизацию на первое место. Превосходство силы (исконно европейский лозунг *Uae victis*[100]) облекается в форму «борьбы за существование», «приспособления к окружающей среде», «конкуренции», «демократии».

Параллельно с активной позицией по продвижению собственной культурной модели, европейцы также устанавливают собственную систему оценки, что в дальнейшем может привести к конфликту культурных систем в момент достижения определенных результатов. С точки зрения неевропейских государств поддерживать европейские культурные устремления означало полную беззащитность перед Европой в военном отношении, а принять европейские нормы даже во имя самозащиты означало уничтожение собственной цивилизации. Гармоничное сосуществование культур невозможно в силу различия цивилизационных перспектив и циклов развития.

Кроме того, полноценное равенство невозможно, исходя из традиционно европейского стремления к прогрессу. Гибкие стандарты цивилизации отодвигают это равноправие. Как обнаружила Япония, даже достижение статуса «цивилизованного общества» недостаточно, ибо «цивилизованные» постоянно становились все более цивилизованными[101].

С точки зрения Р. Брага, гарантия будущего для Европы состоит не в поиске автохтонной идентичности, даже создаваемой при помощи культурологического инструментария, например, в виде стилизации классической античности[102] в качестве

европейского мифа об основании, - а в осознанном согласии на третье «романство». «Европа, - отмечает он, - которая хочет существовать только для себя, которая ищет свою идентичность только в осознании своего своеобразия, больше не заслуживает будущего. Культурная миссия, которая ждет Европу, может заключаться только в том, чтобы вновь стать «римской» в описанном смысле слова. Европа должна осознать как свою ценность, так и свою ущербность. Свою ценность в отношении внутреннего и внешнего «варварства», которое она должна держать под контролем; но и свою недостаточность по отношению к тому, посланником и слугой чего она только и является»[103].

При европеизации наиболее существенные особенности вносит европоцентризм. Европейец считает высшим, что тождественно с ним, а иное – низшим. В области культуры он признает ценным лишь то, что составляет или может составлять элемент его собственной культуры; все остальное либо не имеет ценности, либо оценивается по степени близости и сходства с элементами его собственной культуры. Европеизированный народ заражается этой чертой европейской психики и оценивает себя, свой народ и культуру с точки зрения европейца. Поэтому межкультурный диалог с Европой неизбежно приводит к закреплению европейской культурной модели. Однако для полной ассимиляции нужны культурный багаж, традиции, наследственность, что допускается лишь теоретически.

Происходит полное приобщение к культуре ЕС и ее усвоение, после которого культура развивается параллельно у донора и акцептора, которые составляют единое культурное целое. Жизнь и развитие каждой культуры состоит из непрерывного возникновения новых культурных ценностей[104]. Возникновение новой культурной ценности можно назвать открытием (Г.Тард – *invention*), которое представляет комбинацию культурных ценностей и их элементов, но неделимо и несет отпечаток личности творца.

Открытие распространяется путем подражания (*imitation*) в самом широком смысле – от воспроизведения или использования этой ценности для удовлетворения материальных или духовных потребностей до симпатического подражания – подчинения норме, усвоение правила, признания авторитета. В процессе подражания возможно столкновение ценностей (*duel logique*), в результате которого одна ценность вытесняется другой. Только преодолев все препятствия и распространившись на социальное целое, данное открытие становится элементом культуры. То есть, культура представляет собой систему получивших признание открытий настоящего и предыдущих поколений. Если резюмировать, сущность развития культуры сводится к открытию и распространению (*propagation*) с дополнением «борьбы за признание»[105].

Полное приобщение к культуре, созданной другим народом возможно лишь в случае антропологического смешения с этим народом. В этом случае для Других европейская культура становится в некоторой степени своей, как и родная. Однако, независимо от выбора, Другой становится маргиналом, ибо он уже отличается по наследственности и от жителей Европы и от автохтонного населения своего сообщества.

В данном случае его культура народа А определяется по формуле:

$$A = ax + by/n(n-1), \text{ [формула 1]}$$

если культура В (ЕС) = by , а n – количество стран-членов ЕС.

Культура В однородна, но культура А включает больше культурных ценностей, а значит – сумму потенциальных открытий. Но эта сумма не равна числу осуществляемых (признанных) открытий. Большинство из них погибает во время «борьбы за признание» со старыми и европейскими ценностями, а также конкурируя с новыми открытиями. Если А ведет поиск оптимального пути развития в разных направлениях, неся издержки по согласованию разнородных культур (отметая лишнее и выискивая общие элементы и ценности), то развитие народа В продвигается естественным путем.[106] Кроме того, открытия бывают 4 типов: $a+a$, $a+b$, $b+a$, $b+b$. Первый тип лишен ценности с европейской точки зрения. Второй и третий рассматриваются как извращение или трансформация

европейской культуры. Наконец, четвертый отражает вкус, традиции, предрасположенность и наследственность европейцев, а так как европеизированный народ имеет иную наследственность, то даже не все открытия этого типа будут признаны европейцами лишь в рамках «борьбы за признание» с исконно европейскими. Европейцы признают их непроеизводительными и нецелесообразными. Поскольку народ А заимствует у европейцев и их систему оценки культуры [107], то он сам будет вынужден отказаться от этого.

Вследствие этих причин реальная творческая эффективность европеизированного народа будет невысокой. Напротив, природные европейцы создадут больше ценностей, и они войдут в культурный запас Европы, приобретя тем самым неоспоримый авторитет, а народу А придется принять и их. Таким образом, культурный импорт будет превышать культурный экспорт, а со временем этот разрыв будет только увеличиваться, что повысит степень зависимости культуры А от Европы.

Перевес импорта над экспортом культурных ценностей и отличие психологической наследственности А от В создают для А тяжелые условия по усвоению и распространению открытий В. Природные европейцы усваивают только *b*, которые носят отпечаток европейской психологии, передаваемой наследственностью и традицией. Они могут отторгнуть другое. Народ А вынужден руководствоваться психологией В, даже если это противоречит его национальному сознанию. Это негативно сказывается на усвоении открытий В и затормаживает собственный культурный потенциал.

Другим последствием является уничтожение национального единства и расчленение европеизированного народа. При заимствовании усиливается разрыв между поколениями, социальными, профессиональными и имущественными группами, так как их усиливает различие культур. Это ослабляет внутренний потенциал народа, что с европейской точки зрения делает его малопродуктивным и «отсталым». Поскольку это смешанная культура, европейцы (и А) будут рассматривать ее как нижестоящую. Группа А, оценивая себя по европейским критериям и сравнивая с динамикой исконных европейцев, приходит к осознанию их превосходства над собой и осознанию собственной косности, медлительности и отсталости. Народ постепенно перестает уважать себя. Он начинает рассматривать собственную историю с точки зрения европейской культуры. Все, что ей противоречит, преподносится показателем отсталости. Отсчет прогресса ведется от поворота к Европе, а отклонение от европейских норм считается реакцией. Постепенно народ начинает презирать свою прежнюю идентичность и любые ее проявления. Если добавить к этому ослабление социальных связей вследствие отсутствия единой идеи. Это сказывается в дальнейшем в экономической и политической сферах.

Для того чтобы оградить себя от экономических и политических посягательств Европы, европеизированному народу приходится сохранять военный паритет, хотя он в силу вышеуказанных причин отстает и вынужден прибегать к заимствованиям. Отставание начинает носить спорадический характер и ликвидируется спорадическими прыжками, нарушающими естественный цикл исторического развития, сопровождающимися «застоем» для закрепления и усвоения результатов. Скачущая эволюция хотя и дает временную иллюзию достижения «общеевропейского уровня цивилизации», ведет к растрате национального потенциала.

Все это происходит только из процесса европеизации, ее степень не играет значительной роли. Даже при достижении максимальной уровня европеизации у А, задержавшегося в развитии вследствие освоения новых ценностей, культурного нивелирования и искоренения остатков национальной культуры, окажутся не искорененные предрасположенности национальной психики, передаваемые на уровне генотипа, что все равно ставит его в неравные условия. Тот факт, что с момента начала европеизации народ А вступает в полосу культурного обмена и общения с европейцами, делает его «отсталость» закономерно роковой. [108]

В итоге, существует ряд проблем общеевропейского концепта идентичности. Прежде всего, идея европейского единства базируется на политических идеалах Римской империи, античной культуры и западно-христианской этике. Однако происходит постепенное переосмысление этих начал, вызванное политикой мультикультурализма.

Во-вторых, внутренняя самоидентификация Европы наталкивается на определенные трудности, так как ее геополитические границы до сих пор четко не определены. Однако можно сделать вывод, что в качестве «пограничных» государств выступают Великобритания, Турция и Россия.

Кроме того, во внешней идентификации в настоящее время Европа ассоциируется с ЕС, чему эта организация немало поспособствовала, проводя активную культурную политику. Как в свое время ЕЭС «позаимствовал» основной свой символ – флаг – у Совета Европы, так теперь ЕС участвует в построении новой общеевропейской идентичности, исходя, прежде всего, из собственных интересов. Идентификационная политика ЕС характеризуется двумя основными факторами – мультикультурализмом и эксцентричностью (внешней направленностью).

В то же время политика культурного многообразия, дополняющая политику сплочения, направлена на нейтрализацию роли национальных государств, которые рассматриваются как анахронизм, представляющий угрозу европейскому миру. Формируются прямые линии политических отношений «ЕС-регион», которые Евросоюз использует в качестве рычага давления на страны и механизма эрозии суверенитета, тем более, что государства зачастую сами вынуждены финансировать подобные программы. Идентичность, построенная в рамках культурного многообразия, исключает существование сильной национальной идентичности, что вызывает кризис идентичности в современной Европе.

Эксцентричность европейской цивилизации заключается в том, что даже в ходе интеграционных процессов Европа не имеет единого центра. Этому способствует ежегодная акция ЕС «город европейской культуры». Считается, что агрессивная эксцентричность является определяющим фактором европейской цивилизации, ибо определяет способность к ассимиляции новых элементов. Однако, поскольку мультикультурализм проистекает из неспособности к дальнейшей ассимиляции, эксцентричность проявилась в расширении ЕС на восток.

Европейская культура на протяжении веков была вторична, так как базировалась на римской, в свою очередь заимствованной у эллинистического и иудео-христианского миров. В эпоху Великих географических открытий и колонизации Европе удалось силой оружия укрепить свою культурную модель. Но ощущение вторичности при этом вылилось в европоцентризм, замаскированный терминами «общечеловеческая цивилизация», «гуманитарные ценности» и «международное сообщество». Внешняя привлекательность европейских идей и процветание Европы обеспечили культурную привлекательность Старого Света, сопровождавшуюся политикой европеизации в духе «цивилизаторской миссии белого человека». В ходе процесса европеизации европейцы также устанавливали собственную оценку, что вело к конфликту культурных систем.

Наконец, кризис идентичности проистекает только из процесса европеизации, ее степень при этом не играет значительной роли. Тот факт, что с момента начала европеизации другой народ вступает в полосу культурного обмена и общения с европейцами, делает его «отсталость» роковой. Ибо даже при достижении максимальной уровня европеизации, «адепт» задерживается в развитии вследствие освоения новых ценностей, культурного нивелирования и искоренения остатков национальной культуры, и не может искоренить предрасположенности национальной психики, передаваемые на уровне генотипа, что ставит его в неравные условия. Поэтому единственной реакцией на процесс европеизации является выработка собственных цивилизационных моделей, не обязательно враждебных европейской, но воспринимаемой Европой как угроза, выраженная в ослаблении универсальных критериев цивилизованности.

5. Влияние европейской валюты на трансформацию мировой валютно-финансовой системы

Введение наличного евро в корне изменило расстановку сил в международной валютно-финансовой системе, если учесть, что важнейшей чертой евро – механизма внешней и внутренней консолидации ЕС – является отношение к Соединенным Штатам и долларовой системе в частности. Ф. Миттеран заявлял: «Франция еще не знает, что мы воюем с Америкой. Да, да, идет постоянная война, война экономическая, не на жизнь, а на смерть». Его преемник Ж. Ширак в ходе выступлений неоднократно напоминал французам, что евро поможет бороться против гегемонии США. Аналогично считает американский аналитик У. Пфафф, который называет введение евро «вызовом ЕС», итогом функционирования которого станет открытое столкновение между ЕС и США. Хотя известные экономисты М. Фельдштейн и М. Фридман даже не исключают возможность военного столкновения из-за евро, по его мнению, конфронтация будет иметь экономический характер, но последствия подобного противостояния непредсказуемы.[109]

Основная проблема заключается в том, что евро подрывает американскую гегемонию в мировой валютно-финансовой системе в виде равноценной альтернативы. Таким образом, новая валютно-финансовая составляющая Европы будет способствовать дальнейшему оформлению ЕС как одного из векторов силы в современных международных отношениях.

Долгое время США были абсолютным монополистом по страхованию валютных рисков. Несмотря на значительный диспаритет между экономическим потенциалом США и ролью его валюты в международных экономических отношениях, мировая система обеспечивает грандиозный кредит американскому государству и обществу. Призывая остальные страны к жесткой финансовой политике, американцы, напротив, проводят сверхмягкую. Например, бывший секретарь казначейства США Р.Рубин считал, что приоритетным для Европы должен стать процесс уменьшения государственного долга и ликвидации бюджетного дефицита. Однако при схожих обстоятельствах США проводит диаметрально противоположную политику, направленную на государственное регулирование экономического роста и занятости.

По утверждению С. Роуча, ведущего аналитика крупнейшей инвестиционной компании Morgan Stanley Dean Witter, современный доллар является «мыльным пузырем»[110], порожденным нынешней американской экономикой после распада СЭВ, ОВД и СССР. Если в 1998г. темпы роста долларовой массы за пределами США составляли 8 трлн. долларов при ежегодном прогнозируемом росте 9%, то уже в 2000г. в мире насчитывалось почти 15 трлн. ничем не обеспеченных долларов.[111] В таких условиях инфляция сдерживается только благодаря экспорту валютных потоков. Возникшая альтернатива в виде евро может привести к значительному росту инфляции в США и девальвации доллара. Поэтому любое закономерное ущемление долларовой экспансии или угроза позициям американской валюты в мире рассматривается как попытка ограничения экономического суверенитета США, представляющая угрозу национальной безопасности. Поэтому в условиях современной мировой финансово-политической системы «долларовая дипломатия» США выступает в качестве одного из определяющих факторов американского мирового лидерства и идентичности Pax Americana[112].

Таким образом, США всегда были заинтересованы в стабилизации мировой валютно-финансовой системы посредством введения «корзины валют», потенциально не представляющей угрозы американскому доминированию и находящейся под контролем США. Однако в начале 1990-х гг. китайский юань не поддавался контролю и имел ограниченный ареал обращения, а японская йена была слишком слабой. Тогда американцы проявили интерес к европейскому проекту введения единой валюты. Он не

рассматривался аналитиками Соединенных Штатов как самостоятельный, тем более что пространство ЦВЕ и СНГ были включены в долларовую зону. Более того, американцы были уверены, что смогут прервать проект, как только он вступит в угрожающую для них фазу.[113]

Одним из основоположников введения евро выступил американец Р. Манделл, выдвинувший теорию «оптимальной валютной зоны». Помимо прочего, эта концепция была призвана ограничить территориальную сферу применения евро пределами Западной Европы. Корреляции в духе «теории рефлексивности» (взаимосвязи и взаимозависимости региональных финансовых рынков на мировом уровне в условиях глобального кризиса), предусмотренные для сдерживания евро, были обозначены термином «асимметричные шоки». Таким образом, США рассматривали евро лишь в качестве вспомогательной валюты, обеспечивающей наряду с йеной стабильность долларовой системы. Оптимальным считался клиринговый статус евро на уровне безналичных ЭКЮ и СДР. В противном случае, ставка делалась на низкий курс европейской валюты (на уровне 0.8 доллара за евро) и невысокую степень доверия к нему среди европейцев[114]. Европейская валюта должна была рассматриваться исключительно в экономическом ракурсе, вне культурно-символьного и политического контекста общеевропейской валюты.

Для сохранения долларовой мировой финансовой системы американцы применили кардинально новый инструментарий валютно-финансового регулирования. Отличительной особенностью используемых методов был их политический, информационный и силовой характер, а сферой применения – экономика стран Евросоюза. Ведущий геополитик, один из самых осведомленных военных теоретиков Франции Ив Лакост считает, что «США объявили экономическую войну Европе». Он упрекает европейские правительства в том, что у них нет «культуры разведки», что они бессильны противостоять нарастающему американскому шпионажу и дезинформации Интернета. Именно эту проблему он называет основной для европейской экономики ближайших десятилетий.

До появления евро американцы могли регулировать мировую валютно-финансовую систему с помощью экономической составляющей стратегии «кризисного управления». Спровоцированная ими серия циклических кризисов 1997-1998гг. в странах с чрезмерно долларизированной экономикой вызвала потребность в больших запасах американской валюты для стабилизации национальных финансовых систем[115]. Кроме того, процентные ставки вследствие кризиса были более волативными, чем при стабильном развитии, и обеспечили массовый отток инвестиций из ЕС в американскую экономику[116].

Мексиканский и российский кризисы 1997-1998гг. позволили ликвидировать переизбыток долларовой массы и девальвировать стабилизирующиеся национальные валютные системы. Кризису предшествовала финансовая политика этих стран по диверсификации золотовалютных резервов в сторону валютной корзины, снижающей последствия долларизации экономики. Например, в тот момент только в России находилось в обороте до 40% наличной долларовой массы.[117] В странах АСЕАН ситуация сложилась по-иному, так как они входили в сферу экономических интересов Китая. После ревальвации курса тайландского бата и гонконгского доллара, начался стихийный обвал финансового рынка стран АСЕАН, в котором премьер-министр Малайзии обвинил группу международных спекулянтов во главе с Дж.Соросом. Хотя экономика АСЕАН значительно пострадала, они обладали значительными золотовалютными запасами (до 250 млрд. долларов), которые позволили нейтрализовать кризис при спаде курса акций на 10,9%. Более того, задействовав «план защиты гонконгского доллара», КНР перенес основную тяжесть спекулятивного удара на биржи Нью-Йорка и Лондона. Последним отголоском стал финансовый кризис в Аргентине 2000г. После того как парламент этой страны сначала настаивал на жесткой привязке боливаров к доллару (1:1), а через год перешел к политике валютной стабильности на

основе корзины евро-доллар, последовало резкое сокращение американских инвестиций, что вынудило аргентинские власти вернуться к долларовой системе. Цикл подобных кризисов породил страх перед «асимметричными шоками» и стимулировал процессы валютной интеграции во всех частях света как ответную реакцию на новые угрозы экономическому развитию.

По завершении вышеназванной стратегии, в мае 2000г. председатель экономического комитета Сената США К.Мак внес на рассмотрение Конгресса проект Акта о международной валютной стабильности (International Monetary Stability Act)[118]. Сенатор предложил решение проблемы мировых валютно-финансовых кризисов за счет официального замещения национальных валют долларом США.[119] Автор проекта настаивал, что юридически закрепленная долларизация в качестве обязательной для участников мировой торговли:

- будет выступать стимулом развития в беднейших и развивающихся странах, исключая возникновение валютных кризисов;
- стабилизирует мировую валютно-финансовую систему за счет минимизации валютных рисков;
- исключит потребность в функционировании международных финансовых институтов, упрощая МВФС.

Отдельно указывалось, что в отличие от ЭВС долларизация не требует исполнения жестких предварительных условий, а базируется лишь на политической готовности стран-кандидатов использовать доллар США в качестве своей валюты. К.Мак ссылаясь на удачные примеры практики введения американской валюты в Панаме, Эквадоре, Восточном Тиморе, Микронезии, Палау и на Маршалловых островах. Параллельно, сенатор расценивал идею финансового суверенитета как «реликт правления абсолютных монархов средних веков, который не имеет ничего общего с современными идеями свободы и принципами рыночной экономики»[120].

Естественно, что подобный проект был обречен на фиаско, так как США предложили заключить валютный союз на собственных условиях со странами, чей экономический уровень, банковский и финансовый потенциалы сильно отличаются от американских стандартов. Более того, в условиях «единого валютного пространства» США не несут никакой ответственности за стабильностью финансов третьих стран и закрывают им доступ к ФРС, как «кредитору последней инстанции» и монопольному эмитенту денежной массы. В итоге, подобный проект преследовал своей целью создание хрупкой системы взаимозависимости, основанной на развивающихся странах и государствах с переходной экономикой. Обязательства этих стран по единому долларовому пространству могли бы удержать их от региональной валютно-финансовой интеграции, либо от постепенного вовлечения в использование евро.

Успех технического оформления еврозоны вынудил США форсировать события. Непосредственно в пределах Европы был создан очаг постоянной нестабильности на территории СФРЮ. Использование ситуации «гуманитарной катастрофы» не только позволяло дискредитировать ЕС и его новую валюту, но даже оставляло место для военно-политического вмешательства с целью корректировки ситуации. Эскалация косовского конфликта произошла сразу после введения европейской валюты. Экономическая составляющая заключалась в том, что военные действия на территории Югославии привели к стимуляции экономического роста в США за счет военных заказов. Вовлечение в силовое разрешение конфликта европейских стран – Великобритании, Франции и Германии – вызвало переориентацию мировых финансовых инвестиций из «нестабильной» Европы в пользу США, несмотря на то, что там наблюдались нестабильная экономическая ситуация и низкие темпы роста. Югославский конфликт 1999-2000гг. привел к спаду темпов роста европейской экономики, в особенности германской, которая исторически тесно связана с этим регионом[121]. Это объясняется тем, что, военные действия сопровождались экономическими и информационными

атаками на европейский рынок. В результате, военные затраты стран еврозоны превысили 300 млн. евро только за март-апрель 1999г., а курс евро валюты с 1.18 доллара за евро упал до 0.81, причем динамика падения с абсолютной точностью отражает динамику развития конфликта на Балканах[122]. После «урегулирования» балканского кризиса последовало вторжение в Македонию, параллельно с этим осложнилась ситуация на Ближнем Востоке. В обоих случаях американцы настаивали на силовом разрешении конфликта с обязательным участием стран еврозоны. Однако ЕС стал осознавать экономические и политические последствия подобных шагов. После вторжения в Афганистан европейцы резюмировали этот прием американского валютно-финансового регулирования в известном выражении: «США бомбят, ООН восстанавливает, ЕС платит»[123].

Очередной попыткой американцев восстановить status-quo стало использование прикрытия антитеррористической кампании[124]. 12 сентября 2001г. было проведено совещание между ФРС, ЕЦБ и Банком Японии, где была достигнута договоренность об интервенциях в поддержку доллара и установлении курсового «коридора» евро/доллар в размере $\pm 25\%$. В 2001г. родственники жертв теракта подали иски о компенсации в адрес банка «Аль Раджи», арабских организаций, благотворительных фондов и даже дома Саудитов, потребовав по 1,4 млрд. долларов за каждого погибшего американца. Абсолютная правовая неприемлемость подобных требований вызвала отток 200 млрд. долларов и их переориентацию на рынок евро. Всего за период с сентября 2001 по февраль 2006г. несмотря на значительные финансовые потери в европейские банки перешло около 80% исламских вкладов из банков США. В настоящее время страны Аравийского полуострова приняли решение о формировании арабского финансового центра в Дубае, где и будут размещаться основные финансовые средства исламского мира. Существует весьма устойчивая тенденция, что большая их часть будет номинирована в евро[125].

В итоге, 2002 год, названный «годом евро», на практике оказался годом борьбы с мировым терроризмом. Психологический, политический и символический эффект от введения наличного евро был ретуширован вторжением Соединенных Штатов в страны «террористической угрозы» - Афганистан и Ирак. Помимо геополитической и экономической подоплеки вторжение имело дополнительные валютно-финансовые аспекты. Во-первых, в 2000 г. С. Хуссейн заявил о намерении впредь осуществлять операции только в евро. Ирак, являясь членом ОПЕК, по политическим мотивам переиндексировал всю выручку от продажи нефти в банке BNP-PARIBAS, создав опасный прецедент для других членов организации стран-экспортеров нефти[126]. Во-вторых, Афганистан, не считая колоссальных неразработанных нефтяных запасов, выступает основной нарко-сырьевой базой в мире. Основной поток опиумного сырья идет в Европу, а значит намного удобнее осуществлять расчет в евро, в том числе – в техническом плане. Поэтому отток долларов из афганской наркоторговли приводит к росту инфляции и девальвации американской валюты.

Политика пассивного участия европейских стран в антитеррористической кампании, напротив, сделала неконфронтационной переходную стадию хождения евро и способствовала оформлению евро как символа политической идентичности, трансформировавшему мировую валютно-финансовую систему.

Успешный переход к наличному евро означал крах американской «евростратегии» по стабилизации долларовой системы. Отсутствие директора нью-йоркской биржи на торжественной презентации евро в Нью-Йорке в январе 2002г., равно как игнорирование этого события американской прессой косвенно об этом свидетельствуют. Но евро все равно не воспринимался даже в качестве одной из резервных валют. Присутствовавший на презентации авторитетный эксперт МВФ Ф.Эстапа заявил: «В тот день, когда нефтяные сделки будут заключаться в евро, я поверю в него»[127].

9 марта 2006г. на выступлении перед Европарламентом председатель КЕС Ж.-М. Баррозу подтвердил необходимость формирования единой энергетической политики ЕС.

Реиндексация сделок по энергоносителям в евро является одним из ее ключевых приоритетов. По мнению главы Департамента рынков ОПЕК Хавада Ярхави, замена доллара на евро при проведении расчетов в нефтяной отрасли – вопрос ближайшего будущего. Нефтедоллары во многом определяют мировой статус американской валюты. Однако в условиях, когда ОПЕК заявляет о готовности вести расчеты с ЕС в евро, к ней присоединяются Венесуэла[128] и отчасти Россия[129], положение доллара стало угрожающим. Вкупе с политической непопулярностью США, вышеперечисленные факторы привели к тому, что, начиная с 2003г., наблюдается закономерное падение доллара относительно евро, и только валютные интервенции отдельных стран и рыночные спекуляции препятствуют долларовому кризису. Как отмечал экс-президент «Дойче-Банка» Н.Вальтер, «курс евро определяет не Европейский центральный банк, а биржа Нью-Йорка».

Появление евро в качестве полноценного игрока в МВФС стало возможно при активной поддержке мирового сообщества. Особую активность в данном вопросе проявили страны юго-восточной Азии. В 2001г. на саммите АSEM, глава японского ЦБ К.Миядзава призывал к отказу от *ipso facto* однополярной МВФС. Однако последовательную политику по вытеснению доллара из Азии начал Китай – основоположник политики многополярности в международных отношениях.

На данный момент Китай является единственной страной, эффективно использующей евроэффект для корректировки своих отношений с Новым Светом. Оставаясь одновременно крупнейшим торговым партнером, кредитором для США и конкурентом в сфере привлечения инвестиций, КНР обладает одним из самых мощных в мире экономических потенциалов[130]. Китай не только стал инициатором перевода валютной выручки и резервов в евро, но и поставил аналогичную задачу многим странам АТР, в особенности тем, где экономику контролирует хуацяо (китайская диаспора). Начиная с 2000г. 45% экспортной выручки КНР переводит в евро. В настоящее время доля евро в валютных резервах пекинских властей достигает 40%. Нестабильность американской экономики в последнем квартале 2002г. на фоне устойчивых ставок в еврозоне вызвала массовый отток европейских инвестиций из США. Кризисное состояние американской финансовой статистики, проявившееся в скандальных делах ТНК Яху и Энрон, повлекло за собой очередную фазу информационно-психологической борьбы между долларом и евро[131]. Несмотря на заявления о политике «сильного доллара» и о конкурентных преимуществах, которые извлекут американские предприятия от унификации европейских валютных стандартов, компании Соединенных Штатов оказались неконкурентоспособны[132]. Вышеперечисленные факторы привели к тому, что доверие инвесторов к США и к американской валюте было подорвано. КНР приняла западных инвесторов, что было негативно воспринято американскими финансовыми кругами[133].

Китай стал первой страной, испытавшей на практике в качестве средства давления на США отказ от американской валюты. После консультации с китайскими финансовыми кругами, используя кризис в американо-корейских отношениях по ядерной программе, Ким Чен Ир пошел на отмену долларовой системы. 23 ноября 2002г. в ответ на американский запрет о поставке нефти в Северную Корею, Пхеньян объявил запрет долларов США на территории страны. По сообщению китайского агентства «Циньхуа», американская валюта была полностью изъята из оборота, а средства на банковских счетах автоматически конвертированы в евро. Государственный Торговый банк КНДР после активной агитации в пользу европейской валюты ввел бессрочный запрет долларового обращения с 01 декабря 2002 г. Более того, Пхеньян рекомендовал всем дипломатическим миссиям и международным представительствам воздержаться от долларовых расчетов на корейской территории. Безусловно, в силу ограниченных валютных запасов Кореи и жесткого валютного контроля корейских властей, данный шаг не имел значительных

экономических последствий для КНР. Но на уровне МВФС был создан прецедент отказа целой страны от рабочей валюты по политическим мотивам.

Избранная китайскими лидерами стратегия непрямых действий по дестабилизации долларовой системы побудила США к поиску компромисса с Пекином. На саммите министров финансов G-7(8) в Довилле (17-18 марта 2003) министр финансов США Дж.Сноу отказался от политики сильного доллара, возложив дальнейшую ответственность за его падение на ЕС и Китай. В ответ французский министр Ф.Мер парировал, что евро и так уже достиг оптимального курса, а европейская экономика тоже начинает нести урон из-за падения доллара. Один только концерн Volkswagen понес убытки на 447 млн. долларов[134]. В июне 2003г., после военной фазы иракской кампании, США попытались снизить значительные военные расходы за счет очередного ослабления своей валюты, но чрезмерное ослабление доллара вызвало протест 83 крупнейших американских ТНК, которые начали нести убытки.

В результате во время саммита в Дубае 21 сентября 2003г. валютный вопрос стал ключевым для обсуждения. Хотя США и не были экономически готовы к его разрешению – бюджетный дефицит превышал 500 млн. долларов, низкие процентные ставки препятствовали зарубежным инвестициям, положение Дж.Буша было шатким из-за новых президентских выборов – в поддержку укрепления доллара выступил ряд экспертов МБРР и бывший председатель МВФ Х.Келлер[135]. Американцам удалось убедить европейские страны поддержать свои интересы, мотивируя то тем, что сильный евро невыгоден экономике ЕС, а экономический рост в США будет способствовать снижению дефицита спроса и повышению политической стабильности. В итоге была принята рекомендательная резолюция против юаня, призывающая КНР проводить политику «честного курса» - т.е. ревальвировать китайскую валюту. Китай игнорировал эту резолюцию, сославшись на принцип невмешательства во внутренние дела государства. В это же время министр финансов Японии С.Танигаки заявил, что его страна разделяет позицию Пекина и продолжает государственное регулирование йены, что привело к стабилизации этой валюты относительно доллара США. В этих условиях попытки ФРС играть на понижение становились бесполезными.

После дубайского саммита G-7(8) состоялся ряд секретных переговоров между главой Народного банка Китая Д.Сянлоном и министром финансов США Дж. Сноу по вопросу о статусе «женьминьби» (официальное название китайской валюты)[136]. В 1994г. в рамках «стратегии понижения» КНР девальвировала свою валюту до стоимости 8,28 юаня за доллар[137]. Одновременно привязав юань к доллару, правительство сделало экспорт на 40% дешевле, что привело к снижению уровня жизни населения. Подобная практика привела к:

- ежегодному возрастанию отрицательного торгового сальдо США в отношении с Китаем на фоне растущего дефицита американского бюджета;
- значительному увеличению американской внешней задолженности, в том числе - крупнейшему владельцу ценных бумаг США – Китаю;
- невозможности внешнего регулирования курса китайской валюты с помощью рыночных и политических механизмов;
- устойчивому росту валютных резервов США (Китай по их запасам занимает второе место в мире после Японии) с их вкладом в американские ценные бумаги;
- массовому оттоку инвестиций из США и ЕС в пользу КНР, которая получает уникальную возможность не только выступать в роли акцептора инвестиций, но и регулировать мировые инвестиционные потоки;
- валютно-финансовым интеграционным процессам в странах Юго-Восточной Азии с центром в Китае.

На требования США повысить курс юаня на 40% или сделать его плавающим КНР заняла жесткую, «китайскую», позицию. Встречное предложение США предоставить КНР

место в составе «большой восьмерки» взамен России было квалифицировано Пекином как противоречащее китайской политике дружественных отношений с РФ. Официальная позиция китайской стороны заключалась в том, что «требования США повысить курс юаня отражают попытки отдельных политиков оказать давление на Китай и набрать дешевую популярность, но не имеют ничего общего с реальными проблемами Нового Света»[138].

Правительство США попыталось проводить политику дальнейшего ослабления доллара, чтобы вызвать панику и стабилизировать ситуацию. Но контролируемое «падение» доллара под руководством Дж. Сороса не принесло ожидаемых результатов[139]. Поэтому Вашингтон вернулся к политике давления на КНР, принимая в конгрессе антикитайские резолюции[140].

Китайская валютная политика относительно юаня строится на основе внешнеэкономических интересов, платежного баланса и других сопутствующих факторов, а не положительного либо отрицательного сальдо той или иной страны. Кроме того, по заявлению заместителя директора Народного банка КНР В. Бенхуа, ревальвация юаня против доллара будет иметь слабый экономический эффект для сокращения дефицита торгового баланса США[141].

Устойчивый рост отрицательного торгового баланса в марте 2005г. вынудил правительство США пригрозить санкциями на импорт китайских товаров, если Пекин не изменит политику в течение полугода[142]. На саммите G-7(8) в Вашингтоне в мае 2005г., несмотря на позицию американцев, было решено оказывать на КНР излишнего давления, тем более что по условиям своего членства в ВТО Пекин будет вынужден сделать свою валюту свободно конвертируемой до 2008г. Помимо этого, девальвации требует и экономическая конъюнктура, так как при высоких годовых темпах роста на уровне 9,5% китайская экономика становится «перегретой» и нуждается в стабилизации.

Девальвация, помимо финансового механизма, является также инструментом политического давления. Проведенная в одной стране, она вынуждает идти на тот же шаг ее основных конкурентов, чтобы сохранить конкурентоспособность[143].

Ревальвация женьминьби по американскому сценарию будет означать возникновение ситуации «управляемого кризиса», который может вызвать асимметричные шоки, распространившиеся по всему АТР. Произойдет сокращение южнокорейского и японского экспорта в КНР. Финансовый кризис не только спровоцирует рост безработицы и социальной напряженности, но и приведет к потере Китаем роли медиатора мировых инвестиций. Наибольшую выгоду в данном случае получают страны АСЕАН, являющиеся торговыми и инвестиционными конкурентами КНР, и США, получающие рычаги влияния на вторую по величине экономику мира.

Лишь в июле 2005г. Пекин изменил жесткий курс юаня относительно доллара, но это было вызвано неблагоприятной на тот момент экономической конъюнктурой. Несмотря на это, периодически звучат антипекинские заявления К. Райс и Дж. Сноу с требованием провести очередную ревальвацию.

В настоящее время китайская валюта продолжает оставаться самой жестко регулируемой в мире, несмотря на общее подорожание на 2,5%. Согласно стратегической программе КНР на среднесрочную перспективу к 2050г. Китай планирует завершить создание валютной зоны на основе «золотого» юаня. Именно в таком контексте и должна восприниматься китайская политика по либерализации своей валюты. Она проходит в рамках «коридора» плавающего курса в пределах 2-10%[144]. В долгосрочной перспективе это также способствует стратегии КНР, ибо означает рост инвестиционной привлекательности азиатских рынков.

Американская политика по стабилизации долларовой системы является непродуманной и непоследовательной, что, очевидно, объясняется конфликтом элит. Например, после отставки в начале 2006г. с поста директора ФРС, А. Гринспэн уже заявил о намерении в 2012г. баллотироваться в президенты вне партийной системы США. О том,

что США уже не управляют долларом, свидетельствуют не только попытки других стран регулировать валютную систему, но и фактическое устранение американцев от управления долларовой системой. С марта 2006г. параллельно с массовым выпуском обновленных купюр ФРС перестает публиковать данные о состоянии денежной массы, что означает бесконтрольную эмиссию. В то же время Соединенные Штаты отвергают возможность выработки коллективной стратегии по поддержанию американской валюты, понимая, что другие участники мирового рынка заинтересованы в поддержании равновесия. Как заявил экс-директор ФРС А.Гринспен, «для нас доллар – валюта, для вас – проблема». Поэтому, начиная с февраля 2005г., Япония, Южная Корея, Китай и ЕС предпринимают односторонние интервенции в поддержку доллара. Несмотря на это в марте 2006г. Соединенные Штаты исчерпали законодательный лимит государственного долга в 8,18 трлн. долларов[145]. Заимствования из Фонда стабилизации валютного рынка и Пенсионного фонда госслужащих в размере 80 млрд. долларов не могут исправить ситуации[146]. А значит, министр финансов опять обратится к конгрессу с просьбой о просьбой увеличить кредит до 9 трлн.[147]

Ввиду неспособности США самостоятельно сохранять дальнейшее лидерство в МВФСВ и самостоятельно осуществлять собственное валютно-финансовое регулирование и контроль, ЕЦБ разрабатывает стратегию, направленную на замещение европейской валютой американского доллара с целью повышения роли ЕС в мире и оздоровления МВФС. Это представляется весьма проблематичным, так как и европейские, и американские компании имеют в распоряжении финансовые средства и инструменты, чтобы обрушить экономику конкурента. Стремясь избежать открытой экономической конфронтации, ЕС исходит из политики *step by step*. Она будет осуществляться по следующим направлениям:

- расширение еврозоны за счет включения в нее новых членов ЕС и не входящих в Евросоюз государств, успешно реализовавших механизм ЕВС-2;
- постепенное вытеснение доллара из банковских и государственных резервов стран еврозоны;
- вытеснение доллара из международных расчетов субъектов экономики стран ЕС и внутри еврозоны;
- вытеснение доллара из банковских и государственных резервов стран, являющихся ключевыми европейскими партнерами;
- использование евро в качестве валюты платежа при заключении международных и внешнеэкономических сделок со странами, не входящими в еврозону, в том числе – в энергетической сфере;
- замещение доллара на евро при наличных расчетах и в частных сбережениях граждан.

Можно сделать вывод, что реализация данной стратегии осуществляется одновременно по нескольким направлениям из-за эффекта *spill-over*. Благодаря колониальному прошлому и мощному экономическому потенциалу европейские страны имеют очень развитые внешнеэкономические связи. Интенсификация политической и экономической активности ЕС привела к значительному расширению *ipso facto* ареала обращения новой европейской валюты.

Можно выделить несколько основных моделей распространения евро:

1. заключение отдельных межправительственных соглашений об использовании евро в качестве государственной валюты, заменяющей отмененные европейские валюты. По данному пути пошли малые государства Европы – Андорра[148], Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино, Ватикан[149]. Кроме того, евро действует на территории «заморских» департаментов Франции – Мартинике, Реуньёне, Гваделупе и Французской Гвиане[150].

2. создание валютных микро-зон на основании запроса национальных властей и соответствующего регламента Совета ЕС. Подобный механизм был использован в отношении Черногории и Косовской автономии, где до введения евро денежной единицей была дойчмарка. В марте 2002г. после многосторонних консультаций с КЕС и ЕЦБ в эти страны было отправлено два грузовых самолета с евро, после чего был произведен технический замен одной валюты на другую. КЕС допускает заключение аналогичного соглашения с Боснией и Герцеговиной.
3. переход на евро стран зоны «колониальных» валют в рамках решения Совета ЕС[151]. Несмотря на то, что там по-прежнему действует франк (эскудо), он теперь жестко привязан к евро, и европейская валюта активно используется в следующих валютных зонах:
 - СФР (зона тихоокеанского франка) – французская Полинезия, Новая Каледония, Уэльские и Футуновы острова[152];
 - СФА (зона африканского франка)[153] – Западно-африканский экономический и валютный союз (Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея-Биссау, Кот д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того) и Центральноафриканский экономический и валютный союз (Камерун, Центральноафриканская республика, Чад, Конго, Экваториальная Гвинея, Габон)[154];
 - зона коморского франка – Коморские острова;
 - Кабо-Верде – португальский эскудо был заменен на евро[155].
4. участие в обменном механизме ЕВС-2. Данная процедура длится минимум два года и является обязательной подготовкой перед введением евро. Доступна только для стран-членов ЕС. Других технических требований для запуска ЕВС-2 не выдвигается. В настоящее время в ЕВС-2 участвуют Дания, Швеция, Литва, Словения, Латвия, Эстония, Польша, Кипр, Чехия, Словакия, Венгрия, Мальта.
5. использование евро в качестве рабочей валюты в странах, граничащих с еврозоной. В частности, по различным экспертным оценкам европейская валюта составляет 70-100% внешнеторговой валюты в таких странах, как Сербия, Болгария, Македония; 60% - в Турции, Ливане, Румынии, Хорватии, Тунисе, Марокко, Иордании, Израиле, Ливии.
6. повышение доли евро в бивалютных корзинах золотовалютных запасов ведущих стран мира – России, Японии, КНР, Бразилии, Индии.
7. односторонний переход на евро в международных расчетах как механизм политического давления на США. Как уже отмечалось выше, по такому пути пошла Северная Корея, в ноябре 2005г. к ней присоединилась Сирия, а 19 марта 2006г. «генеральную репетицию» провел Иран. Иранские власти сначала объявили об этом шаге, а затем, отметив мировую реакцию, опровергли собственные же слова.

Особо хотелось отметить возрастающее влияние европейцев в архитектуре современной валютно-финансовой системы. Если до распада СССР институты вроде МВФ, ГАТТ, МБРР и даже ЕЭС, служили для использования стратегии не прямых действий в «холодной» войне против Советского Союза, его союзников или просто третьих стран, то теперь американское влияние в институциональных механизмах регулирования международных финансовых отношений существенно ослабело. Неслучайно проект сенатора К.Мака предусматривал упразднение некоторых из этих институтов. При изменении структуры[156] биполярной системы экономическая и политическая значимость прежних глобальных институтов утратила свою привлекательность в глазах американцев. Это обусловлено следующими факторами:

- несоизмеримость масштаба обязательств с полезным эффектом от использования деятельности этих институтов;
- значительное повышение роли европейских стран, после оформления ЕВС все чаще выступающих с единой позицией[157];

- неспособность США осуществлять глобальное лидерство вследствие антиамериканских настроений мирового сообщества и постепенной утратой мощи;
- проводимый Европой эволюционный подход к реформированию МВФС на основе уже сложившейся международной системы с добавлением в общую структуру новых правил, форумов[158] и институтов.

6. Новые и традиционные технологии валютного регулирования: финансово-экономические и политические аспекты введения евро

При исследовании того значения, которое евро оказывает на валютно-финансовое регулирование, прежде всего, следует исходить из экономических и политических предпосылок введения единой валюты. Однако не следует сводить исключительно к ним современное состояние проекта евро.

Европейские Сообщества вынашивали проект создания собственной валютной единицы с момента золотовалютного кризиса Бреттон-Вудской системы в 1971г. Это желание проистекало из стремления обеспечения экономической безопасности ЕЭС в условиях глобального кризиса. Однако по мере нормализации экономической ситуации планы по введению европейской валюты стали носить все более политизированный характер. Ведущие европейские политики считали, что создание единой валюты не только стабилизирует дискредитированную «ямайскую корзину» 1978г. посредством установления триполярной системы (доллар – евровалюта - золото), но и выступит исторически закономерным продолжением интеграции. По их мнению, появление «европейской денежной единицы» (ECU – European Currency Unit) позволяло существенно снизить степень экономической и финансово-политической зависимости от США и позиционировать Европейские Сообщества в качестве претендента на мировое экономическое лидерство.

Американское правительство сочло европейский проект слишком самостоятельным, а главное – преждевременным: существовала угроза дестабилизации мировой валютно-финансовой системы в условиях «холодной войны», тем более, что доллар находился под сильным инфляционным давлением. Даже после распада СЭВ и СССР американские аналитики считали, что появление валюты, альтернативной доллару, может существенно повысить возможность мирового экономического кризиса и гипотетически привести к военному столкновению с США.

Сформулированные в Маастрихтском соглашении постулаты об обязательном переходе к единой валюте были восприняты именно в этом ракурсе. Поэтому американцы применили ряд приемов валютно-финансового регулирования, направленных на нейтрализацию роли ЭКЮ. В 1992г. Дж. Сорос предпринимает спекулятивную атаку против самой стабильной валюты будущей системы ЭКЮ – фунта стерлингов. В результате британский фунт потерял 20% стоимости, европейцы были вынуждены принять на вооружение версию американского ученого Р.Манделла об «асимметричном шоке» экономики[159] и продолжать валютно-финансовую интеграцию в рамках теории «оптимальных валютных зон», что фактически сводило статус будущей общеевропейской валюты до регионального уровня.

Этот прецедент сыграл не последнюю роль в отказе Великобритании, Дании, Швеции и Швейцарии участвовать в новом европейском финансовом проекте. Опасаясь, что потеря валютного суверенитета может привести к экономическому кризису, они избрали политику «благожелательного ожидания».[160] Однако во многих странах подобное поведение было воспринято как прямая угроза интеграционным процессам и политические спекуляции. С другой стороны, именно с расхождения в вопросе о введении единой валюты французский тезис «Европы разных скоростей» стал иметь реальную подоплеку, так как страны примерно одинакового экономического уровня стали различаться по степени их интеграции в наднациональные процессы.

В то же время реальная экономическая ситуация обусловила успех фазы введения безналичного евро. 2 мая 1998г. ЭКОФИН огласил список из 11 стран еврозоны и зафиксировал окончательный обменный курс евро относительно их валют. 31 декабря 1998г. Центральные банки еврозоны зафиксировали шестизначный обменный курс ЭКЮ по отношению к доллару и национальным валютам. После курсовой верификации КЕС окончательно позиционировала ЭКЮ как эквивалент евро. Поскольку считалось, что *ipso facto* ЭКЮ будет функционировать в странах, не перешедших на евро, министры финансов были вынуждены уточнить статус ЭКЮ, как валюты для государств ЕС, не вошедших в еврозону, и третьих стран.

В отличие от проекта ЭКЮ, носившего в целом, межправительственный характер, к разработке евро были привлечены крупнейшие коммерческие банки[161]. По инициативе француза Д. Стросс-Кана, их представители участвовали во всех официальных мероприятиях и презентациях новой валюты. Используя данные КЕС, была проведена окончательная проверка курса евро, продлившаяся до полудня 1 января. Затем во все компьютеры был введён перерасчет на евро, который сразу же затронул рынок ценных бумаг, финансовые операции и банковские вклады. Эти финансовые операции были завершены лишь в субботу 2 января, после чего клиенты получили уведомления о трансформации их вкладов и перерасчет по курсу на 2 января 1999г. Воскресенье ушло на исправление технических неточностей и внесения поправок. В понедельник 4 января система уже начала функционировать: в неё вошли банковские платежи, курсы акций, стоимость облигаций и других ценных бумаг, государственные долги.

Однако вплоть до 2002 г. регламент Совета ЕС №974/98 существенно ограничивал ареал применения новой валюты территорией еврозоны. Наложённые на евро территориальные ограничения были вызваны стремлением обезопасить эту валюту от кризиса. Поэтому неудивительно, что, несмотря на широкую рекламную кампанию по «социализации» евро, европейская валюта была встречена очень осторожно. Проект, преподносимый как качественный рывок в интеграционных процессах, не смог перебороть европейский консерватизм и прагматизм. Например, во Франции, где во главе рекламной кампании «желтые деньги» стояла супруга президента Бернадетт Ширак, по отчету Национального Совета Поддержки Предпринимательства, только около 30% предприятий перешли на расчеты в евро, что поспешили объяснить отсутствием информации по данному вопросу. Напротив – в Италии, где было информировано всего около 5% населения, поддержка евро была практически безоговорочной.

С другой стороны, евро стал мощным стимулом концентрации европейского бизнеса. Вызванная реструктуризацией волна слияний привела к консолидации предприятий в сфере производства и бурному развитию сферы услуг, укреплению фондового рынка, в том числе и за счёт слияния бирж, всплеску активности на рынке облигаций; поглощению банков и компаний. Основная причина консолидации – захват новых рынков и сфер власти. До введения европейской валюты антимонопольная деятельность была слишком жёсткой, а в глобальном масштабе Европа отставала от США и Японии по суммарной мощи региональных корпораций.[162] По интегрированному показателю производственного потенциала, годовой ВВП 100 крупнейших предприятий США составлял 10 780\$ на душу населения, Японии – 24 430\$, ЕС – всего 7 700\$. В результате слияния евробирж[163] появилась единая электронная биржа с автоматической системой торгов, доступная для инвесторов ЕС.[164] Обращая внимание на то, что ЕС в настоящее время одним из приоритетов своей экономической политики считает защиту интересов европейских ТНК, их развитие может привести к концентрации ресурсов и власти в их руках, что, несомненно, окажет влияние на общемировую стратегию развития ЕС. По мнению К. Ларноди-Эйффеля, переход к расчетам в евро ускорит концентрацию банковского капитала в Европе.[165] Таким образом, укрупнение европейского производства будет только способствовать экономико-политическому усилению ЕС как одного из новых векторов силы.[166] В противном случае, к концу 2007г. в США может

образоваться консорциум из 25 крупнейших, возникших в результате слияний банков, который получит возможность регулировать финансовые потоки во всем мире.[167]

Резкое падение курса евро в 1999-2000г. продемонстрировало несостоятельность валютного регулирования с помощью традиционных экономических технологий.[168] Более того, современная финансовая политика еврозоны направлена на разработку механизмов функционирования этих технологий (регулирование денежной массы, сдерживание темпов инфляции и обеспечение ценовой стабильности, формирование устойчивых темпов экономического роста). В период курсового падения евро потерял 29,4% стоимости, упав с 1,166 \$/€ (01.01.1999) до 0.825\$/€ (26.10.2000). За этот период он дополнительно обесценился относительно валют других стран (йены – на 15,1%, канадского доллара – на 28%, шведской кроны – на 25,3%, к мексиканского песо – на 29,8%, рубля – на 13,4%).[169] При объяснении обвала европейской валюты экономисты исходили из проблемы «арифметического метода» формирования курса валют еврозоны. В силу жесткой фиксации обменного курса европейских валют к евро не учитывались реальные кросс-курсы и вводились двойные котировки. Например, при фактическом курсе дойчмарки к доллару в 1,955 DM/\$, в перерасчете через евро, он составлял уже 2,159. После введения наличного евро одномоментный выброс денежной массы М3[170] привел к подорожанию товаров и услуг[171], а также некоторым проблемам в наличных расчетах, связанных, в основном, с обратимостью курсов национальных валют.

В то же время долгое время мировая экономическая элита не могла однозначно решить, завышен или занижен курс евро. Начиная с главного экономиста инвестиционной компании «Warburg Dillon Read» Дж. Магнуса и заканчивая бывшим советником германского экс-канцлера Х. Зибертом, было распространено мнение об отсутствии реальной экономической основы при определении завышенного курса евро[172]. Напротив, властные круги Брюсселя, представители ЕЦБ и один из ведущих современных экономистов М. Мебиус считают, что курс европейской валюты изначально был занижен, а его падение носит политический характер[173].

На самом деле, в 1999-2001гг. экономических возможностей ЕЦБ было недостаточно для исправления сложившейся ситуации. Не желая усложнять ситуацию, первый его председатель В.Дуйзенберг избрал тактику *laissez-passer*. Однако выступления представителей банка, высших чиновников институтов ЕС и национальной бюрократии лишь способствовали дальнейшему падению курса. Возникла закономерная тенденция – чем активнее были попытки по поддержанию стабильности евро, тем сильнее они вступали в противоречие с национальными интересами и тем большее беспокойство испытывали трейдеры относительно устойчивого характера новой валюты.

Если обратиться к официальной позиции, то, согласно отчёту бывшего председателя ЕЦБ Виллема Дуйзенберга в декабре 2000г. (то есть в период финансовой стабилизации), первоначальный курс евро понизился по 3 причинам:

- с целью избежать инфляции ЕЦБ повысил ставки, что повлекло трудности для предприятий и привело к падению евро;
- стоимость евро была строго привязана к ЭКЮ, изначально завышенному, поэтому курс евро «стабилизировался» в условиях рынка;
- курс евро искусственно занижался ЕЦБ по отношению к доллару США, чтобы соответствовать реальности и обеспечить приток инвестиций[174].

Противоречивость этого заявления свидетельствует об отсутствии полного контроля над новой валютой со стороны ЕЦБ из-за вмешательства стран-членов. Основными антикризисными механизмами на национальном уровне выступают повышение налогообложения и сокращение государственных расходов. При наднациональном «усредненном» подходе эти меры вступают в явное противоречие с государственными интересами, что ведет к саботажу «неудобных» решений банка. Пример Ирландии, отказавшейся в 2002г. выполнить требования ЕЦБ по снижению государственных расходов, ссылаясь на исполнение бюджета, был опасным прецедентом в ЭВС и началом

кризиса Пакта стабильности и роста (далее - ПСР). В данном случае наднациональный институт, призванный нейтрализовать национальные противоречия, только стимулировал их развитие. Фактор евро стал использоваться для спекуляций на информации и антикризисных мерах, скрытого шантажа и политического давления на ЕЦБ со стороны государственных и общественных структур.

В преддверии введения наличного евро для минимизации риска европейцы использовали прием валютного регулирования, ранее не известный в мировой практике – создание валютных микро-зон. Этот пилотный проект предусматривал испытание новой валюты в реальных условиях на ограниченном пространстве. В 1999 году проект «псевдо-евро»[175] стартовал в двух северо-итальянских коммунах, получивших статус особой экономической зоны (ОЭЗ). Было изготовлено 600 000 евро, что, по мнению ЕЦБ и итальянского правительства, обеспечивало достаточный внутренний торговый оборот. Акция носила конфиденциальный характер и не получила широкой медиатизации. Достаточно трудно судить о ее окончательных результатах, но в целом они были успешны.

Следующим этапом стало снятие территориальных ограничений валютных микро-зон. 26 октября 2001 года во французском городке Дюленн «псевдо-евро» появляется вновь. В ЕЦБ отметили, что целью этой акции является усиление внимания к евро и накопление опыта в технической конверсии дензнаков в евро. На этот раз были отменены все локальные барьеры – то есть, евро распространялся из банков этого городка и имел свободное хождение на территории Франции. Можно выделить следующие закономерности использования микро-зонального регулирования европейской валюты:

- проект запускался в небольших городках основных стран еврозоны;
- непременным условием являлась низкая степень медиатизации «псевдо-евро» с целью создания естественной финансовой среды;
- основными организаторами выступали правительства стран еврозоны при поддержке ЕЦБ и КЕС;
- использование данной технологии позволяло провести экономическое моделирование с учетом национальной специфики;
- успешно создавались валютные зоны закрытого и открытого типов;
- практическая значимость проекта заключается в возможности быстрого развертывания валютных микро-зон в любом регионе мира.

При вводе евро применялись централизованный и децентрализованный подходы. Выпуск монет осуществлялся национальными монетными дворами, а банкноты централизованно изготовлялись под контролем ЕЦБ. К концу 2001г. было выпущено 14,25 млрд. банкнот на общую сумму 642 млрд. евро и 56 млрд. монет на сумму 50 млрд. евро. Кроме того, директорат ЕЦБ принял решение о дополнительном выпуске 10% от общей денежной массы в качестве страховочной меры. Все работы выполнялись на базе стандарта качества ISO 9000 Международной организации стандартов. Помимо этого, ЕЦБ утвердил собственную систему качества, которая вызвала нарекания швейцарских исследователей[176].

Техническая фаза завоза денег началась с 1 сентября 2001. Для перевозки потребовалось 50 тыс. специальных грузовиков. Операция подобного масштаба вызвала ряд технических сбоев – от ограблений в Италии и Германии до автопробок во Франции. Механизм покрытия рисков заключался в своевременной доставке наличности в кредитные институты, осуществлялась постепенная индексация вкладов в январе 2002г. под государственной гарантией и льготное страхование рисков. Переходный период сосуществования валют породил эффект Big Bang,[177] что по сути нейтрализовало положительные эффекты рекламной кампании «Евро-2002».

15 марта 2002 г. на Барселонском саммите ЕС Вим Дуйзенберг выступил с отчетом, подчеркнув, что все связанные с евро проблемы были успешно разрешены.

Действительно, по данным агентства Евростат, около 80% респондентов еврозоны было довольно ходом операции по введению наличного евро, 67% населения считало, что евро положительно повлияет на дальнейшую политическую интеграцию в ЕС. Переходный период, который различался по срокам в зависимости от страны, прошел сравнительно успешно.

С целью регулирования денежных потоков путем их трансформации в частные вклады и сбережения с января 2002г. была de facto установлена финансовая амнистия, действие которой продолжается до сих пор[178]. Национальное законодательство определило валютные пределы при единовременном обмене валют на евро. Для французских банков это был потолок в 8 000€, для испанских – до 15 000€[179]. Обязательный в данном случае принцип «легитимности доходов» стал декларативным, в силу своей непроработанности и противоречия принципам директивы Совета ЕС №2116/98[180], где говорится о заинтересованности ЕЦБ в привлечении третьих стран в проект евро.

Финансовая амнистия повлекла за собой резкую криминализацию новой валюты. С одной стороны, производилась легализация денег, укрытых от налоговых служб. С учетом того, что для многих граждан Восточной Европы, России, Африки и Азии официальная зарплата является вспомогательным источником доходов, теневые капиталы сыграли значительную роль в регулировании денежных потоков на начальной стадии выпуска евро в оборот.

Во-вторых, по данным Европола, финансовая амнистия способствовала отмыванию средств, полученных преступным путем. Не стоит преуменьшать значение этой проблемы, поскольку, например, по данным Бундесбанка, около 30% всех эмитированных дойчмарок²⁸ находилось за пределами Германии - в таких странах, как Турция, Албания, балтийские страны и бывшей СФРЮ, включая Косово и Македонию. Текущая динамика курса евро-доллар и падение американского авторитета вызвали переориентацию на евро в сфере нелегального бизнеса – незаконной торговле оружием, проституции, наркоторговле, контрабанде, финансировании локальных конфликтов и радикальных политических течений. В свою очередь, подобная популярность привела к массовой подделке новой валюты, поскольку многие из видимых степеней защиты были раскрыты еще в ходе рекламной кампании. Не последнюю роль играет психологический и технический статус евро как одной из самых защищенных в мире валют. Европол отмечает, что если на начальном этапе подделки были низкого качества, то теперь техника контрафакции достигла такого уровня, что подделки могут отличить лишь профессионалы в центральных банках, которым известны засекреченные признаки их подлинности. Стандартная аппаратура, установленная в магазинах и обычных филиалах, высококачественные «фальшивки» уже не распознает. Каждый банк вынужден направлять все поступившие от клиентов банкноты на проверку в филиалы центральных банков еврозоны. При этом центр этого нелегального бизнеса перемещается на восток. Если в 2002 г. основные подпольные фабрики располагались во Франции и Испании, то теперь они находятся в Польше, Прибалтике и на Балканах[181]. В июне 2001г. была создана Система мониторинга подделок, ключевым элементом которой является Центр анализа подделок, укомплектованный штатом экспертов и необходимым оборудованием.[182] Также осуществляется взаимодействие ЕЦБ с КЕС, Интерполом и Европолем. Подобная ситуация свидетельствует в пользу новой европейской валюты, которой интегрирующиеся преступные сети прочат блестящее будущее.

Закономерной тенденцией стало резкое прогнозируемое изменение курса евро. 30 декабря 2004 года на мировом валютном рынке курс доллара США достиг рекордно низкого уровня по отношению к евро (1 евро = 1.36 доллара). С 2001 года курс доллара к евро снизился на 45% и продолжает плавно снижаться в 2005-2006гг. Несмотря на самые высокие ставки рефинансирования среди развитых стран[183] и устойчивый рост ВВП снижение курса доллара объясняется следующими экономическими причинами:

- превышением законодательного лимита внешнего долга США в марте 2006г.,
- отрицательным сальдо внешнеторгового баланса (особенно – в торговле с Китаем и ЕС), начиная с 2002г.,
- ростом мировых цен на энергоносители и золото,
- увеличением эмиссии в Соединенных Штатах (примерно на 10% ежегодно),
- акционированием Нью-йоркской биржи в марте 2006г.,
- ожидаемым банкротством американских ТНК – Ford и GM.

Кроме того, считается, что власти США проводят политику слабого доллара в целях поддержки отечественного экспорта[184]. Однако в данном вопросе ключевую роль все же играют политические факторы. Падение курса доллара неоднозначно отражает снижение американского влияния во всем мире.

7. Место ЕЦБ в политической сфере ЕС и его влияние на формирование общеевропейской идентичности

Введение единой валюты во многом обусловлено волеизъявлением национальных и наднациональных элит и представляется ими как дальнейший закономерный этап развития интеграционного процесса в Европе. Следуя этой логике, введение единой европейской валюты должно было лишь упрочить централизацию финансовой власти на наднациональном уровне. Если до 1989г. Франция препятствовала созданию автономного наднационального банка, то с объединением Германии как новой геополитической данности ситуация диаметрально изменилась[185], исчезли все препятствия для создания очередного – валютно-финансового - пространства ЕС.

Проект реализации ЭВС привел к относительной стабилизации «Европы разных скоростей» внутри еврозоны. При этом наиболее существенные преимущества получили бывшие страны ЕС, чей валютно-финансовый потенциал всегда играл вспомогательную роль: Италия, Испания, Португалия, Греция и Бельгия. Благодаря унификации валютных стандартов, им удалось снизить степень политической зависимости от «грандов» экономики - Франции, ФРГ и Великобритании. В конечном счёте, уже на подготовительной стадии структурная перестройка уровня влияния привела к столкновению наднациональных и национальных сил – было образовано два политических лагеря: условно их можно обозначить как «денежно-финансовый» и «политический»[186]. Первый участвовал в разработке Пакта стабильности и Маастрихтского договора и поддерживает Европейский центральный банк (ЕЦБ). Вторая группа опирается на ЭКОФИН и ратует за перенесение в его компетенцию основных полномочий ЕЦБ. В настоящее время идёт борьба за полную власть над валютным механизмом ЕС, так как ни одну из сторон не устраивает «разделение властей».

Институты, вроде КЕС и Европарламента, постепенно отходят на второй план при выработке основных финансово-политических решений, уступая место техническим органам, контролирующим капиталы и финансовые потоки единой Европы. На первый план выдвигаются такие структуры как Совет ЕС, в лице ЭКОФИНа, и Европейская система центральных банков, состоящая из ЕЦБ и 12 центробанков еврозоны. Официально, на политическом уровне единая денежно-валютная политика выражалась странами ЕС через Совет ЕС при принятии квалифицированного большинства голосов. Оно составляло 62 голоса из 87, распределённых среди стран-членов в соответствии с их удельным весом в экономике и политике ЕС, при условии обязательной консультации с Европарламентом и ЕЦБ.

С 01.01.1999 г. исполнение этой политики стало прерогативой ЕЦБ – наднационального органа ЕС, обладающего высокой степенью самостоятельности по аналогии с Бундесбанком.[187] Ключевой элемент ЕСЦБ - Европейский центральный банк, в мае 1998г. преобразованный из Европейского валютного института, - выходит за рамки наднационального экономического института и технического органа, как это

пытается представить официальный Брюссель. По Маастрихтскому договору это учреждение обрело независимость от политических властей, согласившихся играть роль посредника: ЕЦБ отчитывается только перед Европейской палатой аудиторов, а его члены назначаются на восемь лет без права обновления мандата, что, по мнению первого председателя ЕЦБ голландца Виллема Дуйзенберга, существенно снижает любую возможность лобби в недрах этой структуры. Согласно позиции руководства ЕС, главная цель ЕЦБ заключается в «поддержании ценовой стабильности, что служит залогом прочности евро»[188].

При проведении кредитно-денежной политики ЕЦБ использует три основных инструмента:

- операции на валютном рынке (основные операции рефинансирования, операции длительного рефинансирования, операции точной настройки, структурные операции). ЕЦБ применяет в основном среднесрочное и долгосрочное рефинансирование;[189]
- предоставление суточных ссуд и депозитов (кредиты овернайт-EONIA-euro overnight interest average);
- регулирование нормативов минимальных резервов.[190]

Стратегической целью денежно-кредитной политики является поддержание ценовой стабильности, основанной на гармонизированном индексе потребительских цен (HICP=2%). Прогнозирование ценовой динамики и оценка валютных рисков проводится с помощью методики «двух опор» (изменению агрегата МЗ и широкого набора финансово-экономических индикаторов).

В настоящее время введение наличного евро способствовало оформлению ЕЦБ как политической данности. Можно выявить четкую ассоциативную связь между ЕЦБ и евро, символом европейской реальности. Хотя бы потому, что евро появился в недрах ЕЦБ, банк становится символическим институтом для европейцев. Выпуск наличного евро только усиливает этот фактор. Помимо этого, ЕЦБ является носителем ценностей или проектов, к которым причастны европейцы. Его ключевая роль обусловлена тем, что управляемая им денежная политика непосредственно сказывается на европейской экономике, а следовательно – каждом индивиде ЕС. Крупные коммерческие банки из Европейской банковской ассоциации (ЕБА) изначально рассматривали банк в качестве проводника своих интересов. Напротив, национальные центробанки, входящие в ЕСЦБ, первоначально не воспринимали его верховенство. Тем не менее, и те и другие безоговорочно принимают две функции ЕЦБ: мягкий контроль над деятельностью банков и гарантия их жизнеспособности в случае кризиса. Интересно, но в отличие от ФРС США, после евроизации некоторых территорий ЕЦБ также выступает для них «кредитором последней инстанции».

ЕЦБ одновременно обладает независимым характером и структурой, построенной на принципах федерализма. Поскольку первоочередной задачей ЕЦБ является обеспечение ценовой стабильности при полной независимости от политических властей, это приводит к воздействию пары «независимость - ценовая стабильность» на формирование европейской идентичности. Если затронуть вопрос о независимости ЕЦБ, то в европейском сознании происходит ее поэтапное принятие. Политические деятели теряют контроль над вопросами денежной политики. Если после ратификации Маастрихтского договора президент Миттеран мог ясно высказать свою позицию относительно ЕЦБ, то уже в марте 1999г. германский министр экономики О. Лафонтен из-за резкой критики политики ЕЦБ был вынужден уйти в отставку. Однако эта независимость ставит проблему отсутствия институциональных механизмов реализации ответственности.

Больше всего подобная самостоятельность беспокоила Европарламент. На предварительной стадии создания ЭВС председатель парламента Ж.-М. Жиль-Роблес выступил за введение парламентской ответственности ЕЦБ, так как согласно первоначальным проектам, он de jure не поддавался никакому контролю.[191]

Компромисс был достигнут посредством ежегодных отчетов председателя ЕЦБ перед специальной парламентской комиссией. В настоящее время вопрос о независимости ЕЦБ снят с обсуждения, хотя парламентского контроля явно недостаточно.[192]

ЕЦБ действует согласно логике федерализма. Федеральный аспект поднимает вопрос о соотношении общеевропейской политики и защиты национальных интересов, так как институциональная структура банка должна одновременно обеспечивать единую позицию ЕЦБ с учетом интересов различных государств. Вызывает некоторые сомнения, может ли такой симбиоз генерировать европейскую идентичность.

По замыслу создателей, процесс принятия решений в ЕЦБ должен стоять выше национальных интересов. Поэтому первый председатель ЕЦБ полностью отрицал национальный подход при создании Правления банка, объясняя состав участников их личными качествами и профессионализмом. В статье Ж.-К. Трише ЕЦБ представляется в виде многонациональной команды, целью которой является поддержание ценовой стабильности и обеспечение роста. Однако это заявление – дезинформация: изначально ЕЦБ задумывался как орган, символизирующий политическое разнообразие ЕС, основанное на национальном представительстве. В «интернациональное» Правление вошли только представители стран-лидеров еврозоны – Франции, Голландии, Италии, Испании и др.

Но с другой стороны в ЕЦБ входят и директора 12 Центробанков, известные как группа Евро-12, число которых превышает число членов Правления. Такая структура ЕЦБ одновременно предоставляет возможность выработать методiku приёма единогласных решений на основе баланса сил и обеспечивает давление на ЕЦБ со стороны ЭКОФИНа, отстаивающего совокупность национальных интересов.

В свете вышесказанного представляется закономерным вмешательство национальных элит при выборе ключевой финансовой фигуры в ЕС. Даже назначение первого президента ЕЦБ было итогом политического компромисса между «романским» лагерем во главе с Францией, продвигающим Ж.-К. Трише, и «германским», выступающим за кандидатуру В. Дуйзенберга.[193] Первый глава ЕЦБ был вынужден вдвое сократить длительность своего мандата, чтобы с 1 ноября 2003г. его сменил протеже Ж.Ширака Жан-Клод Трише. Несмотря на заявления о своей беспристрастности в проведении денежной политики Союза, последний слишком многим обязан властям Франции, чтобы игнорировать их пожелания.[194] С целью ограничения французского влияния в ЕС[195], мандат Трише был также сокращен до 4 лет, что противоречит Статуту ЕЦБ и пока не ратифицированной Конституции.

Трише занял место председателя ведущей европейской кредитной организации в тот момент, когда Франция и Германия выходили за рамки Пакта стабильности и роста (ПСР), и должны были подвергнуться санкциям со стороны ЕЦБ. В октябре 2003г. КЕС вынесла предупреждение этим странам, так как германский бюджетный дефицит составил 3,8% вместо положенных 3%, а французское правительство заявило о намерении достичь критериев ПСР не раньше 2005г. Тем не менее, вопреки тому, что президент банка зарекомендовал себя как последовательный сторонник ПСР, против франко-германского саботажа не было предпринято никаких действий до 2005г. Параллельно с этим Трише отверг предложения о смягчении критериев ПСР, заявив, что «высокий уровень дефицита бюджета не способен ускорить экономический рост, а внесение изменений в Пакт создает опасный прецедент для дальнейшей денежной политики ЕС»[196].

Экономическая стабильность еврозоны является следствием политики Трише по борьбе с инфляцией. Несмотря на распространенное мнение о приверженности главы ЕЦБ сильному евро, на самом деле он является сторонником концепции «стабильной валюты», что особенно важно в условиях обострения курсовой разницы между долларом и европейской валютой. Хотя в Уставе ЕЦБ в круг обязанностей председателя входит борьба с инфляцией без оглядки на сопутствующие обстоятельства, Трише известен как один из идеологов теории «конкурентной дезинфляции», согласно которой длительное

управление инфляцией только препятствует экономическому росту и притоку инвестиций[197].

Усиление влияния ЕЦБ в структуре институтов ЕС привело только к обострению политического соперничества, ибо тезис о политическом нейтралитете ЕЦБ подвергался сомнению с самого начала. Институт, обладающий столь высокой степенью самостоятельности, и играющий столь значимую роль в системе наднациональных органов ЕС просто не может оставаться в стороне от политических игр – например, по поиску национальных компромиссов.

Проблема возникает из-за несоответствия уровней экономической и политической интеграции. Внутри еврозоны национальные правительства потеряли право проводить самостоятельную валютную и экономическую политику и поэтому принимать меры антициклического регулирования[198]. Например, если раньше Италия могла погасить инфляцию за счёт девальвации лиры, то теперь она не может воздействовать на евро без ущерба для остальных стран еврозоны. А ЕЦБ и руководящие органы ЕС из-за отсутствия политического союза не могут в должной мере влиять на государства-члены, так как подобное вмешательство будет расцениваться как ущемление национального суверенитета. По сути, политика ЕЦБ, в целом обеспечивающая стабильность еврозоны, крайне неэффективна для решения проблем отдельных государств, а это порождает для ЕЦБ невозможность справиться с проблемой «асимметричного шока». Руководители ЕЦБ склоняются к проведению комбинированной политики (policy mix), которая не является популярной, ибо апеллирует к «Европе разных скоростей» даже внутри еврозоны и расценивается как дискриминационная. Наличие управления экономикой на национальном и наднациональном уровне послужили причиной для возникновения симметричных (на уровне еврозоны) и асимметричных шоков, что привело к критике политики ЕЦБ со стороны государств-членов.[199]

Между тем, кредиты, выдаваемые в евро, напрямую зависят от решений на уровне ЕСЦБ. Таким образом, денежно-финансовые механизмы интеграции контролируются организацией, применяющей наднациональные подходы для решения национальных проблем. Вдобавок, отсутствие чёткого взаимодействия и элементы скрытого соперничества в отношениях ЕЦБ и национальных правительств выводит эту проблему уже на общеевропейский уровень.

В целом успешные результаты единой денежно-кредитной политики ЕЦБ по обеспечению внутренней стабильности евро резко контрастировали со значительным падением курса в 1999-2000гг. в силу внешних факторов. В общем, обесценивание относительно доллара составило 29,4% (26 октября – 0,825). Только за 2000г. понижение составило 18%. В основном это связано с оттоком инвестиций, особенно портфельных. Все это время не предпринималось никаких мер по поддержанию курса на мировых рынках. Звучали только заявления, что хотя падающий курс евро не соответствует экономическому потенциалу ЕС, он оказывает лишь позитивное влияние на экономику Евросоюза.

Экс-глава ЕЦБ в 2000г. обвинил правительство Германии в несоблюдении обязательств, взятых на себя перед введением евро, и тем самым возложил на нее ответственность за дискредитацию новой валюты. В мае 1999г., наблюдая за падением курса евро, член правления ЕСЦБ, бывший президент Бундесбанка, глава «Группы 20» Г. Титмайер отметил, что «отдельные страны ЭВС проводят несерьёзную монетарную политику»[200]. Г.Шредер парировал, что подобными заявлениями Дуйзенберг сам наносит ущерб статусу евро. Более того - в одном из своих интервью В. Дуйзенберг даёт рекомендации по поводу налоговой и социальной реформ в ФРГ, что является открытым посягательством на внутренние дела государств-членов. Это привело к тому, что в настоящее время Трише проводит более сдержанную, но не менее жесткую политику.

В то же время имели место обратные факты, когда политические руководители государств пытались оказать давление на национальные банки (группа Евро-12) и

отдельных членов правления ЕЦБ с целью понизить процентные ставки, что встретило жесткую реакцию со стороны Франкфурта. На ЕЦБ также безуспешно пытаются воздействовать представители международных организаций – МВФ, МБРР, ЮНКТАД[201].

Предполагалась, что внутренняя стабильность евро приведет к внешней при сохранении принципа «благожелательного пренебрежения» и выполнения ПСР со стороны государств-членов. Однако на практике это стало угрожать внутренней стабильности еврозоны, а индекс превысил 2%. В сентябре ЕЦБ выступил с инициативой валютные интервенции, не называя их прямыми. Его поддержали страны G-7(8) и МВФ. В октябре ЕЦБ, США, Канада и Япония провели интервенцию в поддержку евро (1,4 млрд. евро). После этого подобной практикой неоднократно пользовались европейские страны. События 11 сентября привели к тому, что руководители ФРС и ЕЦБ договорились о координации действий, чтобы не допустить дестабилизации МВФС. К ним присоединилась G-7(8). Признание за ЕЦБ возможности решать столь важные международные вопросы не могло не сказаться на статусе евро.

Параллельно, перспективы даже усиления международной роли евро и поляризации мировой валютно-финансовой системы не только углубляют международное сотрудничество, но и способствует утверждению ЭВС относительно остального мира. Тем не менее, европейские институты должны пересмотреть свой статус и действия, чтобы иметь благоприятный образ на мировой арене.

В целом, можно отметить значительную активизацию политики Ж.-К. Трише по сравнению с *laissez-passer* его предшественника. При низком уровне инфляции (2,3%) ценовая стабильность полностью обеспечена. Основные общеевропейские экономические показатели также находятся в норме. Нарушители ПСР – Португалия, ФРГ и Франция – подвергнуты штрафным санкциям. Вопрос о пересмотре ПСР вообще снят с повестки дня. К 2010 г. планируется создание общеевропейского Монетного Двора в Люксембурге. Этот успех был основан на двусторонней стратегии ЕЦБ, сочетавшей системный анализ денежного развития с монетарной основой для определения среднесрочных приоритетов денежной политики.[202] В марте 2004г. президент ЕЦБ призвал европейцев к увеличению потребления, считая, что тем самым они будут инвестировать собственную экономику.[203] При Трише европейцы впервые централизованно попытались бороться с международными валютными спекуляциями, вызывающими асимметричные шоки экономики. С другой стороны, ключевой проблемой, стоящей перед ЕЦБ, является снижение доверия. Оно обусловлено следующими факторами:

- проблемой согласованности действий. Несмотря на образование еще одного интеграционного пространства, не исчезли разногласия между ЕЦБ и странами еврозоны. Во многом они связаны с формированием единого европейского рынка капиталов, поглощением и укрупнением производства, переходом к экономике типа *high-hume*. Несоответствие экономического и политического уровней интеграции отрицательно сказывается на доверии мировых инвесторов, что служит тормозом для повышения международного статуса евро. Однако введение наличного евро сказалось только положительно посредством материализации нового концепта доверия.
- потребностью в доверии со стороны ЭВС. Если евро не станет рабочей валютой МВФС, ЭВС и финансовые элиты не смогут играть ключевую роль на мировой арене, сопоставимую с экономическим весом еврозоны. Это негативно скажется на отношении граждан к ЕЦБ как институту, способному отстоять общие ценности перед глобализмом, и окажет негативный эффект на формирование чувства идентичности. В то же время ЕЦБ как институту уже удалось себя дискредитировать в нашумевшем «деле Фацио»[204] в сентябре 2005г. Это привело к тому, что политики преимущественно левого толка стали использовать критику ЕЦБ в предвыборных программах[205].

Как разрешение данной проблемы видится политическая унификация, которая будет иметь позитивный эффект сразу по двум направлениям:

- создание равновесия между ЕЦБ и непосредственно политическими властями. Беспрецедентные усилия по созданию ЭВС могут провалиться без создания надлежащего политического противовеса с целью дальнейшей демократизации интеграции и формирования чувства принадлежности на основании общей цели. Создание мощного политического образования не только подстегнет иностранных инвесторов, но поставит на повестку дня вопрос о модели мирового развития.
- доверие как синоним международного влияния. Рост политического влияния непосредственно ЕС будет только способствовать укреплению евро на лидирующих позициях в рамках мировой валютно-финансовой системы. Интернациональная роль евро будет способствовать массовому движению капиталов, для чего жизненно необходима координация. В условиях ослабления позиций США, наличие единого представительства (а интернационализация и поляризация МВФС приведут к международным переговорам по денежным вопросам) будет способствовать сплочению европейцев на наднациональном уровне.

Можно прийти к выводу, что, несмотря на то, что введение евро часто объясняется экономическими причинами интеграции, конечной целью данного проекта была политическая унификация через создание наднациональных структур кардинально нового уровня, преобразующих ЕС из международной организации в подобие наднационального государства. Хотя введение наличного евро в целом имело положительный экономический эффект, оно вызвало политический раскол среди государств-членов, задав в качестве логики интеграции принцип «Европы разных скоростей». При осуществлении проекта евро власти ЕС применили ряд новых технологий валютно-финансового регулирования, что вызвано переходом от экономической модели high-tech к high-hume. Концентрация и интеграция финансовых рынков привели к укрупнению производства и усилению лобби ТНК в европейских институтах. С другой стороны, реструктуризация крупнейших компаний привела к росту вложений в НИОКР, повышению экономического потенциала и международного престижа ЕС. Поскольку успешная деятельность ЕЦБ сопряжена с отсутствием политической воли на национальном уровне, дальнейшее успешное развитие интеграционных процессов вызывает необходимость структурных реформ по созданию наднационального политического органа «имперского» типа. Именно поэтому действия менеджеров ЕЦБ поставили вопрос о доверии к наднациональным институтам как синониме международного влияния. От решения проблемы доверия во многом зависит успех закономерной политической интеграции стран-членов в единую сверхдержаву.

В условиях кризиса современной МВФС, вызванного политикой «благожелательного пренебрежения» США, ЕС может самостоятельно стабилизировать систему, используя политику «малых шагов». Это выльется в установление биполярной валютной системы, где евро постепенно заменит доллар в качестве основной рабочей валюты. Поэтому США лишь частично заинтересованы в стабилизации системы. Действия ЕС наталкиваются на активное американское противодействие в рамках «долларовой дипломатии», конечная цель которой – реформировать МВФС в американских интересах, в том числе – через силовое и политическое вмешательство. В этих условиях выступление России (а в перспективе – рулевой валютной зоны) и Китая в качестве полноценных акторов в мировые валютно-финансовые отношения способно кардинально изменить расстановку сил в МВФС, а значит - угрожает и американским и европейским планам реструктуризации МВФС.

8. Роль евро в формировании положительной и отрицательной комплиментарности ЕС

Политические элиты регулярно использовали валютное регулирование для построения особой политической идентичности и социальных границ. Поскольку деньги определяют границы политических образований, они являются основополагающим политическим инструментом для конструирования идентичностей. Они не только выполняют экономические функции, но также служат символом места, времени и власти.

Символически важным аспектом монетарной унификации является роль евро в создании коллективной идентичности среди бывших пользователей различных национальных валют Европы. По логике вещей, правительственная монополия на эмиссию и регулирование денежных потоков усиливает государственную власть, национальное сплочение и социальное равновесие.[206] Привязка финансовой системы к определенной территории позволяет государству конкретизировать чувство общности. Деньги как культурный инструмент ведут к ощущению себя гражданами частью одного политического сообщества. Дополняя другие механизмы и символы, деньги провоцируют людей на создание самоидентичности, которая воспринимается ими как национальная.

Официальная позиция КЕС относительно роли евро гласит: «Евро является символом общей идентичности, единых ценностей и успеха европейской интеграции в объединении народов и наций».[207] В то же время, несмотря на заявления европейских чиновников об уникальности данного проекта, хочется отметить, что исторические прецеденты существования валютных союзов наблюдаются даже в самой Европе. Уникальность же заключается в том, что Евросоюз теперь неотделим ни от евро, ни от Европы. Никто из исследователей еще не обращал внимания на тот факт, что статья I-8 «Символы Союза» Конституции ЕС прямо называет евро валютой всего Евросоюза, а не только стран еврозоны.[208]

Оригинальным можно считать то, что введение наличной валюты по сути является беспрецедентным «PR-проектом века», придавшим новый импульс европейской интеграции и идее европейского единства.[209] В этом смысле евро органично дополняет систему других символических инструментов по формированию «велико»-европейского сознания как флаг, паспорт, гражданство, водительские права или футбольная Лига Чемпионов. Позиционирование введения наличной европейской валюты как события, не имеющее аналогов в мировой истории, нужно исключительно с моральной точки зрения. Это отчасти позволяет преодолеть европейский комплекс вторичности за счет самоутверждения, основанного на мнимом превосходстве.

По мнению британского исследователя Е. Коэна, с XIX века основой финансовой политики государства был принцип единства валюты и нации. Государства являлись не только единственными производителями денег, но и осуществляли эксклюзивный территориальный контроль над финансовой областью.[210] Начиная со второй половины XX века в условиях глобализации монетарный ландшафт существенно детерриторизовался: иностранные валюты стали свободно циркулировать независимо от границ. Поскольку национальный характер ведущих валют мира находится в противоречии с их международной функцией, в конечном счете привело эти расхождения привели к их подчинению международным законам. Де-факто правительства ведущих стран теряют власть над денежной единицей - как на своей территории, так и за ее пределами. Вместо этого формируется международная финансовая иерархия, которая стимулирует фрагментацию мировых финансов за счет образования валютных пространств. Наиболее наглядным примером являются процессы долларизации и евроизации.

В силу того, что некоторые финансовые системы начинают выполнять несвойственные им ранее международные или региональные функции, происходит трансформация не только влияющих на них факторов, но и их значения при самоопределении условно закрытых образований в виде наций. Иерархия привела к

появлению валютных рисков и проблемы валютной стабильности. С этого момента стабильность финансовой системы в большинстве случаев определяет степень символического воздействия валюты на национальную идентичность. Это привело к абстрагированию взаимозависимости между деньгами и идентичностью, так как деньги являются не столько материальным образованием, сколько концептом, проводящим разницу между индивидом и его собственностью.[211]

В этих условиях решение ЕС о введении евро на первый взгляд кажется противоречащим исторической ассоциации между государством, территорией и денежным оборотом, ибо разрушает сложившиеся связи и дестабилизирует обстановку в Европе. На самом деле, никакого парадокса нет, так как европейцы продолжают руководствоваться принципом единства нации и валюты. Только новая нация формируется на основе мультикультурализма в пределах ЕС, а евро рассматривается в качестве стимулирующего механизма этой интеграции.

Концепт единства государства и валюты на наднациональном уровне подрывает национальную идентичность, которая без того не является жестко фиксированной категорией. Напротив, она текуча, так как нация в условиях многонациональных государств и этногенеза стала скорее психологической и субъективной данностью, базирующейся на представлении и вере индивидов в то, что они составляют нацию. На это чувство национальной принадлежности можно влиять с помощью политических интересов, экономических выгод, культурных достижений, соображений полезности и контрактных обязательств. В любом случае, значение нации и национальная идентичность все время меняются, взаимодействуя с иными формами идентичности, в том числе с множеством индивидуальных идентичностей. А поскольку понятие нации является размытым, концепт единой валюты позволяет более четко его выделить. В данном случае европейская валюта формирует «воображаемое сообщество империи поневоле» за счет новых и традиционных технологий валютно-финансовой политики.[212]

Хотя в настоящее время физическая составляющая денег эволюционирует в сторону виртуальности, евробанкноты являются наиболее «древними формами» современных денег. Введение наличного евро было чисто символическим и политическим шагом, поскольку он уже существовал и был признан в электронном виде с 1999г.[213]

В силу исключительно экономических факторов можно было оставить евро в виде клиринговой валюты, тем более что мировые финансы эволюционируют в сторону денежных обязательств и электронных денег.[214] С другой стороны, евро отражает тот самый процесс дематериализации и абстракции своим дизайном и безликостью. Мосты, ворота и арки отражают не конкретные места, а стили – т.е. концепты, поддающиеся распознаванию. С появлением евро деньги стали абстрактными даже в материальном проявлении.

Создание наличного евро преподносится как один из элементов новой европейской политической архитектуры, закономерное завершение единого рынка, неизбежный результат успехов европейской интеграции. Практическая реализация политической роли евро заключается его применении в качестве проекта создания идентичности. Несмотря на то, что экономические бонусы оправдываются неизбежными преимуществами единой валюты в рамках единого валютного пространства и единой валютно-финансовой политики, они имеют психоидеологическую природу, так как евро позиционируется как выгодное и прогрессивное нововведение.

Не следует сводить проект евро к обычному PR-проекту. На самом деле, правомерней говорить о его комплексном характере, получившем выражение в двух взаимосвязанных направлениях – политики евроизации и политики идентичности. С одной стороны, это акция элит, направленная на дальнейшую европеизацию пространства ЕС. Начиная с безналичной фазы и до сих пор, ЕЦБ, национальные правительства, общественные организации и интеллектуальные ассоциации затратили колоссальные материальные, моральные и информационные ресурсы на поддержку единой валюты. В

ряде стран (Франция, Германия) можно даже предположить подтасовку результатов референдума, так как там евро был принят лишь с очень незначительным перевесом при неполной явке граждан. Даже сейчас проблематично говорить об автономном функционировании евро как валюты отдельно от его концепта, ибо разнообразие акций направленных в его поддержку – от введения псевдо-евро и кампании «Евро-2002» до создания Института Евро (Лион, Франция) и издательства ряда специализированных журналов – свидетельствует об относительном контроле проекта со стороны европеизированных элит.

Параллельно с этим евро преподносится как механизм «интеграции снизу».[215] Это исходит из концепта валюты. Деньги не обладают экономической или материальной природой, а по сути являются социальным отношением. Деньги виртуальны, поскольку каждый принимает их ценность, основываясь на всеобщем доверии и закреплении его в качестве общепризнанного стандарта. На самом деле, единая валюта была нужна сравнительно небольшой группе европейских чиновников, евроинтузиастов, представителей ТНК.[216] Немногие из них задумываются о политической природе евро, но заинтересованы в том, чтобы подменить личный интерес коллективным. Поэтому вопрос доверия является основополагающим для успешной реализации данного подхода.

Однако в современном обществе доверие переходит с национального уровня и зависит от абстрактных систем. Кроме того, доверие в стабильность монетарных систем также абстрактны: персонализированное доверие переходит в термины политического и социального образования, выраженного официальным институтом в лице ЕЦБ. Деньги непосредственно являются не формой идентичности, но ее стимулирующим фактором. В итоге, евро выступает элементом организации общеевропейского социума.

Таким образом, евро само по себе не создает чувство общности, но позволяет его конкретизировать за счет практического использования валюты. Евро оказывает опосредованное давление на психику жителей ЕС. Неслучайно с введением наднациональной валюты граждане еврозоны чувствуют себя немного более европейцами, чем ранее (поддержка евро выросла с 13% в ноябре 1999г. до 51% в 2001г. и до 64% в 2002г.). Они признают, что евро – не только валютно-финансовый инструмент, но и механизм построения нации и государства.

Статистический анализ, основанный на ивент-анализе и экспериментах, показал, что большая часть людей, обладающих сильной национальной идентичностью, также испытывают сильное чувство принадлежности к Европе. По результатам анализа Евробарометра принцип «сначала страна, но затем Европа» является доминирующим в большинстве европейских стран, где граждане не воспринимают европейскую идентичность, как противоречащую национальной (59%), в то время как сторонники государственной идентичности составляют всего 38%.[217]

Этот анализ лишь указывает очевидное. Возьмем для примера несколько стран ЕС – Германию, Великобританию и Италию. Выбор был обусловлен тем, что данные страны наглядно представляют три варианта отношений к ЕС, а значит - единой валюте и идентичности. С одной стороны – сильная поддержка Евросоюза в Италии, раскол в Германии и британский евроскептицизм.

Несмотря на общее одобрение евро, немцы оказались самыми евроскептическими в ЭВС (57% выразили недовольство введением евро). На момент введения евро Германия была единственной страной еврозоны, где большинство считало введение евро невыгодным. Напротив, итальянцы восприняли введение евро как выгодное для экономики и будущего их страны. Наконец, британцы проявили умеренное отношение к евро, по сравнению с остальными странами ЕС, не вошедшими в ЭВС. Самым важным является тот факт, что европейцы стали идентифицировать евро как один из важнейших символов европейской интеграции. Весной 2002 Евробарометр провел опрос касательно практического значения ЕС для граждан. Евро занял вторую позицию (39%) после «свободы перемещения и путешествий» (50%), тогда как на «мир и безопасность»

пришлось всего 11%. Как символическое представление ЕС евро возглавил список в 8 странах еврозоны, в том числе и Германии (54%). В Италии он занял второе место (45%), как и в Великобритании (24%). Такая значительная процентная разница между англичанами и жителями еврозоны объясняется более высокой «реальностью» ЕС среди пользователей евро.[218]

В результате евроэффект вызывает различное отношение в каждом государстве. Одно можно утверждать точно – уже через год евро стал одной из составляющих, оказывающих влияние на коллективную и индивидуальную идентичность еврозоны.[219]

Несмотря на прошедшее время, поддержка евро по-прежнему остается высокой, что вызвано также и тем, что подавляющее большинство населения рассматривает «проект евро» в тесной привязке к будущему своего государства. Однако это число снижается по непонятной причине – либо это последствие введения наличного евро, либо следствие экономического спада в ЕС.

Влияние идентичности на евро происходит даже в рамках европейского национализма, основанного на самоидентификации и комплексе превосходства относительно остальных. Например, негативное отношение националистов к ЕС сказывается и на евро, что ставит их в отношения взаимозависимости. Таким образом, можно говорить о том, что евро подчеркивает государственность ЕС на уровне коллективной идентичности.

Сразу после введения наличного евро единая валюта стала символом европейской интеграции в жизни граждан как внутри, так и за пределами еврозоны. Этому способствовали дебаты по евро, политические эффекты которого гипертрофируются во Франции и ставятся под сомнение в Британии. Несмотря на мнения, что евро является экономической авантюрой, политически и социально взрывоопасной, эти дебаты внесли ценный вклад в успех евро – они политизировали валюту, даже если предположить, что изначально это был всего лишь экономический проект. Подобная политизация проекта евро привела к формированию положительной и отрицательной коплиментарности в европейских странах.

Великобритания занимает особое место в проекте евро в силу геополитического положения, исторических условий и традиций, политической роли в мире. Из-за «ползучей интервенции» евро английское общество расколосось на сторонников и противников вхождения в еврозону. Если новые 10 членов ЕС обязаны войти в зону, Великобритания, Дания и Швеция находятся за ее пределами по собственной воле. Это чревато тем, что три высокоразвитые, богатые страны сознательно выпускают из рук имеющиеся у них рычаги воздействия на политику Союза.[220] Теперь для Великобритании, Дании и Швеции выбор состоит в том, чтобы войти в зону евро раньше восточных соседей либо настаивать на своей особой позиции в европейской интеграции, что требует серьезной мотивировки и очень сложной по композиции политической линии.[221]

В этих условиях Э.Блэр, активно использующий вопрос о вхождении в еврозону в политических интересах, не имеет права на ошибку. Для зоны евро членство Великобритании желательно как в прикладном, так и в стратегическом плане (оборот Сити номинированными в евро ценными бумагами превышает аналогичный оборот на континенте, и на Великобританию приходится 30 % мирового валютного рынка). Чтобы не отстать от новичков, Великобритании и Швеции надо будет опередить эти страны, введя евро, тем более что они отвечают всем экономическим критериям.[222]

Группа «Business for Sterling» выступает за сохранение британской идентичности, которую может подорвать введение евро. Члены группы уверены в росте инвестиционной привлекательности Британии по сравнению с еврозоной. Они настаивают на несопадении темпов роста основных показателей и циклов экономического развития с экономикой континентальной Европы. Это значит, что механизмы финансовой стабилизации ЕЦБ окажутся неэффективными в британских условиях. С учетом того, что только 43%

торгового оборота королевства ориентировано на Европу, рынок труда является более «мягким», а Bank of England обладает высоким авторитетом, подчинение британских финансов европейскому институту не воспринимается британцами как отвечающее их национальным интересам. Вступление Великобритании в еврозону в данный момент снизит ее статус в ЕС, так как в это же время еврозона расширится за счет восточно-европейских стран. Утверждается, что евро – недемократический инструмент построения федеральной Европы, которая растворит в себе национальный суверенитет и заменит его «не просчитываемыми людьми», принимающими трансграничные решения и директивы.

Напротив, группа Business in Europe – отмечает, что несмотря на более высокий, чем в Европе, приток инвестиций, происходит закономерное снижение инвестиционной привлекательности. Английская экономика не является автономной и больше зависит от стран ЕС, чем от США. Британские корпорации переходят на постепенные расчеты в евро, поскольку, например, 80% туристического бизнеса зиждется на европейцах[223]. Несмотря на тесные связи с Британским Содружеством и США, мощь Великобритании отходит в прошлое, она теряет свою идентичность, избрав для себя роль связующего моста между Старым и Новым Светом. Свободно конвертируемый статус британского фунта скорее является данью традиции, так как ареал его обращения из-за ослабления самой валюты стремительно сокращается.

Тактика оттягивания референдума по присоединению к еврозоне, проводимая правительством Э. Блэра, хотя и отвечает национальным ожиданиям, приводит к постепенному снижению английского авторитета внутри ЕС. После провала референдума по евро в Швеции, референдума по принадлежности Гибралтара, кризиса общеевропейской конституции правящая партия может дискредитировать себя, проведя столь рискованное мероприятие. Поэтому, начиная с 2002г. продолжается исследовательская программа Г.Брауна по выбору оптимального момента для перехода на евро. Дискуссия о введении единой валютой окажется не причиной, а скорее поводом к кризису доверия партии лейбористов. По мнению министра по европейским делам, П.Хэйна, «референдум по евро поставит в наибольшей остроте вопрос доверия». В этой связи политические факторы могут стать приоритетными при решении о присоединении к еврозоне, хотя кризис доверия в первую очередь вызван ухудшением социально-экономического развития.

Однако британцы осознают, что их страна слишком мала, чтобы в среднесрочной перспективе не войти в еврозоны. Это связано с взаимозависимостью рынков, удобством транзакций, слиянию корпораций и оформлением ЕС как единого игрока при защите экономических интересов и безопасности. В июле 2002г. в г. Лланголлен (Уэльс) была создана временная валютная «микрозона» в рамках фестиваля бардовской песни. В эксперименте приняло участие около 1000 английских фирм. Все это свидетельствует о тщательном анализе результатов и механизмов проекта евро.

В итоге, Соединенное Королевство имеет альтернативу: либо «увязнуть в интеграции», забыв об особом положении в отношениях с ЕС и США, либо сделать выбор в сторону геополитической модели США-Великобритания-ЭВС, сохранив целостность англо-саксонской идентичности и играя на противоречиях между партнерами. Единственный негативный фактор для британской политики – время.

Напротив, поддержка евро в Италии была практически полностью безоговорочной. Отказ от лиры в Италии прошел не то чтобы безболезненно, но на волне евроэпифории, что сразу обеспечило новой валюте высокий кредит доверия. По опросам всех информационных агентств, итальянцы наиболее последовательно поддерживают все достижения интеграции.[224]

Огромное моральное и политическое значение имел 1 марта 2002 г. переход на евро Ватикана. Святой Престол не только пользуется большим авторитетом во всем мире, но также обладает значительным финансовым потенциалом, выраженном в церковном имуществе и ценных бумагах, а также самыми мощными в мире инструментами ведения

пропаганды. Евроизация папского государства была чисто техническим шагом по замене ватиканской лиры на евро в рамках двустороннего соглашения между итальянским правительством и Святым Престолом. Хотя ватиканские евро используются только в сувенирных целях, не следует преуменьшать символическое значение подобного шага для миллионов католиков во всем мире.

В Италии довольно скоро евро сделался предметом политических спекуляций. Уже 1 июня 2002 г. министр финансов Дж.Тремонти выступил с «новаторской» идеей ввести банкноту достоинством 1 евро.[225] Несмотря на то, что экономическая целесообразность такого хода вызывает большие сомнения, подчеркивался, в частности, моральный эффект использования 1 евро по аналогии с 1 долларом США. Авторитет европейской валюты на Апеннинах настолько высок, что его даже не потрясли скандальное «дело Фацио» или предвыборная дуэль Проди - Берлускони. Во введении единой валюты были заинтересованы даже северо-итальянские националисты, получившие тем самым не только новый источник для нападок на правительство и Еврокомиссию, но и определенный инструмент при переговорах с Брюсселем об образовании т.н. Паданской конфедерации со статусом особой экономической зоны. Лидер блока «Лига Севера» У.Босси отметил, что евро будет способствовать институциональному оформлению промышленного севера страны в противовес аграрному югу.[226] Так или иначе, можно констатировать, что новая валюта только способствовала прогрессу итальянской экономики посредством ее интеграции в общеевропейское экономическое пространство с помощью слияний и поглощений.

В отличие от Великобритании и Италии Германия стремится использовать членство в ЕС для отмены международных ограничений (формальных и негласных), наложенных на эту страну по итогам Второй Мировой войны. Это вызывает обеспокоенность второй по значимости страны еврозоны – Франции, некогда выступавшей центром европейских интеграционных процессов. В то же время если ранее немецкая экономика была основой для экономической интеграции, то теперь ФРГ выступает также географическим центром ЕС, стремительно наращивающим экономическое и политическое влияние на экономику стран-членов. Как нигде более в ФРГ евро выступает ключевым механизмом формирования европейских предпочтений немцев. Даже первым, кто предложил использовать деньги для объединения Европы, был немец Э.Крюсе. Только новая валюта как носитель частичной идентичности ЕС способна консолидировать исторически расколотое германское общество.

Однако на данном этапе проект евро находится под угрозой. Несмотря на оптимистичные заявления канцлера А. Меркель, финансовый кризис в Германии наблюдается уже несколько лет. В 2002г. министр финансов Х. Айхель свидетельствовал о финансовой нестабильности экономики ФРГ из-за непоступления фискальных средств. Если в 2003г. недобор составил около 8%, то к концу 2006г. ожидается снижение налоговых сборов на 89 млрд. евро., что проблематично для германских земель, где налоги составляют основную статью доходов бюджета. Сложное состояние фискальной системы привело к негативным последствиям для всей финансовой системы. Рыночная стоимость крупнейших германских банков[227] снизилась в период 2002-2006гг. на 65 млрд. евро. По мнению экспертов, Германия переживает пик корпоративных банкротств, что побуждает банки к формированию значительных резервов, что негативно сказывается на темпах роста финансового капитала. После неожиданного снижения рейтинга крупнейшей страховой компании Allianz агентство Mooby`s отметило низкие перспективы инвестирования в немецкую экономику. Несмотря на то, что в 1997г. Германия была инициатором заключения ПСР, в настоящее время она не отвечает критериям конвергенции, что влечет за собой жесткую систему штрафов. Исходя из того, что многие федеральные земли не только ведут прямые контакты с КЕС, но и имеют в Брюсселе собственное лобби, было решено перенести на них основную тяжесть штрафных санкций. Естественно, это лишь усилило дезинтеграционные течения в ФРГ.

Замена германской марки как валюты-носителя исторической памяти на евро привела к формированию отрицательной комплиментарности в ФРГ. При попытке Еврокомиссии выработать антикризисную программу для Германии и Франции, министр финансов Австрии К.-Х. Грассер заявил о неприемлемости «двухклассовой системы» внутри ЕС. Официальная позиция Бенилюкса и Австрии заключается в том, что даже эта объективно необходимая мера способна подорвать доверие к евро и вызвать «асимметричный шок» доверия во всех странах Евросоюза.

Таким образом, отношение к евро в Германии можно охарактеризовать как весьма прохладное. Введение единой валюты стало поводом летом 2003г. для сепаратистских выступлений на о.Рюген с требованием расширения автономии; причиной для использования марки при наличных расчетах в Баварии и Вестфалии, дебатов относительно продолжения действия ПСР и осуществления Лиссабонской стратегии, усиления экономического диспаритета между «восточными» и «западными» землями. Несмотря на то, что А.Меркель заявила о приверженности курса дальнейшей германской интеграции в Европу, структурные тенденции свидетельствуют о том, что хотя немецкая экономика продолжает оставаться ключевой, без активизации политического процесса ФРГ будет стремительно терять влияние в ЕС. Вопреки многочисленным прогнозам, основным приоритетом развития Германии становится стратегическое партнерство с Россией, а не странами ЦВЕ. Это вызвано не столько экономическими интересами Берлина, сколько стремлением утвердить свою национальную идентичность[228] за счет контактов с другим цивилизационным сообществом, обладающим достаточной политической волей, глубокими историческими традициями, а не странами ЦВЕ, чья исконно европейская идентичность до сих пор не является аксиомой.

9.Взаимосвязь евроэффекта и «чувства общности судеб» Европы

В силу того, что введение евро стало первое качественным изменением политической реальности в пределах ЕС, можно говорить о появлении эмпирического «эффекта евро»[229], отразившегося на характере интеграционных процессов. Как бы то ни было волна «евроэйфории» не сводится к результатам кампании «Евро-2002». Сплочение народов происходит либо в силу всеобщей опасности, либо перед лицом великих свершений. И хотя введение евро «было лишь техническим шагом», оно породило евроэффект, задав логику всему дальнейшему развитию колоссального «европейского дома». Между тем, «проект евро»[230] - лишь сборник непопулярных соглашений и договорённостей, появление новой бюрократической машины в лице ЕЦБ, отказ от части национального суверенитета и исторического прошлого, потеря частицы идентичности в угоду безликому универсализму Брюсселя. Однако если документация и основные принципы монетарной политики остаются величиной постоянной зависят в основном от технических аспектов и - в идеале - от законов рынка, то евроэффект находится в стадии постоянной деформации – наблюдается его диффузия во все стороны европейской интеграции.

Концепция единой валюты опирается на инновационные постулаты развития. С одной стороны, зона евро не соответствует каким-либо теоретическим представлениям,[231] а выступает скорее опытным полигоном для реализации имперской политики ЕС, символом которой в данной сфере служит ЕЦБ – институт, оформившийся до введения единой валюты, что, в целом противоречит исторической логике функционирования валютных союзов.[232] Создание наднациональной валюты стало абстрактным выражением оформления территориальной идентичности.

«Проект евро» расценивался европейскими политиками как «главная тенденция, связывающая два тысячелетия», в силу мощного психо-количественного эффекта использования единой валюты, связывающего европейцев не только на виртуальном чувстве единения, но и исходя из соображений логически рациональной утилитарности. В то же время, несмотря на попытки придать «проекту евро» характер «интеграции снизу»,

евро продолжает оставаться реформой, инициированной исключительно сверху. Соответственно дискредитация новой валюты поставит под вопрос политическое будущее национальных и наднациональных элит ЕС.

В условиях «евроэйфории» ЕС предпринимает попытку покончить с романской вторичностью европейской цивилизации, самоутвердиться при помощи территориального расширения и валютно-финансовых механизмов и институтов. Исходя из особенностей европейской идентичности и эксклюзивности, развитие интеграции происходит в духе «натиска на Восток». С того самого момента, когда представители ЕС предпочли качественному развитию поглощение новых государств, характер расширения стал «волнообразным», о чём свидетельствуют заявления экс-председателей КЕС Ж. Сантера и Р. Проди. Происходит постепенное оформление концепции «расходящихся кругов» при анализе европейского строительства. Логика интеграции все более соответствует органическому подходу, ибо тенденция расширения напоминает пульсацию живого организма. Это подчёркивается и волнообразным расширением интеграции, и автоматическим «поглощением» более мелких соседей. Если представить её схематически, получится 5 пульсирующих спиралей.[233] В самом центре находится ядро[234], за которым следует спиралевидная внутренняя среда из 4 вариантов[235]. От внешней среды её отделяет комплиментарная «мембрана» евроэффекта. С одной стороны, не допускается слияние внешней и внутренней среды, с другой – эта окружность образует ореол, энергоинформационное поле вокруг ядра.

Если принять во внимание тезис об эксцентричности Европы, то в данной системе не имеется постоянного географического либо функционального центра, напротив – она развивается по циклическим законам расходящихся кругов и перетекания, отталкиваясь как от произвольных, так и от искусственно создаваемых действий и событий. Любое вмешательство, например – принятие определённого политического решения ЕЦБ, ЕК, национальных правительств или финансовых группировок и ТНК, приводит к нарушению синхронности циклов, так же как и их динамики. Отсюда, в зависимости от текущего состояния системы возникает многовариантность, которая выражается в политических последствиях решения[236]. В целом, можно выделить 4 варианта развития событий:

1. Преобладание внешних факторов на выходе из системы – гармонизация политики, дальнейшая интеграция и регионализация, доминирование общеевропейских ценностей над национальными, территориальная экспансия за счет включения новых членов.
2. Преобладание внутренних факторов – жёсткий контроль, культурная привлекательность, рост благосостояния и самосознания граждан ЕС.
3. Синхронный диссонанс внешних и внутренних импульсов – стагнация и регенерация системы посредством «асимметричного шока», стимулирование национализма, снижение авторитета ЕС, рост евроскептицизма, сепаратизм.
4. Синхронная цикличность импульсов – «застой», снижение культурной привлекательности, общественная апатия, выраженная в рамках толерантности и общечеловеческих ценностей, последствия политического решения предопределены исключительно во всех сферах власти и общества. Проявление евроэффекта преломляется только через призму «системы евро» и потому минимально.[237]

Исходя из системы прогнозирования и моделирования ожиданий, применяемой в ЕЦБ, при установлении закономерностей относительно влияния евро на чувство общности европейцев можно использовать монетарную модель К.Дауда и Д.Гринвэя для определения индивидуального подхода.

Опрос, организованный в 2001г. обсерваторией «Талис» во Франции и Нидерландах, учитывал неэкономические аспекты признания евро. 36% опрошенных (54% французов и 24% голландцев) считают, что евро сблизит европейцев, а 20% (36% французов и 11% голландцев) рассчитывают, что он будет способствовать созданию общей культуры.

Отдельно можно отметить, что уровень доверия к единой валюте зависит не от экономических факторов, а скорее от политической конъюнктуры.

В то же время, как показывает опрос Евробарометра, проведенный накануне введения евро, приверженность ЕС и евро необязательно были взаимосвязаны в европейском сознании. Так, 3,2% опрошенных отрицательно относились к ЕС, но положительно – к евро; 13,9% – безразлично к ЕС, но положительно – к евро; 5,8% – враждебно к евро, но положительно – к ЕС. Однако подавляющее большинство (49,1%) положительно отнеслись и к евро, и к ЕС. Около 17% вообще не видят взаимосвязи евро с принадлежностью к ЕС и полагают, что их решение относительно новой валюты исходит из экономических предпосылок. Например, как те, кто одобряет членство в ЕС, но отрицает евро, объясняя это стремлением сохранить и европейскую и национальную идентичности, как это было с результатами референдумов в Дании в 2000г. и Швеции в 2003г.

В экономической модели Дауда - Гринвэя индивидуальный выбор основан на системе предпочтений, проистекающих из сопоставления ожидаемых выгод от использования евро и иных валют.[238] Наибольшую актуальность данные факторы приобретают для новых государств-членов и третьих стран при принятии индивидуального политического решения об участии в ЕВС-2 (t) или вступлении в еврозону (t^*). В каждый из этих моментов, существует несколько альтернатив:

- сохранить национальную валюту на переходный период до времени t^* , что приведет к неизбежным, но непрогнозируемым издержкам, когда в момент t^* переход на евро станет обязательным;
- немедленно перейти на евро, понеся сопутствующие издержки;
- обеспечить постепенный переход на евро, играя на использовании обеих валют.

Чтобы принять решение, пользователь сравнивает выгоду $V(t)$ (возможная выгода вследствие немедленного перехода на евро) и выгоду $U(t)$ (возможная выгода от использования национальной валюты в переходный период). Результат при этом зависит от следующих факторов:

- преимуществ, ожидаемых от создания сети пользователей евро. Они прямо пропорциональны числу агентов, использующих евро в качестве валюты расчетов. Практически этот фактор не действовал на момент t , так как евро вводился как совершенно новая валюта. Однако теоретически существовали некие экономические предпосылки, которые, тем не менее, не имели особого значения на уровне индивида. Следовательно, активным периодом является $t-t^*$, а прибыль зависит от базовой процентной ставки r . Единовременная прибыль возрастает с повышением числа пользователей x согласно коэффициенту пропорциональности d , то есть dx ;
- чистой прибыли независимо от сети пользователей, проистекающая непосредственно из природы евро, которая измеряется совокупностью текущих преимуществ. В основном они выражаются в соотношении позитивного и негативного евроэффектов, в той степени, насколько это возможно учесть. Единовременная прибыль с фиксирована;
- стоимости C_t расходов от введения евро. В расходы включены: затраты на информационное обеспечение, технические расходы. К ним добавляются психологические и социальные издержки, порожденные, например, отказом от национальных валют, воспринимаемых в качестве компонента национальной идентичности. Эти затраты четко соответствуют переходному периоду.

Исходя из вышесказанного, выгода агента-пользователя евро определяется по следующей формуле при условии, что, по его мнению, число x пользователей (сообщество, эгрегор) также будет использовать евро:

$$V(t) = \frac{(c+dx)}{r} \int_t^{t^*} e^{-r(1-t)} dt - C_t = \frac{(c+dx)}{r} (1-e^{-r(t^*-t)}) - C_t \text{ [формула 2]}$$

Выгода сохранения национальных валют в период t зависит от следующих факторов:

- преимуществ сетевых связей, выгода от которых прямо пропорциональна числу пользователей национальной валюты, что выражается в повышении коэффициента by . На самом деле, распространение денежного оборота облегчает его использование. В период t сфера охватывает практически всех пользователей, тогда как евро тотально воспринимается как инородный элемент;
- непосредственных преимуществ вне оборота, измеряемые текущей стоимостью чистой прибыли в переходный период. Единовременная прибыль этих преимуществ a – величина постоянная. Хотя обе валюты являются средством погашения долгов, только национальная валюта имеет официальное хождение. Поскольку присутствие евро носит пока лишь формальный характер, он объективно являлся сильной валютой, так как не подвержен колебаниям денежной массы и территориальным ограничениям внутри уже сформированной еврозоны;
- стоимости обязательного перехода C_{t^*} с национальной на общеевропейскую валюту в момент t^* . Стоимость этих издержек в момент t рассчитывается на основе фактора α (αC_{t^*}) и является меньше издержек мгновенного перехода в случае если $C_t = C_{t^*}$ из-за текущих предпочтений агентов, выраженных в коэффициенте дисконтирования. Но стоимость C_t может превышать C_{t^*} . На самом деле, издержки на информацию и изучение могут быть значительно ниже в момент t^* благодаря рекламной политике государственных властей в переходный период и благодаря мерам, направленным на создание благоприятного общественного мнения (двойные цены, выражение финансовых активов в евро).

Принимая во внимание вышеперечисленные факторы, выгода агента, желающего сохранить национальную валюту на переходный период, выражается следующим образом:

$$U(t) = \frac{(a+by)}{r} \int_t^{t^*} e^{-r(t^*-t)} dt - \alpha C_{t^*} = \frac{(a+by)}{r} (1-e^{-r(t^*-t)}) - \alpha C_{t^*} \text{ [формула 3]}$$

Выгоды, выраженные в формулах 2 и 3, определяется для определения взаимозависимости между чувством принадлежности к Европе и евро, на основании рациональных интересов.[239]

Национальные тенденции возобладают в том случае, если выгода $U(t)$ превзойдет ожидаемую выгоду от использования евро $V(t)$, что отражается в следующей формуле:

$$C_t - \alpha C_{t^*} > \left(\frac{c+dx - a+by}{r} \right) (1-e^{-r(t^*-t)}) \text{ [формула 4]}$$

Согласно ей, решение о сохранении старых валют или их замене на евро основано на сравнении:

- непосредственной природы двух валют, измеряемых коэффициентами c и a ;
- их прогнозируемую сферу применения x и y , включая прибыль dx и by ;
- разницы стоимости немедленного и постепенного перехода на евро (C_t и C_{t^*}).

По многочисленным опросам этот сценарий был выполнен большинством европейцев, и было установлено, что:

- коэффициенты c и a относительно близки, так евро обладает некоторым превосходством над национальными валютами, но в то же время обладает

негативными побочными эффектами, которые не могли ранее воздействовать на финансовые системы стран ЕС;

- издержки от немедленного перехода на евро значительно выше, чем от постепенного ($C_t > C_{t^*}$);
- европейцы весьма неохотно переходят на евро, что делает низким показатель x по отношению к y , что ведет к тому, что $dx < by$ при относительно равных значениях b и d .

Для индивида, принимающего решение на основании совокупности этих предположений, левая часть формулы положительная, тогда как правая часть – отрицательная, что недвусмысленно обеспечивает соблюдение неравенства.

Предпочтения конкретного агента к моменту окончательного перехода на евро определяются следующей формулой:

$$V(t^*) = \frac{c}{r} + \frac{d \cdot n}{r} - C_{t^*} \text{ [формула 5]}$$

Таким образом, индивидуальная выгода зависит от:

- текущих выгод, проистекающих из оформления общеевропейского эгрегора[240] пользователей ($d \cdot n / r$) и чистой прибыли вне еврозоны (c / r) в течение нескончаемого количества периодов вследствие финансовой интеграции;
- издержек перехода на евро C_{t^*} , которые в целях упрощения наступают с момента t^* . Эти издержки имеют денежный и неденежный характер.

Денежные издержки проистекают от адаптации платежной системы к новому платежному стандарту (например, округление цен, коммерческое использование или судебные расходы из-за смены валют).

Неденежные расходы включают:

- психологические издержки, вызванные отказом от национальных валют в пользу евро. Исчезновение наличных европейских валют может породить ощущение утраты части национальной идентичности, негативный эффект которого не может компенсироваться сильной общеевропейской идентичностью;
- социальные издержки в области ограничения некоторых категорий населения.

Некоторые из этих признаков проявились непосредственно в момент перехода к наличному евро, но большинство из них проявятся значительно позднее. Непосредственные издержки от введения евро могут быть ниже выигрыша от использования эгрегора евро в долгосрочной перспективе (евро может компенсировать даже значительные издержки от перехода на него). Напротив, при анализе кратко- и среднесрочных перспектив евро может спровоцировать чувство разочарования в евро. При повышении числа подобного рода пользователей происходит качественное изменение природы евро, которое выражается в политическом давлении на правительства с целью выхода из еврозоны.

Таким образом, на начальном этапе позиция и роль властных элит будет иметь принципиальное значение для избежания негативных последствий евроэффекта. Прежде всего, в сфере ввода евро и его последствий должна соблюдаться гласность. КЕС предлагает в этой области следующий пакет мер:

- сведения о денежных затратах от использования евро. Однако следует различать внутренние европейские издержки, исчезающие с успехом евро, и издержки международного характера, направленные на трансформацию мировой финансовой системы;
- сведения о системе округлений курсов;
- информация об эффектах, которые могут проявиться в доходах граждан (психологический эффект);

- сведения относительно продолжительности и действительности контрактов, заключенных в евро и национальных валютах.

Кроме того, следует вести экономическую политику, направленную против ценовой нестабильности, ибо это может отрицательно сказаться на покупательной способности евро. Провал этой политики поставит под сомнение репутацию властей, доверие к евро и эффективность европейской интеграции.

Распространение этой информации началось в переходный период, и подкрепилось конкретным содержанием с 2002г. Кампания должна заинтересовать европейцев в добровольном и стабильном переходе на евро, прежде всего, потому что принятие евро выходит за рамки простой денежной реформы и даже социально-экономического проекта. В случае выполнения условий формулы 5 существует вероятность существенной интенсификации положительного евроэффекта: пространственное распространение евро приведет к развитию чувства европейской идентичности.

Закономерно, что в странах, валюта которых на протяжении истории находилась под сильной инфляцией, она по-прежнему использовалась населением. Подобная приверженность может рассматриваться как проявление сильной национальной идентичности. Если чувство европейской идентичности еще слабо, чтобы сбрасывать со счетов отторжение евро, то его надо прогрессивно усиливать, что в будущем позволит избежать гипотетическое появления такого кризиса. Это усиление может происходить в результате экономических преимуществ евро и эффектов социальной интеграции, проистекающих из этого.

В качестве общего обменного механизма еврозоны, евро ограничивает европейское пространство от других валютных зон. Подобное разграничение усиливает чувство принадлежности к Европе. Кроме того, за счет внутренних потоков, создается эгрегор пользователей, объединенный общими устремлениями. Считается, что в качестве резервной валюты евро способствует развитию чувства идентичности только в случае высокого мирового курса. Сильный евро не способствует экономическому процветанию и скорее отражает стабильное внутреннее положение еврозоны, свидетельствует о доверии мирового сообщества к общеевропейскому проекту. Хотя это не отвечает устремлениям ЕЦБ, вызывая ряд негативных эффектов в сфере дестабилизации МВФС, но способствует оформлению идентичности по отношению к другим странам – главным образом, к США.

Проведение реалистичной кредитно-денежной политики начинает играть в международных отношениях не менее важную роль, чем позиционирование страны на международной арене. В условиях виртуализации экономики и усиление влияния политических, информационных, психологических и культурных факторов на экономическое развитие, огромное значение начинают приобретать символичные аспекты международных экономических отношений, основанные на политической мифологии.

По утверждению Э.Гидденса, деньги ломают время и пространство.[241] Поэтому создание новой территориальной данности, по мнению авторов проекта евро, должно было повлечь за собой введение новой валюты, чтобы привязать достигнутые успехи к пространственно-временным рамкам.

Одна из опасностей для европейской идентичности – использование имперской модели национального государства как инструмента стимуляции идентичности. Однако она также не является «игрой с нулевой суммой», представляя собой гибридную форму многих идентичностей. Поэтому европейская идентичность неестественна и не органична. Она базируется только на институте гражданской идентичности, а этнический или лингвистический факторы не играют особой роли.[242] Собственно для функционирования евро (как уровня идентичности) нужны рациональный расчет и контрактные обязательства. Европейцы не должны любить евро, но должны верить в его преимущества и незыблемость ЕЦБ (институциональное основание). Как часть гибридной идентичности, евро не нуждается в такой сильной идентичной основе, как национальная: полицентричные формы управления как нельзя лучше импонируют гибридной

идентичности. При этом историческая память больше не является монополией государств-наций, а образы евро наглядно демонстрируют общее прочтение европейской истории и дают конкретный символ.

Таким образом, евро видится как геополитический концепт оформления новой территориальной данности на базе идентификационного фактора. Скрытые планы европейцев раскрывает иконография новой валюты.[243]

Иконография монет и банкнот обычно служит политикам для пропаганды собственного видения нации. Они воспроизводят национальные мифы в форме, позволенной государством. Дензнаки могут включать любое изображение, но это должен быть легко распознаваемый позитивный символ национальной идентичности, чтобы составить благоприятное самовыражение нации. [244]

Соответственно евро является также графической поддержкой идеи европейской идентичности, поэтому власти ЕС выбрали символы, которые можно было бы четко соотнести с европейской идентичностью. Очень долго была распространена официальная версия КЕС о конкурсном характере дизайна евровалюты.

В реальности все обстояло несколько иначе: конкурс проектов носил исключительно формальный характер. В начале 1994г. КЕС привлекла рабочие группы Европейского валютного института, состоящие из специалистов по психологии, истории, архитектуре, графике и искусству, чтобы разработать оптимальные символы для европейской идентичности. По результатам совместной работы Рабочей группы по банкнотам и Оброчной группы под председательством Марии Михаэлиду в июне 1995г. были представлены промежуточные результаты и сформулированы основные требования:

- возможность интегрировать в дизайн элементы защиты от подделки;
- соблюдение полового равенства и национальной терпимости;
- четко выраженная принадлежность к Европейскому союзу;
- тематика, вызывающая чувство общности европейских стран.[245]

Конкурс проходил в несколько туров.[246] Из 18 рекомендованных тем в итоге было отобрано два сценария – «героический» (с изображением наиболее одиозных фигур европейской истории) и архитектурный (отражающий историческую эволюцию архитектурных стилей). За каждым из вариантов стояла не только творческая группа, но и видение дальнейшего развития европейской интеграции. В сентябре 1996г., после того, как была отвергнута «героическая» тематика, был сделан окончательный выбор в пользу территориального расширения ЕС в противовес углублению интеграции. Национальные символы и знаменитости на время были отвергнуты, чтобы не ущемлять эмблематику будущих членов. Это привело к тому, что сильная идеологически иконография заменялась более «толерантным» вариантом с глубоким подсознательным подтекстом.

В декабре 1996г. было проведено 44 финальных проекта дизайна, хотя победитель был уже известен – им стал Роберт Калина, главный дизайнер Центрального банка Австрии. В итоге, в феврале 1998 года дизайн и спецификации банкнот были окончательно одобрены Советом Европейского валютного союза, а также председателем КЕС Ж.Сантером и И.-Т. де Сильги, комиссаром по введению евро. В августе 1998 года были проведены основные испытания по печати всех номиналов банкнот для окончательного решения проблем выпуска.

ЕЦБ официально поддерживает связь конструкции идентичности с дизайном евро. По версии ЕЦБ, на монетах отражено место Европы в мире, Европы как ансамбля наций, но в то же время единой. На купюрах – общеевропейские символы и темы (флаг и карта). Однако окна, арки и ворота, символизирующие европейский дух открытости и кооперации, подсознательно уводят к масонской тематике, «построению» идентичности. На обратной стороне – мосты, которые символизируют связь Европы с остальным миром. Вообще, архитектурные темы продолжают идею европейского «строительства». Выбор стилей относится к общеевропейской исторической парадигме – Античность, Романское и

Готическое средневековье, Ренессанс, Барокко и Рококо, Стекло и Металл, Модернизм. Это европейская традиция, цель которой – пробудить общую историческую память.[247]

В то же время, несмотря на технические плюсы подобного шага и дешевизну, заложенные в основу дипломатические критерии «политической корректности» сами по себе не способны растворить сильную национальную идентичность, механизмом формирования которой ранее выступали европейские валюты. Было задумано объединить необходимость в единой символике сообщества с необходимостью уважения национальных различий, но без обострения национальной чувствительности и усиления национальной идентичности. Риски соотнесения с определенной страной, сочетались с опасениями, что некоторые страны вовсе не будут представлены или что будут выбраны темы, либо неизвестные широкой публике, либо опасные идеологически. Решение было найдено посредством полностью единых банкнот и «национальных» монет с оригинальным дизайном. Подобное решение должно было позволить разрушить приверженность к национальному символу-монете (как более низкому по статусу по отношению к «наднациональной» банкноте) и параллельно вызвать чувство принадлежности к ЕС.

Однако внутренняя консолидация ничего не значит без внешней экспансии. На самом деле, подсознательно с помощью иконографии евро выстраивается общеевропейская парадигма исторической общности. Античность - Романская Европа – Готика – Ренессанс – Классицизм, Барокко и Рококо – Модерн – Пост-модерн: таковы основные этапы европейской исторической традиции. Соответственно – кто не вписывается в эти рамки, не принадлежит к европейской цивилизации, а значит - не может претендовать на вступление в ЕС.

Архитектурные стили подчеркивают исторически сложившийся агрессивный характер европейской цивилизации. В географическом пространстве становление западноевропейской цивилизации шло на геополитических, этнических и геоэкономических рубежах Римской империи и варваров. На этих границах, где происходили многочисленные конфликты, отмечались интенсивные торговые связи и информационный обмен, вырабатывались комплиментарные отношения европейцев. Поэтому европейская Античность ассоциируется прежде всего с Западной Римской империей.[248]

Романский период был ознаменован не столько культурными достижениями, сколько первой агрессивной попыткой европейского самоутверждения. Империя Карла Великого, неоднородная правопреемница варварских королевств, выставлялась как один из полюсов могущества того мира. Хотя господство Каролингов вскоре пало, романтическая мечта о европейском единстве осталась на генетическом уровне. Готическое средневековье пошло в крестовых походах – навязывания европейской модели высокоразвитым восточным государствам. Однако борьба за доминирование в королевской Европе и раскол в Священной Римской империи привели к поражению «миссии христианского просвещения». В эпоху Ренессанса происходит духовное обретение античного мира через ностальгию. С эпохи Великих географических открытий происходит «европейское чудо». С 1500г. в течение века страны Запада за счет интенсивного капиталистического производства и расширения внешнего рынка опередили Восток. Просвещение привело не только к росту европейского самосознания, формированию прогрессивной европейской культуры и утверждению «цивилизаторской миссии» Европы, но и значительным колониальным захватам. Модерн прошел под эгидой борьбы за передел мира, двух мировых войн и войн деколонизации. Пост-модерн ознаменовался культурно-политическим натиском на Восток и неоколониальная экспансия[249] посредством европеизации и геополитической борьбы.

Иконография четко показывает, насколько легко соорудить пути к общей цивилизации. Евро затрагивает Античность, Средневековье, Ренессанс, Просвещение, индустриальную революции и при этом избегает нелюбимые стороны – войну и

империализм, что соответствует прогрессивному видению Европы. Он «романтизирует» историю. С другой стороны дизайн евро развивает европейское сознание посредством вопросов и недомолвок – например, считать ли Турцию и Россию частью Европы и т.д. Эта неопределенность идеологически обосновывает дальнейшее территориальное расширение, причем не обязательно на мирных началах. Поиски европейской идентичности в данном случае могут привести к поиску «европейского национального интереса», который также затрагивает аспект ОВПБ как обязательное условие для политической Европы. Поэтому ЕС небезосновательно рассматривает вопросы внутренней безопасности и инициирования периферийных конфликтов в качестве механизма единения. Конфликтная рубежность позволит ЕС оформить собственные границы и создать безопасность в рамках мобилизации населения для противостояния общей угрозе.[250] Текущие рубежи ЕС характеризуются повышенной степенью конфликтности, причем многие кризисы были вызваны не без европейского участия. Это и современная Украина, и Приднестровье, и проблема Кипра, и Балканы...

Но есть и другое измерение проблемы – на протяжении веков страны Восточной Европы выполняли роль буфера между Западом и Россией. Теперь ЕС убирает этот барьер, ставя под угрозу экономическую безопасность современной России, делая уже ее периферией своей валютной зоны. По аналогии с другими странами Восточной Европы это означает усиление европейского экономического, политического и культурного гнета на нашу страну. Неоколониальная экспансия посредством массовой европеизации уже началась, что усугубляет проблему поиска российской идеи-силы.

Если проект удастся, то это затронет все сферы деятельности государств – налоговую, экономическую, социальную и внешнюю политики – они переведут к изменению ареала интересов и приведут Европу к самоидентификации в категориях «сверхдержавности». Сильный евро необходим для оформления сильной, агрессивной идентичности. М.Эмерсон сравнивал ЕС со слоном – огромным животным, которое поневоле топчет всех на своем пути. Для сплочения 450 млн. граждан Европы внутренний фактор – евро, должен дополняться дальнейшей экспансией, чтобы завершить оформление панрегиональной державы.

10. Страны ЦВЕ и российский фактор в формировании концепции политической идентичности ЕС

Диффузия суверенитета ведущих европейских государств и неопределенность дальнейшего развития Евросоюза внесли особый вклад в формирование общеевропейской идентичности. С одной стороны, европейцы никогда не отрицали преимущества интенсивного развития перед территориальным ростом. В то же время, в переходные моменты развитие западной цивилизации традиционно осуществлялось за счет территориальной экспансии.

Поэтому на данном этапе интеграции некоторые государства-члены во главе с Францией настаивали на использовании внутренней динамики интеграции, а конкретно – на постепенной интеграции в еврозону всех неприсоединившихся стран – Великобритании, Швеции, Дании, а также – Норвегии и Швейцарии[251] – чтобы сделать евро общей валютой. Использование «евроэффекта» воспринималось ими как возможность формирования единого общества, единой идентичности и, что самое главное, единого панрегионального государства.[252]

Вторая точка зрения существовала в Германии: вместо стабилизации внутренней обстановки в ЕС планировалось расширение с непрогнозируемыми итогами. Безусловно, одной из целей этого расширения также выступало построение идентичности, но на ином основании. Идентичность строилась на чувстве внешней комплиментарности, призванной обосновать разумность европейской интеграции за пределы Западной Европы на базе поиска «европейского национального интереса». Предполагалось, что это расширение

приведет к резкому изменению европейского самосознания и стимулирует процесс формирования общеевропейской идентичности.

Если учесть, что после распада СССР постсоветское пространство стало зоной повышенной нестабильности, в которой усилились дезинтеграционные тенденции, сопровождающиеся политическими кризисами, этнополитическими конфликтами и ростом социально-экономической напряженности, интеграция с такой зоной нестабильности не могла способствовать стабилизации. Напротив – распространение хаоса могло произойти на территории ЕС. В связи с этим в начале 1990-х гг. интеграционные процессы сопровождались карантинной системой ограничений внешней экспансии.

В этих условиях Запад пошел по пути укрепления и расширения компетенции собственных институтов. На основе Евросоюза стала развиваться «империя», включающая в свою орбиту не только развитые европейские страны, но и все пространство ЦВЕ до границ СНГ.[253] Кроме того, немаловажную роль в расширении ЕС сыграл внешний фактор, воля внешних субъектов, которые стремились и стремятся к вхождению в число государств-членов по экономическим и политическим причинам, а также из соображений безопасности. В данном случае можно сказать, что инициатором расширения выступил не Союз, а государства ЦВЕ. С экономической точки зрения единственным подходящим кандидатом на вступление была Словения, но в силу причин политического и культурно-идеологического характера ЕС был вынужден интегрировать все 10 стран. При этом для формирования общеевропейской идентичности присоединение именно этого региона играло ключевую роль, ибо устраняло тот пространственный и культурный буфер, который существовал между Западной Европой и постсоветским пространством.

С целью адаптации региональной идентичности ЦВЕ к общеевропейской в качестве одной из диакритик[254] использовался евро в силу того, что он захватывает два кардинальных элемента политической Европы (национальный суверенитет и отношение к США). В Договорах о вступлении новых членов в ЕС присоединение к ЭВС является обязательным.

Первоначально все 10 стран-кандидатов заявляли о готовности перейти на евро не позднее 2010 года. Однако вследствие превалирования политической составляющей расширения над всеми остальными, в том числе – экономической, требуется определенная пауза, чтобы предотвратить их преждевременный переход на евро и не спровоцировать экономический кризис или напряженность в отношениях, если оптимальный срок вступления покажется новым членам слишком отдаленным. Например, по оценке ЕЦБ и КЕС введение евро отрицательно скажется на экономике шести из десяти присоединившихся стран ЕС - Польше, Венгрии, Чехии, Словакии, Кипре и Мальте.

Несмотря на то, что в ежегодном докладе Еврокомиссии утверждается, что Польше и Венгрии пока не удалось достичь ни одного из пяти ключевых показателей для перехода на евро, Венгрия перейдет на единую европейскую валюту с 1 января 2010 года, хотя изначально планировалось сделать это не позднее 2008г. Министр финансов Венгрии Тибор Драшкович указал, что при определении даты введения европейской валюты правительство исходит из принципов безопасности и стабильности экономики Венгрии как страны, вступившей недавно в Евросоюз.[255] Хотя президент Банка Эстонии Вахур Крафт заявил, эта страна введет в обращение единую европейскую валюту не позднее 1 января 2007 года, это событие переносится на неопределенный срок.[256] Президент Банка Латвии Илмар Римшевич объявил, что Латвия введет единую европейскую валюту в 2008 году, несмотря на бюджетный дефицит и повышенную инфляцию и даже уклонение от участия в механизме EMU-II (ЕВС-2). В Чехии вообще отсутствует стратегия перехода на евро, что негативно воспринимается ЕС. Единственной страной, переход которой на единую валюту является несомненным остается Словения.

Однако независимо от того, когда страны ЦВЕ и Балтии перейдут на евро, новая валюта уже сейчас занимает лидирующие позиции в их внешней торговле. В 2002 году в евро заключалось больше половины всех экспортно-импортных контрактов стран-кандидатов.[257] Особенно высокой доля евро была в Венгрии и Словении - более 75 %. В ближайшие годы этот показатель будет расти. Следует ожидать, что на единую валюту переключится вся торговля новых членов с партнерами по ЕС, а также значительная часть их внешнеэкономических расчетов с другими европейскими соседями. О том, что этот процесс начался, говорят данные исследования, проведенного в 2003 году ЕЦБ и центральными банками стран-кандидатов. В Чехии, Эстонии, Венгрии, Словакии и Словении еще полтора года назад квота евро в обслуживании внешней торговли превышала соответствующую долю стран ЕС. Параллельно отмечается проникновение единой валюты во внутренний оборот центрально- и южно-европейских стран. По данным ЕЦБ, к июлю 2003 года чистый отток банкнот евро за границу составил 37 миллиардов евро, большая часть которых находится в ЦВЕ. Так, в Хорватии во внутреннем обращении обращалось 1,6 миллиарда наличных евро, в Словении - приблизительно 450 миллионов, а в Венгрии - 150 миллионов.[258]

Так или иначе, ЕС заинтересован в обеспечении оптимального режима для успешного перехода на евро, поскольку в этих странах присоединение к еврозоне рассматривается как окончательное вхождение в Европу. Штрафные санкции, наложенные Еврокомиссией на балтийские страны из-за скупки продуктов первой необходимости, на Чехию - из-за слишком медленного перехода к ЕВС-2, ограничения польской трудовой миграции вновь всколыхнули проблему статуса новых членов, которые были приняты в ЕС с «временным ограничением в правах». Хотя новым членам даже не грозит наказание в рамках Общих направлений экономической политики (ОНЭП) и ст.103 Маастрихтского договора, проблема «Европы разных скоростей» вызвала массовое разочарование населения в наднациональной политике – настолько сильное, что вопрос о присоединении к еврозоне стал использоваться национальными элитами в качестве инструмента политического шантажа.

Руководящие органы ЕС заранее договорились, что в первые годы к странам ЦВЕ будут применяться только меры морального воздействия. Обоснование простое - переход от плановой экономики к рыночной еще не завершился. Он, как и адаптация к условиям ЕС, потребует значительных расходов, в том числе государственных.[259] Существует и политическая причина подобной лояльности. Если до мая 2004 года не участвовавшие в зоне евро Великобритания, Дания и Швеция не могли оказать кардинального решения на политику Союза, то теперь по численному составу «группа неприсоединившихся» становится даже больше, чем валютный союз.[260] Это ставит под угрозу безальтернативность проекта евро и может привести к потенциальному расколу валютного пространства ЕС. Неслучайно Ж.-К. Трише активно выступает «против двойных стандартов», требуя пересмотреть законодательство ЕС и способствовать переходу в еврозону всех членов ЕС под угрозой исключения.[261]

В итоге «европейское» будущее стран ЦВЕ теперь напрямую зависит от того, насколько скоро они окажутся способны принять европейскую валюту. Поскольку все эти страны уже участвуют в ЕВС-2, они экономически связаны с еврозоной, но не обладают теми преимуществами, которые оказывает евроэффект на формирование их идентичности.

Таким образом, даже на этом уровне происходит разграничение между старыми и новыми членами, обозначенными как определенная пространственная группа. Поскольку построение региона можно рассматривать как разновидность политики идентичности, с помощью которой участники пытаются сформировать свой образ, оно неизбежно приводит к обобщению черт сходства и различия. При этом обобщение государств ЦВЕ с их многочисленными национальными культурами и языками возникло вследствие определенного упрощения.[262] По возможности власти постарались акцентировать черты сходства между ними и ретушировать различия. Однако для создания этой

наднациональной идентичности все же потребовалось отмежевание от «Другого». Оно происходит в рамках центрально-европейского дискурса,[263] носящего культурный и геополитический характер. Его динамика разворачивалась на границе между двумя воображаемыми регионами – Западной Европой и Россией. Таким образом, выделяются два «Других»: ЕС и бывший СССР. При этом резкое моральное дистанцирование от советской цивилизации сопровождалось притязанием региона к «общей европейской родине». СССР (а затем – РФ) позиционировался как не-западный «Другой», сравнение с которым подкрепляет центрально-европейские притязания на западность.[264] За конструирование идентичности теперь приходится платить моральную цену для отмежевания от «варварской» России. Хотя подобное разграничение является обычной практикой в идентификационной политике, в данном случае требуется еще и демонизация соседа, чтобы обосновать свои притязания на особую идентичность.[265]

Инициаторы вопроса о Центральной Европе редко представляют его как проект построения региона – чаще всего они описывают наблюдаемую реальность, где люди связываются общей территорией и культурными чертами. На практике это политический проект, основной целью которого является не открытие истоков идентичности, а растворение в ней, попытка увидеть составляющие общество противоречия.[266] Для ЦВЕ эта идентичность не только подчеркивает европейские характеристики местных культур, но и заключает в себе наднациональный уровень идентичности, устраняя угрозу политического национализма. Поэтому, несмотря на некоторые различия центрально-европейских стран с западноевропейскими, происходит реевропеизация этой территории.

Вообще-то рискованно говорить о Центральной Европе как об однородном геополитическом и культурном явлении. Концепция Центральной Европы, немецкая по происхождению, была разработана Ф.Листом еще в XIX веке для создания протекционистской экономической зоны, отстаивания немецких целей и интересов. Если раньше со стороны германских политиков звучали заявления об использовании этого концепта против СССР в качестве инструмента второй фазы политики разрядки, то теперь в ФРГ рассматривают проект *Mittleuropa* как механизм повышения германской мощи внутри ЕС. Э.Хобсбаум отмечал в *The Guardian*, что *Mittleuropa* относится «скорее к политике, чем к географии, скорее к области политических программ, чем к реальности... География чаще всего продолжает политику иными средствами».

Центрально-европейский политический проект со стороны государств региона осуществляется в виде морального упрека Европе. Утверждается, что история движет Западную Европу к дальнейшему прогрессу и процветанию, а в силу «общности судеб» Центральная Европа имеет право на законное место в рамках ЕС. С одной стороны, Чехия, Венгрия, Польша, также как например Австрия, никогда не были частью Восточной Европы. С самого начала они принимали участие в формировании западной цивилизации с ее готикой, Возрождением, Реформацией. Более того – Центральная Европа внесла значительный вклад в современную западную культуру (психоанализ, структурализм, додекафония, творчество Бартока, Кафки и Музиля). Во-вторых, Западная Европа фактически узурпировала маркер «Европа». Конечно, для стран ЦВЕ ЕС представляет в своем лице общеевропейскую цивилизацию. Ориентация этих государств на Союз означает утверждение европейской модели развития и обретение механизмов интеграции в Европу. Все предложения ЕС, состоявшего из пятнадцати членов, применимы теперь к сообществу из 25 членов. Более того – остальные действия ЕС должны быть подчинены интересам Польши, Венгрии, Чехии и других центрально- и восточно-европейских стран, так как предоставление привилегий Центральной Европе превратит ее в магнит для юго-восточной Европы, Прибалтики, Украины и европейской части России. Расширение сообщества, к которому приведет предоставление преференций государствам ЦВЕ, поможет углубить интеграцию ЕС.[267]

Оформление ЦВЕ в единый политический организм[268] – курс, провозглашенный В. Гавелом, - так и не состоялось.[269] Даже когда казалось, что интересы и стратегии

этих стран тесно взаимосвязаны (например, отношение к ЕС), процесс кооперации между ними начинался по инициативе третьей стороны, например, СССР или ЕС. Даже при обсуждении вопроса о вступлении в ЕС государства конкурировали между собой, что вызвало резкую политическую реакцию со стороны Запада, рассматривающего новые демократии Центральной Европы как единое целое.[270] Тем не менее, с точки зрения политики идентичности, реальность проекта не была скомпрометирована отсутствием политических структур. Хотя проект построения региона и не привел к институционализированным контактам между обществами и государствами региона, он до сих пор используется в политических отношениях с ЕС и РФ.

В итоге, до тех пор, пока в странах ЦВЕ не будет введена единая валюта, сохраняется высокая вероятность конфликта идентичностей, выраженная в существовании другой Европы – «Междуевропы»[271], отвечающей следующим особенностям:

- страны ЦВЕ, хотя и расположены рядом с Западной Европой («Европой»), отличаются от нее географически, политически, экономически, культурно и духовно;
- все они являются осколками распавшихся империй, и потому процессы национального становления в них еще продолжаются;
- их экономическая роль незначительна, экономика ориентирована на внутренний рынок, а внешнеэкономическое влияние слабо;
- выпав из-под советского влияния, они безоговорочно ориентированы на Запад даже в ущерб собственным интересам, и воспринимают контакты с Россией как «вынужденные»;
- за неизменением исторически сильной национальной идентичности религиозные факторы играют важную роль в консолидации государств;
- существуют противоречия между европеизированными элитами и большинством населения, равнодушно или негативно настроенных к западноевропейским странам;
- внутренние противоречия в ЦВЕ, определяемые преувеличенными представлениями некоторых стран о собственном уровне развития, историческом или текущем значении;
- модернизация проводится за счет мобилизации ресурсов, а не инновационных усилий.

Россия играет ключевую роль в оформлении общеевропейской идентичности и выступает мощнейшим политическим, экономическим и идеологическим фактором европейской консолидации. Можно отметить, что европейское политическое единство будет возможным только в том случае, если пространство, предназначенное под «великий европейский эксперимент», будет ограничено – с одной стороны Соединенными Штатами, с другой – неделимой Россией. При этом, несмотря на существующие культурные противоречия, отношения Россия-ЕС ни в коей мере не будут сводиться к жесткому хантингтоновскому «столкновению цивилизаций», ибо для краеугольных европейских наций[272] Россия будет олицетворять мечту «натиска на Восток» вкуче с духовной мощью и географическими просторами. Россия тоже всеми силами стремится самоутвердиться как европейская страна, параллельно отстаивая свое право на самобытность и культурную независимость.

На данный момент РФ представляет наибольшую угрозу ЕС в культурном плане, поскольку остается единственной страной, способной оспорить монополию европейского наднационального образования на использование бренда «Европа» в собственных интересах. С одной стороны, европейский характер русской цивилизации сложно отрицать вследствие того позитивного влияния, которое наша страна оказала на ход

европейской истории. С другой стороны, Россия продолжает оставаться единственной державой евразийского континента вне ЕС, обладающей безусловным интеграционным потенциалом. В условиях, когда вследствие глобализации формируются «псевдоимперии», самодостаточность РФ выступает ключевым фактором при сохранении отечественной экономической безопасности. Ситуация осложнилась тем, что Европейский союз, традиционно игравший роль посредника, после утверждения своего доминирования в Европе, выступает теперь как самостоятельный актер, используя отдельные страны в качестве субъектов давления при отстаивании собственной позиции. Прямого столкновения интересов не допускалось до тех пор, пока между Россией и ЕС был разграничительный «восточный барьер» из государств ЦВЕ. В итоге, в настоящее время ЕС заинтересован в переориентации социального недовольства вовне, невольно формируя по периметру своих границ «пояс нестабильности», ключевым элементом которого становится постсоветское пространство.

Более того, процесс постепенной европеизации со стороны ЕС, свидетельством которого являются и «Дорожные карты» по четырем пространствам, и интеграция РФ в Болонский процесс постепенно дополняется активной евроизацией государств СНГ, снижая видимость угроз экономической безопасности и отдаляя перспективы валютно-финансовой интеграции бывших советских государств.

Если до 2002 г. европейская валюта была малоизвестна в РФ, то теперь она постепенно вытесняет доллар с российского рынка, что неудивительно, ибо страны ЕС являются основным российским внешнеторговым партнером и инвестором. Центробанк России (ЦБР) в феврале этого года сравнивал стоимость резервов, номинированных в евро с долларовой долей. По словам министра финансов А.Кудрина, «это позволит проводить более адекватную кредитно-денежную политику, направленную на стимулирование экономического роста». Возникает весьма странная дилемма: если дефолт 1998 г. был вызван тотальной долларизацией страны, то теперь после начала евроизации российские элиты, в том числе научные, безосновательно считают нашу экономику застрахованной от каких-либо рисков. На самом деле мы можем наблюдать форсированное развитие влияния европейской валюты в России, что объясняется постепенным включением РФ в «валютную периферию» ЕС, роль которой ранее исполняли страны ЦВЕ. В том числе это делается для того, чтобы после успешного перехода новых стран-членов на евро, существовало уже сформированное и адаптированное к европейским стандартам «благоприятное валютное окружение».

Можно отметить, вопреки общепринятому мнению, что валютная пара евро-доллар в России сами по себе не обеспечивают финансовой стабильности. Хотя «политика малых шагов» имеет место быть,[273] по словам А.Вершбоу, «динамика курса евро-доллар лишь отражает притирку рынков». На самом деле, валютные риски в данном случае не только не снижаются, но даже повышается, поскольку две основные мировые валюты взаимозависимы, а степень контроля существенно уменьшается, ибо риск возрастает в 4 раза. Не отрицается тот факт, что валюты привязаны друг к другу в рамках «валютного коридора»,[274] а значит - взаимозаменяемы и представляют все ту же угрозу, тем более что акторов становится уже двое.

В условиях, когда с 2007г. отменяются все валютные ограничения установленные Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 №173-ФЗ, рубль становится де-факто и ex officio свободно конвертируемой валютой, а значит - динамика его курса будет изменяться по формуле:

$$\frac{ER_1 - ER_0}{ER_0} = \Delta ER_1 = ER_0 \text{ [формула 6]}; \text{ где}$$

ER_1 - обменный курс в текущем периоде

ER_0 – обменный курс в базовом периоде

В условиях, когда в силу вышеназванных причин визуально уменьшается степень экономической угрозы, значительно понижается степень хеджирования (минимизации рисков за счет управления ими). С учетом нынешней ситуации для решения валютных вопросов все более активно начинает использоваться политический инструментарий – от выбора правильной стратегии, до принятия политических решений, прогнозирования и превентивной политики. В отличие от ФРС или ЕЦБ, ЦБР не обладает репутацией авторитетного финансового института, чтобы проводить вербальные интервенции. Таким образом, на примере России, мы видим, что, спасаясь от угроз долларизации, страна бросается в другую крайность, стремительно меняя доллар на евро. В период 2002-2006гг. доля банковских резервов, ориентированных на европейскую валюту возросла с 20% до 50-55%, страна постепенно переходит на расчеты в евро во внешней торговле. Начиная с 2003г. таможенные пошлины начинают исчисляться в евро, в то время как поступления за счет данной группы платежей составляют 43,7% государственного бюджета или около 8% ВВП страны. В этом году европейцы добились существенных успехов в переговорах с «Газпромом», перейдя на евро в качестве валюты расчетов за поставляемые энергоносители. Более того, в силу более высокого курса понятие «у.е.» теперь чаще подразумевает именно европейскую валюту.

Что касается стран ЕС, то рублевый проект несет для них большие проблемы. После возможной договоренности о разграничении валютных сфер влияния во всем мире, они впервые столкнулись с попыткой, посягательства на их внешнюю валютную политику. Долгое время Россия пыталась осуществлять европейский сценарий валютной интеграции, который в пределах СНГ обречен изначально по названным выше причинам. Затем на короткий период ЦБ РФ избрал тактику «слабого рубля». По словам министра финансов А.Кудрина, это должно было обеспечить более адекватную кредитно-денежную политику, направленную на стимулирование экономического роста. В итоге, Центробанк России (ЦБР) в феврале этого года сравнял стоимость резервов, номинированных в евро, с долларовой долей. После этого евро постепенно вытесняет доллар с российского рынка, что неудивительно, ибо страны ЕС являются основным российским внешнеторговым партнером и инвестором. Возникает весьма странная дилемма: если дефолт 1998г. был вызван тотальной долларизацией страны, то теперь после начала евроизации российские элиты, в том числе научные, безосновательно считают нашу экономику застрахованной от каких-либо рисков. На самом деле мы можем наблюдать форсированное развитие влияния европейской валюты в России, что объясняется постепенным включением РФ в «валютную периферию» ЕС, роль которой ранее исполняли страны ЦВЕ. В том числе это делается для того, чтобы после успешного перехода новых стран-членов на евро, существовало уже сформированное и адаптированное к европейским стандартам «благоприятное валютное окружение». Таким образом, вместо дедолларизации экономики вырисовывается вполне возможный сценарий евроизации.

В то же время, целый ряд факторов препятствует осуществлению симметричного ответа на противодействие возможному кризису российской экономики. Главным образом, нас интересуют те факторы, которые носят структурный характер. Во-первых, валютно-финансовый потенциал РФ во многом определяется деятельностью финансово-промышленных групп (ФПГ), которые ориентированы на экспорт. Для них повышение статуса русской валюты и последующее укрепление его курса несет резкое сокращение сверхприбылей. Они проводят политику дальнейшего ослабления рубля, используя лобби на министерском уровне, хотя слабая валюта никогда не сможет служить основой для создания регионального валютного пространства. В случае усиления позиций российской валюты устами А.Кудрина ФПГ угрожают дефолтом – даже «при отсутствии объективных экономических предпосылок к нему». Такая позиция, в конечном счете, ставит под угрозу осуществление «национальных проектов» и грозит социальным взрывом. Вторым крупным испытанием для реализации российского валютно-финансового потенциала станет проблемная интеграция в переживающую кризис нестабильности МВФС. Согласно

общепринятому мнению, происходит диверсификация резервов, что практически делает невозможным новый дефолт. И все-таки валютная пара евро-доллар в России сами по себе не обеспечивают финансовой стабильности. На самом деле, евро лишь привязан к доллару, стоимость которого виртуальна и зависит скорее от действий американских войск на Ближнем Востоке либо атомной проблемы КНДР, чем от динамики биржевых индексов, вызванной экономическим ростом экономики. Тот факт, что валютные риски диверсифицировались, а значит - стали в меньшей степени управляемыми, подтверждает по аналогии с Луврскими соглашениями 1987г. заключение в Нью-Йорке в сентябре 2001г. секретного договора, предусматривающего пакет мер по поддержанию мировой валютной системы, чьей рабочей валютой выступает доллар (а не привязанный к нему евро). Таким образом, появление «альтернативной» доллару валюты не только увеличило риск возникновения кризиса, но и снижает видимость угроз экономической безопасности, отдаляя перспективы валютно-финансовой интеграции постсоветского пространства.

Завоеывая российский рынок, евро параллельно утверждается в русском сознании. Как отмечал еще в 2002г. директор Института проблем глобализации М.Делягин, россияне ощущали собственную причастность к грандиозным переменам в Европе.[275] Благодаря более тесному сотрудничеству с ЕС происходит изменение российской этики вследствие массовой европеизации культуры. При этом меняется не только система оценки, но даже самооценки. Россияне не осознают себя частью Европы, а довольствуются совершенно туманными утешениями о русской самобытности, византизме и евразийстве – концептами, для осуществления которых политические элиты не располагают ни волей, ни желанием, ни возможностью осуществления при сохранении территориальной целостности РФ. Признавая за ЕС и странами Западной Европы монополию на это геополитическое и культурно-идеологическое название, наша страна автоматически утрачивает моральное право вмешательства в политику соседних стран, в том числе – для защиты собственных интересов, возможность строить равноправный диалог на паритетных началах. Более того – подобное молчаливое согласие в конечном счете породит социальную апатию и будет стимулировать кризис российской идентичности. В российских общественно-политических и научных кругах просто не оценивают те субверсивные угрозы, которые несет в себе евро, называемый «единой европейской валютой»[276] - названием, которое автоматически отрицает для России возможность называться великой европейской державой. Использование символа евро[277] в контексте слова «Европа» и полная неизвестность с российско-белорусской валютой провоцируют чувство неуверенности в завтрашнем дне в противовес «стабильной» еврозоне, что естественно приведет в будущем к столкновению с европейцами в культурной сфере, политике уступок и европейскому вмешательству в российские внутренние дела.

Безусловно, расширение применения евро в России не только выступает дополнительным инструментом при переговорах с ЕС, но и временно нейтрализует риски долларизации, хотя уже в среднесрочной перспективе (до 2015г.) сулит большие проблемы в сфере экономической безопасности и культурной политики. В любом случае, критическим для валютной стабильности России будет являться период с февраля 2007г., (когда будут сделаны предварительные анализы перспектив развития валютно-финансового потенциала РФ) до июня 2007г. (когда будут ощутимы первые последствия отмены валютного регулирования и контроля). Как можно предположить, на данный момент, Россия не имеет эффективной антикризисной стратегии в случае провала «рублевого» проекта.

Примечания:

1. Страбон. География / Страбон. – М.: Ладомир, 1994. - С.503, 538-540, 576, 585.
2. Померанц, Г. Выход из транса / Г. Померанц. - М., 1995. - С.210.

3. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. / К. Ясперс. - М., 1991. - С.52-55.
4. Браг, Р. Европа – римский путь. // Вестник Европы, №10, 2003.
5. Жак Ле Гофф. Европа не старая, она - древняя: хорошее основание для создания будущего. Интервью. // El Periodico, 18.07.2004 / www.inosmi.ru
6. European Commission. «Declaration on European Identity», in General Report of the European Commission. - Brussels: European Commission, 1973.
7. В частности, этим лейтмотивом наполнена одна из его последних книг (2004) «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство».
8. Р.Шуман. За Европу. – М.: Московская школа политических исследований, 2002.
9. А.Н. Кольев. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. – с.379
10. В отличие от народа, где доминирует антропологический признак, этноса с ярко выраженным чувством общего единства, нация также базируется на интеллекте и саморефлексии.
11. А.Н. Кольев. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. – с.379
12. Браницкий А.Г., Erit una Europa? (Будет ли единой Европа?): История объединения Европы: противоречия, проекты, перспективы. – Н.Новгород: ННГУ, 2006, с.7.
13. М.М.Наринский. Европейская цивилизация и европейская идентичность. // www.pavolga.ru
14. А.Н.Кольев. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005, с.303
15. Исключение составляет, пожалуй, только империя Карла V Габсбурга. Однако отсутствие религиозной толерантности, в конечном счете, привело к ее стагнации и распаду.
16. Жак Ле Гофф. Европа не старая, она - древняя: хорошее основание для создания будущего. Интервью. // El Periodico, 18.07.2004
17. Интересно, но в биографии этого персонажа присутствует возможное сознательное искажение фактов, чтобы придать ей подобие политического мифа о братьях-основателях государства. Очень низка вероятность того, чтобы у Карла Великого (Charlemagne) был брат-близнец по имени Карломан (Charlemagne).
18. Королевство франков (лат.)
19. Сначала называлась Римская империя, с 1157г. – Священная империя, с 1254г. – Священная Римская империя; с середины XV века – Священная Римская империя германской нации. Включала в себя германские, итальянские, славянские и др. земли. Подчеркивала преемственность имперской традиции от Константина Великого.
20. Как отмечает Н.Дэвис, для разделенных религиозной войной народов было трудно осознать их христианское единство, а термин «Европа» превосходно подходил для этого.
21. В.Г. Шемятенков. Европейская интеграция. Учебное пособие. – М.: Международные отношения, 2003. – с.19
22. Все попытки КЕС ввести его в официальный «пантеон» основателей единой Европы не имели успеха в силу отсутствия толерантности в его идеях и имперского подтекста о европейском превосходстве. В то же время для широких слоев европейских граждан он просто неизвестен.
23. Эксклюзивная идентичность – официальный термин ЕС, обосновывающий понятие европейской идентичности за счет исключения всего «неевропейского». Эксклюзивная идентичность основывается на внешнем восприятии европейских ценностей и носит элитарный характер.
24. В частности, подобные предположения были развиты в ходе диспута на Берлинском конгрессе 1988г. «Мечта о Европе» К.Кохутом и опровергнуты К.Гауссом. Несмотря на это они активно используются в настоящее время при создании общеевропейской

- исторической парадигмы.
25. Эразм решил эту проблему, исключив из европейского пространства Англию и Московию.
 26. Когда в 1535г. Франциск I заключил с Турцией союзный договор, направленный против Карла V Габсбурга, тот вошел в европейскую историю под названием «дьявольского пакта» - *Pacte diabolique*.
 27. Именно с этого времени уже можно говорить об исключительном (эксклюзивном) характере европейской идентичности.
 28. Свет с Востока (лат.)
 29. Х.Мюнклер. Европа как политическая идея. // Империя – нация – Европа: модели политического устройства. // <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=10010452>
 30. Например, этой позиции придерживаются Ж.Дэлор и христианские демократы.
 31. А.Н. Кольев. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. – с.308
 32. Император Священной Римской империи Карл V в ходе контрреформации предпринял последнюю попытку создания всемирной христианской империи, объединив под своим началом наибольшую имперскую территорию со времен Карла Великого.
 33. В.Г. Шемятенков. Европейская интеграция. Учебное пособие. – М.: Международные отношения, 2003. – с.19
 34. Любопытно, но его предшественниками были доминиканец Франциско Витория и иезуит Франциско Сурес, которые при создании международного права основывались на католической теологии. За основу ими был взят принцип *Res publica pars totius orbis est* - Государство – часть всего мира.
 35. Так, например, в «Идеях к философии истории» он пишет: «Когда всех загоняли в единое образование, называвшееся римским народом, была разрушена стена, которая отделяла одну нацию от другой, был сделан первый шаг к уничтожению всех национальных характеров».
 36. Однако, несмотря на это, идея о европейском характере империи Карла Великого становится одним из центральных мифов новой европейской идентичности.
 37. Х.Мюнклер. Европа как политическая идея. // Империя – нация – Европа: модели политического устройства. // <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=10010452>
 38. История обеих Индий (фр.)
 39. К началу XVIII века у европейцев появилось чувство принадлежности к новой виртуальной Республике — *La Republique des Lettres*.
 40. Рейналь исходит из предположения, что Америка сможет одновременно нейтрализовать и Англию, и Россию, тем самым сохранив чисто европейскую самобытность. В дальнейшем такие рассуждения можно было прежде других встретить у А.Токвиля: «Сегодня на земле существуют два великих народа, которые, отталкиваясь от разных исходных точек, движутся, как представляется, к одной и той же цели: русские и англо-американцы. Их исходные позиции различны, их пути не одинаковы; и все же каждый из них представляется нам призванным тайным провидением сосредоточить в своих руках историю половины всего мира».
 41. О Венском конгрессе (фр.)
 42. То, что такое геополитическое определение Европы может быть обосновано и через культуру, показывает Гёррес в своей работе *Europa und Revolution (Европа и революция)*, в которой он дает определение Европы, используя аристотелевскую фигуру аргументации о центре, находящемся между двумя крайностями; причем для Гёрреса такими крайностями выступают не Англия и Россия, а Америка и Турция: Турция как представитель деспотии, Америка, напротив, как поборник безусловного равенства и автономии. Оба принципа все же оказываются вследствие их односторонности под постоянной угрозой перехода в собственную

- противоположность. Европа, как репрезентант уравнивающей силы и посредничества, занимает место центра между двумя крайностями. У Гёрреса центр является не местом угрозы, а местом, задающим равновесие и баланс сил.
43. В свете этого де Прадт рекомендует также включить Грецию в «европейский концерт», исключительно чтобы она препятствовала выходу России в Средиземноморье.
 44. Следует отметить ярко выраженную прогерманскую направленность этого проекта. Франц писал: «Если предназначение народов Европы все же состоит еще в чем-то большем, чем служить, подобно глиняной массе, материалом для формовки по парижскому шаблону, чтобы затем обжигаться в жаркой печи революции и покрыться лаком в огне так называемой цивилизации, однако под конец, когда и этот лоск поблекнет, стать обыкновенным кирпичом для строительства русской казармы, - то где же еще может найти опору это более высокое предназначение европейских народов, чем только в Германии, которая, пока она занимала господствующее положение в Европе, была очень далека от того, чтобы принижать современные народы, но скорее создавала наиболее действенную для всех гарантию сохранения внутреннего своеобразия?».
 45. В. Шубарт. Европа и душа Востока. – М.: Эксмо, 2003.
 46. В лучших традициях Священной Римской империи.
 47. Р.Шуман. За Европу. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – с.20
 48. В настоящее время исследователи до сих пор не могут однозначно определить, является ли ЕС международной организацией. Наиболее точным по формулировке пока считается определение «наднациональное интеграционное объединение».
 49. Gerbert, P. La construction de l'Europe, 3eme ed., Paris: Imprimerie nationale, 1999, p. 31
 50. Одной из причин создания ЕЭС в свое время была антисоветская и антикоммунистическая направленность, так как на Западе социализм становился все более популярен. Неслучайно в СССР долгое время расценивали ЕЭС как экономический придаток НАТО.
 51. Первоначально они были сформулированы в документах плана Маршалла и Организации европейского экономического сотрудничества.
 52. А.Дебеляк. Неуловимые общие мечты: опасности и ожидания европейской идентичности. // НЗ №34. // www.nz-online.ru
 53. В том числе – проект так и не принятой «снизу» Конституции ЕС.
 54. Место США после Средиземноморья объясняется долларovým и нефтяным кризисом.
 55. Vo Strath. A European Identity: to the historical limits of a concept. // European Journal of Social Theory, №5, 2003, p.387-401
 56. Поэтому европейское единство перестало быть искусственным творением.
 57. По Конституции ЕС, это Союз государств-членов, обладающий юридической правосубъектностью.
 58. Диффузия суверенитета – вводимое автором понятие, которое в отличие от эрозии суверенитета, заключается в гибкой адаптации государственной власти к новым условиям при сохранении основных рычагов влияния.
 59. Более того, М.Эмерсон вводит понятие «пограничной» идентичности, которая формируется в местах прохождения основных диакритик.
 60. A.Dumoulin, R.Mathieu, G.Sarlet. De la doctrine à l'identitaire. // PESD. De l'operationnel à l'identitaire. – Bruxelles: Bruylant, 2003.
 61. J.P. Milner. Les penchants criminels de l'Europe démocratique. – Paris, ed. Seuil, 2004
 62. М. Эмерсон. Слон и Медведь. – Брюссель-Москва: СЕПС-ИЕ РАН, 2001.
 63. Дергачев В.А. Геополитика. – М.: Юнити-Дана, 2004г.
 64. В книге Ч. Тейлора «Источники Я» дается 3 измерения идеи: идея долга по отношению к другим; идея существования идеала, цели-нарратива (героический

- сценарий или утверждение повседневности), что ведет к изучению общественных коллективов с точки зрения различных сценариев; идея презентации Я.
65. Примером чему служат и отказ от ратификации некоторых соглашений в Дании и Ирландии, и провал референдума о переходе на евро в Швеции в 2003г. и неудачный исход референдума относительно европейской Конституции во Франции и Великобритании.
 66. В случае с Норвегией и Швейцарией, которые не только стремятся использовать преимущества, предоставляемые членам ЕС, но и уклониться от исполнения связанных с этим обязательств. Эти страны не только сохраняют свою независимость в 4 пространствах, но и выступают конкурентами ЕС по некоторым позициям.
 67. V.Anderson. *Imagined Communities*. – London: Verso, 1983, p.5
 68. T.Risse. The Euro between National and European identity. // *Journal of European Public Policy*, № 10 (4) August 2003, p.488.
 69. G. Cubitt. *Imagining Nations*. – Manchester: Manchester University Press, 1998.
 70. Официальное выражение КЕС, означающее идентификационную привлекательность.
 71. Любопытно, но «еврооптимизм» распространен именно среди элит, тогда как средний европеец тяготеет к «евроскептицизму».
 72. V.Martinot. *L'euro, une monnaie sans politique?* – Paris: l'Harmattan, 2003.
 73. W. Loth. Identity and Statehood in the Process of European Integration. // *Journal of European Integration History*, №6, 2000.
 74. S.Shanahan. *Currency and Community: European Identity and the Euro. Images and Myths of Europe*. - New York-Bruxelles, P.I.E.-Peter Lang, 2004.
 75. Г.Паскариу. Европейский союз на мировой арене. // www.euroword.ru
 76. Субверсивный – скрытый, подсознательный. В данном случае означает неявно выраженную экспансию.
 77. Термин «мультикультурализм» возник в 1960-е гг. в Канаде в связи с обособлением управления бикультурным обществом. В дальнейшем он стал культивироваться в связи с осознанием роли мигрантов и неевропейского населения в жизни Европы в 1980-2000-х гг. Если в ведущих европейских странах число иноземного населения переходит рубеж в 10%, то Италия, Греция, Португалия, Испания и Ирландия, прежде бывшие источниками миграционных потоков, уже стали акцепторами не европейцев.
 78. Девиз «Един в многообразии», наравне в гимном, флагом и евро, является символом Союза. В то же время, он присутствует в виде надписи на долларах США среди прочих масонских символов.
 79. А.Н. Кольев. *Нация и государство. Теория консервативной реконструкции*. – М.: Логос, 2005. – с.381
 80. А.Дебеляк. Неуловимые общие мечты: опасности и ожидания европейской идентичности. // *НЗ №34*. // www.nz-online.ru
 81. А.Елагин. Евроинтеграция глазами европейских мыслителей. // http://www.iicas.org/articles/library/03_06_02_libr_rus_p.htm
 82. В принципе, подобная практика отвечает идеям И. Канта роли договорных обязательств в поддержании мирного сосуществования европейских государств. Тезис Альтерманна о недемократическом характере подобной политики опровергается практикой делегирования волеизъявления через выборные органы управления государством
 83. Что, впрочем, соответствует исторической традиции. Французский историк Ж. Мадоль называет Европу «кладбищем народов».
 84. У. Альтерманн считает текущие дебаты о Единой Европе политическим шоу и бюрократической имитацией.
 85. В свое время формирование европейских наций и общеевропейской идеи стало возможно в силу нетерпимости к инородным элементам культуры.
 86. Классическим примером может служить мультикультурное пространство Ближнего

- Востока.
87. По концепции антиглобалиста Э.Элиаса политическая Европа все больше превращается в пространство, где конгломерат различных территориальных и политических субъектов, имеющих разный статус, возможности и права, формально объединены на наднациональном уровне.
 88. Разобщенность согласных (лат.).
 89. Приложение 23.
 90. Эмерсон, М. Экзистенциальная дилемма Европы. // Вестник Европы, №15, 2005.
 91. *Brague R. Europa. Eine exzentrische Identität, aus dem Franz. von G. Ghirardelli. Frankfurt am Main, 1993.*
 92. Н.Трубецкой. Европа и человечество. // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003.
 93. Ш.Эйзенштадт. О неопределенности термина «традиция». // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С.Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001, с.237-240
 94. Э.Шилз. О содержании термина «традиция». // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С.Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001, с.240-245
 95. «Достояние Сообщества». Этот термин не переводится на другие языки в официальных документах и включает всю совокупность нормативно-правовой базы, следование которой, по мнению организаторов, со временем воздействует на сознание граждан новых членов ЕС, превращая их в «полноценных» европейцев.
 96. А.Дебеляк. Неуловимые общие мечты: опасности и ожидания европейской идентичности. // НЗ №34. // www.nz-online.ru
 97. Например, осенью 2006г. они приостановили переговорный процесс по вступлению Сербии в ЕС, ссылаясь на то, что Сербия не может выдать Гаагскому трибуналу Р. Младича. А вот Албания, где располагались тренировочные лагеря ОАК, подобного давления со стороны ЕС не испытывает.
 98. Г.Гонг. О статусе термина «цивилизация» в международных отношениях. // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С.Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001, с.503-507.
 99. «Дорожная карта по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты». // www.kremlin.ru
 100. Горе побежденным! (лат.) – известное выражение галльского вождя Бренна, ставшее нарицательным для обозначения «двойных стандартов».
 101. Г.Гонг. О статусе термина «цивилизация» в международных отношениях. // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С.Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001, с.503-507.
 102. Миф об основании Европы – «Похищение Европы»; более подробно будет рассматриваться в последующих главах.
 103. *Brague R. Europa. Eine exzentrische Identität, aus dem Franz. von G. Ghirardelli. Frankfurt am Main, 1993.*
 104. «Культурная ценность» - всякое целесообразное создание человека, сделавшееся общим достоянием его соотечественников: норма права, художественное произведение, учреждение, научное или философское положение, техническое приспособление.
 105. Н.Трубецкой. Европа и человечество. // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003, с.77.
 106. Там же, сс.78-79, 86-92.
 107. Приложение 9. «Сфера Трубецкого»
 108. Н.Трубецкой. Европа и человечество. // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003, с.92.

109. А.И.Уткин. Мировой порядок XXI века. – М.: Алгоритм-М, 2001
110. Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. / Сборник работ. Под общей ред. Ю.Д. Маслюкова. – М.: Издатель Н.Е. Чернышова, 2001, с.206
111. О. Буторина. Поиск точки равновесия. // Европа, №48 март 2005.
112. E. Helleiner. The Making of national money: Territorial Currencies in Historical Perspective. – New York: Cornell University Press, 2003.
113. Когда Дж.Сорос сорвал британский проект введения общеевропейского ЭКЮ, он использовал 10 млрд. долларов, тогда как его собственный капитал оценивался всего в 4 млрд. Происхождение средств неизвестно – по мнению многих экспертов, это были деньги из специальных фондов ЦРУ (Прим. автора).
114. P. Villemus. De krach en crise. – Paris, Seuil, 2004.
115. График 11. Приложений
116. Б.Рубцов. Мировые фондовые рынки: современное состояние и закономерности развития. – М.: Финансовая академия, 2000, с.144
117. И.Н.Петренко. Экономическая безопасность России: денежный фактор. – М.: Маркет ДС, 2003, с.64
118. В Палате представителей с аналогичным докладом выступил П.Райан.
119. В.Я. Пищик. Евро и доллар США. Конкуренция и партнерство в условиях глобализации. – М.: Консалтбанкир, 2002, с.48.
120. S.Mack. Central Banking, Vol. XI, №1, August, 2000, p.69
121. D. Plihon. L'euro: une construction inachevée. // Annuaire Français des relations internationales, v.3 – Bruxelles, Bruylant, 2002, p.189.
122. Например, в фазы попыток мирного урегулирования конфликта курс евро стабилизировался с хронологической точностью.
123. Эта фраза стала пословицей в политических и научных кругах. // H.Bourguinat. L'euro au défi du dollar. – Paris, Economica, 2001.
124. После терактов 11 сентября 2001г. только закрытие Нью-йоркской биржи на 4 дня предотвратило мировой кризис. Впоследствии при поддержке ЕЦБ, Банка Англии и ЦБ Японии был проведен ряд стабилизационных мер.
125. В 2005г. истекли т.н. «Соглашения Квинси» 1945г., предоставляющие США монопольное экономическое господство в Саудовской Аравии в обмен на обеспечение стабильности существующего режима. По условиям этих соглашений, до 2005г. доллар оставался единственной валютой осуществления внешнеторговых операций.
126. Финансируемое ЦРУ «Радио Свобода» так прокомментировало этот демарш: «Переход Багдада от доллара к евро при заключении сделок является попыткой наказать Вашингтон». После вторжения США и оккупации, естественно, ситуация изменилась.
127. После расширения ЕС покупает около 67% нефти ОПЕК.
128. После неудачной попытки переворота в Венесуэле, организованной американцами, Х.Чавес заявил о переходе своей страны на расчеты в евро.
129. В настоящее время Россия осуществляет поставки газа в ЕС за евро и обсуждает вопрос о переиндексации экспорта нефти. Это важно для Европы, если учесть, что доля российских энергоносителей составляет 45% и будет неуклонно повышаться.
130. M.Dickie. China sets tough targets for main state banks. // Financial Times, 13 March 2004.
131. И.Н. Панарин. Информационная война и дипломатия. – М.: «Издательский дом «Городец», 2004., стр.404.
132. Классический пример, подтверждающий это – экономические войны с ЕС за сталь, вино и некоторые другие продукты.
133. I.Johsua. La puissance américaine et l'euro. – Paris, OEIL, 2002.
134. Р.Миллер, П.Магнусон, Д.Фэйрлэмб. Царство печали. // Business Week, 02 June 2003

135. А. Кобяков. Курс евро: рекордный уровень взят. // Эксперт, №20, 2 июня 2003, с.88
136. J.T. Arredy. China steps up its defense to yuan. // The Wall-Street Journal Europe, 01.03.2004
137. Валюта. Редкие виды в 2005г. // Финанс. №1 (138), 09-15 января 2006, с.63
138. Н.Кириченко. Рубль больше не «деревянный». // Профиль, 06 октября 2003г., с.66
139. А.Лусников. Валютные поддавки. // Директор-Инфо, №37, октябрь 2003, с.27
140. А.Михайлов. Инь и юань. // Итоги, 11 ноября 2003, с.26-27
141. R.McGregor. Beijing claims currency progress. // Financial Times, March 13 2004
142. О.Чернявская. Китайская тема в фокусе рынка. // Чужие деньги, №27, июнь 2005.
143. Валютные проблемы современного мира. /Под общ. ред. А.Масленникова. – м.: ДИЕ РАН - издательство «ОГНИ ТД», №139, 2004.
144. М.Долинина. Страсти по-китайски или чем нам грозит девальвация юаня. // Чужие деньги, №5(26), май 2005.
145. Вслед за этим ipso jure должно следовать официальное объявление дефолта.
146. А. Безлепкин. Доллару и дефолт впрок. // Профиль, №9, 13 марта 2006, с.10
147. Технический дефолт в США не за горами. // Эксперт, №10 (504), 13-19 марта 2006, с.12
148. Council decision of 11 May 2004 on the position to be taken by the Community regarding an agreement concerning the monetary relations with the Principality of Andorra (2004/548/EC). // Official Journal of the European Union L 244/47.
149. Monetary Agreement between the Italian Republic, on behalf of the European Community, and the Vatican City State and, on its behalf, the Holy See. // Official Journal of the European Union C 299 , 25/10/2001.
150. The euro in the world. The Euro: our currency. // www.europa.eu.int
151. L'euro dans la zone franc <http://www.euro.gouv.fr>
152. [Protocol on CFP franc area.](http://www.europa.eu.int/eur-lex/en/treaties/selected/livre342.html) // www.europa.eu.int/eur-lex/en/treaties/selected/livre342.html
153. [Decision on CFA franc and Comorian franc.](http://www.europa.eu.int) // www.europa.eu.int
154. На территории стран CFA содержится до 10% общемировых нефтяных запасов. / S.Leon-Dufour. Le golfe de Guinée, nouvel eldorado pétrolier du XXIe siècle. // Le Figaro, mardi 2 mars 2004.
155. [Decision on Cape Verde escudo.](http://www.europa.eu.int) // www.europa.eu.int
156. Если ранее биполярность функционировала через столкновение двух сверхсистем, то, после краткосрочной американской гегемонии, остальные государства мира в той или иной степени объединились против США, как в природе слабые объединяются против самого сильного.
157. В частности, представители Японии и США считают, что квоты европейских стран в МВФ преувеличены (9 из 24 членов Директората). Наибольшее их раздражение вызывает стремление ЭВС несмотря на страновой принцип членства в МВФ согласовывать свои действия с Брюсселем.
158. Например, учрежденный в 1998г. по инициативе G-7(8) Форум финансовой стабильности (ФФС), разработавший 12 ключевых стандартов устойчивости финансовых систем (Приложение 14).
159. Любопытно, но американские экономисты используют другой термин – «инфекция, основанная на структурных характеристиках» (fundamental-based contagion).
160. В ходе переговоров этих стран с Европейским валютным институтом были установлены валютные коридоры колебания курсов валют к европейской в пределах $\pm 15\%$. В дальнейшем пределы были уточнены для каждой конкретной страны ЕС, кроме Швейцарии, которая имеет особый статус.
161. В рамках Европейской банковской ассоциации.
162. Отметим, что фактор размещения ТНК играет очень важное значение для

- инновационного развития, так как крупнейшие корпорации осуществляют или контролируют около 90% мировых НИОКР.
163. В мае 2000 г. Лондонская и Франкфуртская биржи объявили о слиянии с целью создания единой европейской биржи iX. // Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. / Сборник работ. Под общ.ред. Ю.Маслюкова. – М.: Издатель Чернышова, 2001
 164. Появилась системы TARGET и EWA, которые используются не только для инвестиций и торгов, но и для спекулятивных атак на европейскую валюту.
 165. Только в 1998-1999гг. в ЕС произошло 88 банковских слияний на сумму 250 млрд. евро.
 166. По всей Европе прокатилась волна слияний компаний различных типов: банковских групп «Мерита-Нордбанкен» и «Униданбанк», телекоммуникационных компаний «Дойче Телеком», «Франс Телеком», «Энерджиз» в «Метро холдингз», стратегический альянс «Ройял Датч Шелл» и «Статойла» и т.п.
 167. После отмены антимонопольного Акта Гласса-Стигала только капитал образованных JP Morgan Chase и Citigroup насчитывает 660 и 717 млрд. долларов соответственно. / X. Larnodie-Eiffel. Etre prêt pour l' Eurobanque. Banque magazine, №621, janvier 2001, p.34 (Приложения 16-17)
 168. Приложение 11.
 169. Лусников А. Сила и слабость единой евровалюты. // Деловые люди 2000г. №11 (116).
 170. Как потом оказалось, количество заказанных денег оказалось чрезмерным, и власти некоторых стран были вынуждены придержать евро, либо экспортировать их в третьи страны – например, в ЦВЕ и страны Балтии.
 171. В Бельгии даже была создана специальная служба «Тест Покупок», рассматривающая правомерность подобного повышения цен.
 172. Джилльд Д., Танненбаум М. Привыкание к слабому евро. // Финансист 2000г. №10.
 173. Лаврентьева В. Слабый евро – сильная Европа: миф или реальность? // Европа. №2 (июнь). 2000.
 174. W. Duieseneberg. Ce sont les actes qui font, pas les mots. // Le Point. №1483. 16 fevrier. 2001.
 175. С целью их различения с настоящим евро банкноты были помечены специальными надписями, а монеты изготовлены из пластика.
 176. Швейцарцы являются последовательными противниками интеграции в панъевропейские объединения. На данный момент швейцарский франк является одной из самых надежных и удобных для наличного хранения валют мира (банкнота в 1000 франков составляет примерно 650 евро). Швейцария борется с попытками ЕС нарушить ее нейтралитет и экономический суверенитет. Поэтому любая акция, дискредитирующая ЕС рассматривается исключительно с положительной стороны. Исследования Цюрихской лаборатории, выявившие превышение доли никеля в монетах 1 и 2 евроцента относительно стандартов МОС были не только опубликованы в научных изданиях, но и широко медиатизированы.
 177. Выполнение крупномасштабных задач в сжатые сроки.
 178. Как заявил министр финансов Франции Л.Фабюс, «мы не намерены учинять инквизицию по этому поводу. Сколько бы ни говорили о морали, главной остается выгода и политическая целесообразность».
 179. В настоящее время в европейских банках вопросы начинаются при финансовых операциях на сумму от 2000€.
 180. Bulletin Quotidien Europe. Europe Documents. – 1998 – 23 Dec.
 181. Европу наводнили сверхкачественные подделки евро. 24.06.2004 13:45 // www.newsru.com

182. В.Я. Пищик. Евро и доллар США. Конкуренция и партнерство в условиях глобализации. – М.: Консалтбанкир, 2002, с.165.
183. С февраля 2006г. – 5% .
184. Кроме того, США неспособны к финансовому регулированию своей валюты традиционными средствами, так как их валютные запасы, номинированные в евро, не превышали 125 млрд. к концу 2005г.
185. В частности, в силу экономического потенциала и географического положения, ФРГ становилась стержневым государством ЕС. С целью уменьшения немецкого влияния, французы одобрили создание наднационального института, который мог бы также регулировать германскую экономику.
186. La politisation de l'euro. Dossier. // Alternatives économiques. décembre 1998.
187. Регламент Совета ЕС №5232/97
188. Статья 105 Устава ЕЦБ
189. O.Issing. Europe and the Lisbon Goals: Are we halfway there? / Speech at 4th Munich Economic Summit, 9 June 2005// <http://www.ecb.int/press/key/date/2005/html/sp050609.en.html>
190. D.Howarth, P.Loedel. The ECB. – London: Palgrave, 2003.
191. Ни ЕЦБ, ни национальный центробанк не подвержены действию инструкций или распоряжений институтов, органов и служб Союза, правительств государств-членов или любой другой инстанции. (Ст.III-80 Устава ЕЦБ)
192. В последний раз он поднимался в докладе Экономической и денежной комиссии ЕП за 2000г. Был проведен анализ деятельности ЕЦБ за 1999г. и было признано, что независимость не препятствует высокой степени прозрачности и информационной освещенности деятельности ЕЦБ.
193. В.Шашков. Трише сменил Дуйзенберга. // Европа, №10(33), ноябрь 2003, с.12
194. Будучи директором Центрального Банка Франции, он был замешан в скандал с «Лионским кредитом», что стоило государству 30 млрд. франков. Тем не менее, по предложению Ширака, его выдвинули безальтернативной кандидатурой на пост главы ЕЦБ. Одновременно с этим по президентскому ордеру было прекращено уголовное дело против Трише.
195. А именно в этом контексте рассматривают власти Франции деятельность председателя ЕЦБ.
196. La BCE n'exclut pas une baisse des taux. // La Tribune, 24 mars 2004.
197. P.Bonazza. BCE: Trichet exposé. // Le Point, 31 octobre 2003, №1654, p.80
198. T.Lemathieu. La Banque centrale sans contrôle. // L'Humanité, 2 juin 2004
199. Например, критикой ЕЦБ активно пользовались социалисты в ходе выборов в Европарламент в июне 2004г. / D.Durand. Europe: les questions monétaires et financiers dans l'espace de l'intervention citoyenne. // L'Humanité, 2 juin 2004
200. Д.А.Абакумов. Германия и Великобритания: некоторые итоги введения единой европейской валюты. // Вестник МГУ сер.6 Экономика, №2, 2001
201. Ж.-К.Трише. Все наши решения принимаются независимо от давления. Интервью. //09.03.04 <http://www.euroworld.ru/analitik.phtml?razd=1&new=19>
202. O. Issing The monetary pillar of the ECB. Speech on «The ECB and Its Watchers VII» Conference 3 June 2005. // <http://www.ecb.int/press/key/date/2005/html/sp050603.en.html>
203. Th.Sims. ECB keeps rates steady, but tells citizens to spend. // Wall-Street Journal Europe, March, 5-7
204. Антонио Фацио, директор итальянского центробанка, способствовал поглощению банка Banca Antonveneta банком своего друга Джанпьеро Фьорани. Разразившийся правительственный скандал привел к отставке министра экономики Д.Синискалчо, но никак не отразился на положении Фацио, который продолжает занимать свой пост.
205. J.-C.Trichet. L'affaire Fazio n'affecte pas la crédibilité de la BCE. samedi 24 septembre 2005, 0h21 // <http://fr.biz.yahoo.com/050923/299/4lme7.html>

206. B.Anderson. *Imagined Communities*. – London: Verso, 1983, p.5
207. P. de Villiers. *Vous avez aimé les farines animales, vous adorerez l'euro*. – Paris: Michel Albin, 2001.
208. *Treaty establishing a Constitution for Europe*. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2005.
209. Социальная идентификация через самокатегоризацию и самоопределение, которые соотносятся с представлениями индивида об определяющих характеристиках группового прототипа.
210. E. Cohen. *The Euro, Economic Federalism and National Sovereignty*. // *The Idea of Europe*. – Cambridge University Press, 2002.
211. Несмотря на определенные трудности, клиринговый евро был вполне жизнеспособен, и вполне мог устраивать США в рамках «Великой валютной триады».
212. Приложение 15.
213. M.-L.Herschtel. *Europe élargie: enjeux économiques*. – Paris, Preses de Sciences-Po, 2004.
214. Приложение 13.
215. F.Charillon. *La difficile définition de l'identité européenne*. – Paris, La Documentation Française, 2003.
216. Крупнейшие компании неоднократно пытались ввести собственную валютную систему на базе АСУ – искусственных валютных единиц. Например, в 1973г. банковский дом Ротшильдов создал композитную единицу EURCO, годом позже голландский банк AMRO вводит ARCRU, предназначенный для арабских инвесторов. В том же году лондонский Barkley's Bank вводит Barkleys Unit, а в 1975г. Credit Lyonnais создает IFU (International Financial Unit). Однако все они терпели фиаско из низкой степени доверия.
217. M. Kaelberer. *The euro and European identity: symbols, power and the politics of European monetary union*. // *Review of international studies*, №2, April 2004, p.172
218. Эффект евро – совокупность информационных, экономико-политических и социально-психологических факторов, оказывающих непосредственное либо косвенное влияние на европейскую валюту.
219. T.Risse. *The Euro between National and European identity*. // *Journal of European Public Policy*, № 10 (4) August 2003.
220. О.Буторина. Новички и евро. // *Европа* № 39, май 2004
221. *L'Europe à 25. Dossier*. // *Questions internationales*, №7, mai-juin 2004, p.61
222. *Commisariat Général du plan. Perspectives de la coopération renforcée dans l'UE*. – Paris: La Documentation Française, mars 2004.
223. Крупные компании, вроде «British telecom», «British gas», «BP», давно перешли на расчеты в евро. Например, в британских телефонных автоматах специально протачиваются прорези для параллельного приема английских и европейских монет.
224. В то же время теперь преобладает тенденция более осторожного подхода к интеграции. Министр по европейским делам Р.Бутильони сообщил о намерении следовать британскому примеру в борьбе за «собственное место в Европе». Министр обороны А.Мартино является сторонником «легкой структуры сотрудничества». Наконец, бывший премьер С.Берлускони, борясь с Р.Проди, пересмотрел свои взгляды относительно наднациональных органов ЕС, назвав их «клубом профессиональных лоббистов».
225. В 2004г. этот политик назвал идею европейского сверхгосударства «романтической». По его мнению, надо делать упор на союз национальных государств, передавая в единый наднациональный центр «немногие функции, но делать это глубоко, а не поверхностно передавать многие полномочия».
226. Напротив, его заместитель Д.Сперони читает, что лига может вступить в противоречия с Брюсселем, как столицей евроцентризма. При этом он рассматривает

- новую валюту как инструмент контроля и управления развитием со стороны нескольких европейских финансовых групп и ТНК.
227. Deutsche Bank, Commerzbank, Hypo Vereinsbank
228. Европейская идентичность Германии является неоспоримым фактом, так как немецкие ценности наряду с романскими составляют ее основу и разделяются всеми действующими членами ЕС.
229. Эффект евро – совокупность институционально-политических, социально-экономических и информационно-психологических факторов, оказывающих непосредственное либо косвенное влияние на европейскую валюту.
230. Под данным термином понимается официальная экономическая сторона введения единой валюты и сопровождающие этот процесс «технические» операции.
231. Несмотря на то, что официально считается, что развитие еврозоны проходит в рамках «оптимальной валютной зоны», ЕС уже давно не соответствует ни по масштабам, ни по уровню капитализации рынков.
232. Например, в Италии, где валютный союз был создан в 1861г., Центробанк появился лишь в 1893г., а ФРС США была создана в 1913г.
233. Приложение 24. Схема 11. Спираль евроэффекта и эффект spill-over
234. В ядро входят: «проект евро» и обобщённые представления о единой валюте.
235. Подобная форма была выбрана для того, чтобы не допустить чёткого сегментирования внутренней среды, так как в этом случае не будет действовать закон евроцикличности.
236. Пульсирует непосредственно «мембрана», поэтому евросистема во многом зависит непосредственно от евроэффекта.
237. Это связано с политической независимостью ЕЦБ и его ролью в процессе интеграции.
238. Masuch, K., H. Pill, C. Willeke (2001) «Framework and tools of monetary analysis» in *Monetary Analysis: Tools and Applications*, ed. H. J. Klöckers and C. Willeke, ECB, pp. 117-144.
239. В частности, именно из этих факторов исходят аналитики ЕЦБ. Подробнее: см. T. Risse. *The Euro between National and European identity*. // *Journal of European Public Policy*. № 10 (4). August 2003. и Koenig, G. *L'euro comme vecteur d'identité européenne*. – Strasbourg: PUS, 2002.
240. сообщества
241. В том смысле, что исчезает конкретная привязка денег к определенной территории, и они переходят в категорию символа и фактора суверенитета.
242. Собственно говоря, ЕС потому и придерживается курса на языковое разнообразие и поддерживает национальные меньшинства, что они являются «цементирующим раствором» создания наднационального государства. Они способствуют диффузии государственного суверенитета, а значит – размывают доминирующую национальную идентичность.
243. Иконография – совокупность символов, цветовой гаммы, приемов нанесения, создающих определенную ассоциативную связь.
244. Так например, после поражения Германии во Второй Мировой войне иконография дойчмарки обратилась к добисмарковской эпохе, предпочтя при этом людей науки и искусства представителям политики – т.е. был избран стиль неконфронтационной идентичности.
245. Papademos, L. *Opening of the Euro Banknote Design Exhibition*. Speech in Athens, 11 August 2004 // www.ecb.int
246. С экспериментами и анализом полученных результатов. О формализме данной процедуры и отклонениях от официальной версии свидетельствует хотя бы появление в периодических изданиях изображений новых купюр и монет, начиная с 1997г. – до принятия окончательного решения.

247. В. Martinot. *L'euro, une monnaie sans politique?* – Paris, l'Harmattan, 2003.
248. При этом Византия противопоставляется Западной Европе как внешний Другой, а ее правопреемницей выступает Россия. Исключение составляет до-римская Греция, образы и мифы которой активно используются в построении европейской идентичности.
249. Обычно под неокOLONИализмом имеют в виду экономическое доминирование и захват рынков других стран. В данном случае исключается территориальная составляющая, а экономические механизмы выступают наравне с распространением политического влияния и культурной дипломатии.
250. По мнению геополитика К. Шмитта, государство определяет себя как актора, способного различать внутри общества друзей и врагов. Если государство не справляется с этой обязанностью, ее перехватывает другой актор. При этом враг необязательно должен быть враждебным, главное он – Другой.
251. S. Shanahan. *Currency and Community: European Identity and the Euro. Images and Myths of Europe.* - New York-Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang, 2004.
252. В данном случае планировалось использовать «концепцию инаковости» Ц. Тодорова, который локализует комплиментарность по 3 осям: аксиологической; праксеологической (сближение или дистанцирование от другого, подчинение другому и идентификация с ним или покорение другого, отношения нейтралитета или безразличия); эпистомологической (знание об идентичности другого).
253. М. Эмерсон. *Слон и Медведь.* – Bruxelles: CEPS – Москва: ИЕ РАН, 2001, с. vii.
254. Диакритика – граница; фактор, разграничивающий компоненты идентичности.
255. Правительство Венгрии решило ввести единую европейскую валюту с 1 января 2010 года. 14.05.2004 9:44 // АЭИ «ПРАЙМ-ТАСС»
256. Эстония введет евро с 1 января 2007. // 1.12.2004 16:33 | Росбалт
257. Страны ЦВЕ на пути в Европейский союз. – М.: Наука, 2002, с.30
258. М.-J. Rinaldi-Larribe. *L'élargissement de l'UEM européenne à l'Est et l'euro.* – Paris, l'Harmattan, 2003.
259. J. Rupnik. *L'Europe face à l'élargissement.* – Paris, Presses de Sciences-Po, 2004.
260. Mullen, B. Burkitt. *European Integration and the Battle for British Hearts and Minds: New Labor and the Euro.* // The Political Quarterly Publishing, Spring 2003.
261. М.-J. Rinaldi-Larribe. *L'élargissement de l'UEM européenne à l'Est et l'euro.* – Paris, l'Harmattan, 2003.
262. С учетом того, что формирование идентичности стало гиперреальным и отныне затрагивает не человеческие коллективы, а только их симуляции.
263. С учетом того, что дискурс конструирует реальность.
264. По мнению Э. Левинаса, Другой вызывает Я к существованию, но при этом не является субъектом. Другой - это не другое Я. Отношения с другим не являются гармоническим единением. Ставя себя на место Другого, мы признаем его похожим на нас, но внешним по отношению к нам. Целостное бытие Другого создается его внеположенностью и инаковостью. В отношениях с Другим его инаковость завуалирована приличиями, потому он воспринимается через симпатию как одно из alter ego.
265. При конструировании центрально-европейской культуры многие интеллектуалы сталкиваются с дилеммой: им приходится объяснять отсталость собственной национальной культуры и ее отличия от европейской культуры, послужившей для нее отправной точкой. Было предложено два решения – либо подражание Европе, либо полное отмежевание от нее. В настоящее время господствует представление, что центральные европейцы не смогут стать истинно европейскими нациями, пока не отделят себя от Европы. Ибо быть европейцем не означает слиться с Европой, но стать ее особой незаменимой частью.

266. М.Фуко. Ницше, генеалогия, история. // Философия эпохи постмодерна. – СПб: Алетейя, 2001.
267. В конце 1950-х чешский интеллектуал Чеслав Милош поднимал вопрос о существовании ЦВЕ именно с этой целью. Лозунг «Центральной Европы» стоял в основе идеологии диссидентов ЦВЕ. В 1980-х стал разрабатываться политический проект Центральной Европы (Кундера, Эш, Шопфлин, Киш), а затем он стал инструментом официальной политики и частью общеевропейского дискуссии о расширении ЕС и НАТО.
268. Т.е. трансформация из сферы политики идентичности в область институциональной политики.
269. Тем более что В. Гавел, находясь на президентском посту, часто действовал в противоречии с собственными высказываниями относительно «культурно-политического концепта Центральной Европы».
270. Здесь очевидна параллель с тремя прибалтийскими государствами, которые почти не сотрудничают друг с другом, но умеют представить себя в едином качестве по отношению к третьим сторонам, пользуясь дистанцированием от России.
271. Мюнклер, Х. Европа как политическая идея. / Империя – нация – Европа: модели политического устройства. // <http://www.nz-online.ru>
272. Государств-основателей ЕС: Франции, Германии, Италии, стран Бенилюкса.
273. Представитель правления ЕЦБ Т. Падоа-Скьоппа, ежегодно инспектирующий Россию, отмечает, что в этой стране евро ни в коем случае не преследует цель вытеснить доллар. Однако ситуация такова, что можно сделать вывод о разграничении сфер валютных интересов во всем мире между США и ЕС.
274. По мнению ряда экспертов, страны G-7 продолжают неофициально поддерживать Луврские соглашения 1987г. по поддержанию фиксированного «валютного коридора».
275. Об этом также свидетельствуют слова заместителя главы ЦБР П.Медведева, наблюдения Т.Падоа-Скьоппа, анализ прессы того временного периода.
276. англоязычный вариант –Single (единственная)European Currency/
277. Сразу же запатентованного в Международной организации по стандартизации – ISO.

Глава VI. СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИТАРНОЙ ЕВРОПЫ

1. Формирование коммунитарной системы в процессе западноевропейской интеграции

Процесс коммунитаризации, происходящий на территории Европейского Союза – не мода, не зигзаг истории и даже не метод какого-либо противоборства между группами стран (хотя некоторые его аспекты используются и в таких целях), а закономерный феномен, подготовленный всей предшествующей историей развития европейской интеграции. В наши дни понятие “коммунитаризация” постепенно входит в правовой, политический, экономический, а также журналистский обиход, однако, какие-либо пояснения о том, что вкладывается в данное понятие отсутствуют. Поэтому прежде чем углубиться в выяснение конкретных проявлений коммунитаризации в определенных сферах общественной жизни Евросоюза, важно уточнить, о чем собственно пойдет речь, какое содержание вкладывает автор в понятие “коммунитаризация”. Кроме того, в данной главе диссертационного исследования мы проследим теоретические истоки этого явления, а также проанализируем, какие проблемы возникали на пути воплощения в реальной действительности процесса, который сегодня мы именуем “коммунитаризацией”.

2. Терминологические проблемы феномена «коммунитаризация»

На сегодняшний день процесс самоограничения государственного суверенитета наиболее ярко проявляется в деятельности Европейского Союза, в котором отмечается тенденция к тесной интеграции в самых различных областях общественной жизни. По нашему убеждению, государства-члены ЕС, оставаясь суверенными, вместе с тем уже сегодня обладают новым качеством совместного суверенитета, которое не может быть выражено ни одним из прежних терминов. Представляется возможным для обозначения данного явления использовать термин “коммунитаризация”, который возникает как слагаемое целое ряда однородных факторов социального развития стран региона: экономических, политических, правовых, культурных, военных, исторических и идеологических.

Данное обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на феномен западноевропейской интеграции, внимательнее присмотреться к его природе и механизмам, формам и масштабам. Целесообразно напомнить, что латинское слово “integratio” в переводе на русский язык буквально означает объединение разрозненных частей в нечто общее, единое, целое. Курс на интеграцию в Западной Европе был порожден рядом актуальных проблем (в основном экономического характера), которые не могли быть решены странами в одиночку. Если же выделить наиболее важный императивный фактор, побудивший некоторые государства Европы объединить свои усилия, то следует сказать, что в качестве такового выступало формирование для этих стран благоприятной внешнеполитической среды. В самом деле, одной из главных задач ЕС является усиление сотрудничества его членов не только в экономической, но и в политической, военной, культурной и других неэкономических сферах. Для стран-соседей наличие добрых отношений, подкрепленных экономическими обязательствами, стало важнейшим политическим приоритетом.

Формирование подобной благоприятной внешнеполитической среды происходило в ЕС по восходящей траектории, постепенно продвигаясь к качественно новому (более совершенному) уровню – уровню, на котором речь идет не о навязывании процесса интеграции государствам, но, как верно считает профессор А. Обердорфф, “о совместном выборе общего руководства общей судьбой”[1]. Именно на этом этапе, на наш взгляд, реальной становится перспектива воплощения на практике коммунитарного сценария[2] развития европейской интеграции, как уникального варианта сосуществования различных

стран, как своеобразного “прочтения” модели этого сосуществования.

Одной из актуальных проблем современности является проблема перевода на русский язык общепринятой в официальных и деловых кругах Европы терминологии, ядро которой составляет, безусловно, корпус специфических терминов, устойчивых словосочетаний, регулярно используемых в странах ЕС.

На сегодняшний день сотрудничество с Европейским Союзом является для России важным условием ее интеграции в мировую экономику, одним из факторов успеха российских демократических преобразований и перехода к полноценному рынку, особенно теперь, когда ЕС превратился в основной компонент политического и экономического развития Европы, центр притяжения для подавляющего большинства стран континента.

Для ЕС характерно, с одной стороны, наличие собственной специфической терминологии, которую нужно переводить на русский язык, а с другой – феномена “multilingualism”[3]. Известно, что сейчас в ЕС насчитывается 15 государств-членов, и в будущем весьма вероятно вступление в Союз еще нескольких стран Восточной Европы. Этот факт порождает массу проблем, связанных с гармонизацией используемых понятий и терминов, так же как и с переводом всех существующих и новых документов и материалов на различные языки, в том числе на русский.

В связи с этим, всесторонний анализ понятия “коммунитаризация” представляется автору очень важным в свете новых тенденций современности.

Следует отметить, что становление терминологии Европейского Союза осуществляется в соответствии с лингвистическими закономерностями национального языка и в тесном взаимодействии с процессом становления и развития той (или тех) отраслей, где используется то или иное понятие. В нашем случае речь идет о термине “коммунитаризация”.

Исследование термина “коммунитаризация” имеет большое значение для широкого круга специалистов: юристов, экономистов, политологов, социологов, а также неспециалистов, поскольку терминологическая лексика Европейского Союза вообще пополнила не только специальный лексикон, но и прочно вошла в обиходный лексикон русского языка.

Каков путь появления термина “коммунитаризация”? Само название берет свое начало от французского термина “communitè”, что в переводе означает “сообщество”, “объединение” и по семантическим параметрам соответствует реальному положению дел – интеграционные процессы затрагивают три сообщества, которые принято называть одним словом - “communitè”. По нашему мнению, слово “communitè” было образовано путем слияния корня существительного “unique” (франц.), означающего “сплоченность”, “единение”, “согласие” и т.д. и приставки –com, которая в данном контексте означает “совместимость” или “взаимность доверия”. От дефиниции “communitè” образуются впоследствии такие однокоренные слова, как “коммунитарный”, “коммунитарная”, “коммунитарное”, а затем и такие понятия, как “коммунитарный подход”, “коммунитарная политика”, “коммунитарное право”, “коммунитет”, “коммунитаризация” и т.д.

Понятие “коммунитарный” (и производные от него, в том числе и “коммунитаризация”), относится к понятиям так называемого специального языка (“субъязыка”), одной из характерных особенностей которого является неоднородность включаемых в них лексических единиц как по происхождению (специалист заимствует отовсюду все, что касается его профессии), так и по категориям, к которым они относятся. Это и узко специализированные термины своей отрасли, и термины, привлеченные из других наук, но обязательно испытавшие тематические ограничения и специализацию применительно к данной области[4].

Важно особенно отметить, что современное трактование специального языка уже давно отошло от прежнего подхода к рассмотрению проблемы, когда специальный язык приравнивался к особому лексическому пласту и противопоставлялся общему языку.

Именно вследствие того, что в русском языкознании такая установка утратила свою силу, термин “коммунитарный” вошел в употребление.

Нельзя не согласиться со словами основателя австрийской терминологической школы Е. Вюстера, который говорил: “каждый язык охватывает кроме общеразговорного языка многие “субязыки”, употребляемые по мере надобности только небольшой частью языкового сообщества... Специальные языки дополняют общеупотребительный язык дополнительными понятиями и их обозначениями..., которые необходимы для специального языкового понимания”[5].

В самом деле, если проанализировать понятие “коммунитарный”, то можно прийти к выводу, что оно является оптимальным отражением совокупности тех понятий и определений, которое в себе содержит (см. об этом ниже). Тем самым снимается проблема нахождения в русском языке эквивалента слова французского происхождения, а также обеспечивается единообразное понимание этого термина среди специалистов, благодаря чему в определенной мере снимается языковой барьер.

Таким образом, соотношение специального и общенационального языка все чаще истолковывается сквозь призму соотношения частного (особенного) и общего: особенное заключается в отборе и распределении языковых средств для специальной цели, а общее – в том едином арсенале этих средств, из которого производится отбор и который находится в распоряжении общенационального языка[6].

Изначально определение “коммунитарный” (-ая, -ое) относилось к шести государствам (Бельгия, Франция, Западная Германия, Италия, Люксембург и Нидерланды), образовавшим в 1951 г. Европейское объединение угля и стали, и не касалось остальной Западной Европы, не говоря уже о восточноевропейских странах, находившихся в то время в сфере влияния России. Затем, в 1957 г., как известно, были созданы еще два сообщества – Европейское экономическое сообщества и Европейское сообщество по атомной энергии. Все вместе они стали называться Европейскими сообществами. Кроме того, термин “сообщество” (“communitè”) использовался – иногда в отношении ЕЭС, а иногда в отношении всех трех сообществ. С принятием Маастрихтского договора ЕЭС было формально переименовано в Европейское сообщество. Два других сообщества сохраняли свои названия до 2001 г., когда истек срок действия Договора о создании ЕОУС. Для обозначения всех трех сообществ по-прежнему используется и термин “европейское сообщество”, и словосочетание “европейские сообщества” (эквивалентом обоих этих терминов во французском языке является слово “communitè”, в английском – “community”). Кроме того, к этим трем сообществам теперь применим и термин “Европейский Союз”, поскольку они составляют его неотъемлемую составную часть – так называемую “первую опору”. В структуру Европейского Союза входят и две другие “опоры” – общая внешняя политика и политика безопасности, а также сотрудничество в области правосудия и внутренних дел. Другими словами, как утверждает профессор Ю.А. Борко, “Европейские сообщества, Европейское Сообщество, Европейский Союз (ЕС) – все это наименования одного и того же объединения, отражающие его более чем 40-летнюю историю”[7].

Принадлежность к данной организации вызвала появление новых понятий в правовой, экономической, политической, социальной, культурной областях ЕС, нашедших отражение в новой терминологической лексике. И как следствие данного явления – употребление в русских терминологических сочетаниях прилагательного “коммунитарный”.

Не затрагивая глубинные вопросы, можно сказать, что слово “коммунитарный” выступает в специальном лексиконе Европейского Союза с тем же терминологическим значением, которое имеет слово “европейский”, что позволяет рассматривать данные слова в качестве синонимов. Во многих терминологических словосочетаниях компонент “коммунитарный” переводится на русский язык словом “европейский”. С точки зрения автора, то, что вместо термина “коммунитарный” зачастую используются его эквиваленты, объяснимо его

определенной громоздкостью, труднопроизносимостью, что является препятствием его широкого употребления.

Как бы то ни было, в слово “коммунитарный” традиционно вкладывалась совокупность таких прилагательных, как “общий”, “общественный”, “единый”, “совместный”, “доверительный”, “добровольный” и т.п. А под понятием “коммунитаризация” понимался непосредственно сам процесс, в результате которого происходило проявление перечисленных “качеств” в реальной действительности. Следует отметить, однако, что сущность коммунитаризации в период развития европейской интеграции до 1990-х гг. значительно отличается от коммунитаризации настоящего времени: до 1990-х гг. она фактически сводилась к диалогу между Советом министров ЕС и Комиссией.

Современное понятие “коммунитаризация” - прежде всего понятие правовое, юридическое, главным образом, предполагающее принятие решений на уровне Союза. Право, как известно, не любит абстракции. Ряд авторов полагают, что право создает себе специальный язык. Особенно четко эта мысль прослеживается в исследованиях В. Отто: “Язык должен следовать делу”[8]. Он выводит основные нормы языка права: правовым государством должна управлять объективная, рационально работающая научно-обоснованная система, требованиям которой должен удовлетворять только точный, а значит ясный и определенный специальный язык.

В русском языке прилагательное “коммунитарный” и производные от него используются именно для передачи наиболее точного смысла того, о чем мы хотим сказать, используя слово “коммунитарный”. Так, термином “коммунитаризация” обозначают процесс передачи отдельных полномочий в ведение Сообществ и распространение на них юрисдикции Суда ЕС[9]. С точки зрения Комиссии ЕС, сущность “коммунитарного метода” заключается в следующем: монополия Комиссии на законодательную инициативу, широкое применение квалифицированного большинства при голосовании в Совете Министров, активная роль Парламента ЕС, унифицированное определение законов Сообщества в Суде ЕС[10]. Его применение начинается с того, что Комиссия направляет в Совет определенные предложения, при этом, с расширением в Совете процедуры голосования на основе большинства и с отказом от единогласных решений коммунитарный метод становится методом наднациональным[11].

Однако, термин “коммунитаризация” был перехвачен специалистами других сфер общественной жизни – экономистами, политологами, социологами. Так, в экономическом плане показателем коммунитаризации, вероятно, служит создание общей валютной системы и введение новой валютной единицы. Само по себе это достижение означает, что одна из важнейших сфер осуществления национального суверенитета перешла в совместное ведение государств-членов Европейского Союза, создавших единую валютную систему. Происходит коммунитаризация валютно-экономической политики, которую осуществляют институты ЕС. Создана Европейская система центральных банков; ее ядром стал независимый от национальных властей Европейский центральный банк.

В политической сфере термин “коммунитаризация” фактически превратился в синоним “надгосударственности” (supranationalité) – совместного осуществления суверенитета над тем, что прежде считалось сферой контроля отдельных государств. Институты Европейского Союза наделяются властными полномочиями: они устанавливают правила, обязательные для всех субъектов общественных отношений в Европе как государств, так непосредственно граждан и предприятий.

В области социальной политики коммунитаризация проявляется в формировании единого социального пространства – “во-первых, в координации и гармонизации социальной политики, осуществляемой государствами-членами, и лишь во-вторых – в использовании и перераспределении ограниченных финансовых ресурсов для осуществления социальных программ, представляющих общий интерес для государств-членов и содействующих развитию интеграции в целом”[12].

То обстоятельство, что понятие “коммунитаризация” было заимствовано другими

отраслями, дает основание причислять его к “межотраслевым” терминам, так как этот термин используется в двух или нескольких системах (в настоящей работе мы будем использовать понятие “коммунитаризация” применительно к различным сферам общественной жизни Союза). Двумя главными элементами, составляющими содержание “коммунитаризации” являются: элемент надгосударственности и осуществление юрисдикции Судом ЕС.

Несмотря на то, что ни один из учредительных договоров не содержит термина “коммунитаризация”, ее мотив незримо присутствует практически во всех статьях. Интеграционные процессы в западных странах, направленные на совместное развитие правовых, политических, экономических, социальных и культурных отношений данных стран, требуют создания единых органов управления, общей правовой основы всей деятельности ЕС, единых направлений в экономической, политической, социальной областях, создание которых влечет за собой появление новой терминологии, отражающей новые специфические понятия данной международной организации. Однако до сих пор изучение, в частности, термина “коммунитарный” (и родственных с ним понятий) ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не проводилось, что определяет новизну данного исследования.

Таким образом, сущность процесса коммунитаризации состоит в том, что Европейское сообщество проводит совместную политику в различных областях на уровне европейских институтов: правовая регламентация, социальное и экономическое развитие, конкуренция, политические вопросы, региональная политика и т.д. Законодательство, финансы, полномочия и совместная политика способствуют созданию европейского общественного пространства на основе общественных пространств государств-членов. Другими словами, внутренний рынок сопровождается и дополняется проведением коммунитарной политики. Именно на этом уровне возможно лучше провести различие между европейской интеграцией и простым европейским сотрудничеством. Вторая форма менее эффективна: она облегчает торговлю и международное сотрудничество, но не угрожает классическому осуществлению государственного суверенитета. Цель же первой имеет федеративную природу, она способствует тесному сближению государств. Это не происходит без последствий для суверенитета государств, которые решают совместно исполнять некоторые свои полномочия. Кстати, именно таким Роберт Шуман во время своего знаменитого выступления рисовал будущее Европейское сообщество угля и стали - как первый этап к созданию Соединенных Штатов Европы.

Новые терминологические единицы, служащие отражением понятийной системы права Европейского Союза, к которой относится понятие “коммунитаризация”, представляют тот специальный лексический пласт, с помощью которого успешно осуществляется коммуникация во всех трех сообществах, направленная прежде всего на экономическое, правовое, политическое, социальное развитие государств-членов ЕС. Можно сказать, что значительный процент новой терминологической лексики, возникшей в процессе развития ЕС, составляет “собственный” лексикон Европейского Союза и может рассматриваться в качестве составной части не только терминологии права ЕС, но и терминологии других специальных отраслей ЕС: экономической, политической, социальной. Понятие “коммунитаризация” служит наглядным примером этого.

“Коммунитаризация” – новое правовое понятие, не существующее ни в национальном, ни в международном праве, поскольку непосредственно отражает реалии определенной международной организации – Европейского Союза. На наш взгляд, “коммунитаризация” представляет собой новую понятийную категорию, которая находится между понятиями “национальный” и “международный” и олицетворяет собой “супранационализм”. В специальном лексиконе ЕС прилагательное “коммунитарный” приобретает общее терминологическое значение: “касающееся Европейских сообществ”, “осуществляемое в рамках ЕС”[13]. Оно используется в русском языке без изменений для передачи понятийной системы права ЕС. Однако, ни понятие “коммунитарный”, ни понятие

“коммунитаризация” не получили официального закрепления ни в одном из специальных словарей.

Как следствие интеграционных процессов в Западной Европе становится отражение таких понятий, как “единый”, “общий”, “европейский”/ “Европа”, “принадлежащий сообществу”/ “Сообщество”, “Союз”, которые можно объединить под единым термином “коммунитарный”.

Важно проанализировать, что понимается под каждым из этих определений для лучшего понимания в конечном итоге рассматриваемого нами термина “коммунитарный” (и его производных).

Итак, прилагательное “общий” (фр. – commun(e)) имеет общий корень со словом *communité* (фр.). Общепринятое значение слова *commun* (“общий”, “совместный”) переходит в специальном лексиконе ЕС в терминологическое, где “общее”/ “совместное” следует понимать как “общее, объединенное, касающееся только стран-участниц ЕС”. Например, *politique étrangère et de sécurité commune* (PESC) – общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), *politique de défense commune* – общая оборонная политика, *espace économique commun* – общее экономическое пространство и т.д.

Отражением единой политики во всех сферах деятельности ЕС стало появление понятия “единый” (фр. – unique). Используется это прилагательное при обозначении словосочетаний - *Acte unique européen* (AUE) - Единый Европейский акт (ЕЕА), *Traité instituant un Conseil unique des Communautés européennes* – Договор об учреждении единого Совета и единой Комиссии Европейских сообществ, *politique monétaire unique* - единая валютная политика и т.д.

Прилагательное “европейский” не рассматривается применительно к Европейскому Союзу в привычном для данного имени собственном значении “географической или культурной принадлежности”. Имя собственное “европейский” приобретает в лексиконе ЕС новые качества, вытекающие из специфики данной международной организации – “принадлежность к определенному политическому образованию”, в основе создания которого лежат принцип “интеграции”, что означает в современном понимании данного слова принцип “надгосударственного управления” нового типа. Например, *Systeme monétaire européenne* – Европейская валютная система, *Systeme européenne de banques centrales* (SEBC) – Европейская система центральных банков, *Fonds social européenne* - Европейский социальный фонд, *Office européenne de police* (Europol) – европейское полицейское ведомство и т.д. Таким образом, употребление определения “европейский” с другими словами приобретает в специальном лексиконе ЕС терминологический характер, влияющий на понятийное ядро всей лексической единицы.

То же самое можно сказать и об определении “коммунитарный”, берущим свое начало, как уже отмечалось, от французского слова “*communité*”. Исторически сложилось, что существительное “*communité*” было основным ядром общей лексики Европейского Союза. Впоследствии от этого слова происходит другое, непосредственно обозначающее процесс передачи супранациональным органам со стороны государств-членов их полномочий (“коммунитаризация”). Слова “коммунитарный”, “коммунитаризация” занимают свои ниши в специальном лексиконе ЕС, так как получили здесь иную интерпретацию. Они используются в понятийной системе Европейского Союза с целью успешной коммуникации среди работающих в той или иной области специалистов.

Следует также отметить, что слово “коммунитарный” приобретает в специальном лексиконе ЕС новые характеристики. В словосочетании “коммунитарное право” (*droit communautaire*) оно указывает на принадлежность к определенной международной организации, в основе которой лежит принцип интеграции. Прилагательное “коммунитарный” придает новым специальным понятиям также характер уникальности, присущей той или иной политической структуре, институту ЕС. Так, в термине *Cour de justice des Communautés européennes* (Суд Европейских Сообществ) слово “*communautés*” указывает помимо принадлежности к определенной международной организации также на

уникальность данного института, как специфически новой в своем роде правовой инстанции.

Таким образом, подводя краткие итоги сказанному в данной части первой главы, отметим, что Европейский Союз - в значительной степени уникальное явление, аналога которому не существует ни в Европе, ни в других регионах планеты. Спецификой ЕС является его понятийный аппарат, в состав которого входит помимо прочих и термин “коммунитаризация”, не существующий ни в международном праве, ни в национальном, поскольку непосредственно отражает реалии данной международной организации.

Анализ понятия “коммунитарный” позволил заключить, что оно вбирает в себя наиболее рациональным образом такие определения, как “единый”, “общий”, “принадлежащий Сообществу”, “союзный”, и является синонимом прилагательного “европейский” в нетрадиционном понимании этого слова.

Термин “коммунитаризация” занимает свое, определенное место в специальном лексиконе (“субъязыке”) Европейского Союза, используется преимущественно в правовой области (хотя этот термин был перехвачен и специалистами из других отраслей) и служит в целях успешной коммуникации среди работающих в данной области специалистов. Таким образом, процесс коммунитаризации можно определить как процесс передачи отдельных полномочий (различных сфер общественной жизни) в ведение Сообществ и распространения на них юрисдикции Суда ЕС.

3.Идейно-теоретические аспекты процесса коммунитариации

Для лучшего понимания какого-либо явления, события, процесса целесообразно, а подчас необходимо заглянуть в его прошлое, проследить историю его возникновения, становления и развития. Обращение к прошлому, к теоретическим истокам дает возможность понять и объяснить существующие сегодня общественные реалии. И не только объяснить, но и прогнозировать их развитие, осознанно воздействовать на него. “Не способен предвидеть будущее тот, кто не понял прошедшего”, - писал французский мыслитель Сен-Симон. Применительно к ЕС эти слова имеют особенный смысл.

Спецификой Европейского Союза является то, что наиболее адекватное понимание его современных тенденций возможно только в историческом контексте.

Европейский Союз был создан всего несколько лет назад – в 1992 году. Однако, как известно, Союз был учрежден не на пустом месте, а возник на основе трех Европейских Сообществ (communitè). Но и 1951, и 1957 гг. нельзя считать изначальными датами. Появлению этих интеграционных организаций предшествовала длительная практическая и теоретическая деятельность политиков, ученых, общественных деятелей, разрабатывавших концепцию создания союза народов Европы. Изучение теоретических истоков процесса коммунитаризации представляет для автора в этом смысле особый интерес.

Процесс коммунитаризации опирается на теоретические истоки - коммунитарную парадигму. История ее возникновения достаточно неординарна. Как известно, главными особенностями западноевропейской цивилизации, возникшей на развалинах Римской империи, были индивидуализм, частная собственность и, позднее, государство-нация. Наиболее ярким образом эти особенности были реализованы в эпоху капитализма, когда благодаря стремительному экономическому росту Западная Европа была в значительной степени дифференцирована от других цивилизационных центров. Однако в то же время проявились серьезные противоречия[14] в рамках теории индивидуализма, частной собственности и государства-нации, практическим воплощением которых стали вспышки национализма, классовая борьба, мировой экономической кризис, гражданские войны и вооруженные конфликты между государствами, и, наконец, две мировые войны, возникновение и расцвет тоталитаризма.

Трагический опыт истории способствовал постепенному внедрению в сознание европейцев принципа сознательного самоограничения личной свободы во имя мира и

всеобщего процветания. Итоги Второй мировой войны однозначно показали, что добиться господства на пространстве Западной Европы одной державе не удастся и нужно коллективными усилиями развивать мирное сотрудничество в интересах роста благосостояния всех народов. Не случайно, что именно в Европе как антипод индивидуализма, частной собственности и государства-нации возникли вначале коммунистическая идеология и доктрина пролетарского интернационализма, а затем – теория социализма, характерная для стран Восточной Европы. Мир оказался разделенным на две противоположные общественные системы, одна из которых отождествлялась с понятием индивидуализма, а другая – с теорией коллективизма. В рамках настоящего исследования мы не преследуем цель подробного освещения вопроса о противоречивом сосуществовании этих идеологий, о преимуществах и недостатках каждой из них и т.д. Отметим лишь только, что различное месторасположение цивилизаций, многообразие этносов, языков и культур, и как следствие этого наличие идеологических особенностей, являются теми чертами, которые обуславливают своеобразие и глубокие проблемы европейского континента, определяют его специфику.

Кардинальные социальные изменения конца XX столетия стали причиной кризиса существующих идеологических систем, и прежде всего либерализма и социализма. В сложившихся новых условиях вполне закономерными кажутся попытки модернизироваться, приспособиться к новым реалиям жизни со стороны идейных лидеров этих политических доктрин. Необходимо заметить, однако, что попытки модернизации могут оказаться как деструктивными, так и конструктивными - в зависимости от того, какой контекст будет иметь данный процесс. Первый вариант возможен, когда вместо обновления и придания идеологии новых жизненных импульсов, происходит утрата идейно-политической идентичности, так называемая “потеря лица”. В настоящее время, например, очевидно, что на Западе социалистические идеи обобществления собственности изжили себя, равно как и принцип верховенства общего блага над правами личности. Однако другие ценности социализма – социальная справедливость, коллективная солидарность, государство социальной ответственности – сохранили свою привлекательность для общества. В наши дни идет процесс не деидеологизации общественных процессов, как часто пишут об этом, а лишь смены идеологических знаков, символов. В частности, в Европе происходит становление собственной идеологии, в связи с чем возникает необходимость разработки идеологических теоретических основ общеевропейского процесса, модификации теории интеграции, разработки ее в условиях новой парадигмы развития Европы XXI века. Очень важно потому не утратить все полезное и ценное, накопленное в прошлые времена, тонко отсортировать позитивное и негативное, не переполняя при этом ни одну их чашей весов. В противном случае подобная модернизация будет иметь деструктивный характер. Так, практически полный провал СДПГ на земельных выборах 1999 г. вызван прежде всего недовольством программными новациями и политикой команды Г.Шредера, в которых общество усмотрело покушение на эти принципы[15].

С другой стороны, возможна конструктивная модернизация, в результате которой идеи обретают новую силу, не утрачивая при этом своей идентичности. Одним из вариантов конструктивной модернизации социалистической идеологии (левой идеи), ее современной модификацией является распространенная в 90-х г.г. в западных странах практика и идеология коммунитаризма[16].

По мнению других ученых[17], интеграция в Западной Европе означала модификацию основополагающих цивилизационных устоев – индивидуализма, частной собственности и государства-нации. Народы и правительства первоначально шести стран Западной Европы сознательно и добровольно пошли на ограничение своего суверенитета на уровне отдельных граждан, частных фирм и государств и передачу части своих полномочий в ведение институтов, ознаменовав этим действием начало коммунитаризации в Европе.

Исторический опыт, а точнее его отдельные страницы, часто представляются основанием

для выводов о преходящем характере тех или иных идеологий, парадигм и назревшей потребности их преодоления. Существует, например, мнение, что национальные структуры, исчерпали свою миссию и поэтому обречены уйти в прошлое в постиндустриальном обществе. Или, например, по мнению чешских исследователей, термин “коллективизм” ассоциируется с марксистским понятием, то есть формой тоталитарного коллективизма[18], и потому считается неактуальным в свете проблем современности.

Однако, как уже отмечалось, далеко не все принципы, выдвинутые той или иной исторической эпохой, уходят вместе с ней, иначе была бы полностью прервана преемственность общественной эволюции. С точки зрения швейцарского профессора Д.Сиджански, современный мир испытывает двойной прессинг: “С одной стороны, прессинг глобализации под воздействием научно-технической революции, с другой – стремления к культурному и национальному своеобразию. При существующей тенденции к унификации и следованию общей модели заметно стремление сохранить исторические наследие и национальную или региональную идентичность”[19].

Европейская интеграция задумывалась всеми ее творцами среди прочего как преодоление негативных проявлений и ограниченности национализма. Известно, что с первых шагов этого исторического начинания вокруг него завязалась борьба двух концепций: радикально антинациональной, предполагавшей создание федеративной Европы, и умеренной, символом которой стала формула “Европа отечеств”. Реальное развитие Европейского союза пошло по среднему “сценарию”, объединившему оригинальным образом элементы обоих подходов. Примечательно, однако, что мотивы всех государств-участников, к какой бы концепции они не склонялись, были и остаются двойственными, сочетающими в себе более или менее решительные интеграционные убеждения с классическими национально-государственными целями (собственное влияние, противостояние внешнему давлению и т.д.). Поэтому общеевропейский процесс и строительство новой Европы должно искать новое содержание категории и практики суверенитета на принципах “перераспределения” суверенитета, коллективной солидарности и т.п. Новая структура Европы требует и нового мышления, приоритета общечеловеческих ценностей над национальными. Очевидно, будущее за федеральными структурами, ассоциациями суверенитетов, поскольку путь к миру и национальному согласию лежит через ассоциацию суверенитетов, а не через безудержную суверенизацию, ведущую лишь к национальной замкнутости, распаду хозяйственных связей, политической и религиозной нетерпимости. А выбор варианта коммунитарной политики зависел и зависит среди прочего от степени выгоды с точки зрения не просто особых условий (например, экономических традиций и проблем) данной страны, но и ее национальных задач.

В качестве причины распространения коммунитаризма вообще кандидат исторических наук М. И. Новинская называет “реакцию на неолиберальную индивидуалистическую культуру, преобладавшую на Западе в 70-80-х годах, так называемую “культуру разъединения”[20]. Так, в Западной Европе кризис середины 1970-х годов, сказавшийся на экономиках стран-членов Европейского сообщества, обусловил приверженность к политике протекционизма. Неблагоприятные тенденции развития мировой экономики и экономические проблемы в Европе столкнули интересы самого сообщества и его членов. К этому добавлялись проблемы институциональной структуры сообщества, а также сложности переговорного процесса по вступлению в сообщество новых членов. Было ясно, что солидарность постепенно угасала. В ответ на это в 1985 г. на саммите в Люксембурге одновременно с решением о принятии в сообщество Испании и Португалии был одобрен Единый европейский акт (ЕЕА), основной целью которого стало завершение формирования общего рынка согласно положениям коммунитарных договоров. Важно отметить, что сформированный единый рынок нацеливался на экспансию по ряду вопросов, где решения принимаются на общеевропейском, коммунитарном, уровне.

Политические вопросы вокруг функционирования рынка были переданы в ведение единой политической системы сообщества. Потребность в общности стала доминирующей тенденцией тех лет, выражением которой и стала расширяющаяся практика коммунитаризма. Кроме того, падение “железного занавеса” и крушение “берлинской стены” открыли новые возможности для демократического процесса сближения народов, новых форм экономической и политической кооперации во всем мире.

Одним из идейных вдохновителей и лидеров коммунитарной парадигмы является американец А.Этциони, который в 1990 г. возглавил в США коммунитарное движение интеллектуалов “Коммунитарная сеть”. Именно 1990-м годом и знаменуется появление коммунитаризма как идейно-теоретического течения, поскольку тогда стал издаваться ежеквартальный журнал движения “Ответственная коммюнити: права и обязанности”, а в университете им. Дж.Вашингтона был создан центр коммунитарных исследований.

В ноябре 1991 г. в Вашингтоне состоялся семинар, в задачу которого входила разработка коммунитарной платформы. В мероприятии принимали участие видные ученые и политики, в том числе и А.Гор. Затем коммунитаристские кружки появились в Канаде, Великобритании, Германии, Италии и некоторых других европейских странах.

Разумеется, что имея набор общих принципиальных положений, теория коммунитаризма обростала специфическими чертами применительно к конкретной территории, тем самым становясь для нее адекватной. Поэтому повествуя об основополагающих постулатах теории коммунитаризма, по мере необходимости мы будем отмечать ее особенности применительно к странам Европы в целом, и Европейскому Союзу, в частности.

Итак, центральное место в доктрине коммунитаризма отводится ответу на вопрос о том, каким образом примирить две основные разнонаправленные тенденции настоящего времени: с одной стороны, к разъединению, индивидуализму, а с другой – к взаимозависимости и единству мира? Как сочетать стремление к индивидуальной и групповой автономии с устойчивостью социума и тем самым предотвратить угрозу фрагментации национальных государств и нанесения ущерба мировому сообществу?

Руководствуясь этими принципами, коммунитаристы выдвигают современную коммунитарную парадигму, которую А.Этциони формулирует следующим образом: “Согласно выдвигаемой нами коммунитарной парадигме, хорошим следует считать такое общество, где процветают как общественные добродетели, так и личные права. Я полагаю, что хорошее общество нуждается в тщательном поддержании равновесия между порядком и индивидуальной автономией, а не преимущественное выделение одной из этих двух ценностей”[21].

В качестве теоретической предпосылки своих концепций коммунитаристы выдвигают возражение против общепринятой биполярной модели “коллективизм – индивидуализм”, считая, что она упрощает социальную реальность. Эту модель они заменяют понятием “коммунитаризм”, который предстает в разработках этих теоретиков как снятие антиномии коллективного и индивидуального. Если индивидуализм, отмечают они, поощряет в обществе анархию, способствует торжеству закона джунглей, то коллективизм содержит опасность подавления личности, ее нивелирования, пренебрежения ее правами. Коммунитаризм же призван, по замыслу его теоретиков “должным образом уравновесить индивидуальные права и социальную ответственность”[22].

Именно в строгой сбалансированности ценностей индивидуализма и коллективизма коммунитаристы усматривают новизну своего подхода и его отличие от всех прочих течений, в большей или меньшей степени отдающих предпочтение одной из этих ценностей.

В этом заключается уникальность коммунитарной парадигмы, в соответствии с которой ее идеологи выдвигают свои принципы политики, экономики, международных отношений, по-новому ставят проблему прав человека, пересматривают ряд краеугольных норм западного общества. Главной задачей теоретиков коммунитаризма является необходимость сочетания в XXI в. культурных традиций и новейших институтов.

Характерно, что французский социолог Т.Годен отметил: “Метаморфоза нашей эпохи – проявление духа в дематериализующемся мире”[23]. В общественных структурах нельзя ограничиваться созданием превосходных институциональных механизмов без понимания в целом механизма этого или других обществ, в частности Западной и Восточной Европы, азиатских государств, без знания их внутренней природы, сложнейших отношений базисного характера и идеологических построений. Этот организм требует познания различных исторических и культурных традиций, соотношения общечеловеческих, национальных, социальных, религиозных и других категорий. Еще Монтескье в “Духе законов” писал, что законы должны вырабатываться применительно к историческим условиям, быту и характеру народа. По справедливому замечанию Ф.Фукуямы, “закон, контракт и экономическая рациональность являются необходимым, но недостаточным основанием для стабильности и процветания постиндустриального общества; они должны быть закованы во взаимности, моральных обязательствах, ответственности перед сообществом (коммунити) и доверии – на всем том, что основано на обычаях, а не на рациональном расчете... Это нельзя считать анахронизмом в современном обществе, а, напротив, нужно рассматривать как неперемное условие его успеха”[24].

В этой связи следует отметить, что важнейшей составляющей коммунитарной парадигмы является убеждение в том, что общие нравственные нормы могут выполнять скрепляющую сообщество функцию лишь в том случае, если не будут навязываться сверху и тем более внедряться насильственно. Нормативный порядок может состояться тогда, когда большинство граждан верят в принятые в обществе нормы, убеждены в их справедливости, а не просто вынуждены им подчиняться.

Такой порядок в рамках теории коммунитаризма именуется коммунитарным. Идеологи коммунитарного порядка противопоставляют его как порядку, основанному на принуждении (тоталитарные общества), так и порядку, поддерживаемому экономическим стимулированием (либеральные демократии). Обязательным элементом коммунитарного порядка является его взаимосвязь с нравственными ценностями, причем эта взаимосвязь – особая. Сами коммунитаристы определяют ее следующим образом: “Если индивидуалисты уходят от вопросов о нравственности, то социальные консерваторы нравственность монополизируют”[25]. Поэтому они ограничивают общественные ценности лишь комплексом “базовых добродетелей” и считают необходимым обеспечить легитимность различий по большинству нормативных вопросов.

Таким способом снимается противоречие индивидуального и общественного: личные ценности приобретают общественный масштаб и предстают в качестве социальных добродетелей (в терминах коммунитаристов).

Близка к коммунитарной идее нормативного порядка концепция “доверия” Ф.Фукуямы. По его убеждению, единство общества зависит “от степени наличия разделяемых всеми ценностей и готовности подчинять индивидуальные интересы групповым”[26]. Именно на этих ценностях основывается доверие – категория, вводимая Ф.Фукуямой для обозначения цементирующего сообщество начала. Понятие доверия Фукуяма определяет следующим образом: “Доверие есть возникающее в рамках сообщества ожидание того, что его члены всегда готовы к честному сотрудничеству в соответствии с общепринятыми нормами”. В концепции Фукуямы доверие – это не просто доверие членов общества к социальным институтам и друг к другу. Это еще и некий общественный климат, который определяет социально-политическое и экономическое состояние общества, а также его потенциал. Высокий уровень доверия, согласно Фукуямы, есть главный фактор успешного развития.

Следует заметить при этом, что доверие – феномен историко-культурный. Он возникает на основе исторически сложившихся обычаев, нравов, определенных культурных символов. Именно это определяет наличие или отсутствие в обществе склонности к объединению. Кроме того, доверие, которое базируется на исторических традициях, способствует и построению рыночной инфраструктуры, поскольку в современном мире в

понятие хозяйственной деятельности вкладываются также и морально-нравственные ценности.

Так, по мнению приверженцев концепции гуманистической Европы, внутренний объективный смысл исторического развития общеевропейского процесса – сочетание социально-материального и духовно-нравственного начал. Он представляет собой некий дуализм материально-производственных и духовно-нравственных факторов. Его материальную базу составляют интернационализация рынка и производства, телекоммуникаций и информации, деятельность транснациональных компаний и потребность в освоении рынков и капитала, углублении международного разделения труда и т.д. Но при этом нельзя сбрасывать со счетов взаимодействие материальных и духовных факторов, производства и мирозерцания, экономического сотрудничества и нравственного познания объективной необходимости этого сотрудничества в различных формах (кооперация, ассоциация, интеграция и т.д.) и разработки соответствующего идеологического обоснования, например, теорий “общеевропейского дома”, “Большой Европы”, “Европы на двух столпах” и др.

Дуализм общеевропейского процесса и необходимость учитывать духовный фактор – не надуманная концепция, а естественная реальность, соответствующая самой природе человека и общества в целом. Человек индивидуален как личность, но коллективен как носитель общественных идеалов. Общеевропейский процесс не может быть объяснен чисто техническими факторами. Он есть продукт и человеческого духа, связи человеческого сознания и его воздействия на социо-культурную среду, активного соучастия человеческого сознания в качественных изменениях окружающего мира и самого исторического процесса. Как явление общеевропейский процесс есть эволюция европейского сознания, изменение мирозерцания, переоценка духовных ценностей, ответ на вызов, который бросает миру современный научно-технический прогресс.

Таким образом, общеевропейский процесс предстает не только как кооперация и интеграция производства и политическое сотрудничество, но и как новая форма нравственных отношений, общественного самосознания, диктуемая реалиями конца XX и перспективами XXI века. Его нравственное, духовное содержание тем более важно, что общеевропейский процесс протекает в условиях различных цивилизаций, их взаимодействия, пересечения и противодействия. Этим обусловлена и трудность механического перенесения моделей одной цивилизации на другую, трансплантации одних общественно-социальных и политических структур на другие, неэффективность некоторых механизмов, успешно действующих в одной цивилизации, но неподходящих для другой. Смысл общеевропейского процесса состоит в поиске форм взаимопонимания и сотрудничества не только стран, группировок, блоков, но и цивилизаций[27].

Созвучной подобным суждениям нам представляется точка зрения еще одного представителя коммунитарной теории - европейца М.Кастельса. В своей работе “Сила идентичности” он констатирует, что “наряду с государственными аппаратами, глобальными сетями и эгоцентрическими индивидами существует другой слой – коммюнити, где формируется идентичность сопротивления”. При этом он подчеркивает огромную разницу характера взаимодействия этих двух общественных слоев в двух разных цивилизациях - Европе и Америке. По его словам, в Европе эти взаимоотношения носят конфликтный характер, “их логика взаимоисключающая, их сосуществование вряд ли окажется мирным”[28]. Американские коммунитаристы рисуют более мирную картину осуществления своего проекта. В качестве причины, объясняющей такую разницу, можно сослаться на мнение Ф.Фукуямы, который признает, что индивидуализм имеет глубокие корни в традициях США, в частности в политической доктрине о правах человека, лежащей в основе Декларации независимости и конституции США. Однако он считает, что в Штатах существует столь же старинная коммунитарная традиция, связанная с религиозными и культурными корнями страны. “Если индивидуалистическая традиция играла во многих отношениях доминирующую роль, - пишет Фукуяма, - коммунитарная

традиция выступала в качестве смягчающего и сдерживающего фактора, препятствовавшего импульсам индивидуализма достигать своего логического завершения”[29]. Таким образом, происходило снятие противоречия “индивидуализм – коллективизм”. В Европе же, как мы уже говорили, эти понятия были разведены в противоположные стороны так, что в социалистических странах происходило “выхолащивание ценностей коллективизма, а в странах Западной Европы имела место гипертрофия индивидуалистических черт сознания”[30].

Вероятно, в силу данного обстоятельства (помимо прочих) и объясняется сложность и противоречивость современного процесса коммунитаризации на территории ЕС. С точки зрения известного исследователя постиндустриального общества, доктора экономических наук В.Л. Иноземцева, “... с одной стороны, оказывается, что история не знала примеров образования федераций, поглощавших национальные государства с долгой собственной историей. С другой стороны, на протяжении веков именно государства-нации, или национальные государства, были единственной известной формой воплощения демократического гражданского общества”[31]. Следовательно, Европейский союз в его современном виде не воспринимается как социальная структура, адекватная демократическому устройству, но и превращение его в федеративное сверхгосударство встречает сопротивление существующих государственных систем.

Кроме того, в соответствии с коммунитарной традицией, в современной Европе существуют наднациональные правоустанавливающие субъекты, которые регулируют некоторые экономические вопросы: торговли, инвестиций, а также рынок труда и капитала. Понятно, что подобные институты не могут быть достаточно эффективными, если они лишены возможности устанавливать налоговый режим и перераспределять ресурсы через бюджетную систему. Между тем европейские страны, допустив прямое воздействие Европейского центрального банка на свои компании и граждан, пока не готовы передать в ведение наднациональных институтов вопросы налоговой и бюджетной политики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие институциональной системы ЕС, форм ее взаимодействия, происходит параллельно с эволюцией процесса принятия решений на наднациональном уровне и баланса сил между институтами Союза. Отсюда возникает центральная политическая проблема европейской интеграции, сущность которой так или иначе сводится к вопросу о том, какую форму примет в будущем общеевропейская государственность: решатся ли европейцы создать единое государство, сформировав таким образом истинно коммунитарную Европу, или же предпочтут ограничиться межгосударственным союзом?

По нашему мнению, события последних десятилетий показали, что ЕС представляет собой единственный реальный пример строго добровольного формирования *de facto* единого государства на основе уже сложившихся и прошедших долгий путь развития национальных государств. Уникальность Европейского Союза состоит в том, что при этом он выступает последовательным приверженцем, носителем и проповедником гуманистических ценностей, выкристаллизовавшихся в недрах западной цивилизации, но отвечающих потребностям изменяющегося мира. Данное обстоятельство в полной мере соответствует одной из установок коммунитарной парадигмы, которая гласит: “...Мы не стремимся к возвращению к традиционному обществу, но мы готовы к восприятию мудрого опыта таких обществ. Мы хотим сочетать социальный и онтологический подходы, не пренебрегая ни тем, ни другим”[32]. Требуется пояснить, что в своих рассуждениях современные коммунитаристы зачастую упоминают о разного рода “коммюнити”, которые формировались по определенным признакам – сельские, городские, религиозные и др. и которые являлись предшественниками более крупных “коммюнити”, наиболее ярким “представителем” которых является сегодня Европейский Союз. Изучив историю этих “коммюнити”, роль в них человека, их влияние на современное положение, коммунитаристы склонны говорить о некоем “феномене

коммунити”. Его сущность выражается в следующем: локальные “коммунити” компенсируют относительную слабость государственной власти и изначальную децентрализацию страны; через них рядовые граждане вовлекаются в общественно-политический процесс; посредством коммунити обеспечивается саморегулирование общественного механизма; и, наконец, дух “коммунити” выражается в комбинации солидарности и индивидуализма как центральных составляющих коллективного сознания людей[33].

Воплощение “феномена коммунити” имеет место в федералистском проекте ЕС, согласно которому культурное пространство европейской цивилизации складывается из общностей – семьи, соседской общины, селения, локальных, региональных, этнокультурных объединений, самоуправляющихся и автономных, которые объединяются в более обширные союзы с соблюдением принципа subsidiarity. Эта федеральная традиция восходит к средневековой Европе, “единой в многообразии” и является во многом созвучной с коммунитарной установкой – “сообщество индивидуальностей”, в котором коллектив не обезличивает, но, обеспечивая защищенность личности, создает условия для ее реализации в материальном и духовном планах.

Необходимо еще заметить, что анализ работ приверженцев коммунитарной теории позволяет сделать вывод о том, что они как бы противопоставляют процесс дезинтеграции (как следствия индивидуализации и сепаратистских тенденций) процессу коммунитаризации (как следствия потребности в общности). По их словам, “дух коммунити” (который отождествляется с интеграцией) выступает против “культуры разъединения”[34] (дезинтеграции). Посильную “помощь” в этом оказывают современные тенденции, сущность которых состоит, во-первых, в том, что дезинтеграционные процессы вступают в противоречие с набирающими силу противоположными объективными тенденциями взаимосвязанности и взаимозависимости мира, порождаемыми современным уровнем технологического развития. Во-вторых, действуют субъективные причины, связанные как с неудовлетворенностью “культурой разъединения”, так и с несоответствием господствующих институциональных структур изменившейся роли личности[35]. “Институциональные организации, - замечает Г. Ганс, - чтобы не потерять связь с населением вынуждены вести себя, как неформальные группы”[36].

В самом деле, складывающаяся реальность в ЕС (который представляет собой “коммунити”) не сводится ни к системе формализованных связей государств между собой и со структурами ЕС, ни к механизмам институционализированного строительства. Напротив, по словам И.С. Семененко, “здесь еще большую роль, чем на уровне национальном, играют неформальные отношения”[37]. Рассмотрение ЕС как “системы ведения переговоров” делает упор на механизмах выработки и принятия решений[38], причем не большинством против меньшинства, а в результате согласования интересов и при вовлечении в этот процесс большого и все растущего числа заинтересованных участников. По сути речь идет о складывании параметров многоуровневой системы согласования интересов групп. Большинство таких групп задействовано на разных уровнях разработки и принятия решений – от местного и регионального до национального и наднационального. Они входят в состав политических сообществ (коммунити) различной конфигурации, взаимодействующих с институтами ЕС. Понятно, что в таком многоуровневом и гетерогенном, политически фрагментированном механизме нет единого центра власти, и обеспечить выполнение устанавливаемых правил игры может только легитимизация системы как таковой в тех формах, в каких она функционирует, о чем нам еще предстоит порассуждать на страницах настоящей работы[39].

Трудно сказать, окажутся ли реализованными основные принципы коммунитаризации на европейской почве в полной мере. Ведь программа коммунитаризма носит известные утопические черты, что признают и сами ее сторонники – А. Этциони, М. Кастельс, Ж. Делор и др. Вместе с тем важнейшей характеристикой коммунитарной парадигмы

является то, что она улавливает и аккумулирует общественные императивы, в связи с чем можно констатировать (конечно, с некоторыми оговорками), что она “прижилась” в ЕС. Известный ученый Ю.Н.Малеев считает, что “...государства-члены Европейского Союза, оставаясь суверенными, вместе с тем уже сегодня обладают новым качеством совместного суверенитета, которое не может быть выражено ни одним из прежних терминов. Представляется возможным для обозначения этого явления использовать термин “коммунитет”[40]. Следует пояснить, что одной из тенденций, все это время определяющих развитие ЕС, являлась передача ему со стороны государств-членов компетенции, которая ранее составляла исключительную прерогативу последних. В настоящее время такое положение дел не противоречит ни суверенитету государств-членов, ни принципу суверенного равенства. Вероятно, что практическое воплощение коммунитаризации в дальнейшем будет выражено не только исключительно в федеративной форме Европы. Европейский Союз, вероятно, станет примером формирования нового типа государства, основанного не столько на принципах федеративного государства, сколько на предельном воплощении принципов равенства людей, демократии, сбалансированности ценностей индивидуализма и коллективизма согласно коммунитарной доктрине.

Подводя краткие итоги вышесказанному, отметим, что коммунитаризация представляет собой сложное и противоречивое явление. Ее теоретическое содержание “замешано” на специфическом сочетании начал индивидуализма и коллективизма. Как комплексная, структурная идея, коммунитаризация обладает высоким политико-правовым, экономическим, социокультурным содержанием. Сегодня она заполняет тот вакуум, который образовался вследствие недостаточности классического либерализма и государственного патернализма.

Ценности классического либерализма – индивидуализм, ориентация на максимальную самореализацию сильнейших – недостаточно способствуют достижению гармонии и баланса во внутрисистемных отношениях. Вместе с тем, злоупотребление корпоративной солидарностью в ущерб развитию отдельных сфер общества – плоды идеологии патернализма – также малопригодны для осуществления этих целей. Это, в частности, проявилось в кризисе различных моделей “социального государства”, “государства всеобщего благоденствия”.

Коммунитаризация представляет собой органичное сочетание двух ценностных начал – свободы и солидарности, взятых в разумных пределах и соотношениях. К пониманию этого факта сегодня приходит Европейский Союз, где данный принцип оказывает влияние на ход общественной дискуссии о процессах политического объединения, поиск моделей институционального строительства Союза, служит в качестве механизма урегулирования споров между национальными государствами и надгосударственным образованием.

Необходимо заметить, однако, что идея европейского единства, лежащая в основе коммунитаризации, вступает в противоречие с концепцией национального государства, безраздельно господствовавшей в Европе на протяжении последних столетий. Реальным проявлением этой противоречивости являются постоянно ведущиеся явные и скрытые споры, сторонами в которых выступали сторонники федерализации Сообщества и противники дальнейшей сдачи суверенитета. Тому, как происходит постепенное укрепление коммунитарного метода в противоборстве с межгосударственным (межправительственным) подходом, будет отчасти посвящена одна из частей нашего исследования.

Пока же заметим, что процесс коммунитаризации, пройдя большой путь от отвлеченной идеи, возникшей в умах выдающихся деятелей, до целостной, динамично прогрессирующей правовой системы, сегодня находится на пороге принципиально нового периода своей истории. На протяжении всей истории интеграции ЕС (и современный этап не является в этом смысле исключением) приходилось разрешать серьезные противоречия между центростремительными и центробежными силами, которые, с нашей точки зрения,

олицетворяют соответственно коммунитарный и межгосударственный подходы. Хочется надеяться, что в будущем не произойдет откат назад в рамках интеграционного процесса, а напротив, будет осуществлен переход на более совершенную, коммунитарную ступень европейской эволюции.

4. Проблемы становления коммунитарной Европы в процессе интеграции

Интеграция в Западной Европе на всех своих этапах характеризовалась высоким уровнем правового регулирования. Собственно говоря, она и началась с права. Ее базовые принципы были определены в учредительных договорах (Парижском и Римских договорах), которые играли (и по сей день играют) роль своего рода конституции Европейского союза.

Как известно, в этих учредительных договорах были провозглашены основные европейско-правовые принципы, так называемые “максимы”, которые наделяли акты ЕС сильнодействующим эффектом и являлись фундаментом для формирования европейского правопорядка. Достаточно перечислить эти принципы – прямое действие коммунитарных правовых актов, обязательность характера правовых предписаний ЕС, обязательная юрисдикция супранационального суда относительно всех субъектов европейского права, безоговорочный приоритет единого интеграционного права перед национально-государственными правопорядками, взаимодополняемость с национальным правом, - чтобы сделать вывод о том, что процесс коммунитаризации развивается в строгом соответствии с ними, о чем свидетельствует и само определение “коммунитаризации”.

Эти принципы в значительной степени отличают Европейские Сообщества 1950-х – 1960-х г.г. от традиционных международных сообществ и организаций. Главной отличительной чертой являлся их “наднациональный” характер, который означал, что Сообщества созданы для того, чтобы охватить одновременно и государства, входящие в состав Сообществ, и граждан этих государств. Другими словами, граждане наряду с государствами становились субъектами наднациональной системы власти. Вместе с тем, супранациональный характер Сообществ предполагал и необходимость отказа от части суверенных прав государств-членов, передачи некоторых своих полномочий на наднациональный уровень.

Однако, особенно живучими в сознании не только политиков, но и широких слоев населения оставались представления, порожденные абсолютизацией государственного суверенитета, унаследованным от прошлого страхом утраты независимости. На такой почве временами усиливалось чрезмерно осторожное и даже негативное отношение к сообществам как к наднациональной силе, вновь и вновь возрождались лозунги автаркии. Поэтому государства-члены были крайне предусмотрительны в отношении наднациональных черт сообществ, энергично отстаивая свои собственные интересы.[41]

Сегодня, по прошествии более 50 лет, начинают раскрываться глубинные противоречия между правовыми основами отдельных государств и ЕС. Государства-члены по-прежнему стремятся к перемещению центра тяжести в пользу национальных институтов с целью возможного влияния на политический курс Сообщества. Они выступают против осуществления Сообществом власти без учета национальных интересов государств-членов. Одним словом, главной задачей большинства государств является сохранение контроля над делегированными полномочиями. В результате этого процесс коммунитаризации наталкивается на своем пути на значительные препятствия. В большинстве случаев сущность этих препятствий заключается в распределении полномочий между национальными правительствами и органами ЕС при принятии решений.

Что говорить, процесс принятия решений путем процедуры единогласия был наиболее предпочтительным методом защиты суверенитета в тех областях политики, где механизмы Сообщества могли грубо нарушить национальные приоритеты.

Показательно, что Договоры были составлены таким образом, что сложилось впечатление

о том, что государства-члены нуждаются в деятельности политических институтов Сообществ не только для реализации национальных интересов, но и для осуществления законности. Интереснее всего, что государства-члены поручили контроль за соблюдением законности Суду ЕС.

Важно заметить, что в различных правовых и политических договоренностях государства-члены никогда не передавали полномочия по налогообложению на уровень Сообществ. Институты ЕС располагают правом нести расходы, но этот процесс находится под жестким контролем и влиянием со стороны государств-членов. В любом случае, потолок для денежных расходов всегда согласуется между правительствами государств-членов.[42]

Кроме того, в общественном мнении господствует странная двойственность: с одной стороны присутствует желание создать единую Европу, а с другой – сохранить привычную национальную форму государственности.

Получается, что присущая мажорность (и даже некоторая эйфория) в оценках европейской правовой интеграции является необоснованной? Выходит, что, прикрываясь лозунгами “коммунитаризации”, государства-члены создают срывы, противопоставляя действию единого права национально-государственные барьеры, национальный эгоизм и протекционизм? И таким образом замедляют процесс развития интеграции? Или же все эти “минусы” представляют собой преходящие обстоятельства (если измерять время рамками истории), отнюдь не способные повлиять на общий ход интеграции и тем более приостановить действие определяющих ее объективных закономерностей?

Без детального изучения истоков и становления идей о коммунитаризации на территории Европейского Союза дать определенный ответ на эти вопросы вряд ли возможно.

Начнем с того, что динамика интеграции может реализовываться в самых неожиданных формах – тяготении к национальному эгоизму, ревнивому обережению государственного суверенитета, прямой вражды и взаимного недоверия наций, стремлении освободиться от контроля институтов ЕС.

Историей доказано, что эти явления имеют преходящий характер. По своему и чужому опыту мы слишком хорошо знаем, сколь часто национальная гордость трансформировалась в национальное высокомерие, сколь часто взрыв взаимного недоверия и взаимных обвинений приводил к опустошительным столкновениям на этнической и религиозной почве. Во многом это объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, этническими факторами: в качестве преобладающей формы государственного устройства в Европе сложилось именно многонациональное государство, объединяющее профилирующую национальность и национальные меньшинства. То есть модель, уязвимая как для шовинизма больших, так и сепаратизма малых наций. А во-вторых, религиозными факторами: большинство европейских государств является не только многонациональными, но и мультиконфессиональными, причем со шлейфом религиозных преследований и войн.[43]

Тем не менее, мы попытаемся взглянуть на прошлое и настоящее государств на европейском континенте с несколько другой позиции, без предубеждений, национальной узости и ограниченности.

Европа – это естественная, столетиями формировавшаяся общность населявших ее народов, это их стремление к европейскому единству и унификации. Важно отметить, европейцы всегда осознавали реальные выгоды подобной унификации. Представления о Европе как особом мире, особой семье рода человеческого начали формироваться еще в раннем средневековье. По крайней мере с XI в. они проявляются уже достаточно четко.[44]

О выгодах общего объединения говорил в XIV в. философ Эразмус, а после него – Руссо, Кант, Виктор Хьюго и многие другие. Известно, что Руссо был, в принципе за европейский союз, но крайне скептически оценивал возможности его создания в виде монархии. Близок к Руссо был и Эммануил Кант. В своих размышлениях “К вечному

миру” (1795) он писал о федерации европейских государств как средстве обеспечения мира, но конечная цель, по мнению автора, состояла в утверждении сообществ, основанных на началах республиканизма, федерализма и господства права.[45] Французский дворянин Клод Анри де Сен-Симон, значение наследия которого для европейского движения XX века осознается весьма недостаточно, после того как современная историография связала с его именем понятие “социальный утопист”, в своем произведении “О реорганизации европейского общества” (1814) предсказал, что национализм будет преодолен обществом, основанном на производстве, общие экономические и идеологические интересы которого будут сильнее, чем иррациональные противостояния между национальностями. И далее: “Несомненно придет время, когда все народы Европы поймут, что вначале должны быть урегулированы вопросы, связанные с общим благом, прежде чем можно будет обратиться к национальным интересам...”. Тем не менее до XX столетия эти идеи оставались лишь на бумаге.

После Первой мировой войны европейские государства организовали в 1923 г. конгресс в Вене для рассмотрения вопроса о возможности создания пан-европейского объединения. Основатель и лидер Пан-европейского движения граф Куденхгове-Калерги призвал создать Соединенные Штаты Европы, ссылаясь на такие примеры, как успешное достижение единства Швейцарией в 1848 г., формирование Германской империи в 1871 г., а еще ранее – провозглашение независимости Соединенными Штатами в 1776 г. А 5 сентября 1929 г. французский министр иностранных дел Аристид Бриан в своей знаменитой речи на ассамблее Лиги Наций предложил создать Европейский Союз в рамках Лиги Наций. Он был поддержан своим германским коллегой Густавом Штресерманом. Правда, в этом случае ближайшая цель виделась в том, чтобы обеспечить тесное сотрудничество государств Европы, оставляя неприкосновенным их национальный суверенитет.[46]

Но вскоре подобные намерения были разрушены событиями 30-х г.г. и Второй мировой войны. Взаимная вражда и недоверие вновь взяли верх над попытками европейского объединения. Однако, с 1945 г. Европа сделала беспрецедентный прогресс на пути развития экономической интеграции и политической унификации. Ведущие западноевропейские державы активно искали пути своего утверждения в послевоенном мире. А поскольку в одиночку им было крайне трудно добиться успеха, в Европе вновь стали популярными лозунги объединения. Об этом можно судить по списку основных дат и событий, который приводится во многих пособиях, посвященных проблемам европейской интеграции,[47] и который отражает конкретные шаги европейских стран по пути к утверждению супранационализма в Европе.

Если обратиться к истории, то можно констатировать, что процесс интеграции отнюдь не является проторенной дорожкой. Каждое продвижение по пути интеграции сопровождается возникающими противоречиями между политикой отдельных регионов и политикой институтов ЕС, что замедляет процесс коммунитаризации, подвергает его испытанию на прочность.

Разумеется, что в настоящий момент объединение европейских государств нельзя назвать Соединенными Штатами Европы. Но с каждым годом ощущается постепенное приближение к статусу более прочной ассоциации, разрыв между национальной автономией и европейской федерацией постепенно преодолевается. Осознаются несовершенства внутренней жизни и международного сосуществования, специфические недостатки системы национального государства и угроза доминирования одного государства над другими, которые, как известно, могут быть преодолены только тогда, когда отдельные государства сольют свои частные суверенитеты в наднациональном сообществе. Здесь уместно вспомнить мысль швейцарского философа Анри Фредерика Амьеля, которого любил цитировать Ж. Монне: “Каждый человек накапливает свой опыт самостоятельно, с самого начала. Одни лишь институты становятся мудрее: они накапливают коллективный опыт. Благодаря этому опыту и этой мудрости люди,

действующие в рамках одних и тех же правил, не увидят изменений в их собственной натуре, но вместе с тем их поведение будет постепенно меняться”.[48] В этих словах заключен глубокий смысл: необходимо создавать Сообщество, основанное на законе, а не на силе; избавиться от стремления к превосходству, преодолеть национализм. Аналогичные цели были положены и в основу коммунитарной политики Европейского Сообщества.

Известно также, что важнейшей отличительной чертой ЕС является его супранациональный характер.[49] При этом не следует отождествлять понятие “супранационализма” с понятием “коммунитаризация”. “Супранационализм” и “коммунитаризация” - взаимосвязанные процессы. Но супранационализм - более широкое понятие, поскольку международное сотрудничество, основанное на добровольном участии государств в какой-либо ассоциации, может осуществляться и за пределами коммунитаризации.

Тем не менее утверждение супранационализма в Европе имеет огромное позитивное значение для процесса коммунитаризации, поскольку оно способствовало созданию благоприятной почвы для этого процесса, который является как бы следствием европейского супранационализма. В этой связи пристальное рассмотрение исторического развития супранационального характера Сообщества, его противоречивость и сложность, могло бы пролить свет на причины существования многочисленных проблем в процессе коммунитаризации, потому что, по нашему мнению, “супранационализм” и “коммунитаризация” являются не только взаимосвязанными, но и близкородственными, параллельно развивающимися понятиями.

Ключевым моментом супранационализма является экономическая интеграция, которая предшествует политическому сотрудничеству. Исходя из данного утверждения, можно сделать вывод, что государства-члены с самого начала стремились к его достижению. Так, план Маршалла о сотрудничестве в экономико-административных структурах предполагал и координацию деятельности в политической сфере: наряду с провозглашением принципов о самостоятельном решении европейцами своих экономических проблем, о том, что односторонняя разработка плана по экономическому возрождению Европы не может быть эффективной и т. д., существовало положение о том, что европейские государства должны были координировать восстановительную стратегию и ликвидировать торговые барьеры, что и подтолкнуло процесс европейской интеграции. Так, в сентябре 1949 г. руководитель программы по осуществлению плана Маршалла П.Хоффман недвусмысленно заявил правительствам стран-участниц Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), что будущее оказываемой их странам помощи будет зависеть от уровня “интеграции” европейских государств. Он также пояснил, что это значит. С точки зрения Хоффмана и администрации Трумэна, - интеграция предполагала большую либерализацию торговли и платежей в рамках внутриевропейского коммерческого взаимодействия, а также расширение полномочий главы ОЕЭС в сфере политического руководства[50].

В 1949 г., то есть год спустя после того, как начал действовать план Маршалла, был создан Совет Европы. Он нашел свое пристанище на французском берегу Рейна в г. Страсбурге. Следует оговориться, что своему появлению на свет Совет Европы во многом обязан деятельности федералистских групп давления, которые начали образовываться по всей Европе в первые послевоенные годы. В мае 1948 г. они встретились в Гааге с заявлением о том, что “государственная система” Западной Европы не оправдала ожиданий и созрела для замены, и с требованием о создании новой пан-европейской парламентской организации. Таковая возникла в следующем году (хотя и в сильно урезанном виде) в форме Совета Европы.[51]

Вскоре Совет Европы превратился в катализатор творческих идей Совет Европы занимался проблемами культурного сотрудничества, координацией деятельности в области права, проблемами преступности, миграции, переселения, вопросами соблюдения

прав человека и т.д. На нем обсуждались федералистские варианты решения проблем угольной и сталелитейной промышленности, обороны, сельского хозяйства. Все они позднее были зафиксированы в европейских договорах, заключенных в 1950-е годы. Следует пояснить, что в основе федералистского варианта разрешения проблем лежит постулат о том, что базу для европейской интеграции составляет феномен надгосударственности – речь идет о соглашениях, посредством которых нации-государства добровольно отказывались от (части) своего суверенитета[52].

В этом смысле примечательным является пример французского социалиста А.Фили, который в ноябре 1948 г. отстаивал федералистское решение проблемы угля и стали во французском Национальном Собрании, а затем повторил то же самое на форуме Европейского движения в апреле 1949г. В том же 1949 г. А.Фили со своими сторонниками (П.Рейно, Э.Боннфу и Р. Бутби) выступил в Совете Европы за интернационализацию тяжелой промышленности[53].

Тем не менее, необходимо констатировать, что в тот период времени в Европе были слишком сильны национальные позиции государств-членов Сообщества. В этой связи суждения о готовности европейских государств стать на позиции сторонников федералистской идеи кажутся сильно преувеличенными.

В Совет входили 18 представителей от государств-членов. Они не были наделены полномочиями исполнительной власти, но их мнение оказывало влияние на национальные правительства. Безусловно, тогда большинство национальных политических деятелей не разделяло точку зрения о том, что позиции нации-государства слабы. Напротив, они использовали национально-государственную структуру в качестве краеугольного камня экономической и политической реконструкции, придавая ей новую целеустремленность и легитимность[54].

Необходимо заметить, что в основе деятельности Совета Европы лежит принцип межгосударственного сотрудничества, который является ключевым в конфедералистском подходе.[55] Согласно этому принципу, страны соглашаются сотрудничать между собой, не жертвуя при этом ни пядью своего национального суверенитета. Их цель не в том, чтобы создать новое государство, которое поглотило бы их всех, а в том, чтобы связать суверенные государства такими отношениями, при которых они сохраняли бы свои собственные национальные структуры.[56]

1979 г. имел важное значение в истории европейской интеграции: в июне этого года состоялись первые выборы в Европейский парламент. Европейские политические партии стали участвовать в формировании органов региональной законодательной власти, и подобные формирования адекватно отражали основные направления в Европе. Евровыборы ознаменовали собой очередной шаг на пути к объединенной Европе. Ежемесячные собрания Европарламента стали проходить в г. Страсбурге.

Вторые успешные выборы уже в расширенный парламент (434 члена) состоялись в 1984 г. И с этого момента Европейский Совет как бы “эволюционировал” в настоящее Европейское правительство. В Европе все больше и больше осознавалась необходимость коммунитаризации.

Достижения в пользу европейской коммунитаризации по линии экономического сотрудничества происходили постепенно.

18 апреля 1951 г. Франция, Федеративная Республика Германии, Италия и страны Бенилюкса подписали договор, учреждающий Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). В его основу была положена концепция надгосударственности. Чем объяснимо то, что инструментом смягчения остроты вокруг территории Саара между Францией и Германией была избрана именно надгосударственность? Биограф Монне Ф. Дюшен полагает, что Монне вдохновляли идеи послевоенных федералистов и что он, подобно многим своим соотечественникам, будучи глубоко озабоченным проблемами войны и мира, прибег к этой мощной политической мине замедленного действия, дабы придать соответствующим концепциям конкретное выражение[57]. Очевидно,

надгосударственность рассматривалась Монне как способ контролирования поведения партнеров, имеющего своей целью обеспечение общего повышения уровня предсказуемости, стабильности и безопасности. Кроме того, созданная в 1951 г. организация (ЕОУС) должна была иметь наднациональный орган, способный принимать решения, обязательные для всех государств-членов. В своем меморандуме 1943 г. Монне призывает к созданию “Высшей администрации” (L’ Autorité) как органу, управляющему угледобывающей и сталелитейной промышленностью Европы[58]. Р. Шуман в своем выступлении по радио 9 мая 1950 г. заявил, что решения новой Высшей администрации будут обязательными для Франции, Германии и других стран-членов. Он также заметил, что предложение об объединении базового производства и учреждении супранационального органа “станет первым конкретным шагом в основании Европейской федерации, без которой невозможно сохранение мира...”[59].

Таким образом, с подписанием Договора о создании ЕОУС была открыта новая страница в европейской истории: во-первых, была создана сложная система, призванная обеспечивать наднациональный характер управления угледобывающей и сталелитейной отраслями стран-участниц договора посредством четко определенных правовых предписаний; а во-вторых, был заложен фундамент для формирования институциональной системы ЕС. Основой этого фундамента стал принцип, официально озвученный Р. Шуманом в Декларации 9 мая 1950 г.: “Важнейшим условием успешного продвижения к единой Европе является формирование правовой базы интеграции и системы общих институтов, имеющих отчасти межгосударственный, отчасти наднациональный характер, то есть наделенных правом принятия обязательных решений и правом контроля за исполнением их государствами-участниками. Этим институтам делегируются некоторые полномочия, составляющие часть суверенных прав государств-членов”. Можно сказать, что этим заявлением было ознаменовано и начало процесса коммунитаризации, поскольку, по определению, коммунитаризация – есть процесс передачи национальных полномочий на европейский уровень.

Не следует, однако, идеализировать процесс интеграции на данном этапе. Нередко на этом пути встречались серьезные препятствия. Зачастую тормозом усиления наднациональных начал в интеграционном процессе были сами главы государств, принявших решение об объединении, т.е. так называемые “субъективные факторы”. Например, жесткая политика генерала де Голля, активно поддерживающего интеграцию, но постоянно подчеркивающего, что это должна быть “Европа Отечества”, не раз приносила роль европейской интеграции. Позже политика Великобритании по вопросу о создании Европейского Союза формировалась в условиях резкого расхождения взглядов М. Тэтчер и Д. Мейджора, что предопределило многие оговорки и замечания Лондона.[60] Более того, после поражения плана Рене Плевена, предлагавшего создать Европейское оборонительное сообщество (ЕОС) и как логическое продолжение впоследствии Европейское политическое сообщество (ЕПС), наступил первый крупный европейский кризис, который привел к торможению развития идей супранационализма в рамках Сообщества. Недоверие политических руководителей к вопросу о передаче суверенных полномочий на коммунитарный вынудило их с большой осторожностью подходить к европейской проблеме. Этот отход к национализму, однако, не помешал девять месяцев спустя правительствам “шестерки” выступить в Мессине с идеей экономического и атомного сообществ. На конференции в Мессине, состоявшейся 1-2 июня 1955 г., было решено создать Межправительственный комитет, который под руководством Поля Анри Спаака подготовил доклад с предложением по созданию общего европейского рынка и объединению атомной промышленности[61]. Доклад в дальнейшем послужил основой для переговоров, в результате которых 25 марта 1957 г. был подписан Римский договор, вступивший в силу в начале 1958 г. Таким образом, созданные спустя три года после неудачи с ЕОС Европейское экономическое сообщество и Евратом, подтвердили жизненную необходимость процесса наднационализации в частности и европейской

интеграции в целом.

В 1958 г. Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС) объединило фактически все “сердцевинные” территории Европы, и в совокупности потенциал природных и трудовых ресурсов, рынков сбыта данной организации был поистине огромным. Более того, юрисдикция этой организации усиливалась специально созданными учреждениями со строго регламентированными полномочиями. Такими учреждениями стали: Парламентская ассамблея (позже переименованная в Европейский парламент), Совет министров, Верховный орган (впоследствии Комиссия ЕС, а затем Европейская Комиссия) и Суд. Наднациональные черты данного Сообщества были наглядно воплощены в компетенции Высшего руководящего органа, созданного для непосредственного управления производством стали и добычей угля.

Говоря о поступательном процессе утверждения супранационализма в Европе, нельзя обойти вниманием еще одну важнейшую дату и сопряженное с ней событие. В 1965 г. был подписан, а с июля 1967 г. вступил в силу договор о слиянии исполнительных структур в сообществах. Дело в том, что до этого времени все три сообщества, т.е. ЕОУС, ЕЭС и Евратом, имели общие Парламентскую ассамблею и Суд, созданные на базе Конвенции об общих институтах от 1957 г. С подписанием договора о слиянии 1967 г. были созданы единые Комиссия и Совет, которые заменили Высший руководящий орган ЕОУС, Комиссии ЕЭС и Евратома. Однако их деятельность осуществлялась согласно нормам, принятым в каждом Сообществе в соответствии с учредившим их договором. Данный факт имел своей целью поиск некоего компромисса между сообществами и Союзом, с одной стороны, и суверенными (пока еще) государствами-членами – с другой. Цель этого компромисса – юридически оформленное разграничение сфер ведения сторон. “Чрезмерное” усиление институтов интеграции пан-европейских структур вот уже более 50 лет болезненно воспринимается как “евроскептиками”, так и сторонниками сохранения наций-государств, в результате чего происходит сдерживание поступательного движения к европейскому политическому союзу, торможение процесса коммунитаризации.

Как бы то ни было, еще одной важной ступенью в становлении европейского супранационализма было создание Общего рынка. Подобное предложение исходило от Великобритании, однако, сама страна не захотела к нему присоединиться. В 1959 г. Великобритания возглавила так называемую Европейскую Ассоциацию Свободной торговли (ЕАСТ), в которую помимо нее вошли:

- три скандинавских государства – Швеция, Норвегия и Дания;
- два альпийских государства – Швейцария и Австрия;
- Португалия
- Финляндия – в качестве ассоциированного члена.

Поразительно, но эта “разноликая” группировка стран с относительно небольшой численностью населения, с ограниченными ресурсами и покупательной способностью составила ощутимую конкуренцию Общему рынку. Вскоре она стала известна как так называемая “Внешняя Семерка” (“Outer Seven”), в то время как прилегающие к ней государства “сердцевины” Европы стали именоваться “Внутренней Шестеркой” (“Inner Six”).

Однако, после нескольких лет существования “Внешней Семерки”, Великобритания изменила свое отношение к членству в ЕЭС и поставила перед собой цель добиться вступления в Сообщество. Поначалу это было сложной задачей, так как Франция заняла непоколебимую позицию и выступала против принятия Великобритании в ряды Сообщества, несмотря на желание остальных членов Общего рынка ратифицировать вступление Великобритании.

В 1972 г. для Великобритании был открыт путь для членства в ЕЭС, а в 1973 г. британцы стали официальными членами Общего рынка. Примеру Великобритании последовали Дания и Ирландия. А в 1978 г. девять государств-участников Общего рынка проголосовали в пользу будущего вступления в Сообщество Греции, Испании и

Португалии, то есть южного фланга Европы, которые стали его официальными участниками: Греция - с 1981 г., Испания и Португалия - с 1986 г.

Таким образом, Сообщество сумело противостоять центробежным силам и укрепило свое единство, приняв в свои ряды новых членов, в то время как ситуация в ЕАСТ была критической: Великобритания и Дания присоединились в 1972 г. к ЕЭС, и продолжателем начатого ими дела стала Исландия.[62] В результате последующих изменений расстановка “сил” в Европе в конце 1980-х г.г. выглядела так: “Внутренние Двенадцать”(“Inner Twelve”) и “Внешняя Пятёрка”(“Outer Five”).

В значительной степени подобный успех был обусловлен тем, что в ЕЭС особенное внимание уделялось правовой политике. Понятно, что задача формирования Общего рынка могла быть выполнена только в том случае, если определяющие его правовые нормы были бы едиными. Невозможно представить себе экономическое общество, развитие которого в разных регионах регулировалось бы различным образом.

Очередной ступенью в процессе продвижения к европейскому единству явилось принятие в 1986 г. Единого Европейского Акта (ЕЕА). Из самого названия данного документа понятно, что он был призван осуществить идею европейского единства на новом этапе интеграции. Как полагает исследователь институтов ЕС М. Стрежнева, в ЕЕА был сделан упор на закрепление и распространение коммунитарных методов в процессе принятия решений, который предполагает принятие решений на уровне Союза[63]. И основной акцент в нем был сделан на Европейском политическом сотрудничестве. В этом заключается главная историческая миссия данного документа, поскольку после конференции в Мессине (1955 г.) все усилия по интеграции сконцентрировались в областях экономики и технологии, игнорируя, за небольшими исключениями, проблемы политического союза и его двух основных составляющих – общей внешней политики и безопасности.

С точки зрения развития наднациональных черт в построении сообществ, основным достижением системы европейского политического сотрудничества стал консенсус. Его цель заключалась в улучшении взаимопонимания между государствами-членами по всем важнейшим вопросам внешней политики, выравнивании их взглядов и, насколько это возможно, выработке общего подхода.

Однако реальные события тех лет свидетельствовали о другом. Война в Персидском заливе, гражданская война в Югославии со всей очевидностью показали, что ЕПС не в состоянии помочь ЕС найти ответы на ключевые глобальные проблемы соразмерно его роли крупнейшего в мире экономического блока. В случае с Югославией государства-члены оказались способными лишь на то, чтобы направить наблюдателей ЕС и созвать мирную конференцию. После распада Советского Союза политическая координация между государствами-членами не пошла далее того, чтобы определить общий критерий для официального признания возникших государств. Да и в других областях государства-члены зачастую принимали односторонние действия, вновь проявляли свой национальный эгоизм, вследствие чего общие европейские интересы не были соответственным образом учтены.

Интересно заметить, что ЕЕА особо оговаривал, что через пять лет его вступления в силу, государства-члены должны изучить вопрос о необходимости пересмотра раздела III “Положения о Европейском сотрудничестве в области внешней политики”. Видимо, составители ЕЕА обладали некоторого рода прозорливостью, так как данная оговорка зазвучала с особой актуальностью в связи с кардинальными переменами в 1980-е г.г. и начале 1990-х г.г. в Европе и других регионах мира, которые круто изменили международную обстановку. Достаточно сослаться на разрушение социализма на востоке континента, что повлекло за собой ликвидацию СЭВ, ОВД, распад СССР. Еще одним серьезным изменением в Европе было воссоединение Германии.

В значительной степени эти события привели к подписанию 7 февраля 1992 г. в голландском городе Маастрихт Договора о Европейском Союзе (ЕС). Этот Договор был

нацелен прежде всего на создание Экономического и валютного союза (ЭВС).[64] Возможно, процесс создания ЭВС стал именно тем “моментом истины”, который поставил правительства перед необходимостью решить, насколько они доверяют друг другу и общеевропейским институтам. Ведь создание ЭВС затрагивало самую чувствительную часть национального экономического суверенитета – выпуск собственной национальной валюты, поэтому страны оставили за собой все права по принятию стратегических решений и установили независимый Европейский Центральный Банк. Такая же практика продолжает применяться при создании общей внешней политики и политики безопасности, так как это не менее чувствительная сфера интересов национального государства[65].

Таким образом, государства-члены всегда сохраняли заметную осторожность и выдержку. Мера наднациональности никогда не выходила за пределы, диктуемые интересами обеспечения государственного суверенитета. Многочисленные декларации о единстве государств-членов далеко не всегда оказывались реализованными. Вместе с тем, нельзя отрицать некоторых достижений федерализма в Европе. Расширенная компетенция общих институтов сообществ и Союза, придание Европарламенту дополнительных полномочий, введение на территории ЕС общей европейской валюты, установление гражданства ЕС, создание механизма общей внешней политики и политики безопасности – все эти достижения, бесспорно, заслуга сторонников федералистской концепции. По всей видимости, составители Договора осознавали возможность возникновения препятствий, создаваемых национальным и региональным эгоизмом. Отсюда и проистекает закрепление в Договоре этих положений.

Закономерно возникает вопрос: если так все хорошо развивалось - произошло поистине грандиозное продвижение к европейской коммунитаризации даже в щекотливых вопросах внешней политики и политики безопасности, был введен институт европейского гражданства и т. д., - почему в адрес Маастрихтского договора постоянно поступала критика? Неудовлетворенность результатами социальной политики Союза, его ролью в отстаивании прав человека, выступления против критериев создания валютного Союза, критика системы управления делами ЕС за ее неповоротливость, за растущий бюрократизм и формализм, и как следствие, доминирование чиновничьего подхода в процессе принятия решений, упреки в адрес институциональной системы Союза в “дефиците демократии”, что институты ЕС оттесняют национальные парламенты и их законодательство, не имея не только преимущественной, но и равноценной с ними легитимности – вот далеко не полный перечень критических замечаний в адрес ЕС.

Кроме того, появилась новая проблема – расширение состава Союза. Не следует забывать, что нынешний Европейский Союз начинался с группы из шести государств. Во многих отношениях они стали локомотивом, двигавшим процесс интеграции вперед. Но по мере того, как росло число государств-участников, взгляды на направление и темпы дальнейшей интеграции стали разделяться. Сложившаяся ситуация позволяла сделать вывод, что в своем настоящем виде ЕС не в состоянии реализовать свои амбиции.

Серьезные перемены в организацию и деятельность Союза были внесены на Межправительственной конференции в Турине (1996), которая имела цель привести в соответствие предъявляемые государствами-членами требования к ЕС. К этому времени в станах ЕС была осознана необходимость подготовки структуры ЕС как к новой ситуации в мировой политике, так и к расширению состава участников.

Принятие в 1997 г. Амстердамского договора явилось очередным продвижением к коммунитарной Европе. Главнейшим его результатом, безусловно, явилось расширение законодательных прав Европейского парламента: процедура совместного решения была предусмотрена для восьми новых положений договора, среди которых социальная политика и здравоохранение. Более значимо то, что эта процедура была распространена на 15 уже существующих положений, где ранее применялся не коммунитарный, а межгосударственный подход.

Итак, в ходе всего процесса европейской интеграции имели место быть две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, это идея унификации и единства всей Европы, а с другой стороны, это феномен национализма. Концепция “Европа – наш общий дом” противопоставлялась так называемой концепции многочисленных “национальных домов”.

Всегда находились яростные сторонники и того, и другого взглядов. И в зависимости от того, какой из них преобладал на данном этапе развития Сообщества, такой вектор направленности (положительный или отрицательный) носил процесс европейской интеграции в целом.

Понятно, что дальнейшее продвижение вперед возможно лишь при наличии доверия, доброжелательности, взаимопонимания на всех уровнях европейского “здания”: начиная от институтов ЕС и заканчивая простыми гражданами. Процесс европейской интеграции только тогда будет плодотворным, если он будет поддержан народами Европы и подкреплен сознанием европейской идентичности.

Кроме того, сложность процесса принятия решений на уровне Сообщества, равно как и усложненный характер деятельности его членов (в чем проявляется супранациональный характер ЕС), затрудняет восприятие людьми истинного смысла его деятельности, сдерживает развитие столь необходимого чувства солидарности и общности интересов, ведет к национальному обособлению, не доверительному отношению к деятельности институтов ЕС.[66]

Однако, несмотря на все разногласия и противоречия, процесс европейской интеграции (а, значит, и процесс европейской унификации) продолжается. Еще ни одно государство не заявило о своем желании выйти из Союза. Напротив, с каждым годом увеличивается число заявлений с просьбами о вступлении в ряды ЕС.

Как сбалансировать интересы Союза и его членов – этот вопрос и по сей день остается открытым. В качестве одного из средств достижения этого баланса некоторые[67] называют “гибкость” (flexibility), которая предполагает, что установление баланса должно происходить путем взаимного согласования процессов углубления и расширения ЕС, установления демократической ответственности и не слишком сильного “покушения” на национальные суверенитеты членов Сообщества.

Другие авторы[68] выдвигают предположение, что дальнейшее развитие Европы будет происходить по следующему сценарию: от супранационального характера интеграции к новому возрождению национальных государств, которые будут действовать по принципу “a` la carte” – экстремальной формы интеграции, в которой государства-члены Европейского Союза могут выбирать определенные сферы и программы, в которых они желают участвовать. В связи с этим подход “a` la carte” может подорвать солидарность ЕС и привести к так называемым случаям “opt out” - исключению из договорных обязательств (пример чего уже существует в практике – это Великобритания в отношении социальной хартии (в Договоре о Европейском Союзе)).

Однако, независимо от того, какой из этих сценариев окажется наиболее предпочтительным для государств-членов ЕС в будущем, сегодня ясно одно. Проблемы существуют для того, чтобы их разрешать. Успешное преодоление этих трудностей будет означать переход к более совершенной стадии в развитии ЕС, стадии истинной коммунитаризации в самых различных сферах жизни, что является важнейшим показателем степени единения государств-членов в рамках Союза.

На сегодняшний день очевидно, что коммунитаризация затронула почти все жизненно важные сферы деятельности Сообщества: социальное и экономическое развитие, конкуренцию, правовую регламентацию, региональную политику и т.д. Данное обстоятельство способствует созданию европейского общественного пространства (коммунитарного пространства) на основе общественных пространств государств-членов. Принадлежность к данной международной организации вызвала появление новых понятий, нашедших свое отражение в новой терминологической лексике. Дефиниции

“коммунитарный”, “коммунитаризация” и т.д. – являются ярким подтверждением этих слов. Прилагательное “коммунитарный” представляет собой новую понятийную категорию, которая находится между понятиями “национальный” и “международный”, и переводящаяся на русский язык как “касающееся Европейских сообществ”, “осуществляемое в рамках ЕС”. То, что вместо термина “коммунитарный” зачастую используются его синонимы, например, “европейский”, объяснимо, на наш взгляд, громоздкостью и труднопроизносимостью, что является препятствием его широкого употребления. Вместе с тем реалии европейской жизни свидетельствуют о том, что понятия “коммунитарный”, “коммунитаризация” и т.д. как никакие другие точно отражают существующую действительность, поскольку процесс коммунитаризации является доминирующей тенденцией на правовом, политическом, экономическом, социальном пространстве Европейского Союза. Тем самым ставится вопрос о необходимости замены старых терминов на новые.

Как мы выяснили, процесс осознания выгод, которые можно получить от коммунитарных структур, имеет долгую и противоречивую историю. Он сопровождался постепенной адаптацией на европейской почве коммунитарной парадигмы, одним из основных постулатов которой является “снятие антиномии коллективного и индивидуального” и “уравновешивание должным образом индивидуальных прав и социальной ответственности”.

Реальное положение дел в ЕС свидетельствует о том, что главными отличительными чертами ЕС являются его супранациональный и федеративный характер. Мы показали, что в общем ходе развития интеграции супранационализм, федерализм и процесс коммунитаризации следует рассматривать как взаимосвязанные понятия, последовательное воплощение которых на практике означало бы “победу” коммунитарного принципа.

Однако в настоящее время нередко раздаются упреки в адрес ЕС, которые мотивируются неэффективностью и даже бессильностью ЕС в разрешении насущных европейских проблем: безработицы, образования, здравоохранения, социального обеспечения и т.д. Кроме того, отнюдь не уменьшается количество конфликтов между порядками обоих уровней: государства-члены далеко не всегда приемлют столь радикальное действие коммунитарных актов.

Тем самым отчасти отвергается принцип наднациональности. Более того, порой подвергается эрозии присущий Сообществу федерализм, что означает отказ от слияния своих частных суверенитетов в супранациональном Союзе, отказ от делегирования национальных полномочий на европейский уровень, то есть ставится под сомнение необходимость процесса коммунитаризации, а межгосударственный подход начинает рассматриваться в качестве перспективы дальнейшего развития интеграционного процесса.

Во многом подобная тенденция объясняется сложностью принятия решений на уровне Сообщества, равно как и усложненным характером деятельности его институтов. Это затрудняет восприятие людьми истинного смысла деятельности ЕС, сдерживает развитие столь необходимого чувства солидарности и общности интересов, ведет к национальному обособлению, недоверительному отношению к деятельности институтов.

Положительным моментом является то, что проводится регулярная работа по усовершенствованию деятельности институтов Союза, его повседневной административной и законодательной практики. Союз объявил о транспарентности своей деятельности, о проведении ее в доступных для понимания формах, что может стать серьезной предпосылкой, удостоверяющей в глазах граждан всю важность деятельности во имя коммунитаризации, во имя Единой Европы.

5.Расширение коммунитарных правовых компетенций на отдельные сферы деятельности ЕС

Коммунитаризация – понятие правовое, юридическое, тесно связанное с процессом формирования правопорядка ЕС. Главный итог формирования правопорядка Европейского Союза состоит в том, что в настоящее время уровень гармонизации и унифицированности национальных правовых систем в основном отвечает требованиям единого рынка и постепенно приобретает новый качественный характер. Это позволяет говорить о наличии в рамках ЕС достаточно эффективного и отлаженного правового механизма, имеющего модельный характер для иных интегрирующихся объединений, к числу которых относится и СНГ. Его практическое формирование потребовало от сторонников объединения гибкости, терпения, видения перспективы и, конечно, преданности идее европейской интеграции.

Сфера собственно европейского регулирования, несмотря на имеющиеся возражения со стороны отдельных государств, последовательно расширяется. С принятием Единого Европейского Акта (1986 г.) коммунитарные правовые компетенции расширились за счет таких сфер, как охрана окружающей среды, культура и образование, охрана здоровья, социальная, исследовательская и технологическая политика.

Маастрихтскими соглашениями легализовано дальнейшее распространение европейского правопорядка на сферы валютного, налогового, социального регулирования, внешнюю политику и оборону.

31 января 1997 г. Европейский Парламент обсудил необходимость дальнейшего расширения надгосударственных компетенций на такие сферы внутренних дел и правосудия, как:

- политика иммиграции и предоставления политического убежища;
- порядок пересечения внешних границ;
- борьба против наркобизнеса, торговли людьми и международной коррупции;
- некоторые аспекты правового сотрудничества в гражданских делах.

В течение полувека государства-члены ЕС шаг за шагом расширяли круг областей политики, которую они все более основательно координируют либо вырабатывают и проводят совместно. К концу 1999 г. перечень этих направлений выглядел следующим образом:

Экономическая сфера

- внешнеторговая политика
- экономическая и валютная политика

- аграрная политика
- конкурентная (антимонопольная) политика
- энергетическая политика
- промышленная политика
- научно-техническая политика
- транспортная политика
- политика в области информации и телекоммуникаций
- политика в области рыболовства

Социальная сфера

- социальная политика и политика занятости
- региональная политика
- политика в области здравоохранения
- политика в области образования, повышения квалификации и трудоустройства молодежи
- экологическая политика
- культурная политика

Сфера отношений с внешним миром

- политика расширения ЕС
- совместная внешняя политика и политика безопасности
- политика развития (менее развитых третьих стран)
- оказание гуманитарной помощи

Сфера внутренней безопасности и юстиции

- сотрудничество юридических служб, полиции и таможен
- борьба с наркобизнесом
- иммиграция и предоставление убежища

Хотя каждое из этих направлений политического взаимодействия государств-членов ЕС представляет интерес в качестве своего рода ноу-хау, полезного для других региональных объединений, претендующих на интеграцию, в рамках данного исследования нет возможности проанализировать каждое из них. Поэтому ниже рассматриваются лишь некоторые, имеющие непосредственное отношение к теме настоящей работы.

Итак, процесс расширения коммунитарных правовых компетенций более трех десятилетий не затрагивал такие особо чувствительные области государственного суверенитета, как внешняя политика, оборона, правосудие и внутренняя безопасность. Эти сферы, считающиеся ключевыми для национальной самостоятельности, вообще были выведены за пределы компетенции ЕС и не охватывались основополагающими договорами. Но растущий геоэкономический вес Сообщества и его влияние на международные отношения требовал согласованных действий государств-членов на мировой арене. В принципе, включение этих областей в зону коллективной ответственности требовала сама логика нового этапа интеграции.

Произошедшее с принятием Амстердамского договора расширение надгосударственных компетенций на сферу внутренних дел и правосудия показателью с точки зрения эффективности нового европейско-правового измерения и очевидных достижений в сфере коммунитаризации.

Однако, при всей интенсивности интеграционной эйфории политическому истеблишменту ЕС было ясно, что на области внешней политики и политики безопасности не может быть механически распространена коммунитаризация, по крайней мере, в ее традиционной форме. Они остались полем межправительственного сотрудничества. Между тем “цена” их формальной “коммунитаризации” была достаточно высока. В чем это проявилось и предстоит выяснить в ходе работы над данной частью настоящего исследования.

Необходимо заметить также, что непросто обстояло дело и с коммунитаризацией такой ключевой сферы жизнедеятельности национальных государств, как денежно-кредитное обращение и валютные отношения, которая требовала принятия принципиально новых законодательных актов и на уровне Сообществ, и на уровне национальных государств; отказа последних от одного из важнейших атрибутов своего национального суверенитета. Однако, в отличие от политической сферы жизни ЕС здесь действует коммунитарный метод.

Поэтому в данной главе мы подробно рассмотрим, какие последствия обнаруживаются вследствие процесса коммунитаризации в наиболее важных областях - экономической и политической, выясним основные различия в них в результате распространения наднационального начала, проследим взаимосвязь этих процессов друг с другом.

6. Экономическая сфера: концепции дифференцированной интеграции

Считается, что строительство Экономического и валютного союза является ключевым направлением современной интеграционной стратегии ЕС. Оно логически завершает программу создания Единого внутреннего рынка и предусматривает формирование на территории ЕС однородного экономического пространства.

Главная особенность ЭВС заключается в том, что он входит в компетенцию сохраненного

в рамках ЕС Сообщества, решающего на коммунитарном уровне большинство вопросов. Иначе говоря, участники ЭВС добровольно делегируют единым органам ЕС ряд суверенных прав, включая валютную, эмиссионную, бюджетную, дисконтную и налоговую политику.

Для того, чтобы ЭВС “состоялся” необходимо было выполнить, по крайней мере, пять параметров:

- 1) достижение единого рынка, главной характеристикой которого является высшая степень мобильности рабочей силы, товаров, услуг и капитала;
- 2) координация макроэкономической политики между членами ЕС, объединение финансовых рынков государств-членов;
- 3) единая валюта;
- 4) стабильность цен, полная и необратимая конвертируемость национальных валют;
- 5) общая валютная политика, осуществляемая Европейским Центральным Банком (ЕЦБ) с учетом общих интересов государств-членов ЕС.

Общая экономическая политика нужна для того, чтобы сформировать на территории всех государств-членов единое экономическое пространство, в рамках которого компании и население повсюду имели бы одинаковые условия для хозяйственной деятельности.

Сегодняшнее положение свидетельствует о том, что уже сейчас внутри ЕС практически отменены все барьеры на пути движения товаров, капиталов и рабочей силы. Значительно либерализован рынок услуг. С января 1999 г. 11 стран ЕС, которые уже в 1997 г. выполнили критерии конвергенции, перешли к единой валюте. До 2002 года в евро обслуживались межбанковские операции и безналичные расчеты, но уже с января того же года началось хождение новых банкнот и монет, которые постепенно вытеснили из обращения остатки национальных денег. Этот более чем трехлетний переходный период понадобился для “обкатки” единой валюты, а также для психологической адаптации населения, навсегда расстающегося с привычными национальными купюрами и монетами, которые веками оставались одним из атрибутов национального суверенитета.

Правда, эти успехи достаются дорогой ценой. Стремясь не оказаться на обочине интеграции, национальные правительства соглашались на самые строгие бюджетные диеты. Только за один 1996 г. Швеция сократила дефицит госбюджета с 7,7% до 3,6% ВВП, на 1,5 – 2% его уменьшили Австрия, Финляндия, Греция, Нидерланды, Португалия и Испания. Более того, в течение 1981-1995 гг. доля европейских валют в частных портфелях всего мира выросла с 13% до 37%, в то время как доля американского доллара сократилась с 67% до 40%.

Следует заметить, что внутренний рынок ЕС должен стать более однородным и приблизиться по своим характеристикам к национальному. Для реализации подобных планов необходимо проводить единую валютно-финансовую политику. С другой стороны, валютный союз невозможен без общей экономической политики, так как единая валюта не сможет функционировать при существенно различающихся национальных темпах инфляции, процентных ставках, уровнях государственной задолженности и т.д.

Учесть все эти важнейшие компоненты была призвана концепция дифференциации. Вообще появление этой концепции было связано с новым этапом в развитии скоординированной экономической политики: принятием семилетней программы завершения строительства единого внутреннего рынка в Сообществе. С подписанием же в 1986 г. Единого Европейского Акта концепция дифференциации была включена в примат права Европейских сообществ. Основная суть данной концепции состояла в согласовании экономической политики государств-членов и наибольшем внимании к экономическому развитию тем из них, которые в силу тех или иных причин в настоящее время не способны поддерживать экономический ритм остальных, переживают временный упадок экономики. Таково классическое понимание “дифференциации”. Важно при этом подчеркнуть, что оно в полной мере отвечает идее “двухскоростной или многоскоростной Европе” и опирается на базис процедур, имеющих своей целью вступление в третью

стадию Экономического и валютного союза. Только тем государствам, которые выполнили необходимые условия (так называемые критерии конвергенции), было дано право вступить на эту стадию. Остальные будут ожидать своего времени, то есть когда их экономические и валютные показатели достигнут нужных отметок.

Как видно из определения “дифференциации”, данного в ЕЕА, она служит лишь для обозначения общей цели (к основным целям Сообщества было отнесено создание ЭВС), в то время как в Договоре о Европейском Союзе дифференциация выступает как центральный элемент в развитии европейской интеграции. В новой редакции ст.2, определяющей основные задачи Сообщества, говорится уже об осуществлении “общей политики и деятельности”, и в перечень задач, решению которых должна способствовать общая политика, наряду с “гармоничным и сбалансированным ростом”, “высоким уровнем занятости и социальной защиты”, “повышением уровня и качества жизни”, включено “достижение высокой степени конвергенции экономических показателей” и “экономическое и социальное сплочение”. В добавленной ст.3а подчеркивается, что экономическая политика Сообщества будет основана “на тесной координации экономической политики государств-членов” и предусматривать “поддержание общих экономических курсов”.

Коммунитарным правом ЕС были четко разграничены две группы стран с целью последовательного перемещения к ЭВС: только государствам первой группы разрешалось быть полноправными участниками в процессе создания общей валюты. Государствам же второй группы не разрешается принимать участие в управлении Европейским Центральным Банком. В данном случае налицо проявляется дифференциация и в институциональной сфере.

Важно также отметить, что в приложенных протоколах Договора о ЕС, двум государствам-членам (Великобритании и Дании) было предоставлено право не участвовать в третьей стадии ЭВС не из-за того, что они не готовы к вступлению в нее, а на основе исключительно политического решения. Они зарезервировали свое право не переходить к единой валюте еще при подписании Маастрихтского договора.

Таким образом, в Договоре о ЕС была представлена новая концепция дифференциации – некая радикальная формула, в которой отсутствует временный характер решений. Вместо него появляется так называемая долговременная сепарация, приводящая к различному восприятию преследуемых целей.

Подобная замена отражает политический компромисс, достигший своей кульминации во время переговоров, и отнюдь не является чуждой знаменитой идее “Europe à la carte”, которая предполагает, что каждое государство вправе выбирать те сферы интеграции, в которых оно желает принимать участие. Известно также, что обобщение метода “à la carte” не приемлемо, так как это бы подорвало логику всего интеграционного процесса.

Но существует еще один вид дифференциации, который выходит за рамки и классической идеи “Европы разных скоростей”, и радикальной концепции дифференциации, и который вполне может получить свое воплощение в будущем. Сущность данного типа дифференциации можно выразить в так называемой формуле “переменной геометрии”, согласно которой различия между государствами-членами непременно ведут эти страны к стабильности и постоянству.

Подобное утверждение отвечает не только растущей гетерогенности в результате прогрессивного расширения ЕС, но и факту, что интенсификация интеграционного процесса приводит к тем областям, в которых во главу угла поставлен суверенитет государства. И возможно, что водораздел между государствами проведен таким образом, что в центре находятся страны, желающие вступить в стадию политической интеграции, а на периферии – государства, остающиеся за рамками этого процесса.

Таким образом, мы рассмотрели три возможных варианта концепции дифференциации:

1. Традиционный подход – концепция “Европы разных скоростей”.
2. Радикальный подход – “Europe à la carte”.

3. Концепция “переменной геометрии”.

Можно сказать, что последняя из них исполняет роль посредника между двумя остальными. Она нашла свое воплощение в европейской валютной системе как добровольное исключение национальных валют из иностранного обменного механизма, проиллюстрировав таким образом коммунитарную тенденцию в этой сфере. Эта же концепция воодушевила и Шенгенские соглашения, о которых пойдет речь в следующей части данной главы.

Понятно, что гипотеза о дальнейшем развитии Европы по сценарию “переменной геометрии” не может не вызывать беспокойство со стороны тех государств-членов, которые не являются “естественными” элементами сердцевины Европы.

Поворотным моментом в этом отношении могло бы стать изменение методологии процесса принятия решений относительно второй “опоры” Маастрихтского договора – внешняя политика и политика безопасности. Составление единых правил в этой сфере подтолкнуло бы членов к их участию в процессе этого изменения в преддверии создания политической федерации, означало бы продвижение по пути коммунитаризации. Однако, на Межправительственной конференции в Турине (1996) по пересмотру Маастрихтского договора не произошло подобного изменения, так как в некоторых государствах-членах слишком мощным было сопротивление по поводу передачи центральных аспектов их суверенитета.

Поэтому целесообразно заметить, что при использовании концепции “переменной геометрии” нельзя обходить вниманием “разноскоростную” концепцию.

На Межправительственной конференции Группа отражения приняла традиционную концепцию “гибкости”. Как и ожидалось, она отвергла радикальный метод “*a` la carte*”. Хотя Группа и акцентировала внимание на временном характере дифференциации с целью обозначения общих целей, она все-таки не поддержала среднюю концепцию “переменной геометрии”. Тем не менее эта формула могла бы развиваться как результат создания Экономического и валютного союза. Само же создание ЭВС является кульминацией формирования на территории ЕС однородного экономического пространства. В то же время ЭВС может рассматриваться в качестве ступени к развитию политического союза. Решение государств-членов о вступлении в третью стадию валютной интеграции может быть интерпретировано как проявление так называемых “компонентов сердцевины”, от которых исходило желание об участии в политической интеграции. Очевидно, что подобное проявление было бы нежелательно, так как раскол между государствами-членами, отразившийся в Маастрихтском договоре, мог бы стать более глубоким.

Для гармонии европейской конструкции было бы гораздо лучше, если бы все государства-члены начали продвижение к ЭВС с одинаковой для всех стартовой линии. Другими словами, вместо установления фиксированных дат, номинальных критериев конвергенции и т.д. продуктивнее было бы выработать более широкий и относительный подход.

Нелегко понять, почему разработчики проекта ЭВС не уделили должного внимания пересмотру критериев конвергенции, возможности отсрочки окончательного перехода и всем негативным моментам дифференциации.

Установлено, что Маастрихтская формула ЭВС соответствует так называемому градуалистическому подходу (то есть постепенному, последовательному), который был предложен в плане Делора. Согласно этому подходу, для установления Валютного союза формально было необходимо пройти через три стадии:

I.1 июля 1990 г. – 31 декабря 1993 г.

- В этот период было завершено формирование единого внутреннего рынка, разработаны меры, направленные на сближение ряда макроэкономических показателей государств-членов, и проведена либерализация движения капиталов внутри ЕС.

II.1 января 1994 г. – 31 декабря 1998 г.

- На данном этапе происходила подготовка институциональной, административной и

юридической базы Валютного союза. Для этого были разработаны правила функционирования ЕЦБ и методы координации экономической политики государств-членов, создан Европейский валютный институт (г. Франкфурт – на – Майне, Германия), который занимался всеми вопросами формирования Валютного союза вплоть до начала III этапа.

III. 1 января 1999 г. – 30 июня 2002 г.

•Целью этого этапа являлось введение единой европейской валюты – евро, которая постепенно заменит национальные денежные знаки.

Однако если судить по достижениям, сделанным на каждом из вышеперечисленных этапов, то можно констатировать, что в сущности II стадия не слишком отличается от I стадии. Вопреки целям, обозначенным в плане Делора, Европейский Центральный Банк не был создан на II стадии, а учреждение Европейского валютного института не произвело какой-либо реальной передачи властных полномочий в валютной политике от национальных правительств и национальных центральных банков к супранациональным институтам.

Эти факты могут служить объяснением тому, почему основное внимание уделялось факторам времени и условий для перехода к III стадии, в результате которой появился Валютный союз. В этом отношении интересно затронуть реакцию на эти события таких “сердцевинных территорий” Европы, как Франция и Германия. Так, Франция после объединения Германии, была обеспокоена отношением валютных структур своего соседа к превосходству супранациональных институтов. Германия же, удовлетворенная “де-факто” валютным суверенитетом, не собиралась расставаться со своей национальной валютой без твердой уверенности в том, что Европейский валютный институт будет следовать так называемой “германской модели”: Центральный банк независим от правительств и других институтов Союза и имеет в качестве своей главной цели борьбу с инфляцией.

Германия требовала, чтобы “единоскоростной подход” (single-speed approach), предложенный многими государствами-членами, был оставлен в стороне. Доминирующим должен стать “многоскоростной подход”, согласно которому ввести единую валюту смогут лишь те государства, которые выполняют следующие критерии конвергенции:

- Темпы инфляции не должны превышать более чем на 1,5 процентных пункта средний аналогичный показатель в трех странах с наименьшим ростом цен;
- Процентные ставки по долгосрочным кредитам не должны превышать более чем на 2 процентных пункта соответствующий средний показатель для трех стран с наименьшим ростом цен;
- Дефицит государственного бюджета не должен быть более 3% ВВП;
- Государственный долг не должен быть более 60% ВВП;
- В течение двух лет валюта не должна девальвироваться и ее обменный курс не должен выходить за пределы колебаний обменных курсов, установленных в рамках Европейской валютной системы.

Три категории государств избежали общего компромисса, который был достигнут в процессе переговоров. Два государства – Великобритания и Дания – были в индивидуальном порядке оставлены за рамками Валютного союза. Остальные государства можно подразделить следующим образом:

1) те, которые могли бы достичь критериев конвергенции;

2) другие.

При этом нужно отметить, что позиция беднейших и периферийных членов ЕС была иной. Отнесение их к государствам “второго класса” в европейской конструкции послужило побудительным импульсом во чтобы то ни стало справиться с критериями конвергенции, зачастую не принимая во внимание негативные черты системы ЭВС и дефляционные последствия их стремительного продвижения к желаемой цели.

Зачастую можно слышать мнение о том, что Европейских Союз лишен некоторых из характеристик оптимальной валютной зоны. В частности, отсутствует фактор мобильности и способности регулирования асимметричных шоков (по сути иностранных обменных механизмов), маастрихтская система является неадекватной в отношении периферийных, менее развитых регионов и т.д. Помимо риска испытать на себе асимметричный шок без каких-либо последующих компенсаций, которые предусмотрены бюджетом федерального типа, периферийные государства могут быть втянуты (после их принятия в ЭВС) в процесс так называемого “выравнивания” уровней развития путем улучшения продуктивности, в результате чего могут сильно обостриться проблемы безработицы.

Также ценовая стабильность и определенные требования к бюджету делают неуместной дефляцию и требуют особого успеха экономического роста. Важно отметить, что в отношении оставления обменного инструмента основное внимание должно уделяться опыту английской и итальянской экономик с того времени, как эти валюты были изъяты из иностранного обменного механизма европейской валютной системы.

Плавание фунта и лиры происходило в русле экспансионистской экономической политики, в которой был смещен акцент на ценовой стабильности. В Великобритании, где изъятие фунта многими было воспринято как освобождение от нежелательного принуждения, произошло экономическое возрождение после долгого периода стагнации. В Италии, несмотря на доминирование строгого европейского обязательства, выход из обменного механизма расценивался как поражение: стала возможной стратегия ведения экспортной экспансии, в то время как в стране прогрессировало реструктурирование общественных финансов. Во Франции, где сокращение бюджетного дефицита стояло в качестве одного из первого на повестке дня, во-первых, рост безработицы заставил рынки поверить в то, что политика ценовой стабильности не может быть утвержденной вследствие спекулятивных атак на франк, а во-вторых, во Франции нарастало социальное напряжение.

В этом отношении уместно проиллюстрировать ситуацию в Португалии. В этой стране, которая, как известно, воспользовалась известными преимуществами от участия в ЕС во время первых пяти лет его существования, приоритет с 1990 г. главным образом был отдан борьбе с инфляцией (проводилась политика по достижению стабильности номинального обменного курса эскудо). Однако выбранная стратегия привела к обманчивым результатам, которые можно продемонстрировать на следующих примерах. Когда уровень инфляции в Португалии был выше, чем в других государствах-членах ЕС, реальная стоимость эскудо за период 1989 – 1992 г.г. достигла 30%. Это породило поистине серьезные проблемы, результатом которых могла стать утрата конкурентоспособности национальных продуктов. В течение 1990 – 1994 г.г. объем продукции промышленного сектора приближался к 7%, а сельскохозяйственной – к 20%. Обесценивание эскудо обеспечило автоматическое утешение для национальных производителей, но оно было направлено на компенсирование утраты конкурентоспособности, которая произошла в прошлые годы.

На сегодняшний день можно констатировать, что депрессивная ситуация преодолена.

Подводя некоторые итоги размышлениям, сделанным в данной части, отметим, что главной целью настоящего анализа было выявление ценности и значимости ЭВС для интеграционного развития Сообщества в целом, его роли в процессе продвижения коммуниитаризации. Тем не менее не игнорировалось влияние ЭВС и на международную

валютную и экономическую системы. В частности, сегодня налицо проявляется стремление евро стать “колесом” валюты, что благоприятно сказывается на эффективности европейской экономики. На первый взгляд, эти стремления кажутся вполне оправданными, так как:

1. европейская валюта в большей степени связана с обращением товаров;
2. она меньше зависит от краткосрочных спекулятивных операций;
3. она обеспечена золотовалютными резервами ЭВС и т.д.

Важно отметить также, что с усилением Европейского Союза как “единого поля для экономической политики” в рамках мировой экономики в обязательном порядке стала учитываться координация валютной политики в рамках G7 и консолидация многополярного валютного режима.

На наш взгляд, внешнее влияние общей европейской валюты будет достаточно значительным. Прежде всего это обусловлено тем, что вследствие принятия валютным супранациональным авторитетом решения о проведении политики обменного уровня, произошло сокращение числа акторов на мировом рынке и перераспределения мест между японской иеной, американским долларом и евро.

Значительный эффект евро за рамками ЕС еще больше будет проявляться, если ЭВС будет действовать как проект, заключенный между большим количеством стран. Достаточно вспомнить, что на первых порах обменный курс евро стал снижаться по отношению к доллару и иене. По мнению Ю.В. Шишкова, “это было обусловлено, с одной стороны, более высокими темпами экономического роста США по сравнению ЕС, с другой – более высокими процентами на американском кредитном рынке. И то, и другое предопределило отток капиталов из стран Евросоюза в США. Кроме того, курс евро по отношению к доллару был изначально завышен. Однако, - заключает ученый, - все это – явление временное”. Действительно, когда ситуация стабилизировалась, евро заняло прочные позиции в мировой экономике в соответствии с реальным соотношением сил ЕС, США и Японии.

Тем не менее проблемы, связанные с Экономическим и валютным союзом, существуют как внутри Сообщества, так и за его пределами. Внутренние проблемы отражает концепция дифференциации (принятые и непринятые в ЭВС государства-члены). В международных отношениях основной вопрос сосредоточен вокруг места и влияния европейской валюты в мировом контексте: какие из национальных валют еще войдут в общий валютный союз? Другой проблемой является завоевание престижа новой европейской валюты. Сможет ли она занять лидирующие позиции по отношению к американскому доллару?

Впрочем, независимо от колебаний обменного курса евро переход почти всех стран ЕС к единой валюте, единому надгосударственному банку и единой кредитно-денежной политике является важнейшей исторической вехой на пути коммунитаризации экономической сферы. Теперь открыт путь к коммунитаризации налоговой и бюджетной политики государств-членов ЕС, то есть к дальнейшей федерализации его финансовой системы и наднациональному макроэкономическому регулированию в масштабах всего Союза.

7. Политическая сфера: гибкий подход к ВППБ и практическая польза Шенгенской формулы

С вступлением в силу Маастрихтского договора на фоне многих направлений развития Европейского союза достаточно отчетливо просматривались две главные задачи, которые ставили перед собой участники Маастрихтского договора. О первой из них шла речь в предыдущей части данной главы – это развитие идей экономической интеграции, предопределивших само создание сообществ. Вторая важнейшая задача отражала стремление еще дальше выйти за рамки чисто экономической организации и придать Европейскому союзу более определенный и сильный политический характер.

Обоснованием этого послужили взаимосвязь и взаимозависимость экономики и политики ЕС, равно как и намерение противостоять конкурентам на мировом рынке, в первую очередь США, активно и результативно использовавшим свой политический капитал в международных отношениях для получения торговых, инвестиционных, налоговых и иных льгот, и особенно для проникновения на рынки в самых различных регионах мира. Можно сказать, что главным изменением, привнесенным Маастрихтским договором, было то, что в сферу деятельности сообществ официально вошли вопросы внешней политики и безопасности. “Союз начинает проводить общую внешнюю политику и общую политику безопасности...”, гласит статья 1 раздела V Договора. Тем самым идея политического союза была обозначена достаточно определенно. Но по сравнению с тем, что сделано в Договоре в отношении Экономического и валютного союза, политический союз оказался явно обделенным. О симметрии двух союзов говорить не приходится. Маастрихт подтвердил, что:

- 1) В сфере политики действуют иные факторы, чем в сфере экономики. Здесь различие интересов нередко доминирует над их общностью;
- 2) Не существовало реального намерения пойти на серьезное ограничение политической самостоятельности со стороны ни одного крупного государства Западной Европы;
- 3) Именно в сфере политики сохраняются связи и особые отношения с третьими странами;
- 4) Именно в области политики государства-члены входят в различные политические блоки и заключают отдельные международные договоры.

Вероятно в силу вышеуказанных обстоятельств, в научных кругах, за столом дипломатических переговоров, в европейских министерствах иностранных дел до сих пор продолжают интенсивные дискуссии, связанные с вопросами создания новой “европейской модели безопасности”. Главной проблемой в этом отношении остается вопрос, как обеспечить безопасность и стабильность во всей Европе? Как защитить общие ценности, основные интересы и независимость Союза?

Как известно, первые попытки разрешить эту проблему достались слишком дорогой ценой. Примеры Словении, Боснии и Герцеговины, Осетии, Карабаха и Чечни являются “хорошим” подтверждением тому, сто кровопролитные войны и этнические “чистки” стали реальностью в повседневной жизни Европы.

Это позволяет сделать вывод о том, что внешняя политика и политика безопасности – это области, в которых государства-члены традиционно настаивают на сохранении суверенитета. Кроме того, согласование общих интересов в этой области сталкивается с большими трудностями по той причине, что Франция и Соединенное Королевство являются единственными странами, обладающими ядерным оружием. Еще одна проблема состоит в том, что не все государства-члены входят в оборонительные союзы – НАТО (без Ирландии, Швеции, Австрии, Финляндии) и ЗЕС (без Дании, Ирландии, Греции).

Таким образом, ЕС еще не оформился как государственно-политическое образование. Поэтому большинство решений, касающихся общей внешней политики и политики безопасности все еще принимается в рамках межправительственного сотрудничества. Тем не менее во многих конкретных случаях налицо проявляется тенденция расширения коммунитарных правовых компетенций и на данную область, когда эти решения настолько взаимосвязаны с различными инструментами Сообщества (например, экономическим сотрудничеством, финансовой помощью или санкциями), что могут легко переплетаться с процедурами принятия решений в ЕС. В рамках этой части автор сделает упор на рассмотрение вопросов, связанных с созданием второй (а именно “гибкому подходу” к ОВПБ, и третьей “опор” (а именно вопросу о практической пользе Шенгенских соглашений).

Итак, с момента своего включения в Маастрихтский договор в качестве второй “опоры” ЕС сфера общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) стала и продолжает оставаться предметом пристального научного, политического и общественного внимания и критики. Дискуссии о том, как преодолеть и справиться с гетерогенностью в рамках ЕС

в условиях углубления и расширения европейской интеграции являются и по сей день абсолютно новыми.

Со времен опубликования Доклада Тиндеманса (The Tindemans Report) в 1975 г. и до начала 90-х г.г. какие-либо высказывания на этот счет редко попадались на глаза. И только после ратификации Договора о Европейском союзе парламентская группа в Германии, опубликовавшая свой известный доклад “Отражения на европейскую политику” в сентябре 1994 г., вновь возобновила дебаты, результатом которых было появление огромного количества новых взглядов и концепций на всем европейском континенте:

- Должна ли Европа развиваться согласно многоскоростному подходу или преследовать цель “эшелона интеграции” (“*intégration échelonnée*”)?

- Должна ли Европа стать двухскоростной, многотрековой, придерживаться формулы “переменной геометрии” или отвечать идее “à la carte”?

- Должна ли Европа формироваться вокруг своей сердцевины или принять форму концентрических циклов?

Все эти вопросы волновали видных ученых и политиков, стремящихся отыскать приемлемый вариант дальнейшего развития Европы.

К концу работы так называемой Группы Отражения (которая заседала с июля до декабря 1995 г.) отчетливо проявились три главные концепции, с которыми мы уже ознакомились применительно к ЭВС:

- ☞ Концепция “многоскоростной” Европы;

- ☞ Формула “переменной геометрии”;

- ☞ Концепция “Европа à la carte”.

С политической же точки зрения, эти концепции имеют несколько другой оттенок, отличаются от их экономического толкования и в этом смысле представляют большой интерес для их изучения.

Так, концепция “многоскоростной” Европы имела целью такую форму интеграции, при которой преследование общих целей возглавляется сердцевиной группой государств-членов, которые сообща способны и желают углубить уже существующую интеграцию в некоторых областях политики. Позитивные моменты этой концепции состоят в том, что, несмотря на существующую среди государств-членов разницу, они преследуют одинаковые цели, к которым будут стремиться все члены в необходимом направлении, но в течение разного времени.

Концепция “переменной геометрии” допускает наличие существенных различий в рамках интеграционной структуры, а также долговременную сепарацию между сердцевиными государствами и менее развитыми интеграционными единицами. Смысл дифференциации в рамках данной концепции заключается в пространстве. Нужно заметить, что она пошла дальше в институциональном различии, чем “многоскоростная” концепция, в которой суть дифференциации заключается во времени. Дифференциация в пространстве придает менее амбициозный характер тому, что Европа должна организовать себя, по крайней мере, в ближайшем будущем, вокруг интеграционного союза.

В случае с концепцией “Европа à la carte” дифференциация заключается в определении. Согласно данной концепции, каждое государство выбирает ту сферу политики, в которой бы оно хотело принимать участие. Но в то же время будет достигнуто лишь минимальное число общих целей. В принципе все страны будут находиться во внутреннем круге, в котором они смогут выбрать свою область участия (“определиться”) – будь то социальная политика, валютная политика или политика обороны, – и выбор этого участия будет исходить только от них самих.

Следует отметить, что первые две концепции являются абсолютно разными, представляют собой противоположные экстремы спектра дифференцированной интеграции. Основное их отличие друг от друга – это количество общих целей. “Переменная геометрия” должна иметь место вне *acquis communautaires* и – в противоположность концепции *à la carte* – предполагает различные формы углубленной интеграции за рамками совместной работы по принятию решений в ЕС. С другой стороны, многоскоростной подход нацелен на более амбициозное право (*acquis*) и избегает какой бы то ни было формы интеграции за рамками сообщества. Поэтому, как уже об этом говорилось в части, посвященной Экономическому и валютному союзу, концепция многоскоростной Европы является важным элементом для его деятельности.

Тем не менее применительно к сфере внешней политики и политики безопасности наиболее привлекательной является формула “переменной геометрии”, что подтверждается деятельностью самого Западноевропейского союза и таких европейских институтов, как Eurocorps, EUROMARFOR, EUROFOR и т.д.

Что касается области внутренних дел и юстиции, то здесь Шенгенская конвенция 1990 г. может служить хорошим примером конгломерации государств, преследующих цель углубления интеграции в рамках сепаратного союза.

Наконец, сам Маастрихтский договор содержит определенное число исключений (*opt-out clauses*), которые можно расположить между интеграцией *à la carte* и формулой “переменной геометрии”:

- ЭВС (Дания и Великобритания);
- Общая оборонная политика (Дания и Великобритания);

- Социальная хартия (Великобритания).

Несколько подтверждений наличия *opt-out clauses* может быть также найдено и в соглашении о вступлении, подписанной Швецией в 1994 г. (“снятие освобождения”).

Возвращаясь же к деятельности Группы Отражения, интересно упомянуть об ее окончательном докладе, сделанном в декабре 1995 г. в конце председательства в ЕС Испании. Несмотря на то, что доклад Группы демонстрировал определенную противоречивость в использовании терминологии, имеющей отношение к дифференцированной интеграции в рамках ЕС, он обозначил четкое видение ее пределов и будущих возможностей. В целом Группа, возглавляемая Карлосом Вестендорпом, отвергла какую-либо формулу, которая могла бы привести к Европе *à la carte*. В докладе также подчеркивалось, что степень дифференциации должна варьироваться в зависимости от “опоры”, а также по отношению к настоящим членам ЕС и тем, кто стоит на пороге своего вступления в эту организацию.

Другими словами, в то время как любое принижение какого-либо члена не допустимо в отношении к первой “опоре”, если это подвергает опасности внутренний рынок, в сфере общей внешней политики и политики безопасности и в третьей “опоре” возможна высокая степень дифференциации.

Это означает, что многоскоростная интеграция продолжала свое существование лишь в качестве одного из вариантов дифференциации, в то время как интеграция по сценарию *à la carte* была полностью отвергнута. Что касается формулы переменной геометрии, то предложение об ее применении сделали канцлер Г. Коль и президент Ж. Ширак в своем открытом письме от 5 декабря 1995 г.

Понятно, что в ходе подготовки Амстердамского договора также высказывались различные мнения по вопросу будущего европейской интеграции. Согласно одному из них – более централистскому – предполагалась усиленная кооперация как необходимое условие для создания больших компетенций и расширения поля деятельности в области внешней политики и политики безопасности в рамках ЕС, как путь активного использования процедур и институтов Сообщества. Другая точка зрения на этот счет – наиболее децентрализованный подход – констатировала, что Европа может развиваться

намного эффективнее в плане обороны и безопасности, благодаря деятельности, осуществляемой ограниченным числом участников. При этом в других сферах допускается групповая дифференциация государств-членов и использование различных процедур и институтов, наиболее уместных и подходящих для решения тех или иных вопросов.

В результате подобной терминологической путаницы германский канцлер, французский президент и британский премьер-министр одобрили “гибкий подход”, понимая его значение каждый по-своему.

На состоявшейся в 1996 г. Межправительственной конференции в Турине, Европейский совет предоставил мандат на изучение усиленной кооперации (enhanced cooperation)/гибкости (flexibility) в ходе конференции. С самого начала было ясно, что данный аспект станет одной из наиболее трудных и чувствительных областей дискуссии. Не вдаваясь в детали “эволюции” этой дискуссии, важно отметить ее результаты:

- 1) идея усиленной кооперации/гибкости была воспринята с энтузиазмом;
- 2) концепция для сферы общей внешней политики и политики безопасности была определена;
- 3) проект Договора был сделан;
- 4) Договор стал предметом для дальнейшей интерпретации и обсуждений.

Было определено, что в целях удобства определение “гибкости” будет использоваться в качестве синонима “усиленной кооперации” и иметь своеобразное “прочтение” применительно к каждой “опоре”. Другими словами, гибкость рассматривалась как единственный выход из некоего институционального паралича, который мог бы охватить единое европейское правительство.

В ходе переговоров звучали различные подходы к пониманию “гибкости”. Так например, предлагалось проводить голосование большинством голосов в I “опоре”, единогласно – во II, единогласно и большинством голосов – в III (в ходе франко-германского меморандума 17 октября 1996 г. было принято решение, что ни один член ЕС не должен иметь права вето).

В январе 1997 г. Италия представила на рассмотрение проект договора для второй “опоры”, в котором все формы “гибкости” относились к обороне, требующей консенсуса всех членов ЗЕС.

На Амстердамском саммите, в ходе которого был подготовлен заключительный вариант Договора, предпочтение в отношении II “опоры” было отдано принципу единогласия, в то время как принцип квалифицированного большинства был признан наиболее предпочтительным для I и III “опор”.

Это обстоятельство послужило предупреждающим сигналом: на заключительной стадии Амстердамских переговоров во II “опоре” “гибкость” вообще исчезает из текста документа, вместо чего главный акцент делается в пользу “конструктивного воздержания”. Это можно объяснить появлением на европейской арене нового правительства Великобритании, которое формально не было враждебно настроено к конструктивной кооперации со своими партнерами в рамках ЕС. Великобритания способствовала оставлению формулы “гибкости” на втором плане и приглушению голосов в пользу более “сильной общей гибкости”.

В связи с этим стало возможным появление более традиционных взглядов на сохранение “принципов Договора и совместной институциональной работы в рамках Союза” и использование гибкости только в крайнем случае и только как временное явление (ст. 43 Договора о ЕС).

В результате Амстердамский договор содержит в себе три основные формы гибкости, хотя сам этот термин исчез из окончательного варианта текста:

- 1) случаи, дающие право (enabling clauses)
- это такая форма интеграции, которая предоставляет право желающим и способным государствам-членам продолжать дальнейшую интеграцию в различных областях

политики в рамках институционального сотрудничества в ЕС. Примеры содержат случаи общей гибкости с целью ее последующего помещения в качестве нового заголовка для общих положений Договора о ЕС, а также примеры специфической гибкости для I “опоры” (ст. 11 Договора о ЕС) и III “опоры” (ст. 40 Договора о ЕС).

2) гибкость от случая к случаю (case-by-case flexibility)

- форма интеграции, которая предоставляет государствам-членам возможность воздерживаться от голосования в процессе принятия решений путем официального декларирования, что они не будут оказывать содействия в том или ином решении, осознавая, что оно подрывает целостность ЕС. Это так называемое “конструктивное неучастие в голосовании”, которое представляет собой одновременно и механизм принятия решений и побуждающий механизм к гибкости. Как уже отмечалось выше, подобная форма гибкости находит свое применение во II “опоре” (ст. 23 Договора о ЕС).

3) предопределяемая гибкость (pre-defined flexibility)

- форма дифференцированной интеграции, которая имеет отношение к специфической сфере. Ее смысл состоит в предопределении всех элементов интеграции (включая цели и границы). Такая форма интеграции находит свое применение сразу же после вступления Договора в силу. Это установлено в протоколах и декларациях, относящихся к III “опоре”. Специфические моменты этой интеграции затрагивают Данию, которая входит в Шенгенскую группу, но не принимает участия в остальных областях III “опоры”, а также Великобританию и Ирландию, которые, напротив, не входят в Шенгенскую группу, но принимают участие в остальных областях III “опоры”.

Интересно заметить, что первая форма интеграции находится в тесном соприкосновении с концепцией многоскоростного сотрудничества, но имеет множество вынужденных условий, которые вызвали у некоторых защитников усиленной кооперации претензии, что “любой будущей группировке, желающей и способной образоваться, навязывается “смирительная рубашка”.

Третья из вышеназванных форм близка идее Европа à la carte, поскольку здесь, по выражению известного ученого-международника Антонио Миссироли, “все заказы уже сделаны”. А. Миссироли, объясняя эту связь, проводит удачную аналогию с обычным меню: все обедающие выбирают из основного меню блюдо по приемлемой для каждого из них цене. Некоторые из них (вегетарианцы, люди определенных религий) получают ad hoc варианты без какой бы то ни было дополнительной оплаты. Если это удовлетворяет клиентов, то их общая договоренность может в скором времени стать предметом их диеты.

Наконец, вторая форма обозначает пределы институционального взаимодействия в политической сфере, в которой:

а) существуют фундаментальные расхождения среди государств-членов по поводу политических обязательств, которые стали обязательными атрибутами ЕС, о будущем европейской обороны и о ее признании со стороны НАТО;

б) стимулы для усиленной кооперации в сфере внешней политики и политики безопасности незначительны, потому что другие организации выполняют эту деятельность более эффективно;

в) существует неуравновешенность между теми, кто обеспечивает безопасность, и теми, кто в ней заинтересован и пользуется услугами первых.

Все это (вместе с отсрочкой решения по полной интеграции ЗЕС в ЕС) подготавливало почву для утверждения концепции “переменной геометрии” как единственно возможной формы усиленной кооперации в сфере безопасности и обороны. Основными моментами этой концепции являются:

а) более или менее методично следовать закрепленным в Договоре правилам;

б) находиться в соответствии с духом интеграционного процесса;

в) значимость пространства и самого субъекта;

г) открытость для новых членов.

Пока еще европейские правительства не воплотили в жизнь эту концепцию, однако, ее идеи все больше подтверждают свою правильность. Испробованная и проверенная на практике усиленная кооперация со многими, может вполне стать существенной предпосылкой, придающей большую легитимность “опоре”, подготавливающей почву для включения этой формы гибкости в принципы деятельности ЕС в будущем, что сделает Союз более коммунитаризированным, чем сегодня.

Что касается третьей “опоры” европейской интеграции, то в настоящее время проблемы иммиграции и предоставления убежища, правил пересечения внешних границ государств-членов и контроля на границе, торговли наркотиками и борьбы с международным мошенничеством, таможенного и полицейского сотрудничества, а также правовой взаимопомощи в гражданских и уголовных делах вызывают все большую озабоченность в органах ЕС. Понятно, что разрешение этих проблем в одиночку является практически невозможной задачей. Требуется объединение общих усилий для разрешения стоящих со всей определенностью проблем в данной области.

Как известно, в Договоре о Европейском союзе было предусмотрено расширение сотрудничества в области правосудия и внутренних дел и последующее перерастание такого сотрудничества в политику, осуществляемую на уровне Сообщества. На протяжении нескольких лет после вступления в силу Маастрихтского договора институты ЕС настойчиво требовали более полной “коммунитаризации” третьей “опоры”, т.е. передачи ряда ее положений в сферу компетенции Сообщества. Эта проблема была вынесена на обсуждение Межправительственной конференции (МПК) 1996 – 1997 г.г. Одним из результатов этой конференции стала реформа третьей “опоры” в рамках Амстердамского договора. Подобное решение было принято на завершающем этапе МПК в связи с намерением государств-членов превратить ЕС в “европейское пространство свободы, правопорядка и безопасности”. Одной из целей создания такого пространства является обеспечение свободы передвижения граждан ЕС, а главной предпосылкой его создания была названа “коммунитаризация” таких сфер внутренних дел и правосудия как предоставление политического убежища, иммиграция, охрана внешних границ Союза. В ст. 73g Амстердамского договора оговаривается пятилетний период перехода от единогласия в решении проблем внутренних дел и правосудия к принципу квалифицированного большинства.

В Амстердамский договор включены также Протокол об интеграции “шенгенских правил” в право Сообщества и Протокол о порядке предоставления политического убежища в ЕС гражданам государств-членов Союза.

В результате, после подписания этого Договора политика внутренних дел и юстиции оказалась поделенной между первой и третьей “опорами”. В новом разделе о свободном передвижении граждан, иммиграции, политическом убежище сведены вместе и отнесены к компетенции Сообщества (т.е. к первой “опоре”) все положения о свободе передвижения. Предусмотренные Договором меры, направленные на сотрудничество полицейских и правовых ведомств, остались сферой межправительственного сотрудничества (третья “опора”).

Таким образом, за достаточно короткий срок политика внутренних дел и правосудия претерпела заметную и быструю эволюцию от сотрудничества на основе двусторонних соглашений к многостороннему межправительственному сотрудничеству, охватывающему все страны ЕС, и далее к вынесению иммиграционных проблем на уровень Сообщества. Данная эволюция на всех своих этапах предполагала поиск компромисса между стремлением государств-членов сохранить самостоятельность в решении вопросов, особенно чувствительных для национально-государственного суверенитета, и необходимостью создания и нормального функционирования единого внутреннего рынка, который невозможен без свободного передвижения граждан, что, в свою очередь, предполагает надежное обеспечение безопасности этого передвижения.

Все эти достижения, бесспорно, являются ярким свидетельством того, что и политико-

правовое пространство Европейского Союза становится идентичным, а разрешение многих внутригосударственных проблем в данной области – делом общеевропейским, то есть коммунитарным.

Однако и здесь о полной гармонии говорить не приходится. В первую очередь это касается вопроса об отмене пограничных формальностей при пересечении границ между странами-участницами Шенгенского соглашения, которое дает людям право перемещаться в пределах этих стран без препятствий и без предъявления удостоверения личности. К сожалению, именно это обстоятельство зачастую влечет за собой негативные последствия, связанные с торговлей наркотиками, крупномасштабным мошенничеством и другими формами международной преступности. Закономерно возникает вопрос: не станут ли страны-участницы Шенгенского соглашения жертвами собственного успеха? И почему в настоящий момент многие страны начинают ставить под сомнение практическую пользу от этой беспрецедентной акции?

В этом отношении интересно проследить эволюцию так называемой “шенгенской формулы”, которая наглядно демонстрирует, как сложен был этот процесс в правовом отношении.

Начнем с того, что соглашение, о котором идет речь, названо так в честь люксембургской деревушки, где оно было подписано 14 июня 1985 г. За год до этого Франция и Германия в рамках обширной программы двустороннего сотрудничества договорились убрать многие пункты пограничного контроля. Вскоре их примеру последовали страны Бенилюкса, и когда стало ясно, что заключение соответствующего договора между всеми странами ЕС весьма маловероятно, передовая “пятерка” подписала собственную конвенцию.

Участники Шенгена стремились полностью упразднить межгосударственные границы уже к 1990 г., но цель не была достигнута. Тогда они внесли изменения в Шенгенское соглашение, и оно вступило в силу с июля 1995 года уже в семи странах ЕС. Выгоды этого соглашения были очевидны – люди путешествовали из государства в государство, словно не выезжая из одной страны. Выиграл и бизнес – ведь чем меньше всевозможных препятствий и проволочек, тем меньше издержки. Шенгенская формула становилась все более привлекательной.

За “семеркой” решили последовать Италия, Греция и Австрия, которые подписались под соглашением, но сразу не стали полностью выполнять все его требования. Дело в том, что каждая из них имеет протяженные границы со странами, не являющимися членами ЕС, и желала сначала убедиться в совершенстве своей системы охраны внешних границ. Италия первой из этой тройки должна была стать полноправным участником конвенции. В начале июня 1996 г. вновь сформированное итальянское правительство подготовило два законопроекта – о личных сведениях и о конфиденциальности информации, которые являлись необходимыми элементами полного участия в конвенции. Рим должен был осуществить требования Шенгенского соглашения к началу 1997 г.

Шенгенция стала расширяться и на север. В конце 1996 г. Дания, Финляндия и Швеция подписали Конвенцию к Соглашению. Следует подчеркнуть, что особую значимость для этих стран представляет то, чтобы при этом не осложнились их отношения с Норвегией и Исландией, которые не входят в состав ЕС. Около 40 лет назад скандинавские страны договорились между собой о беспаспортном режиме въезда и выезда, и будут упорно противостоять всякой политике, результатом которой может стать, например, контрольно-пропускной пункт на шведско-норвежской границе. Поскольку участниками Шенгенского соглашения могут быть страны-члены ЕС, предстояло решать, каким образом Норвегия и Исландия смогут сохранить тесные связи со всеми своими соседями и не будут отгорожены от них барьерами. Решение этой дилеммы было найдено. С 1 мая 1996 г. пять скандинавских стран получили статус наблюдателей в Шенгенской группе, что позволяет им участвовать во встречах группы, но без права голоса. Можно сказать, что подобное решение было переходной стадией, которая впоследствии привела к полной интеграции в

Шенгению Дании, Швеции и Норвегии.

Тогда же Исландия и Норвегия получили статус ассоциированных стран, что дает им возможность сохранить Паспортный союз скандинавских государств. С октября 1997 г. Италия, а с декабря и Австрия отменили пограничный контроль в аэропортах; в апреле 1998 г. Австрия открыла границы с Германией и Италией.

Единственная страна ЕС, не желающая присоединиться к Шенгенской конвенции, - Великобритания. Она считает, что должна сохранить за собой право контролировать свои границы, поскольку это является эффективным средством в борьбе с нелегальной иммиграцией, контрабандой и преступностью.

Позиция Британии поставила в затруднительное положение Ирландию. Дублин и рад бы подписаться под Шенгенским соглашением, но вынужден воздерживаться. Дело в том, что ирландцы ездят в Соединенное Королевство, пользуясь существующими ныне визовыми льготами (в соответствии с двусторонними договоренностями), и ирландское правительство опасается последствий, которые могло бы иметь введение пограничного контроля на британских рубежах.

Важно подчеркнуть, что первые годы действия Шенгенского соглашения прошли не без осложнений. Контрольно-пропускные пункты, в частности в портах и аэропортах, нужно было переоборудовать таким образом, чтобы пассажиры, обладающие и не обладающие шенгенскими привилегиями, были разделены на два потока. Понятно, что подобная реконструкция требовала немалых затрат и усилий. Так например, в брюссельском аэропорту “Завентем” было создано два терминала: один из них – для пассажиров, следующих в или из стран Шенгенской группы, а другой – для остальных пассажиров. Были созданы специальные “коридоры” для въезжающих и отъезжающих пассажиров.

Но самый большой барьер на пути осуществления конвенции установила Франция. Она является полноправным участником договора и уже с марта 1996 г. исправно исполняет все его пункты, кроме одного: до сих пор здесь не ослабили паспортный контроль, а напротив, даже усилили его, пользуясь особым положением договора, который на некоторое время позволяет это делать. Причины столь прохладного отношения Франции к своим обязательствам найти нетрудно. Страх перед нелегальной иммиграцией и контрабандой наркотиков, особенно из Нидерландов, привел к появлению во Франции множества противников ослабления контроля на границе.

Во второй половине 1995 г. было предпринято немало усилий, чтобы ослабить напряженность в отношениях между Францией и ее партнерами. Министр внутренних дел Бельгии Йохан Ванде Ланот, который председательствовал на встречах Шенгенской группы в это время, выдвинул план действий из 11 пунктов. Этот план был направлен на удовлетворение большинства жалоб Франции по практике осуществления принципов конвенции.

Некоторые проблемы были совсем незначительными, но их решение оздоровило атмосферу. Например, правительства договорились самым подробным образом информировать все свои дипломатические миссии о том, какие процедуры требуются в настоящее время для выдачи въездных виз в Шенгению.

Определенное значение имел ряд неофициальных встреч между французскими и голландскими уполномоченными представителями, во время которых стороны пытались найти взаимопонимание по вопросу отношения к наркотикам: во Франции закон за них карает, а в Нидерландах относятся к этой проблеме более снисходительно.

Дело в том, что в отличие от законодательства Франции и большинства других стран ЕС законы Нидерландов позволяют иметь и даже продавать в небольших количествах коноплю. Французы считают, что открытая продажа марихуаны в Нидерландах способствует созданию и процветанию там тайных сетей торговли наркотиками. Более того, наркодельцы знают, что Голландия притягивает наркоманов со всего континента. Это облегчает их задачу по распространению сильнодействующих наркотиков, которые, по мнению французской стороны, разгружаются в голландском порту Роттердам и сразу

же расползаются по всей Европе. Таким образом, страшное зелье попадает во Францию не только через голландскую границу, но и в обход – через третьи страны Шенгенской группы, которые граничат с Нидерландами. Франция не собирается отменить пограничный контроль до тех пор, пока Голландия не ужесточит законы в отношении слабодействующих наркотиков.

Известно, что во Франции и многих других странах ЕС наркоманы считаются правонарушителями и даже преступниками. В Нидерландах же к ним относятся, как к инвалидам – лечат в больницах и предлагают пройти курсы реабилитации. Голландия настаивает на том, что ее либеральное отношение к наркоманам и мягкие законы о конопле не имеют никакого отношения к более широкой проблеме злоупотребления наркотиками в Европе. Нидерланды также не признают французские обвинения в том, что сильнодействующие наркотики проникают в Европу через территорию тюльпанов и ветряных мельниц. Представители министерства внутренних дел Голландии указывают на то, что большая часть героина и кокаина, находящегося в Нидерландах и многих других частях Европы, попадает на континент через французский порт Марсель.

Как бы то ни было, попадают ли наркотики через Роттердам или Марсель, они становятся общей проблемой. И подход к решению этой проблемы должен быть тоже общеевропейским.

Постепенно отношение Франции к Шенгену смягчилось. В апреле 1995 г. был отменен паспортный контроль на границах с Испанией и Германией, однако на рубежах с Бельгией, Нидерландами и Люксембургом он будет сохраняться до достижения удовлетворительного решения проблемы наркотиков.

Надо сказать, что Шенгенское соглашение не исчерпывается лишь безвизовым въездом и выездом граждан в пределах группы стран-участниц. Оно также предусматривает ряд мер и действий, которые координируются небольшим секретариатом в Брюсселе. Это необходимо для того, чтобы отмена строгого пограничного контроля не ослабляла борьбу с преступностью.

В Страсбурге был создан компьютерный банк данных – Шенгенская информационная система. Она содержит сведения о лицах, разыскиваемых для выдачи в другие страны, о предметах, которые могут служить уликами в ходе расследования уголовных дел, а также о лицах, находящихся под наблюдением по подозрению в совершении особо опасных преступлений. Эта система считается практически безошибочной, выдающей информацию о банкнотах, бланках документов, удостоверениях личности, транспортных средствах, оружии, а также почти полумиллионе лиц, разыскиваемых полицией в странах Шенгенской группы.

Кроме того, конвенция поощряет заключение двусторонних договоров об охране границ между государствами. Здесь лидерство принадлежит Франции, которая заключила множество подобных соглашений с полицией Бельгии, Германии, Испании и других стран. Ее примеру последовали остальные.

Партнерство способствует сотрудничеству и обмену информацией между правоохранительными органами разных стран. Шенгенская конвенция предоставляет полицейским право преследовать преступника и на территории другой страны, хотя в некоторых случаях представители государственных служб обязаны присутствовать при аресте беглеца.

Безусловно, в будущем Шенгенская система будет совершенствоваться. Как известно, Шенгенские соглашения являются плодом межправительственного сотрудничества и существовали долгое время параллельно с законодательством ЕС. Вместе с тем завершившаяся в июне 1997 г. Межправительственная конференция решила дополнить Амстердамский договор Протоколом об интеграции “шенгенских правил” в законодательство Европейского Союза. В Протоколе оговаривается особая позиция Великобритании и Ирландии, которые не принадлежат к шенгенской группе. Тем не менее этим странам разрешено присоединиться не ко всем, а лишь к отдельным статьям

шенгенского законодательства. При этом они сохранили за собой право контроля на своих границах. Отдельный Протокол определял особую позицию Дании, которая не собиралась в то время отменять пограничный контроль, но, подобно Великобритании и Ирландии, желала сотрудничать с шенгенской группой в ряде вопросов.

Вероятно, что в будущем удастся снять существующие пока между странами барьеры путем переговоров, как это было указано в самой конвенции, которая указывает Европейскому Союзу дальнейший путь отмены внутренних границ между всеми членами ЕС. При этом ЕС заинтересован в том, чтобы свободное перемещение в его пределах граждан из входящих в него стран осуществлялось в столь же полном объеме, как это происходит сейчас с товарами, услугами и капиталами.

Идея состоит в укреплении и гуманитарных, и экономических, и политических связей. Снятие межгосударственных барьеров дает людям из соседних стран больше возможностей для общения. Благодаря этому открываются дополнительные экономические возможности: бизнесмены осваивают новые рынки, создают совместные предприятия, расширяется рынок рабочих мест.

Ликвидация пограничного контроля на внутренних границах приводит к определенному слиянию верховных полномочий государства: уголовное законодательство и система наблюдения за исполнением уголовного законодательства уже не являются чисто внутригосударственными проблемами. Что касается внешней безопасности, то внешняя граница ЕС отчасти принимает характер имперской границы, где влияние ЕС по мере удаления от границы постепенно теряет свое значение.

Таким образом, политика в сфере внутренних дел и правосудия поднимает широкий спектр вопросов, касающихся связи между границами и гражданством, доктрины территориального суверенитета, значимости микросоюзов, сотрудничества в области правозащиты и надзора за населением, а также того, до какой степени ЕС может стать сообществом, построенным на основе истинной безопасности, посредством развития политики, нацеленной на дальнейшее утверждение коммунитаризации.

8. Взаимопересечение экономических и политических структур в коммунитарной системе Европы

Взаимосвязь между политикой и экономикой существовала на протяжении всего эволюционного развития Союза. Сама история европейской конструкции представляет собой повторяющуюся время от времени комбинацию экономических инструментов и политических намерений, которые, естественно имели под собой правовую почву: инициативы, имеющие институциональную ориентацию, например, Европейское Политическое Сообщество (ЕПС) (1954), план Фуше (1962/1963), доклад Тиндемманса (1975/1976), проект генерала де Голля (1962) и проект Договора о создании Европейского Союза, предложенный Европейским парламентом (1984) провалились, в то время как экономические проекты, такие как Европейское Объединение угля и стали (1958), Единый рынок (1987), Экономический и Валютный союз (1993) получили свое реальное воплощение и всегда исполняли роль стимула политической интеграции, несмотря на отсутствие четких указаний на это. Другими словами, в то время как экономические цели и инструменты экономической политики были достаточно определенными, политические цели, процедуры и методы оставались размытыми и иллюзорными. Причиной подобного положения дел является фактическая остановка процесса политической интеграции после поражения ЕОС в 1954 г. и естественных последствий этого события. Это был период, отмеченный постепенным, но неуклонным процессом экономической интеграции, расширением и углублением существующих сообществ, в противоположность многим неудавшимся инициативам по созданию политического союза.

Определение ЭВС четко установлено учеными-экономистами, которые противопоставляли его риску и бесполезности. основополагающие принципы ЭВС были ясно определены Маастрихтским договором и последующими актами – Пактом

стабильности и роста.

С другой стороны, политологи и в особенности юристы не смогли предложить общепринятого определения, что такое Политический союз, не достигли компромисса по вопросам его основных характеристик. Предлагалось лишь несколько сопутствующих значений по проблемам становления политической системы путем подготовки, осуществления и контроля обязательных решений и определение легитимности, основанное на достаточной степени идентичности, лояльности и солидарности. Таким образом, и научное сотрудничество не внесло какой-либо ясности и единодушия в этот вопрос.

Сегодня существует ряд научных школ, каждая из которых претендует на лидерство и предлагает собственный взгляд на указанную проблему.

В этом отношении, на наш взгляд, может показаться интересной работа немецкого профессора Вольфганга Вессельса “ЭВС и Политический Союз”, в которой он представляет различные точки зрения ученых на проблему взаимосвязи европейских экономических и политических инструментов. Свои рассуждения он подкрепляет схематическими изображениями. Так, он рассматривает четыре модели, предложенные сторонниками различных научных школ:

Модель I. “Центростремительное переливание в направлении к федеральной “*finalité politique*”.

Модель II. “Центробежный откат к национальным уровням”, или “Дезинтеграция”.

Модель III. “К управлению параллельными эволюциями”.

Модель IV. “Сплочение для создания нового типа политической системы”, или “Циклический рост”.

Сторонники первой модели (см. схему 1 в Приложении) основываются на известном неофункционалистском принципе “переливания” (*spill – over*). Они считают, что развитие ЭВС (EMU) автоматически приведет к созданию Политического союза (Political Union), который унаследует черты политической системы государства, в том числе значительную степень легитимности, идентичности и солидарности с национальными государствами. Другими словами, Политический союз будет представлять собой не что иное, как Федеральный союз (Federal Union). Согласно данной модели, прогрессивные движения в политической сфере придают импульсы другим направлениям деятельности и приводят к взаимному укреплению целомудренного круга (*virtuous circle*). Маастрихтский договор, в котором провозглашается намерение о создании ЭВС, рассматривается сторонниками данной концепции как толчок к более тесной политической интеграции, особенно в области внешней политики и политики безопасности.

Что касается второй модели, то, по мнению неореалистов и сторонников управленческого подхода (см. схему 2 в Приложении), ЭВС представляет собой важнейший этап интеграционного процесса, который требует взаимной идентичности, всесторонней солидарности и фундаментального консенсуса по поводу *finalité politique* Европейского Союза перед вступлением в силу ЭВС. В то время как сторонники первой модели убеждены, что ЭВС изначально основан на достаточно прочной политической платформе и способен оказывать дополнительную поддержку, по крайней мере, до того времени, пока не будет учрежден Федеральный союз, вторая модель предлагает совершенно противоположную точку зрения. В связи с тем, что ЭВС требует жесткой дисциплины и сильной легитимности принятия решений на европейском уровне, то риск несогласия с ними весьма высок. Политический союз представляет собой нечто большее, чем просто особую конституционную и институциональную систему. Данное утверждение неореалистов основано на более широком определении Политического союза, в котором главный акцент ставится на политической идентичности, основанной на общей истории, общей судьбе и существовании демократического “политического пространства”.

Преждевременный “старт” ЭВС приведет к его провалу и будет являться откатной волной (*spill-back*) интеграционного процесса в целом. Подобная центробежная динамика

начинает “порочный круг” (см. схему 1 в Приложении), который работает против замысла создателей Маастрихтского договора.

В то время как две первые научные школы исходят в своих исследованиях от анализа тесного сотрудничества, некоторых интерпретаций Маастрихтского договора и последующих деклараций, менее известные в общественных кругах ученые подчеркивают, что Политический союз и Валютный союз развиваются по своим собственным сценариям (см. схему 3 в Приложении). Свои размышления они мотивируют анализом отдельных межправительственных конференций, в результате которых был создан текст Маастрихтского договора, а также анализом структуры трех опор. В их концепции особенно важное место занимает сопоставление двух различных методов: супранациональный/федеральный Валютный союз против межправительственных второй и третьей опор. В отношении Политического союза это означает, что ЕС не является и не будет являться подобием государства в традиционном понимании этого института. ЕС представляет собой так называемую конструкцию *sui generis* и будет оставаться таковой. Что касается ЭВС, то его будет достаточно сложно развивать согласно его собственной логике и сохранить со всеми его достоинствами при отсутствии эквивалентного политического окружения. В самом деле, с точки зрения либерального монетаристского подхода, эта “сегрегация” является обоснованной, поскольку Валютный союз, движимый независимым и эффективно действующим ЕЦБ, достигнет своих целей наилучшим образом при отсутствии конфронтации со стороны политических авторитетов такого же европейского происхождения и эквивалентной легитимности. На протяжении всей эволюции европейской интеграции, этот процесс можно продемонстрировать в виде периодических взлетов и падений, взаимопритяжением и взаимоотталкиванием в одно и то же время.

В. Вессельс предлагает и собственный подход к этой проблеме (см. схему 4 в Приложении). Он определяет Политический союз наиболее понятным и доступным способом – как политическую систему, которая характеризуется институциональным ростом и процедурной дифференциацией, а также комплексностью и стабильностью. В центростремительном циклическом процессе государства-члены осуществили объединение национальных и коммунитарных (общеевропейских) институтов, в результате чего коренным образом изменилось политическое пространство Европы. Причинные связи между политическими и экономическими переменными разнообразны. ЭВС – центральный элемент в системе ЕС. Более того, главы Маастрихтского и Амстердамского договоров расширяют сферу деятельности ЕС. Динамика Европейского Союза, основанная на фундаментальных направлениях в рамках социальных, экономических, политических и правовых структур Европы и международной арены, не ведет к каким-либо ясным очертаниям *finalité politique*, как это представлено в традиционных перспективах.

В. Вессельс считает, что более пристальный взгляд на комплекс межинституциональных структур и процедурного взаимодействия выявляет странную смесь политики - инструменты для создания ЭВС соединяются в двойственном процессе:

- с одной стороны, вертикальном – между уровнями;
- с другой стороны, горизонтальном – среди нескольких институтов.

Результатом подобного процесса будет нечто подобное “экономическому правительству” (“*gouvernement économique*”), которое тем не менее будет отличаться от французской концепции. В русле управленческого подхода мы будем свидетелями специфического, лишенного иерархии “правительства”: прозрачность (транспарентность) станет меньшей, произойдет смешение обязательств, но взаимное сотрудничество гарантируется и степень стабильности возрастет.

Валютный союз будет действовать эффективно и рационально; Экономический союз, особенно Пакт стабильности и роста, примет форму “мягкой” координации. Судьба ЭВС, по мнению В. Вессельса, будет также зависеть от деятельности ЕС по остальным

вопросам, имеющим политическую значимость: вступление в силу Амстердамского договора (имеющего существенный потенциал в области свободы, безопасности и правосудия), контрверсия Повестки дня – 2000 и расширение ЕС являются наиболее важными элементами. Вступление в Союз стран с различным историческим наследием, различным положением в области экономики, социальной, правовой и административной политики является настоящим вызовом адекватному функционированию ЭВС, Политического союза и ЕС в целом.

Таким образом, В. Вессельс дает достаточно полную картину взаимоотношений экономических и политических инструментов. Однако, мы считаем, что все же еще рано давать окончательную оценку роли и места ЭВС и политического союза в процессе европейской интеграции. На сегодняшний день ясно одно: историческое развитие европейских государств с появлением Экономического и валютного союза достигло новой стадии в своем развитии, политический статус которой в полной мере может быть охарактеризован только в ретроспективе и только историками XXI века.

На наш взгляд, практически все действия государств-членов в различных сферах европейской интеграции можно назвать “коллективизмом по расчету”. И взаимоотношения между политическими и экономическими элементами также вписываются в это определение. В самом деле, во-первых, страны-члены проводят необходимые экономические реформы не по отдельности, а вместе и соглашаются на введение евро в большей степени потому, что это принесет им неизмеримо больше выгоды, чем в случае разрозненных действий. Появление единой европейской валюты позволит превратить территорию ЕС в действительно однородное экономическое пространство, где операторы из разных стран будут иметь равные условия для деятельности. Во-вторых, создание Валютного союза должно быть подкреплено превращением ЕС в гаранта мира, безопасности и свободы для его граждан, то есть образованием Политического союза. Ассамблея Западного Европейского Союза (ЗЕС) в феврале 1999 г. настаивала на том, чтобы Европа обрела свой собственный потенциал, а Евросовет был наделен полномочиями и способностью принимать на межправительственной основе соответствующие решения и предпринимать действия. Наделение его реальными военными возможностями, определенные правовые и институциональные преобразования, позволяющие ЕС использовать эти возможности в антикризисной деятельности позволят разработать график поэтапной интеграции ЗЕС в ЕС, создать совместную европейскую оборону в рамках ЕС и укрепить его связи с НАТО. Понятно, что в одиночку выполнение таких задач было бы невозможно.

Кроме того, мы выяснили, что текущему положению дел присущ элемент дифференциации: Европейская валютная система, Шенгенское соглашение, а также политика в некоторых других сферах. С точки зрения некоторых исследователей, например, В.А. Дадалко, Д.А. Пешко, О.Е. Максимович, “доскональное изучение процесса объединения Европы свидетельствует о том, что дифференциация – ключ к успеху: различные организационные формы и состав членов, несовпадение проведения реформ...”. С данным утверждением трудно спорить по крайней мере по двум причинам: во-первых, сегодняшняя тенденция перемещения центра руководства ЕС от Комиссии к Совету Министров и Парламенту еще больше закрепляет отступление от первоначального принципа европейской интеграции об участии всех членов на равных основаниях и совместном осуществлении всех проектов; а во-вторых, развитие ЕС по принципу “Европы нескольких скоростей” стало реальностью после введения евро и завершения создания ЭВС и станет неоспоримой реальностью в случае приема новых членов ЕС.

Вышесказанное позволяет прогнозировать, что в случае сохранения такой тенденции реформа институтов ЕС будет неизбежной, но, что примечательно, у государств ЕС нет полного согласия по поводу того, какая реформа институтов должна быть проведена. И ключевые вопросы в этой области по-прежнему концентрируются вокруг доминирования одного из противоборствующих подходов – коммунитарного и межгосударственного,

которые становятся инструментами борьбы институтов за влияние в процессе принятия решений.

9. Политическое значение процесса коммунитаризации

По точному замечанию исследователя актуальных проблем европейской интеграции В.Г. Шемятенкова, “когда современный француз, немец или итальянец произносит слово “Европа”, он чаще всего подразумевает Европейский союз, государства-члены ЕС. Причиной этой массовой и устойчивой аберрации “географического зрения”, - продолжает ученый, - является феноменальный успех интеграционного процесса”[69].

В самом деле, на сегодняшний день развитие Европейского союза достигло такого уровня интеграции, когда регион трансформировался в корпоративный, или общий актор, главной особенностью которого является его супранациональный характер. В этом смысле ЕС представляет собой систему, имеющую в качестве своей основы добровольные политические программы по установлению нового экономического, политического и правового пространства и учреждению коммунитарных структур, которые бы способствовали достижению подобных целей. Европейский Союз – это вовсе не образец каких-либо действий или некая внутренняя философия. Это так называемый “плавающий знак” (“floating signifier”), изменяющий свое направление со временем и в зависимости от контекста. Можно сказать, что европейская интеграция – это процесс концептуального сплочения ее участников.[70]

Причем степень сплочения Евросоюза зависит от эволюции политических институтов, где особую важность представляют принципы, нормы и правила сотрудничества между акторами, которые проявляются в децентрализованных действиях. По справедливому замечанию Рейнера Лепсиуса на территории ЕС был создан “политический порядок, посредством которого отдельные принципы и нормы действий и критерии рационального поведения внедряются в институты”.[71] Другими словами, постепенно происходит переход от “частного к общему” (который имеет место быть в процессе европейской интеграции). В самом деле, если на ранних этапах существовало стремление построить Сообщество с “ограниченными полномочиями, но реальной властью” (Р. Шуман), “создать действенную систему, основанную на экономическом и социальном благосостоянии, которое будет достигнуто через общий рынок” (Д. Митрани), то потом осуществился переход к Экономическому и Валютному союзу и Общей внешней политике и политике безопасности, а также совместной политике в сфере внутренних дел и юстиции.

При этом важно заметить (о чем мы уже неоднократно упоминали в ходе нашего исследования), что главным элементом ЕС на всех этапах его развития (эволюции) был элемент наднациональности. Особенно четко этот принцип отражается в деятельности Комиссии ЕС, которая является “проводником” коммунитарного метода в Европейском Союзе[72].

По мнению исследователя Н. Шишковой, “одно из основных последствий проявления наднациональности следует усматривать в характере и действии правовых норм, которые возникают в связи с деятельностью ЕС”[73]. Совокупность этих норм составляет коммунитарное право (Community Law), чаще обозначаемое в качестве Европейского права[74].

По нашему мнению, то, как происходит признание государствами-членами коммунитарного права в качестве “своего” права, является “зеркалом” процесса коммунитаризации, поскольку от степени прочности правового фундамента европейской интеграции зависит в конечном итоге успех этого предприятия. В связи с этим краткий анализ основных постулатов коммунитарного права в данной главе настоящей работы окажется полезным в ходе дальнейшего рассуждения о проблемах действия этого права в региональных составляющих ЕС, а также в ходе размышлений над возможными вариантами разрешения существующих противоречий.

10. Особенности действия коммунитарного права в рамках Европейского Союза

Следует отметить, что очень сложно дать четкое определение коммунитарному праву, потому что европейский правопорядок находится в стадии формирования, постоянно претерпевает какие-либо изменения. Декларированные учредительные положения и правовые установки не без конфликтов, но методично наполняются практическим содержанием, развиваются и конкретизируются силами основных и вспомогательных супранациональных структур. Скупые нормы основополагающих договоров за сорок лет обросли десятками регламентов и директив Совета и Комиссии, тысячами прецедентных заключений Суда ЕС (за сорок лет своей деятельности Суд ЕС рассмотрел 5405 дел и с годами это число катастрофически увеличивается).[75]

Но как бы то ни было, главной характеристикой коммунитарного права является то, что государства-члены передали часть своих полномочий Сообществу, наделили его собственными суверенными правами и компетенцией, которые сегодня являются правами и компетенцией Сообщества. И в пределах этой компетенции, начиная от судебного решения по делу “Ван генд ен Лус”, правом Сообщества должны руководствоваться и государства-члены, и их граждане[76]. Европейские Сообщества, таким образом, “обладают своими собственными органами, правовой субъективностью, полномочиями на международные действия и создают совокупность правовых норм, которые адресованы государствам-членам и отдельным лицам на территории этих государств”[77].

В настоящее время можно наблюдать тенденцию постепенной замены национальных законодательств стран-членов коммунитарным правом. Этот процесс носит сложный и противоречивый характер. Реалии ЕС свидетельствуют о неимоверных трудностях сближения национальных законодательств с европейским, проблемах четкого выполнения норм коммунитарного права государствами-членами ЕС, сложностях включения в национальное законодательство различных директив Совета ЕС и т.д.

В каждом государстве подобное “неподчинение” происходит по-своему, что объясняется национальными традициями и обычаями, спецификой и уникальностью данной территории в целом.

В данной главе мы дадим характеристику политического значения процесса коммунитаризации в свете действия коммунитарного права, рассмотрим на примере отдельных регионов ЕС, какие препятствия возникают на пути действия коммунитарного права, и предложим варианты разрешения этих противоречий, но вначале разберемся с основными характеристиками европейского правопорядка.

Начнем с того, что коммунитарное право не относится ни к праву международному, ни к праву внутригосударственному, а можно сказать, аккумулирует определенные элементы обоих[78]. Однако, в “чистом” виде европейский правопорядок представляет собой особое явление, так называемый феномен, нормы которого значительно отличаются от норм международного и внутригосударственного права. Об этом можно судить на основании следующих специфических особенностей, характерных для коммунитарного права:

1. В качестве субъектов здесь, помимо государств-членов, выступает само Сообщество, органы Сообщества и национальные органы, а также физические и юридические лица. В международном праве в качестве его субъектов, как известно, выступают суверенные государства. Субъектами же внутригосударственного права являются физические и юридические лица, органы государства. То есть спектр участников европейского права значительно расширен.
2. Объектом регулирования коммунитарного права являются взаимоотношения между Союзом и государствами-членами, их органами, а также их гражданами, что способствует поддержанию баланса между коллективными интересами, реализуемыми в деятельности Евросоюза, и индивидуальными интересами отдельных стран, регионов, отраслей и т. д. В международном праве таким объектом выступают

отношения между государствами, независимых друг от друга суверенных образований. Национальное же право регулирует отношения, которые возникают между субъектами этой системы права в рамках государственных границ того или иного государства.

3. Евросоюз, будучи наднациональной организацией, обладает в некоторых областях законодательной и исполнительной властью по отношению ко всем своим субъектам. В международном праве отсутствуют исполнительные органы. Нормы права в международном общении применяют сами участники этого общения – государства. В национальном праве, как известно, такие органы существуют. В Германии, например, исполнительные функции возлагаются прежде всего на федеральное правительство во главе с федеральным канцлером и на федерального президента.
4. ЕС обладает и судебной юрисдикцией, осуществляемой Судом ЕС. И здесь важную роль играют два обстоятельства:
 - 1) правовой акт Сообщества имеет силу и действует непосредственно на территории каждого государства-члена. То есть этот правовой акт порождает прямые последствия и является основанием для отдельных прав, защита которых является обязанностью национальных судов;
 - 2) решение вступает в силу и порождает права и обязанности сторон без издания в каждом конкретном случае акта национального права.

Решения Суда не могут быть оспорены и подлежат безусловному исполнению. Следует подчеркнуть, что благодаря своей судебной практике, Суд ЕС в значительной степени усовершенствовал европейское право. По иному решается этот вопрос в международном праве. Поскольку участниками международного общения являются суверенные государства, то спор между ними о нарушении норм международного права может быть рассмотрен в том или ином суде только с согласия спорящих государств. В качестве примера можно сослаться на Международный суд ООН, наиболее известный и авторитетный международный судебный орган. В соответствии со Статутом Международного Суда ООН спор между государствами может быть рассмотрен в нем только с согласия спорящих.

В национальном же праве не нарушитель решает вопрос о том, будет ли правонарушение рассмотрено судом, а в большинстве случаев оно рассматривается помимо желания нарушителя.

5. Как уже было сказано, в международном общении в качестве его участников выступают суверенные государства, поэтому это исключает существование над ними какой-то власти. Указанное обстоятельство применительно к процессу образования норм означает, что в такой системе общения не может быть центральных, стоящих над государствами органов, а нормы, регламентирующие подобное общение, могут создаваться только самими участниками общения, то есть государствами. Таким образом, нормы международного права создаются самими государствами в процессе согласования их интересов и воли. В национальном праве нормы права создаются соответствующими органами.

Правопорядок Сообщества базируется на таких европейско-правовых “максимах”, как прямое действие коммунитарных правовых актов, обязательный характер правовых предписаний ЕС, обязательная юрисдикция супранационального суда относительно всех субъектов европейского права, безоговорочный приоритет единого интеграционного права перед национальными правовыми порядками. Однако, следует заметить, что и здесь не обходится без исключений из правил. Так, например, существует дуалистический подход, согласно которому право Сообщества и национальное право государств-членов ЕС разводятся в разные стороны. Это означает, что для воплощения в жизнь того или иного решения Сообщества необходим проводящий акт национального законодательства. Классическим примером в этом смысле является Великобритания.[79]

6. Наконец, связи между элементами европейского права, а также национального, в сфере нормотворчества носят преимущественно субординационный характер, в международном

праве эти связи носят в основном координационный характер.

На основании вышеизложенного можно заключить, что в случае права Европейского Союза вместо традиционного существования двух систем права – международного и национального – возникает разделение на три системы права:

- международное право;
- право Европейского Союза, которое хотя и опирается на международно-правовые основы, однако выходит за пределы международного права;
- право внутригосударственное.

Сфера действия каждой из этих систем подчиняется принципу “каждому свое”. Это подтверждается введением в законодательство ЕС в 1992 году принципа субсидиарности, о котором уже шла речь в данной монографии и который позволяет выделить тот уровень – локальный, региональный, национальный или наднациональный – на котором бы та или иная проблема могла быть решена наиболее эффективным способом.

Факт существования национального права подтверждается и принципом “взаимодополняемости права Сообщества с национальным правом”. Например, достижение единого внутреннего рынка обеспечивается широким использованием возможностей национального законодательства. Это объясняется тем, что государства-члены полностью не отказываются ни от одной сфер своей компетенции. Хотя по признанию ряда ученых, сохранение у государств-членов остаточной компетенции носит временный характер, и Суд ЕС пытается ограничить это вмешательство[80].

В конце концов, европейский порядок еще далек от совершенства, и к национальному праву прибегают для заполнения пробелов в праве ЕС.

В целом же можно констатировать, что на сегодняшний день принцип приоритета супранационального права действует на практике, хотя, конечно, не обходится без исключений, когда правительства государств-членов вопреки требованиям единства европейского права не торопятся с инкорпорацией актов Сообщества во внутренние законопорядки. Почему это происходит, нам еще предстоит разобраться на страницах настоящей работы. Пока же отметим общие особенности феномена подчинения национального права коммунитарному.

Известно, что на сегодняшний день участниками ЕС являются не только 27 “традиционных” государств, но и 3 государства[81], от которых Европейский Совет в настоящее время рассматривает заявки на членство. В свое время с 10 странами Центральной и Восточной Европы были заключены Европейские соглашения[82], эти государства получили статус ассоциированных членов. Поэтому феномен подчинения национального права коммунитарному можно наблюдать не только внутри ЕС, но и в рамках ассоциированных членов, поскольку одним из критериев конвергенции является требование “сближения права”[83]. Но при этом следует делать различие, так как разными являются не только цели, но и средства (правовые институты), при помощи которых достигается сближение права внутри отдельных государств-членов и ассоциированных стран.

Следует пояснить, что когда говорят о сближении права внутри государств-членов, употребляют термин “гармонизация” (harmonisation), а применительно к ассоциированным странам употребляют термин “аппроксимация” (approximation). Гармонизация означает процесс, направленный на сближение права различных государств, на устранение или уменьшение различий. Под аппроксимацией же подразумевается процесс постепенного приспособления и адаптации правопорядка ассоциированного государства таким образом, что достигается его полная совместимость (компатибельность) с коммунитарным правом во всех сферах действия права ЕС[84].

Заметим, что и в том, и в другом случае речь идет о сближении права, а не о создании одинаковых единообразных норм во внутреннем праве разных стран, то есть об унификации[85].

Понятно, что предметом сближения являются, с одной стороны, правовые акты государств[86], с другой – коммунитарные предписания. Постепенно становится возможным отходить от юрисдикции своей страны путем выдвигания требований внутригосударственным судам следовать более высокому европейскому стандарту, отвечающему международно-правовым нормам тех соглашений, участниками которых становятся европейские страны[87]. А представительство общих интересов Сообществ в институциональной структуре обеспечено в большей мере, чем представительство и защита национальных интересов отдельных государств-членов[88].

Таким образом, налицо общая тенденция, вытекающая из обязательств членов ЕС, хотя в этой сфере много острых коллизий и нерешенных проблем (особенно в области социальных и экономических прав трудящихся). Причина существования противоречий на пути сближения законодательств, вероятно, заключается в том, что нормы *acquis communautaire*[89] отличаются сложным механизмом устройства и действия.

Нетрудно заметить, что в формулировке этих постулатов присутствует некоторая категоричность. “Прямое действие”, “обязательный характер”, “безоговорочный приоритет”, “обязательная юрисдикция” и т. д. - все эти максимы претендуют на сиюминутное выполнение данных предписаний и безусловное подчинение (субординацию). Безусловно, они придают объединению сильный интеграционный импульс. Но возникают вопросы иного характера: возможно ли одномоментное переключение всех государств ЕС с национальных правопорядков к правопорядку европейскому? Смогут ли все государства осуществить этот переход безболезненно для своей экономики, политики, культуры? Какого рода гарантии безопасности они получают взамен? Удастся ли ЕС выработать последовательную стратегическую линию в отношении сложных и очень несхожих между собой регионов?

Сегодня для европейцев вышеперечисленные вопросы стоят со всей определенностью и ждут своего разрешения.

Тем не менее на этом тернистом пути уже имеются некоторые результаты: в настоящее время национальный и европейский правопорядки не существуют автономно друг от друга. Их еще рано называть одним целым, но они работают в тесном взаимодействии и взаимодополнении.

В этой связи целесообразно дать краткую характеристику основополагающих норм коммунитарного права, таких как:

- Прямое действие коммунитарных правовых актов (*direct application*);
 - Обязательность характера правовых предписаний ЕС (*subsidiarity*);
 - Обязательная юрисдикция супранационального суда относительно всех субъектов европейского права (*supranationality/autonomy*);
 - Безоговорочный приоритет единого интеграционного права перед национально-государственными правопорядками (*primacy*);
 - Взаимодополняемость с национальным правом (*interaction*).
1. Прямое действие коммунитарных правовых актов. Как утверждает Р. Фолсом, данный принцип “является, в очень большой степени, продуктом судебной практики Суда ЕС”[90]. Это утверждение следует из того, что учредительные договоры ЕС и Сообществ не содержат никаких определенных положений на этот счет. На основании постановлений Суда ЕС по нескольким искам[91], можно сказать, что смысл данного принципа состоит в следующем: нормативный акт Сообщества должен выполняться независимо от того, издан или нет подтверждающий его национальный акт. Суд также определил круг нормативных актов Сообщества, имеющих прямое действие, а именно: договоры, регламенты и решения[92].
 2. Обязательность характера правовых предписаний ЕС. Для раскрытия данного принципа целесообразно воспользоваться ст. 249 Договора о ЕС, которая одновременно свидетельствует о том, что обязательность акта и его прямое действие – понятия не совпадающие. Итак, в этой статье устанавливается, что регламент является

обязательным во всех своих частях и подлежит прямому применению во всех государствах-членах. В статье ничего не говорится о том, для кого они обязательны, следовательно, можно допустить их обязательность для всех субъектов. Директива обязательна для каждого государства-члена, которому она адресована, в отношении ожидаемого результата, однако, за государствами-членами сохраняется право выбора форм и методов ее имплементации. В отношении решения указано, что оно является обязательным во всех своих частях для тех, кому оно адресовано, иными словами, решение может обязывать всех субъектов коммунитарного права.

3. Обязательная юрисдикция супранационального суда относительно всех субъектов европейского права. Закрепленные в коммунитарном праве положения не могут быть лишены юридической силы односторонними актами или иными действиями государств-членов. В решении по делу *Costa/ENEL* четко и недвусмысленно указывается на то, что полномочия, переданные государствами-членами Сообществу, не могут быть у него изъяты и возвращены государствам-членам иначе, как при условии, что Договор это определенно предусматривает[93]. Автономность права ЕС гарантирует его единообразное применение на всей территории Сообщества.
4. Приоритет единого интеграционного права перед национально-государственными правовыми порядками. Данный принцип означает, что утрачивает силу всякая норма национального права, противоречащая нормам учредительных договоров и правовых актов сообществ, принятых в рамках их полномочий.
5. Взаимодополняемость с национальным правом. Этот принцип хорошо рассмотреть на примере действия директив. Директива ставит цели, которых государство-член достигает путем принятия национального законодательного акта. Содержание последнего может варьироваться от страны к стране в зависимости от национальных условий, традиций и практики национальной юридической системы. Порядок принятия и тип принимаемого акта определяются национальным правом. В зависимости от существа затрагиваемого вопроса, это может быть и закон, принимаемый национальным парламентом, и постановление правительства, либо отдельного ведомства. К национальному праву прибегают также для заполнения пробелов в праве ЕС[94].

Все эти европейско-правовые максимы так или иначе отражают отношение между правом Союза и внутренним правом государств-членов. Баланс этих отношений, по мнению европейских правоведов А.Мартина и Д. Ногераса, “необходимо располагать на той линии, которая вытекает из автономии правового порядка Сообществ, делегации полномочий институтам и функционального сотрудничества или взаимодополняемости двух правовых порядков, которые объединяются, чтобы составить право, которое применяется в каждом государстве-члене”[95].

С этим невозможно не согласиться, поскольку эти слова находят свое подтверждение и в действительности. Суд ЕС в своей практике разработал и развил вышеуказанные принципы, позволившие обеспечить высшую юридическую эффективность коммунитарного права, в том числе его применение на территории государств-членов. Государства-члены, пусть с оговорками и настороженностью (о чем пойдет речь в следующей части работы), но принимают и соглашаются с принципами Суда ЕС, что позволяет утверждать, что сложилась эффективно функционирующая, отличающаяся значительным своеобразием субрегиональная система – Европейский Союз, на территории которого формируется принципиально новая система права.

11. Специфика проблем коммунитаризации в Евросоюзе вследствие уникальности его составляющих

Для удобства при раскрытии данного вопроса воспользуемся схематическим разделением

Европы на пять регионов[96], которое предлагают Харм де Блиндж и Питер О. Муллер в своем классическом труде “География: регионы и концепции”.[97] Они выделяют следующие регионы Европы: Британские острова, Западная Европа, Нордическая (или Северная) Европа, Средиземноморская Европа и Восточная и Центральная Европа. Данное разделение мы намерены взять за основу анализа проблем коммунитаризации в государствах, входящих в рамки выделенных выше регионов.

Сразу заметим, что процесс сближения правовых систем государств-членов и Европейского Союза в каждом регионе происходит по-своему, поскольку каждый регион представляет собой уникальное, специфическое образование, отличающееся определенными обычаями и традициями, особенностями политического и экономического устройства. Понятно, что все это должно приниматься во внимание при проведении коммунитарной политики в различных сферах общественной жизни.

Противодействие коммунитарному праву было характерно практически для всех государств Европы. Поразительно, что принципиальное и активное неприятие коммунитарных постулатов исходило даже от ведущих стран Западной Европы – Германии и Франции, традиционно заслуживших репутацию локомотивов европейской интеграции.

Западная Европа[98]. На протяжении тридцати с лишним лет позиция Конституционного суда Германии вступала в противоречие с законным требованием приоритета европейского правопорядка. Камнем преткновения явились конституционно закрепленные основные права человека. Дело в том, что Суд ЕС стремится оценить пределы гарантий, установленных правовой системой Европейского Союза и Сообществ, для реализации основных прав человека. Он стремится обеспечить уважение прав человека в сфере действия коммунитарного права, которое означает, прежде всего, что нарушение прав человека в вопросах, отнесенных к компетенции Сообществ, должно рассматриваться в рамках правовой системы ЕС и исключать какое-либо иное вмешательство извне. Хотя такая постановка вопроса выглядит убедительной, на практике Суду ЕС приходится сталкиваться с ситуациями коллизии коммунитарного права и конституционного права государств-членов. Такая конфронтация была впервые обозначена именно судом ФРГ и сводилась к тому, чтобы поставить примат европейского права в зависимость от уровня защиты основных прав человека в конституционном праве государств-членов. Хотя Европейское Сообщество ни одним актом не переступило германских правил, лишь в 1974 г., то есть почти через двадцать лет действия приоритета европейского права, Федеральный Конституционный суд ФРГ относительно лояльно заключил, что праву ЕС может быть предоставлен приоритет перед национальным конституционным правом, если по содержанию немецкого “закона об одобрении” отсутствуют сомнения в его соответствии конституции.[99]

Важную роль в процессе принятия норм коммунитарного права (таких как прямое действие, обязательность характера правовых предписаний ЕС) сыграло рассмотрение Конституционным судом Германии жалобы фирмы Lutticke на главное таможенное управление земли Саар. Фирма обосновывала свою жалобу тем, что повышение налога с оборота таможенным управлением противоречит ст.95 Договора о ЕЭС. Следует добавить, что правительство ФРГ (равно как и правительства Голландии и Бельгии) отрицало непосредственное действие ст.95, поскольку она якобы адресована государствам-членам и применима только в случае, если они предпримут необходимые проводящие меры. Конституционный суд заявил, что правило непосредственного действия права сообществ не предусматривает никаких ограничений и что не требуются никакие дополнительные правовые акты государств-членов. В ст. 95 содержится запрет дискриминационных мер, а это означает, четкое и безусловное обязательство государств-членов. В принципе для проведения в жизнь или признания действительности ст.95 не нужны никакие последующие меры органов ЕЭС или государств-членов[100].

Впервые конституционный суд страны четко сформулировал зависимость между

правовыми нормами Сообщества и основными конституционными правами Германии в решении 1967 г. Далее, как известно, последовал целый ряд решений о недопустимости бесконтрольного приоритета европейского права перед немецким.

Можно сказать, что это противостояние завершилось в 1986 г., когда федеральный суд ФРГ четко и ясно отказался осуществлять в дальнейшем собственную юрисдикцию над применением производного права ЕС.[101] Таким образом, идея примата национального права не реализовалась, но национальные правовые сферы “подчинились” европейскому правопорядку лишь после дополнительных гарантий со стороны Суда и других высших органов ЕС[102]. Это потребовало принятия надгосударственными структурами следующих документов, которые гарантировали государствам соблюдение ЕС их внутреннего конституционного законодательства о правах человека:

- решение Европарламента от 15 июня 1976 г. о приоритете права ЕС и защите основных прав;
- решение об особых правах граждан Сообщества от 16 ноября 1977 г.;
- Декларация Европарламента, Совета министров и Комиссии ЕС о фундаментальных правах от 5 апреля 1977 г.;

и некоторые другие.

В процессе утверждения коммунитарного права в регионе Западной Европы показательным делом “Ursula Becker”[103], в котором некто У. Беккер в своей ежегодной налоговой декларации запросила освобождение от налогов, которое было вычислено согласно директиве Совета о гармонизации налогов с оборота. Хотя дата имплементации директивы истекла, она еще не была введена в действие в Германии. Германская налоговая служба сочла, что она не имела прямого действия, так как способ имплементации директивы, регулирующей вопрос освобождения от налогов, был оставлен на усмотрение государств-членов.

Суд ЕС в своем решении сделал вывод о том, что если государство не приняло мер к имплементации директивы в отведенный для этого срок, индивиды имеют возможность отстаивать в национальных судах свои права, вытекающие из положений директивы. Последствия ситуации, порожденной отказом государства имплементировать директиву, должны устраняться самим государством, они не должны перекладываться на плечи налогоплательщиков, которые ссылаются на выполнение обязательства, возложенного на государство коммунитарным правом[104].

Для иллюстрации и подтверждения тезиса о неоднозначности практической реализации базисных постулатов коммунитарного права, а именно прямого действия его норм, показателен казус, имевший место в 1985 г. в Германии. Тогда Федеральный финансовый суд ФРГ отменил заключение одного из национальных финансовых судов, которое базировалось на директиве Совета ЕС от 17.05.1977 о гармонизации правовых предписаний государств-членов о налоге на добавленную стоимость, предусматривавшей единые налоговые основы. Федеральный суд исходил из того, что данной директивой нарушена ст.20, ч.3 и ст. 24, ч.1 конституции Германии. Главное в данном контексте то, что он проигнорировал обязывающее решение Евросуда о прямом действии европейских директив. Он отказал этой норме права в конституированной нормативной силе, “требуя” традиционной для международно-правовых актов трансформации.[105]

Характерно, что Конституционный суд ФРГ при рассмотрении вопроса о ратификации Германией Маастрихтского договора специально подчеркнул ограниченность полномочий Европейского Союза. Как сказано в решении Конституционного суда, Договор о ЕС обосновывает осуществление все более тесного союза европейских народов, организованных в государства. Но это не государство, имеющее собственный народ. Государства-члены создали ЕС, чтобы решать совместными усилиями часть своих задач и таким образом осуществлять свой суверенитет.

Что касается другой страны в рамках рассматриваемого нами региона – Франции, то здесь действие норм коммунитарного права также имеет свою специфику. Приоритет права ЕС

по французскому законодательству – на основании ст.55 Конституции – распространяется исключительно на простые законы, изданные до заключения международного договора. Перемена во французской позиции произошла лишь спустя 37 лет после образования ЕС, когда Государственный Совет страны признал приоритет регламента Совета или Комиссии, и то лишь перед более поздним национальным законом и только в случае конфликта.[106] Что же касается директив с прямым действием, то вопрос об их приоритете перед последующим внутренним законом оставлен открытым. Нужно подчеркнуть, что государства ЕС особенно раздраженно относятся к таким “сильнодействующим” актам Сообщества, как регламенты и директивы. Их вторжение во внутренние сферы на основе приданного им “прямого эффекта” воспринимается болезненно.

Список подобных примеров “неподчинения” вышестоящему правопорядку можно было бы продолжать до бесконечности. И органам ЕС пришлось прилагать немало усилий, чтобы заставить государств-членов считаться с ними.

Обратим внимание, что в связи с Маастрихтским договором конституции ФРГ и Франции были дополнены принципиальными положениями, определяющими правовые основы участия государств в ЕС, возможности передачи ими ряда своих полномочий для выполнения взятых обязательств. Так, во французскую конституцию в соответствии с законом от 25 июня 1992 г. был включен раздел XV “О Европейских Сообществах и определенной компетенции на основании международных договоров конкретизируется по трем основным позициям. Франция соглашается с передачей необходимых полномочий институтам европейского экономического и финансового союза и установлением правил о пересечении внешних границ государств-членов Европейского сообщества (ст. 88-2). В Конституции предусматривается возможность права голоса и права быть избранным на муниципальных выборах для граждан ЕС, проживающих во Франции (ст.88-3). Условия предоставления этого права определяются органическим законом. О важности акта вступления в Европейский Союз свидетельствует тот факт, что договор о ЕС от 7 февраля 1992 г. прямо зафиксирован в тексте Конституции, что на первый взгляд представляется нетипичным для Основного закона государства.

На конституционный уровень поднята задача подчинению коммунитарного права в ФРГ. Согласно ст.23 Основного закона ФРГ в целях осуществления идеи Объединенной Европы, страна участвует в развитии ЕС, в обязанность которого входит гарантировать соблюдение принципов демократии, правового государства социального и федеративного государства, а также соблюдение принципа субсидиарности и который гарантирует защиту основных прав, по существу совпадающих с основными правами, содержащимися в Основном законе. Столь подробное обоснование совместимости конституционных основ демократии, правового и социального государства в развитии ЕС и национальном законодательстве имеет существенное значение для передачи Федерацией своих суверенных прав “посредством закона, одобренного Бундесратом”[107].

Безусловно, то принципиальные изменения, поскольку без единства в правовой сфере невозможно образование Европейского Союза в виде федерации европейских государств. Британские острова[108]. О том, что данный регион является уникальным в смысле постоянного занятия специфической позиции в отношении тех или иных европейских решений, уже говорилось в ходе настоящей работы. Поэтому повторяться было бы излишне.

Особое положение Великобритании проявляется и в структуре ее правовой системы. Для этой страны характерен так называемый дуалистический подход, который означает, что право сообщества, с одной стороны, и национальное право – с другой, разводятся в разные стороны[109] Это сделано по аналогии с международным правом. Как известно, международный договор в странах общего права судами в качестве источника действующего права не признается. Чтобы добиться этого, необходим проводящий акт национального законодательства. Не случайно, что даже для инкорпорации Договора о

ЕЭС в британское право потребовался специальный правовой акт, которым стал Акт о европейском сообществе 1972 г.[110] Вообще все решения Суда в Великобритании европейских сообществ применяются на основе этого акта в соответствии с Положением о порядке применения решения Суда европейских сообществ 1972 г.[111].

Особый статус Великобритании и Ирландии в очередной раз подчеркнуло ее отношение к Европейской Конвенции основных прав и свобод[112]. Хотя в 1951 г. Соединенное Королевство стало первым государством, ратифицировавшим ее, позднее британское правительство никогда не говорило о ее включении в национальное право. Эта Конвенция имеет силу в рамках национального права фактически во всех государствах и на нее можно непосредственно ссылаться в судах. Однако в регионе Британских островов не действует непосредственно в рамках национального права[113]. В связи с тем, что Конвенция является не инкорпорированной в национальное право этих стран, суду, возможно, придется отклонить претензию как необоснованную по национальному праву, хотя у спорящей стороны будут веские основания утверждать, что ее права, предусмотренные Конвенцией, нарушены. Одна презумпция состоит в том, что если существует разумное толкование национального права, соответствующее Конвенции, то суд должен применить его, а не другое толкование, конфликтующее с Конвенцией. Еще одна предусматривает, что, хотя формально Конвенция не является частью национального права, она, тем не менее, может содействовать процессу развития права и устранению неопределенности. В целом же можно констатировать, что статус Конвенции создал особые трудности для Соединенного Королевства, “неписаная” конституция которого никак формально не защищает основные права и не предусматривает процедуры судебного пересмотра первичного законодательства[114].

Интересным может показаться факт, что в январе 1997 г. британская секция Международной Комиссии юристов – JUSTICE – опубликовала два доклада, в которых делается вывод о том, что в системе защиты фундаментальных прав и свобод в Европейском союзе существует определенный дефицит справедливости и демократии, в частности в том, что касается третьей части Маастрихтского договора (юстиция и внутренние дела). Целые разделы третьей части – право убежища, иммиграционный контроль, сотрудничество полиции – не входят в компетенцию Суда ЕС. В заключении авторы доклада выражают сожаление по поводу того, что право физических лиц на обращение в Суд ЕС “чрезмерно ограничено” условием, согласно которому подаваемый иск должен касаться решения Союза, имеющего “прямое отношение к конкретному лицу”. [115]

Специфическое отношение Великобритании демонстрирует к принципу субсидиарности, важность реализации которого подчеркнул Амстердамский договор. Принцип субсидиарности в ЕС близок к традиционному распространению полномочий между центром и составными частями в федеральных странах. Великобритания же усматривает в данном принципе возможность ограничить развитие наднациональных начал, подчеркнуть приоритет суверенных прав государств-членов. Поэтому она еще не определилась с распространением в уставных документах ЕС данного принципа. Что касается упоминания здесь местного самоуправления (автономии), то Великобритания категорически не согласна.

Таким образом, специфическая позиция Великобритании проявляется во многих сферах деятельности Европейского союза. Очень часто эта позиция настолько сложна и противоречива, что ставит под сомнение супранациональный характер всего ЕС. Поэтому очень важно в такие моменты проявлять осторожный и взвешенный подход по отношению к данному региону. Подход, который не допустил бы перекося чаши весов в пользу националистских тенденций Великобритании и подорвал бы саму идею европейской интеграции.

Северная Европа. Противоречивый характер процесс коммунитаризации носит также в регионе Северной Европы. Конфигурация, включающая в себя Данию, Финляндию,

Исландию, Норвегию и Швецию, образует форму членства в виде Северного Совета (Nordic Council). Такая форма членства была обусловлена логикой регионального разделения Европы, которая придала абсолютно иной вид политическому ландшафту и северной части Европы.

Как объединенная идентичность, Север перешагнул через национальные границы и приобрел форму “вокруггосударственного” соглашения без каких-либо споров между основными категориями политического мира. Другими словами, Север существовал как некая суверенная система в рамках единой Европейской системы[116].

Этот факт обнаруживает сходство Севера и Европейского Союза – оба этих региона разрушили принципы жесткого государственного суверенитета, что явилось решающим моментом в формировании политической сферы современной эпохи.

Думается, что уместным здесь окажется сравнение отношений Севера и ЕС с одинаково заряженными частицами, взаимоотношения которых носят, как известно, взаимоотталкивающий и конфликтный характер. Север противится коммунитаризации - он нуждается в четких границах, что отнюдь не является стремлением к интегрированию, а напротив – проявлением тенденций к обособлению. Тем не менее сближение Севера с Европейским союзом – неизбежный процесс.

В конце 90-х г.г. возникло новое понимание. Близость стала расцениваться как возможность сотрудничества с ЕС. Это означало, что успех может быть достигнут, если регионы будут стремиться к усилению своих соседей, так как слабость соседей – есть собственная слабость и она может быть преодолена только совместными попытками (“коллективизм по расчету”).

Таким образом, появилась точка зрения, что север стал частью совместной работы и огромной дискурсивной сферой. Север не долго рассматривался как уникальная форма политического пространства – *sui generis*. С необходимостью дифференциации в рамках европейской интеграции, Север начинает приспосабливаться к гегемонии ЕС путем проведения более ориентированного на государство курса. В сущности, это связывается с современным европейским созвездием, которое в совокупности составляет трехуровневую игру между:

- 1) регионами;
- 2) национальными правительствами;
- 3) Европейскими институтами.

Огромная часть прежних целей деятельности в экономической и социальной сфере выпала из его компетенции, так как нордическая кооперация была включена в рамки ЕС и даже в Европейское экономическое Соглашение. В компетенции Севера сохранилась его идентичность и культура. Так, газета “Интернэшнл Геральд Трибьюн” отмечала, что многие регионы Европы вновь “считают для себя делом чести поощрять местную культуру, традиции, язык, в том числе на базе расширения своей автономии”[117].

Однако, воплощение на практике положения, что Север должен превратиться в механизм для конкретной политической кооперации, оказалось не таким легким, как на бумаге. Нордические страны часто отмечали, что их взгляды заметно расходятся с точкой зрения ЕС, в т.ч. по таким важным вопросам, как присоединение к ЕС, участие в валютном союзе или проталкивание стран Балтии в члены Союза. Так, например, 6 октября 1997 г. в Люксембурге состоялась встреча министров иностранных дел стран-членов ЕС в рамках Совета по общим вопросам. В ходе встречи были обсуждены темы, посвященные “Повестке - 2000” (Agenda – 2000) – официальному документу Европейской Комиссии, отражающему ее точку зрения относительно предстоящего расширения ЕС, а также других связанных с этим вопросов. В ходе встречи Дания высказалась против переговоров со Словакией как страной-кандидатом на вступление в ЕС. Швеция выступила с поддержкой кандидатур Латвии и Литвы.[118]

Подобная позиция предполагает то, что во многих случаях взаимодействие заключается в обмене мнений с ЕС, и пока они держатся вместе, несмотря на существенные различия

между ними.

Нужно отметить, что изменение, произошедшее на Севере, было далеко не полным, не глубоким, и Север не превратился в централизованную, политическую и государственно-правовую сущность. Многие из его автономных и узкоориентированных аспектов сохранились. Более того, некоторые из них даже усилились, как например, в случае с различной ориентацией нордических акторов на бизнес – здесь нарастало их соединение друг с другом, в отличие от сфер банковского дела, страхования энергетической продукции, а также кораблестроения. Некоторые изменения произошли и на бытовательском уровне.

Растущее объединение через Балтийское море было результатом учреждения нордических ассоциаций в балтийских странах, а также в Санкт-Петербурге и Калининграде. И эти новички в нордической “семье” сейчас стремятся к приобретению статуса ассоциации *vis-a-vis* в нордических странах.

Кроме того, отношение к коммунитаризации в ЕС проявляется у Северных стран в их отношении к механизму Шенгенского соглашения. Так, Дания получила право не участвовать в новой системе и сохранить полный суверенитет в том, что касается “пространства свободы, безопасности и справедливости”. Кроме того, через шенгенскую систему к этой части механизма “первой опоры” присоединились Норвегия и Исландия, не являющиеся членами ЕС и, следовательно, не связанные общим правом сообщества и правилами процедуры его институтов. Это не может не осложнять осуществление общей визовой и иммиграционной политики[119].

Кроме того, проводимые здесь референдумы отнюдь не всегда свидетельствуют об абсолютном восторжествовании коммунитарной валюты. Как констатирует журнал “Европа”, политические лидеры Швеции достигли договоренности о референдуме в стране по вопросу введения евро – 14 сентября 2003 г. Согласно результатам последних опросов в Швеции, число сторонников и противников европейской валюты пока совпадает.

Попробуем предположить, что однажды и Север осознает, что процесс коммунитаризации должен распространиться и на его территории. Такая перспектива для нордических стран может получить свое развитие только в случае, когда федералистская тенденция будет официально признана в Евросоюзе.

Средиземноморская Европа. Следует начать с того, что в правовой сфере (для которой присуще принуждение, так как право - это механизм, формирующий единый для всех членов “кодекс” поведения; механизм, заставляющий поступать так, а не иначе) очень медленно происходит “приобщение” государств к процессу коммунитаризации. В странах Средиземноморья этот путь является особенно тернистым, так как этот регион, как никакой другой, базируется именно на тех традициях (в том числе и правовых), которые сложились там исторически; части этого региона крепко связаны между собой культурным наследием. Поэтому всякое внешнее посягательство на эти традиции встречает уверенный и отчаянный отпор со стороны средиземноморских патриотов.

Тем не менее, правовая коммунитаризация уже дала свои ростки и в этом противоречивом регионе. Страны-участницы ЕС стараются как можно скорее и в то же время безболезнее для себя встать на европейские правовые рельсы. Весьма симптоматичными были многочисленные изменения Конституции Португалии (июнь 1989 г.), имевшие целью освободить ее “от идеологических элементов и сообразовать ее с конституциями других европейских государств”, а кроме того, создать условия для интеграции Португалии с Европейскими Сообществами. Поправки коснулись политических приоритетов, прежде всего в организации экономики. Из Конституции были исключены программные положения о переходе к социализму и коллективному присвоению средств производства, об обязательстве государства содействовать построению “бесклассового общества”, а также утверждение о “необратимости национализации и сельскохозяйственной реформы”, что дало правовую основу для осуществления программы приватизации. Одновременно

были ослаблены гарантии социально-экономических прав и в первую очередь права на труд.

Гораздо последовательнее в странах региона Средиземноморья проводился курс на децентрализацию в управлении, на расширение участия граждан в осуществлении государственной власти. Конституции Испании и Италии предусмотрели возможность делегирования полномочий центральной власти другим властным структурам[120].

Что касается специфики сближения с коммунитарным правом, то нужно сказать, что в прошлом Италия очень внимательно следила за происходящим противоборством двух правопорядков, поставив действенность европейских норм в зависимость от усмотрения национального конституционного суда.

Лишь 23 апреля 1985 г. Конституционный суд Италии четко и ясно отказался осуществлять в дальнейшем собственную юрисдикцию над применением производного права ЕС. И таким образом, возобладали приоритет европейского права.

Рассматривая спор между Комиссией европейских сообществ и итальянским правительством, порожденный принятыми в Италии постановлениями о налоге на добавленную стоимость от 26 февраля 1991 г., Суд ЕС особо отметил в своем решении, что обязательный характер права сообществ должен обеспечиваться в практике деятельности национальных судов. Суд заявил, что принципы правовой обеспеченности и правовой защиты отношений, урегулированных правом сообществ, предполагают принятие в государствах-членах соответствующих норм, формулировки которых облегчают возможность каждому субъекту полностью и беспрепятственно применять право сообществ. Потребность в издании государствами-членами ослаблялась, если не исчезала вовсе[121].

Шаг вперед в утверждении абсолютного характера концепции “прямого действия” директив ЕС был сделан в деле “Ratti”[122]. Суть дела заключалась в том, что итальянская компания, принадлежащая Ратти, начала упаковывать и маркировать контейнеры растворителей в соответствии с требованиями двух директив Совета ЕС, регулирующих этот вопрос. Эти директивы еще не были имплементированы в Италии, хотя срок их введения в действие истек. В то же время требования итальянского правительства в этом вопросе были более строгие. Чем требования директив, и предусматривали наложение штрафов на нарушителей. Против Ратти началось уголовное расследование согласно внутреннему законодательству г. Милана. Тот в свою защиту сослался на директивы Сообщества.

Суд заявил, что государство-член, которое не приняло в предписанное время мер по имплементации, требуемых директивой, не может отказываться выполнять обязательства, которые установлены данной директивой. Из этого следовало, что национальный суд, в который обращается индивид в просьбой о выполнении положений директивы, не инкорпорированной во внутренний правопорядок государства-члена, которая к тому же противоречит норме национального права того государства, должен поддержать это требование, если обсуждаемое обязательство безусловно и достаточно точно. Таким образом, Суд ЕС не только признал себя компетентным решать это дело, но и вынес решение в пользу применения норм директивы, а не внутреннего права[123].

Однако вопреки требованию единства европейского права правительства не торопятся с инкорпорацией директив и других актов Сообщества во внутренние законопорядки. Страны Средиземноморья не представляют в этом смысле “исключения”. Так, например, 6 января 1997 г. Комиссия возбудила дело в Суде ЕС против Греции, которая не включила в свое законодательство три директивы в области охраны окружающей среды.

В январе 1998 г. было вынесено постановление против Италии за невыполнение семи директив в сфере здравоохранения, которые должны были быть включены во внутреннее законодательство еще к 1 января 1994 г. Интересно, что в процессе рассмотрения дела итальянское правительство не оспаривало фактов своих умышленных усилий с целью заморозить выполнение данных директив.

Испания из 54 действующих директив Европейского Союза включила в собственное законодательство лишь 36.

Особый интерес в деятельности Суда ЕС представляет рассмотрение ряда исков, которые были вызваны действиями некоторых государств-членов, нарушившими, по утверждению истцов, законодательство ЕС касательно единого внутреннего рынка и свободы конкуренции.

Не следует думать, однако, что всегда и все иски признаются обоснованными. Так, в октябре 1997 г. Суд ЕС отклонил жалобу Европейской Комиссии, направленную против монополии на импорт и экспорт электричества в Испании и Италии. В постановлении, касающемся Испании, Суд объяснил, что Комиссия не доказала самого факта существования монополии. В отношении Италии Суд признал, что монополия создает определенные препятствия, но, как объяснили представители итальянского государства, для них это является способом управления сектором общественных услуг. Как постановил Суд, в данном случае “Комиссия не приняла во внимание особый характер национальных систем и ограничилась лишь чисто юридической оценкой данных явлений”.

В ответ на запрос миланского апелляционного Суда Суд ЕС заявил, что имеющаяся у правительства Италии с 1949 г. монополия на трудоустройство граждан незаконна. Суд отметил, что государство злоупотребляет своим доминирующим положением, тогда как государственные бюро по трудоустройству явно не способны удовлетворить запросы расширяющегося и дифференцированного рынка труда. Судом установлено, что на практике только 5% от общего числа трудоустройств в Италии приходится на такие бюро, а остальные 95% и все 100%, если говорить о трудоустройстве высококвалифицированного персонала, осуществляется через полунелегальную сеть негосударственных образований.[124]

Согласно еще одному постановлению, правительство Греции должно отменить требование принадлежности к национальному гражданству, предъявляемое к судовладельцам, желающим зарегистрироваться в этой стране. Отмена данного требования должна быть распространена на владельцев любых типов судов. Суд ЕС постановил, что данное условие о национальной принадлежности несовместимо с основными принципами права ЕС, включающим запрещение дискриминации, свободу учреждения предприятий и свободное передвижение людей.

Понятно, что реализация закрепленных в договорах свобод передвижения товаров, услуг, людей и капиталов, свободы конкуренции и т.д. ведет к различным правовым коллизиям. Разрешая их, Суд ЕС стремится, не нарушая сложившихся в государствах-членах отношений, не нарушая их национальных обычаев и традиций, создать максимальные гарантии этих свобод и самым наилучшим и правильным способом разрешать возникшие коллизионные ситуации.

Центральная и Восточная Европа. Государства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) – «новички» в ЕС. Они долго числились “ассоциированными членами” - такой статус был четко закреплен в Соглашениях об ассоциации, заключенными между этими государствами с одной стороны, и членами Европейского Союза – с другой. Изменение данного статуса произошло в результате выполнения условий конвергенции, среди которых важное место отводилось сближению правовых норм.

Сближение национального права с правом коммунитарным в государствах ЦВЕ осуществлялось на основании трех правовых инструментов:

- 1) Соглашения об ассоциации;
- 2) Соответствующие постановления Правительств государств;
- 3) Белой книги Европейских Сообществ[125].

Цели сближения права можно расчленить на два этапа, которые, соответственно, составляют два уровня сближения: подготовка правовых предпосылок для вступления в ЕС (1 этап – сближение права в условиях ассоциированного государства) и исполнение правовых обязательств, связанных с членством в ЕС (2 этап – сближение в условиях

государства-члена)[126].

Сближение правовых норм имеет ограниченную сферу. Оно охватывает те отрасли права, которые непосредственно регулируют отношения в сфере ассоциации. Это таможенное право, право компаний, банковское право, налоговое и аудиторское право, право интеллектуальной собственности, безопасность работников на рабочем месте, правовое регулирование финансовых услуг, правила конкуренции, защита здоровья и жизни человека, экономическое право, законодательство о продуктах питания, защита потребителя, включая товарные знаки, косвенное налогообложение, технические нормы и стандарты, транспортное право. В сущности, речь идет об экономическом праве в широком смысле слова. Вместе с тем взаимные связи и отношения в правовой системе таковы, что реформа в одной отрасли права неизбежно воздействует на развитие других отраслей и правовой системы в целом.[127]

В самом деле, ведь для достижения принципов прямого действия и приоритета права неизбежным является изменение законодательного акта наивысшей силы, то есть Конституции. Необходимо, прежде всего, ввести положения, на основании которых будет реализован перенос и трансфер суверенных прав государств на наднациональные органы. “Европейские статьи” или “интеграционные положения” в национальных конституциях закрепляли, в частности, возможность “переноса на основании международного договора некоторых полномочий конституционных органов на международные институты”.

Важными являются также и дальнейшие изменения в области национального права. Так, в частности, для обеспечения единообразного применения коммунитарного права так, чтобы оно соответствовало практике в остальных государствах-членах, неизбежным является создание механизмов для осуществления производства по другим вопросам в соответствии со ст.234/177 Договора о ЕС. Это естественно вызывает необходимость соответствующего изменения гражданско-процессуального кодекса и некоторых других правовых норм[128].

Приведем конкретный пример из истории европейской интеграции. Шесть стран-кандидатов из первой группы, после согласования в декабре 1998 г. в Будапеште своих позиций по восьми дополнительным разделам *acquis communautaire*, представили 29 января 1999 г. соответствующие предложения созданной в Комиссии Группе стратегического планирования по вопросам расширения и Совету ЕС. 25 февраля того же года состоялся первый раунд переговоров с целью проверки законодательства государств первой группы в области правосудия и внутренних дел с участием упомянутой Группы и представителей указанных стран-кандидатов. Комиссия обозначила в качестве точки отсчета состояние законодательства Союза в этой сфере на 31 декабря 1998 г. В числе основных вопросов рассматривались:

- ситуация в каждой из стран относительно принятия законодательства Союза по рассматриваемым вопросам;
- идентификация основных практических аспектов его включения в законодательство этих стран;
- выделение круга наиболее важных для обсуждения вопросов.

Следует также отметить имевшую место 11 марта 1999 г. встречу глав внутривластных ведомств ЕС – 15 с их коллегами из стран ЦВЕ и Кипра, на которой были рассмотрены вопросы борьбы с коррупцией в контексте создания эффективных правовых механизмов.

Параллельно с развитием переговорного процесса, охватывающего страны-кандидаты “первой волны”, Комиссия произвела оценку ситуации в государствах второй группы.[129] В конце февраля состоялась многосторонняя встреча, посвященная анализу соответствия их законов правовым актам Союза в области сельского хозяйства. Такая же работа проводилась в рамках двусторонних контактов и по другим разделам законодательства ЕС.[130]

В качестве еще одного существенного аспекта, характеризующего состояние переговорного процесса в то время следует отметить, что в Комиссии и других институтах

ЕС явно просматривалась тенденция к большей дифференциации в переговорах со странами-кандидатами и к индивидуализированному подходу в оценке степени готовности каждого из 11 государств, вместо практиковавшейся ранее работы с ними как с блоком или с группой.

В декабре 2002 г. в Копенгагене была подтверждена следующая система расширения. Первая группа из 10 стран завершает все переговоры в датской столице, соглашение о вступлении подписывается в Афинах 16 апреля 2003 года, с 1 мая 2004 года они стали полноправными участниками ЕС. Это касается Венгрии, Кипра, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии, Словении, Чехии и Эстонии. В меньшей степени готовности находились Болгария и Румыния, которые вступили в ЕС только в 2007 году[131].

Таким образом, сегодня достаточно отчетливо проявляется следующий факт: понятие “ассоциированный член” все больше сближается с понятием “государство-член”. Такой подход (например, в отношении Хорватии) устраивает как Союз, интересы которого в первую очередь связаны с развитием общего рынка, так и ассоциированных членов, стремящихся как можно скорее ощутить преимущества, порождаемые интеграцией.

Итак, в каждом регионе попытки “неподчинения” коммунитарному праву имеют свои особенности, вытекающие из национальных традиций и обычаев, специфики данной территории в целом. Это требует недюжинных усилий со стороны соответствующих институтов ЕС, тем более, учитывая предстоящее расширение ЕС, трудности в отношении коммунитаризации могут быть приумножены. А это значит, что для органов Европейского Союза все выше будет подниматься планка для выработки адекватных способов проведения коммунитарной правовой политики.

Несмотря на наличие невероятных трудностей сближения национальных законодательств с коммунитарным правом, продвижение в этой области *step by step* (шаг за шагом), но происходит. В принципе, весь интеграционный процесс в Европе происходил и происходит постепенно (*step by step*), поэтому продвижение к правовой коммунитаризации в этом смысле подчиняется общим правилам интеграции.

12. ЕС перед выбором коммунитарного или межгосударственного пути развития

Следует признать, что с момента построения Европейского сообщества в начале 1950-х годов существовало множество прогнозов относительно результатов завершения процесса интеграции. Спектр этих прогнозов варьируется от “появления европейского политического стиля”[132], который вырабатывается в результате взаимодействия групп интересов и структур ЕС и исходит из обоюдного признания необходимости более четко структурированной и эффективной системы отношений между ними, и до описания ЕС как “конфедеративной политической системы”[133], подтверждающей приоритет государств-членов в определении основных параметров европейского строительства.

Как бы то ни было, модель федеративной Европы и ассоциации европейских государств до последнего времени рассматривались в качестве основных результатов завершеного процесса интеграции. От того, какая из двух моделей возобладает, в конечном итоге зависит и выбор Сообществом одного из вариантов дальнейшего развития – в сторону коммунитарной либо межгосударственной Европы.

Модель организации по коммунитарному признаку (наднациональные полномочия принятия решений) была основной линией европейской политики Италии, Германии, а также стран Бенилюкса. Ей противопоставлялась французская идея Европы национальных государств, предложенная де Голлем, в которой межправительственное сотрудничество суверенных государств рассматривалось как база интеграции.

Между этими подходами идет подспудная борьба, принимающая порой драматический характер. Так, в 1965 г. президент де Голль предпринял мощное наступление на наднациональные полномочия Комиссии ЕС и Европарламента. Начался опасный кризис Сообщества. Развал последнего удалось предотвратить посредством консервации институциональной системы Сообщества на 10 лет, некоторого ограничения полномочий

КЕС, абсолютизации принципа единогласия при принятии решений в Совете министров (что гарантировало каждому государству-члену право вето) и отсрочки на неопределенное время предусмотренного Римским договором расширения прав Европарламента.

Но сама жизнь заставила постепенно усилить элементы коммунитаризации. По окончании 10-летнего моратория, в конце 1975 г. было принято решение об избрании Европарламента на основе всеобщего прямого голосования и расширения бюджетных прерогатив: он получил право отклонять проект бюджета ЕС. А еще через десять лет, в декабре 1985 г. новый основополагающий договор - Единый Европейский акт, внесший коррективы в институциональную систему ЕС, позволил Европарламенту играть свою роль и в законодательном процессе: подготавливаемые КЕС проекты регламентов и директив по широкому кругу интеграционной политики должны получать одобрение не только Совета министров, но и Европарламента. Кроме того, он ратифицирует международные соглашения ЕС о сотрудничестве с третьими странами и их организациями или о принятии в Сообщество новых членов. Если раньше Совет министров мог просто не согласиться с поправками Европарламента к законопроектам, то по Маастрихтскому договору с ноября 1993 г. он наделен правом вето по тем решениям Совета министров, которые относятся к функционированию единого рынка, к свободному движению рабочей силы, защите окружающей среды, охране здоровья, образованию и защите прав потребителей. Вступивший в силу 1 мая 1999 г. Амстердамский договор значительно расширил круг вопросов, по которым Европарламент может наложить вето.

Одновременно с 1993 г. Совет министров получил возможность принимать директивы и регламенты по широкому кругу вопросов простым и квалифицированным большинством голосов. В последнем случае Германия, Франция, Италия и Великобритания располагают 10 голосами каждая, Испания имеет 8 голосов, Бельгия, Греция, Нидерланды и Португалия – по 5, Австрия и Швеция – по 4, Дания, Ирландия, Финляндия – по 3, а Люксембург – 2 голоса. Квалифицированное большинство составляют 62 голоса из 87. Таким образом, заблокировать решение не в состоянии даже два самых крупных государства-члена. Единогласие сохранено лишь при решении таких важных вопросов, как принятие новых членов ЕС, изменения в учредительных договорах, введение в действие новой совместной политики, изменение налогов, а также совместной внешней политики и политики безопасности. Амстердамский договор, заключенный государствами ЕС в 1997 году, еще больше сузил сферу применения принципа единогласия. Комиссия ЕС, в свою очередь, получила дополнительные полномочия при реализации принятых Советом министров решений, а также в вопросах ее внутренней структуры и организации. Таким образом, с одной стороны, в самом Совете министров все более широкий круг решений принимается простым или квалифицированным большинством, что само по себе придает ему характер надгосударственности, а с другой – часть законодательных и бюджетных функций Совета министров постепенно “перетекает” в надгосударственный Европарламент. И то и другое усиливает элементы коммунитаризации в институциональной системе ЕС и тем самым способствует возрастанию федеративных устремлений этой системы.

Эта медленная и небесконфликтная институциональная эволюция ЕС свидетельствует, как неохотно и болезненно страны-участницы расстаются со своим государственным суверенитетом, даже тогда, когда преимущества коллективного регулирования экономических, социальных, экологических и других сфер убедительно подтверждаются многолетней практикой.

В настоящее время центральная политическая проблема европейской интеграции так или иначе сводится к вопросу о том, какую форму примет в будущем общеевропейская государственность: решаться ли европейцы создать единое государство или же предпочтут ограничиться межгосударственным союзом[134].

Несомненно, основной структурной единицей европейского сотрудничества по сей день остается государство-нация, и проблема выбора между союзом государств-наций и

единым европейским государством обозначилась лишь в 90-е годы. В то же время ряд признаков, уже теперь обнаруживаемых в ЕС, позволяет судить о нем как о государстве совершенно нового типа. Европейский Союз представляет собой единое экономическое пространство, имеет общие валюту, парламент и гражданство, собственную символику, проводит согласованную внешнюю политику и признан в мире как субъект международного права. По мере того, как контроль над ключевыми сферами переходит в ведение наднациональных институтов, например Европейского Центрального Банка, а в конституции европейских государств вносятся поправки, признающие приоритет решений ЕС над национальными законодательствами, Союз приобретает черты качественно нового политического образования, обладающего мощным потенциалом разрешения системы национальных государств и самого государства-нации.

В то же время стремление определить место феномена европейской интеграции в мировом политическом процессе и его перспективы на международной арене вынуждает многих исследователей обращаться к привычным для политологов терминам и понятиям. Если подвергается эрозии государство-нация, означает ли это, что Европа эволюционирует в направлении федерации? А коммунитарный путь развития Союза одерживает верх над межгосударственным?

Осознавая, что этот путь усеян трудностями и проблемами, и что все новое появляется в муках, мы считаем, что ЕС кажется во многих своих аспектах развивающимся в направлении федерации, а анализ ЕС в понятиях федеративного государства становится едва ли не единственным выходом из трудной ситуации, сложившейся в науке.

В данной части нашей работы мы попытаемся проиллюстрировать, каким образом осуществляется дрейф в сторону федерализации Европы, какую важную позитивную роль играет этот процесс в ходе становления коммунитарного сообщества, какие проблемы и трудности являются наиболее характерными на этом пути и обрисовать возможные варианты их преодоления.

Итак, вступивший в силу 1 ноября 1993 г. Маастрихтский договор провозглашал создание Европейского Союза, который “основан на Европейских сообществах, а также на направлениях политики и формах сотрудничества, установленных настоящим Договором” (Статья А).

В юридической литературе эта конструкция была охарактеризована как построение Европейского Союза на трех “опорах”: 1. Европейские сообщества; 2. Общая внешняя политика и политика безопасности; 3. Сотрудничество в области правосудия и внутренних дел[135].

Следует подчеркнуть, что предложенная в Маастрихтском договоре формула учреждения Европейского Союза стала качественно новым элементом в архитектуре европейского интеграционного строительства. Три его составляющие имели различную юридическую природу и были далеко не равнозначны. Характерной чертой рассматриваемой конструкции была достаточно жесткая грань между положениями, регулирующими деятельность собственно Европейских сообществ, и нормами, относящимися к сфере межгосударственного сотрудничества в области внешней политики и внутренних дел. Доминирующую позицию занимала первая составляющая, где активно поддерживался коммунитарный подход. Здесь получила свое дальнейшее развитие автономная система правовых норм Европейских сообществ, которые имели прямое действие как для государств-членов, так и для юридических и физических лиц, при этом их примат над национальным законодательством обеспечивался юрисдикционной защитой. В рамках второй и третьей составляющей доминирующие позиции сохранили за собой государства, которые осуществляли взаимодействие на межгосударственной основе: разрабатываемые в этом контексте нормы имели конвенционный характер, то есть являлись обязательными, но не имели прямого действия и не интегрировались автоматически в национальные правовые системы, применялись только в отношении государств-членов Союза и его институтов, на них в принципе не распространялась юрисдикция Суда ЕС.

В результате совмещения в Маастрихтском договоре обоих подходов к интеграционному развитию, появились различные мнения по поводу его сущности. Например, с точки зрения Дж. Мейджора, Договор о ЕС символизирует “победу межгосударственного метода над нависшей угрозой со стороны чрезмерного супранационализма”[136]. По мнению Дж. Гилдходиса, представляющего противоположный взгляд на данную проблему, “Маастрихт явился триумфом поистине созревшей европейской федерации над прошлыми традициями национальных государств”[137].

В отечественной науке также существуют различные интерпретации Договора о Европейском Союзе. Так, исследователь Толстухин А.Э. полагает, что Маастрихтский договор “направлен не на консервацию государственности стран-членов, а на ее размывание”[138]. В то время как доктор исторических наук М.Стрежнева считает, что “... в Маастрихтском договоре, вопреки распространенному общественному мнению, есть немало черт, создающих противовес коммунитаризации и обеспечивающих защиту прерогатив национальной власти от излишних федеративных устремлений”[139].

На наш взгляд, Маастрихтский договор, несмотря на многочисленные недостатки, тем не менее ознаменовал собой переход на более высокую ступень развития Европейских сообществ. Это выразилось, в частности, в значительном расширении компетенции Европейского экономического сообщества. Его сфера действия не ограничивалась функционально только экономическими вопросами, а приобретала все более универсальный характер. С учетом этого ЕЭС было переименовано в Европейское сообщество. Одновременно с этим в рамках первой составляющей в Договоры, учреждающие ЕОУС, ЕЭС и Евратом, были внесены фундаментальные изменения:

- расширилось применение процедуры принятия решений в Совете квалифицированным большинством голосов;
- произошло дальнейшее укрепление позиций Европарламента, который получил право одобрять назначение членов Комиссии, участвовать в процедуре совместного (с Советом) принятия решений по определенному кругу вопросов, вносить в Комиссию предложения по разработке законодательных предложений;
- введено понятие гражданства Союза, закреплены права граждан Союза на свободное передвижение по территории государств-членов, на участие в местных выборах и выборах в Европарламент по месту жительства, на обращение в Европарламент, на обжалование действий институтов и органов ЕС через специально учрежденного омбудсмена;
- были учреждены новые органы – Счетная палата, Комитет регионов, Европейский валютный институт (предшественник Европейского центрального банка);
- существенно дополнилась компетенция ЕС, в том числе в сферах образования, здравоохранения, защиты потребителей, исследований и технологического развития, защиты окружающей среды, сотрудничества для содействия развитию, создания трансъевропейских сетей по транспорту, телекоммуникациям и энергетике;
- детально разработаны процедуры создания экономического и валютного союза, изложенные как в самом Договоре, так и в текстах семи протоколов к нему: предусматривались три этапа подготовки к введению единой валюты, жестко регламентировались финансовые обязательства членов ЕС по соблюдению установленных для этого критериев[140].

Таким образом, к коммунитарным структурам ЕС перешли некоторые функции по регулированию различных сфер общественной жизни, а у Сообщества “появилось новое политическое измерение”[141]. С другой стороны, доминирующее значение во второй и третьей составляющих имел межгосударственный метод. Данное обстоятельство послужило причиной того, что Договор о ЕС был оценен многими исследователями как результат многочисленных компромиссов, достигнутых в определенных экономических и

политических условиях. В этом контексте Европейский Союз рассматривался и в качестве квазигосударственного образования федерального или конфедеративного типа, и в качестве особой международной организации[142], и в качестве поэтапного процесса, проходящего в рамках установленной организационной организационно-процедурной структуры[143]. Однако, ни один из этих подходов не содержал однозначного ответа на вопрос, каким является правовой статус Европейского Союза. Это, в свою очередь, давало повод для разработки самых разных сценариев дальнейшего развития процессов европейской интеграции - от федералистических до атлантических и множественных[144].

По мнению профессора Д. Сиджански, в рамках Европейского Союза “при существующей тенденции к унификации и следованию общей модели заметно стремление сохранить историческое наследие и национальную или региональную идентичность”[145]. Совместить оба этих течения может только федералистский подход.

Известно, что этому подходу противостоит конфедералистский подход. Его сущность состоит в том, что страны соглашаются сотрудничать между собой не с целью создания нового государства, которое поглотило бы их всех, а в том, чтобы построить сотрудничество суверенных государств на основе конфедеративных отношений, при которых они сохранили бы собственные национальные структуры. Как мы уже отмечали, этот принцип лежит в основе деятельности Совета Европы.

Кроме того, этот принцип лежит и в основе того, что именуется второй и третьей опорами ЕС – общая внешняя политика и политика безопасности, а также сотрудничество в областях правосудия и внутренних дел. Задачи, которые решает Союз в данных областях, составляют предмет межправительственного сотрудничества, хотя это, безусловно, и не исключает возможности продвижения к более тесной интеграции в тех же областях на какой-то более поздней стадии[146].

Федералистский подход, со своей стороны, преследует цель преодолеть традиционные различия между национальными государствами. Осознано, что несовершенства внутренней жизни и международного сосуществования, специфические недостатки системы национального государства и угроза доминирования одного государства над другим (слишком известный феномен в европейской истории) могут быть преодолены только тогда, когда отдельные государства сольют свои частные суверенитеты в наднациональном сообществе. Результатом станет Европейская федерация, в которой общая судьба ее народов – при сохранении их индивидуального облика – становится управляемой, а их будущее – гарантируется общими властями[147].

Следует отметить, что выбор федералистского подхода в качестве модели развития европейской интеграции одновременно означает предпочтение коммунитарного пути развития Союза, и наоборот. Интересно, что близкими по смыслу являются даже сами понятия “федерализм” и “коммунитаризация”. Так, термин “федерализм” происходит от лат. foederatio – “союз”, “объединение” и представляет собой форму государственности, в основе которой лежат принципы формирования геополитического пространства государства как единого целого и территориальных членов федерации[148]. О понятии “коммунитаризации” подробно говорилось выше, напомним лишь только о том, что это слово берет свое начало от существительного *communité* (фр.), также обозначающего “союз”, “объединение”.

В этой связи целесообразным нам представляется вывод о параллельном и очень тесном развитии процессов федерализации и коммунитаризации, поскольку благополучное развитие первого из них во многом определяет успех второго.

Как обстоит дело на сегодняшний день в плане развития этих процессов?

По существу, Европейский Союз – плод федералистского подхода, хотя и в несколько модифицированной форме. Превращение ЕС в федеративное сверхгосударство, безусловно, встречает сопротивление существующих государственных систем.

Если обратиться к истории интеграции, то мы увидим, что государства-члены не желали

полностью отказаться от национальной государственности, которую они едва успели вернуть и укрепить после окончания второй мировой войны, и пожертвовать ею в пользу Европейской федерации. Вновь пришлось искать компромисс, который, кстати, по выражению американского ученого Джона Эрмана, является “столь естественным для успешного политика”[149]. Сущность этого компромисса тогда заключалась в следующем: не требуя создания федеральной структуры, обеспечить больше чем простое сотрудничество на конфедеративных началах. Найденное решение, одновременно и блестящее и простое, заключалось в том, чтобы преодолеть разрыв между национальной автономией и Европейской федерацией постепенно. Вместо того, чтобы в один момент полностью отказаться от суверенитета, государствам-членам предлагалось лишь отбросить догму его неделимости[150].

В Договорах о создании трех сообществ, а также в последующих Договорах, где первоначально достигнутые договоренности изменялись и дополнялись, было отражено решение, в каких областях государства-члены должны были отказаться от доли своего суверенитета в пользу наднационального сообщества.

Проблема состояла в том, что государства-члены Сообщества, с одной стороны, сохраняли свое право и не собирались отказываться от него, а с другой – соглашались с тем, что в определенных сферах и установленным образом должно происходить сближение национально-правовых систем.

Следует принимать во внимание, что правовая политика сообществ отнюдь не нацелена на то, чтобы заменить национальное право правом сообществ или иной искусственно созданной системой, и не в целях создания централизованного государства с жесткими структурами. Ее главная цель состоит в распределении полномочий между Сообществом и государствами-членами по трем основным направлениям, на что и нацелен включенный в Маастрихтский договор принцип subsidiarity[151]:

1. Исключительные полномочия ЕС;
2. Совместные полномочия;
3. Полномочия, которые государства-члены сохранили за собой.

Показательным в этом отношении являются результаты опроса “Евробарометра”, проведенного Комиссией в конце 1993 г. в тогдашних 12 государствах с целью выяснения вопроса: “Должны ли решения приниматься Европейским Союзом или национальными правительствами?” Полученные данные показали, что люди предпочитают совместные европейские решения во всех тех областях, где проблемы выходят за национальные рамки – например, иммиграция, предоставление политического убежища, охрана окружающей среды, внешняя политика, борьба с наркотиками, научные исследования, сотрудничество со странами “третьего мира”. С другой стороны, большинство опрошенных хотят, чтобы решения, которые касаются их гораздо более непосредственно, а именно – вопросы образования, здравоохранения, социального обеспечения, безработицы, культурные вопросы и т.д., – остались в ведении их национальных правительств[152].

Подобное мнение граждан было поддержано и бывшим в то время председателем Комиссии Ж. Сантером, который, выступая перед членами Европейского парламента в январе 1995 г., заявил, что “межправительственный процесс принятия решений по вопросам иммиграции и преступности должен быть заменен на традиционный коммунитарный метод”[153].

Распределение полномочий, как показывает практика, - сложный процесс, в основе которого лежат интересы государств[154]. Эти государства идут на передачу полномочий Сообществу лишь тогда, когда они обеспечивают получение позитивного результата. И наоборот, занимают непоколебимую позицию, когда такая передача может задеть их политические и экономические интересы. В связи с этим в рамках Европейского Союза, несмотря на формальное закрепление и распространение коммунитарного метода[155], предполагающего принятие решений на уровне Союза, продолжает оставаться жизнеспособным межгосударственный подход. “Межгосударственный подход

подразумевает образ действий, сохраняющий в неприкосновенности власть национальных государств, - отмечают американские исследователи У. Никол и Т. Сэлмон. – Он опирается на единогласие в принятии решений и избегает ограничений, характерных для институциональных полномочий Комиссии, которая впрочем, не является правительством. В межправительственном подходе скрыто также стремление избежать контроля со стороны Европейского Суда”[156].

Главным воплощением межгосударственного начала является Совет министров, который состоит из представителей государств-членов, отстаивающих свои национальные интересы. До сих пор он играет в системе институтов ЕС ключевую роль. Именно Совет министров издает законодательные акты: регламенты, обязательные для стран-участниц и включаемые в их национальное законодательство, и директивы, тоже обязательные для них, но лишь по содержанию, а не по методам их реализации, выбор которых остается за национальными правительствами. Кроме того, он принимает решения по конкретным вопросам, адресованным как государствам-членам, так и другим субъектам права. Однако Совет министров не обладает правом законодательной инициативы: оно принадлежит КЕС.

На наш взгляд, в качестве основных причин, препятствующих утверждению коммунитарного метода как основы организации европейской интеграции, можно назвать следующие (причем заметим, что располагаем мы их в порядке, при котором каждая последующая причина является логическим продолжением предшествующих):

1. Защита прерогатив национальной власти от излишних федеративных устремлений Союза.
- Зачастую можно услышать мнение, что основным стремлением ЕС является лишение государств большей части их суверенитета. В общем-то, так оно и есть. Однако многие воспринимают это как одностороннюю потерю власти, делегирование суверенитета, которое взамен не позволяет получить каких-либо преимуществ. Так, согласно опросу общественного мнения, проведенного в уже в 1999 г. в 15 европейских странах институтом IPSOS[157], только 39% выходцев из ЕС поддерживают мнение, согласно которому “необходимо расширить полномочия Европы, даже если это приведет к уменьшению суверенитета”. Наоборот, 48% опрошенных считают, что “нужно сохранить суверенитет (их) страны, даже если это приведет к ограничению полномочий Европы”, 13% воздержались. Только бельгийское население благодаря небольшому перевесу в 1% (39% против 38%) предпочитает первый вариант второму, все же остальные граждане, за исключением испанцев, мнения которых разделились поровну (по 40%), высказались за защиту национальных прерогатив. Наиболее отверженными защитниками суверенитета оказались греки, за которыми идут британцы и французы.

Такое же отношение проявилось во время дискуссий по поводу евро. Имели место многочисленные движения протеста, некоторые государств сетовали на то, что не смогут больше печатать деньги, другие, которые имели сильные денежные знаки, открыто беспокоились о том, что они вынуждены отказаться от предмета их национальной гордости. Например, в Германии некоторые силы, близкие к более националистическому крылу немецких правых, при поддержке известных экономистов делают все возможное, чтобы поддержать враждебное отношение к евро. Примерно то же самое можно сказать про Данию, которая, проголосовав в июне 1992г. против Маастрихтского договора, осенью 2000 г. высказалась против евро[158].

Перечень таких примеров можно было бы продолжить, однако, и на основе двух приведенных выше, нетрудно заключить, что подобные действия, направленные на защиту прерогатив национальной власти, создают реальный противовес процессу коммунитаризации, поскольку речь идет о болезненном расставании с теми компетенциями, которые прежде определяли суверенную силу государств.

2. Исключения, которые делаются для отдельных стран и символизирующие собой развитие Европы по сценарию “разных скоростей”.
- Характерным примером подобных исключений являются Великобритания, Дания и Северная Ирландия, для которых не раз делалось изъятие их общего правила. Так, до своего заявления о присоединении к третьему этапу ЭВС, Великобритания сохраняла свои полномочия в области валютной политики в соответствии с национальным законодательством; ни в коем случае не желала вступать в Шенгенское соглашение, настаивая на сохранении полностью своего контроля за пересечением национальных границ; присоединилась к коммунитарной социальной политике лишь с принятием Амстердамского договора и т.д.

Интересно упомянуть и еще об одном обстоятельстве. Во время переговоров “Agenda 2000”, которые должны были определить размер финансовых взносов государств-членов на период с 2000 по 2006 г., Г. Шредер потребовал возмещения немецкого взноса ЕС, по примеру М. Тэтчер, которой раньше удалось уменьшить размер финансового участия Великобритании в Европе. Однако, если это было неувидительно со стороны Великобритании, от Германии такого мало кто ожидал, поскольку она всегда занимала проевропейскую, прокоммунитарную позицию. И хотя канцлер был вынужден отступить от своих требований, у него отчетливо проявилась тенденция привилегированной защиты национальных интересов в ущерб европейским, стремление добиться исключения из правил для своего государства.

3. Составляющие единицы ЕС часто видят в Европе угрозу для культурной идентичности.
- Данное обстоятельство также содержит в себе причину, препятствующую укоренению коммунитарного принципа. Дело в том, что в Европе так и не было разработано целостной культурной политики, в связи с чем преобладающей на европейской территории является тенденция “замыкания в себе”. Таким образом, предпочтение отдается “культурному исключению” в самом узком смысле слова или даже минимальной культурной политике, которая, по мнению доктора политических наук, француза Ж. Казазюса, “имея вполне понятные, но едва ли легитимные побудительные мотивы, рискует привести к обратному эффекту: к враждебной реакции на всякую попытку культурного строительства в Европе”[159]. Поэтому логичным в данном случае представляется нам вопрос об эффективности принципа субсидиарности, который нацелен на сохранение врожденного разнообразия отдельных стран, регионов и культур объединенной Европы. Только в этом случае она может быть сильной и жизнеспособной.
4. Неопределенность формулировки принципа “субсидиарности”, где не содержится четких критериев разграничения компетенций Европейского Союза и государств-членов.
- В самом деле, ст.3 Договора о ЕС оговаривает: “Согласно принципу субсидиарности, сообщество вмешивается в деятельность в тех областях, которые выходят за рамки его исключительных полномочий, только в случае, когда цели предусмотренных предприятий не могут быть достигнуты силами стран-членов, тогда как их осуществление представляется более эффективным на уровне сообщества по причине размаха или же результатов предусмотренных мероприятий. Деятельность сообщества не идет вразрез с тем, что необходимо для достижения целей настоящего договора”.

Однако четко ли этот принцип определяет распределение полномочий? Позволим себе усомниться в этом, поскольку договорные условия, выработанные различными межправительственными конференциями, изобилуют нерешенными вопросами. Рассмотрим, например, случай с Германией, где традиционное определение этого принципа не ограничивается лишь высшими конституционными органами, например Европейским Союзом. Напротив, он в равной степени распространяется на земли, что означает принятие в расчет сообществом поручений и издержек национальных

административных учреждений, которые не всегда характерны для остальных государств-членов Европейского Союза.

Более того, необходимо отметить, что действовать согласно принципу subsidiarity – значит учитывать политическую роль не только административных учреждений, но и жизненно важных сил общества, начиная с семьи, также принимая в расчет ассоциации, которые имеют право самоопределения и не находятся под опекой государства.

Другими словами, в силу того, что Сообщество состоит из стран, находящихся на различных уровнях развития и резко отличающихся друг от друга по своим возможностям и потенциалам, то выработка каких-то общих критериев subsidiarity в рамках всего Сообщества становится затруднительной. Следовательно, не всегда однозначно можно решить проблему о том, какие вопросы следует без сомнений решать на союзном уровне и коммунитарным способом, а какие отнести к непосредственной компетенции национальных правительств.

5. Государства-члены зачастую не очень доверяют Комиссии ЕС (как лидирующему органу при принятии решений) вопросы об отнесении тех или иных интересов к категориям национальных либо европейских, в результате чего Совет Министров ЕС имеет шансы занять место Комиссии.

- Главной причиной критики этого органа является нехватка прозрачности в деятельности Комиссии. В результате крупнейшего институционального кризиса в марте 1999 г., который привел к отставке “Комиссии Сантера” после того как были обнаружены случаи коррупции, в настоящее время Комиссия под руководством Р.Проди вряд ли сможет получить те же полномочия, что имела раньше. Как считают исследователи европейских институтов Т.А. Борзель и Т. Риззе, “то, в чем обвинили Комиссию Сантера, присутствовало все время существования “европейской бюрократии”. По всей видимости, активное участие Комиссии в принятии судьбоносных решений и ее лидирующее положение в процессе интеграции в момент строительства ЭВС возродило идеи о едином супергосударственном органе в лице Комиссии. А это могло заставить национальные правительства, - продолжают Т.А. Борзель и Т. Риззе, - попробовать поставить под контроль амбициозные тенденции, проявившиеся в усилении роли Комиссии, которой государства не очень доверяют решать, что есть национальные и европейские интересы и как их согласовывать”[160].

- В этой связи, вероятно, что за Комиссией останутся такие сферы, как единый рынок, конкурентная политика, сельскохозяйственная политика, помощь регионам и некоторые другие, в то время как внутренняя политика и политика в сфере правосудия станет, скорее всего, предметом споров о разграничении полномочий между Комиссией и Советом Министров.

Как известно, Европейская Комиссия воплощает в себе наднациональное начало в европейском строительстве, которая выражает наибольшую заинтересованность в распространении коммунитарного метода. Комиссия, как, впрочем, и Европейский парламент и Суд ЕС, призваны отражать и защищать интересы европейской интеграции от каких бы то ни было посягательств на юрисдикцию и полномочия Союза со стороны государств-членов. Об этом, в частности, говорят и учредительные договоры, согласно которым Комиссия выполняет функции стража европейской законности, добиваясь неуклонного осуществления постановлений как первичного, так и вторичного права[161].

По нашему мнению, все эти условия обеспечивают важную роль КЕС в интеграционном процессе. Комиссия была особенно сильной при Ж.Делоре. “В законодательном процессе Сообщества башмаки Европейского правительства для Комиссии слишком велики, - пишет британский федералист Дж. Пиндер. – Однако, она все же играет здесь важную роль, и в период первых успехов ЕЭС ее часто называли мотором Сообщества, оставляющим позади Совет министров. Среди главных достижений, породивших эту метафору, были ускорение создания таможенного союза, реализация совместной аграрной политики и завершение торговых переговоров в рамках раунда

Кеннеди”[162]. Преодолевая косность и сопротивление националистических и традиционалистских сил, она призвана продвигать процесс коммунитаризации все дальше и дальше.

Ситуация, произошедшая в 1999 г. с Комиссией Сантера, о которой уже упоминалось выше, безусловно привела к ослаблению роли этого органа в процессе европейского строительства. Комиссия под руководством Р. Проди вряд ли сможет, несмотря на заявления о грандиозных планах, получить те же полномочия, что Комиссия имела раньше, особенно, при постоянном упоминании о необходимости придать большую прозрачность деятельности Комиссии. Вероятно, потребуется время, чтобы вновь вернуть утраченное доверие, являющееся, в свою очередь, символом веры в процесс коммунитаризации не только со стороны политического истеблишмента, но и рядовых граждан государств-членов ЕС.

На наш взгляд, трудно давать какие-то определенные варианты, которые способствовали разрешению вышеперечисленных проблем и успеху процесса коммунитаризации. Принуждение? Но этот принцип противоречит демократическим устремлениям Европейского Союза. Принцип “пряника”? Но здесь велика вероятность усиления анархических тенденций и возможность злоупотребления таким положением. Обе названные выше точки зрения, как представляется, абсолютизируют отдельные стороны и моменты правовой системы в целом. Между тем, истина, видимо, лежит, как и во многих других случаях, где-то посередине.

Действительно, при подготовке Амстердамского договора участники его разработки приложили немало усилий к тому, чтобы упорядочить систему принятия решений, подчинить ее более строгим правилам[163], принимая одновременно во внимание необходимость демократизации этой процедуры и расширения роли представительных учреждений как на уровне ЕС, так и на национальном уровне[164].

В целях смягчения встречающихся на этом пути противоречий и более плавного перехода к федеративному устройству ЕС в Амстердамском договоре содержится уточнение принципа “субсидиарности”. Если в Маастрихтском договоре речь шла о том, что ЕС в своих действиях не должен выходить за пределы того, что необходимо для достижения данной конкретной цели, то теперь говорится, что ЕС “должен принимать законы только в пределах необходимости”. Иначе говоря, все остальные проблемы должны решаться на более низких уровнях – национальных или даже на уровне административных регионов внутри государств. Подтекст этого принципа состоит в том, что решения должны приниматься на уровне, как можно более близком к гражданам Союза, то есть, чтобы в максимальной степени учитывать их интересы.

На практике это выражается в заметном снижении числа проектов регламентов и директив, направляемых Комиссией в Совет министров ЕС. Если в 1990 г. их было около 60, то уже в 1997 г. – менее 10. Общее же число проектов документов, выносимых на рассмотрение Совета министров, сократилось с 800 до 500. Многие экономические проблемы теперь решаются на негосударственном уровне, например, путем соглашения между профсоюзами и предпринимателями, что не вызывает необходимости принимать законодательные акты на уровне ЕС[165]. Так шаг за шагом балансируются национальное и наднациональное начала в системе ЕС.

В качестве наиболее реального варианта снятия противоречий нам видится реформа институциональной системы ЕС. Последовательно проведенная, она, на наш взгляд, могла бы оказаться новым компромиссом, “золотой серединой” между сторонниками коммунитаризации Европы, то есть сторонниками централизации функций управления и контроля на уровне ЕС и их противниками, стоящими на позициях межгосударственного подхода и отстаивающими суверенные права государства.

Тем не менее, мы считаем, что до тех пор, пока государства-члены сами не осознают позитивной роли и плодотворных результатов действия коммунитарных структур и их основополагающего принципа супранационализма, и пока право сообщества не будет

отражать так называемый баланс собственных интересов и интересов государств-членов, именно до этих пор не будет найдена та “золотая середина” во взаимоотношениях между уровнями европейской системы, которая снимет вопросы и о распределении полномочий, и об эффективности их реализации, и о выборе дальнейшего пути развития Европейского Союза. Достигнет ли ЕС той степени единства, которая позволит ему прочно встать на путь коммунитаризации, остается пока вопросом

Отметим, что формирование коммунитарной системы в рамках Европейского Союза на всех этапах его развития происходило в условиях противоборства с межгосударственным подходом, отражающим противоположную точку зрения относительно конечного результата завершения европейской интеграции. На наш взгляд, итог борьбы этих подходов между собой определяет, в конечном счете, будущее Европы.

Основным показателем коммунитаризации как процесса передачи отдельных полномочий в ведение Сообществ и распространения на них юрисдикции Суда ЕС служит европейское (или коммунитарное) право. Реальностью становится подлинно единое европейское правовое пространство. Регионы Европы при всей своей специфике равны перед законом и действуют в едином правовом поле ЕС при минимуме исключений из этих правил, которые могут лишь противопоставлять их друг другу, препятствуя тем самым и процессу коммунитаризации.

Интеграционные процессы, разворачивающиеся в Западной Европе с 50-х годов, получили в 90-е годы особый характер и значение. Сегодня ЕС находится на пороге нового принципиального периода своей истории. Этот новый этап интеграции порождает ряд противоречий и открытых вопросов, касающихся облика Европейского Союза в настоящем столетии. На наш взгляд, все более реальной становится перспектива утверждения в ЕС коммунитарного варианта развития сообщества: уже сегодня происходят процессы, связанные с созданием интегрированного сообщества большинства европейских государств с системой управления, включающей наднациональные институты, согласованной внешней политикой, единой системой безопасности, общей валютой, консолидированным экономическим и социальным пространством, и, что, наиболее важное, с единым правовым режимом.

Европейский интеграционный процесс является одним из наиболее действенных и впечатляющих факторов, характеризующих развитие современной системы международных отношений. Ключевым понятием, идентифицирующим тенденции общеевропейского развития, является процесс коммунитаризации, суть которого заключается в передаче полномочий суверенных государств на коммунитарный, европейский, уровень и под юрисдикцию Суда ЕС. Спектр направлений коммунитаризации, как удалось выяснить в ходе настоящего исследования, включает как правовые, так и политические, экономические и социальные моменты. Каждое из перечисленных направлений по-своему трактует смысловое ядро коммунитаризации в традиционном понимании, однако, неизменным остается ее сущностный элемент - передача полномочий на наднациональный уровень. В результате этого на большей части европейского континента формируется единое экономическое, политическое, правовое и социальное пространство.

Процесс коммунитаризации в западноевропейском регионе носит объективный и закономерный характер. В период “холодной войны” коммунитарная политика в Западной Европе носила отчетливо выраженный защитный характер и представляла собой естественную форму выживания стран региона в условиях противостояния двух сверхдержав. Фундаментальные геополитические сдвиги, вызванные крахом коммунистических государств, завершение “холодной войны”, процессы глобализации

экономики и политики, технологические, экологические и демографические вызовы – эти факторы оказали влияние на все народы и государства. По понятным причинам в первую очередь они затронули страны Европы. Был поставлен вопрос не только о сохранении, а тем более укреплении, позиций ЕС в мировой экономике и политике, но, в перспективе, и само выживание европейской цивилизации. Ответом на это стала новая стратегия углубления и расширения европейской интеграции, стержнем которой явилась коммунитаризация. Эта стратегия, наиболее характерные черты которой были намечены уже в Едином Европейском Акте, получила свое закрепление в Договоре о Европейском Союзе (1992), и обновленных вариантах, в Амстердаме, Ницце и Лиссабоне, а также в целом ряде документов Европейского совета ЕС, касающихся расширения ЕС.

В Европейском Союзе в беспрецедентных масштабах произошло наделение его институтов суверенными полномочиями, свойственными государственной власти. Образованному в соответствии с Маастрихтским договором Евросоюзу предстояло упразднить внутренние границы общего пространства, ввести единую валюту, перевести в свою компетенцию не только внешнюю политику и безопасность, но и военные вопросы. Значительно укреплялись коммунитарные элементы: в рамках первой составляющей - это расширение применения процедуры принятия решений в Совете квалифицированным большинством голосов; укрепление позиций Европейского парламента, который получил право одобрять назначение членов Комиссии, участвовать в процедуре совместного (с Советом) принятия решений по определенному кругу вопросов, вносить в Комиссию предложения по разработке законодательных предложений; введение понятия гражданства; учреждение новых органов – Счетной палаты, Комитета регионов, Европейского валютного банка (предшественника Европейского Центрального банка); расширение компетенция ЕС на сферы образования, культуры, здравоохранения и т.д.; наконец, детальная разработка процедур создания экономического и валютного союза. В рамках второй составляющей (а также третьей опоры) – распространение коммунитарного подхода имело свою специфику. В Договоре о ЕС доминирующее значение для этих опор имел межгосударственный подход, направление в сторону коммунитаризации только намечалось. Так, раздел V Договора о ЕС предусматривал, что государства-члены будут проводить скоординированную и согласованную внешнюю политику. Для этого они разрабатывают и принимают на основе единогласия ее общие направления, общие позиции и совместные действия. При реализации совместных действий Совет мог определить те вопросы, по которым решения в дальнейшем (!) принимались бы квалифицированным большинством. Впервые в контексте западноевропейских интеграционных процессов появились положения, относящиеся к сфере безопасности и обороны. Кроме того, одной из целей сотрудничества на данном направлении становилось формирование “в конечном итоге общей оборонной политики, которая могла бы быть преобразована со временем в общую оборону”.

Не менее радикальный характер имели положения третьей опоры, отвечающей за сферу правосудия и внутренних дел. Новый раздел VI Маастрихтского договора, посвященный этой теме, устанавливал, что в целях достижения свободного перемещения рабочей силы – государства-члены будут совместно решать такие вопросы, как предоставление убежища, контроль на их внешних границах, вопросы визовой политики, регулирования иммиграции, борьбы с наркобизнесом и организованной преступностью (учреждалось Европейское полицейское ведомство – ЕВРОПОЛ). И в этих случаях предполагалось, что основным принципом принятия решений будет единогласие, но отдельные акты Совета о совместных действиях могли быть приняты квалифицированным большинством голосов.

Позже, в середине 90-х годов прошлого столетия с принятием Амстердамского договора происходит существенное перераспределение функций и расширение компетенции институтов ЕС в сфере ОВПБ, то есть происходит значительное сужение сферы межгосударственного сотрудничества на фоне развития коммунитаризации. Как и в других случаях, принятию решений о дальнейшей коммунитаризации предшествовала

большая работа по сближению различных позиций государств, часть которых было изначально готова продолжить развитие коммунитарного подхода в рамках институциональной структуры ЕС, другие же выступали против него. Окончательные формулировки стали результатом компромисса, в рамках которого впервые в истории европейской интеграции было легализовано понятие “продвинутого сотрудничества” или “гибкости”, о чем шла речь во второй части настоящей работы.

Амстердамский договор предусматривает, что значительная часть функций государств-членов, содержащаяся ранее в разделе VI Договора о ЕС, перенесена в новый раздел IV (III а) ДЕС “Визы, убежище, иммиграция и другие меры, связанные со свободным перемещением лиц”. В частности, из девяти направлений, которые выделялись как представляющие общий интерес по Маастрихтскому договору, семь блоков – свободное перемещение лиц, устранение контроля на внутренних границах, иммиграция и предоставление убежища, визовая политика и защита прав граждан третьих стран, правовое сотрудничество по гражданским делам, таможенное сотрудничество, борьба с мошенничеством и злоупотреблениями, затрагивающими финансовые интересы Сообщества - переходят из сферы межгосударственного сотрудничества в сторону коммунитаризации, то есть в компетенцию ЕС. Это означает, что при подписании Амстердамского договора государства-члены согласились с тем, что указанные вопросы в будущем будут регулироваться в рамках принципов функционирования общего рынка, то есть инициатива по разработке законодательных мер будет принадлежать Комиссии, решения будут приниматься Советом, в том числе квалифицированным большинством голосов, при этом в рамках процедуры совместного принятия решений предполагается активная роль Парламента, эти сферы подпадают под компетенцию Суда ЕС.

Ниццкий договор, подписанный в результате саммита глав государств и правительств в декабре 2000 года, также продемонстрировал усиление тенденций в сторону коммунитаризации. Лиссабонский договор от 13 декабря 2007 г. находится еще в стадии ратификации, так что о характере вносимых им изменений судить еще рано. Таким образом, в настоящее время происходит существенное делегирование государствами-членами в пользу институтов ЕС “своих” полномочий, а это значит, что в интеграционном процессе, преодолевая многочисленные препятствия и проблемы, получает свое дальнейшее распространение коммунитарный подход.

Необходимо также отметить, что изучение опыта европейской интеграции также привело нас к выводу о том, что успешная реализация коммунитарного принципа на практике возможна лишь при наличии определенных условий, предполагающих: во-первых, наличие прочного фундамента, на котором строится процесс европейской интеграции, требующий, в свою очередь, выполнение определенных факторов, оказывающих влияние на его ход; во-вторых, наличие сильной политической воли всех объединяющихся государств; наконец, в-третьих, готовности участников процесса к согласованию общих и частных интересов. Два последних аспекта, по нашему мнению, связаны с точкой зрения, что процесс коммунитаризации предполагает определенные выгоды. Это означает, что воля и готовность “коммунитаризироваться” имеет смысл только в том случае, когда у стран-членов (помимо объективных предпосылок для интеграции), имеются потребности, которые легче удовлетворить вместе, и главное, когда эти потребности во многом совпадают.

Будучи коллективным инструментом, интеграция предполагает коллективные методы управления. В рамках объединения одна страна или группа стран не может постоянно навязывать свою волю другим членам. На опыте ЕС видно, что принцип “кто платит, то заказывает музыку” в интеграции не проходит. Германия, например, не может провести в Совете выгодное ей решение, не вступив в коалицию, по крайней мере, с еще четырьмя государствами, хотя ее взнос в ЕС неизмеримо больше, чем вклады других участников.

В интеграции нет места ни диктату, ни иждивенчеству. Более слабым странам, конечно, может выделяться помощь из коллективных фондов, однако эти средства должны идти на

четко оговоренные цели. В целом объем такой помощи ограничен не финансовыми возможностями благополучных участников группировки, а их готовностью израсходовать средства на реализацию своих собственных (очевидно, средне- и долгосрочных) целей, связанных с социальным и экономическим сплочением интеграционной группировки. Другими словами, они будут платить за развитие более слабых партнеров, если считают, что это способствует консолидации объединения и что они выигрывают от этой консолидации. Если благополучные государства не видят выгод от подобной консолидации, то принуждать их к таким выплатам и аморально, и бесполезно.

Таким образом, принимая решения о коммунитаризации тех или иных сфер общественной жизни, государства-члены ЕС решают для себя вопросы о том, а соответствуют ли цели коммунитаризации возможностям и интересам сторон, и может ли она дать каждому из участников столько выгод и преимуществ, чтобы компенсировать связанные с коммунитаризацией издержки.

Еще одним выводом, к которому мы пришли в процессе исследования является утверждение, что процесс коммунитаризации в Европейском Союзе, несмотря на свою закономерность и объективность, не является ровным и не подверженным перепадам и кризисам. В принципе противоречия, порождаемые процессом коммунитаризации, свойственны самой его природе. Их нельзя обойти раз и навсегда, они возникают снова и снова. На страницах настоящей монографии мы показали, что вокруг коммунитаризации постоянно возникают определенного рода противоречия, которые условно можно объединить в четыре группы:

1. Первая группа противоречий связана с противоборством в процессе интеграционного развития коммунитарных и национальных интересов;

- несовпадение европейских и национальных интересов имело место быть на протяжении всей истории интеграции. Проявившись еще в ходе переговоров о создании ЕОУС, это несовпадение повторилось в еще большем масштабе при учреждении ЕЭС и Евратома, не является исключением и современная ситуация. В первой главе монографии эти проблемы подробно обсуждались. Предметом постоянных разногласий становятся различные вопросы, так или иначе касающиеся процесса коммунитаризации, дальнейшего его развития, и других связанных с этим процессом аспектов.

2. Во вторую группу входят противоречия, возникающие по линии федерализм – национальный суверенитет, а также по линии коммунитарный метод – межгосударственный подход;

- по мере развития ЕС круг вопросов, которые решаются наднациональными органами, неминуемо расширяется. Это значит, что национальные правительства все чаще должны подчиняться коллективной воле, в том числе интересам других государств-членов. Одновременно органы ЕС вынуждены отходить от практики единогласных решений и заменять ее принципом простого или квалифицированного большинства.

Иначе интеграционное объединение станет малоуправляемым и потеряет мобильность.

Между тем, передача на коммунитарный уровень функций, традиционно связываемых в общественном мнении с понятиями государственности и суверенитета, всегда проходит очень болезненно, о чем неоднократно упоминалось в ходе настоящего исследования. В 1965-1966 г. в ЕЭС с этим был связан тяжелейший кризис: Франция не соглашалась с решением других стран внедрить в Совете принцип голосования большинством. В течение семи месяцев ее представители не являлись на заседания руководящих органов Сообщества. В результате так называемого Люксембургского компромисса единогласное голосование все-таки было сохранено.

Дилемма “европейская идея – национальная идентичность” проявилась и в ЕОУС, и в последующем ходе истории интеграции. В 90-е г.г. дискуссия о соотношении коммунитарных полномочий и национального суверенитета возобновилась в связи с планами создания экономического и валютного союза. В ряде стран - Дании, Франции,

Великобритании – дебаты носили острый характер. Идея федерализации Европейского Союза и сейчас вызывает в обществе различную реакцию – от безусловного одобрения до самой резкой критики.

3. Противоречия, входящие в третью группу, концентрируются вокруг концепций “единоскоростной” и “разноскоростной” Европы;

- проблема единства и нескольких скоростей возникла в ЕС, как говорилось в данной монографии, в связи с созданием валютного союза: Маастрихтский договор впервые предусмотрел возможность интеграции на разных скоростях, оговорив право Великобритании и Дании сохранить национальную валюту. До того времени все участники ЕС продвигались вперед в едином темпе, новым членам полагалось в течение переходного периода подтянуться до уровня остального состава группировки. Как будет решаться эта проблема после грядущего расширения на восток – сказать трудно. Вероятное разделение Евросоюза на “элитную” и “второсортную” части может радикальным образом изменить лицо интеграции, повернуть вспять процесс коммунитаризации.

4. Четвертая группа противоречий связана с общественным мнением.

- не раз уже сверстанные планы Брюсселя и национальных правительств блокировались или оказывались под угрозой срыва из-за недооценки мнения “человека с улицы”. Такие проявления коммунитаризации, как открытие внутреннего рынка, сужение национального суверенитета и т.д. – все это вызывает болезненную реакцию населения. Проявляется она в разных формах: от бурных уличных протестов до вежливого “нет” на референдуме. Например, в Дании для присоединения страны к Договору о ЕС потребовался повторный референдум, а во Франции голоса сторонников и противников Договора распределились почти поровну. Перечень подобных примеров можно продолжить. Отсюда следует, что руководство ЕС и национальные власти должны поддерживать постоянную связь с гражданами. Евросоюз объявил о транспарентности своей деятельности, о проведении ее в доступных для понимания формах, что может стать серьезной предпосылкой, удостоверяющей в глазах граждан всю важность деятельности во имя коммунитарной Европы.

В своем развитии процесс коммунитаризации опирается на институциональный каркас, который позволяет конгломерату разнокалиберных стран не только вот уже почти полвека держаться вместе и улаживать расхождение своих интересов, но и продвигаться дальше по пути экономической, правовой и политической коммунитаризации, несмотря на внутренние коллизии и международные бури. Институциональная система Евросоюза не похожа ни на одну из ранее существующих. Изложенные в данной работе предпосылки исторического характера, объективные особенности государств-членов позволили заложить в учредительных договорах ЕС такой институциональный фундамент, который обеспечивал бы плавный переход от системы самостоятельных государств и системе федерального типа. В отличие от обычных международных организаций, главным элементом ЕС на всех этапах его развития был элемент наднациональности. Особенно четко этот принцип отражается в деятельности Комиссии ЕС, которая является “проводником” коммунитарного метода в Европейском Союзе. Мы выяснили, что одним из основных последствий проявления наднациональности является характер и действие правовых норм, которые возникают в связи с деятельностью ЕС. Совокупность этих норм составляет коммунитарное (или европейское) право. В настоящее время можно наблюдать тенденцию постепенной замены национальных законодательств стран-членов коммунитарным правом. Однако, этот процесс носит сложный и противоречивый характер. В монографии мы показали, что признанию судами государств-членов концепции Суда ЕС о примате и прямом применении права ЕС в национальных законопорядках предшествовал продолжительный и болезненный период адаптации. При этом в каждом государстве подобная адаптация имела свои специфические черты, что объясняется национальными традициями и обычаями, уникальностью данной территории

в целом.

Как бы то ни было, можно констатировать, что европейская интеграция выходит на качественно новый уровень развития. Основным содержанием процесса развития ЕС в ближайшее время останется движение к еще более тесному объединению стран-участниц и созданию на базе экономического, валютного, политического союзов, а также на основе коммунитарного права нового образования, эволюционирующего к системе федеративного типа. Следует отметить, однако, что внешнеполитическая составляющая интеграции, которая пока еще только дрейфует в сторону коммунитаризации, будет развиваться в этом направлении путем “мелких шагов” – сближения позиций стран-членов, поиска консенсуса и принятия совместных действий на приоритетных направлениях. Коммунитаризация сфер внешней политики и безопасности, а также внутренней политики и поддержания правопорядка означала бы практическую трансформацию ЕС в единое супергосударство федеративного типа. Но здесь предстоит преодолеть еще множество трудных рубежей. Сколько времени на это уйдет – покажет будущее. Неопределенность этой перспективы усугубляется пополнением Евросоюза все новыми членами, что всякий раз воспринимается его организмом весьма болезненно.

Постепенно осуществляется и слияние правовых систем обоих уровней – коммунитарного и внутригосударственного. В настоящее время базисные постулаты европейского права (прямое действие коммунитарных правовых актов; обязательность характера правовых предписаний ЕС; обязательная юрисдикция супранационального суда относительно всех субъектов европейского права; безоговорочный приоритет единого интеграционного права перед внутригосударственными правопорядками; взаимодополняемость с национальным правом) инкорпорированы почти всеми государствами-членами в национальные правопорядки. Данное обстоятельство является очень важным, поскольку то, как происходит признание государствами-членами коммунитарного права в качестве “своего” права, является “зеркалом” процесса коммунитаризации, поскольку от степени прочности правового фундамента европейской интеграции зависит в конечном итоге успех этого предприятия.

Реальностью становится подлинно единое европейское правовое пространство. Государства-члены ЕС при всей своей специфике равны перед законом и действуют в едином правовом поле ЕС при минимуме исключений из этих правил, которые могут лишь противопоставлять их друг другу, препятствуя тем самым и процессу коммунитаризации.

Таким образом, основной вектор общественной эволюции Европейского Союза в большей степени склоняется в сторону коммунитаризации. Реальные процессы “евростроительства” в начале текущего столетия все в большей степени идут в русле формирования системообразующих признаков и атрибутов государственности Союза. Создаваемая сверхструктура пока не имеет конкретной политико-правовой формы государственного устройства, однако, на наш взгляд, она в большей степени склоняется к федеративному устройству. Развивается процесс становления институциональных основ строящегося супергосударства. На данном этапе отрабатываются важнейшие принципы организации и деятельности органов Союза, среди которых коммунитарный принцип занимает одну из ключевых позиций.

Есть все основания полагать, что процесс коммунитаризации в Европейском Союзе носит необратимый характер и будет продолжен в наступившем столетии. Этот процесс уже невозможно остановить – его можно лишь замедлить, или, что более вероятно, сделать его двух – или трехскоростным, когда основное ядро Европы будет идти вперед, не сбавляя темпов, а периферийные его члены будут подтягиваться к нему в меру своих возможностей с некоторым опозданием. Процесс этот будет долгим и нестабильным. Реальное интеграционное взаимодействие в рамках ЕС по коммунитарному принципу, если исключить возможность возникновения каких-либо экстремальных ситуаций, будет развиваться по синусоиде – от периодов динамичного

развития, которые будут сопровождаться пионерными, прорывными решениями, к промежуткам застоя, в которых будут доминировать рутина и переговорные сложности. К первому Евросоюз притягивают долговременные интересы его членов, ко второму - некоторые объективные обстоятельства, трудности и противоречия. Но все это – лишь проявления истории, а они, как известно, имеют преходящий характер. Представление о процессе европейской интеграции как качественно изменяющемся, восходящем поступательном движении от менее развитых форм существования к более совершенным, не утратило своей актуальности. А это значит, что когда-нибудь коммунитарный подход, которому мы отдаем предпочтение и признаем его преимущество над межгосударственным подходом, будет официально признан стратегией всех направлений общественной жизни Евросоюза.

Примечания:

1. Обердорфф А. “Политическое становление Европы”./ Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Сб. научн. ст./ Научн. ред. С.И. Паньковский. – Мн., 2001. – с. 13.
2. О сущности коммунитаризации см. ниже.
3. “Multilingualism” (англ.) – многоязычие.
4. См.: А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. Общая терминология: терминологическая деятельность. М., - 1993. С.8.
5. Wuester E. Im Geleitwort zu: Drozd/Seibicke. – 1973. S.VIII/IX.
6. Fluck H. Fachsprachen.- München, 1980. S. 160-179.
7. Борко Ю.А. Что такое Европейский Союз. Некоторые основные сведения, 1950-2000. – М., 2000. С.3.
8. Otto W. Erwartungen an die Rechts- und Verwaltungssprache der Zukunft//Muttersprache.- 1982. S.311.
9. Европейское право. Учебник для вузов/Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.М.Энтина. – М., 2001. С.31.
10. Explanatory note on the Community Method. MEMO/02/102, Brussels, 22.05.2002./http://www.europa.eu.int.
11. Explanatory note on the Community Method. MEMO/02/102, Brussels, 22.05.2002./http://www.europa.eu.int.
12. Ю.А.Борко “Социальные аспекты интеграции”//Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития. Под ред. Ю.А.Борко и О.В.Буториной. – М., 2001. С.131.
13. Schumacher E. Der Wortschatz der europäischen Integratuion. Eine onomasiologische Untersuchung des sog. „europäischen Sprachgebrauchs“ im politischen und institutionellen Bereich. - Düsseldorf,1976. S.228.
14. О сущности этих противоречий см. подробнее: Шемятенков В.Г. “Quo vadis Europa: Европейский Союз перед историческим выбором.”// Европа: вчера, сегодня, завтра. М., 2002, с.309-312.
15. Подробнее см. об этом: С. Погорельская “Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии”//МЭМО, 2000, №1. С.89-95.
16. Новинская М. “Коммунитарная парадигма: модификация левой идеи в западной политической культуре”// МЭМО, 2000, №4. С.36.
17. См. например, Шемятенков В.Г. “Quo vadis Europa: Европейский Союз перед историческим выбором.”// Европа: вчера, сегодня, завтра. М., 2002, с.312.
18. “Journal of Community and Applied Social Psychology”. Vol.7.№1. February 1997. P.11.

19. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: От Европейского сообщества до Европейского союза. М., 1998. С.34 – 78.
20. Новинская М. “Коммунитарная парадигма: модификация левой идеи в западной политической культуре”// МЭМО, 2000, №4. С.36.
21. Etzioni A. The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Society. N.Y., 1996. P.4.
22. Etzioni A. The Spirit of Community. L., 1995. P.X.
23. Gaudin T. Les metamorphoses du futur. Essai de prospective technologique. Paris, 1988. P. 2.
24. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and Creation of Prosperity. N.Y., 1996. P.11.
25. Etzioni A. The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Society. N.Y., 1996. P. 12.
26. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and Creation of Prosperity. N.Y., 1996. P.10.
27. Общеввропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов./Под ред. Л.И.Глухарева и В. Страды. М., 1995. С.45-46.
28. Castells M. The Power of Identity. Oxford, 1997. P.357.
29. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and Creation of Prosperity. N.Y., 1996. P. 273.
30. Новинская М. “Коммунитарная парадигма: модификация левой идеи в западной политической культуре”// МЭМО, 2000, №4. С. 41.
31. В.Иноземцев, Е. Кузнецова. “Объединенная Европа на пути к лидерству в мировой политике”// МЭМО, 2002, №4. С.7.
32. Bellah R. Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life. Cambridge – Philadelphia, 1986. P. 296.
33. Bellah R. Op. cit., p.286.
34. Castells M. Op. cit., p. 355.
35. Новинская М. Указ. соч. с. 39.
36. Gans H.J. Middle American Individualism. The Future of Liberal Democracy. N.Y. – L., 1988. P.66.
37. Семененко И.С. Новая модель политической системы? К вопросу об уровнях власти и управления в Европейском Союзе в свете российских проблем.// Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – с. 239.
38. См. Neunreither R. Governance without Opposition: The case of the European Union. – Government and Opposition. Vol.33, No.4, Autumn 1988, pp. 419-441.
39. См. ч.1 Главы 3 настоящего диссертационного исследования.
40. Международное право в современном мире. – М., 1991. С.57.
41. Топорнин Б. Н. “Европейское право”. Учебник. М., 1999. С. 118.
42. Там же. С. 208.
43. Иванов И. Д. “Европа регионов”, М., 1998. С. 5.
44. Борко Ю.А., Загорский А.В., Караганов С.А. “Общий европейский дом: что мы о нем думаем”. М, 1991.С. 8.
45. Топорнин Б. Н. “Европейское право”. Учебник. М., 1999. С. 34.
46. Европейская интеграция. Клаус-Дитер Борхардт “Происхождение и развитие Европейского Союза”. (Четвертое издание). Редколлегия: Борко Ю. А.(отв. ред.), Каргалова М. В., Ковальский Н. А. М., 1996. С.7.
47. См.: Европейский Союз: Путеводитель/Под ред. Борко Ю.А. (отв. ред.), Буториной О.В. – М., 1998. С.165-170; Л.А. Медведев, А.А. Синдеев. История западноевропейской интеграции. (40-90-е годы XX века). Создание европейского Союза 80-90-е гг. – Тверь, 1999.
48. Monnet, Jean. *Memoirs*, Trans. Richard Payne, London, Collins, 1978, p. 393.
49. Супранационализм, по определению, предполагает международное сотрудничество, основанное на добровольном участии трех и более наций в экономической, политической или культурной ассоциации.

50. Речь П.Хоффмана можно найти среди исторических документов на сайте Лейденского университета по истории ЕС (<http://www.let.leidenuniv.nl/history/rtg/resl/index.htm>).
51. См. Loth W. Der Weg nach Europa. Geschichte der europäischen Integration. Gottingen. 1990.
52. См. Burgess M. Federalism and European Union: the Building of Europe. 1950-200. London, New York, 2000; Pinder J. The Influence of the European Federalism in the 1950s.; Olesen T.B. Interdependence versus Integration. Denmark, Scandinavia and Western Europe, 1945-1960. Odense, 1995.
53. Mowat R.C. Creating the European Community. London, 1973.
54. Гриффитс Р.Т. Основания европейской интеграции./ Полис, №4, 2002. С.139.
55. Известно, что европейская интеграция сформировалась под влиянием двух принципиально различных подходов: “конфедералистского” и “федералистского”.
56. Европейская интеграция. Клаус-Дитер Борхардт. Происхождение и развитие Европейского Союза (Четвертое издание). Редколлегия: Борко Ю. А. (отв. ред), Каргалова М. В., Ковальский Н. А. М., 1996. С. 32.
57. Duchene F. Jean Monnet. The First Stateman of Interdependence. London, New York. 1994.
58. Loth W. Der Weg nach Europa. Geschichte der europäischen Integration. Gottingen. 1990. P. 69.
59. Выдержки из выступления по радио Р.Шумана 9 мая 1950 г. / “Полис”, №4, 2002. С.144.
60. Топорнин Б. Н. Европейское право. Учебник. М., 1999. С. 40.
61. Rapport des Chefs de Délégation aux Ministres des des Affaires etrangeres. Com intergouvernemental cree par la Conference de Messine, Bruxelles, 21 avril, 1956.
62. В настоящее время ЕАСТ включает в себя Швейцарию, Лихтенштейн, Исландию и Норвегию.
63. Стрежнева М. Институциональные формы европейской интеграции. / Заглядывая в 21-й век: ЕС и СНГ. – М., 1998, с.132.
64. Эту задачу предполагалось решить к концу 1990-х г.г. Два государства – Великобритания и Дания – зарезервировали за собой право решить вопрос об участии в ЭВС позже.
65. Kepteyn P.J.G. VerLoren van Themaat P. Introduction to the Law of the EC. – Kluwer Law International, 1998. P. 391.
66. Европейская интеграция. Клаус-Дитер Борхардт “Происхождение и развитие Европейского Союза”. (Четвертое издание) Редколлегия: Ю.А.Борко (отв.ред.), М. В.Каргалова, Н.А.Ковальский. - М., 1996. С.106.
67. Kohler – Koch, Beate. The European Union Facing Enlargement: Still a System sui generis? - Mannheim 1997. P.14.
68. H. Wallace, W. Wallace. Flying together in a larger and more diverse European Union, The Hague: Scientific Council for Government Policy.
69. В.Г. Шемятенков. Quo vadis Еуропа: Европейский Союз перед историческим выбором.// Европа: вчера, сегодня, завтра. – М., 2002. С. 309.
70. Beate Kohler-Koch “The European Union Facing Enlargement: Still a System sui generis?/ Working papers III/20. Mannheim, 1997.
71. Lepsius, M. Rainer. “Institutionenanalyse und Institutionenpolitik”/Nedelmann, Birgitta (ed) “Politische Institutionen im Wandel” Westdeutscher Verlag. 1995. P. 392 – 403.
72. Конечно, принцип наднациональности отражается и в деятельности некоторых других органов и институтов ЕС (например, в деятельности Европейского парламента), о чем мы уже говорили в предыдущих глава нашей работы.
73. Н. Шишкова. Правовые аспекты интеграции Чешской республики в Европейский Союз.// Право и политика. 2002, №3 (27), с. 77.

74. См., например, Бирюков П.Н. Европейское право: учеб.-метод. пособие, 2002, Энтин Л.М. Европейское право, 2002, Топорнин Б.Н. Европейское право, 1999, и др.
75. А. В. Клемин. “Формирование единого европейского правопорядка: некоторые итоги”// Сорок лет Римским договорам: Европейская интеграция и Россия. Материалы научной конференции 6-7 июня 1997 г. в Санкт-Петербурге / Под ред. И. Е. Лешукова (отв.ред.), Б. В. Кузнецова, А. Е. Кутейникова. – СПб., 1998. С.110.
76. Решение Суда Сообществ “Ван Генд ен Лус”, ECR. 1962. С. 1.
77. Решение Суда Сообществ “Коста против Е. Н. Е. Л.”. ECR. 1964. С.1251.
78. Н. Шишкова. Правовые аспекты интеграции Чешской республики в Европейский Союз.// Право и политика. 2002, №3 (27), с. 77.
79. Известно, что даже для инкорпорации Договора о ЕЭС в британское право потребовался специальный национальный правовой акт, которым стал Акт о европейских сообществах в 1972г.
80. Riddeay J. Les competences residuales et transitoires des Etats membres/ Melanges P.N. Teitgen. P., 1984. P. 470.
81. Хорватия, Турция и Македония.
82. Европейские соглашения были заключены с Венгрией (1991), Польшей (1991), Болгарией (1993), Чешской Республикой (1993), Словакией (1993), Румынией (1993), Эстонией (1995), Латвией (1995), Литвой (1995), Словенией (1996).
83. Этот критерий был специально уточнен Комиссией ЕС в аналитическом документе “Agenda 2000”// См. “Agenda 2000”. For a Longer and Stronger Union. European Commission. 1997. P. 32.
84. Н. Шишкова. Правовые аспекты интеграции Чешской республики в Европейский Союз.// Право и политика. 2002, №3 (27), с. 78.
85. Международное частное право. Учебник/ Под ред. Г.К. Дмитриевой. М., - 2000. С. 175 – 186.
86. К ним относятся: Конституции, конституционные законы, текущие законы, подзаконные нормативно-правовые акты.
87. Конституции государств Европейского Союза. М., - 1997. С.Х.
88. Капустин А.Я. Европейский союз: интеграция и право. М., - 2000. С. 117.
89. Под “*acquis communautaire*” понимается “вся совокупность принятых законодательных актов и других документов, регулирующих деятельность Союза и характеризующих достигнутый им уровень интеграции”// См. Гонский В.А. Глоссарий по Европейской интеграции. – М., 1998. С. 82.
90. Folsom R.N. European Union law. St. Paul, 1995. p. 86.
91. К таким постановлениям, в частности, относятся: решение по спору голландской транспортной фирмы Van Gend and Zoos с управлением финансов Голландии, решение по спору немецкой фирмы Lutticke на Главное таможенное управление земли Саар и др.
92. Европейский Союз: Путеводитель/ Под ред. Борко Ю.А. (отв. ред.), Буториной О.В. – М., 1998. С.46.
93. Топорнин Б.Н. Европейское право. Учебник. – М., 1999. С. 271.
94. Европейский Союз: Путеводитель/ Под ред. Борко Ю.А. (отв. ред.), Буториной О.В. – М., 1998. С.45.
95. Martin A.M., Nogueras D. J. L. Instituciones y derecho de la Union Europea. – Madrid, 1996, p. 422.
96. В данном случае под “регионом” понимается группировка стран, отражающая их историко-географическую близость, культурную идентичность, общие традиции и экономические дела.
97. Harm I. de Blij, Peter O. Muller. Geography: Regions and Concepts. 5 th Edition. N.Y.-Chichester-Brisbane-Toronto-Singapore, 1988. P. 85.

98. В рамках этого региона мы будем рассматривать следующие государства: Германию, Францию и страны Бенилюкса (сюда еще входят Швейцария и Австрия, которые, однако, не являются членами ЕС).
99. Bundesverfassungs Gerichtsentscheidungen, 37. S. 277.
100. Топорнин Б. Н. Указ. Соч., с. 267.
101. Bundesverfassungs Gerichtsentscheidungen. 73. S.366.
102. А.В. Клемин “Формирование единого европейского правопорядка: некоторые итоги”. Сорок лет Римским договорам: европейская интеграция и Россия. Материалы международной научной конференции 6-7 июня 1997 г. в Санкт-Петербурге/Под ред. И.Е. Лешукова (отв. ред.), Б.В. Кузнецова, А.Е. Кутейникова. СПб., 1998. С. 119-120.
103. См.: решение 8/81 от 19.01.1982 г. по делу “Becker v. Finanzamt Munster-Innenstadt”.
104. Капустин А.Я. Европейский Союз: интеграция и право. - М., 2000. с. 356-357.
105. А.В. Клемин “Формирование единого европейского правопорядка: некоторые итоги”. Сорок лет Римским договорам: европейская интеграция и Россия. Материалы международной научной конференции 6-7 июня 1997 г. в Санкт-Петербурге/Под ред. И.Е. Лешукова (отв. ред.), Б.В. Кузнецова, А.Е. Кутейникова. СПб., 1998. С. 119-120.
106. решение по делу “Voisdet” от 24 сентября 1990 г.
107. См. Конституция Франции./ Конституции стран Европейского Союза. – М., 1997.
108. См. Основной закон Федеративной республики Германии./ Конституции стран Европейского Союза. – М., 1997
109. Британские острова включают в себя Британию (Англия, Уэльс, Шотландия) и Ирландию (Северная Ирландия, Республика Ирландия).
110. Противоположностью дуалистического подхода является *монистический подход*, который преобладает в государствах с континентальным правом. Согласно монистическому подходу, право сообществ рассматривается как составная часть национального права. Однако, Ф. Джекобс и С. Робертс подчеркивают, что реальность всегда сложнее простого контраста между крайними моделями монизма и дуализма. (См.: Jacobs F.G., Roberts S. The Effect of Treaties in Domestic. – N.Y., p. xxiv.)
111. Б. Н. Топорнин. Европейское право: Учебник. – М., 1999. С. 306.
112. Там же, с. 276.
113. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод подписана в Риме 4 ноября 1950 г., вступила в силу 3 сентября 1953 г.
114. Ранее такое положение существовало и в скандинавских странах, но теперь законы о ее включении в национальное право приняты в Дании (вступил в силу 1 июля 1992 г.), Исландии (30 мая 1994 г.), Швеции (1 января 1995 г.) и Норвегии (до конца 1995 г.).
115. М. Дженис, Р. Кэй, Э. Брэдли. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии). – М., 1997. С. 524.
116. Европейский Союз: факты и комментарии. Под ред. Борко Ю.А. Выпуск 3(8). Январь-март 1997 г. с.11-12.
117. Joenniemi, P. Norden, Europe and Post-Security. Copenhagen Peace Research Institute (COPRI)/ Working Papers 11-1998. Pp. 4-5.
118. “International Gerald Tribune”, №21, 27 January, 1997.
119. Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 6 (11): октябрь – декабрь 1997 г. с.18.

120. В.Шемятенков. “Маастрихтский и Амстердамский договоры”./ Европейский Союз на пороге XXI века./Под ред. Ю.А.Борко, О.В.Буториной. – М., 2001. С.39.
121. Конституции государств Европейского Союза. – М., 1997. С. IX.
122. Топорнин Б.Н. Указ. соч., с. 274.
123. См.: решение Суда ЕС 148/78 от 05.04.1979 г. по делу “Pubblico Ministero v. Tullio Ratti”.
124. Капустин А.Я. Указ. соч. с.355.
125. Европейский Союз: факты и комментарии. Под ред. Борко Ю.А. Выпуск 6 (11): октябрь – декабрь 1997 г. с.14 – 15.
126. The Preparation of the associative states of the Middle and Eastern Europe for the integration to the internal market of the Union. Brussels, 1995. P. 5.
127. Шишкова Н. Указ. соч. с. 79.
128. Б. Н. Топорнин. Европейское право. Учебник. – М., 1999. С. 198.
129. Шишкова Н. Указ. соч. с. 80.
130. Ко второй группе относятся: Латвия, Литва, Словакия, Румыния и Болгария.
131. Европейский Союз: факты и комментарии. Под ред. Ю.А. Борко. Выпуск 2 (16): январь – март 1999 г. с. 20.
132. Европа. Журнал Европейского Союза. №1 (24), январь, 2003.
133. Mazey S., Richardson J. A European Policy Style?/ Mazey S., Richardson J. (eds.). Interest Groups in the European Union. London, 1993, pp. 246-257.
134. Van Schendelen M. Business and Government Relations in Europe – European Affairs, 1990, vol.4, p. 83.
135. В. Иноземцев, Е. Кузнецова. Объединенная Европа на пути к лидерству в мировой политике. МЭМО, 2002, №4. С.7.
136. См. Топорнин Б.Н. Указ. соч. С. 150.
137. Crawford, M. The Economics and Politics of Maastricht. London: Macmillan. 1993. P. 96.
138. Guildhaudis, J.F. L'Europe en transition. Paris: Montchrestien. 1993. Pp. 117 – 136.
139. Толстухин А.Э. Правовая природа Европейского Союза. Диссертация на соискание ученой степени к. ю. н. – Москва, 1997.С. 63.
140. Стрежнева М. Институциональные формы европейской интеграции. С. 132.
141. При этом изначально устанавливались исключения для Великобритании и Дании, по отношению к которым указанные обязательства не применялись, однако эти государства могли в любой момент заявить о своей готовности их соблюдать.
142. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского Сообщества до Европейского Союза. – М., 1998. С.34-78.
143. См. Костенко М.Л., Лавренова Н.В. “ЕС после Маастрихта: федерация, конфедерация или международная организация?”// Государство и право, 1994, №4. С. 105 – 113.
144. Lane R. “New Community Competence under Maastricht Treaty”, CMLR, №30, 1993. P. 941.
145. Grocho M. “Europe 2020: Pour une Union plurielle”. Paris, 1999.
146. Сиджански Д. Федералистское будущее Европы: от Европейского Сообщества до Европейского Союза. – М., 1998. С.209.
147. Европейская интеграция. Клаус-Дитер Борхардт. Происхождение и развитие Европейского Союза (Четвертое издание). Редколлегия: Борко Ю.А. (отв.ред), Каргалова М.В., Ковальский Н.А. М., 1996. С.с. 32-33.
148. Там же, с. 33.
149. См.: Федерализм. Энциклопедический словарь. М., 1997. С.244.
150. The Rise of Neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs, 1945-1994. Yale University Press, 1995. P.190/ Цит. по: А.С.Макарычев. Проблемы экспертно-

- аналитического обеспечения региональной политики: Нижегородский опыт.// Регион в составе Федерации: политика, экономика, право. Н.Новгород, 1999. С.252.
151. Европейская интеграция. Клаус-Дитер Борхардт. Происхождение и развитие Европейского Союза (Четвертое издание). Редколлегия: Борко Ю.А. (отв.ред), Каргалова М.В., Ковальский Н.А. М., 1996. С.33.
152. В соответствии принципом субсидиарности, проблемами, которые лучше решаются совместными, а не индивидуальными действиями, занимаются институты ЕС, тогда как решения, которые можно принять на национальном или региональном уровне, как можно ближе к гражданам, не следует пропускать через органы ЕС.
153. Источник: Eurobarometer 40, 1994. Цит. по: К-Д. Борхардт. Указ. соч. С.34.
154. The Times. – 1995. – January 18. - p.2.
155. О проблемах разграничения полномочий, характерных для федеративного устройства см. подробнее: В.Е. Чиркин. Федерация и ее субъекты: модели разграничения полномочий.// “Право и политика”, 2002, №1. С.с. 40-47.
156. Имеется в виду, что этот подход был закреплен в ЕЕА, а в последствии в Договоре о Европейском Союзе.
157. Nicoll W., Salmon T.C. Understanding the New European Community. – New York, 1994. P.292.
158. Canal IPSOS. L'état de l'opinion en Europe à la veille des élections européennes en juin 99, www.canalipsos.com/archives.
159. Der Euro kommt zu früh“. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 9 Februar 1998. „Initiative D Mark“./ Die Zeit, 7 Mai, 1998.
160. Казасюс Ж. Европейская идентичность.// Европейская интеграция: современное состояние и перспективы./ Науч. ред. С.И. Паньковский. – Минск., 2001. С. 309.
161. Borzel T.A., Risse T. Who is Afraid of a European Federation? How to Constitutionalise a Multi-Level Governance System, in What Kind of Constitution for What Kind of Polity? Responses to J. Fischer./ Ch. Joerges, Y. Meny, J. Н.Н. Weiler (eds.) – Badia Fiesolana: EUI, Cambridge, 2000. P. 46.
162. Европейское право. Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю.н., проф. Л. М. Энтина. М., - 2001. С. 250-251.
163. Pinder J. The Building of the European Union. Oxford, 1998. P.30.
164. Амстердамский договор заметно расширил круг применения санкций против нарушителей европейского права. Он предусмотрел возможность инициирования Комиссией новых санкций против государства, грубо и систематически нарушающего принципы свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, равно как и принципы правового государства, то есть принципы, общие для всех государств-членов (ст. F – 1 (н.н. ст. 7) Договора о ЕС).
165. Европейское право. Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю.н., проф. Л. М. Энтина. М., - 2001. с.124

Глава VII. ОБЩАЯ ОБОРОННАЯ ПОЛИТИКА ЕС И ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НАТО, ОБСЕ И РОССИЕЙ

1. Место и участие Западноевропейского Союза в формировании договорной и институциональной базы общей оборонной политики ЕС

После неудачи проекта Европейского оборонительного сообщества проблема перевооружения Западной Германии и вхождение ее в систему западных союзов осталась. 28 сентября – 3 октября 1954 г. в Лондоне проходило совещание девяти государств (Бельгия, Великобритания, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, США, Франция и ФРГ) в целях поиска альтернативы созданию Европейского оборонительного сообщества. Правительство Великобритании предложило Германии присоединиться к Западному Союзу, что было положительно встречено Аденауэром, и на что согласилась, в конце концов, Франция (подробнее о позиции Франции речь пойдет ниже). Тот факт, что одновременно с предложением о вступлении в ЗЕС ФРГ согласилась и на некоторые дискриминационные меры в отношении производства и оснащения некоторыми видами вооружений, означал для нее и возможность войти в НАТО и создать собственные вооруженные силы, что и произошло в мае 1955 г.

23 октября 1954 г. Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Италия и ФРГ подписали четыре протокола, касающиеся создания Западноевропейского Союза. Первый вносил изменения в Брюссельский договор о сотрудничестве в экономической, социальной, культурной областях и в сфере коллективной самообороны, подписанный 17 марта 1948 г. и учреждавший Западный Союз, а также провозглашал присоединение к нему ФРГ и Италии. Создание в 1949 г. НАТО и Совета Европы и в 1951 г. ЕОУС фактически нивелировали действие того договора. Хотя в сентябре 1948 г. в рамках Брюссельского договора и начало устанавливаться военное сотрудничество (был принят план общей обороны, который включал интегрирование воздушной обороны, а также организованы межсоюзнические командования), в декабре 1950 г., когда генерал Эйзенхауэр был назначен первым Верховным главнокомандующим объединенных вооруженных сил в Европе, страны Западного Союза решили включить свою военную организацию в НАТО, которая стала основой системы безопасности Западной Европы и Северной Атлантики. [1]

В преамбуле Брюссельского договора главы пяти государств кроме утверждений о решимости «утверждать их веру в фундаментальные права человека», в ценность «других принципов, провозглашенных Уставом Организации Объединенных Наций», «подтверждать и защищать демократические принципы, гражданские и индивидуальные свободы, конституционные традиции и соблюдение закона», «сплачивать в этом смысле экономические, социальные и культурные связи», которые их уже соединяют, сотрудничать и координировать усилия для создания в Западной Европе прочного основания для восстановления европейской экономики, быть готовым на взаимопомощь в соответствии с Уставом ООН в целях укрепления мира и международной безопасности и воспрепятствования любой агрессивной политике, а также привлекать к их усилиям другие государства, следующие тем же принципам, провозглашалась решимость «принимать меры, признанные необходимыми в случае возобновления агрессивной политики со стороны Германии». [2] Исходя из этого, Западный Союз предполагал не только совместные действия против Советского Союза, в случае его нападения, противостояние с которым тогда начиналось.

В обновленном договоре, подписанном в Париже, ссылок на возрождение германской агрессии уже, конечно, не было. Вместо этого была обозначена решимость стран-

участниц принимать «необходимые меры для того, чтобы способствовать единству и постепенной интеграции Европы». Новым моментом в договоре 1954 г. были ссылки на тесную координацию со структурами НАТО, особенно со штабами, к которым органы ЗЕС будут обращаться за информацией по военным вопросам (ст. 4), а также дополнения, касающиеся органов ЗЕС. [3]

Кроме вышеизложенных поправок в новом договоре изменений практически не было, поэтому в официальных французских документах часто он называется не Парижским, а модифицированным Брюссельским договором (*Traité de Bruxelles modifié*). Государства-учредители ЗЕС могли также пригласить к участию в этой организации другие страны. Срок действия договора устанавливался в 50 лет со дня вступления в силу, по истечению которого с предупреждением за год страна может выйти из договора. [4]

Первые его статьи посвящены невоенным вопросам. «Убежденные в тесной солидарности своих интересов и необходимости объединиться для скорейшего восстановления экономики Европы», стороны «будут организовывать и координировать свою экономическую деятельность с целью повышения производительности путем устранения любых разногласий в своей экономической политике, координации своего производства и развития торговли», что будет осуществляться Советом ЗЕС и не должно отрицательно отразиться на деятельности других организациях, куда входят страны-участницы (ст. 1). Страны ЗЕС обязались привлекать свои усилия путем прямых консультаций и в рамках специализированных учреждений для повышения уровня жизни народов и развивать деятельность в социальной области, разрабатывая соглашения по социальному обеспечению, а также, чтобы приводить свои народы к более углубленному пониманию принципов, которые лежат в основе их общей цивилизации, и чтобы развивать их культурные связи (ст. 2 и 3). [5]

Однако ключевыми положениями договора были все-таки военные. Статья 5 Договора гласила, что если одна из сторон станет объектом вооруженного нападения в Европе, другие ему окажут в соответствии с положениями статьи 51 Устава Организации Объединенных Наций помощь и поддержку всеми средствами, находящимися в их распоряжении, военными или какими-либо иными. [6] Данная статья устанавливала даже более строгие обязательства в области коллективной обороны, чем положения, зафиксированные в 5 статье договора 1949 г. о создании НАТО. Она провозглашала, что в случае нападения стороны окажут помощь «путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего поддержания безопасности Североатлантического региона». [7]

Все меры, принятые в силу данной статьи, должны быть сообщены незамедлительно Совету Безопасности ООН. Они будут прекращены, как только Совет Безопасности примет необходимые меры для поддержания или восстановления международного мира или безопасности.

С целью «следования политике мира», усиления своей безопасности, способствования единству постепенной интеграции Европы, а также более тесному сотрудничеству между странами-участницами ЗЕС и с другими европейскими организациями, статьей 8 договора создается главный орган Западноевропейского Союза – Совет, который предполагалось организовать таким образом, чтобы мочь осуществлять свои функции постоянно. Состоять он должен был из министров иностранных дел, а в перерывах между министерскими встречами действовал в составе послов государств-членов, аккредитованных в Лондоне, а также заместителя министра иностранных дел Великобритании. [8]

Совет создаст любые вспомогательные органы, которые могли бы быть признанными полезными: в частности, он создаст незамедлительно Агентство по контролю над вооружениями (АКВ), функции которого определены в Протоколе №4.

По просьбе одной из сторон Совет будет созываться незамедлительно с целью достижения

договоренностей по любой ситуации, могущей создать угрозу миру, откуда бы она ни исходила, или подвергающей опасности экономическую стабильность.

Совет принимает решения единогласно, если не предусмотрено на этот случай другой процедуры. В случаях, обозначенных Протоколами № 2, 3 и 4, кроме единогласного решения предусмотрены решения большинством в две трети или простым большинством голосов. Он, например, выносит решения простым большинством по вопросам, которые ему предложит для рассмотрения Агентство по контролю над вооружениями. [9]

Учреждалась также Ассамблея ЗЕС, составленная из представителей стран-участниц Совецательной Ассамблеи Совета Европы, которой Совет ЗЕС будет представлять годовой отчет о своей деятельности, а именно в области контроля над вооружениями. По большинству обсуждаемых вопросов она выносила рекомендации, адресуемые или Совету ЗЕС, или международным организациям, или каким-либо органам и институтам стран-членов. [10]

Протокол №2 к модифицированному Брюссельскому договору о силах Западноевропейского Союза вводил верхние лимиты на численность вооруженных сил стран ЗЕС, развернутых на континенте в мирное время и находящихся в распоряжении объединенного командования НАТО в Европе. Основное значение данного документа – ввести ограничения для армии Западной Германии, чтобы исключить бесконтрольное ее возрождение. Дабы исключить одностороннюю дискриминацию к одной из стран, лимиты были наложены на все государства. В объединенные вооруженные силы НАТО в Европе должны были входить 14 французских, 12 западногерманских, 12 итальянских, 5 бельгийских, 5 голландских дивизий и 1 полк от Люксембурга. [11] Данная структура, таким образом, похожа на пропорцию, определенную в Военном протоколе к договору о создании ЕОС. Особая ситуация была с Великобританией – на расположенные в ФРГ ее силы вводился не верхний, а нижний лимит. Великобритания обязалась иметь на континенте не менее четырех дивизий и соединения тактической авиации, а также не выводить их из района дислокации без согласия партнеров по ЗЕС. Данные положения призваны были утвердить ее безусловное участие в обеспечении безопасности союза.

Протокол №3 касался контроля над вооружениями, где главная роль также принадлежала ФРГ. Западная Германия взяла на себя обязательства не производить на своей территории атомное, химическое и бактериологическое оружие, управляемые и дальнобойные снаряды, ракеты (кроме тактических), военные корабли и подводные лодки водоизмещением соответственно более 3000 и 350 тонн, стратегические бомбардировщики и ряд других видов военной техники. Однако при всем этом оговаривалось, что указанные ограничения могут быть изменены решениями Совета ЗЕС большинством в две трети голосов. [12] В дальнейшем государства, входящие в ЗЕС не раз прибегали к этой возможности нарастить военный потенциал ФРГ, увеличивая, таким образом, мощь западных военно-политических организаций, окончательно отменив ограничения в отношении обычных вооружений ФРГ в 1984 г.

Протокол №4 относился, как уже было отмечено, к Агентству по контролю над вооружениями, призванное следить за соблюдением введенных ограничений, осуществляя инспекционные проверки, получая информацию от структур НАТО и стран-членов ЗЕС. Надо признать, контроль такой зачастую оказывался больше условным и малозначительным, ибо деятельность АКВ стала ограничиваться в основном направлением правительствам соответствующих запросов и получением от них официальной информации, рассматривавшаяся ими часто как достоверная. Например, когда оно в 1980-е годы обратилось к членам ЗЕС с просьбой сообщить о находящихся в их распоряжении запасах химического оружия, Агентство вполне удовлетворилось информацией о неимении таковых. Но, судя по материалам Стокгольмского института изучения проблем мира (СИПРИ), химическим оружием располагают французские войска. [13]

Франция предложила в ходе переговоров о создании ЗЕС наладить военно-промышленное

сотрудничество в рамках этой организации, предполагавшее стандартизацию вооружений и разработку методов совместного их производства. С этой целью решением Совета ЗЕС от 7 мая 1955 г. создавался Постоянный комитет по вооружениям (ПКВ). Однако зависимость ЗЕС от НАТО поставила в подчинение ей и ПКВ, и разрабатываемые последним рекомендации адресуются также различным структурам Североатлантического альянса, а не членам ЗЕС непосредственно, хотя при его помощи страны ЗЕС и могли каким-либо образом отстаивать свои интересы при разработке военных программ в рамках НАТО. В 1973 г. Франция (уже не входя в военную организацию НАТО) предложила превратить ЗЕС в основной центр, координирующий совместную разработку и производство вооружений стран-членов, но поддержки эта идея не получила. [14]

В период с 1954 г. по 1973 г. Западноевропейский Союз имел отношение к нескольким важным проблемам, да и то подчас только косвенно:

- урегулированию проблемы Саара;
- интеграции ФРГ в Североатлантический альянс;
- восстановлению доверия между странами Западной Европы, благодаря полномочиям в вопросе контроля над вооружениями;
- согласованию позиций между странами-учредителями ЕЭС и Великобританией, служа неким связующим звеном до ее вступления в 1973 г. [15]

Особое значение в период организации ЗЕС имел вопрос о районе Саара, находившемся во французской зоне оккупации. Франция первоначально была настроена фактически на отделение его от Германии и образование некоего особого территориального образования. В феврале 1946 г. французское правительство вывело его из состава своей зоны оккупации, а в декабре включен во французскую валютную и экономическую систему, что юридически и фактически было началом процесса отделения этого региона от Германии. В ноябре 1947 г. «саарская марка» была заменена французским франком, в декабре состоялись выборы в ландтаг, на которых одержали победу партии, выступавшие за особые отношения Саара с Францией. После выборов было образовано правительство Саара и принята конституция, устанавливавшая «независимость Саарской области от рейха» и учреждавшая национальность «саарец» и флаг – белый крест на сине-красном поле. Несмотря на протесты со стороны общественно-политических сил, формирующихся тогда в Западной Германии, некоторая поддержка со стороны населения была обеспечена вследствие продуманной экономической политики. Саар не выплачивал репараций, там не проводилось демонстраций, проявлялась забота о развитии промышленности (в 1945-46 гг. производство чугуна, например, выросло в 8, а стали в 9 раз). [16]

Однако с образованием ФРГ и постепенным преодолением там последствий войны (политических, экономических и т.д.) и в связи с невозможностью для Франции с точки зрения влияния и сил проводить какие-то большие односторонние акции по германским проблемам с германской стороны все чаще стали требовать урегулирования спорных территориальных вопросов.

Париж выдвинул лозунг придания Саару «европейского» статуса, с которым стал увязывать возможность ремилитаризации Западной Германии в западных союзах. За Сааром предполагалось сохранить «вплоть до заключения германского мирного договора» статуса самостоятельного политического образования, входящего во французскую экономическую систему, но находящегося под верховной юрисдикцией подлежащих созданию наднациональных органов, размещенных в Саарбрюкене (столице Саара), сначала в рамках ЕОС, а затем ЗЕС. Власти ФРГ, стремившиеся вернуть себе суверенитет в военной области, согласились с таким предложением, хотя и после трудных переговоров. [17]

23 октября 1954 г. одновременно с заключением Парижских соглашений, был подписан документ о Сааре, определение статуса которого предлагалось решить населению путем референдума под наблюдением ЗЕС. Как отмечает исследователь М.К. Семычев, со стороны ФРГ началась его сильнейшая информационная обработка, сопоставимая с

подготовкой нацистами плебисцита в Сааре в 1935 г. В Саар из ФРГ поступало огромное количество пропагандистской литературы, федеральным министерством по общегерманским делам на него было переключено основное внимание от Восточной Германии. С его помощью распространялись всевозможные слухи о будущем, которое ждет жителей Саара в случае принятия «европейского» статуса. Например, утверждалось, что молодежь станут призывать во французскую армию и посылать служить в колониальные войска в Марокко. [18]

В июне 1955 г. Совет ЗЕС утвердил контрольную комиссию для Саара из представителей Великобритании, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга под председательством бельгийца Деусса. На плебисците, проведенном 23 октября 1955 г. за европейский статус Саара проголосовало 32,3%, против 67,2% избирателей, и 5 июня 1956 г. между Францией и ФРГ было подписано соглашение о передаче Саара, политическое присоединение которого произошло в январе 1957 г., а экономическое с июля 1959 г. Однако несмотря на поражение в саарском вопросе, Франция в процессе переговоров о передаче, сумела выторговать себе небольшие уступки, например, создание системы оросительных каналов на реке Мозель. [19]

С 1973 по 1984 г. дальнейшее развитие ЗЕС, как и в случае с Западным Союзом, затормозилось – его функции фактически выполнялись другими организациями: НАТО, Советом Европы, ЕЭС. Однако политический и институциональный диалог Совета и Ассамблеи ЗЕС продолжался, в рамках которого, разрабатывались подходы к проблемам европейской безопасности, аналитические доклады и т.д.

В начале 1980-х годов Французская республика в связи с успехами в процессе западноевропейской интеграции вновь выступила инициатором возрождения Западноевропейского Союза, в чем видели средство вновь начать дебаты по «европейской обороне», не отделяя ее при этом от Североатлантического альянса. На протяжении 1983 и 1984 гг. власти Пятой республики и в частности министр внешних сношений Клод Шейсон и министр обороны Шарль Эрню энергично призывали к активизации деятельности ЗЕС, чему также способствовала окончательная отмена ограничений на обычные вооружения для ФРГ на сессии Совета ЗЕС в июне 1984 г., проходившая в составе министров иностранных дел (после перерыва в одиннадцать лет). Тогда же был одобрен доклад, в котором провозглашалось, что политическое стимулирование западноевропейской системы безопасности должно явиться прерогативой ЗЕС. Участники договорились продолжить деятельность рабочей группы и поручить ей подготовку следующей сессии Совета, которую решили приурочить к тридцатилетнему юбилею создания ЗЕС.

Эта сессия, с которой стали связывать начало нового этапа в развитии этой организации, прошла 26 и 27 октября 1984 г. в Риме, и в ней участвовали не только министры иностранных дел, но и министры обороны. В качестве неофициального органа при Совете предусматривалось образовать консультативный комитет начальников штабов и руководителей организаций, занимающихся планированием производства вооружений. Участники встречи еще раз заявили о решимости лучше использовать ЗЕС для углубления сотрудничества между странами-членами и в области политики безопасности, которое будет способствовать и укреплению атлантической солидарности. Министры решили стремиться гармонизировать их точки зрения на различные европейские проблемы: «вопросы обороны, контролируемое ограничение вооружений, разоружение, воздействие на европейскую безопасность отношений Восток – Запад, вклад [Западной] Европы в усиление Атлантического альянса, принимая во внимание важность, которую приобретают трансатлантические отношения, развитие европейского сотрудничества в области вооружений, которому ЗЕС может дать политический импульс». Кроме того, они высказали возможность рассматривать воздействие на Европу кризисных ситуаций в других регионах мира. [20] Для этого министры придали новый импульс институтам ЗЕС, особенно отвечающим за сотрудничество в области вооружений.

Прежде всего речь шла о Совете министров ЗЕС, который должен будет собираться два раза в год на уровне министров иностранных дел и обороны при сохранении в случае необходимости возможности собираться по отдельности. Председательство в Совете исполняет государство в течение года (в государстве-председателе и намечалось проводить сессии). В перерывах между ними интенсифицируется деятельность постоянного Совета, обеспечивающего контроль за исполнением решений Совета министров и принимающие необходимые для этого меры, включая создание рабочих групп. К усилению Совета министров ЗЕС и постоянного Совета должен будет адаптироваться Секретариат ЗЕС. Кроме того, министры высказались за расширение контактов между Советом и Ассамблеей ЗЕС, важность которой для обсуждения вопросов обороны они тоже подчеркнули. При всем этом отмечалось, что активизация деятельности институтов не должна выражаться повышением численности служащих. [21]

Намечена была и реструктуризация Агентства по контролю над вооружениями и Постоянного комитета по вооружениям. АКВ должно будет сократить свою контролирующую деятельность над обычными вооружениями с 1 января 1985 г., а с 1 января 1986 г. она должна быть отменена. Обязательства по контролю, касающемуся оружия массового поражения (ядерного, бактериологического и химического) будут соблюдаться. Министры поручили постоянному Совету в тесной связи с ответственными лицами из АКВ и ПКВ условия реорганизации последних, которые смогли бы выполнять тройную миссию:

- изучать вопросы относительно контроля над вооружениями и разоружения, выполняя контролирующую функцию;
- обеспечить функцию анализа проблем безопасности и обороны;
- активно способствовать развитию западноевропейского сотрудничества в области вооружений. [22]

Относительно первых двух функций было замечено, что речь шла об обладании общей аналитической базой, способной служить ориентиром для работ Совета и Ассамблеи, а также для общественного мнения. Для Франции особенно важной стала последняя функция. «ЗЕС, – говорил министр обороны Франции Шарль Эрню в декабре 1984 г., – это место, где страны Западной Европы могут дискутировать о политике в области вооружений, вооружений Европы, для того чтобы подойти однажды к понятию европейской безопасности, ибо не существует, за исключением НАТО, европейской обороны... ЗЕС необходим для координации политики в сфере вооружений, чтобы европейская индустрия могла сопротивляться наплыву иностранных военных материалов». [23]

Трансформация условий на мировой арене, связанная с ослаблением напряженности между США и СССР, дали новый импульс Западноевропейскому Союзу. Премьер-министр Франции Жак Ширак на сессии Ассамблеи ЗЕС в декабре 1986 г. высказался за разработку «хартии принципов безопасности Западной Европы». Совет ЗЕС и его специальная рабочая группа предприняли составление доклада, который описывал условия и критерии европейской безопасности, а так же особую ответственность западноевропейцев по отношению к своей обороне в рамках Североатлантического Союза. На этой базе Совет министров Западноевропейского Союза принял в Гааге 27 октября 1987 г. документ под названием «Платформа о европейских интересах в области безопасности». Указав на общность судьбы, связывающую страны ЗЕС, министры иностранных дел и обороны отметили: «Мы напоминаем наше обязательство строить Европейский Союз в соответствие с Единым европейским актом, который мы все подписали в качестве членов Европейского Сообщества. Мы убеждены, что строительство интегрированной Европы останется неполным, пока оно не распространится на безопасность и оборону». Главная роль в достижении этой цели отводилась ЗЕС. Кроме того, министры поставили цель развивать европейскую идентичность в области обороны, которая более эффективно выражает обязательства солидарности, записанные в

модифицированном Брюссельском и Вашингтонском договорах. [24]

Европейская безопасность, согласно документу, должна основываться на четырех критериях. Во-первых, основной своей целью страны ЗЕС провозглашали по-прежнему предотвращение любых форм войны, оставаясь готовыми к обороне и поддерживая военные способности, могущие в состоянии сдержать любую агрессию или запугивание, не стремясь при этом к военному превосходству. Во-вторых, стратегия сдерживания и обороны должна продолжать основываться на сочетании обычных и ядерных сил, ибо ядерное оружие – это единственный элемент, способный столкнуть потенциального противника с неприемлемым риском. В-третьих, провозглашалось, что значительное присутствие обычных и ядерных сил США играет незаменимую роль в обороне Европы и создает необходимую связь с силами ядерного сдерживания США. В-четвертых, была отмечена главная роль западноевропейских сил, без основного вклада со стороны которых не может быть поддержана надежность западной стратегии сдерживания и обороны, в частности по причине дисбаланса в обычных вооружениях, которая прямо затрагивает безопасность. [25]

В течение того же правительственного собрания, было решено начать переговоры с Испанией и Португалией по их присоединению к ЗЕС. Эти страны официально стали его членами 27 марта 1990 г. по завершении процесса ратификации договоров о присоединении, подписанных 14 ноября 1988 г. В 1988 году две другие страны-члена Североатлантического союза проявили желание примкнуть к ЗЕС: Турция (летом) и Греция (в декабре). А 13 ноября 1989 г. в Брюсселе Совет министров ЗЕС принял решение по созданию Института исследований безопасности ЗЕС, который должен был проводить аналитическую работу в сфере изучения вопросов безопасности для стран ЗЕС.

Активизация возможностей ЗЕС по обеспечению согласования позиций и практическое взаимодействие стран-участниц в военно-политической области выразилась в согласованных действиях в апреле 1988 г. в ходе ирано-иракской войны и в августе 1990 – апреле 1991 г. в ходе войны в Персидском заливе. В 1987 и 1988 гг. страны ЗЕС решили реагировать вместе на угрозу свободе навигации из-за минирования Персидского залива, спровоцированное войной между Ираном и Ираком. Минные тральщики, посланные странами Западноевропейского Союза, способствовали гарантии свободному движению в международных водах. Операция «Cleansweep», позволившая разминировать морской коридор в 300 миль от Ормузского пролива, была первым примером согласованной операции в рамках ЗЕС. [26]

Во время войны в Персидском заливе министры стран Западноевропейского Союза решили снова координировать свои операции для того, чтобы исполнять и заставлять применять резолюцию 661 Организации Объединенных Наций. На собрании 21 августа 1990 в Париже министры подчеркнули, что координация внутри ЗЕС должна была бы облегчить сотрудничество с другими странами, развертывающими силы в регионе, а именно с США. Механизмы координации, одобренные в 1988 г. странами-членами ЗЕС, были реактивированы и расширены. Группа ad hoc, составленная из представителей министерств иностранных дел и обороны, была ответственна за координацию в столицах и в зоне операции. Для координации морских операций, целью которых было соблюдать эмбарго на товары, организовано собрание Начальников штабов армий (СЕМА). Постоянный совет ЗЕС в Лондоне, следил за эволюцией положения и собирался в случае необходимости. После прекращения военных действий ЗЕС продолжил свою миссию по координации операций по разминированию вод Персидского залива и способствовал также гуманитарным акциям в пользу курдских беженцев на севере Ирака. [27]

Началом следующего этапа развития ЗЕС является заключение Маастрихтского договора о создании Европейского Союза в 1992 г., пункт 2 статьи J.4. которого гласит: «Европейский Союз обращается к ЗЕС, который является неотъемлемой частью развития ЕС, с целью выработки и осуществления решений и действий ЕС, которые относятся к области обороны. Совет ЕС, согласуясь с учреждениями ЗЕС, принимает необходимые

практические условия». [28]

А сами страны ЗЕС в Декларации к Маастрихтскому договору о роли ЗЕС и о его отношениях с ЕС и НАТО от 10 декабря 1991 г. провозгласили Западноевропейский Союз «оборонительной составляющей ЕС и средством усиления европейской составляющей НАТО», хотя и не определяя конкретный механизм взаимодействия ЗЕС и Евросоюза.

В документе подтверждалось, что ЗЕС должен быть готов вырабатывать и осуществлять по запросу Евросоюза решения и действия, имеющие отношения к области обороны. С этой целью будут предприниматься синхронизация дат и мест собраний, а также гармонизация методов работы; установление тесного сотрудничества между Советом и Генеральным секретариатом ЗЕС, с одной стороны, и Советом ЕС и его Генеральным секретариатом, с другой; рассмотрение последовательности и продолжительности президентств в организациях; подготовка соответствующих условий для гарантии, что Комиссия ЕС будет регулярно информируема и, в случае необходимости, проконсультирована о деятельности ЗЕС в соответствии со своими полномочиями; содействие более тесному сотрудничеству между Парламентской Ассамблеей ЗЕС и Европарламентом. За Советом ЗЕС закреплено принимать необходимые практические меры совместно с компетентными институтами ЕС. В таком же духе были изложены положения, касающиеся сотрудничества с НАТО. [29]

10 декабря 1991 г. страны ЗЕС приняли также декларацию о расширении организации и о привлечении к участию в его работе других европейских государств. Страны ЕС приглашены вступить в ЗЕС или стать наблюдателями, а страны НАТО – ассоциированными членами ЗЕС. Данные предложения в будущем найдут свое дальнейшее развитие.

В то же время в рамках ЗЕС принимаются документы, особенно учитывающиеся в ЕС. В частности, речь идет об уже упоминавшейся во второй главе Петербургской декларации от 19 июня 1992 г. Она состояла из трех частей:

1. О ЗЕС и европейской безопасности.
2. Об усилении оперативной роли ЗЕС.
3. Об отношениях между ЗЕС и другими европейскими государствами-членами ЗЕС и НАТО.

В первой части министры иностранных дел и обороны стран ЗЕС отметили перемены на международной арене, произошедшие на рубеже 1980-1990-х гг., подчеркнули роль СБСЕ в процессе укрепления безопасности в Европе и поддержку ему со стороны ЗЕС, отметили значение договоров о сокращении обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ) и наступательных вооружений (СНВ), а также программам сотрудничества НАТО в рамках Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС). Страны ЗЕС договорились перевести места работы Совета и Генерального секретариата из Лондона в Брюссель, которая должна была состояться в январе 1993 г. и усилить национальные делегации представителями военного командования, которые должны подготавливать и предлагать на рассмотрение Совета заключения, сообщать центру планирования точку зрения начальников штабов армий и следить за военными аспектами его работ. В декларации подтверждалось желание усилить сотрудничество в области вооружений и создать в перспективе Европейское агентство по вооружениям Западноевропейского Союза. [30]

Во второй части декларации для усиления оперативной роли ЗЕС страны-члены продолжили рассмотрение и определение соответствующих миссий, структур и средств, охватывающих в частности центр планирования ЗЕС (его предлагали создать Ф. Миттеран и Г. Коль в послании к главам государств и правительств ЕЭС от середины октября 1991 г. [31]) и военные единицы, приданные ему. Любое решение прибегать к военным подразделениям Западноевропейского Союза должно быть принято Советом ЗЕС в соответствии с положениями Устава ООН. А решение направлять войска для участия в специальных операциях останется в национальной компетенции в соответствии с их законодательством. [32] Кроме обязательств по 5 статье о коллективной обороне

договоров о создании НАТО и ЗЕС, военные подразделения, действующие под властью ЗЕС, могли бы быть использованными для трех групп миссий:

- гуманитарные миссии или эвакуация граждан;
- миссии по поддержанию мира;
- миссии с использованием вооруженных сил по управлению кризисами, включая операции по восстановлению мира.

Относительно Центра планирования в документе заявлялось, что он будет учрежден 1 октября 1992 г., будет зависеть от Совета и отвечать за:

- подготовку планов по использованию сил под эгидой ЗЕС;
- подготовку рекомендаций для необходимых постановлений в вопросе о командовании, ведении операций и связи, в том числе постоянных инструкций для штабов;
- устанавливать состав сил, предназначенных для выполнения специальных операций.

В третьей части Петерсбергской декларации главное внимание было уделено различным формам участия в ЗЕС: полноправные члены, наблюдатели, ассоциированные члены. [33] Страны-члены ЕС, стремящиеся стать полноправными членами должны соблюдать все обязательства по модифицированному Брюссельскому договору и все положения документов, принятых ЗЕС. Страны Европейского союза, которые приняли приглашение стать наблюдателями, хотя и не являясь участниками договора о создании ЗЕС,

- могут присутствовать на собраниях Совета ЗЕС; по просьбе большинства стран-членов, или половины, включая председателя, присутствие их на собраниях Совета может быть ограничено;
- могут быть приглашены на собрания рабочих групп;
- могут высказать свою точку зрения, если к ним обратятся с запросом;
- будут иметь те же права и обязанности, что и полноправные члены, относительно функций инстанций и институтов, которым они уже принадлежат и которые были бы переданы Западноевропейскому Союзу.

Относительно стран НАТО, принявшим приглашение стать ассоциированными членами, предусмотрен статус более широкий, чем для наблюдателей. Хотя они также не будут являться участниками модифицированного Брюссельского договора, они участвуют в работе ЗЕС на тех же условиях, что и наблюдатели, а также:

- они будут иметь возможность быть привлеченными к Центру планирования процедурой постоянного взаимодействия;
- они будут иметь право голоса, но не смогут заблокировать решение, являющееся предметом единогласия между странами-членами;
- они могут привлекаться к решениям, принятым странами-членами, а также принимать участие в их осуществлении, если только против этого не выступит большинство стран-членов или половина, включая председателя;
- они примут участие, на том же основании как полноправные члены, в военных операциях ЗЕС;
- они согласятся решать мирными средствами все вопросы между ними и полноправными членами, а также воздерживаться от применения и угрозы применения силы (здесь больше всего имелись в виду греческо-турецкие отношения);
- они будут подсоединены к системе телекоммуникаций (WEUCOM) стран-членов для запросов, относящихся к собраниям и деятельности, в которой они принимают участие;
- они будут приглашены внести финансовый вклад в бюджет Организации. [34]

Особое место в переговорах в Петерсберге было уделено странам Восточной Европы. В данных заседаниях участвовали Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Болгария, Румыния, Литва, Латвия и Эстония. Советом ЗЕС было принято решение об участии данных государств в работе ЗЕС, с целью чего учреждался Консультативный форум. [35] А 9 мая

1994 г. в соответствии с Кишбергской декларацией (Люксембург) этим девяти странам был предоставлен статус ассоциированных партнеров, который был сходен со статусом ассоциированных членов. [36]

Таким образом, в ЗЕС создавалось несколько уровней сотрудничества со странами, не являющимися его непосредственными членами. В процессе расширения НАТО некоторые ассоциированные партнеры получали статус ассоциированных членов. К концу 1990-х годов ЗЕС насчитывал 10 полноправных членов: Франция, ФРГ, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Италия, Испания, Португалия и Греция, вступившая в ЗЕС в 1995 г., 6 ассоциированных членов: Исландия, Норвегия, Турция (с 1992 г.), Польша, Чехия, Венгрия (с 1999 г.), 5 наблюдателей: Дания, Исландия (с 1992 г.), Австрия, Швеция, Финляндия (с 1995 г.), 7 ассоциированных партнеров: Болгария, Румыния, Словакия, Литва, Латвия, Эстония (с 1994 г.), Словения (с 1996 г.). [37]

Французские власти являлись активными проводниками сделать ЗЕС не столько европейской составляющей НАТО, за что выступала Великобритания и другие «проатлантически» настроенные страны, сколько организацию непосредственно европейских государств (ядро «Оборонной Европы»), обеспечивающих свою безопасность, как можно меньше зависящих от США, хотя и признавая их важную роль в Европе. С одной стороны, Франция поддерживала позицию о том, чтобы силы Европы были «отделимыми, но не отдельными». А с другой стороны, она выступала за то, чтобы структуры НАТО не мешали действовать европейцам, если у тех будут соответствующее желание и способности (см., например, выступления министра иностранных дел Алена Жюппе на Ассамблее ЗЕС 1 декабря 1992 г. и премьер-министра Эдуарда Балладора в ИВИНО 8 сентября 1994 г.). [38]

В первой половине 1990-х годов ЗЕС также предпринимает практические шаги по укреплению организации, хотя и под фактическим руководством НАТО. Связаны они с операциями, проводившимися ЗЕС прежде всего в ходе войн на территории бывшей социалистической Югославии (1992-1996), а также некоторых других операций (1997-2001).

1. Операция «Sharp Guard» ЗЕС – НАТО в Адриатике.

10 июля 1992 г. Совет министров ЗЕС принимает решение об участии военно-морских сил шести стран (Франции, Великобритании, Бельгии, Испании, Италии, Португалии) в Адриатическом море и проливе Отранто в осуществлении эмбарго против Югославии. Проходила эта операция под руководством командующего ВМС НАТО в Южной Европе на основе особого двустороннего соглашения между НАТО и ЗЕС. [39]

На объединенном заседании Советов ЗЕС и НАТО 8 июня 1993 г. была одобрена, в подтверждение резолюции №820 Совета Безопасности ООН, концепция совместной операции под единым командованием «Sharp Guard», которая должна была начаться 15 июня 1993 г. В течение этой операции ЗЕС развернул четыре корабля и шесть самолетов морского патруля и дальнего обнаружения. Одна часть штаба ЗЕС обеспечивала контроль одной из совместных морских групп, в то время как другая была направлена к штаб-квартире командования ВМС НАТО в Южной Европе в Неаполе. В ходе операции в море было досмотрено около 6 000 судов, более 1 400 отправлено в порт и досмотрено там, шесть были перехвачены, когда они пытались нарушить эмбарго. [40]

2. Операция ЗЕС по осуществлению эмбарго на Дунае.

Вследствие чрезвычайного собрания Совета министров ЗЕС 5 апреля 1993 г. в Люксембурге было решено об оказании помощи Болгарии, Венгрии и Румынии для применения санкций ООН на Дунае. В июне эти государства приняли эти предложения и решили совместно с ЗЕС осуществлять полицейские и таможенные операции. В самый разгар операции ЗЕС насчитывает около 250 лиц на местах, распределенных между центром координации и поддержки и тремя зонами контроля (Мохач – Венгрия, Калафат – Румыния, Руссе – Болгария). С 8 сторожевыми и 48 транспортными кораблями силами ЗЕС осуществлено в общей сложности 6 748 инспекций и проверок и выявлено 422

нарушения. [41]

Эта операция представляла собой одновременно пример конкретного сотрудничества внутри ЗЕС с ассоциированными партнерами, а также пример координации между ОБСЕ и ЗЕС при посредничестве делегации Председателя Совета ЗЕС в Координационном комитете ОБСЕ по санкциям в Вене. Операции ЗЕС в Адриатике и на Дунае завершились с подписанием Дейтонских соглашений в Париже 14 декабря 1995 г.

3. Полицейская миссия в Мостаре (Босния и Герцеговина).

В октябре 1993 г. (за несколько дней до вступления в силу Маастрихтского договора) министры стран-членов ЕС просят ЗЕС рассмотреть вклад, который он мог бы принести в управление городом Мостар, что должен был обеспечить ЕС. ЗЕС направил подразделение полицейских, созданное в начале июля 1994 г., которое должно было помочь боснийским мусульманам и хорватам Мостара восстановить единые силы правопорядка в городе. В мае 1995 г. постоянный Совет ЗЕС принимает предложения Австрии, Финляндии и Швеции, которые увеличивают штат подразделения до 182 человек в течение лета. [42]

Мандат Европейского союза закончился в июле 1996 г., но специальный посланник ЕС оставался в Мостаре до 31 декабря 1996. Полицейское подразделение ЗЕС продолжало ему оказывать помощь в миссии до тех пор, пока он не передал местным властям 15 октября 1996 г. исполнительную власть по обеспечению общественного порядка.

4. Миссия в Албании.

В рамках усилий, предпринимаемых международным сообществом (в особенности ОБСЕ и Евросоюзом) в Албании после обострения там внутреннего экономического и политического положения в 1997 г. Совет ЗЕС решает в мае 1997 г. послать на место многонациональную консультативную группу по охране правопорядка (*Élément multinational de conseil en matière de police* – ЕМСР) с консультационной и образовательной миссией по подготовке следователей. Один из ключевых элементов миссии ЕМСР состоит в консультативной работе при министерстве общественного порядка для реорганизации албанской полиции. При поддержке ЕМСР был разработан новый закон о государственной полиции, призванный заложить в этой области основы демократии, отвечающие международным нормам. В центре подготовки в Тиране (Школа полиции) и во втором центре в Дурресе, а также при помощи учебных программ на месте было обучено почти 3 000 полицейских. [43]

2 февраля 1999 г. Совет ЗЕС одобряет проект расширенной миссии ЕМСР, которой дает мандат до апреля 2000 г. Эта миссия ведется ЗЕС по просьбе Евросоюза на базе решения, принятого в силу статьи J.4.2., которая, среди прочего, позволяет обеспечить финансирование большей частью из бюджета ЕС.

ЕМСР расширила свою географическую зону действия и увеличил свою оперативную мобильность, собираясь распространить свою миссию, начиная с других министерств, управлений и полицейских округов до уровня оперативных единиц. ЕМСР насчитывала приблизительно 140-160 человек. С апреля 1999 г. эта миссия ЗЕС играла важную роль в кризисе беженцев из Косова после начала бомбардировок НАТО, поддерживая албанскую полицию в ее обязанностях по приему, регистрации, контролю и сопровождению беженцев. ЕМСР осталась в постоянном контакте с министерством общественного порядка. Команды ЕМСР были развернуты также в городе Кукес рядом с границей Косова. ЗЕС помог албанцам организовать их собственный общественный кризисный центр кризиса и присутствие ЕМСР, функционирующее круглосуточно, чтобы поддерживать его в решениях и операциях. Миссия ЕМСР была окончательно завершена 31 мая 2001 г. [44]

5. Миссия ЗЕС по разминированию в Хорватии.

По просьбе ЕС (в силу статьи J.4.2. Маастрихтского договора) ЗЕС провел миссию по помощи разминирования в Хорватии (MADUEO), которая началась 10 мая 1999 г. ЗЕС направил советников, технических специалистов и оказал поддержку Центру

противоминных действий Республики Хорватия (САМСРО) в различных областях. Главной страной, управляющей миссией, финансирующейся ЕС, была Швеция, которая направила 9 человек. Миссия MADUEO завершилась 30 ноября 2001 г. [45]

6. Миссия общего наблюдения за безопасностью в Косове.

В ответ на запрос, сформулированный ЕС в силу статьи J.4.2. Маастрихтского договора о Европейском союзе, Спутниковый центр ЗЕС, созданный в 1992 г. в испанском городе Торрехоне, начал осуществлять с ноября 1998 г. миссию «общего наблюдения за безопасностью» в Косове. Первоначальная цель этой миссии состояла в том, чтобы собирать информацию, предназначенную для миссий ЕС, НАТО и ОБСЕ по применению соглашений, подписанных 15 и 16 октября в Белграде, по поводу положения беженцев и перемещенных лиц и по поводу инфраструктуры, установленной для этой цели. Эта миссия велась в тесной координации с Военным штабом ЗЕС, который предоставляет дополнительную информацию для каждого из докладов Спутникового центра для ЕС, НАТО и ОБСЕ. [46]

Учитывая эволюцию положения в Косове, отмеченную присутствием войск KFOR и других представителей международного сообщества, Спутниковый центр концентрировал свои усилия с июля 1999 г. на подготовке системы географических данных (SIG) о Косове. Она являлась цифровой картой целого региона Косова, снабженная инструментами визуализации и анализа, и могла быть использована для поддержки различных аспектов работ по восстановлению в Косове (в том числе разминированию). В июле 1999 г. эта система была предоставлена также Международному гуманитарному центру по разминированию в Женеве. [47]

Усилия западноевропейских стран по развитию ЗЕС и европейской идентичности безопасности и обороны в рамках НАТО с 1990-х годов, обозначавшей некоторую «европеизацию» структур и деятельности НАТО, получили поддержку на Североатлантическом совете в Берлине 3 июня 1996 г. Одним из решений тогда была готовность предоставлять Западноевропейскому Союзу для операций, ведущихся под его политическим и стратегическим контролем, некоторых структур и средств НАТО. [48]

В конце 1990-х годов происходит дальнейшая трансформация ЗЕС по пути сращивания с ЕС. 2 октября 1997 г. в Амстердаме был подписан договор о Европейском Союзе, корректирующий Маастрихтский 1992 года. ЗЕС должен был предоставлять ЕС доступ к своим оперативным способностям в рамках выполнения петербургских миссий, которые так же включены в измененный договор. Западноевропейский Союз содействует ЕС в определении аспектов общей внешней политики и политики безопасности, имеющей отношение к обороне, вследствие чего «ЕС способствует становлению более тесных институциональных отношений с ЗЕС с целью его возможной интеграции в ЕС, если Европейский совет примет соответствующее решение» (статья J.7. или статья 17 по новой нумерации). [49] Кроме того, к этой статье был принят протокол, по которому ЕС вместе с ЗЕС должны были в годовой срок со дня вступления Амстердамского договора в силу (это произошло 1 мая 1999 г.) выработать соглашения по улучшению сотрудничества между ними. [50] С целью успешного функционирования и координации общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Амстердамским договором учреждался пост Генерального секретаря Совета ЕС / Высокого представителя по ОВПБ. В 1999 г. им был назначен бывший Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, который занял также пост Генерального секретаря ЗЕС, что также служило интеграции ЗЕС в Евросоюз.

15-16 мая 2000 г. на заседании Совета ЗЕС в Порту (Португалия) министры иностранных дел и обороны договорились, что ЗЕС готов поддержать развитие функций, признанных необходимыми Евросоюзом, чтобы взять на себя новую ответственность в области петербургских миссий. Они признали, что это взятие на себя Евросоюзом таких новых миссий будет иметь глубокие последствия для ЗЕС как организации, будущую роль которого министры поручили проанализировать Постоянному совету и принять необходимые меры. В этом контексте министры поддержали подготовку к передаче ЕС

компетенции в сфере управления кризисами, некоторых институтов и открыть прямой доступ к экспертным оценкам оперативных структур. На встрече в Порту был также отмечен вопрос о координации политики в области вооружений в рамках существующих организаций. [51]

Окончательное решение ЗЕС о передаче Европейскому Союзу было принято в Марселе 13 ноября 2000 г. Главы внешнеполитических и оборонных ведомств стран ЗЕС утвердили так называемые «остаточные» функции и структуры ЗЕС (не связанные с функциями по управлению кризисами, перешедшими к ЕС), которые будут действовать самое позднее 1 июля 2001 г. и позволят государствам-членам обеспечить обязательства по пятой и девятой статьям (о коллективной обороне и о ежегодном докладе Совета ЗЕС перед Ассамблеей ЗЕС) модифицированного Брюссельского договора. Что касается остальных аспектов деятельности ЗЕС и его структур (например, Спутниковый центр, Институт исследований безопасности и т.д.), то они в той или иной форме передаются Европейскому Союзу. [52]

Со встречи в Марселе Совет ЗЕС на уровне министров перестает собираться, а последнее заседание Совета ЗЕС в составе постоянных представителей состоялось 28 мая 2002 г., хотя, если возникнет необходимость, рабочая группа по подготовке заседаний последнего может быть реактивирована. Остаются активными две рабочие группы Совета с июля 2001: Комитет бюджета и организации и Группа ad hoc по административным вопросам и более специфическим вопросам внутреннего управления. Так называемые «остаточные» функции реорганизованного ЗЕС имели отношение, кроме упоминавшихся статей 5 и 9, по большей части к:

- административной, финансовой и лингвистической поддержке органов ЗЕС по сотрудничеству в области вооружений. Это Западноевропейская группа по вооружениям – ГАЕО (создана в 1993 г.) и Центр исследований Западно-европейской организации по вооружениям – ОАЕО (создана в 1996 г.);
- реорганизации и дальнейшему открытию архивов;
- управлению по делам ушедших в отставку. [53]

Послы государств-членов в Комитете политики и безопасности, являющимся руководящим органом ЕС в области европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), образованном в 2001 г. (подробнее об этом речь пойдет в параграфе 3.2.2.), теперь представляют также Постоянный совет ЗЕС.

Таким образом, Западноевропейский Союз с 2002 г., когда завершился процесс интеграции в ЕС, перестал действовать как оперативная организация. В новой редакции договора о Европейском Союзе, подписанном в Ницце 26 февраля 2001 г., в статью 17 были внесены изменения, исключая положения об использовании военно-политической организации ЗЕС в процессе формирования общей оборонной политики ЕС. Однако нужно отметить, что передача функций по управлению кризисами Европейскому Союзу не оказала влияние на состав ЗЕС и обязательства стран-участниц по отношению друг к другу. [54]

Активно продолжает свою деятельность Ассамблея ЗЕС (местопребывание – Париж). В 2000 г. в связи с передачей оперативной деятельности Евросоюзу, она стала называться Ассамблея ЗЕС – Европейская межпарламентская ассамблея безопасности и обороны. Цели ее во многом остались прежними:

- Играть роль межпарламентского форума общего стратегического анализа и давать импульс межправительственным и общественным дискуссиям по безопасности и обороне;
- Увеличивать открытость межправительственного сотрудничества в вопросах европейской безопасности и обороны;
- Обращать внимание общественности на необходимость сильной европейской военной промышленности, поддерживать и контролировать межправительственные инициативы в этой области, а также в рамках ГАЕО и ОАЕО, и т.п. [55]

Ассамблея заслушивает доклады правительств о деятельности в области безопасности и

обороны, после обсуждения которых выносит свои рекомендации. Данной процедуры нет в ЕС по отношению к ЕПБО, и юридически касается она только десяти полноправных членов ЗЕС, даже если страны с другими формами участия в ЗЕС задействованы в информационных процедурах, межпарламентском диалоге на европейском уровне. Поэтому члены Ассамблеи, дабы способствовать открытости европейской политике безопасности и обороны, предлагают создать в ЕС межпарламентский форум, в рамках которого национальные парламентарии могли бы обсуждать вопросы безопасности и обороны с Советом ЕС. В заседаниях Ассамблеи могут иногда участвовать и приглашенные делегации других государств, например, России и Украины. [56]

Для осуществления своей деятельности Ассамблея назначает Комитет председателей, Постоянную комиссию и шесть других постоянных комиссий, которые составляют доклады и рекомендации. Комитет председателей – руководящий орган Ассамблеи. Постоянная комиссия, которая включает членов Комитета председателей и других членов Ассамблеи, действует от имени этой последней между пленарными сессиями. Основная часть военно-политической работы выполняется тремя комиссиями: Комиссией по обороне, которая занимается европейскими вопросами безопасности и обороны, рассматриваемых с военной точки зрения, Политической комиссией, которая обсуждает политические аспекты европейской безопасности и обороны, и Технической и аэрокосмической комиссией, которая занимается двойными технологиями и сотрудничеством в области вооружений. Комиссия по парламентским и общественным отношениям отвечает за сотрудничество с национальными парламентами: она исследует и анализирует дебаты, посвященные безопасности и обороне в национальных парламентах, и вопросы, поставленные парламентариями правительствам. Другие две комиссии отвечают за бюджетные и процедурные вопросы. [57]

Тем не менее, главные сферы военно-политической деятельности окончательно перешли в компетенцию Европейского Союза.

2.Строительство общей политики Европейского Союза в области обороны

После отказа французского парламента ратифицировать договор о Европейском оборонительном сообществе сфера обороны в совместных документах стран ЕС стала фигурировать только в Маастрихтском Договоре о Европейском Союзе, подписанном 7 февраля 1992 г. в Маастрихте (в Нидерландах). В его подготовке, как уже говорилось, наиболее активную роль сыграли Франция и ФРГ. За год до этого, в феврале 1991 г., в процессе подготовки договора о политическом Европейском Союзе Франция вместе с Германией выступила с инициативой о потенциальном взаимодействии стран Евросоюза в области безопасности. В предложенном двумя странами документе говорилось, что политический союз должен разработать совместную политику безопасности с целью реализации в перспективе общей обороны; должны полностью сохраниться обязательства западноевропейских государств по отношению к НАТО; Западноевропейский Союз должен развиваться как «функционирующая организация», как связующее звено для сотрудничества между Европейским Союзом и НАТО. [58] Данные положения вошли в Маастрихтский договор, за который, кстати, на референдуме во Франции высказались 51,04% избирателей, против – 48,95%, т.е. перевес был очень незначительным.

Оборонной проблематике был посвящен пятый раздел Маастрихтского договора – «Положения относительно общей внешней политики и политики безопасности» (статьи J – J.11.). В статье J.1. назывались цели и средства общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) ЕС:

- защита общих ценностей, основных интересов и независимости Союза;
- всестороннее укрепление безопасности Союза;
- поддержание мира и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинкского заключительного акта и целями Парижской хартии;

- содействие международному сотрудничеству;
- развитие и усиление демократии и правового государства, а так же уважение прав человека и основных свобод. [59]

Европейский Союз преследует эти цели, устанавливая систематическое сотрудничество между странами-членами по проведению своей политики и предпринимая постепенно совместные действия в областях, где у них существуют общие важные интересы.

Страны ЕС должны активно и без оговорок поддерживать общую внешнюю политику и политику безопасности Союза в духе лояльности и взаимной солидарности, воздерживаясь от любого действия, противоположного интересам Союза или способного повредить его эффективности в качестве сплоченной силы в международных отношениях. Совет ЕС заботится о соблюдении этих принципов.

Следующие положения конкретизировали средства проведения ОВПБ (статьи J.2. и J.3.). Страны-члены ЕС взаимно информируют друг друга и согласовывают в рамках Совета свои позиции по любому вопросу внешней политики и безопасности, представляющим общий интерес, чтобы их совместное влияние осуществилось наиболее эффективно. В случае необходимости Совет определяет общую позицию, которой политика стран ЕС должна соответствовать. Кроме того, последним необходимо координировать свои действия в рамках международных организаций и на международных конференциях, следуя общим позициям. [60]

Процедура принятия совместных действий в области ОВПБ была обозначена в Маастрихтском договоре следующая. Совет ЕС на базе общих установок, принципов и направлений, принимаемых Европейским Советом, решает, что какой-либо вопрос будет являться предметом совместного действия. Когда Совет устанавливает принцип совместного действия, он фиксирует точные области применения, общие и особенные цели, которые берет на себя Евросоюз в этом действии, так же как средства, процедуры, условия и, если необходимо, сроки, применимые к их использованию. В течение принятия совместного действия на любой стадии его развития Совет может определить вопросы, по поводу которых решения должны быть приняты квалифицированным большинством (обычно же в процессе принятия решений действует принцип единогласия). Квалифицированное большинство формировалось по принципам договора о ЕЭС: не менее 54 голосов, поданных по крайней мере 8 странами, а после вступления с 1995 г. Австрии, Финляндии и Швеции – 62 голоса (из 87), поданных не менее чем 10 странами. [61]

В случае настоятельной необходимости, связанной с эволюцией положения и за неимением решения Совета, страны-члены могут срочно принять необходимые меры, принимая в расчет главные цели совместного действия. Страна, принявшая подобные меры, незамедлительно должна информировать об этом Совет.

Представлять ЕС в вопросах ОВПБ по Маастрихтскому договору предписано председательствующему государству, которое ответственно за осуществление совместных действий, и выражающее позицию Евросоюза в международных организациях и на международных конференциях. Ему содействуют и оказывают помощь предыдущее государство-председатель и последующее, образуя, таким образом, механизм «тройки». К задачам ОВПБ привлечена также Комиссия ЕС. Каждая из стран ЕС или Комиссия может представить на рассмотрение Совета любой вопрос или предложение, относящиеся к ОВПБ. В особых случаях государство-председатель может созвать либо самостоятельно, либо по просьбе Комиссии или одной из стран ЕС, в срок сорока восьми часов, а в случае абсолютной необходимости в более короткий срок, чрезвычайное собрание Совета. [62]

Государство-председатель призвано консультировать Европейский парламент по главным аспектам общей внешней политики и политики безопасности, совместно с Еврокомиссией информировать о ее эволюции и заботится о том, чтобы точки зрения Европарламента должным образом принимались во внимание. Европейский Парламент ежегодно обсуждает развитие ОВПБ и может направлять вопросы или формулировать

рекомендации для Совета. За международным положением, имеющим отношение к общей внешней политике и политике безопасности, призван следить также составленный из политических директоров (представителей внешнеполитических ведомств) Политический комитет, до Маастрихтского договора осуществлявший свою деятельность в рамках Европейского политического сотрудничества. Он готовит доклады и предложения по вопросам ОВПБ как самостоятельно, так и по просьбе Совета ЕС. [63]

Маастрихтский договор провозглашал, что «общая внешняя политика и политика безопасности включает все вопросы, относящиеся к безопасности Европейского союза, в том числе постепенное формирование общей политики в области обороны, которая может привести в будущем к общей обороне». Сферу обороны оставляли пока, как уже отмечалось, за Западноевропейским Союзом, провозглашенным неотъемлемой частью ЕС. Вопросы обороны не подходили к процедуре принятия совместных действий, указанной в статье J.3., и политика ЕС в данной области не затрагивает специфического характера политики безопасности и обороны отдельных стран-членов и их обязательств в ЗЕС, НАТО и по отношению друг к другу. [64]

Таким образом, непосредственно оборонная сфера получила в договоре незначительное развитие, но основные формы осуществления общей внешней политики и политики безопасности – совместные действия и выработка общих позиций – с момента вступления в силу получили практическое развитие. Эти формы нашли свое применение в различных регионах мира: в Европе (республики бывшей социалистической Югославии, Российская Федерация, Украина), Ближний Восток, Африка (ЮАР, Конго, Заир, Ливия, Судан), бассейн Карибского моря (Гаити), Корейский полуостров, а также касались различных проблем, касающихся нераспространения оружия массового поражения, технологий, противопехотных мин и т.д.

Среди примеров совместных действий можно упомянуть помощь по доставке гуманитарной помощи в Боснию и Герцеговину (решение Совета ЕС от 8 ноября 1993 г.), мероприятия по поддержке проведения выборов в Боснию и Герцеговину (10 июня 1996 г. и 30 мая 1998 г.), ряд специальных акций по управлению в г. Мостар с 1994 по 1996 гг., направление наблюдателей на парламентские выборы в России (решение от 9 ноября 1993 г.), акции в поддержку демократии и расового равноправия в ЮАР (6 декабря 1993 г.), назначение специального уполномоченного ЕС по ближневосточному мирному урегулированию (22 ноября 1996 г.), подготовка конференции 1995 г. по нераспространению ядерного оружия (25 июля 1994 г.), меры по экспортному контролю материалов двойного назначения (19 декабря 1994 г.), меры по запрету противопехотных мин (1995-1997), участие ЕС в KEDO – Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (5 марта 1996 г.), назначение спецпредставителя ЕС в регион Великих озер в Африке (25 марта 1996 г.), поддержка процесса демократизации в Демократической Республике Конго (19 декабря 1997 г.) и т.д. [65]

Более развитым являлся механизм принятия общих позиций по тем или иным вопросам, в частности благодаря опыту за годы до подписания Маастрихтского договора. Среди общих позиций можно выделить ограничение экономических отношений с Ливией (решение Совета ЕС от 22 ноября 1993 г.), Гаити (30 мая 1994 г.), Союзной Республикой Югославия (1990-е годы), эмбарго на поставку вооружений и военного снаряжения по отношению к Судану (15 марта 1994 г.), ограничение военного экспорта в бывшую Югославию (26 февраля 1996 г.), выработка целей и приоритетов по отношению к некоторым странам (Руанде, Бурунди, Анголе, Украине, России) и т.д. [66]

Как видно из вышеперечисленного, основная деятельность стран ЕС в области ОВПБ сводится к проведению специальных акций направленных на поддержание стабильности, борьбе против авторитарных режимов, укрепление демократических процессов (разумеется в западном понимании). Европейский Союз стремится, таким образом, выступать на международной арене как единое целое, быть особым игроком в мировой политике. Общая политика в области обороны стала связываться прежде всего с

миротворческой деятельностью и проведению специальных операций. Все чаще в связи с этим, соответственно, возникает необходимость в создании отдельных интегрированных военных группировок стран Евросоюза. К Франко-германской бригаде, Франко-германским военно-морским силам, Еврокорпусу (уже рассмотренными автором ранее) и некоторым другим многонациональным подразделениям, предназначенным прежде всего для НАТО, постепенно добавляются другие соединения, объединяющие некоторые отдельные страны. На сегодняшний день основные из них – это Еврофор, Евромарфор, Европейская воздушная группа, Многонациональная дивизия «Центр», а также многочисленные амфибийные группы и объединенные армейские корпуса, которые формально приданы ЗЕС/ЕС, но могут также использоваться в рамках НАТО или других соответствующих международных организаций.

Создание Еврофор (Европейские оперативные силы) и Евромарфор (Европейские морские силы) было провозглашено 15 мая 1995 г. на заседании Совета министров ЗЕС в Лиссабоне декларацией Франции, Испании, Италии, к которым присоединилась также Португалия. Их предполагалось использовать, в основном, в петербургских миссиях.

Официальная церемония создания Еврофор состоялась 9 ноября 1996 г. во Флоренции, где и был размещен их штаб, приведенный в состояние готовности 28 ноября 1997 г. Оперативная готовность самих сил Еврофор была провозглашена 9 июня 1998 г. в Кастре во Франции министрами обороны стран-учредителей после учений EOLO 98, прошедших также во Франции и представлявшие собой миссию по эвакуации граждан в операции по поддержанию мира, ведущаяся ЗЕС под мандатом ООН.

Командующий Еврофор подчинен Межведомственному комитету высокого уровня (CIMIN), состоящему из начальников штабов армий и из руководителей внешнеполитической деятельностью четырех стран-членов. Решение по использованию подразделений Еврофор остается в компетенции каждого из четырех правительств. Речь идет о непостоянных мобильных наземных силах (только штаб во Флоренции функционирует постоянно), оснащенных «легкими средствами», могущих достичь величины легкой дивизии (в зависимости от миссии), если каждая страна задействует подразделения на уровне бригады. [67]

Еврофор в случае задействования в петербургских миссиях должны выполнять функции многонационального командования сухопутных войск или межвойскового многонационального командования на уровне бригады под командованием высшего войскового соединения. Они должны иметь способность быстрых действий для помощи населению в случае кризиса, эвакуации, действий по предупреждению кризисов, а также способность посредничества, наблюдения и зонального контроля. [68] Первое оперативное задействование произошло 1 ноября 2000 г. – 2 апреля 2001 г. в Албании в рамках операции Joint Guardian.

Евромарфор также представляют собой не заранее определенные морские силы четырех держав (так называемые «доорганизационные» формирования) с морскими и амфибийными средствами. Каждая страна определяет соответствующие единицы в необходимый срок так, чтобы командующий смог выполнить любую задачу, которая на него была бы возложена. Для некоторых миссий типовой состав Евромарфор мог бы быть следующим: авианосец, четыре-шесть единиц эскорта, силы десанта (максимум в величину бригады), амфибийных транспортных судов, исходя из размера десанта, а так же как судно тактического снабжения. Если потребуется, то и морские патрульные самолеты, минные тральщики, подводные лодки (в том числе атомные) или другие типы судов. [69]

Евромарфор выполнили свою первую оперативную миссию в рамках операции «Последовательное поведение» («Coherent Behaviour») по морскому наблюдению в восточном Средиземном море с 1 октября по 30 ноября 2002 г. (далее последовало развертывание в Индийском океане в начале 2003 г. для операции «Решительное поведение» – «Resolute Behaviour»). Первого октября 2002 г. военно-морская группировка Еврофор в составе итальянского фрегата «Франческо Нимбели», французского фрегата

«Монкальм» и испанского фрегата «Бенседора» была приведена в состояние готовности на военно-морской базе в Таранто (Италия) для своего будущего использования. Эта операция является частью инициатив, предпринятых после 11 сентября 2001 г. по борьбе против международного терроризма. Она является первой операцией, осуществленной коалицией, составленной исключительно из европейских государств. Данная миссия Евромарфор предполагала, главным образом, использование в рамках операций по наблюдению и контролю для предупреждения незаконной деятельности в открытом море. Операция проходила под командованием собственных структур Евромарфор, но в сотрудничестве и при поддержке американских военно-морских сил и НАТО, задействованных в подобных миссиях в восточном Средиземноморье. Группировка насчитывала почти семьсот человек и находилась под оперативным контролем главнокомандующего итальянского флота вице-адмирала К. Грамеллини. Тактическое командование силами было поручено капитану первого ранга итальянского флота Исидоро Фуско, который находится на борту фрегата «Франческо Нимбелли», играющего роль флагманского корабля. Штаб командующего Фуско составлен из офицеров и четырех стран-членов Евромарфор. [70]

В конце 1994 г. Франция и Великобритания, констатируя свое сближение в кризисных операциях и взаимодополняемость военно-воздушных сил, решили создать Европейскую франко-британскую воздушную группу, от которой берет начало Европейская воздушная группа (ЕВГ). Она являлась не крупным оперативным формированием, а структурой, использующей эту взаимодополняемость военно-воздушных сил стран-партнеров и предназначенной усилить их способность вести операции сообща. Цель, таким образом, состояла в развитии взаимного управления и осуществлении работ по планированию, чему должны были способствовать проводимые ежегодно учения. В 1998 и 1999 гг. к Франции и Великобритании присоединились ФРГ, Италия, Бельгия, Испания, Нидерланды. ЕВГ не является многонациональным формированием в строгом смысле слова. Она состоит из представителей Великобритании, Франции, Италии, Германии, Нидерландов, Бельгии и Испании. Единственный постоянный орган – небольшой штаб в г. Хай Виком в Англии под управлением высшего офицера, занимающего также пост в своей стране, и сменяющемуся по принципу ротации. [71]

ЕВГ ведет теоретические работы в области поиска и спасения во время боя (CSAR – Combat Search And Rescue), беспилотных воздушных средств (UAV – Unmanned Aerial Vehicles), исследования возможностей по снабжению горючим и области связи, стремясь оценить настоящие и будущие способности стран-членов с целью координации предпринимаемых действий, поиска новых путей сотрудничества и мер по оптимизации. Страны, не входящие в ЕВГ, также могут присоединиться к работам, как, например, Норвегия, принимающая участие по технологическим вопросам. ЕВГ изучает возможность учреждения европейского командования военно-воздушного транспорта. Предполагается также организация воздушного компонента Европейского штаба для координации и контроля всех воздушных операций. В июне 2001 г. ЕВГ создала ячейку по координации европейского транспорта, замененную в 2004 г. центром европейского воздушного транспорта. [72]

В Многонациональной дивизии «Центр» (МДЦ) состоят подразделения Великобритании, ФРГ, Бельгии и Нидерландов. На Совете министров ЗЕС в Риме 19 мая 1993 г. эти четыре страны подтвердили, что они были готовы предоставлять ее для военных операций под эгидой ЗЕС. Штаб-квартира МДЦ расположена в германском городе Монхенгладбах. В настоящее время в нее входят четыре национальные бригады: бельгийская воздушно-десантная бригада «коммандос», 315-ая немецкая воздушно-десантная бригада, 11-ая нидерландская аэромобильная бригада и 24-ая британская аэромобильная бригада. МДЦ может насчитывать более 200 вертолетов (боевых, транспортных, противотанковых, разведывательных) и благодаря этому обладать высокой мобильностью, в отличие от более «тяжелых» подразделений. [73]

На том же Совете министров ЗЕС 1993 г. в Риме правительствами Великобритании и Нидерландов было объявлено, что для военных операций ЗЕС они предоставляют свою объединенную амфибийную группу. Британо-нидерландская амфибийная группа (БНАГ) опирается на 3 английскую бригаду «коммандос», которая является практически бригадой легкой пехоты, основная роль которой – «амфибийная война». С голландской стороны участвует первый батальон морской пехоты ВМФ. Быстро разворачиваемая, легко оснащенная БНАГ превосходит размер аналогичного подразделения в сухопутных войсках из-за того, что сложность амфибийной войны требует значительных организационных способностей по огневой поддержке и самообороне в соответствии с требованиями, исходящими из задействования сил морским путем, экспедиционной природой операций и проникновения на театр военных действий. В мирное время штат – БНАГ более 6000 человек. [74]

6 октября 1997 г., министры обороны ФРГ и Нидерландов заявили о своей решимости предоставить ЗЕС первый германо-нидерландский корпус (ГНК), в том числе соответствующую поддержку командования и контроля для операций под эгидой ЗЕС. Управляемый немецким корпусным генералом ГНК (со штабом в Мюнстере) состоит из первой механизированной дивизии Нидерландов и первой танковой дивизии ФРГ и насчитывает в общей сложности около 40 000 человек. [75]

27-28 октября 1997 г. на собрании глав начальников штабов в Бонне Испания и Италия подписали соглашение о концепции испано-итальянской амфибийной группы (ИИАГ), которая могла бы быть предоставленной в распоряжение ЗЕС для проведения петербургских операций. Речь шла не о заранее определенной группировке, даже не предполагавшей отдельного штаба, а об объединении уже существовавших амфибийных подразделений, которые сохраняли бы свои собственные каналы оперативного и организационного командования. Единственными постоянными элементами будут небольшие группы офицеров, которые будут являться частью Генерального штаба сил другой страны. [76]

Создавая данные подразделения, страны ЕС продолжали совершенствовать и договорные положения, касающиеся ОВПБ. В Маастрихтском договоре было предусмотрено, что для пересмотра устаревших положений договора о Европейском Союзе в 1996 г. будет созвана конференция представителей правительств стран ЕС (МПК – Межправительственная конференция). Она начала свою работу 29 марта 1996 г. в Турине.

Французские власти очень много сделали для ее подготовки и для дальнейшего развития механизма ОВПБ. Еще 6 декабря 1995 г. президент Франции Жак Ширак и канцлер ФРГ Гельмут Коль, с которым президент установил теплые отношения направляют своим коллегам в Европейском совете письмо, в котором говорилось о необходимости дальнейшего углубления интеграции в различных сферах, соблюдая особенно сроки перехода к единой валюте, а также содержался призыв сделать общую внешнюю политику и политику безопасности более ощутимой для европейцев и более определенной. [77]

Двухсторонние франко-германские консультации использовались президентом Ж. Шираком, премьер-министром Аленом Жюппе, министрами французского правительства и до, и во время проведения МПК по корректировке договора о ЕС. Лидеры Пятой республики и Германии высказывались, хотя и осторожно, в пользу расширения случаев голосования квалифицированным большинством при решении определенных вопросов в Совете министров ЕС. А Жак Ширак к тому же поддержал в начале 1996 г. точку зрения Европарламента, который накануне открытия МПК официально высказался за «коммунитаризацию внешних аспектов политики в том, что касается юстиции и внутренних дел..., борьбы с подпольной наркоторговлей и юридического сотрудничества в гражданской области». [78]

В ходе МПК, продолжавшейся более года, актуализировались и проблемы, связанные с разногласиями между «европеистами» и «атлантистами», а именно по вопросам

межгосударственного или наднационального характера ОВПБ, о допустимости или нежелательности «твердого ядра» внутри ЕС, о единогласии или квалифицированном большинстве при принятии решений, о роли ЗЕС и его отношениях с ЕС и НАТО. Хотя подходы к различным вопросам и точки зрения стран в процессе переговоров менялись, в основном Франции и Германии противостояла Великобритания.

Министр иностранных дел Эрве де Шаретт и делегированный министр по европейским делам Мишель Барнье постоянно координировали деятельность французской делегации на МПК, поддерживая связь с президентским Елисейским дворцом. В первые же дни конференции ее участники подтвердили, что «международная ситуация увеличивает ответственность Союза и делает еще более необходимым усиление его идентичности на международной арене». В начале июня 1996 г., заручившись поддержкой ФРГ, французская делегация сделала официальное предложение о создании поста «верховного представителя по общей внешней политике и политике безопасности». Данный институт, ответственный перед Европейским советом, должен был бы привести к усилению ОВПБ и укреплению европейской оборонительной составляющей. Франция и ФРГ высказались и за то, чтобы в будущем Совете министров ЕС «никакое государство не располагало правом вето». [79]

Острые споры вызвали предложения о концепции «углубленного сотрудничества» и интеграции ЗЕС в ЕС. Франко-германское предложение об «углубленном сотрудничестве» было внесено на МПК 22 октября 1996 г. А 9 декабря на саммите в Нюрнберге Ж. Ширак и Г. Коль выступили с развернутой программой активизации ОВПБ. Она предусматривала углубление сотрудничества в некоторых вопросах между странами ЕС, которые к нему готовы, облегчение принятия решений по ОВПБ (отход от принципа единогласия), продвижение к включению ЗЕС в ЕС. Данная инициатива была усилена 25 марта 1997 г. «проектом шести» (Франции, ФРГ, Бельгии, Люксембурга, Испании, Италии), который поддержали Нидерланды, о поэтапной интеграции ЗЕС в ЕС. [80] Однако Великобритания по-прежнему сопротивлялась предложениям, способных «подорвать» компетенцию НАТО и затронуть суверенитет в военной сфере.

В результате переговоров, серий компромиссов между «атлантистами» и «европеистами» на завершившей МПК сессии Европейского совета в Амстердаме 16-17 июня 1997 г. были подведены итоги подготовки нового договора, подписание которого состоялось в столице Нидерландов 2 октября.

Положения, касающиеся ОВПБ, в Амстердамском договоре были существенно расширены и дополнены (всего 17 статей вместо 11 ранее). В целях ОВПБ больший акцент был сделан на провозглашение единства ЕС, вследствие чего были исключены обязательства в отношении государств-членов и оставлены только слова, обозначающие Евросоюз в целом. Статья J.1. (или статья 11 по новой нумерации) гласила (курсивом выделены добавленные положения – Т.В.):

«Европейский Союз [в Маастрихтском договоре «и государства-члены» – Т.В.] определяет и осуществляет общую внешнюю политику и политику безопасности, охватывающую все области внешней политики и политики безопасности, имеющую следующие цели:

- защита общих ценностей, основных интересов, независимости и целостности Союза [в Маастрихтском договоре «и государств-членов» – Т.В.] в соответствии с принципами Устава ООН;
- всестороннее укрепление безопасности Союза;
- поддержание мира и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинкского заключительного акта и целями Парижской хартии, включая относящиеся к внешним границам;
- содействие международному сотрудничеству;
- развитие и усиление демократии и правового государства, а так же уважение прав человека и основных свобод. [81]

В амстердамском договоре расширен круг средств ОВПБ. В соответствии со статьей J.2. Европейский Союз мог преследовать вышеизложенные цели:

- определяя принципы и основные направления общей внешней политики и политики безопасности;
- определяя общие стратегии;
- предпринимая совместные действия;
- принимая общие позиции;
- усиливая систематическое сотрудничество между странами-членами в проведении их политики. [82]

Принципы и основные направления общей внешней политики и политики безопасности определяются Европейским советом, в том числе, по вопросам, затрагивающим сферу обороны. Решения, необходимые для разработки и претворения в жизнь ОВПБ на базе основных направлений, установленных Европейским советом, принимает Совет ЕС. Европейский совет принимает решения об общих стратегиях, которые будут применяться Евросоюзом в тех сферах, где государства-члены имеют важные общие интересы, и в которых указываются их цели, срок действия и средства, которые должны предоставить ЕС и государства-члены. Совет ЕС, который должен заботиться о единстве, согласованности и эффективности действий ЕС, вносит в Европейский совет рекомендации об общих стратегиях и реализует последние, в частности, путем утверждения совместных действий и общих позиций. [83]

Статья J.4. расширила и положения о совместных действиях, которые принимает Совет ЕС, и относятся к определенным ситуациям, где оперативные действия ЕС признаны необходимыми. В совместных действиях, являющихся обязательными для государств-членов при выражении ими своих позиций и осуществлении своих действий, устанавливаются цели, сферы применения, средства, которые должны быть предоставлены в распоряжение ЕС, условия их применения и, при необходимости, срок действия. Если происходит изменение обстоятельств, имеющее очевидное влияние на вопрос, являющийся предметом совместного действия, то Совет вправе пересмотреть принципы и цели данной акции и принять необходимые решения. До тех пор, пока Совет не принял соответствующих мер, совместное действие остается в силе. Он также может обратиться к Комиссии с запросом о представлении ему любого соответствующего предложения, относящегося к ОВПБ, в целях обеспечить осуществление совместного действия. [84]

О любом выражении позиции или любом действии на национальном уровне, намеченном для его осуществления, производится информирование в сроки, дающие возможность провести, в случае необходимости, предварительное согласование в рамках Совета ЕС. Обязанность предварительного информирования не распространяется на меры, представляющие собой простую передачу на национальный уровень решений Совета. В случае крайней необходимости, связанной с изменением ситуации, и при отсутствии решения Совета государства-члены могут в неотложном порядке принять требуемые меры (при незамедлительном информировании о них Совета), учитывая при этом основные цели совместного действия.

Общие позиции принимаются Советом ЕС (статья J.5.). В них определяется позиция Евросоюза по конкретному вопросу географического или тематического характера. Государства-члены следят за соответствием своей национальной политики общим позициям. Систематическое сотрудничество предусматривало информирование государствами ЕС друг друга и согласование в рамках Совета по любому вопросу внешней политики и политики безопасности, представляющему общий интерес, с тем, чтобы посредством сближения их действий Союз осуществлял свое влияние наиболее эффективным образом (статья J.6.). [85]

В ОВПБ включалась вся совокупность вопросов относительно безопасности ЕС, в том числе поступательное формирование общей оборонной политики, которая может

привести к общей обороне, если так решит Европейский совет. К этим вопросам, как уже говорилось в предыдущем параграфе, были отнесены петербургские задачи. Кроме того, «поступательное формирование общей оборонной политики подкрепляется сотрудничеством между государствами-членами в сфере вооружений в той мере, в какой государства-члены считают его целесообразным». [86]

В статье J.13. несколько модернизировался механизм голосования. Принцип единогласия в голосовании по ОВПБ в Амстердамском договоре был сохранен, однако если государство воздерживается при голосовании, то это не рассматривается как основание для неприятия решения (принцип «конструктивного воздержания»). Квалифицированным большинством Совет ЕС постановляет:

- когда он утверждает совместные действия и общие позиции или принимает любые другие решения, основанные на общей стратегии;
- когда он принимает любые решения, направленные на практическое осуществление совместного действия или принятие общей позиции.

Если член Совета заявит о том, что по важным соображениям национальной политики, которые должны быть им изложены, он намерен выступить против решения, подлежащего принятию квалифицированным большинством, то голосование не проводится. Совет, постановляя квалифицированным большинством, может потребовать, чтобы вопрос был передан на рассмотрение Европейского совета в целях принятия решения путем единогласия. [87]

Амстердамский договор предусматривал и случай заключения соглашения с одним или несколькими государствами или международными организациями в процессе проведения ОВПБ (статья J.14.). Переговоры об их заключении ведутся государством-председателем, уполномоченное Советом ЕС, при возможном содействии Комиссии. Само соглашение заключается Советом, принимающим решение единогласно, по рекомендации председательствующего государства. Причем «никакое соглашение не связывает страну, представитель которой в Совете ЕС заявляет, что он должен придерживаться своих собственных конституционных правил». Другие члены Совета могут договориться о том, что соглашение, тем не менее, подлежит применению на временной основе. [88]

Как уже было отмечено, для обеспечения успешного функционирования и координации механизма ОВПБ вводится пост Генерального секретаря Совета ЕС, одновременно выполняющий функции Высокого представителя Европейского Союза по общей внешней политике и политике безопасности. Генеральный секретарь Совета – Высокий представитель по ОВПБ призван помогать Совету по вопросам, относящимся к общей внешней политике и политике безопасности, в частности, содействуя формулированию, подготовке и реализации политических решений, при необходимости, выступая от имени Совета и, по запросу председательствующего государства, осуществляя политический диалог с третьими сторонами. [89] В этом плане изменяется состав «тройки». После Амстердамского договора она стала состоять из настоящего председательствующего государства, будущего государства-председателя и Генерального секретаря Совета ЕС / Высокого представителя по ОВПБ. К выполнению задач по ОВПБ продолжает привлекаться Комиссия.

Принимая во внимание изложенные положения, а также положения относительно Западноевропейского Союза в Амстердамском договоре об интеграции ЗЕС в ЕС, рассмотренные ранее, можно сказать, что результаты модернизации Маастрихтских статей об общей внешней политике и политике безопасности оказались достаточно важными, хотя и более скромными, чем ожидалось сначала. Прежде всего процесс подготовки Амстердамского договора показал, что дальнейшее развитие оборонной политики ЕС будет зависеть от готовности некоторых стран идти по этому пути. Речь здесь идет об отказе от противодействия интеграции в сфере обороны со стороны Великобритании.

3. Развитие военной составляющей политики Европейского Союза в конце XX – начале XXI вв.

Франко-британский саммит в Сен-Мало 1998 г. имел очень большое значение для развития общей политики ЕС в области обороны, поскольку до осени 1998 г. Великобритания всячески противилась распространению интеграции на сферу общей внешней политики и политике безопасности, особенно на вопросы обороны, не желая ущемлять атлантические связи. Однако опасение остаться на обочине процесса интеграции в Евросоюзе заставило английское правительство изменить свой курс. Кроме того, особые отношения с США уже не являлись гарантией достаточного веса ее голоса в Европе. А оппозиция Великобритании введению евро могло закрепить за ней роль тормоза развитию интеграционного процесса.

Накануне неофициального саммита глав государств и правительств ЕС в Пертшахе 24-25 октября 1998 г. премьер-министр Великобритании Энтони Блэр заявил, что Великобритания выступает теперь за формирование оборонной составляющей в Евросоюзе. На самом саммите он признал, что не исключает перспективу интеграции ЗЕС в ЕС, выступая за то, чтобы ЕС имел «более влиятельный голос, выражающий согласованное мнение членов в интересах энергичного и последовательного проведения общей внешней политики и политики безопасности на ЕС, подкрепляемой, если возникает необходимость, быстрыми эффективными военными средствами». [90]

Данный саммит открыл дорогу англо-французскому сближению по проблеме военной интеграции в ЕС, которое и было продемонстрировано на встрече президента Франции Ж. Ширака, французского премьер-министра Л. Жоспена и премьер-министра Великобритании Э. Блэра на состоявшемся 4 декабря 1998 г. саммите в Сен-Мало во Франции, на котором была принята франко-британская декларация по европейской обороне.

Лидеры двух государств согласились со следующими целями ЕС, для достижения которых они согласились объединить усилия двух стран. [91]

1. Европейский союз должен в полной мере играть свою роль на международной арене, быстро и полностью исполняя постановления по ОВПБ Амстердамского договора, что включает ответственность европейского Совета за решения по постепенному развитию общей оборонной политики в рамках ОВПБ.

2. С этой целью ЕС должен иметь возможность автономных действий, опирающуюся на надежные военные силы со средствами их использования и готовность их применять для того, чтобы отвечать на международные кризисы.

При этом оговаривалось, что при усилении солидарности между странами ЕС обновляемый Североатлантический альянс должен быть основой коллективной обороны его государств-членов. В этой перспективе обязательства по коллективной обороне в соответствии с договорами о создании НАТО и ЗЕС должны быть сохранены. А усиление европейской солидарности должно принять во внимание различные позиции стран ЕС.

3. Европейский Союз должен быть оснащен соответствующими структурами, чтобы принимать решения по одобрению военных действий в случае, если НАТО как таковая не вовлечена.

Он должен располагать также способностью оценки ситуаций, источниками разведки, и способностью стратегического планирования, без ненужного дублирования структур, принимая в расчет средства ЗЕС и эволюцию его отношений с Европейским Союзом. В этой связи ЕС должен уметь использовать соответствующие военные средства (национальные или многонациональные силы как рамках НАТО так и вне их).

4. Европа нуждается в усиленных вооруженных силах, опирающихся на сильную и конкурентоспособную промышленную и технологическую базу обороны, способных противостоять новым угрозам.

Данные положения были поддержаны со стороны НАТО на юбилейном саммите Североатлантического договора, состоявшемся в Вашингтоне 23-24 июня 1999 г., на

котором берлинские обязательства НАТО 1996 г. по отношению к ЗЕС переходят к Евросоюзу (соглашение было названо «Берлин плюс»), для того, чтобы предоставить доступ Евросоюзу к коллективным средствам и мощностям НАТО для операций, в которых она не задействована. [92]

Мощным стимулом для ускоренного развития европейской политики безопасности и обороны явился Косовский кризис 1999 г. и военная операция НАТО в Союзной Республике Югославия, в которой Западная Европа по сравнению с США оказалась достаточно слабой.

3-4 июня 1999 г. состоялось заседание Европейского совета в Кельне, который подтвердил принципы франко-британской декларации по европейской обороне, приветствовал решения Вашингтонского саммита НАТО и подчеркнул намерение государств ЕС установить настоящий механизм по управлению кризисами, благодаря которому они смогут полностью и на равных условиях (независимо от того, является ли государство членом НАТО, нейтральным и т.д.) принять участие в операциях Европейского Союза. Для этого была заявлена решимость передать функции ЗЕС по осуществлению петербургских миссий Евросоюзу, и были намечены меры по обеспечению политического контроля и эффективного стратегического руководства петербургскими операциями, ведомых Европейским союзом. [93]

В Докладе Председателя Совета ЕС по усилению общей европейской политики в области безопасности и обороны отмечено, что эти меры могут потребовать организации:

- регулярных сессий (или ad hoc) Совета министров иностранных дел ЕС (Conseil «Affaires générales»), в которых примут участие, если это необходимо, министры обороны;
- постоянного органа в Брюсселе (Комитет политики и безопасности – КПБ), составленный из представителей, компетентных в политико-военной области;
- Военного комитета ЕС, составленного из военных представителей и формулирующего рекомендации для Комитета политики и безопасности;
- учреждения Штаба ЕС с центром прогнозирования ситуаций;
- эксплуатации других ресурсов, таких как спутниковый центр или институт исследования безопасности. [94]

Решения, касающиеся миссий управления кризисами, в особенности решения, предполагающие военное вовлечение или затрагивающие область обороны, должны приниматься в соответствии со статьей 23 (или J.13.) Амстердамского договора. Страны члены сохраняют в любых обстоятельствах право решать условия развертывания своих национальных сил.

Что касается военных средств, была подчеркнута необходимость организации странами ЕС сил (в том числе своих штабов), которые бы были предназначены для операций по управлению кризисами, без ненужного дублирования. Главные характеристики вооруженных сил должны включать проекционную способность, защищенность, оперативную совместимость, гибкость и мобильность. В зависимости от обстоятельств ЕС может вести операции как со средствами НАТО, так и не прибегая к ним. [95]

Среди других положений, относящихся к ОВПБ, Европейский совет в Кельне принимает первую общую стратегию Европейского Союза, которая касается России, декларацию по Косову и назначил Хавьера Солану Генеральным секретарем Совета ЕС / Высоким представителем по ОВПБ (его заместителем был назначен бывший постоянный представитель Франции при Европейском Союзе Пьер Буассо). [96]

Париж был согласен с тем, чтобы в перспективе ЕС обладал осуществляющим сотрудничество в политической области Комитетом политики и безопасности и общим европейским военным штабом. Летом 1999 г. Франция выступила с планом действий по отношению к ОВПБ. Ж. Ширак и Л. Жоспен делали основной упор на облегчение институциональных проблем, связанных с интеграцией ЗЕС в ЕС, более быстрое развитие «европейской военной дееспособности» и создание при Генсеке Совета ЕС / Высоком представителе по ОВПБ Комитета политики и безопасности на уровне послов стран ЕС.

Кроме того, Франция высказывалась и за создание на уровне ЕС постоянного военного комитета, состоящего из представителей генеральных штабов. [97]

Эти предложения были рассмотрены на встрече министров иностранных дел и обороны государств ЕС, состоявшейся 15 ноября 1999 г. в Брюсселе. На этом заседании было достигнуто решение создать к 2002-2003 гг. более мощный Европейский военный корпус численностью около 50 000 человек. Предполагалось, что Еврокорпус может быть модернизирован в европейские силы быстрого реагирования. Франция взяла на себя обязательство поставить на службу ЕС французский межвойсковой оперативный центр. [98]

Решения саммита в Кельне были конкретизированы на заседании Европейского совета в Хельсинки 10-11 декабря 1999 г. (во время председательства в ЕС Финляндии). Для развития европейских способностей по проведению петербургских операций на базе уже существующих национальных или многонациональных способностей, главы государств и правительств стран ЕС зафиксировали себе «общей целью» к 2003 г. готовность к развертыванию сил до уровня армейского корпуса (до 15 бригад, то есть 50 000 – 60 000 человек). Эти силы должны быть в военном отношении самодостаточными и снабжены необходимыми средствами командования, контроля и разведки, материально-технического обеспечения и другими единицами поддержки в бою, а так же, при необходимости, воздушными и морскими элементами. Страны-члены должны были бы быть в состоянии полностью развертывать такие силы в шестидесятидневный срок и поддерживать такое развертывание сил, по крайней мере, в течение года. Это будет требовать организации дополнительных развертываемых единиц и средств поддержки меньшей степени готовности для смены сил, развернутых изначально. [99]

На саммите в Хельсинки главы государств и правительств определили коллективные цели в вопросах командования и контроля, разведки и стратегического транспорта, приветствовав в этом отношении решения, уже провозглашенные некоторыми государствами членами:

- развитие и координация военных средств слежения и раннего оповещения;
- доступ офицерам из других стран-членов ЕС в существующие национальные межвойсковые штабы;
- усиление способности существующих многонациональных европейских сил быстрого реагирования;
- подготовка учреждения европейского командования воздушного транспорта;
- увеличение количества войск, готовых к развертыванию;
- усиление стратегических способностей морского транспорта. [100]

Совет министров иностранных дел и обороны стран ЕС призван работать над этими целями, а также выработать метод консультации, благодаря которому будет возможно их достичь, и благодаря которому каждая страна ЕС сможет определить свой национальный вклад. Страны-члены используют, кроме того, существующие процедуры планирования в вопросах обороны, в том числе, если они подходят, процедуры НАТО и процесса планирования и ревизии (PARP) программы Партнерство во имя мира.

Страны-члены ЕС приветствовали достижения, осуществленные в целях реорганизации европейской оборонной промышленности и способствующие усилению технологической и промышленной базы европейской обороны. Такая эволюция призывает к увеличению усилий по координации военных потребностей, планирования и поставок вооружений. [101]

Были конкретизированы решения по созданию в рамках Совета ЕС новых политических и военных органов. [102]

1. Комитет политики и безопасности (КПБ), находящийся в Брюсселе, будет составлен из национальных представителей на уровне представителей высокого уровня / послов. Он будет обсуждать все аспекты общей внешней политики, политики безопасности и обороны в соответствии с постановлениями Амстердамского договора. В случае военной

операции по управлению кризисами КПБ должен осуществлять (под руководством Совета ЕС) политический контроль и стратегическое руководство операцией. С этой целью будут приняты соответствующие процедуры, чтобы принимать эффективные и срочные решения. КПБ будет также направлять директивы Военному комитету.

2. Военный Комитет (ВК) будет составлен из начальников генеральных штабов вооруженных сил, представленных в текущей работе их военными представителями. Этот комитет будет выражать мнения по военным проблемам, формулировать рекомендации для КПБ и предоставлять военные директивы Штабу ЕС. Председатель ВК будет присутствовать на сессиях Совета ЕС, когда тот должен принять решения, имеющие отношение к области обороны.

3. Штаб ЕС в рамках структур Совета ЕС будет заниматься вопросами ЕПБО, касающимися проведения военных операций по управлению кризисами, ведущимися ЕС. Штаб будет отвечать за раннее оповещение, за оценку ситуаций и за стратегическое планирование петербургских миссий, включая определение национальных и многонациональных европейских сил.

Временно до учреждения вышеперечисленных постоянных органов с 1 марта 2000 г. предполагалось организовать работу подобных временных органов.

Высокий представитель по ОВПБ, содействуя Совету ЕС, должен вносить вклад в эффективность и в последовательность ОВПБ и в подготовку ЕПБО и в соответствии с Амстердамским договором способствовать определению, разработке и использованию политических решений.

Европейские страны НАТО, не являющиеся членами ЕС, так же как страны-кандидаты на вступление в Европейский Союз, будут приглашены способствовать этому улучшению европейских военных способностей, что должно усилить эффективность военных операций под руководством ЕС и способствовать эффективности и жизнеспособности европейской опоры НАТО. Эти страны, а также Россия, Украина, другие европейские государства, принимающие участие в политическом диалоге с ЕС и некоторые заинтересованные государства могут быть приглашены принять участие в операциях под руководством ЕС. Все страны, подтвердившие свое участие в таких операциях, будут иметь те же права и обязанности, что государства Евросоюза. [103]

Кроме вышесказанного, было решено разработать механизм невоенного управления кризисами, чтобы координировать и эффективнее использовать различные гражданские средства и ресурсы параллельно со средствами и военными ресурсами, которыми располагают страны ЕС. Страны-члены Евросоюза располагают, отдельно или вместе, опытом или значительными ресурсами в некоторых областях, таких как гражданская полиция, оказание гуманитарной помощи, приведение в порядок административных и юридических структур, спасательная и исследовательская деятельность, наблюдение за выборами, соблюдение прав человека и т.д. Этот «перечень» должен был бы дополняться и обновляться регулярно для того, чтобы лучше определить сильные места и пробелы в деятельности. [104]

Под председательством Португалии следующий саммит 19-20 июня 2000 г. в португальском городе Санта-Мария де Фейра Европейский совет приветствовал начало работ временных органов, определенных в Хельсинки, и принял важные решения для развития военных и гражданских способностей ЕС по управлению кризисами. На саммите было решено организовать конференцию по обязательствам относительно военных способностей 20 ноября 2000 г. Эта конференция будет случаем для каждой страны ЕС точно определять свой вклад в достижение поставленных целей. Речь идет, таким образом, о том, чтобы перейти от общей политической цели относительно возможностей ЕС к точной военной оценке потребностей, на базе которой каждое государство определит свое участие в коллективных усилиях и начиная с которой страны ЕС будут рассматривать недостающие потребности и средства их удовлетворяющие. Эта работа будет проводиться в период французского председательства в ЕС. На саммите было

обозначено, что к этому добавятся проекты об усилении европейских способностей разведки, прогнозирования, командования и контроля, о вопросах подготовки и связности национальных и многонациональных европейских сил. [105]

На саммите в Фейра был учрежден комитет, ответственный за гражданские аспекты управления кризисами, и были зафиксированы первостепенные цели в этой области. В вопросе о гражданской полиции, который объявлялся приоритетным, страны ЕС обязались сформировать до 2003 г., полицейский контингент до 5000 человек для международных миссий и быть в состоянии развернуть до 1000 полицейских в тридцатидневный срок. [106]

Саммит в Фейра позволил определить принципы и условия соглашений, позволяющих европейским странам НАТО, не входящими в ЕС, и другим странам-кандидатам на вступление содействовать военному управлению кризисами, ведущемуся ЕС. Также были определены принципы консультации с НАТО в военных вопросах и были названы четыре области, в которых ЕС собирается развить свои отношения с Североатлантическим альянсом. Это вопросы безопасности, цели в соответствии с возможностями ЕС, условия, позволяющие ЕС иметь доступ к средствам НАТО, и определение постоянных механизмов консультаций. С этой целью Советом ЕС созданы четыре рабочие группы. [107]

Конференция, о которой говорилось на саммите в Фейра, состоялась с участием министров иностранных дел и обороны ЕС в Брюсселе 20-21 ноября 2000 г., в результате которой была принята Декларация об обязательствах по военным способностям. В ней были подытожены цели Европейского Союза в области европейской политики безопасности и обороны. «Одним из приоритетов Евросоюза, – говорится в документе, – является создание и развитие гражданских и военных средств и способностей, необходимых, чтобы позволить Европейскому Союзу осуществлять все миссии по предупреждению конфликтов и управлению кризисами, определенные в договоре о Европейском Союзе («петербургские» миссии)». ЕС подчеркнул в этом отношении свою решимость развивать автономную способность проводить военные операции тогда, когда не задействована НАТО, и с этой целью развить более эффективные военные способности «без ненужного дублирования», не предполагая «создания европейской армии». Евросоюз стремится таким образом больше способствовать международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, устава ОБСЕ и Заключительного хельсинкского акта 1975 г., признавая главную ответственность Совета Безопасности ООН в вопросе сохранения международного мира и безопасности. [108]

Эта конференция позволила определить некоторое количество принципиальных областей, в которых будут сделаны усилия по модернизации существующих средств, капиталовложению, развитию и координации, чтобы приобрести или улучшить способности по управлению кризисами, необходимые для автономного действия Европейского союза.

В перспективе создания европейских сил быстрого реагирования, определенное в Хельсинки, в количественном плане провозглашалось соответствие этой цели. Источник формирования европейских сил составляют в специально сформированном «Каталоге сил» Евросоюза более чем 100 000 человек, приблизительно 400 боевых самолетов и 100 кораблей, полностью соответствующих потребностям выполнения миссий по управлению кризисами.

Предполагалось, что к 2003 г., как только компетентные политические и военные органы Европейского Союза будут в состоянии обеспечить под руководством Совета ЕС политический контроль и стратегическое направление операций ЕС, последний сможет взять на себя петербургские миссии в зависимости от роста своих военных способностей, делая акцент при этом на подготовке личного состава, способности к развертыванию и к длительным действиям, оперативной совместимости сил. Усилия планировалось сделать также в специфических областях, таких как воинское снаряжение, в том числе вооружение

и боеприпасы, службы поддержки, в том числе в медицинской области. [109]

В сфере командования, контроля и коммуникаций страны ЕС предложили приемлемое число национальных или многонациональных штабов на различных уровнях. Эти предложения должны быть оценены заранее в качественном плане, чтобы ЕС мог располагать, не прибегая к возможностям НАТО, оптимальными средствами командования и контроля, принимая во внимание значимость, которую ЕС придает быстрому окончанию текущих работ по доступу к средствам НАТО. Штаб ЕС, который будет располагать предварительной оперативной способностью в течение 2001 г, должен усилить коллективную способность раннего оповещения Евросоюза и снабдить его способностью предварительной оценки ситуаций и стратегического планирования. [110]

В вопросах разведки (кроме возможностей спутникового центра в Торрехоне) государства ЕС предложили некоторое число средств, которые могут содействовать способности Европейского Союза в анализе и контроле над ситуацией. Тем не менее, они отметили, что в этой области будут необходимы серьезные усилия, чтобы располагать в будущем большей разведывательной способностью стратегического уровня.

Относительно воздушных и морских стратегических транспортных способностей Евросоюза, признаны необходимыми улучшения, чтобы гарантировать ему возможность в состоянии отвечать на любые нужды по петербургским операциям в плане быстрой и надежной переброски войск.

В отношении усиления оперативных способностей в рамках операций по управлению кризисами установлены средства поиска и спасения в оперативных условиях, инструменты обороны против баллистических ракет «земля-земля», высокоточное оружие, материально-техническая поддержка.

В документе отмечен позитивный фактор реорганизации европейской оборонной промышленности в некоторых странах ЕС, благоприятствующей развитию европейских способностей. В качестве примера приводились проекты будущего транспортного самолета («А 400М»), судна морского транспорта, военно-транспортного вертолета («NH 90»). Наконец страны ЕС обязались улучшить доступ ЕС к спутниковым технологиям («Гелиос 2», «SAR Lure» и «Cosmos skymed»). [111]

Чтобы обеспечить постоянство европейских шагов по усилению своих военных способностей, министры иностранных дел и обороны согласились со значимостью определения механизма оценки, позволяющего обеспечить оценку и контроль своих целей и облегчить прогресс осуществления обязательств, взятых с целью достижения хельсинкской «общей цели» одновременно в плане количества и качества. Этот механизм базируется на консультациях между странами ЕС, а во избежание дублирования механизм оценки сможет для заинтересованных стран ЕС опереться на технические данные существующих механизмов НАТО, например, планирование обороны и процесс планирования и ревизии (PARP). [112]

Этот механизм будет основан на следующих принципах:

- а) сохранение самостоятельности решений ЕС, в частности, в определении, оценке и контроле целей способностей ЕС;
- б) признание добровольного политического характера взятых обязательств, предполагающее, что страны Евросоюза ответственны за приведение своих обязательств в соответствие с проведенной оценкой;
- в) прозрачность, простота и ясность, чтобы облегчить сравнение обязательств стран-членов ЕС;
- г) постоянство и регулярный характер оценок осуществленных достижений на базе докладов, позволяющих министрам принимать соответствующие решения;
- д) гибкость, необходимая для приспособления обязательств к новым потребностям.

Прогресс в сфере ЕПБО после подписания Амстердамского договора, решение передать функции кризисного регулирования от ЗЕС к ЕС после саммита Совета ЗЕС в Марселе, рассмотренного ранее, отразился и в новом модифицированном договоре о Европейском

Союзе, принятым на заседании Европейского совета 7-11 декабря 2000 г. в Ницце (официально текст договора был подписан после дополнительных согласований 26 февраля 2001 г., а вступил в силу 1 февраля 2003 г.) во время французского президентства в ЕС. Главы государств и правительств ЕС приняли доклад председательствующего государства по европейской политике безопасности и обороны, который предусматривал развитие военных способностей ЕС (создание европейских сил быстрого реагирования), создание постоянных политических и военных структур (Комитет политики и безопасности (КПБ), Военный комитет (ВК) и Штаб ЕС) и передача Евросоюзу функций управления кризисами от ЗЕС. [113]

В Ниццком договоре КПБ, призванный быть основным органом осуществления общей европейской политики безопасности и обороны, был призван следить за международной обстановкой в сферах, относящихся к общей внешней политике и политике безопасности, и содействовать формированию политики путем подготовки заключений для Совета ЕС по запросу последнего или по своей собственной инициативе. Он также осуществляет наблюдение за реализацией согласованной политики, без ущерба для компетенции Председателя ЕС и Комиссии. Комитет под ответственностью Совета осуществляет политический контроль и стратегическое руководство в отношении операций по урегулированию кризисов. [114]

Непосредственные решения по новым постоянным органам ЕПБО были приняты Советом ЕС 22 января 2001 г. (относительно Штаба ЕС впоследствии оговорено, что решение о его создании применяется с 11 июня 2001 г., самое позднее к июню 2001 г. должен быть создан и Военный комитет). [115] Кроме вышеизложенных положений относительно данных органов, обозначенных в Хельсинки и Ниццком договоре, следует отметить еще ряд принятых тезисов.

Комитету политики и безопасности надлежит:

- рассматривать проекты заключений Совета министров иностранных дел и обороны ЕС;
- давать установки по сюжетам ОВПБ другим комитетам;
- быть «привилегированным собеседником» Генерального секретаря Совета ЕС / Высокого представителя по ОВПБ и специальных представителей;
- получать информацию, рекомендации и мнения Комитета по гражданским аспектам управления кризисами и направлять ему директивы по сюжетам ОВПБ;
- координировать и контролировать в области ОВПБ работы различных рабочих групп, которым он может направить директивы и доклады которых он должен рассмотреть. [116]

КПБ играет главную роль в интенсификации консультаций с НАТО и заинтересованными третьими странами. Генеральный секретарь Совета ЕС / Высокий представитель по ОВПБ на базе работ КПБ ориентирует деятельность Ситуационного центра, который поддерживает КПБ, предоставляя ему информацию в условиях, соответствующих управлению кризисами.

Осуществляя политический контроль и стратегическое руководство военной операцией ЕС, КПБ, исходя из мнений и рекомендаций Военного комитета, предлагает на рассмотрение Совета ЕС соответствующие рекомендации. На этой основе в рамках совместного действия Совет принимает решение о начале операции. В соответствии со статьями 18 и 26 Ниццкого договора о Европейском Союзе это совместное действие определяет роль Генерального секретаря Совета ЕС / Высокого представителя по ОВПБ в использовании мер «политического контроля и стратегического руководства», осуществленных КПБ. Принимая эти меры, Высокий представитель действует в соответствии с указаниями КПБ и в случае кризисной ситуации может возглавить КПБ после консультации с Председателем ЕС. В заседании КПБ может принять участие также председатель Военного комитета. [117]

Военный комитет ЕС – высший военный орган ЕС в рамках Совета ЕС, осуществляющий

руководство всей военной деятельностью Евросоюза. Сфера деятельности ВК охватывает консультации и военное сотрудничество между странами ЕС в области предупреждения конфликтов и управления кризисами. Он единогласно высказывает военные точки зрения и формулирует рекомендации для КПБ (по его запросу или по собственной инициативе), в особенности касающихся следующих аспектов:

- развитие общей концепции управления кризисами в военных аспектах;
- военные аспекты, связанные с политическим контролем и стратегическим руководством операций и ситуаций по управлению кризисами;
- оценка опасностей, которую могли бы представить потенциальные кризисы;
- военная сторона кризисных ситуаций и их последствия, в частности для управления ими; для этой цели ВК получает документы от Ситуационного центра;
- составление, оценка и пересмотр целей в соответствии со способностями ЕС согласно утвержденным процедурам;
- военные отношения ЕС с европейскими членами НАТО, не входящими в ЕС, кандидатам на вступление, другими государствами и организациями;
- финансовая оценка операций и учений. [118]

Военный комитет ЕС в ситуациях управления кризисами:

о по запросу КПБ направляет первоначальную директиву генеральному директору Штаба ЕС, чтобы определить и представить стратегические варианты военных действий.

о оценивает стратегические варианты военных действий, выработанные Штабом, и передает их в КПБ, оценивая их со своей стороны.

о На базе выбора, сделанного Советом ЕС, начинает составление первоначальной директивы по планированию для командующего операцией.

о На базе оценки, осуществленной Штабом ЕС, направляет в КПБ мнения и рекомендации по:

- концепции операции, подготовленной командующим операцией;

- проекту плана операции, разработанным командующим операцией.

о направляет уведомление в КПБ о выборе цели операции. [119]

В ходе операции Военный комитет ЕС следит за необходимостью осуществлением, ведущимся под ответственностью командующего операцией.

Председателем ВК ЕС назначают высшего офицера (как отмечается в документе – «четырёхзвездный офицер»), преимущественно бывшего начальника штаба вооруженных сил на три года, представляющего Военный комитет в КПБ и Совете ЕС, а также выполняющего функцию военного советника при Генеральном секретаре Совета ЕС / Высоком представителе по ОВПБ по всем военным вопросам, обеспечивая связь между структурами ЕС по управлению кризисами. Председатель ВК ЕС присутствует на сессиях Совета ЕС во время принятия решений, имеющие отношение к области обороны. [120]

Штаб Европейского Союза служит источником военной экспертизы ЕС, обеспечивает связь между ВК ЕС, с одной стороны, и военными ресурсами в распоряжении ЕС, с другой стороны, он осуществляет свою военную деятельность в зависимости от директив, данных Военным Комитетом. Он также способствует процессу определения, оценки и пересмотра целей в соответствии со способностями ЕС, принимая во внимание необходимость для заинтересованных стран обеспечивать связь с процессом утверждения планов обороны НАТО и процессом планирования и исследования программы «Партнерство во имя мира» согласно утвержденным процедурам, и ответственен за контроль, оценку и формулировку рекомендаций относительно предоставляемых странами ЕС сил и средств в плане обучения, проводимых учений и оперативной совместности. [121]

Как уже отмечалось, Штаб ЕС выполняет три главные оперативные функции: раннего оповещения, оценки положений и стратегического планирования. Кроме того, он:

- следит за потенциальными кризисами, опираясь на соответствующие национальные и многонациональные разведывательные способности;

- предоставляет военную информацию в Ситуационный центр, который ему передает свои документы;
- определяет национальные и многонациональные европейские силы для операций, ведущихся Евросоюзом в координации с НАТО;
- планирует, направляет и оценивает военные аспекты процедур ЕС по управлению кризисами, в том числе утверждение процедур ЕС-НАТО;
- принимает участие в финансовой оценке стоимости операций и учений;
- осуществляет связь с национальными и многонациональными штабами многонациональных сил;
- устанавливает постоянные отношения с НАТО, ООН, ОБСЕ в соответствии с условиями соглашений с ними;
- может способствовать также невоенным аспектам в вариантах боевых действий;
- помогает командующему операциями в технических обменах с третьими странами, которые вносят военный вклад в операции под руководством ЕС. [122]

Штаб ЕС под руководством высшего «трехзвездного» офицера работает под военным руководством Военного комитета и подотчетен ему. Кроме того, он является отделением Секретариата Совета ЕС, напрямую прикрепленное к Генеральному секретарю Совета / Высокому представителю по ОВПБ. Штаб составлен из лиц, не подотчетных странам-членам ЕС, и их действие принимает международный характер и зависит от статуса, который будет определен Советом ЕС. [123]

Новая структура европейской политики безопасности и обороны позволила ввести в институциональные рамки отношения ЕС и НАТО, ограниченные ранее лишь неформальными встречами генеральных секретарей. В декабре 2000 г. были приняты решения об организации регулярных контактов – не менее трех встреч Североатлантического совета и Комитета политики и безопасности и одной министерской встречи в период каждого председательства в ЕС. Первая встреча министров иностранных дел ЕС и НАТО с участием генеральных секретарей Хавьера Соланы и Джорджа Робертсона состоялась 15 декабря. А в июне 2001 г. Военный комитет ЕС подключается к системе консультаций с НАТО. Кроме того, были установлены связи между руководством штабных структур. [124]

14-15 декабря 2001 г. состоялся саммит Европейского совета в Лакене (Бельгия), на котором в числе прочих тем обсуждались и вопросы ЕПБО. Была принята Декларация об оперативном потенциале общей европейской политике безопасности и обороны, в которой было провозглашено, что «благодаря развитию гражданских и военных способностей ОВПБ и созданию в ее рамках соответствующих структур Евросоюз отныне способен вести операции по управлению кризисами. Развитие средств и способностей, которыми будет располагать Союз, позволит ему постепенно брать на себя все более и более сложные операции. Решения пользоваться этой способностью будут приняты исходя из обстоятельств каждой частной ситуации...». [125]

Чтобы быть способным выполнять петербургские миссии ЕС должен достичь прогресса в следующих областях:

- 1) сбалансированное развитие военных и гражданских способностей, предполагающее усиление военной составляющей и тесную координацию между военными и гражданскими средствами ЕС;
- 2) доработка соглашений с НАТО о гарантиях доступа к оперативному планированию и другим возможностям НАТО;
- 3) использование соглашений со странами-партнерами. [126]

Устранение трудностей, связанных с оперативной готовностью, остается, таким образом, одной из центральных задач Евросоюза. Для ее решения были созданы 11 специальных рабочих групп в соответствии с конкретными областями оперативного потенциала. [127]

22-29 мая 2002 г. ЕС провел игровые учения по сценарию кризиса между двумя странами, вызванного межэтническими противоречиями. Основными целями учений были: а)

отработка функционирования военных структур и процедур ЕС в период до принятия решения о проведении операции; б) тестирование взаимоотношений и координации между институциональными сторонами, участвующими в урегулировании (государства-члены ЕС, Совет, Генеральный секретарь / Высокий представитель по ОВПБ, Комиссия, Спутниковый центр). Поскольку планирование операций предполагает консультации национальных делегаций в Брюсселе со своими правительствами, учения проводились одновременно во всех столицах стран ЕС. [128]

В ходе учений отработывалась следующая поэтапная схема действий ЕС:

- Европейский совет принимает решение об осуществлении кризисного урегулирования;
- Генеральный секретариат и начальники штабов представляют документ, содержащий набор различных мер и инструментов (военных, полицейских, правовых), которые могут быть пущены в ход в рамках операции ЕС. Совет ЕС принимает решение об их применении на основе мнения КПБ и участвующих институтов (Военного комитета, отвечающего за военные аспекты; Комитета по вопросам гражданского управления кризисами – за полицейские акции; Еврокомиссии – за юридические меры);
- Совет ЕС принимает (или отклоняет) стратегический сценарий, представляющий собой комплекс одобренных мер и инструментов и прошедший экспертизу участвующих институтов. В случае его одобрения, принимается оперативная концепция, содержащая совокупность предпринимаемых мероприятий и директив к исполнению.

По оценке Х. Соланы, первые сценарные учения ЕС полностью выполнили поставленные в их рамках задачи, продемонстрировав, что Союз обладает дееспособной процедурной и концептуальной структурой для практических акций, военного и гражданского характера в сфере управления кризисами. Учения были открыты для наблюдателей от международных организаций – ООН, НАТО, ОБСЕ, а также стран НАТО, не входящих в ЕС, и стран-кандидатов в ЕС. По итогам учений будет проведена детальная экспертиза их результатов и основных уроков. Аналогичные учения запланировано проводить ежегодно. [129]

Совет ЕС 17 июня 2002 г. в Люксембурге одобрил (на основе выработанного председательствующей Испанией компромисса) соглашение об общем порядке финансирования военных и оборонных операций ЕС. В соответствии с ним, расходы будут делиться на две категории – совместные и национальные. Совместное финансирование предусмотрено для обеспечения штабных структур (административные расходы, транспорт, связь и т.д.), остальные расходы несут самостоятельно страны, участвующие в операции. Вместе с тем, сохраняется возможность некоторые национальные расходы также финансировать на совместной основе в зависимости от каждого конкретного случая. [130]

Однако некоторые трудности еще оставались во взаимоотношениях с Североатлантическим альянсом, причем практически с Вашингтонского саммита НАТО 1999 г. Из-за оппозиции Турции, озабоченной проблемой Кипра и стремящейся в соответствии с этим влиять на процесс принятия решений по поводу антикризисных операций ЕС, Евросоюзу не удалось достичь соглашения с НАТО о гарантированном доступе к ресурсам альянса при проведении европейских операций. Во время визита в Грецию 3 декабря 2001 г. Г. Верхофстадт, премьер-министр председательствовавшей в ЕС Бельгии, опроверг информацию, что с Турцией достигнута договоренность об исключении из будущих операций ЕС Эгейского моря и Кипра. Он подчеркнул, что если Турция и дальше будет препятствовать подписанию соглашения между Европейским Союзом и НАТО, ЕС рассмотрит резолюцию, предусматривающую взаимодействие с НАТО «в каждом отдельном случае». Одновременные усилия США и Великобритании по выработке компромисса с Турцией (консультации с ней при проведении операций в зонах, затрагивающих ее интересы безопасности, но без предоставления права участия в процессе принятия решений) позволили добиться предварительной договоренности (Стамбульское соглашение) в преддверии совместного Совета министров ЕС и НАТО в

Брюсселе 6 декабря 2001 г. [131]

Однако теперь Греция оказалась не готова одобрить текст соглашения с Турцией, настаивая на необходимости его доработки. По мнению Греции, должно быть внесено дополнительное положение, гарантирующее, что ни одна третья страна не может блокировать участие государства-кандидата в ЕС (подразумевая Кипр) в ЕПБО. Великобритания отстаивала сохранение текста в неизменном виде. Попытки преодолеть греческое вето и принять соответствующее решение на последнем перед саммитом в Лакене Совете ЕС 10 декабря в Брюсселе оказались безрезультатными. Греция заявила, что ей необходимо время для изучения деталей Стамбульского соглашения. [132]

Ситуацию удалось разрешить только к концу 2002 г. 16 декабря 2002 г. Европейский Союз и НАТО приняли совместную Декларацию по вопросам европейской политики безопасности и обороны, открывающую путь для более тесного сотрудничества двух организаций. В соответствии с этой декларацией Европейский Союз обеспечивает максимально возможное участие европейских членов НАТО, не входящих в ЕС, в рамках ЕПБО, реализуя соответствующие механизмы, принятые в Ницце. А НАТО поддерживает ЕПБО исходя из решений Вашингтонского саммита 1999 г. и предоставляет Европейскому Союзу, среди прочего и в частности, гарантированный доступ к возможностям планирования НАТО. [133]

Важным шагом в построении ЕПБО стал доклад «Безопасная Европа в лучшем мире», подготовленный Х. Соланой и представленный для обсуждения на саммите ЕС в Салониках 19-20 июня 2003 г. Этот документ расценивается как первый шаг в определении европейской стратегии безопасности. В докладе указывается, что широкомасштабная агрессия против государств-членов ЕС в настоящее время «невероятна», но эту угрозу сменили новые – более диверсифицированные и менее предсказуемые. Три главные угрозы – терроризм; распространение оружия массового уничтожения; «несостоятельные» государства и организованная преступность. Противодействие этим вызовам предполагает три стратегические цели: 1) расширение зоны безопасности вокруг ЕС; 2) укрепление международного порядка, закона и международных организаций, прежде всего ООН; 3) противодействие угрозам путем использования и сочетания широкого спектра инструментов – военных, политических, экономических, гуманитарных. Достижение этих целей требует от ЕС быть более активным, сплоченным и обладающим соответствующим потенциалом. Особенно важно: увеличить ресурсы в оборонной сфере; избегать дублирования и добиваться объединения сил и средств; уделить особое внимание гражданским средствам и планированию в кризисных и посткризисных ситуациях; усилить дипломатическую составляющую ОВПБ, в том числе за счет объединения дипломатических ресурсов стран-участниц и европейских институтов; улучшить обмен информацией между странами-участницами; предусмотреть расширение всего спектра задач и операций ЕС, которые, наряду с петербургскими, могут включать операции по разоружению, помощь третьим странам в борьбе с терроризмом и в реформировании сферы безопасности и т.д. В докладе указывается, что широкий характер угроз требует от ЕС опоры на сотрудничество с партнерами, поэтому развитие стратегического партнерства с Россией, Японией, Китаем, Канадой и Индией должно стать для ЕС приоритетом в ближайшие годы. [134]

Европейский совет в целом позитивно оценил доклад Х. Соланы, приняв его рекомендации по разработке стратегии безопасности ЕС. Ему поручено продолжить работу на основе доклада в сотрудничестве со странами-участницами и Еврокомиссией. Кроме того, были обсуждены еще три доклада – о развитии ОВПБ, об учреждении программы ЕС по предотвращению острых конфликтов и о вкладе ЕС в борьбу с терроризмом. По итогам обсуждения принято важное решение поручить соответствующим органам ЕС предпринять необходимые шаги по созданию в 2004 г. межправительственного агентства по развитию военных средств, разработке, созданию и обеспечению вооружениями. [135]

С 2003 г. начался практический этап воплощения европейской политики безопасности и обороны, нашедший свое выражение в проведении специальных операций, во многих из которых роль «рамочной нации» выполняла Франция. К началу 2005 года Европейским Союзом было осуществлено две (и осуществляется пять операций. Среди первых – военные операции ЕС в бывшей югославской республике Македония «Конкордия» (Concordia) и в Демократической Республике Конго (Киншаса) «Артемида» (Artémis), среди вторых – военная миссия в Боснии и Герцеговине «Алтея» (Althea), полицейские миссии ЕС в Македонии «Проксима» (Proxima), Боснии и Герцеговине (MPUE), в Киншасе (EUPOL «Kinshasa») и миссия «Правовое государство» в Грузии (Eujust Themis). 17 марта 2003 г. Совет НАТО (на уровне послов) принял решение о завершении к 31 марта миссии альянса по содействию безопасности в Македонии («Allied Harmony»). Днем позже, 18 марта, Совет ЕС (по внешним связям) официально подтвердил принятие ЕС на себя руководства операцией сроком на шесть месяцев, а 21 июля Совет ЕС продлил действие мандата до 15 декабря 2003 г. Все эти действия ЕС последовали за запросом Президента Македонии Трайковского, согласованы с властями Македонии, санкционировавшими новый мандат, и базировалось на резолюции Совета Безопасности ООН №1371. ЕС, проводя операцию, использовал средства и возможности НАТО. Общее командование операцией возложено на адмирала Райнера Фейста (ФРГ), занимающего пост заместителя главнокомандующего НАТО в Европе, что обеспечивает взаимосвязь НАТО – ЕС, а оперативное, т.е. непосредственное командование силами ЕС, – на бригадного генерала Пьера Моралья (Франция), которого 30 сентября сменил Луис Нельсон Ферейра дос Сантос из Португалии (Командующий Штабом Еврофор). Операция «Конкордия» представляла собой часть помощи ЕС усилиям правительства Македонии продвинуться ближе к интеграции ЕС. В миссии ЕС в Македонии общей численностью 400 человек, наряду с 13 государствами-членами, приняли участие 14 других стран, в том числе и страны-кандидаты в ЕС: Болгария, Венгрия, Исландия, Канада, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Турция, Чехия, Эстония. Все вносят вклад в совместный бюджет операции, который составляет 6,2 млн. евро, и самостоятельно финансируют свои подразделения в составе общих сил. [136]

Военная миссия ЕС «Артемида» в Демократической Республике Конго (ДРК) учреждена в соответствии с резолюцией 1484 Совета Безопасности ООН от 30 мая 2003 г. и решением Совета ЕС о совместном действии 5 июня 2003 г. с целью усиления международного присутствия. 12 июня Совет ЕС принимает план операции и решение о ее начале. Основу оперативных сил составляли военнослужащие Франции, наряду с которой в миссии «Артемида» участвуют Бельгия, Великобритания и Канада (преимущественно – тыловое и медицинское обеспечение), а в дальнейшем предполагалось участие еще нескольких государств. Командующим операцией было возложено на генерал-майора Неве со штаб-квартирой в Париже, а оперативное командование силами на бригадного генерала Тонье со штаб-квартирой в Энтеббе (Уганда) с аванпостом в городе Буниа (ДРК). [137]

В соответствии с мандатом, задачей «Артемиды» являлось прекращение «межэтнической бойни» и предотвращение возникновения хаоса в северо-восточной провинции Итуру, что привело бы к краху мирного процесса. Однако выполнение этих задач осложняется ограниченностью географической зоны операции. Войска ЕС могут действовать только в городе Буниа и не имеют мандата на разоружение отрядов. Однако, по словам командующего операцией генерал-майора Неве (Франция), возможны и иные действия, если того потребует ситуация. Мандат предусматривает право на самозащиту. Кроме того, он усилен тем, что в резолюцию 1484 включено положение о возможности международного трибунала над военными преступниками. Силы ЕС начали прибывать в Демократическую Республику Конго с 13 июня, были окончательно развернуты к 15 июля. [138]

Мандат миротворческой операции ЕС «Артемида» в Конго закончился 1 сентября 2003 г. Согласно сообщению официальных лиц ЕС и военного командования миссии, операция,

осуществленная без участия НАТО, была проведена успешно, ее задачи полностью выполнены, а ЕС продемонстрировал способность действовать в кризисных ситуациях «быстро и решительно». В операции «Артемиды» приняли участие 17 европейских стран, поддержанных Бразилией, Канадой и ЮАР, и 2 тыс. человек (включая резерв), 400 из которых были дислоцированы на тыловой базе в Энтеббе (Уганда); вывод последних 300 французских военнослужащих завершён 13 сентября. Операция ЕС заменена миссией ООН (MONUC). [139]

В столице ДРК Киншасе действует полицейская миссия ЕС. В октябре 2003 г., правительство Демократической Республики Конго обратилось с официальным запросом к ЕС о помощи в организации Объединенного полицейского подразделения (ОПП), которое должно внести вклад в обеспечение защиты государственных учреждений и укрепить внутренний аппарат безопасности.

В декабре 2003 г. КПБ ЕС согласился, что ЕС должен поддержать учреждение ОПП, преследуя три цели:

- реконструкция и восстановление учебного центра и обеспечение основным оборудованием;
- обучение ОПП;
- руководство, контроль и развитие конкретного выполнения мандата ОПП после стадии начального обучения.

Как ожидается, ОПП станет полностью оперативным к марту 2005. Миссия в Киншасе, начало которой запланировано на январь 2005 г., как ожидается, будет длиться один год. Миссия будет насчитывать приблизительно 30 сотрудников под руководством Адилио Кустодио (Португалия). [140]

Полицейская миссия Европейского Союза (MPUE) в Боснии и Герцеговине началась 1 января 2003 г. в соответствии с решением Совета ЕС еще от 11 марта 2002 г. Она обеспечивает смену Международной полицейской группы Организаций Объединенных Наций и создана на трехлетний срок. Ежегодный бюджет равен 38 миллионам евро, среди которых 20 миллионов происходят из общего бюджета ЕС. Миссия пытается установить долговременный полицейский механизм под управлением Боснии и Герцеговины в соответствии с лучшей европейской и международной практикой путем руководящих, контрольных и инспекционных действий. Миссия состоит приблизительно из пятисот полицейских более чем тридцати стран. С 1 марта 2004 г. ей руководит назначенный Советом ЕС 23 февраля Кевин Керти, сменивший скончавшегося 26 января шведа Свена Фредериксена. Специальным представителем Евросоюза в Боснии и Герцеговине Совет ЕС назначил лорда Ашдауна, представляющий доклады Совету через посредство Верховного представителя по ОВПБ Хавьера Соланы. [141]

16 сентября 2003 г. премьер-министр Македонии пригласил ЕС расширить свое участие в обеспечении безопасности и развернуть в стране полицейскую миссию ЕС. Это приглашение последовало за активной ролью, играемой Высоким Представителем ЕС Х. Соланой и прежним Специальным представителем ЕС в Скопье Алексисом Броунсом. 29 сентября 2003 г. Совет ЕС одобрил совместную акцию, учреждающую полицейскую миссию «Проксима» в Македонии, первоначальный период действия которой бы запланирован на один год. Эта операция была начата 15 декабря, т.е. со времени окончания операции «Конкордия». Полицейский персонал будет развернут в следующих городах: Скопье, Тетово, Куманово, Гостивар и Охрид. Главой миссии был назначен бригадный генерал Юрген Пауль Шольц. 12 июля 2004 г. Специальным представителем ЕС в Македонии был назначен Майкл Салин, сменивший Сорена Джессен-Петерсена. «Проксима» в составе 200 офицеров полиции стран ЕС и некоторых других государств должна способствовать установлению законности и порядка (особенно в рамках борьбы с организованной преступностью); реформированию МВД и полиции; обеспечению пограничного режима; содействовать местной полиции по установлению климата доверия с населением; сотрудничеству в полицейской работе с соседними странами.

Финансирование учреждения миссии и текущих расходов будет осуществляться через совместный бюджет, а остальные расходы, такие как заработная плата, обеспечиваются странами-участницами. [142]

28 июня 2004 г. Европейский союз принял решение о подготовке к миссии «Правовое государство» в Грузии (Eujust Themis), которая была начата 16 июля 2004 г. Она является существенным шагом вперед в развитии гражданской составляющей ЕПБО. Предполагаемая продолжительность миссии определена в один год. Миссия должна была насчитывать приблизительно 10 международных гражданских экспертов плюс местный штат. Руководителем Eujust Themis назначена Силви Пантц. Глава миссии делает доклады Верховному представителю по ОВПБ через Специального представителя ЕС по Южному Кавказу Хейкки Тальвити. Комитет политики и безопасности осуществляет под руководством Совета ЕС политический контроль и стратегическое руководство миссией. [143]

Миссия ЕС в Грузии разработана для помощи грузинскими властям в развитии процесса реформ в системе правосудия и призвана:

- обеспечивать руководство стратегией реформы уголовного правосудия;
- поддерживать грузинские власти в области судебной реформы и антикоррупционных мер;
- по мере необходимости поддерживать планирование нового законодательства, например, Уголовно-процессуального кодекса;
- поддерживать развитие международного сотрудничества в области уголовного правосудия. [144]

9 июля 2004 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию №1551, в которой приветствовал намерение ЕС начать миссию ЕС в Боснии и Герцеговине, включая использование военного компонента. 12 июля 2004 г. Совет Европейского Союза принял решение о военной миссии в Боснии и Герцеговине под кодовым названием «Алтея», которая преследует следующий ряд целей. Долгосрочная цель: устойчивая, жизнеспособная, мирная многоэтническая Босния и Герцеговина, ее мирное сотрудничество с соседями и сотрудничество на пути к членству в ЕС. Среднесрочная цель: поддержка продвижения Боснии и Герцеговины к интеграции в ЕС ее собственными усилиями, способствуя надежной и безопасной обстановке с целью подписания Соглашения по ассоциации и стабилизации (САС). Краткосрочные цели: гарантировать плавный переход от сил СФОР под мандатом НАТО к силам ЕС (EUFOR) для обеспечения безопасности в Боснии и Герцеговине в целях выполнения мирных соглашений, заключенных в Дейтоне и Париже. [145]

Миссия «Алтея», начавшаяся 2 декабря 2004 г., выполняется с обращением за помощью к средствам НАТО и предполагает развертывание сил, сравнимых со СФОР – около 7 000 человек. Общее командование операции «Алтея» было возложено на генерала Джона Райта (Великобритания), заместитель Главнокомандующего НАТО в Европе, а оперативное на генерал-майора А. Дэвида Ликейя (Великобритания). [146]

Говоря о европейской политике безопасности и обороны, следует коснуться и некоторых практических аспектов отмеченного в документах Евросоюза сотрудничества стран ЕС в области вооружений, в котором Французская республика также играет важнейшую роль. Франция была одним из инициаторов данного направления политики, стремящегося закрепить соответствующие усилия в сфере обороны государств Евросоюза и усилить слияние их национальных и многонациональных проектов. С целью улучшения эффективности механизма проведения программ по сотрудничеству в сфере вооружений Франция работала над созданием 12 декабря 1996 г. (сам договор о создании был подписан 9 сентября 1998 г.) Совместной организации по сотрудничеству в области вооружений (OCCAR), приобретшей статус юридического лица 28 января 2001 г., что давало ей право на прямое подписание контрактов с производителями от лица стран-участниц. [147]

В ОККАР входили первоначально четыре страны: Франция (первой ратифицировала договор в январе 2000 г.), Великобритания, ФРГ, Италия, затем к ним присоединились Нидерланды, Испания и Бельгия. Среди программ ОККАР следует отметить программы боевого («Тигр») и транспортного («NH 90») вертолетов, контрбатареинного радара «Кобра», противотанковых ракет «Хот» и «Милан», системы ПВО «РААМС», ракет «земля-воздух» «FSAF» и «Roland», а также военно-транспортного самолета «A400M». В условиях отставания Западной Европы от США по части стратегических транспортных способностей последний проект представляет особую значимость для Франции и ЕС в целом. Этот транспортный самолет, разработанный для ВВС стран Евросоюза компанией «Аэробус», должен обладать способностью доставлять груз приблизительно до 30 тонн на расстояние в 5000 км. [148]

Для углубления этого сотрудничества Европейский совет на заседании в Салониках 20-21 июня 2003 г., как уже говорилось выше, принял решение о необходимости создания агентства, которое наряду с разработкой общей концепции для сил быстрого реагирования, должно облегчить координацию потребностей в вооружениях и условий использования, необходимых для более полной интеграции европейских вооруженных сил. Европейское оборонное агентство было создано 12 июля 2004 г. [149]

Параллельно этим программам сотрудничества Франция стремится благоприятствовать сближению в оборонной промышленности стран ЕС (кооперация и слияние предприятий), так как это должно способствовать усилению промышленной и технологической базы для обороны (ПТБО) ЕС в целях снабжения французских вооруженных сил вооружением и военной техникой в плане более выгодной стоимости и придания большей конкурентоспособности оборонной промышленности. [150]

В феврале того же 2004 года Франция, Великобритания и ФРГ представили так называемую инициативу о «тактических группах», которые должны будут усилить способность быстрого реагирования ЕС. Здесь речь идет об автономных межвойсковых соединениях в 1500 человек, развертываемых менее, чем за 15 дней на срок по меньшей мере 30 дней. Данная инициатива нашла отклик в большинстве стран-членов ЕС. Были представлены 13 тактических групп, некоторые из них уже сформированы, другие будут в оперативном составе до 2010 года. [151]

Кроме того, 17 сентября 2004 г. во время неофициальной встречи министров обороны Европейского Союза были созданы Силы европейской жандармерии (la Force de gendarmerie européenne – FGE), включающие Францию, Испанию, Италию, Португалию и Нидерланды (страны, располагающие военной полицией). Эти силы будут предоставлены прежде всего Европейскому Союзу и быстро развертываться в соответствующих трудных ситуациях для выполнения разнообразных задач (например, по восстановлению порядка в борьбе с организованной преступностью). Базирующиеся в Италии, они стали оперативными в 2005 г. С 2005 по 2007 гг. командование ими обеспечивала Франция. [152]

Таким образом, говоря о договорной и институциональной базе общей обороной политики стран Европейского Союза, необходимо отметить определяющую роль Западноевропейского Союза в ее формировании и развитии, ибо ЗЕС долгое время был единственной военно-политической организацией непосредственно западноевропейских государств, через который Франция могла проводить свою политику и влиять на развитие западноевропейской оборонной политики. Прогресс, достигнутый в рамках ЗЕС, в девяностые годы XX века нашел свое отражение в параллельном строительстве политики безопасности и обороны в рамках Евросоюза при все более тесном переплетении этих организаций вплоть до передачи Евросоюзу большей части функций ЗЕС, касающихся кризисного регулирования, на чем настаивала Франция.

Само развитие европейской политики безопасности и обороны продвигалось с начала 1990-х годов довольно медленно, лишь постепенно предпринимая дальнейшие шаги по углублению интеграции. Франция, главный проводник ЕПБО, всячески стремилась

ускорить движение в данном направлении, путем создания высококомобильных средств доставки войск и вооружений, а также начала практического ее продвижения. Операции, проводимые ЕС, свидетельствуют о начале нового этапа в развитии этой организации на пути повышения своей роли на мировой арене. Трудности на этом пути в начале XXI века остались практически такими же, как и в начале 1990-х годов: отсутствие зачастую единой воли стран ЕС, как в ситуации вокруг Ирака в 2003 г., где столкнулись два политических направления: атлантистское во главе с Великобританией и европеистское во главе с Францией и Германией. Кроме того, сказывается отсутствие многих технических возможностей (например, отсутствие стратегической транспортной авиации, как у США). У большинства стран ЕС также отсутствовал опыт в проведении миротворческих операций. И как раз здесь окажется незаменимой практика Франции и Великобритании, как самых активно действующих акторов в операциях в других странах мира (в основном в Африке).

4. Финансирование ЕС и ОБСЕ специальных операций в Европе

Экономический и валютный союз объединенной Европы (ЭВС) представляет собой закономерный результат общих усилий тех финансовых, промышленных и военно-политических сил, которые с одной стороны пытаются ограничить глобальную экспансию США, с другой же, действуют таким образом, чтобы обеспечить предельную консолидацию всех ресурсов на обустройство единого европейского пространства во всех его измерениях: финансовом, экономическом, культурном, идеологическом.[153] Именно поэтому руководящими органами Евросоюза проводится большая работа по выработке долгосрочной стратегии ЭВС и согласования позиций отдельных государств-участников процесса европейской интеграции по всем жизненно важным вопросам, включая, прежде всего, финансовые, экономические и политические. Бескризисный старт евро и в целом спокойная реакция финансовых рынков на появление новой валюты свидетельствует о том, что проект действительно хорошо подготовлен.[154] Он, собственно, и служит определяющим фактором эффективного осуществления любых скоординированных мероприятий ЕС на мировой арене, включая специальные операции. Их, впрочем, на сегодняшний день не так уж много, поскольку общая политика в области безопасности находится в стадии становления и приобрела настоящий «оперативный» характер только три года назад.[155] В январе 2003 взяла старт полицейская миссия Евросоюза (в англ. транскрипции EUPM, объединившая действия около 900 экспертов и более 300 чиновников из числа гражданского населения стран в которых она осуществляется).[156] Она финансируется по определенной статье Европейского бюджета (B – 7 Line) из общего расчета в 38 млн. евро в год. При этом перспективы увеличения ассигнований становятся весьма значительными.[157] То же самое можно сказать и о военной операции интегрированной Европы в бывшей Югославии и Македонии (FYROM) под кодовым названием «Конкардия», вначале стоившей Евросоюзу 2 млн. евро в течение первых 6 месяцев, а затем финансировавшейся по возрастающей шкале в рамках финансового механизма Евросоюза действовавшего по принципу *ad hoc* (т.е. по случаю). В целом, для Евросоюза наиболее важным при финансировании обозначенных выше и других специальных операций является обеспечение их должной скорости и эффективности в интересах стабильности на европейском континенте и в других регионах планеты. В связи с этим, весьма примечательным фактором становится возросшая доля финансового и материального обеспечения таких акций со стороны Германии, стремящейся не столько к распределению ответственности, сколько к собственному приоритету во всем, что касается силовых действий объединенной Европы где бы то ни было. Данное направление характерно для политики немцев и применительно к НАТО и ОБСЕ. Последняя, кстати, стремится консолидировать собственные финансовые ресурсы и радикально расширить бюджет для выполнения преимущественно военных акций, ежегодно финансируя данные акции на сумму в 186 – 209 млн. евро. Это дает возможность содержать постоянный штат

сотрудников специальной миссии до 1000 чел. И еще привлекать к работе до 2000 чел, представляющих население стран, где осуществляются военные операции ОБСЕ.[158] Последняя все более склонна осуществлять всевозможные превентивные мероприятия специального назначения в любой проблемной стране Европы и принести в значительных масштабах санкции, эмбарго, а также другие действия, заставляющие нарушителей исполнять выработанные ЕС правила.[159]

«ОБСЕ, - справедливо подчеркивает английский исследователь У.Хопкинсон, - продолжает делать полезную работу, но ее оригинальные высокие надежды быть по-настоящему пан-европейским образованием не сбываются и по всей вероятности не сбудутся».[160]

Тем не менее, ее руководство совместно с лидерами ЕС прилагает немалые старания в деле финансового и материального обеспечения процесса функционирования всей системы европейской безопасности с упором на взаимодействие локальных и региональных балансов сил, регулируемых с позиций сложных институциональных структур.[161] Они направлены на политику военного вмешательства на всем европейском континенте, а это требует консолидации общеевропейских финансовых, экономических и политических ресурсов для того, чтобы сделать более эффективным проведение специальных операций.

Действия Запада в целом сначала в Хорватии, а затем в Боснии лишней раз напоминают о том, какой разрыв лежит провозглашенными международным сообществом целями и готовностью к усилиям, направленным на их достижение.

В связи с данным обстоятельством, исследователь проблем мира в Королевском колледже (Лондон), профессор Л.Фридман не случайно указывает на особую важность следующих стратегических положений: использование силы с целью восстановления стабильности должно согласовываться с процессом серьезных политических переговоров; этот же переговорный процесс должен обеспечивать возможность вывода участвовавших в операции войск без каких-либо осложнений. Успешность действий по стабилизации обстановки требует долгосрочного военного присутствия, поскольку преждевременный вывод войск способен привести к возобновлению конфронтации. Вмешательство, вероятнее всего, будет успешным в том случае, если оно осуществляется решительно и на ранней стадии конфликта. Для того, чтобы вмешательство имело успех, оно должно сопровождаться параллельными усилиями по созданию коалиции. Чем дольше будет процесс скрытого развития конфликта, тем вероятнее, что вмешательство будет сосредоточено на предотвращении его дальнейшего распространения или гуманитарных миссиях. Даже вмешательство гуманитарного характера не может быть политически нейтральным, так как гражданское население каждой из противоборствующих сторон редко испытывает одинаковую степень риска. Непредсказуемые последствия любого вмешательства всегда будут столь же – если не более – велики, как и прогнозировавшиеся. Отказ от вмешательства также является одной из форм политики.[162]

Причинами для военного вмешательства могут быть: озабоченность человеческими страданиями, защита основных норм международного права, восстановление доверия к международным институтам, стремление исключить негативные последствия, вызванные возникшими беспорядками, такие как спад экономической деятельности, наплыв беженцев, терроризм и опасность распространения конфликта на соседние страны.

Их своевременный расчет должен основываться на определенных финансовых резервах, без которых немислимо достижение самого замысла любой специальной операции с применением военной силы. Военные действия никогда не могут быть самодостаточными. В лучшем случае они подготавливают почву для принятия благотворных политических решений.

Что же касается невоенных форм принуждения, включая отказ в дипломатическом признании, исключение из международных организаций, различного рода экономические санкции, то они не только эффективны сами по себе, но без них часто бывает просто

невозможно создать международную коалицию с целью урегулирования конфликта. Поскольку любому военному вмешательству предшествует выбор, включающий предварительную оценку предполагаемых издержек и выгод, возникает соблазн ограничивать масштабы вмешательства пропорционально затрагиваемым интересам. В ходе вмешательства интересы участвующих в акции стран неминуемо возрастают, поскольку на карту ставится серьезность их намерений и международный престиж. Основной задачей вмешательства должна быть стабилизация политической ситуации, причем чем позже происходит вмешательство, тем труднее добиться такой стабилизации. Следует символическую и реальную формы вмешательства. Когда государства принимают решение о вмешательстве, то они надеются, что сам факт такого решения окажет конструктивное решение на конфликтующие стороны. В этом смысле любое вмешательство является одной из форм политического давления.

В настоящее время среди руководителей ЕС и ОБСЕ наибольшие политические разногласия существуют между теми, кто осознает необходимость принятия на себя значительных финансовых, экономических, военных и политических обязательств, связанных со сдерживанием и урегулированием кризисов, и теми, кто надеется уклониться от новых обязательств в надежде на то, что локальные войны могут быть либо изолированы, либо остановлены на границах Западной Европы.

Увеличение числа войн и конфликтов в Европе, а также их все возрастающая интенсивность неизбежно приводят к фрагментации европейской системы безопасности. Положение может еще более осложниться, если, например, произойдет резкое ухудшение политической ситуации в России или возникнет серьезное столкновение между двумя крупными державами, такими, как Россия и Украина.

Опасности, исходящие с Востока и Юга, пока еще не вполне проявились, но уже обладают огромным дестабилизирующим потенциалом. Речь идет о быстром росте численности населения развивающихся стран, различиях в сфере экономики, распространении ядерного и химического оружия, а также о резком обострении религиозных и националистических чувств.

Таким образом, вновь становится актуальной концепция "ограниченной" войны, что в свою очередь может вызвать необходимость возврата к политике "сдерживания" и к принципу невмешательства во внутренние дела других стран. Пока в этом вопросе еще нет ясности. Новая ситуация ставит под сомнение традиционные стратегические подходы и придает новый смысл старым определениям. Даже понятие "ограниченной" войны быстро эволюционирует и подвергается самым различным интерпретациям. Все это должно заставить европейцев относиться к нынешним конфликтам и связанному с ними риску с большим вниманием и озабоченностью. В частности, может возникнуть потребность в пересмотре стратегии регулирования кризисов и поддержания мира. [163]

Вполне может быть так, что в нынешних условиях Европе придется иметь дело с войнами нового типа, например, с такими, как война в бывшей Югославии, которая не является ни "ограниченной", ни локальной и не соответствует обычному понятию о "малых войнах". Традиционные, юридически обязательные международные правила в ней постоянно нарушаются, а решения ООН по ограничению конфликта не выполняются воюющими сторонами и не проводятся эффективным образом в жизнь соответствующими международными организациями. Наконец, по интенсивности военных действий конфликт в Югославии во многом напоминал глобальную, общеевропейскую войну.

В прошлом огромный риск, связанный с противостоянием двух ядерных сверхдержав, компенсировался тем, что это противоборство позволяло, тем не менее, поддерживать мир и способствовало решению задач по снижению интенсивности "малых войн". После падения советского могущества, а затем резкого снижения международного влияния и амбиций России и повышения роли Соединенных Штатов как единственной в мире сверхдержавы, в действительности значительно возросла цена, которую Западу в целом приходится платить за урегулирование каждого конкретного кризиса.

Ни одно правительство Соединенных Штатов (или любой западноевропейской страны) столкнувшись с необходимостью вмешательства в отдаленный от территории его страны конфликт, не может сейчас рассчитывать на почти автоматическую поддержку со стороны общественного мнения, как это было во времена противостояния двух сверхдержав. Любое решение о вмешательстве должно теперь приниматься с учетом связанных с данной операцией затрат и риска. Тем самым оно становится вопросом, зависящим от обстоятельств политического выбора (и внутривнутриполитических разногласий), и не основывается в большинстве случаев на межпартийном консенсусе по вопросам безопасности и международных отношений.

Сейчас правительства западных стран, как правило, отдают предпочтение внутренним, а не международным проблемам. Военные бюджеты практически всех стран были резко сокращены несмотря на то, что вооруженные силы, необходимые для эффективного поддержания европейского мира, нуждаются почти в таких же затратах и в таком же высоком уровне развития военных технологий.

Что касается ЕС и ОБСЕ, то они, прежде всего с финансовой точки зрения, остаются еще и весьма эффективными в деле предупреждения и разрешения конфликтов. Увеличенная доля материального, финансового, и военно-оперативного участия Германии в специальных акциях данной международной организации является тревожным симптомом роста силового фактора в общеевропейской системе обороны, безопасности и правопорядка.

Следует подчеркнуть, что финансирование Европейским Союзом различных операций в рамках кризисного управления становится наиболее значительным фактором всей внешней политики и политики по обеспечению безопасности интегрированного европейского пространства. Сравнительно недавно управленческие возможности коллективной стратегии ЕС находились в зачаточном состоянии, но операция в Боснии и Герцеговине (EUPM) или «Конкордия» 2003 г. и европейский спецплан «Артемис», разработанный для Конго на 2004 г. создают предпосылки и для более масштабного финансового обеспечения специальных операций Евросоюза и для получения весомого результата после выполнения конкретных обязательств по данным миссиям. В связи с этим ЕС и ОБСЕ делают особую ставку на скорость и готовность предоставления бюджетных ассигнований для спецопераций. Во внимание принимается и необходимость улучшения институциональных качеств специальных программ. Кроме того, предполагается существенно усилить функции финансового контроля и усовершенствовать методику финансовых расчетов по всем без исключения специальным операциям. Лица, принимающие решения, (ЛПР) в ЕС и ОБСЕ ожидают от европейского парламента внимания к обеспечению необходимых норм привлечения квалифицированного персонала для военных и связанных с ними специальных акций. При этом предполагается, что страны-участники ЕС и ОБСЕ добровольно проявят долг и усердие в сложном процессе финансирования специальных операций, полагаясь не на соперничество и соревнование, а на конструктивизм, согласие и кооперацию.

5. Миротворческие механизмы ОБСЕ

Механизмы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), судя по довольно интересной книге "Вызов превентивной дипломатии. Опыт СБСЕ", опубликованной в 1994 г. Министерством иностранных дел Швеции, обрели приоритет по сравнению с другими заинтересованными в предотвращении конфликтов и ликвидации их последствий международными организациями. Действительно, на всех пост-конфронтационных фазах данное объединение доказывает полезность своих действий и демонстрирует сравнительные преимущества. Среди новых методов работы СБСЕ/ОБСЕ необходимо выделить так называемую превентивную дипломатию, сопровождающуюся всевозможными сигналами о предупреждении и разрешении конфликтов на ранних стадиях.[164]

Причиной для развития этих новых методов миротворчества послужил ряд серьезных конфронтаций конца 80-х — начала 90-х годов, заставивших искать СБСЕ/ОБСЕ новые пути, способы и решения проблем, связанных с ними и последующими проблемами.[165]

Предотвращение конфликтов с помощью СБСЕ/ОБСЕ сегодня развивается спонтанно. До сегодняшнего дня не было разработано ни долгосрочных каких-либо мироподдерживающих планов, ни стратегий по этим вопросам. "К действию СБСЕ толкнули политические и моральные императивы. Основой методов и деятельности стали гибкость и прагматизм", — считает генеральный секретарь организации В. Хойнк.[166] Он же отмечает, что на развитие этих методов повлияли уроки периода "холодной войны". В старом СБСЕ главными инструментами выступали проведение конференций и выработка структурных схем переговоров мироподдерживающего профиля. Эта основа, однако была слишком хрупкой для того, чтобы позволить другим операциям выйти на авансцену. Таким образом, у СБСЕ не было возможности быстрого расширения масштабов деятельности. Участвующие государства лишь обсуждали происходящее коллективно, действовать же приходилось лишь каждому государству в отдельности. Не было существенной институциональной системы, за исключением конференции секретариата, "основанной на специальном базисе для каждого собрания".[167]

Сегодня ОБСЕ активнейшим образом проводит так называемые "миссии на полях" — по проверке предотвращения конфликтов. Используя операционную эволюцию СБСЕ, полезно проследить пути и истоки этих миссий, их задачи, и то, как они развивались. В целом данное объединение предполагает действия, основанные на истинно общих ценностях, заинтересованных политических усилиях и операционной целесообразности.[168] Авторы программных документов СБСЕ/ОБСЕ особо подчеркивают, что хотя угроза конфликтов на Европейском континенте постепенно понижается, существуют и другие опасности для стабильности. Для предотвращения всевозможных коллизий организация располагает Центром по предотвращению конфликтов, представляющим собой компактное подразделение, адекватно экипированное для решения задач технической поддержки состояния безопасности и стабильности. СБСЕ/ОБСЕ посчитала также возможным использование в своей практической деятельности методов "фактонахождения" и "прямого искоренения враждебности". ООН в связи с этим постановила, что группам СБСЕ по предотвращению конфликтов необходимо выезжать на поля плодотворного проведения запланированной работы.

Первая такая полевая миссия проведена с 16 по 19 сентября 1991 г. Ее участники представляли СБСЕ, Совет Европы и комитет Европейского Сообщества. Целью экспедиции объявлено нахождение и рассмотрение факторов развития конфликтов, исследование всех его стадий, нахождение способов решения проблемы и само предложение решения. Этот эксперимент проводился в Албании тогда, когда страна находилась в изоляции, но захотела примкнуть к СБСЕ.

После удачного предупреждения конфликта, М. Угглас, как председатель Совета СБСЕ с 14 декабря 1992 г. по 29 ноября 1993 г., получила мандат на развитие стратегии превентивной дипломатии. Под ее руководством, но не всегда правда, успешно, Совет попытался осуществить задуманное.[169] В разработке стратегии миротворчества применительно к новым условиям СБСЕ разделил точку зрения Высшей комиссии по национальным меньшинствам о том, что вклад в предотвращение конфликта есть наилучший вклад.

Но именно здесь СБСЕ столкнулось с двумя проблемами. Первая была связана со временем: чем раньше сделан вклад в превентивную дипломатию, чем скорее она была принята и следовательно, меньшими оказываются дальнейшие затраты и более сильной будет отдача в самом процессе конфликта, а вторая относилась к опасениям относительно того, что спланированная интервенция международного сообщества может усугубить симптомы возможного конфликта и будет очень сложно доказать, что это была лишь

крайняя необходимость со стороны сообщества.

М. Угглас не случайно выделяет в качестве неперенных условий для успешного развития и применения превентивной дипломатии своевременность и намерение работать с наибольшим прогрессом.

Она же характеризует как своеобразные дипломатические приемы:

- превентивные диспуты между появляющимися партиями;
- превентивные диспуты до развития конфликта;
- старания устранить конфликт с его начала;
- сдерживание и ограничение распространения конфликтов, не подлежащих быстрому искоренению.

Ключевыми факторами успеха превентивной дипломатии М. Угглас и ее сторонники считают:

- степень политической поддержки со стороны заинтересованных партий;
- благоразумный выбор предлагаемых дипломатических и политических инструментов;
- осторожный баланс между конфиденциальной и публичной дипломатией;
- принятие долговременного подхода;
- распространение сотрудничества с другими международными организациями.

Без поддержки партий, правительства, заинтересованных групп и других организаций СБСЕ не может начать свои операции в области конфликта.

Апробация СБСЕ превентивной дипломатии осуществлялась в районах бывшей Югославии — Косово, Воеводине, Сандиаке — осенью 1992 г. Белград, кстати, вел себя непоследовательно по отношению к миротворцам. М. Угглас даже отметила, что "миссия приостановилась из-за частого сдерживания сербским правительством". Более сильная поддержка групп СБСЕ была оказана населению в Косово, мусульманам Сербии и венграм в Воеводине, которым хотелось, албанскому в свою очередь, видеть СБСЕ в роли буфера или посредника в проблемных международных отношениях на Балканах. Следует отметить, что еще в период "холодной войны" страны СБСЕ и члены Варшавского договора оговорили право СБСЕ на решение вопросов, связанных с правами человека. Видимо, это обстоятельство создало объединенные предпосылки на вмешательство во внутренние дела многих стран.

Работая в данной области, СБСЕ обязалось неукоснительно соблюдать право любой нерушимости нации на самоопределение и принципов территориальной неприкосновенности. В Латвии и Эстонии вопросы, связанные с нарушением прав человека во время кризиса были решены ею довольно оперативно, так как правительства названных стран безоговорочно приняли условия СБСЕ и во всем шли данной организации навстречу.

Таким образом "исчезновение разногласий" в партиях, правительствах, заинтересованных группах по вопросам разрешения конфликтов дает возможность СБСЕ найти правильное решение и правильно реализовать свои планы.

Что касается локальных миссий СБСЕ в бывшей Югославии, Эстонии, Латвии, Грузии, Молдове, то миротворческая деятельность в них с применением инструментов превентивной дипломатии проходила более или менее успешно. Быстрее всего были решены проблемы в Латвии и Эстонии, но крайне затруднительно миротворцам работало в Грузии и Молдове, то есть там, где СБСЕ отчаянно намеревалась посредничать, приводя в порядок контакты между заинтересованными людьми, партиями и сторонними наблюдателями, применяя метод убеждения противников, ведение диалогов и переговоров. При этом ООН и все ее институты максимально координировали действия с СБСЕ, совместно вырабатывались планы, проводились совещания, решались вопросы, связанные с проведением операций. Особую роль в координации коллективных миротворческих усилий и применении новых инструментов превентивной дипломатии на практике сыграла. Высшая комиссия по правам человека, эксперты которой считают, что

"конфликтное предотвращение обойдется обществу дешевле, чем перестройка общества заново после вооруженного конфликта, если действовать немедленно и, следовательно, раннее предупреждение и превентивная дипломатия СБСЕ является основным компонентом в общей стратегии по предотвращению конфронтаций.[170] На основании этого делается вывод, что безопасность, мирное сосуществование и процветание государств связано с соблюдением прав человека, демократических свобод и установлением рыночной экономики. Поскольку конфликтное предотвращение требует соблюдения всех обозначенных условий, то основным требованием Высшей комиссии по правам человека к представителям миротворческих миссий СБСЕ остается соблюдение и учет многих факторов человеческого измерения. Основными методами СБСЕ объявлены:

- 1) в экономическом контексте — кооперация в сфере народного хозяйства, защите окружающей среды, науки и технологии;
- 2) в человеческом измерении — создание демократического и мирного существования в государствах и между ними;
- 3) в военной сфере — проведение дипломатических переговоров, установление безопасности;
- 4) для мирного ведения переговоров был образован специальный арбитражный суд.

В проведении столь значительной работы, СБСЕ придерживалась правила особой ответственности за проведение операций по предотвращению и ликвидации последствий конфликтов.

Предупреждение конфронтационности предполагает сбор информации и активные действия с ее помощью. Поэтому превентивная дипломатия направлена на организацию диспутов, диалогов и прочих мер, способствующих смягчению враждебной атмосферы.

Активная стратегия превентивной дипломатии была провозглашена Хельсинским Советом и Стокгольмским Совещательным Собранием в 1992 г. и его эксперты первыми разработали целый ряд новых миротворческих процедур и инструментов, применение которых на практике способно обуздать страсти.[171] В то же время, без поддержки других государств, заинтересованных партий, лиц, как показывают проведенные эксперименты в странах СНГ, бывшей Югославии и пр., все усилия СБСЕ/ОБСЕ по предотвращению конфликтов и установлению мира и стабильности могут быть сведены на нет.[172]

В контексте радикальных изменений в Европе, происходивших на протяжении 1989-1995 годов, СБСЕ стремилась развивать механизмы безопасности на основе демократических принципов сотрудничества различных независимых стран. Общая система ценностей, способствующая установлению мира, в документах данной организации основана на принципах демократии, руководящей роли закона, плюрализма и рыночной экономики, уважении прав человека и фундаментальных свобод.[173] Такие принципы служат своеобразным "канонем" отношений между европейскими государствами.

В 1990 году на Сессии в Париже участники СБСЕ договорились о том, что наиболее важную роль должно играть разрешение внутренних проблем государства, а затем уже всевозможных международных вопросов. Для этого они решили наибольшее внимание уделять правам человека, соблюдению принципов безопасности в полном соответствии с утверждениями Декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г.[174]

Серьезные изменения в Центральной и Восточной Европе, происшедшие в 1990–95 гг., способствовали появлению обширного пространства для принятия решений СБСЕ и родственных ей организаций в процессе разрешения конфликтов и установлении режима коллективной безопасности.[175]

На современном этапе ОБСЕ пытается оформить такие новые операционные принципы и нормы для практического их применения к новой системе. Основными действиями по проведению этих решений на практике остаются наблюдательные миссии и мониторинг. Необходимо также отметить, что сама структура ОБСЕ способна быть наиболее подходящей конструкцией для урегулирования многих этнических, региональных и

межрегиональных противоречий. Уже сейчас она конкурирует с НАТО и Европейским Союзом.[176]

Впервые проверка миротворческой деятельности СБСЕ была проведена на примере конфликта в бывшей Югославии.[176] На первом совещании Совета министров СБСЕ в Берлине 19-20 июня 1991 года детальное рассмотрение получило постановление по ситуации в Югославии. Здесь же были установлены необходимые возможности сотрудничества в наиболее опасных ситуациях.[178] Акцент был сделан на признание того факта, что "...только сами жители Югославии смогут определить будущее для своей страны, удваивая свои силы в разрешении собственных трудностей путем мирно текущих переговоров...".[179] Терминология этого и других документов СБСЕ во многом напоминает терминологию резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. Касаясь прежде всего толкования слов "разрешение", "поддержка", "признание" и т.д., она до сих пор отражает несовершенство всех институтов упомянутого международного объединения, особенно при соприкосновении с открытым военным конфликтом высокой степени интенсивности.

Качественное разрешение международных споров сегодня требует не только резолюций или других документов. Оно вызывает к решительным мерам и действиям.

Попытка создания принципиально нового инструментария разрешения конфликтов и установления безопасности была проведена на Совете министров СБСЕ в Праге 6 января 1992 года. Здесь было принято решение об "эффективности миротворческих мер" и признано необходимым согласие всех участников СБСЕ в процессе предохранения прав человека, решения проблем демократизации, установлении роли закона в меняющемся обществе.[180] Кроме того, Совет министров СБСЕ настойчиво подчеркивал важность человеческого измерения применительно по всем вопросам, связанным с безопасностью народов. Инструментом для предотвращения и разрешения конфликтов опять-таки были признаны поиск фактов, репортерские миссии, мониторинговые мероприятия, проведение собраний и диспутов по урегулированию всевозможных конфликтных явлений. Специально оговаривались заслуги ООН в мироподдержательных акциях.

Несколько позже, но в том же 1992 году, СБСЕ выработало постановление о создании собственных войск, подчеркнув необходимость неукоснительного следования по пути невоенного решения споров.

В своей многопрофильной деятельности по управлению, разрешению и урегулированию конфликтов СБСЕ до сих пор намеревается планировать акции с учетом аналогичных мероприятий, проводимых ООН.[181]

В миротворчестве и миросохранении эта организация проповедует:

- уважение суверенитета и территориальной целостности;
- согласие сторон ;
- объективный подход к разрешению конфликтов;
- учет многонационального населения и его интересов;
- "чистый мандат" и ясность в достижении целей;
- внутренние связи политического процесса для разрешения конфликтов.[182]

Наблюдая трансформацию СБСЕ из традиционной, но довольно интенсивно функционирующей конференции, в операционно действующий институт, можно, однако, заметить, что в своих попытках претворения своих миротворческих разработок на практике эта организация все же потерпела крупную неудачу, о чем свидетельствуют отчеты наблюдателей за миссиями в бывшей Югославии, Грузии, Эстонии, Молдове, Латвии и Таджикистане. Попытки выступления на международной арене в качестве "европейской ООН" в разрешении межнациональных конфликтов также закончились провалом (долговременные миссии СБСЕ по управлению кризисами и предотвращению конфликтов в Косово, Сандиаке, Воеводино, Сараево в 1992–1994 гг.

На совещании в Будапеште, 6 декабря 1994 г., было принято решение о переименовании СБСЕ в Организацию по Безопасности Стран Европы (ОБСЕ). В специальной декларации

нашли отражение новые принципы работы названного объединения. Основной упор стал делаться на расширении партнерства с другими европейскими миротворческими организациями в процессе установления мира и безопасности в странах Европы и сопредельных регионах. Кроме того, было принято также специальное решение об улучшении методики мироподдержания и безопасности с целью практического применения ее на практике в странах Юго-Восточной Европы. Таким образом произошло переоформление своеобразной структуры общеевропейской безопасности. Некоторые исследователи на этом основании полагают, что подобная трансформация СБСЕ/ОБСЕ проведена в целях противопоставления НАТО. В связи с этим, организация ясно выразила намерение продолжить деятельность в области превентивной дипломатии, управления кризисами и разрешения конфликтов, включая миссии в зонах конфликта и ограниченные операции по установлению мира, внесение посильного вклада в контроль за вооружением и учреждения агентств по наблюдению в этой области, а также налаживание системы наблюдения за соблюдением прав человека, беженцами и национальными меньшинствами. Проведение вышеизложенных операций потребовало постепенности и последовательности и неукоснительного выполнения предписаний для тех основных звеньев СБСЕ/ОБСЕ, которые были определены на совещаниях в Берлине, Вене, Лавалетте, Хельсинки, Москве 1992–1994 гг.

На наш взгляд, основная слабость СБСЕ/ОБСЕ заключается в неспособности достичь консенсуса при выработке ответственных решений. На передний план здесь выступают чисто операционные средства, которыми необходимо руководствоваться в действиях:

- 1) Венский механизм — утвержденный для консультаций и кооперации в военной сфере, в случае признания военных действий необычными;
- 2) Московский механизм — предложенный для акций в области человеческого измерения конфликтов;
- 3) Берлинский механизм — регламентирующий действия по безопасности миротворческих операций.

Сегодня, усилия ОБСЕ остаются пока еще неэффективными именно из-за несогласия государств в области применения на практике запланированных мероприятий.

ОБСЕ вполне можно расценивать как своеобразное региональное подразделение ООН, которое пока не имеет собственного достаточного военного потенциала, что не может не сказываться на характере проводимых миротворческих акций, престиже объединения и результативности его миротворческих усилий. Не удивительно, что попытки ОБСЕ провести превентивные диспуты в бывшей Югославии успеха не имели. Для достижения конкретных результатов в процессе урегулирования конфликтов многие западные исследователи предлагают СБСЕ продолжать координировать все действия с НАТО, Северо-Атлантическим Советом сотрудничества (САСС), Европейским Союзом (ЕС), главным образом для того, чтобы реализовать на практике выработанные заранее теоретические разработки с использованием силы.

6. Взаимоотношения России и Европейского союза в сфере безопасности

Для лучшего понимания возможностей, перспектив взаимоотношений России с Европейским союзом в области безопасности, необходимо рассмотреть весь процесс формирования двусторонних механизмов в указанной сфере. Большое влияние на развитие сотрудничества оказывают преобразования внутри Евросоюза, поэтому полезно проанализировать отношение России к усилиям ЕС по укреплению своего внешнеполитического и оборонного потенциала. Кроме того, целесообразно выявить и рассмотреть те сферы, в которых Европейский союз и Россия могут работать эффективно и плодотворно.

Официальные двусторонние отношения России и ЕС стали возможны после того, как 23 декабря 1991 г. страны Сообщества приняли заявление «двенадцати» о будущем статусе

России и других бывших республик Советского Союза. В нем было отмечено, что страны ЕС рассматривают Россию как государство, продолжающее осуществление международных обязательств СССР, в том числе вытекающих из Устава ООН. Они приветствовали согласие правительства Российской Федерации принять на себя обязательства и ответственность, выразили готовность продолжать дружественные отношения с Россией с учетом изменения ее конституционного статуса[183].

Российское руководство, после признания Российской Федерации в качестве независимого государства, заявило о своем курсе на трансформацию России в демократическое государство с развитой рыночной экономикой, приверженности общим с Западом ценностям. Для России было важно наладить сотрудничество с западными государствами и организациями для того, чтобы успешнее преодолеть переходный период реформирования страны. Российские лидеры рассчитывали как на оказание помощи со стороны крупнейших государств и международных финансовых институтов, так и на установление равноправных, партнерских отношений, полноценное включение России в мировое сообщество. Отношения с Европейским Союзом важны для России с экономической и политической точек зрения. Европейский союз является крупнейшим торговым партнером России, основным потребителем экспортируемых ей товаров, главным инвестором в ее экономику. После подписания в 1992г. Маастрихтского договора, предусматривающего, что государства ЕС должны осуществлять общую внешнюю политику и политику в области безопасности, усилилось значение политического диалога между Россией и Евросоюзом, в рамках которого возможно сотрудничество и в сфере европейской безопасности.

Первая встреча министра иностранных дел России А.Козырева с представителем Комиссии Европейских сообществ Ж. Делором и его заместителем Ф.Андриссеном состоялась 9 марта 1992 г. в Брюсселе[184]. Стороны сделали акцент на углублении и интенсификации двусторонних отношений, принимая во внимание изменения в России и углубление интеграционных процессов в Сообществе согласно решению Европейского совета в Маастрихте. На этой встрече стороны согласились вступить в предварительные консультации по поводу заключения нового двустороннего соглашения о сотрудничестве, призванного заменить соглашение между СССР и Европейским сообществом. Было решено, что кроме экономических отношений в соглашении будут определены рамки политического диалога.

Следует отметить, что данный визит был отмечен и одной из первых совместных внешнеполитических инициатив России и ЕС. Речь идет о принятии 10 марта 1992 г., на встрече российского министра иностранных дел с министрами иностранных дел 12 стран ЕС совместного заявления по Нагорному Карабаху[185]. В нем Россия и Европейское сообщество выразили глубокую озабоченность продолжающимся конфликтом, угрожающем региональной и международной безопасности, призвали к немедленному прекращению огня. Кроме того, призвали обе стороны, участвующие в конфликте, к уважению положений Хельсинского Заключительного акта СБСЕ и Парижской Хартии, а также основополагающих принципов устава ООН. Также была выражена поддержка посредническим усилиям России и представителей СБСЕ в деле урегулирования конфликта.

В дальнейшем представители ЕС и России неоднократно встречались на различных уровнях, обсуждали проблемы двусторонних отношений, а также международные вопросы. Например, 26-27 марта 1993г. состоялся визит в Москву представителей Европейского сообщества – министров иностранных дел Дании, Бельгии, комиссара ЕС по внешнеполитическим делам Х.ван ден Брука. Представители ЕС провели переговоры с

премьер-министром России В.Черномырдиным, министром иностранных дел А.Козыревым[186]. Кроме обсуждения двусторонних экономических отношений были затронуты и международные проблемы. В частности, речь шла о югославском кризисе и ближневосточном регулировании. Важно отметить, что была зафиксирована близость позиций обеих сторон. Сходня тематика была во время политических консультаций с «тройкой» Евросоюза (Дания, Великобритания, Бельгия) на уровне директоров политдепартаментов МИД состоявшихся 19 мая 1993 г.[187] При обсуждении ситуации в бывшей Югославии было подтверждено намерение добиваться ликвидации военной опасности на Балканах прежде всего политическими и другими невоенными средствами. Представители ЕС положительно восприняли российские оценки хода процесса ближневосточного урегулирования, а также подчеркнули важность большей координации политических шагов в треугольнике США – Россия - ЕС с тем, чтобы скорее достигнуть прогресса в решении этого регионального конфликта. Кроме того, консультации показали полное совпадение взглядов относительно нераспространения ядерного оружия, выполнения всеми государствами участниками в полном объеме обязательств, вытекающих из Договора о нераспространении ядерного оружия.

Первая официальная встреча между Россией и ЕС на высшем уровне состоялась 11 ноября 1993г. в Москве. Тогда российскую столицу посетили премьер-министр председательствующей в ЕС Бельгии Ж.-Л Дехане и председатель Комиссии Европейских сообществ Ж.Делор. Они встречались с Президентом России Б.Ельциным, премьер министром В.Черномырдиным[188]. На переговорах состоялся обмен мнениями по стратегическим направлениям совместных действий России и ЕС в интересах укрепления безопасности и стабильности в Европе. Было решено, что встречи Президента РФ и руководителей ЕС необходимо проводить в дальнейшем на регулярной основе. Важным моментом переговоров было заявление Ж.-Л.Дехане о том, ЕС намерен проводить с российской стороной встречи на таком же уровне, как это имеет место в отношениях с США и Японией.

Здесь следует заметить, что до этого встречи представителей России и ЕС различных уровней по вопросам политики и безопасности не были регулярными, не имели договорно-правовой основы. Поэтому на данной встрече стороны пришли к окончательному решению зафиксировать в предстоящем Соглашении о партнерстве и сотрудничестве рамки политического диалога, включить те механизмы, которые уже доказали свою эффективность и в дальнейшем способствовали бы успешному развитию отношений России и Евросоюза. Таким образом, стороны, придавая отношениям регулярный характер, создавая договорно-правовую основу, хотели поднять статус политического диалога, сделать его более значимым и действенным.

9 декабря 1993г., после переговоров Президента Российской Федерации с главами государств и правительств стран Европейского союза, Председателем Европейского парламента была подписана Совместная политическая декларация о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС[189]. Данный документ важен тем, что он наметил основные принципы и параметры политического сотрудничества.

Однако подлинное правовое закрепление политический диалог получил в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве, подписанном 24 июня 1994г. В данном документе Россия и Европейский союз выразили уверенность в том, что политический диалог будет содействовать большему сближению позиций по международным вопросам, являющимся предметом общей озабоченности. Тем самым должна укрепляться стабильность и безопасность на континенте. Кроме того, такой диалог предусматривает, чтобы стороны стремились к сотрудничеству по вопросам, относящимся к соблюдению

принципов демократии и прав и свобод человека, и проводили по необходимости консультации по проблемам, связанным с их надлежащим осуществлением[190].

Статьей 7 СПС фиксируется намерение сторон два раза в год проводить встречи Президента России, с одной стороны, и Председателя Совета Европейского союза и Председателя Комиссии ЕС с другой стороны. На уровне министров политический диалог осуществляется в рамках Совета сотрудничества, учреждаемого в соответствии со статьей. 90, а в других случаях, включая диалог с «тройкой» Европейского союза, - по взаимной договоренности.

Политическое сотрудничество на парламентском уровне осуществляется в рамках Комитета парламентского сотрудничества, учреждаемого в соответствии со статьей 95. Комитет парламентского сотрудничества состоит из членов Федерального собрания и Европейского парламента.

Россия и ЕС установили также и другие механизмы политического диалога. К ним относятся:

- проведение два раза в год встреч на уровне старших должностных лиц между должностными лицами России и «тройки» Европейского союза;

- полное использование дипломатических каналов;
- любые другие средства, включая возможность встреч экспертов, которые будут способствовать развитию диалога[191].

Следует отметить, что встречи в формате, предусмотренном Соглашением о партнерстве и сотрудничестве, происходили и до окончательной ратификации СПС (которая состоялась лишь 1 декабря 1997г.). Примером тому служит встреча 9 марта 1995г. в Москве министров иностранных дел «тройки» ЕС и членом Европейской комиссии Х. Ван ден Брука с Президентом России Б.Ельциным и министром иностранных дел А.Козыревым[192].

На ней представители ЕС подтвердили линию на сотрудничество с Россией как главным партнером Евросоюза в Европе. Обсуждалась ситуация в Чечне, широкий круг вопросов европейской и международной повестки дня – укрепление европейской безопасности, кризис в бывшей Югославии, ближневосточное мирное урегулирование. Кроме того, стороны договорились о наращивании взаимодействия по ОБСЕ, в том числе в целях повышения роли этой организации.

В рамках постоянного политического диалога стороны выработали еще один механизм сотрудничества – это встречи министра иностранных дел России с послами аккредитованных в России 15 стран ЕС и представителей Комиссии ЕС. Так, подобные встречи состоялись 6 февраля 1996г., 17 декабря 1997г. В центре бесед были актуальные вопросы партнерства и сотрудничества, причем особый упор делался на углублении политического диалога, переходе к совместным или параллельным действиям на ключевых направлениях европейской и мировой политики.

Встреча 17-19 марта 1996г. в Москве члена Комиссии ЕС, ответственного за внешнеполитические связи Х.ван ден Брука с министром иностранных дел РФ Е.Примаковым и другими должностными лицами была важной в том смысле, что на ней стороны достигли договоренности о придании регулярного характера встречам членов Правительства России с представителями руководства КЕС[193].

Кроме встреч столь высокого ранга Россия и ЕС проводят консультации на экспертном уровне, обеспечивающие оперативный обмен мнениями по важнейшим международным проблемам. Например, регулярно проводятся встречи с представителями «тройки» ЕС на уровне директоров политдепартаментов.

Нужно подчеркнуть, что проблемы двусторонних отношений обсуждаются не только на встречах представителей России и Евросоюза, но и на «внутренних» совещаниях, семинарах и других мероприятиях, проводимых под патронажем различных структур ЕС. Так, 6 апреля 1994г. Европейская Комиссия проводила семинар по поводу дальнейших отношений между Россией и ЕС[194]. Было принято решение об укреплении политического сотрудничества, признана необходимость в систематическом и всестороннем политическом диалоге. Члены Комиссии отметили важную роль России в европейских делах, в тоже время, по их мнению, Россия не совсем осознает значение «второй опоры» ЕС, т.е. совместной внешней и оборонной политики, и предпочитает вести двусторонние переговоры с главными странами. Таким образом, ЕС предлагал активизировать сотрудничество со всей организацией, а не только с отдельными ее членами.

Кроме того, органами ЕС в одностороннем порядке принимаются различные документы, касающиеся отношений с Россией. К ним можно отнести «Программу действий ЕС по развитию отношений с Россией», принятую 13-14 мая 1996г. на заседании министров иностранных дел Европейского союза[195]. Это политический документ, определяющий направления и характер сотрудничества с Россией в различных областях. Среди прочего в программе выражено стремление ЕС строить прочные партнерские отношения с Россией, что должно способствовать развитию демократии, повышению роли прав человека, укреплению мира, стабильности и безопасности. Европейский союз заявил о готовности вести постоянный диалог с Россией по проблемам безопасности: регулярное обсуждение вопросов безопасности на совместных заседаниях министерской тройки ЕС и российских руководителей соответствующего ранга, продолжать сотрудничество с Россией в разработке модели безопасности для XXI в. Важно было также намерение Евросоюза проводить заседания на уровне экспертов с участием российской стороны по вопросам всеобщего разоружения и нераспространения ядерного оружия.

Среди решений, касающихся внешней политики, следует также выделить решение Союза о формировании трех «троек» на уровне рабочих групп, а именно по проблемам безопасности, по Юго-Восточной Европе, по странам Магриба и Азии/Океании. Следует отметить, что первое заседание рабочей группы по безопасности с участием представителей ЕС и России состоялось 10 октября 1996г. Начиная со второй половины 1996г. происходили регулярные встречи семи российско-европейских групп по Югославии, ОБСЕ, Ближнему Востоку и другим актуальным вопросам[196].

В июне 1999г. в Кельне Европейским советом была утверждена «Общая стратегия Европейского союза по отношению к России». Общая стратегия – это новый инструмент внешней политики ЕС, предусмотренный Амстердамским договором, впервые примененный именно по отношению к России. На основании Стратегии на период каждого Председательства разрабатывается Рабочий план по ее реализации. В стратегии ЕС говорится о том, что Россия и Европейский союз имеют стратегические интересы и несут особую ответственность за поддержание стабильности и безопасности в Европе и в других частях света. ЕС рассматривает Россию как основного партнера в осуществлении этой задачи и твердо настроен на сотрудничество с ней. Евросоюз предлагает развивать стратегическое партнерство в рамках постоянного диалога по политическим вопросам и вопросам безопасности, направленного на еще большее сближение интересов и поиск

ответов на ряд вызовов в сфере безопасности на Европейском континенте. Такой диалог, по мнению ЕС, должен обеспечить большую согласованность во всех соответствующих форумах, в которых участвуют Россия и государства – члены ЕС, особенно в ООН и ОБСЕ. В разделе, посвященном конкретным инициативам, зафиксировано намерение ЕС изучить возможности придания существующему политическому диалогу большей стабильности, гибкости и предметности, повышения его оперативности и эффективности. В частности:

– Совет рассмотрит возможность создания постоянного механизма политического диалога и диалога в области безопасности ЕС/Россия, имея в виду важную роль, которую будет играть Генеральный секретарь Совета – Высокий представитель по ОВПБ. Одной из целей является разработка в сотрудничестве с Россией совместных внешнеполитических инициатив в отношении конкретных третьих стран и регионов по предотвращению конфликтов и управлению кризисами, особенно в районах, прилегающих к России, на Балканах и на Ближнем Востоке.

– Совет рассмотрит возможность выработки механизма консультаций в дополнение к ведущимся переговорам России с “тройкой” ЕС на экспертном уровне, возможно, с привлечением третьих стран, по вопросам нераспространения, а также активизации усилий, включая усиление координации совместной с третьими странами деятельности, в целях уничтожения российского химического оружия.

– Совет дополнительно рассмотрит возможность совместных действий и общих позиций в том, что касается безопасного обращения в России под контролем МАГАТЭ с биологическими и химическими материалами, а также расщепляющимися веществами, которые определены как более не требующиеся для целей обороны, в особенности на основе международных конвенций. Особое внимание будет уделено Международному научно-техническому центру в Москве[197].

Европейский союз предложил также вариант проведения консультаций по определенным вопросам в формате Россия – ЕС - США.

На саммите Россия-ЕС, состоявшемся в Хельсинки 22 октября 1999г., была представлена «ответная» Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 годы). Одной из основных целей Стратегии является «обеспечение национальных интересов и повышение роли и авторитета России в Европе и мире путем создания надежной общеевропейской системы коллективной безопасности»[198]. Стратегия направлена на формирование и укрепление партнерства России и Европейского союза в общеевропейских и мировых делах, предупреждение и разрешение совместными усилиями локальных конфликтов в Европе с акцентом на международное право и неприменение силы. Она предполагает построение единой Европы без разделительных линий, проведение курса на взаимосвязанное и сбалансированное усиление позиций России и Европейского союза в рамках мирового сообщества XXI века.

В Стратегии говорится о том, что российское руководство не намерено в рассматриваемый период официально ставить задачу присоединения или «ассоциации» России с Европейским союзом. Объясняется это тем, что «как мировая держава, расположенная на двух континентах, Россия должна сохранять свободу определения и проведения своей внутренней и внешней политики, свой статус и преимущества евроазиатского государства и крупнейшей страны СНГ, независимость позиций и деятельности в международных организациях».

По мнению Москвы, партнерство с Евросоюзом на предстоящее десятилетие могло бы включать в себя следующие этапы:

– обеспечение общеевропейской безопасности силами самих европейцев без изоляции от США и НАТО, но и без их монополизма на континенте;

– разработка позиции России в отношении «оборонной идентичности» Европейского союза при включении в него Западноевропейского союза и развитие политических и военных контактов с Западноевропейским союзом как составной частью Европейского союза, а также практического сотрудничества в сфере безопасности (миротворчество, урегулирование кризисов, различные аспекты ограничения и сокращения вооружений и т.д.), которое могло бы служить противовесом, в числе прочего, натоцентризму в Европе[199].

В Среднесрочной стратегии говорится также о мерах, которые могут способствовать расширению формата и повышению результативности диалога по вопросам политики и безопасности. К ним относится установление рабочих контактов и взаимодействия с органами Европейского союза, формируемыми в соответствии с Амстердамским договором в сфере общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза, включая вопросы создания Европейским союзом «оборонной идентичности». Кроме того, необходимо решение вопроса об институционализации ежегодных встреч в формате Председатель Правительства Российской Федерации - Председатель Комиссии Европейских сообществ и председатели палат Федерального Собрания Российской Федерации – Председатель Европарламента.

Москва предложила перейти от взаимного информирования о позициях сторон к упреждающим консультациям по наиболее острым вопросам с целью выработки согласованных решений; стремиться формировать к встречам на высшем уровне и заседаниям Совета сотрудничества пакеты совместных инициатив, представляющих взаимный интерес.

Россия, традиционно заинтересованная в укреплении роли ОБСЕ, предлагала активизировать совместную работу в целях сохранения этой организации в качестве ключевой опоры европейской безопасности.

Российское руководство поддержало предложение ЕС о проведении трехстороннего саммита Россия – Европейский союз – США с отражающей интересы России повесткой дня. Нужно отметить, что первая трехсторонняя встреча на уровне министров Россия – ЕС - США состоялась 3 марта 2000г., причем ее участники отметили, что этот формат заслуживает дальнейшего развития. С тех пор такие трехсторонние встречи не проводились, тем не менее, совсем недавно заместитель министра иностранных дел РФ А.Мешков заявил о том, что было бы неправильно отказываться от перспективного формата – Россия-Евросоюз-США, так как первый опыт подобных встреч был весьма положительным[200].

Нужно отметить, что Россия и ЕС за последнее время достигли заметных результатов в расширении и углублении своего партнёрства, удалось запустить некоторые механизмы, о которых речь шла в Стратегиях Российской Федерации и Европейского союза. К московскому саммиту, проходившему 29 мая 2002г., уже были установлены новые организационные форматы, в том числе в области политики и безопасности: "20+1" (председатель Правительства России плюс КЕС в полном составе); "30+2" (министры внутренних дел и юстиции РФ и стран - членов ЕС); "1+1" (министр обороны России плюс

председатель военного комитета ЕС); "3+1" ("тройка" послов ЕС в комитете по политике и обороне плюс постоянный представитель России при европейских сообществах); интенсивные политические консультации, в том числе и в рамках антитеррористической коалиции, в ООН, ОБСЕ, «восьмёрке», в других международных институтах, которые содействовали принятию, например, резолюций СБ и ГА ООН по афганскому и ближневосточному урегулированию; совместные действия в «квартете» посредников (Россия, ЕС, США, ООН) на Ближнем Востоке; участие России в донорских конференциях по Балканам, которые проводились под эгидой ЕС, принятие программ химразоружения на территории России[201].

Кроме того, Евросоюз предложил России учредить институт офицера связи при военном штабе создающихся Европейских сил обороны. Постоянный представитель России при ЕС В. Лихачев охарактеризовал это решение ЕС как «новое слово» в военно-дипломатических отношениях между Евросоюзом и Россией[202]. Действительно, таких представителей имеют лишь страны-кандидаты на вступление в ЕС, а также Канада. Назначенный на пост офицера связи при ЕС российский старший офицер или генерал будет работать в постоянном представительстве России при ЕС в качестве советника по военно-дипломатическим вопросам. Возможно, что на него будет возложена функция координации военно-технического сотрудничества между Россией и Евросоюзом.

Таким образом, в исследуемый период происходила интенсификация, углубление политического диалога между Россией и ЕС. Об этом свидетельствует его договорно-правовое закрепление, регулярность, расширение механизмов сотрудничества, разнообразие обсуждаемых проблем.

Безусловно, главными форумами для сотрудничества являются встречи Президента РФ с Председателем Совета Европейского союза и Председателем Комиссии ЕС, а также диалог на уровне министров в рамках Совета сотрудничества. На них обсуждаются наиболее важные проблемы двусторонних отношений. Полезны также предусмотренные СПС консультации на уровне экспертов, так как они позволяют сторонам оперативно изложить свои взгляды на тот или иной волнующий вопрос, а контакты рабочих групп предполагают выработку совместных инициатив, решений по конкретной проблеме.

Существующий регулярный и многоуровневый политический диалог с ЕС дает возможность Российскому руководству представлять свою точку зрения на актуальные международные проблемы, сопоставлять ее с позицией европейских государств, разрабатывать совместные внешнеполитические инициативы. Такой диалог усиливает взаимопонимание, помогает находить приемлемое для обеих сторон решение спорных вопросов.

Нужно отметить, что кроме встреч, рамки которых закреплены в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве, по-прежнему важное значение имеют переговоры с отдельными государствами - членами ЕС. На них помимо вопросов двустороннего сотрудничества обсуждаются и общеевропейские проблемы. Представляется, что результативность диалога с Европейским союзом повышается при сочетании контактов непосредственно с ЕС с двусторонними консультациями со странами, входящими в данную организацию.

Процессы, происходящие в Европейском союзе с начала 1990-х гг., такие как формирование общей внешней политики и политики безопасности и обороны, создание собственных сил быстрого реагирования, расширение Союза заставляют с большим

вниманием отнестись к сотрудничеству России и ЕС в политической сфере и в области безопасности.

Маастрихтский договор, подписанный в 1992г., предусматривает, что государства ЕС должны осуществлять общую внешнюю политику и политику в области безопасности, в частности, путем установления систематического сотрудничества между странами-членами, информирования и консультаций с Европейским советом по любому вопросу, представляющему взаимный интерес. Государства ЕС должны гарантировать соответствие их национальной политики общей позиции, активно и открыто поддерживать общую внешнюю политику и политику безопасности Евросоюза в «духе лояльности и взаимной солидарности», воздерживаться от любых действий, которые противоречат интересам Союза или могли бы ослабить его действенность как сплачивающей силы в международных отношениях. Следует также отметить, что важным является принцип, согласно которому государства-члены координируют свои действия в международных организациях и на международных конференциях. Более того, в международных организациях и на международных конференциях, в которых участвуют не все государства ЕС, те, которые участвуют, должны поддерживать общую позицию.

Необходимо отметить, что страны, входящие в Союз довольно медленно и осторожно продвигаются по пути выработки по-настоящему действенных механизмов осуществления ОВПБ, а тем более общей оборонной политики. Например, в том же Маастрихтском договоре особо отмечалось, что страны-члены, не выполняющие решения в сфере общей внешней политики и политики безопасности, не могут быть наказаны. Фактически, данное положение делает необязательным выполнение принятых решений. В новом, Амстердамском договоре (1997г.) есть близкая по смыслу статья, предусматривающая возможность «конструктивно воздержаться», т.е. не участвовать в голосовании и в выполнении принятых решений. Видно, что механизмы по принятию совместных решений и действий пока недостаточно жесткие и обязательные для того, чтобы говорить о реально существующей эффективной общей внешней политике и политике безопасности. В тоже время следует признать, что, не смотря на все внутренние противоречия, страны ЕС пытаются усилить военно-политическое влияние Союза. Очередным толчком к активизации деятельности по созданию собственного миротворческого потенциала послужили события в Косово, показавшие неспособность Евросоюза урегулировать конфликт собственными силами.

На саммите в Хельсинки в декабре 1999г. государства-члены ЕС приняли решение о том, что Евросоюз должен обладать возможностью быстрого развертывания (до 60 дней) 15 бригад (50- 60 тыс.чел.) для осуществления петербургских операций. Эти бригады должны быть способны вести самостоятельные военные действия и обладать необходимыми силами и средствами командования, управления и разведки, материально-технического обеспечения, силами поддержки, состоящими из 500 самолетов и 15 кораблей. Силы быстрого реагирования должны быть готовы выполнять поставленные задачи в местах своей дислокации как минимум в течение года. Кроме того, для замены личного состава потребуется примерно 150 000 чел.

На Хельсинском Саммите ЕС лидеры государств-членов ЕС решили также учредить несколько новых постоянно действующих органов. К ним относятся:

- Постоянный Комитет по политике безопасности (КПБ), в компетенцию которого войдут все аспекты ОВПБ, в том числе и ОЕПБО. Во время военных кризисов КПБ будет осуществлять политическое и стратегическое управление военными операциями под руководством Совета ЕС;

- Военный комитет (ВК), в состав которого войдут военные руководители государств-членов ЕС или их военные представители. Военный комитет будет консультировать Комитет по политике и безопасности по военным вопросам и вырабатывать для нее рекомендации;
- Военный штаб (ВШ), который будет обеспечивать Совет ЕС необходимой военной информацией и оказывать поддержку ОЕПБО. Военный штаб будет выполнять функции раннего предупреждения, оценки ситуаций и стратегического планирования в рамках решения задач ЕС в области предотвращения конфликтов и регулирования кризисов («петербургских задач»)[203].

Трагические события 11 сентября придали новый импульс процессу создания сил быстрого реагирования Европейского союза. На совещании в Брюсселе в октябре 2001г. министры обороны стран ЕС достигли договоренности о «максимальном ускорении этой работы»[204]. Главы военных ведомств ЕС решили проанализировать дополнительные меры, касающиеся бюджета будущих сил быстрого реагирования, подготовки военнослужащих, транспортного и тылового обеспечения, предоставления средств связи. Предполагается, что силы быстрого реагирования ЕС будут принимать участие в миротворческих миссиях, спасательных операциях, оказании гуманитарной помощи. Европейский союз планирует проводить операции самостоятельно в том случае, если США и НАТО по тем или иным причинам решат воздержаться от участия.

Фактически завершен процесс прекращения деятельности ЗЕС в качестве организации. В июне 2001г. упразднен военный штаб ЗЕС. Спутниковый центр в Торрехоне и Институт по изучению проблем безопасности в Париже с 2002г. функционируют в рамках ЕС[205].

ЕС уже продемонстрировал свою оперативную готовность осуществлять операции по управлению кризисами, декларированную Евросоветом в Лакене. 22-29 мая 2002г. были проведены игровые учения по сценарию кризиса между двумя странами, вызванного межэтническими противоречиями. Основными целями учений были: а) отработка функционирования военных структур и процедур ЕС в период до принятия решения о проведении операции; б) тестирование взаимоотношений и координации между институциональными сторонами, участвующими в урегулировании (государства-члены ЕС, Совет, Генеральный секретарь/Высокий представитель по ОВПБ, Комиссия, Спутниковый центр). Поскольку планирование операций предполагает консультации национальных делегаций в Брюсселе со своими правительствами, учения проводились одновременно во всех столицах стран ЕС. По оценке Х.Соланы, первые сценарные учения ЕС полностью выполнили поставленные в их рамках задачи, продемонстрировав, что Союз обладает дееспособной процедурной и концептуальной структурой для практических акций, военного и гражданского характера в сфере управления кризисами. Аналогичные учения запланировано проводить ежегодно[206].

Важно отметить, что задачи по формированию гражданского антикризисного потенциала, определенные Евросоветом в Фейра в июне 2000 г., выполнены досрочно – до конца 2002 г. Это позволило, в частности, с 1 января 2003 г. заменить полицейские силы ООН в Боснии полицейской миссией ЕС (ПМЕС). Миссия ЕС в составе 450 европейских офицеров полиции и 70 экспертов будет оказывать содействие в реструктуризации и подготовке боснийской полиции. Мандат этой операции ЕС должен быть выполнен к концу 2005 г.[207].

Пытаясь укрепить свой потенциал, Евросоюз продолжает углублять отношения с НАТО. Принятая Европейским Союзом и НАТО 16 декабря 2002г. Декларация о европейской политике безопасности и обороны (ЕПБО) создает официальную основу для

сотрудничества между двумя организациями в области кризисного регулирования и предотвращения конфликтов. Она излагает политические принципы сотрудничества между ЕС и НАТО и предоставляет Европейскому Союзу гарантированный доступ к средствам планирования и тылового обеспечения НАТО при проведении собственных военных операций.

Далее, 10 марта 2003г. Совет НАТО и Комитет по политике и безопасности Европейского союза (КПБ ЕС) провели совместное заседание в брюссельской штаб-квартире НАТО.

Генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон и верховный представитель по внешней политике и безопасности ЕС Хавьер Солана сообщили на итоговой пресс-конференции, что на заседании фактически завершено формирование системы «Берлин-плюс», которая представляет собой «детальный и сложный комплекс отношений между двумя организациями»[208].

Эта система позволила Евросоюзу в конце марта 2003г. взять на себя руководство операцией по поддержанию мира в бывшей югославской республике Македонии. Кроме того, ожидается подписание соглашения о безопасности между НАТО и ЕС. Оно определит порядок обмена секретной информацией между ними и позволит ЕС получить доступ к военным возможностям НАТО для проведения европейских миротворческих операций ограниченного масштаба без участия заокеанских союзников.

10 апреля 2003г. Европарламент принял резолюцию, поддерживающую проведение в ЕС единой оборонной политики. В рамках проекта уже к весне следующего года в ЕС должен быть создан пятитысячный контингент, готовый к участию в миротворческих операциях. Планируется, что к 2009 году, Европа должна быть готова самостоятельно или при поддержке НАТО осуществлять операции, сходные по масштабу с косовской[209].

Таким образом, в ближайшее время Европейский союз получит потенциальную возможность самостоятельно проводить различные миротворческие операции. Появление у данного объединения новых возможностей в урегулировании конфликтов приведет к изменению роли Европейского союза в системе европейской безопасности. В случае удачного продвижения к намеченным целям ЕС, видимо, все активнее будет принимать участие в урегулировании международных, в первую очередь европейских, конфликтов наряду с такими организациями как ОБСЕ и НАТО, так как помимо экономических санкций, дипломатических мер, в руках Евросоюза в ближайшее время может появиться военный инструмент давления.

Российские официальные лица и эксперты в целом довольно позитивно относятся к инициативам Евросоюза в области безопасности и обороны, считают, что создание сил быстрого реагирования ЕС не представляет непосредственной угрозы интересам безопасности страны[210]. Более того, российская сторона надеется, что появление у Евросоюза собственных миротворческих сил приведет к демилитаризации международных отношений, так как военный компонент в антикризисном урегулировании должен будет играть вспомогательную роль по отношению к широкому набору невоенных, политических инструментов. Россия позитивно оценивает создание европейцами собственного миротворческого потенциала, так как, по мнению Москвы, большая опора ЕС на свои собственные силы и средства может несколько скорректировать приверженность европейцев натоцентристской модели безопасности. Военно-политическое укрепление ЕС выгодно России с точки зрения концепции многополярного мира, которой придерживаются российские дипломаты. Москва

рассчитывает на то, что увеличивающаяся автономия Европейского союза, в сочетании с углублением двусторонних отношений ЕС-РФ поможет России достичь своих целей в области безопасности и укрепить свой собственный вес в Европе[211]. В тоже время, в российских политических и экспертных кругах существует определенный скептицизм относительно намерения Европейского союза стать более независимым актором в европейской структуре безопасности, особенно в области оборонной политики.

Конфликт в Косово привел к появлению некоторых разногласий между Российской Федерацией и Европейским союзом по поводу применения силы, методов кризисного урегулирования (нельзя забывать, что 11 из 15 стран ЕС являлись на тот момент одновременно членами НАТО), поэтому России нужны гарантии того, что силы быстрого реагирования ЕС будут действовать согласно мандату Совета Безопасности ООН. Москва предлагает также очертить географические рамки будущих миротворческих операций.

Пока европейские силы быстрого реагирования находятся в стадии формирования, и именно сейчас России необходимо не просто внимательно следить за становлением миротворческого потенциала ЕС, а совместно с экспертами ЕС сделать анализ того, каким образом возможно взаимодействие Москвы и Брюсселя в будущих операциях.

После Косовского кризиса, приведшего к временному замораживанию отношений России и НАТО, взаимодействие с ЕС рассматривались как своеобразная альтернатива сотрудничеству с Альянсом. Взаимодействие по линии Российская Федерация – Европейский союз могли служить каналом для продолжения диалога с западным сообществом безопасности[212]. Интересно, что во время конфликта в Косово в отличие от НАТО Европейский союз не подвергся такой резкой критике со стороны России.

Расширение ЕС является еще одним вопросом, серьезно влияющим на характер двусторонних отношений России и Европейского союза. Процесс расширения касается в первую очередь торгово-экономических, социальных интересов России. Например, в Перечне российских озабоченностей в связи с расширением ЕС, переданном руководству КЕС 25 августа 1999г. значатся в основном угрозы торгово-экономического характера[213]. Среди вызовов, имеющих отношение к безопасности, выделены лишь опасения по поводу возможной переориентации стран-кандидатов на вступление в Евросоюз в своих парках вооружений и оборонной инфраструктуре от прежней опоры на российские источники снабжения на западноевропейские. Тем не менее, расширение ЕС за счет стран Восточной Европы и некоторых стран бывшего СССР затрагивает также интересы России в области политики и безопасности.

Россию беспокоит, что новыми членами ЕС стали государства с антироссийской риторикой, а это может привести к трудностям с реализацией совместных проектов, потере позитивной динамики развития отношений. Вызывает озабоченность механизм принятия решений в органах ЕС, насколько расширение скажется на его эффективности. В связи с расширением ЕС особую озабоченность вызывает проблема Калининграда, связанная с вопросами о транзите и свободном доступе в Калининградскую область. Калининградская область имеет также важное стратегическое значение для России, как из-за положения области на стыке между расширяющимися ЕС и НАТО и Россией, так и по причине базирующегося там Балтийского флота. Высшее российское руководство, включая Президента Российской Федерации Путина, неоднократно заявляло о том, что решение калининградской проблемы будет являться индикатором для всего комплекса отношений России и Европейского союза. На саммите ЕС – Россия, состоявшемся 11 ноября 2002г. в Брюсселе, было принято Совместное заявление Российской Федерации и Европейского союза о транзите между Калининградской областью и остальной

территорией Российской Федерации, зафиксировавшее достижение компромисса по этому спорному вопросу[214]. Данный документ несколько снял напряжение в отношениях, вызванное данной проблемой, и в то же время открыл дорогу для дальнейшего обсуждения и решения калининградского вопроса. В перспективе российское руководство хотело бы добиться безвизового режима между Россией и Евросоюзом. 12 мая 2003г. в Вильнюсе состоялось подписание межправительственного Соглашения о приеме и возврате лиц, незаконно находящихся на территории Российской Федерации и Литовской республики (Соглашение о реадмиссии)[215]. Данное соглашение является одним из шагов по реализации совместного заявления по Калининграду и имеет важное значение как с точки зрения укрепления договорно-правовой базы борьбы с незаконной миграцией, так и в контексте обеспечения калининградского транзита.

В начале 90-х гг. Россия провозгласила стратегический курс на партнерские и союзнические отношения со странами Запада и международными институтами. Одной из целей такой стратегии было «расширение диапазона средств внешнеполитического влияния на мир и более широкое подключение к процессам политического и экономического регулирования на глобальном и региональном уровнях, включая вопросы обеспечения безопасности и стабильности»[216]. После окончания блокового противостояния появилось мнение, что теперь довольно быстро удастся наладить конструктивное взаимодействие между Россией и Западом, определить параметры будущей системы всеобщей безопасности. Однако на практике все оказалось гораздо сложнее. Это относится и к отношениям России и Европейского союза в сфере безопасности. За время, прошедшее с момента установления официальных отношений между Россией и Евросоюзом и вплоть до настоящего момента, несмотря на разветвленную сеть механизмов для диалога в области политики и безопасности, вся деятельность в основном сводилась к консультациям, обмену мнениями. Найдется немного примеров совестных решений и тем более действий в указанной сфере.

Существует несколько причин весьма ограниченного практического взаимодействия.

По мнению некоторых западных экспертов, Европейский союз во многом следовал определенной длительной стратегии реинтеграции России в Европу, близкой к неофункциональной логике, исходящей из того, что экономическая интеграция перетекает в политическую, и в конечном счете, в интеграцию в сфере безопасности. Поэтому европейский подход к сотрудничеству с Россией в сфере безопасности был в основном опосредованным, направленным на поддержку трансформации страны, в надежде, что через какое-то время это принесет выгоду в области безопасности[217].

Кроме того, российскому руководству не удалось выработать четкой стратегии практического взаимодействия России с европейскими партнерами. Европейцы (т.е. государства члены ЕС), в свою очередь, опасались втягивания в конфликты на территории стран СНГ, Восточной Европы.

Существуют и другие, более конкретные причины, тормозящие двустороннее практическое взаимодействие в сфере безопасности и обороны. Осторожность ЕС связана с трудностями проведения военной реформы, недостаточным финансированием и слишком медленной модернизацией российских вооруженных сил. После кризиса в Косово, приведшего к охлаждению отношений между Россией и НАТО, европейцы опасались слишком тесных связей с Москвой, из-за перспективы нанести ущерб трансатлантическому единству[218]. Сейчас, после сближения России и США перед лицом общих угроз, формирования нового механизма сотрудничества - Совета Россия –

НАТО, есть надежда, что прогресс в отношениях Москвы с Альянсом поможет развитию сотрудничества России и Европейского союза в области безопасности.

Наиболее важными областями сотрудничества России и ЕС в сфере безопасности являются: построение общей для всех системы безопасности в Европе, борьба с международным терроризмом, совместные действия по недопущению распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), кризисное урегулирование, проведение миротворческих операций.

Современный мир стоит перед лицом многих вызовов и угроз, для противодействия которым требуются усилия всего мирового сообщества, однако не всегда у России и стран Запада совпадают подходы к решению проблем международной, в том числе и европейской, безопасности. Россия и Запад имеют различия во взглядах на систему европейской безопасности. Российская дипломатия долгое время делала ставку на ОБСЕ как единственную организацию, объединяющую все государства континента, с богатым и ценным опытом работы во многих областях кризисного урегулирования – от раннего предупреждения до постконфликтного восстановления. Однако западные государства, на словах часто поддерживая намерение России укреплять и реформировать ОБСЕ, выражая готовность совместно действовать в рамках этой структуры, на практике в своей деятельности делали главный упор на «свои» институты безопасности: НАТО и постепенно набирающий военно-политический вес Европейский союз. В результате фактически произошло сужение функций ОБСЕ до деятельности только на Балканах и пространстве бывшего СССР, усилился уклон в сторону гуманитарной и правозащитной деятельности, в ущерб политическим и экономическим аспектам. Все это вызывает озабоченность российской стороны. Российские дипломаты указывают на то, что проблемы есть и на западной части европейского континента. В качестве примера приводится многолетний конфликт в Северной Ирландии, деятельность баскских террористов на пограничье между Францией и Испанией, неурегулированная курдская проблема в Турции[219]. Намерение России упрочить позиции ОБСЕ во многом объясняется тем, что Российская Федерация является полноправным членом этой организации, и может влиять на принятие решений по важным вопросам региональной безопасности.

Начало практическому взаимодействию Европы и России в борьбе с международным терроризмом было положено на состоявшемся в октябре 2001 года в Брюсселе саммите РФ - ЕС. В принятом Совместном заявлении по международному терроризму сторонами была выражена решимость действовать в целях блокирования любого источника финансирования террористических организаций, обмениваться информацией, касающейся терроризма, осуществлять диалог экспертов по борьбе с терроризмом, сотрудничать таможенно[220].

Уже после саммита были проведены консультации специалистов по вопросам унификации нормативно-правовой базы антитеррористического сотрудничества, борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем. Осуществляется обмен информацией о деятельности и местах нахождения террористических групп. Российская сторона считает, что необходимо добиться исключения двойных стандартов в определении терроризма и террористов. Кроме того, следует скорректировать национальные законодательства так, чтобы терроризм был выведен из категории общеуголовных преступлений в категорию особо опасных преступлений против человечества. В ближайшей перспективе Россия готова и на унификацию или согласование со странами Европы таможенных правил, процедур пересечения границы, в том числе перемещения капиталов[221]. Необходимо также определить единый перечень

угроз, исходящих от международного терроризма, и выработать единый механизм противодействия эти угрозам.

На саммите Россия – ЕС, состоявшемся 11 ноября 2002г. было принято новое заявление о борьбе с терроризмом. Стороны заявили о своем единстве в борьбе с терроризмом с должным уважением к верховенству закона, демократическим принципам и территориальной целостности государств. России и ЕС согласны в том, что борьба с терроризмом имеет долгосрочный характер, и что вызов терроризма является глобальным по своей природе, поэтому ответ международного сообщества на него так же должен иметь глобальный характер и комплексный подход, включающий политические, экономические, дипломатические и военные средства[222].

Важно, что и Россия, и ЕС видят связь между международным терроризмом и трансграничной организованной преступностью, запрещенными наркотиками, отмыванием денег, незаконной торговлей оружием и незаконным оборотом ядерных, химических, биологических и иных смертоносных материалов.

Перспективным может стать сотрудничество России и ЕС в кризисном урегулировании, проведении миротворческих операций. На саммите Россия-ЕС, состоявшемся 30 октября 2000г. в Париже, была подписана Совместная декларация об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. В ней говорится о намерении учредить специальные консультации по вопросам безопасности и обороны; развивать стратегический диалог по вопросам, затрагивающим интересы партнеров; расширять спектр регулярных консультаций на экспертном уровне по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения; развивать сотрудничество в области оперативного управления кризисами. Кроме того, достигнута договоренность об изучении «модальностей вклада» России в проведение операций ЕС и возможности сотрудничества в гражданских сферах управления кризисами[223]. В дальнейшем было принято Совместное заявление об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе, по проблемам нераспространения и разоружения, в котором указывалось, что модальности возможного российского участия в операциях как гражданского, так и военного характера по управлению кризисами будут разрабатываться по мере развития европейской политики в области безопасности и обороны[224].

Совместное заявление о дальнейших практических шагах по развитию политического диалога и сотрудничества по регулированию кризисов и вопросам безопасности было принято сторонами на саммите в Москве 29 мая 2002г. В данном заявлении Россия и ЕС выразили согласие значительно углублять свой диалог и сотрудничество по регулированию кризисов и вопросам безопасности. В качестве одной из инициатив Российская Федерация предложила «План действий России и ЕС в сфере европейской политики в области безопасности и обороны». Кроме того стороны выразили намерение осуществить сравнительный анализ соответствующих концепций кризисного реагирования для выработки общих подходов к новым политическим и стратегическим реалиям.

Россия и ЕС наметили ряд вопросов, которые будут регулярно рассматриваться в рамках политического диалога по внешней политике и вопросам безопасности на различных уровнях:

- предотвращение конфликтов,

- разминирование,
- возможное использование ЕС российских широкофюзеляжных транспортных самолетов,
- модальности возможного российского участия в полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине.

Россия и ЕС будут информировать друг друга об итогах своих ключевых международных контактов и переговоров по вопросам, относящимся к безопасности и регулированию кризисов[225].

Для развития практического сотрудничества важно намерение России и ЕС обсудить конкретные аспекты своего сотрудничества в проведении экстренных поисково-спасательных работ, реагировании на стихийные бедствия и катастрофы, а также в доставке гуманитарной помощи в различные регионы земного шара в ситуациях, относящихся к кризисному регулированию.

«Тройка» КПВБ и российский посол при ЕС будут играть важную роль в координации этой работы.

31 марта 2003г. Европейский союз начал первую в своей истории самостоятельную миротворческую операцию в Македонии, 350 военнослужащих из состава формирующихся сил быстрого реагирования ЕС заменили собой силы НАТО[226]. Возможно, в будущем Европейский союз возьмет на себя все необходимые функции по поддержанию стабильности в Косово. Ответ на вопрос как скоро это случится, будет зависеть и от того, насколько успешно будет проходить операция европейских сил в Македонии. Кроме того, Соединенные Штаты, втянутые в конфликты в Афганистане и Ираке, уже утратили прежний интерес к операциям на территории бывшей Югославии, и европейцам, видимо, придется взять на себя большую долю ответственности за проведение миротворческих миссий на Балканах.

В настоящее время вызывает определенные сомнения способность Европейского союза в полной мере выполнять возложенные на него функции, ему может потребоваться поддержка со стороны других влиятельных международных акторов, в том числе и России. Однако, российскую сторону не устраивает положение, когда Евросоюзом принимаются решения, в том числе касающиеся двусторонних отношений в области безопасности, без участия России. Так, согласно совместному заявлению, принятому в мае 2002г., одним из направлений сотрудничества является российское участие в полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине. Несмотря на то, что решение о проведении такой миссии было принято Евросоюзом еще в марте 2002г., проект двустороннего соглашения с ЕС был передан российской стороне лишь 21 ноября 2002г., при этом начало работы миссии было запланировано на 1 января 2003г. Более того, данный документ было предложено подписать незамедлительно на английском языке. Российские дипломаты заявили о необходимости подписания соглашения на русском языке, соблюдении всех правил, предусмотренных для подобных международных документов. Однако представители ЕС заявили о том, что это практически невозможно, и как следствие этого текст соглашения не согласован и документ не подписан[227].

Итак, Россия и Европейский союз в исследуемый период сумели создать разнообразные и многоуровневые механизмы для диалога по вопросам политики и безопасности. Хотя отношения в данных областях носили больше декларативный, а не практический характер. Существующие в мире угрозы, а также значимость двустороннего

сотрудничества для борьбы с ними, требуют установления более тесных и эффективных форм взаимоотношений России и ЕС по вопросам международной безопасности. Вероятно, сотрудничество России с ЕС в вопросах международной безопасности будет углубляться по мере развития военно-политического потенциала ЕС, более четкого определения задач сил ЕС, урегулирования взаимоотношений с НАТО и распределения функций между двумя структурами. Безусловно, определенное влияние на диалог России и ЕС в области безопасности будет иметь и характер двусторонних отношений в других сферах – экономической, правовой, гуманитарной и т.д.

Примечания:

1. Historique de l'UEO. Les origines de l'UEO : du Traité de Bruxelles aux Accords de Paris (1948-1954): <http://www.weu.int/Historique.htm#1>
2. Traité de collaboration en matière économique, sociale et culturelle et de légitime défense collective, signé à Bruxelles le 17 mars 1948 (entré en vigueur le 25 août 1948): <http://www.weu.int/Traite.htm#4>
3. Protocole modifiant et complétant le traité de Bruxelles: <http://www.weu.int/Traite.htm#3>
4. Texte du Traité de Bruxelles modifié (Le Traité de Bruxelles, signé le 17 mars 1948, a été amendé par les Accords de Paris, signés le 23 octobre 1954): <http://www.weu.int/Traite.htm#1>
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Le Traité de l'Atlantique Nord, Washington DC, le 4 avril 1949: <http://www.nato.int/docu/fonda/traite.htm>
8. Барановский, В.Г. Указ. соч.– С.113; Texte du Traité de Bruxelles modifié...
9. Texte du Traité de Bruxelles modifié...
10. Texte du Traité de Bruxelles modifié...; Барановский, В.Г. Указ. соч. – С.127.
11. Барановский, В.Г. Указ. соч. – С.114.
12. Там же. – С.114-115.
13. Там же. – С.121.
14. Барановский, В.Г. Указ. соч. – С.126-127; Conseil des Ministres de l'UEO, Déclaration de Rome, 27 octobre 1984: <http://www.weu.int/documents/841026fr.pdf>
15. Historique de l'UEO. L'UEO de 1955 à 1984 : la question de la Sarre, le contrôle des armements, le Royaume-Uni et l'Europe des Six: <http://www.weu.int/Historique.htm#2>
16. Симычев, М.К. Указ. соч. – С.70.
17. Там же. – С.71.
18. Там же.
19. Симычев, М.К. Указ. соч. – С.72; Барановский, В.Г. Указ. соч. – С.115.
20. Conseil des Ministres de l'UEO, Déclaration de Rome, 27 octobre 1984: <http://www.weu.int/documents/841026fr.pdf>
21. Ibid.
22. Ibid.
23. Claude, H. Op. cit. – P.111-112.
24. Plate-forme sur les intérêts européens en matière de sécurité. La Haye, 27 octobre 1987: <http://www.weu.int/documents/871027fr.pdf>
25. Ibid.
26. Historique de l'UEO. Rôle opérationnel de l'UEO. Les actions concertées de l'UEO dans le Golfe (1988-1990): <http://www.weu.int/Historique.htm#4A>
27. Ibid.
28. Traité de Maastricht sur l'Union Européenne. Titre V. Dispositions concernant une politique étrangère et de sécurité commune: <http://europa.eu.int/abc/obj/treaties/fr/frtr2f.htm>
29. Déclaration de Maastricht sur le rôle de l'Union de l'Europe occidentale et sur ses relations avec l'Union Européenne et avec l'Alliance atlantique, 10 décembre 1991: <http://www.weu.int/documents/911210fr.pdf>

30. Déclaration de Petersberg de l'UEO. Bonn, 19 juin 1992: <http://www.weu.int/documents/dummy.pdf>
31. Костюк, Р.В. Указ. соч. – С.240.
32. Déclaration de Petersberg de l'UEO. Bonn, 19 juin 1992...
33. Ibid.
34. Ibid.
35. Conseil des Ministres de l'UEO, Réunion extraordinaire avec des États d'Europe centrale, Déclaration. Bonn, 19 juin 1992: <http://www.weu.int/documents/920619fr.pdf>
36. Conseil des Ministres de l'UEO, Déclaration du Kirchberg. Luxembourg, 9 mai 1994: <http://www.weu.int/documents/940509fr.pdf>
37. Composition et organisation de l'UEO. Liste des 28 Délégations: http://www.weu.int/Delegations_fr.htm
38. Intervention du ministre des Affaires Étrangères, M. Alain Juppé devant l'Assemblée Parlementaire de l'UEO (Paris, le 1er décembre 1993): <http://www.doc.diplomatie.fr/BASIS/epic/www/doc/DDW?M=37&K=987070470&W=TEXTE+PH+IS+%27dissuasion+francaise%27+ORDER+BY+DATE/Descend>; Intervention du Premier ministre, M. Edouard Balladur, devant l'Institut des Hautes Études de Défense Nationale (Paris, 8 septembre 1994): <http://www.doc.diplomatie.fr/BASIS/epic/www/doc/DDW?M=34&K=982466563&W=TEXTE+PH+IS+%27dissuasion+francaise%27+ORDER+BY+DATE/Descend>.
39. Журкин, В.В. Европейский Союз: внешняя политика, безопасность, оборона / В.В. Журкин. – М.: Институт Европы РАН, 1998. – С.31-32.
40. Historique de l'UEO. Rôle opérationnel de l'UEO. Opérations menées par l'UEO dans le contexte du conflit yougoslave (1992 – 1996): <http://www.weu.int/Historique.htm#4B>
41. Ibid.
42. Ibid.
43. Historique de l'UEO. Rôle opérationnel de l'UEO. Opérations liées à la gestion de crise (1997-2001): <http://www.weu.int/Historique.htm#5>
44. Ibid.
45. Ibid.
46. Ibid.
47. Ibid.
48. Conseil de l'Atlantique Nord réuni en session ministérielle à Berlin le 3 juin 1996. Communiqué finale: <http://www.nato.int/docu/pr/1996/p96-063f.htm>
49. Traité d'Amsterdam modifiant le Traité sur l'Union européenne, les Traités instituant les Communautés européennes et certains actes connexes: <http://www.assemblee-nationale.fr/dossiers/amsterdam/amster3.asp>
50. Conseil des Ministres de l'UEO, Déclaration de Porto. Porto, 15-16 mai: 2000 <http://www.weu.int/documents/000515fr.pdf>
51. Conseil des Ministres de l'UEO, Déclaration de Marseille. Marseille, 13 novembre 2000: <http://www.weu.int/documents/001113fr.pdf>
52. Ibid.
53. Qu'est-ce que l'UEO aujourd'hui?: http://www.weu.int/UEO_aujourd'hui.htm
54. Traité de Nice modifiant le traité sur l'Union européenne, les traités instituant les Communautés européennes et certains actes connexes: <http://mjp.univ-perp.fr/europe/nice1.htm>; Qu'est-ce que l'UEO aujourd'hui?: http://www.weu.int/UEO_aujourd'hui.htm
55. Présentation: L'Assemblée de l'UEO en bref: <http://assemblee-ueo.itnetwork.fr/fr/presentation/presentation.html>; Brochure de l'Assemblée de l'UEO: http://assemblee-ueo.itnetwork.fr/fr/presse/articles/flyerGlesener_F_26_8_04final.pdf
56. Brochure de l'Assemblée de l'UEO...
57. Présentation: L'Assemblée de l'UEO en bref...; Барановский, В.Г. Указ. соч. – С.127.
58. Костюк, Р.В. Указ. соч. – С.239; EU-Nachrichten. Die Gemeinsame Außen- und

- Sicherheitspolitik der EU (GASP). Europäische Kommission. Vertretung in der Bundesrepublik Deutschland. Documentation. №6 vom 21. – October 1998. – S.3.
59. Traité de Maastricht sur l'Union Européenne. Titre V. Dispositions concernant une politique étrangère et de sécurité commune: <http://europa.eu.int/abc/obj/treaties/fr/frtr2f.htm>
60. Ibid.
61. Traité de Maastricht sur l'Union Européenne. Titre V. Dispositions concernant une politique étrangère et de sécurité commune...; Журкин В.В. Указ. соч. – С.20.
62. Traité de Maastricht sur l'Union Européenne. Titre V. Dispositions concernant une politique étrangère et de sécurité commune...
63. Ibid.
64. Ibid.
65. EU-Nachrichten. Die Gemeinsame Außen- und Sicherheitspolitik der EU (GASP). Europäische Kommission. Vertretung in der Bundesrepublik Deutschland. Documentation. №6 vom 21. – October 1998. – S.16-18.
66. Ibid. – S.18-21.
67. Forces européennes. L' Eurofor: http://www.defense.gouv.fr/sites/ema/decouverte/forces_europeennes/eurofor/1_eurofor/
68. Forces européennes. L' Eurofor...; Forces armées multinationales relevant de l'UEO en 2000: <http://mjp.univ-perp.fr/defense/ueoforces.htm>
69. Forces armées multinationales relevant de l'UEO en 2000...; Les forces multinationales européennes: http://www.defense.gouv.fr/ema/forces/monde/multinationales/art_part_fo_multi.htm
70. Euromarfor: «Coherent Behaviour»: http://www.defense.gouv.fr/ema/europe_defense/europe/p8.htm
71. Les forces multinationales européennes...; L'Europe de la défense. Glossaire et sigles...; Forces européennes. Le Groupe Aérien Européen (GAE): http://www.defense.gouv.fr/sites/ema/decouverte/forces_europeennes/groupe_aerien_europeen/1_e_groupe_aerien_europeen_gae116/
72. L'Europe de la défense. Glossaire et sigles...; Forces européennes. Le Groupe Aérien Européen (GAE)...
73. Forces armées multinationales relevant de l'UEO en 2000...
74. Ibid.
75. Ibid.
76. Ibid.
77. Костюк, Р.В. Указ. соч. – С.275.
78. Там же. – С.277.
79. Там же. – С.278-279.
80. Журкин, В.В. Указ. соч. – С.46.
81. Traité d'Amsterdam modifiant le Traité sur l'Union européenne, les Traités instituant les Communautés européennes et certains actes connexes: <http://www.assemblee-nationale.fr/dossiers/amsterdam/amster3.asp>
82. Ibid.
83. Ibid.
84. Ibid.
85. Ibid.
86. Ibid.
87. Ibid.
88. Ibid.
89. Ibid.
90. Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития... С.180; Андреева, Т.Н. Национальная безопасность как реализация национальных интересов (британский опыт 1990-х – 2000-х гг.) / Т.Н. Андреева // Национальные интересы и

- проблемы безопасности в меняющемся мире. Материалы междисциплинарного семинара / Отв. ред. К.С. Гаджиев, Г.В. Каменская, Э.Г. Соловьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2003. – С.99.
91. Déclaration franco-britannique sur la défense européenne. Saint-Malo – 4 décembre 1998: <http://www.france.diplomatie.fr/actual/evenements/stmalo2.html>
92. Communiqué du Sommet de Washington publié par les chefs d'Etat et de gouvernement participant à la réunion du Conseil de l'Atlantique Nord tenue à Washington le 24 avril 1999: <http://www.nato.int/docu/pr/1999/p99-064f.htm>
93. Déclaration du Conseil européen de Cologne concernant la PECSD (3-4 juin 1999): <http://www.france.diplomatie.fr/actual/dossiers/CE/ce1.html>
94. Conseil européen de Cologne 3 et 4 juin 1999. Rapport de la présidence sur le renforcement de la politique européenne commune en matière de sécurité et de défense: <http://ue.eu.int/pesc/military/fr/fr.cologne.htm>
95. Ibid.
96. La politique étrangère et de sécurité commune (PESC). Glossaire: <http://www.diplomatie.gouv.fr/europe/pesc/14211.html>
97. Костюк, Р.В. Указ. соч. – С.297.
98. Там же. – С.298.
99. Conseil européen d'Helsinki 10 et 11 décembre 1999 Annexe IV: Rapports de la présidence pour le conseil européen d'Helsinki concernant «le renforcement de la politique européenne commune en matière de sécurité et de défense» et «la gestion non militaire des crises par l'union européenne»: <http://ue.eu.int/pesc/military/fr/fr.Helsinki.htm>
100. Ibid.
101. Ibid.
102. Ibid.
103. Ibid.
104. Ibid.
105. L'Europe de la défense. Les grandes étapes de l'Europe de la défense: http://www.ladocumentationfrancaise.fr/dossier_actualite/europe_defense/grandesetapes.shtml
106. Ibid.
107. Ibid.
108. Déclaration d'engagement de capacités militaires (Bruxelles, le 20 novembre 2000): http://www.defense.gouv.fr/actualites/breves/2000/informations_generales/001120.htm
109. Ibid.
110. Ibid.
111. Ibid.
112. Ibid.
113. Conseil européen de Nice décembre 2000. Rapport de la Présidence française sur la politique européenne de sécurité et de défense: <http://www.diplomatie.fr/europe/pesc/declarations/rapportnice.pdf>; L'Europe de la défense. Chronologie: http://www.ladocumentationfrancaise.fr/dossier_actualite/europe_defense/chrono.shtml
114. Traité de Nice modifiant le traité sur l'Union européenne, les traités instituant les Communautés européennes et certains actes connexes: <http://mjp.univ-perp.fr/europe/nice1.htm>
115. См. Décision du Conseil de l'UE du 22 janvier 2001 instituant le Comité politique et de Sécurité: <http://ue.eu.int/pesc/military/fr/L27-1-fr.pdf>; Décision du Conseil de l'UE du 22 janvier 2001 portant création du Comité militaire de l'Union européenne: <http://ue.eu.int/pesc/military/fr/L27-4-fr.pdf>; Décision du Conseil de l'UE du 22 janvier 2001 instituant l'État-major de l'Union européenne: <http://ue.eu.int/pesc/military/fr/L27-7-fr.pdf>; Décision du Secrétaire général du Conseil / Haut Représentant pour la PESC du 8 juin 2001 concernant l'article 5, paragraphe 1, de la décision du Conseil du 22 janvier 2001, l'État-major de l'Union européenne est institué à compter du 11 juin 2001: <http://ue.eu.int/pesc/military/fr/L155.pdf>

116. Décision du Conseil du 22 janvier 2001 instituant le Comité politique et de Sécurité...
117. Ibid.
118. Décision du Conseil du 22 janvier 2001 portant création du Comité militaire de l'Union européenne...
119. Ibid.
120. Ibid.
121. Décision du Conseil du 22 janvier 2001 instituant l'État-major de l'Union européenne...
122. Ibid.
123. Ibid.
124. Европейский Союз: Справочник-путеводитель / Под ред. О.В. Буториной (отв. ред.), Ю.А. Борко, И.Д. Иванова. – М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2003. – С.157.
125. Conseil européen de Laeken 14-15 décembre 2001. Déclaration d'opérationnalité de la politique européenne commune de sécurité et de défense: <http://ue.eu.int/pesc/military/fr/FR-MILAEKEN.htm>
126. Ibid.
127. Европейский Союз: Справочник-путеводитель. – С.158.
128. Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 28: март – май 2002: <http://aes.org.ru/old/rus/fact15.htm>
129. Там же.
130. Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 29: июнь – август 2002: <http://aes.org.ru/old/rus/fact16.htm>
131. Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 27: декабрь 2001 г. – февраль 2002 г.: <http://aes.org.ru/old/rus/fact14.htm>
132. Там же.
133. Пражский саммит и преобразование НАТО: <http://www.nato.int/docu/rdr-gde-prg/rdr-gde-prg-rus.pdf>
134. Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 33: июнь – август 2003: <http://aes.org.ru/show.php?doc=88>
135. Там же.
136. Opération militaire de l'Union européenne dans l'ancienne République yougoslave de Macédoine (ARYM/Concordia): http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=594&lang=fr&mode=g; Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 32: март – май 2003: <http://aes.org.ru/old/rus/fact19.htm>;
137. Opération Militaire de l'Union Européenne en République Démocratique du Congo (RDC/Artémis): http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=605&lang=fr&mode=g; Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 33: июнь – август 2003: <http://aes.org.ru/show.php?doc=88>
138. Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 33: июнь – август 2003: <http://aes.org.ru/show.php?doc=88>
139. Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 34: сентябрь – ноябрь 2003: <http://www.aes.org.ru/show.php?doc=139>
140. Mission de police de l'Union européenne à Kinshasa (RDC) (EUPOL «Kinshasa»): http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=788&lang=fr
141. Mission de police de l'Union européenne en Bosnie-et-Herzégovine (MPUE): http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=585&lang=fr&mode=g
142. Mission de police de l'Union européenne dans l'ancienne République yougoslave de Macédoine (Proxima): http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=584&lang=fr&mode=g
143. Mission «État de droit» menée par l'Union européenne en Géorgie (Eujust Themis): http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=701&lang=fr
144. Ibid.

145. Opération militaire de l'Union européenne en Bosnie-et-Herzégovine (EUFOR - Althea): http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=745&lang=fr
146. Ibid.
147. L'Europe de la défense. Chronologie: http://www.ladocumentationfrancaise.fr/dossier_actualite/europe_defense/chrono.shtml; OCCAR. Communiqué du Ministère de la Défense de la France (Paris, 29 janvier 2001): <http://www.doc.diplomatie.fr/BASIS/epic/www/doc/DDW?W=CLE=944209923>; Cérémonie d'inauguration de l'Organisation conjointe pour la coopération en matière d'armement (Bonn, 17 janvier 2002). Discours du Ministre de la Défense, M. Alain Richard: <http://www.doc.diplomatie.fr/BASIS/epic/www/doc/DDW?W=CLE=938426375>; Organisation conjointe pour la coopération en matière d'armement. Communiqué du Ministère de la Défense. Paris, 17 janvier 2002: <http://www.doc.diplomatie.fr/BASIS/epic/www/doc/DDW?W=CLE=938426376>; La France et l'Europe de l'armement: <http://www.diplomatie.fr/actu/article.asp?ART=45476>
148. Ibid.
149. La France et l'Europe de l'armement: <http://www.diplomatie.fr/actu/article.asp?ART=45476>; Agency in the field of defence capabilities development, research, acquisition and armaments: http://ue.eu.int/cms3_fo/showPage.asp?id=277&lang=fr&mode=g
150. La France et l'Europe de l'armement: <http://www.diplomatie.fr/actu/article.asp?ART=45476>
151. La Politique Européenne de Sécurité et de Défense (PESD): http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/actions-france_830/defense-securite_9035/defense-europeenne_9040/pesd_196
152. Ibid.
153. Подробнее см.: Данилов Д.А., Мошес А.Л. Структуризация пространства безопасности на Западе и Востоке Европы. – М.: ИЕ РАН, Изд. Дом «Экслибрис Пресс», 2000, С. 1 – 117.
154. См.: Машина И.А. Валюта Евро: проблемы и перспективы. Рабочий доклад ИСИ ННГУ. Ноябрь 2000. – Нижний Новгород: Институт стратегических исследований Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского, 2000, С. 4 – 35; Буторина О.В. Что такое Евро? – М.: «Интеллект +», 1999, С. 3 – 86; Буторина О.В. Экономический и военный союз ЕС в мире. Теория и практика. – М.: ИЕ РАН, Доклады Института Европы. № 85, 2001. – 163 с.; Быков П., Кокшаров А. Европейский военный союз // Эксперт, №2, 1999; Иванов И. Единая валюта для интегрирующейся Европы // Мировая экономика и международные отношения, №1, 1999, С. 22 – 30.
155. Подробнее см.: Missiroli A. Euros For ESDP: Financing EU Operations//Occasional Papers, № 45, June 2003. – Paris: ISS, European Union, 2003, P. 1-53.
156. Ibid., P. 18 – 20.
157. Ibid.
158. Ibid.
159. The Challenge Of Preventive Diplomacy. The Experience Of The CSCE. Swedish Ministry For Foreign Affairs. Stockholm, 1994, P. 64 – 157.
160. Hopkinson W. Enlargement: A New NATO//Chaillott Papers, № 49, October 2001, Paris: ISS, European Union, 2001, p. 38.
161. War And Peace: European Conflict Prevention, Chaillot Papers, № 11, 1993. – Paris: ISS, European Union, 1993, P. 1 – 58.
162. Ibid., P. 37 – 50.
163. Ibid., P. 51 – 58.
164. Ghilders Er. Urguhart B. Renewing the United Nations System. Uppsala, Sweden: Dag Hammarsskold Foundation, 1994.
165. Weiss Th., Forsythe D., Coate. R. The United Nations and the Changing world Politicks.

- Boulder, Colorado: Westview Press, 1997,
166. http://www.un.org/Depts/DPKO/PK50/pk50_w.htm
167. Аннан К. «Партнерство во имя всемирного сообщества» Годовой доклад о работе организации. 1998. – Нью – Йорк: ООН. 1998, с. 7 Полный текст документа приведен в разделе «Приложения» к настоящей работе. – О.Х.
168. Там же, с. 59.
169. CSCE Mission in the Field as an Instrument of Preventive Diplomacy. Their Origins and Development // The Challenge of Preventive Diplomacy, Stocholm, 1994, p. 55.
170. Ibid, p. 56-57.
171. Conditions for Succesfull Preventive Diplomacy by M. Ugglas // The Challenge of Preventive Diplomacy., p. 9-18, 45-46;
172. Hoynck W. CSCE Missions in the field. Stocholm, 1994, p. 55.
173. Report to Ministers by NACC ad hoc Group on cooperation in peacekeeping. Athens, 11 June 1993 // SIPRI Yearbook 1994. Oxford University Press 1994, p. 240, 244-246.
174. Supplement to “An Agenda for Peace”: Position Paper of Secretary-General on the occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations. General Assembly. Fiftieth Session. Report of the Secretary of the Organization. A/50/60/ s/1995/1.3 Jan. 1995, UN 1995, p. 13, 14-22, 24.
175. Ugglas M. Conditions for Successful Preventive Diplomacy Stocholm, 1994, p. 24.
176. SIPRI Yearbook, 1993, p. 364-377.
177. Ibid. См. Hopmann P.T. Building Security in Post-Cold War Eurasia. The OSCE and U.S. Foreign Policy. Washington D.C.: UNSIP, p. IX-59.
178. SIPRI Yearbook, 1991, p. 603-610; Rotheld A.D. The CSCE: Toward a Security Organization – Oxford, 1993, p. 172.
179. Ibid.
180. SIPRI Yearbook, 1993, p. 364-377
181. См.: Hopmann P.T. Op.cit.
182. Nelson N.D. Balkan Imboglio: Politics and Security in Southern Europe: Boulcher, Co.; Westviw Press 1993, p. 4., Справочный материал относительно балканских стран в условиях создавшегося кризиса на территории бывшей Югославии с 1991 по 1997 гг.
183. Дипломатический вестник. 1992, №1. - С.48-49.
184. Дипломатический вестник. 1992, №7. - С.32-33.
185. Там же.
186. Дипломатический вестник. 1993, №7-8. - С. 24.
187. Дипломатический вестник. 1993, №11-12. - С.77.
188. Дипломатический вестник. 1993, №23-24. – С.32.
189. Дипломатический вестник. 1994, №1-2.- С.37.
190. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским союзом. Июнь 1994г. // Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией / Под ред. Ю.А. Борко. - М. 1994. - С.89.
191. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским союзом. Июнь 1994г. // Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией. / Под ред. Ю.А. Борко. - М. 1994. - С. 90.
192. Дипломатический вестник. 1995, №4. - С.17-18.
193. Дипломатический вестник. 1996, №4. – С.46.
194. Европейский обзор. 1994, №12. – С.6.
195. Европейский обзор. 1996, №32. – С.1.
196. Дипломатический вестник. 1996, №32. – С.3
197. Общая стратегия Европейского союза в отношении России // Современная Европа. 2000, №1 <http://www.ieras.ru>
198. Стратегия развития отношений РФ с Европейским союзом на среднесрочную перспективу // Современная Европа. 2000, №1 // <http://www.ieras.ru>.

199. Стратегия развития отношений РФ с Европейским союзом на среднесрочную перспективу // Современная Европа. 2000, №1 // <http://www.ieras.ru>.
200. Выступление заместителя Министра иностранных дел России А.Ю.Мешкова на международной конференции «Россия-НАТО-ЕС в меняющемся пространстве безопасности» (Москва, 11 декабря 2002 г.) // <http://www.mid.ru>.
201. Лихачев, В. Равноправие как главная конструкция в диалоге с ЕС / В.Лихачев // Независимая газета. 29.05.2002.
202. У России будет свой офицер при штабе европейской обороны // Страна.Ru. 25.03.02 // www.strana.ru
203. Ван Хам, П. Новые устремления Европы в области обороны: последствия для НАТО, США и России / П. Ван Хам // Публикация №1 Центра им. Маршалла, 2000. - С.14-15.
204. Европа. №10 (17), ноябрь 2001. - С.16.
205. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 3-4 (24-25): март 2001г. август 2001г./ Под ред.: Борко Ю.А (отв. ред.), Буториной О.В., Журкина В.В., Шемятенкова В.Г. М., сентябрь 2001.
206. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 28: март-май 2002г. / Под ред.: Борко Ю.А (отв. ред.), Буториной О.В., Журкина В.В. - М., июнь 2002.
207. Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 29: июнь-август 2002г. / Под ред.: Борко Ю.А (отв. ред.), Буториной О.В., Журкина В.В. - М., октябрь 2002.
208. ЕС и НАТО фактически завершили формирование системы стратегических отношений. РИА «Новости». 11.03.2003г. // www.globalaffairs.ru/live/news.asp?id=2428.
209. Европарламент «за» военное объединение Европы. Евроньюс. 11.04.2003г. // www.euronews.net
210. Danilov, D. The EU's Rapid Reactions Capabilities: A Russian perspective / D. Danilov // ESF Working papers. Brussels. November 2001 // <http://www.ceps.be/Pubs/2001/ESFW4.pdf>.
211. Там же.
212. Данилов, Д. Россия в большой Европе: стратегия безопасности / Д. Данилов // Современная Европа. 2000, №2. - С.58-59.
213. Перечень российских озабоченностей в связи с расширением ЕС (переданы руководству КЕС 25 авг.1999г.) // Время новостей. 29.05.2000.
214. Дипломатический вестник. 2002, №12. – С.17-18.
215. Дипломатический вестник. 2003, №6. – С. 59.
216. О сути концепции внешней политики России // Международная жизнь. 1993, №1. - С. 20.
217. De Spiegeleire, S. Recoupling Russia: Staying the Course Europe's security relationship with Russia / S. De Spiegeleire // European security forum working papers. 2002. // <http://www.ceps.be/Pubs/2002/ESF6.pdf>.
218. Danilov, D. The EU's Rapid Reactions Capabilities: A Russian perspective / D. Danilov // ESF Working papers. Brussels. November 2001 // <http://ceps.be/Pubs/2001/ESFW4.pdf>.
219. Авдеев, А.А. Европейский вектор внешней политики России / А.А. Авдеев // Современная Европа. 2000, №4. – С.11.
220. Совместное заявление по международному терроризму. Саммит Россия – ЕС, Брюссель, 3 октября 2001.// <http://www.mid.ru>.
221. Нужны новые модели безопасности. На вопросы журнала «Европа» отвечает секретарь Совета безопасности РФ Владимир Рушайло // Европа. 2002, №1(19), январь. – С.16
222. Совместное заявление о борьбе с терроризмом. Саммит Россия-ЕС (Брюссель, 11 ноября 2002г.) // Дипломатический вестник. 2002, №12.- С.16.
223. Совместная декларация России и ЕС об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. Саммит Россия – ЕС. 30 октября 2000. // <http://www.mid.ru>.

224. Совместное заявление об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе, по проблемам нераспространения и разоружения. Саммит Россия – ЕС. Брюссель, 3 октября 2001 // www.mid.ru.
225. Совместное заявление о дальнейших практических шагах по развитию политического диалога и сотрудничества по регулированию кризисов и вопросам безопасности. Саммит Россия-ЕС, Москва, 29 мая 2002 // <http://www.mid.ru>.
226. NATO turns over former Yugoslav Republic of Macedonia mission to the EU // <http://www.nato.int> 31.03.2003.
227. Россия и ЕС: братья по оружию? – М.: «Комитет Россия в объединенной Европе». - С. 53.

Глава VIII. РАСШИРЕНИЕ ЕС, НАТО И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

1. Процессы европейской интеграции и интересы России: цивилизационные особенности взаимоотношений

По своей расовой принадлежности, происхождению, образу жизни, религии, культуре и самоидентификации русские, бесспорно, принадлежат к семье европейских народов. Однако в силу особенностей своей среды обитания и истории они всегда отличались от жителей западной части континента.

Исследователи соответствующих периодов Отечественной и Всеобщей Истории сходятся во мнении, что в течение последних двух тысячелетий развитие почти всех западноевропейских народов шло в относительно замкнутых пространствах их нынешних национальных территорий. История русского народа, напротив, была связана с необъятной Русской равниной и её продолжением в Азии. На протяжении всей своей истории русские были народом, находящимся в непрестанном движении, населяющим постоянно меняющуюся территорию. Сначала это было Приднепровье, затем — Северо-Восточная Русь, потом — Московское великое княжество, впоследствии перешагнувшее географические пределы Европы и превратившееся в евразийскую Российскую империю, раскинувшуюся на более чем одной шестой земной суши. Географический фактор имел, таким образом, огромное социально-экономическое значение[1].

Тем временем, в Западной Европе ограниченность земельного фонда сделала экономически целесообразными частную собственность и интенсивный способ хозяйствования. Это, в свою очередь, способствовало утверждению рационалистического индивидуализма, основанного на принципе личной свободы и верховенстве закона. Высокая плотность населения и интенсивный способ хозяйствования обусловили необходимость тесного социального взаимодействия людей, которое традиционно строилось на базе закона. Во всех областях жизни наряду с острейшим соперничеством сложилась и укоренилась культура добровольной ассоциации и сотрудничества.

В России необъятность свободных земель, текучесть населения делали экономически неоправданной обработку одного и того же участка земли и, следовательно, частную собственность на землю и интенсивный способ хозяйствования. Земля всегда рассматривалась как всенародная «кормилица», как всеобщее достояние. Институт частной собственности на землю появился в более плотно населенных областях России лишь в XIV веке. Однако и тогда, и в более позднее время он был в принципе чужд психологии русских людей и глубочайшим основам народной жизни[2]. Это достаточно отчетливо показывают и нынешние, острые дебаты относительно свободного оборота земли.

Индивидуализм русского человека по природе своей был антиподом упорядоченного, рационалистического индивидуализма западных европейцев. До поры до времени он формировался во взаимодействии с могучей, здоровой природой, требовавшей от человека крайне напряженного труда, но дававшей взамен щедрые дары. От тех времен ведёт своё начало так называемый русский характер, которому присущи широта души, отвага, физическая и моральная выносливость, упоение ударной, сверхчеловеческой коллективной работой и одновременно расточительность, инертность, отсутствие традиции сосредоточенного, систематического индивидуального труда[3].

Кредо русского индивидуализма — знаменитая «удаль молодецкая», не знающая ни физических преград, ни социальных или юридических ограничений. Бережливость, сыгравшая основную роль в становлении капитализма в Западной Европе, всегда ассоциировалась в представлении русских со скарденостью, уродующей душу

человеческую и делающей неестественными отношения между людьми. Эта стихийная народная философия легла в основу традиционного образа жизни русских людей, полного контрастов и трагических противоречий, нашей уникальной, яркой и самобытной культуры.

Географическая близость Западной Европы к основным центрам греко-римского мира облегчила восприятие западноевропейскими народами античного наследия, в первую очередь римского права и христианской религии. В России этот процесс был затруднён географической удаленностью, отсутствием прямого контакта с античным миром. Достижения античной цивилизации пришли к русским через Византию, в форме уже находившихся в состоянии упадка византийских образцов. Христианство было воспринято русскими в его восточном, православном варианте, для которого ещё с апостольских времён была характерна, выражаясь современным языком, меньшая социальная ангажированность, сосредоточенность на внутренней духовной жизни человека и спасении его души.

Топография Русской равнины и традиционная слабость социального начала породили два противоположных фактора в жизни древних русских. С одной стороны, отсутствие естественных рубежей и низкая плотность населения делали страну крайне уязвимой в военном отношении. Внешняя угроза как дамоклов меч висела над Россией на протяжении всей её истории. С другой стороны, особенности экстенсивного способа хозяйствования делали необходимой непрерывную внешнюю экспансию, освоение все новых и новых земель. Орудием решения и той и другой задачи стало абсолютистское самодержавное государство[4].

Оно окончательно сложилось к концу XV-го века на базе русской разновидности феодализма, которая существенно отличалась от западноевропейской. Если в Западной Европе для утверждения господства феодалов было достаточно контроля над землёй при сохранении личной свободы крестьян, в России этот механизм не мог действовать в силу слабой связи человека с землей. Контроль над землей должен был быть дополнен прикреплением к ней крестьян-производителей. Так родилось одно из самых отвратительных явлений русской жизни — крепостное право, оказавшее глубочайшее деформирующее воздействие на все последующее развитие страны. Абсолютистское крепостническое государство, не сдерживаемое ни законом, ни общественной моралью, превратилось в самодовлеющую силу, царящую над каждым человеком и всеми общественными классами. Оно подавило вольный русский индивидуализм, вытеснив сотни тысяч его приверженцев на окраины, на вновь завоёванные земли (казачество). Государство утвердило безусловный приоритет общественного интереса перед личным, институт беспрекословного подчинения личности государству и беззаветного служения ему, если потребуется — ценой собственной жизни.

По эмоциональному выражению европейцев-историков ИЕ РАН, русское самодержавное государство «задушило» не только личные свободы, но и нормальную общественную жизнь. Вместо обычной системы горизонтальных общественных отношений, основанных на равенстве индивидуумов, возникла сложнейшая иерархическая система служения «царю и отечеству». Государство терпело и даже поощряло частную собственность и личное предпринимательство. Однако абсолютизм делал их всего лишь «приводным ремнем» государства, сдерживал свободу и деформировал социальную ответственность российской буржуазии. Капитализм был «пасынком» российской истории[5]. Русская буржуазия была изуродована государством и оказалась не в состоянии выполнить свою главную историческую роль — создать жизнеспособную капиталистическую экономику, гражданское общество и систему политической демократии.

Своими величайшими экономическими достижениями Россия была обязана не капиталистическому предпринимательству, а государству и подневольному труду. Так, по указу Петра I была создана мощная металлургическая промышленность, сделавшая

Россию в конце XVIII-го века ведущим производителем чугуна. В следующем столетии государство построило не имеющую себе равных Транссибирскую магистраль и разветвленную сеть других железных дорог. При сильной государственной поддержке были созданы основные предприятия тяжелой промышленности, давшие толчок знаменитому «экономическому чуду» конца XIX — начала XX века.

Один из патриархов советской и российской европеистики В.Г. Шемятенков убеждён, что наиболее выдающимся «достижением» царизма была военная и дипломатическая мощь, созданная вопреки относительной экономической и социальной отсталости. Благодаря ей Россия превратилась из глухой, заштатной страны в одну из главных вершительниц судеб Европы. Это также стало возможным благодаря абсолютистскому государству и имевшимся в его распоряжении возможностям внеэкономической мобилизации ресурсов. Государственный абсолютизм и созданный им праздный класс просвещённого дворянства были главными творцами классической русской культуры. В её основе лежали презрение к деньгам, торговле и ростовщичеству, идиллия деревенской жизни, идеалы добра и самопожертвования, беззаветный патриотизм и этика добровольного сложения государству[6].

В то же время, что было бы, однако, абсолютно неправильно рисовать историю России и русского народа сплошной чёрной краской, представлять её своего рода отклонением от «естественных» западных норм. Как полагал великий немецкий философ Гегель, история вообще не пишется в сослагательном наклонении. История России величественна и неповторима![7] В рамках сложившегося в стране уклада жили, сменяя друг друга, многие поколения людей. Они реализовывали свою жизненную энергию в неоспоримых достижениях во всех областях. Не будет преувеличением сказать, что Россия создала свою, особую разновидность европейской цивилизации, оказавшую неизгладимое воздействие на судьбы всего мира.

Даже в самые трудные периоды своей истории Россия была неразрывно связана с остальной Европой. Однако эти отношения всегда были противоречивыми. Они неизменно рождали вопрос о том, является ли Россия частью Европы.

Особенно интенсивными связи с Европой стали после того, как в России окончательно сложились крепостническая социально-экономическая модель и самодержавная политическая система. Первоначально для политики Москвы были характерны византийская кичливость и полное неприятие «латиницы» (что, впрочем, например, не помешало московским князьям уже в XV-ом веке пригласить итальянских мастеров для строительства Кремля). Официальная идеология представляла Москву как Третий Рим, как светоч истинной веры и учителя всего христианского мира[8].

Сильнейший удар по этой заносчивой доктрине был нанесён Смутой и взятием Москвы польско-литовскими захватчиками. Русская государственность оказалась на грани гибели. И хотя после воцарения новой династии крепостничество и самодержавие сохранились и получили новое развитие, в отношении русских людей и их правительства к Западной Европе произошли радикальные изменения.

Уже при первых Романовых «московские купцы заговорили перед правительством о пользе иноземцев, которые могут доставить «кормление», заработок бедным русским людям, научив их своим мастерствам и промыслам. С тех пор не раз повторялось однообразное явление. Государство запутывалось в нарождавшихся затруднениях; правительство, обыкновенно их не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать в обществе идеи и людей, которые выручили бы его, и, не находя ни тех, ни других, обращалось к Западу, где видело старый и сложный культурный прибор, изготовлявший и людей, и идеи»[9].

Парадокс состоял в том, что гуманистическая и демократическая по своей сути западноевропейская культура, попадая в Россию, становилась исключительным достоянием дворянства и не только не содействовала демократизации общества, но, напротив, становилась фактором ещё большего его расслоения на расу господ и расу

рабов.

Крепостническая социально-экономическая модель и самодержавная политическая система, несмотря на огромные возможности мобилизации и концентрации подневольного труда, были, тем не менее, обречены на гибель. Их «могильщиком» стало российское крестьянство и та его часть, которая ушла в города и образовала рабочий класс[10].

Главной причиной революционного взрыва в феврале и октябре 1917г. было неразрешимое противоречие между естественным стремлением людей к свободе и экономическому благополучию и узкими, удушающими рамками общественного строя. В канун революции 85% населения жило в деревне и, по сути дела, не имело будущего. Слабый и коррумпированный российский капитализм был не в состоянии создать достаточное число рабочих мест и удовлетворить стремление народа к лучшей жизни. Большевики предложили народу, во-первых, метод радикального освобождения от политического и экономического гнёта и, во-вторых, сказочную перспективу новой, счастливой жизни для всех на основе полного социального равенства. Благодаря этому они смогли увлечь подавляющее большинство населения. Новый, только еще нарождавшийся капитализм был сметен вместе со старым, перезрелым царизмом.

Существенную роль в вызревании социалистической революции в России сыграла и Западная Европа. На определенном этапе грамотность и образование западноевропейского образца перестали быть монополией привилегированных классов — в стране возникла многочисленная интеллигенция, вдохновляемая идеями Возрождения и Просвещения. Этот новый социальный слой сыграл решающую роль в развитии народного образования. Образованный крестьянин или рабочий, естественно, не мог быть бессловесным рабом. По мере распространения просвещения широкие народные массы охватывает всё более сильное стремление к радикальным переменам. Средство удовлетворения этого стремления также пришло с Запада. Это был марксизм — своеобразная ветвь западноевропейского социализма[11]. В Западной Европе, вдали от всеобъемлющего полицейского контроля, сформировалась не только идейная платформа будущего переворота, но и его штабы и организационные структуры. Причинами феноменального влияния марксизма в России было то, что, во-первых, он рисовал столь близкую сердцу русского человека перспективу создания рая на Земле, а, во-вторых, в качестве средства достижения этой цели указывал уничтожение частной собственности и утверждение общественной собственности, казавшейся большинству русских наиболее естественным социальным институтом.

Революции 1917г. в России были самыми «демократическими» революциями в истории человечества. Они разрушили дотла прежнюю социально-экономическую и политическую систему и привели к полному освобождению людей. Однако в результате страна оказалась в состоянии полной экономической разрухи, анархии и Гражданской войны. Российская империя распалась на множество независимых республик и областей, оккупированных противоборствующими сторонами или иностранными государствами. За три года (с 1917 по 1920 гг.) национальный доход упал с 11 до 4 млрд. рублей. За шесть лет начиная с 1914г. население страны уменьшилось на 20 млн. человек[12].

Перед страной встала уникальная задача создания новой общественной системы практически на пустом месте. Политический антагонизм между новым режимом и правительствами капиталистических стран не должен заслонять тот факт, что, приступая к этой титанической работе, революционеры имели перед глазами западные реалии, которые они хорошо изучили за долгие годы эмиграции.

Российские коммунисты рассматривали свою страну как слабое звено мировой капиталистической системы и в перспективе уповали на победу пролетарских революций в более развитых странах Западной Европы. После того как только стало очевидным, что большевикам придётся строить социализм в одной, отдельно взятой стране, их стратегической целью стало «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны.

То новое, совершенное общество, к которому они стремились, при ближайшем рассмотрении было слепком с западных, христианских идеалов, которые не смогло претворить в жизнь буржуазное общество.

Если стратегические цели социалистического режима были явно западноевропейского происхождения, то средства их осуществления — сугубо российскими. Советское государство восприняло, воссоздало и качественно усовершенствовало тысячелетнюю традицию русского государственного абсолютизма. Советское государство — это высший этап развития специфической русской государственности[13]. Вместо православия его главным идеологическим орудием был марксизм-ленинизм, место церкви заняла Коммунистическая партия и подконтрольные ей средства агитации и пропаганды. Государство полностью подчинило себе общество, семью и личность, действуя как средствами убеждения, так и средствами массовых репрессий. Существовавшая в царской России рудиментарная частная собственность была полностью выкорчевана.

Исключив горизонтальную социальную мобильность, рыночные отношения и конкуренцию, советское государство смогло в то же время феноменально расширить сферу вертикальной мобильности. Государство полностью контролировало личность, но в установленных им широких рамках каждый лояльный гражданин мог рассчитывать на бесплатное образование, гарантированную работу, возможность творческого роста, охрану здоровья, пенсионное обеспечение. Государство взяло на себя роль организатора экономической жизни, используя в качестве главных рычагов общественную форму собственности и систему централизованного планирования.

В течение нескольких десятилетий государственная экономическая политика обеспечивала высокие темпы роста и постоянное повышение благосостояния людей. Огромный размах строительства, возникновение множества новых производств, поддерживаемая государством наука создавали привлекательные возможности для индивидуального социального и культурного роста. Ими воспользовались миллионы людей. После того как советское социалистическое государство смогло относительно быстро воссоединить Российскую империю (за исключением Польши, Финляндии и балтийских государств, временно получивших независимость), оно наглухо запечатало границы страны[14]. Тем самым была не только решена извечная геополитическая проблема России, но и создана абсолютная социальная гарантия незыблемости нового строя.

Даже западные политологи признают, что мощнейшим фактором сплоченности советского общества была внешняя угроза. Тезис Коммунистической партии о враждебном капиталистическом окружении подтверждался иностранной интервенцией в годы Гражданской войны; враждебной политикой капиталистических государств, попытавшихся в последующие годы создать вокруг Советской России «санитарный кордон»; нападением гитлеровской Германии и опытом Великой Отечественной войны; холодной войной и ядерной угрозой со стороны США. Достижение военного паритета с Соединёнными Штатами, быстрый экономический рост, успехи в освоении космоса воспринимались в первую очередь как гарантия военной безопасности[15].

Главная причина падения советского режима была та же, что и причина падения царизма: личность переросла в своем развитии сравнительно узкие рамки, поставленные государством, и восстала против существующего строя. Ключевым элементом этого процесса был крах Коммунистической партии Советского Союза. Хотя материальные привилегии коммунистов были до смешного незначительны, их моральный авторитет, политическое влияние и административные полномочия были огромны. Пока большинство населения Советского Союза составляли полуграмотные крестьяне и выходцы из деревни, привилегированное положение относительно более развитых членов Коммунистической партии, взявшей на себя организацию жизни и развития необъятной страны, было общественно призванным. Однако после того, как в результате политики

самой партии был достигнут практически поголовный уровень высокой образованности и профессионализма, объяснить и оправдать неравенство в политическом положении отдельных членов общества стало невозможно. К тому же, партия оказалась не в состоянии переломить тенденцию прогрессирующего ухудшения экономического: положения страны — система централизованного планирования оказалась неэффективной в условиях гигантски разросшегося народного хозяйства. Образованное население уже не могло принимать на веру те догмы, которые вдалбливались в головы пропагандистской машиной партии. Для человека нового типа были неприемлемы тотальный контроль и самоизоляция страны от внешнего мира[16]. К концу 1980-х годов народ отказал партии в доверии. Без доверия народа не было власти. Социалистический режим мирно и тихо приказал долго жить.

Началась новая, посткоммунистическая эра. Многонациональная сверхдержава распалась на 15 независимых национальных республик, крупнейшей из которых была Российская Федерация.

Как только институты социалистического государства были демонтированы, Россия *ipso facto* стала страной с рыночной экономикой. Однако эта экономика, равно как и общество, и люди, его составляющие, находились (и все ещё находятся) в лоне традиционных цивилизационных особенностей. Это дало повод нашим западным: партнёрам в течение долгого времени отказывать России в признании её страной с рыночной экономикой[17].

Переход на рельсы капитализма является делом не правительства, а многих миллионов россиян, порывающих с тысячелетними традициями своей истории и недавней жизни. Этот процесс займет многие годы. Он развивается не по прямой, а в борьбе старого с новым, традиционного с современным.

Когда бы ни закончился процесс трансформации, какими бы ни были его практические результаты, российская цивилизация останется отдельной ветвью общей европейской цивилизации, как её германская, английская или романская ветви. Главное состоит не в том, насколько отличными от других европейских народов останутся россияне, а насколько эффективно они смогут использовать свои традиции, свои самобытные черты и преимущества в строительстве нового общества, базирующегося на тех же принципах, что и европейская социально-экономическая и политическая модель.

Тем временем, новые социальные условия создают беспрецедентные возможности для продвижения к единой Европе. Оно идёт на всех уровнях — отдельных людей, компаний и неправительственных организаций, правительств отдельных стран, с каждой из которых Россия имеет давние связи[18]. Этот процесс был бы неполным и недостаточно эффективным, если бы в дополнение ко всем остальным уровням не развивалось сотрудничество России с Европейским Союзом и Европейскими Сообществами.

Из сказанного выше ясно, что этот процесс предельно конкретен: объем, цели и формы сотрудничества между Россией и Европой определяются не только политическими намерениями сторон, но и той компетенцией, которой реально обладают наши партнёры. Развивая отношения с интегрированной Европой, необходимо иметь в виду, что Сообщество не может и не должно делать то, что должны делать экономические операторы, общественные организации и правительственные органы отдельных стран. Однако компетенция Сообщества ныне настолько велика, что для сотрудничества между Россией и ЕС есть место почти во всех областях.

Не менее важно и другое: эффективность нашего сотрудничества с Европой зависит от хода реформ в России, от того, насколько быстро на базе традиционных особенностей удастся создать новые институты и стереотипы мышления, отвечающие требованиям, современного мирового развития. Для того, чтобы российские порядки были совместимы с законами европейской интеграции, россиянам предстоит решительно изменить свое отношение к частной собственности и интенсивному способу

хозяйствования, конкуренции и деловому сотрудничеству, добровольным ассоциациям и закону, создать реально действующие механизмы рыночной экономики и политической демократии.

2.Соглашение 1989 г. между СССР и Европейскими Сообществами

В эпоху «холодной войны» связи Советского Союза с несоциалистической Европой поддерживались преимущественно в форме двусторонних отношений с отдельными государствами. Что касается новых многосторонних и наднациональных образований, созданных западноевропейскими государствами, то они рассматривались советским руководством через призму непримиримого противостояния двух систем, как орудие борьбы против социалистического лагеря в соответствующих областях.

В этом контексте Европейские Сообщества рассматривались в качестве экономического филиала НАТО. Первоначально в Москве считали, что интеграционная группировка не может быть достаточно прочной в связи с непримиримыми межимпериалистическими противоречиями. Коммунистическая партия Советского Союза руководствовалась известным высказыванием В.И. Ленина о том, что «с точки зрения экономических условий империализма ... Соединенные Штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны»[19]. Принципиально новое содержание сотрудничества, которое несла с собой наднациональная форма интеграции, до поры до времени оставалось скрытым от советских учёных и политиков.

Однако постепенно, по мере развития и укрепления Европейских Сообществ в научных кругах СССР и других социалистических стран стало созревать понимание того, что европейская интеграция не укладывается в догматическую схему межимпериалистического соперничества. Некоторые восточноевропейские учёные пришли к выводу, что она является объективно прогрессивным явлением, обусловленным логикой развития производительных сил и производственных отношений. Они обращали внимание на жизненность и эффективность общей торговой политики ЕС. По их мнению, экономические интересы самих социалистических стран делали целесообразным установление официальных отношений с Сообществом. Особенно далеко по этому пути продвинулись венгерские и польские учёные[20].

Однако вплоть до середины 1980-х годов изменение теоретических воззрений не материализовалось в перемене политики социалистических стран в отношении ЕС. В рамках разрядки международной напряженности, особенно после подписания Хельсинкского акта 1975 г., традиционные двусторонние отношения между социалистическими и капиталистическими странами Европы были дополнены принципиально новым, общеевропейским сотрудничеством. Процесс СБСЕ набирал силу, но отношения СССР и его союзников с главными организациями западноевропейских государств — НАТО, Европейскими Сообществами, Советом Европы и другими — оставались конфронтационными.

Тем не менее, постепенно политическая линия СССР в отношении ЕС стала видоизменяться. В соответствии с логикой разрядки международной напряженности Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в 1972 г. заявил о том, что Советский Союз признаёт сложившиеся в Западной Европе реальности, включая и существование «Общего рынка», и что развитие отношений с ним будет зависеть от готовности западноевропейских государств признать реальности в социалистической части Европы[21]. Практически же подразумевалось обоюдное признание Европейских Сообществ и Совета экономической взаимопомощи. Этой позиции СССР придерживался вплоть до начала перестройки. Европейское сообщество, со своей стороны, упорно отказывалось признать СЭВ. Был выдвинут тезис, что ЕС и СЭВ не являются равноправными партнёрами и не могут установить между собой договорно-правовые отношения, поскольку СЭВ не является наднациональной организацией, подобной ЕС, и,

следовательно, не располагает самостоятельной компетенцией в области торговой политики. Руководством ЕС и государств-членов было выдвинуто встречное предложение, которого они твёрдо придерживались в течение последующих 15 лет: установить двусторонние отношения между ЕС и отдельными государствами— участниками СЭВ и подписать с каждым из них соглашение о торговле. Существование СЭВ при этом попросту игнорировалось.

Руководство Советского Союза и его союзников вполне резонно увидело в этом предложении средство подрыва своей интеграционной организации и продолжало настаивать на взаимном признании СЭВ и ЕС на базе принципа равноправия. Имели место многочисленные неофициальные контакты и переговоры между двумя организациями, однако они не привели к какому-либо осязаемому результату[22].

Главная причина продолжавшегося противостояния заключалась в противоположности политических интересов сторон, поскольку и СЭВ, и ЕС были лишь частью общей системы непримиримого стратегического противоборства. Как только это противоборство прекратилось с приходом к власти в СССР М.С. Горбачёва, был незамедлительно найден и способ урегулирования отношений между ЕС и социалистическими странами.

В основу урегулирования был положен так называемый принцип параллелизма. 25 июня 1988 г. в Люксембурге была подписана Декларация об установлении официальных отношений между ЕС и СЭВ. Стороны заявили о своем взаимном признании и намерении развивать сотрудничество в областях, относящихся к их соответствующим компетенциям и представляющих взаимный интерес. Тем самым был расчищен путь и к налаживанию двусторонних отношений между отдельными странами. Этот процесс начался буквально через несколько дней после подписания Люксембургской декларации. Официальные отношения между СССР и ЕС были установлены в августе 1988г. В феврале 1989 г. было открыто представительство при Европейских сообществах в Брюсселе (ЕС создало свою дипломатическую миссию в Москве двумя годами позднее).

Уже осенью 1988г. началась работа над формированием договорно-правовых отношений между СССР и ЕС. Консультации экспертов, а затем официальные переговоры прошли в рекордно короткие сроки, поскольку за ними стояла политическая воля сторон. Между тем в ходе работы представители ЕС и Советского Союза столкнулись с серьёзными проблемами, так как им пришлось решать принципиально новые задачи, не имевшие аналогов в прошлом[23].

Со стороны ЕС трудность состояла в том, что ни один из стереотипов международных соглашений Сообщества не подходил к Советскому Союзу с учетом геополитической важности партнёра, его общественного строя и размаха начавшихся в этой стране перемен. В конце концов, после интенсивного обмена мнениями ЕС предложило оформить договорно-правовые отношения путем заключения Соглашения о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве.

Советская сторона была в ещё более сложном положении. Отсутствие практического опыта отношений с ЕС и точного знания возможностей партнёра, с одной стороны, неясность перспектив перестройки и противоречивость внешней политики Горбачёва — Шеварднадзе - с другой вели к явно завышенным ожиданиям. Советское руководство сильно преувеличивало влияние интеграции на социально-экономическое развитие Западной Европы, недооценивало роль бизнеса, гражданского общества и национальных образований. Оно рассчитывало, что сотрудничество с ЕС само по себе будет сильнейшим фактором внутренних реформ в СССР. Через сотрудничество с ЕС оно рассчитывало интегрировать страну в мировую торговую систему и получить доступ к рынкам капитала. В политическом плане сотрудничество с ЕС рассматривалось как важнейший элемент «общего европейского дома»[24].

Это определило и переговорную позицию Советского Союза. Его представители на переговорах пытались сделать будущее соглашение как можно более широким, снять с

СССР ярлык «страны с государственной торговлей», устранить из торговых отношений все элементы дискриминации, создать инструменты привлечения инвестиций из стран ЕС, заручиться помощью ЕС в проведении реформ, связать сотрудничество между СССР и ЕС с более широкими вопросами создания новой европейской архитектуры. Пожелания советского руководства явно выходили за пределы компетенции Сообщества. Представители ЕС занимали более реалистическую позицию. Вместе с тем на ходе переговоров отрицательно сказывалась инерционность их мышления, унаследованная от времен «холодной войны». Во-первых, представители ЕС попытались максимально сузить предмет соглашения. Во-вторых, всё же рассматривая СССР как «страну с государственной торговлей», они предлагали советской стороне взять на себя обязательство гарантировать «недискриминационный режим» импорта из ЕС и по ценам, и по количеству[25]. Это предложение было абсурдным. Даже в период расцвета командной экономики советское государство было бы не в состоянии взять на себя подобное обязательство. В наступившую эпоху реформ это было тем более невозможно и, самое главное, нежелательно. Советское руководство поставило перед собой задачу перехода к новой, рыночной экономике. Европейское же сообщество, по сути дела, толкало своего нового партнёра к сохранению и усилению командной системы.

Тем не менее, несмотря на все эти трудности, переговоры были успешно завершены. 11 декабря 1989г. в Брюсселе было подписано первое в истории соглашение между Советским Союзом и ЕС — Соглашение о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве. Оно означало огромный шаг вперед в развитии отношений между Советским Союзом и Западной Европой. Конкретно в Соглашении были решены следующие вопросы:

- Советскому Союзу на постоянной основе был предоставлен режим наибольшего благоприятствования, который ранее продлевался решением Совета каждые два года;
- был установлен точный график полной отмены количественных ограничений (за исключением «чувствительных» отраслей);
- была создана юридическая основа экономического сотрудничества в различных областях[26].

На основе последующего Соглашения 1991г. была начата программа технической помощи, которая позже получила название ТАСИС (Программа технического содействия Содружеству независимых государств). Приоритетными направлениями программы ТАСИС были и во многом остаются до сих пор:

- преобразование государственных предприятий на рыночных началах и развитие частного сектора.
- сельское хозяйство;
- отрасли инфраструктуры: энергетика, связь, транспорт;
- ядерная безопасность и охрана окружающей среды;
- реформа системы государственного управления;
- социальное обеспечение;
- образование[27].

Тем не менее, по своей природе Соглашение 1989г. было временным, преходящим документом. Хотя по настоянию советской стороны в нём не было упоминания о «стране с государственной торговлей», соглашение исходило из существования в СССР и Западной Европе различных социально-экономических систем[28]. Между тем уже через два года Советский Союз распался. В возникшей на его обломках новой России (как и в других бывших союзных республиках) рухнула социалистическая система, а вместе с ней исчезли и все элементы командно-административной экономики. Новое государство, несмотря на свою очевидную слабость и многочисленные недостатки, было, тем не менее, бесспорно демократическим. Всё это поставило в повестку дня внесение соответствующих изменений в договорно-правовую базу отношений между ЕС и Россией.

3. Соглашение 1994 г. о партнёрстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским Союзом

Впервые идея подписания нового соглашения была выдвинута председателем Европейской комиссии Ж. Делором в мае 1992г. во (время его официального визита в Москву). Потребовалось два года для того, чтобы подготовить его текст. Представители обеих сторон должны были правильно оценить и юридически точно отразить ход реформ в России: не забегая вперед, избежать в то же время увековечения архаизмов, создать такой задел на будущее, который мог бы «работать» в течение многих лет.

Новое соглашение, получившее название Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, было подписано на острове Корфу (Греция) 24 июня 1994г. Президентом Российской Федерации, главами государств и правительств государств—членов ЕС и председателем Европейской комиссии. Для ускорения практического выполнения тех его положений, которые не требовали ратификации, в начале 1995г. было подписано Временное соглашение о торговле и относящихся к торговле вопросах.

1 декабря 1997г. Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве вступило в силу. (Задержка в его ратификации была связана с тем, что в этот период произошло четвёртое расширение ЕС. Соглашение с Россией должно было быть дополнительно подписано и ратифицировано тремя новыми государствами-членами)[29].

Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве является наиболее широким, содержательным и далеко идущим экономическим соглашением из всех, которые когда-либо подписывались Советским Союзом или Россией с западноевропейскими государствами или международными организациями. Оно содержит следующие основные положения:

- Как явствует из названия, отношения сторон поднимаются с уровня простого сотрудничества на уровень партнёрства, то есть согласованных действий, преследующих общие цели (хотя прямо об этом в Соглашении и не говорится). Это предполагает общность принципов, на которых базируются общество и государство в России и государствах — членах ЕС: защита прав человека, верховенство закона, демократия, социально ориентированная рыночная экономика;
- В качестве перспективной цели в преамбуле Соглашения было названо создание зоны свободной торговли. Однако стороны не взяли на себя никаких обязательств в этом отношении: было зафиксировано лишь их намерение изучить целесообразность начала переговоров по этому вопросу после 1998г.
- Наиболее продвинутыми были положения о политическом диалоге. Для его осуществления была создана система совместных институтов: регулярные, дважды в год, встречи на высшем уровне (Президент России, председатель Совета и председатель Европейской комиссии); Совет сотрудничества (на уровне министров); Комитет парламентского сотрудничества; Комитет сотрудничества (на уровне высоких должностных лиц) — рабочий орган, практически организующий всю работу по реализации СПС. Кроме того, в ходе реализации Соглашения сложилась разветвлённая сеть подкомитетов и рабочих групп по отдельным направлениям;
- Сложный и несколько противоречивый характер носили положения Соглашения, касающиеся торговых отношений. Определение России как «страны с государственной торговлей» было окончательно снято. Однако Россия не получила признания в качестве страны с рыночной экономикой, что имело серьезные последствия в ряде областей, например при применении Европейским сообществом антидемпинговых процедур против российских предприятий. Российскому правительству не удалось добиться включения в текст Соглашения общей ссылки на правила ГАТТ. Вместе с тем ЕС пошло на ряд существенных асимметричных уступок, учитывающих специфические интересы России. Так, стороны продлили предоставленный ими ранее

друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации. Одновременно они договорились о том, что в течение пяти лет он не будет распространяться на преимущества, предоставленные Россией бывшим советским республикам. Сообщество обязалось отменить все количественные ограничения на импорт из России (за исключением текстиля, изделий из стали и расщепляющихся материалов). Россия же сохранила право вводить количественные ограничения в отдельных секторах, если в них происходит структурная перестройка, или возникают серьезные социальные проблемы, или российским производителям угрожает полная или существенная утрата позиций на внутреннем рынке, или в этих секторах зарождаются новые производства. Впервые было упорядочено применение защитных мер, в том числе антидемпинговых процедур;

- Несомненным прогрессом было включение в текст Соглашения ряда специфических ссылок на правила ГАТТ или положений, воспроизводящих в явной или неявной форме те или иные статьи Генерального соглашения по тарифам и торговле;
- Стороны предприняли попытку создать на основе принципов равноправия и взаимности правовые рамки развития предпринимательской деятельности; учреждения компаний на территории друг друга; создания благоприятных условий для инвестиций, платежей и движения капитала; взаимного предоставления услуг, в частности в финансовом секторе; охраны интеллектуальной собственности. Однако, как показала практика, соответствующие положения СПС носят чрезмерно общий характер, не подкрепляются в достаточной степени национальным законодательством;
- СПС предусматривает широкое развитие экономического сотрудничества в более чем 30 областях, включая промышленную кооперацию, конверсию, инвестиции, научные исследования и технологические разработки, сельское хозяйство, энергетику, атомную промышленность, транспорт, телекоммуникации, информатику, космос, охрану окружающей среды, малый и средний бизнес, защиту прав потребителя, социальную сферу, образование и профессиональное обучение, региональное развитие, стандартизацию, статистику, туризм. Разумеется, объективные возможности сотрудничества в отдельных областях, перечисленных в Соглашении, неравноценны. Однако в каждой из них удалось осуществить полезные мероприятия, сближающие Россию и государства — члены ЕС[30].

За годы существования СПС наиболее значительные успехи были достигнуты в области политического диалога. Институциональная структура, предусмотренная в Соглашении, была дополнена регулярными встречами между председателем Правительства России, с одной стороны, и премьер-министром председательствующего в ЕС государства и председателем Европейской комиссии — с другой. Был накоплен опыт взаимовыгодного взаимодействия, существенно закреплены взаимное доверие и взаимопонимание. Была развита традиционная близость позиций России и ЕС по многим международным вопросам. Это позволило каждой из сторон увеличить свой и влияние в международной политике.

Сложнее проходило развитие торгового и экономического сотрудничества. Европейское сообщество пришло к выводу, что записанная в преамбуле СПС стратегическая цель развития отношений между ЕС и Россией — создание зоны свободной торговли — может быть ведена в практическую плоскость лишь после присоединения России к ВТО. Европейский Союз заявил о том, что поддержит заявление России о приеме в эту организацию. Начались углубленные переговоры сторон об условиях присоединения[31]. Требования, выдвинутые ЕС, оказались более жесткими и далеко идущими, чем требования других членов ВТО. Обмен мнениями и сближение позиций по этим вопросам составляют сейчас главное направление диалога по вопросам торговой политики.

В отдельных конкретных областях были достигнуты заметные положительные результаты. В июле 1998г. было подписано новое Соглашение о торговле текстильными

товарами, позволившее снять все количественные ограничения. 1 июля того же года был введён в действие новый регламент ЕС по вопросам демпинга. С одной стороны, на российские предприятия, подозреваемые в демпинге, была распространена та же процедура, что и на компании других стран. Однако, с другой стороны, при практическом применении этой единой процедуры над российскими производителями висела «презумпция виновности»: они должны были доказать, что их деятельность и назначаемые ими цены соответствуют рыночным стандартам[32].

Сотрудничество с ЕС и записанное в СПС положение о гармонизации экономического законодательства сыграли определенную роль в процессе разработки и принятия новых российских законов и административных актов по вопросам внешнеторгового и валютного регулирования, а также улучшения инвестиционного климата.

Серьёзное негативное влияние на развитие торгово-экономических связей и, как следствие, сотрудничество на уровне ЕС оказал финансовый кризис 1998 г. В течение 1999г. российский экспорт в страны ЕС упал на 22%, а импорт — на 45%. Падение реального платежеспособного спроса и четырёхкратная девальвация рубля резко усилили процесс импортозамещения и затруднили восстановление позиций западноевропейских производителей на российском рынке[33]. Финансовая дестабилизация, усиленная необоснованной паникой среди иностранных инвесторов, привела к обвальному оттоку портфельных инвестиций и резкому сокращению прямых инвестиций из стран ЕС.

Доверие руководства ЕС к российскому правительству, его политике и возможностям было поколеблено, но ненадолго. Приход к руководству правительством Е.М. Примакова, а затем В.В. Путина, их активные действия внутри страны и на международной арене способствовали быстрому восстановлению атмосферы партнерства и сотрудничества. Подтверждением этого были принятие Кёльнским саммитом ЕС в июне 1999г. Коллективной стратегии Европейского Союза по отношению к России и представление российской стороной на встрече руководителей ЕС и России в Хельсинках в октябре 1999г. Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 гг.). Хотя содержательная сторона этих документов оказалась небогатой, их позитивное политическое значение было бесспорным[34]. Небольшая заминка, возникшая в отношениях между двумя сторонами после августовского дефолта, была безболезненно преодолена, что открыло путь для дальнейшего поиска наиболее эффективных форм сотрудничества сторон.

Новый кризис в отношениях между Россией и ЕС возник осенью 1999г. в связи с возобновлением военных действий в Чечне. Признавая незыблемость территориальной целостности России и её право бороться против любых форм терроризма, Европейский Союз вместе с тем публично осудил использование военной силы, которое привело к жертвам среди мирного населения и массовому исходу беженцев. ЕС призвал российское правительство немедленно прекратить военные действия и вступить в переговоры с «избранными чеченскими руководителями» в целях достижения политического урегулирования при сохранении территориальной целостности Российской Федерации. Западноевропейские партнёры требовали от России максимальной прозрачности всех действий в отношении Чечни, обеспечения беспрепятственной доставки гуманитарной помощи, осуществления программы экономического восстановления, решения социальных проблем и налаживания системы управления[35].

Достигнутый сторонами высокий уровень взаимного доверия позволил избежать каких-либо резких действий, которые могли бы застопорить сотрудничество между Россией и ЕС. Российское руководство прислушалось к критике и приняло действенные меры в области защиты прав человека и решения гуманитарных проблем на Северном Кавказе. События 11 сентября 2001г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, раскрытие несомненных связей между чеченскими боевиками и крупнейшими международными террористическими сетями, успех антитеррористической операции в Чечне способствовали

принципиальному сдвигу в отношении общественности и правительств государств — членов ЕС к чеченской проблеме.

Особенно интенсивным политическое взаимодействие сторон стало после того, как В.В. Путин стал новым российским президентом. Независимо друг от друга стороны пришли к выводу, что, хотя действующая договорно-правовая база отношений позволяет и дальше развивать взаимовыгодное сотрудничество в конкретных областях, геополитическое положение России и Европейского Союза на европейском континенте, их роль в мировой политике и экономике требуют выдвижения новых, более амбициозных стратегических целей, отвечающих ожиданиям народов. Попыткой решить эту задачу стала идея создания общего европейского экономического пространства, выдвинутая в 2001г. председателем Европейской комиссии Р. Проди. Идея была одобрена политическими руководителями России и государств-членов. Для её конкретной проработки была создана Группа высокого уровня во главе с заместителем председателя Правительства России В.Б. Христенко и членом Комиссии К. Паттенном[36].

Так, в системе современных экономических представлений под экономическим пространством имеют в виду определенную территорию, на которой действуют единые и однородные правила деятельности всех экономических операторов, существует система законов и институтов, обеспечивающих свободу движения товаров, услуг, капиталов и людей. В наибольшей степени этим критериям отвечают национальные народнохозяйственные комплексы. Единственным в мировой практике примером построения единого экономического пространства независимыми национальными государствами являются Единый внутренний рынок и Экономический и валютный союз ЕС. Кроме того, существует Европейское экономическое пространство. Этот термин используется для характеристики отношений между ЕВР и тремя небольшими западноевропейскими государствами, не входящими в ЕС, — Норвегией, Исландией и Лихтенштейном[37]. Суть этих отношений проста: все три страны имеют неограниченный доступ к Единому внутреннему рынку, по существу, являются его составной частью, но при условии одностороннего восприятия и выполнения ими всех актов ЕС.

Идея прямого присоединения России к Европейскому экономическому пространству, или (что то же самое) создания единого экономического пространства, на современном этапе исторического развития явно нереальна. Причина состоит в том, что Единый внутренний рынок ЕС и Европейское экономическое пространство являются продуктом определённых исторических обстоятельств. Для их реализации требуются:

- Существование высокоразвитой рыночной экономики и зрелых капиталистических институтов. Необходимо, чтобы они полностью соответствовали европейской социально-экономической модели. По этой причине присоединение к Европейскому экономическому пространству таких высокоразвитых капиталистических стран, как США или Канада, было бы невозможно в силу структурных и институциональных различий между ними и государствами—членами ЕС;
- Высокий уровень экономической интеграции на уровне частного бизнеса, взаимное переплетение экономик, в первую очередь отраслей обрабатывающей промышленности и услуг, делающее формальную интеграцию, интеграцию на уровне национальных государств, экономически оправданной;
- Тесная взаимозависимость национальных государств, делающая политически неизбежной и целесообразной частичную передачу суверенитета наднациональным институтам и органам;
- Наличие прочной и развитой законодательной и институциональной базы

интеграции в форме *acquis communautaire* и действующей системы институтов

Сообщества;

- Готовность государства, вступающего в единое экономическое пространство ЕС, в одностороннем порядке подчинить свое законодательство и политику требованиям Европейского сообщества[38].

Если эти предпосылки отсутствуют, то создание единого экономического пространства является либо невозможным, либо нецелесообразным. Для такого рода случаев Сообщество располагает богатым арсеналом договорно-правовых решений: соглашения о торговле, преференциальные торговые соглашения, соглашения о торговле и сотрудничестве, соглашения о создании зон свободной торговли, соглашения о таможенном союзе, соглашения об ассоциации. Соглашения о присоединении к Европейскому экономическому пространству находятся на самой вершине этой пирамиды.

Специфика отношений между Россией и ЕС состоит в том, что Россия не соответствует ни одному из критериев присоединения к Европейскому экономическому пространству. Однако цивилизационные и геополитические мотивы делают максимальное сближение России и Европейского Союза императивом и для той, и для другой стороны[39]. Смысл поиска, который предпринимают в настоящее время стороны, состоит в том, чтобы разрешить это противоречие.

Во-первых, речь идет о создании общего, а не единого экономического пространства. Это означает, что стороны в принципе сохраняют свой суверенитет, но создадут максимально возможные условия для свободного движения товаров, услуг, капиталов и людей, причём степень этой свободы зависит от конкретных политических и экономических условий.

Во-вторых, сама задача создания общего экономического пространства является задачей, рассчитанной на историческую перспективу. Этот процесс должен пройти несколько этапов, на каждом из которых будут накапливаться предпосылки экономической интеграции.

Первым таким этапом является вступление России в ВТО. Исход ведущихся в настоящее время сложных переговоров по этому вопросу во многом определяется позицией ЕС. В мае 2002г. во время саммита ЕС—Россия руководители Европейского Союза сделали долгожданное заявление о признании России страной с рыночной экономикой[40]. В октябре того же года оно было подкреплено изменением антидемпинговых процедур. Это способствует успешному завершению переговоров. Все последующее развитие торгово-экономических отношений между Россией и ЕС будет осуществляться на базе принципов ГАТТ/ВТО.

Второй этап — завершение российских реформ, обеспечивающее экономическую совместимость народнохозяйственных комплексов обеих сторон и возникновение объективных условий их прогрессирующего экономического сближения.

Третий — осуществление структурного сближения России и ЕС за счёт сближения стандартов, законодательства и административных правил.

Важное место в повестке дня сотрудничества между ЕС и Россией занимает проблема расширения ЕС, рассмотренная подробнее в следующей и последней главах данной работы, которое затрагивает жизненные интересы нашей страны. После его (промежуточного) завершения геополитическое положение России в зоне Центральной и Восточной Европы радикально изменилось. Теперь мы имеем дело не с отдельными, преимущественно малыми странами, а со всем Европейским Союзом в целом. Границы Союза, уже достигшие России с присоединением Финляндии, вплотную приблизились к нам и в зоне, находящейся к югу от Санкт-Петербурга. Калининградская область превратилась в эксклав, со всех сторон окруженный территорией ЕС[41]. Последствия этих изменений не поддаются однозначной оценке.

С одной стороны, приближение богатого европейского рынка открывает дополнительные возможности перед российскими производителями. Условия торговли товарами, согласно оценкам экспертов, станут более благоприятными. По-видимому,

улучшатся условия транзита российских товаров, в особенности нефти и газа. Логично предположить, что присоединение стран Центральной и Восточной Европы к ЕС повысит уровень военно-политической стабильности в этой части мира и, следовательно, даст положительный эффект с точки зрения безопасности России на западном и северо-западном направлениях.

С другой стороны, резко ухудшится режим пересечения границ российскими гражданами. Отечественные экспортёры могут потерять некоторые рынки в странах Центральной и Восточной Европы в результате их перехода на стандарты ЕС, расширения сферы применения защитных мер Сообщества, ужесточения экологических требований и норм защиты здоровья людей и интересов потребителей. В случае возникновения споров России будет труднее отстаивать свои интересы[42]. Не ясно, какое влияние окажет присоединение Латвии и Эстонии к ЕС на положение русскоговорящего населения.

Сложный узел проблем завязался вокруг Калининграда. Если соседство с Единым внутренним рынком приведет к тому, что Калининградская область сильно обгонит другие российские регионы, не приведет ли это к росту сепаратистских настроений? Если же калининградцы не смогут воспользоваться преимуществами своего нового положения, не станет ли Калининград своего рода «черной дырой» Балтийского региона, рассадником нищеты, болезней и преступности, угрозой безопасности для своих соседей? Сохранит ли Россия прочный политический контроль над своей самой западной областью? Будет ли и дальше обеспечен нормальный режим связей между Калининградом и остальной Россией, позволяющий осуществлять свободное перемещение товаров, энергоресурсов, военных материалов и людей?[43]

Ответ на эти вопросы даст только будущее. Однако крайне важно не упустить время и заблаговременно создать приемлемые условия жизни и деятельности в российском эксклаве. Руководители ЕС и России проявили добрую волю в этом вопросе, договорившись на многочисленных встречах в течение 2002-2005 гг. о порядке транзита между Калининградской областью и остальной частью России.

Проблемы, связанные с расширением ЕС и статусом Калининграда, не являются предметом Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве: они подлежат особому рассмотрению сторонами. ЕС, опасаясь обвинений в том, что Россия добивается права вето в вопросе, касающемся лишь ЕС, государств-членов и стран-кандидатов, крайне неохотно идёт на обсуждение этих проблем[44]. Между тем правительство России прекрасно понимает, что оно не может остановить или затормозить процесс расширения. Более того, оно не раз публично заявляло о своем положительном отношении к расширению. Но, поскольку при этом затрагиваются законные национальные интересы России, соответствующие аспекты расширения требуют обсуждения с целью минимизации возможного отрицательного эффекта.

Ещё одной проблемой, не затронутой Соглашением о партнёрстве и сотрудничестве, являются последствия создания Экономического и валютного союза и введения евро. Пока доминирующей иностранной валютой в России является доллар США. Несмотря на существующие законодательные ограничения использования доллара, он служит главной мерой стоимости и средством накопления[45]. В долларах осуществляются платежи по большинству внешнеторговых операций. Американская валюта преобладает и в официальных золотовалютных резервах.

Руководство ЕС по понятным причинам ставит вопрос о расширении использования евро российскими экономическими операторами. Однако этот вопрос не может быть решён административным путём - решающую роль здесь играют рынки. За последние два года спрос на евро значительно возрос. Расширился соответствующий сегмент торгов на валютных биржах. Выросли процентные ставки по депозитам в евро. Однако до обретения европейской валютой равноправного положения во внешней торговле, на денежных рынках и рынках капитала ее использование в официальных резервах ограничено.

Весьма перспективным является сотрудничество России и ЕС в области внутренних дел и юстиции. Цели сторон практически полностью совпадают: речь идет лишь о создании механизма, позволяющего действительно осуществлять эти цели.

Ключевым документом в этой области является План совместных действий Европейского Союза и РФ в борьбе с организованной преступностью, принятый на саммите ЕС в Хельсинках в конце 1999г.

Для того чтобы обеспечить создание необходимой правовой базы сотрудничества, в Плате предусмотрены ратификация и выполнение существующих международных соглашений по борьбе с организованной преступностью. Предусмотрено сотрудничество правоохранительных органов, включая регулярные встречи экспертов и обучение кадров[46]. Вопросы сотрудничества в области внутренних дел и юстиции переданы в ведение одного из подкомитетов, созданных в соответствии с Соглашением о партнёрстве и сотрудничестве. Успешно развиваются связи российских правоохранительных органов с «Европолом». Особенно активно ведется совместная работа в области борьбы с мошенничеством и подделкой документов, в том числе с целью противодействия отмыванию денег и утечке капиталов из России.

Не случайно на встрече в верхах ЕС—Россия, состоявшейся в октябре 2001г., было принято Заявление о международном терроризме. Главным методом борьбы признано взаимодействие полицейских служб обеих сторон. Было достигнуто соглашение относительно условий и процедуры обмена информацией о деятельности террористических групп и отдельных лиц, подозреваемых в терроризме[47]. Во время встречи была выдвинута идея создания совместного органа для решения этой задачи.

Следует отметить, что за полтора десятка лет существования официальных отношений между ЕС и Россией стороны достигли заметного прогресса. Сегодня невозможно представить себе европейскую политику без разветвленной системы их взаимодействия. И это — не предел. Между Россией и Европейским Союзом нет каких-либо принципиальных противоречий или непреодолимых разногласий. Напротив, они имеют все возможности для того, чтобы добиться еще большего сближения во всех областях и проложить путь к созданию действительно единой Европы.

4. Энергетический диалог Россия – ЕС

Идея энергетического диалога РФ–ЕС впервые возникла в 1986 г., когда премьер-министр Голландии р. Любберс предложил включить СССР в энергетический сектор Европы, что позднее нашло отражение в принятой в 1991 г. Европейской энергетической хартии. В 1997 г. Россия и ЕС подписали соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которое затем стало правовой основой для энергодиалога между Россией и ЕС.

11 февраля 1999 г. С. Генералов, министр топлива и энергетики российской Федерации, и К. Папуцис, представитель Европейской комиссии, ответственный за энергетику, подписали меморандум [48], в котором поддерживалась инициатива промышленного сотрудничества в энергетическом секторе, однако стороны не брали на себя никаких конкретных обязательств. Предпосылкой для развития энергодиалога явилось, с одной стороны, наличие в России потенциальных возможностей расширения экспорта энергоресурсов в страны ЕС, требующего значительных долгосрочных инвестиций в освоение новых нефтегазовых месторождений, модернизацию существующих и ввод в эксплуатацию новых генерирующих мощностей, создание энерготранспортной инфраструктуры и, с другой стороны, растущие потребности европейского рынка в обеспечении надежных поставок энергоресурсов.

Постоянную основу энергетический диалог РФ-ЕС получил лишь в 2000 г. на саммите ЕС–Россия в Париже, когда была одобрена инициатива главы европейской комиссии Р. Проди об увеличении и поставок энергоносителей из России в 1,5 раза в обмен на инвестиции и технологии. главной целью энергетического диалога стало создание

стабильного партнерства и обеспечение устойчивости поставок нефти и газа.

Энергетический диалог между Россией и ЕС создает правовую основу для расширения торгового оборота и инвестиционных потоков в области энергоресурсов, а также является основой «дорожной карты», направленной на создание общего экономического пространства между Россией и ЕС, которая была одобрена в мае 2005 г.[49] Направления развития энергетического диалога между Россией и ЕС, его достижения, проблемы и перспективы регулярно освещаются в обобщающих докладах. Шестой, обобщающий доклад был подготовлен в октябре 2005 г.[50]. В докладе отмечен прогресс, достигнутый в обеспечении стабильности поставок и снятии барьеров в торговле энергетическими продуктами между сторонами, а также признана значимость долгосрочных контрактов на поставки газа, подтверждено снятие 30%-го ограничения на импорт энергоресурсов из одного внешнего источника, что особенно важно для России. Тем не менее, ряд важных проблем еще предстоит решить. Например, несмотря на предпринятые усилия, ситуация в сфере инвестиционного климата остается сложной. Стороны подчеркивают важность создания более благоприятных условий за счет сокращения сопутствующих затрат, а также создания механизмов предоставления гарантий для стимулирования инвестиций в повышение энергоэффективности.

Основой энергодиалога РФ–ЕС является взаимная заинтересованность и взаимная зависимость сторон. российская Федерация располагает гигантским объемом энергетических ресурсов: на территории, занимающей 13% территории Земли, где проживает менее 3% населения мира, сосредоточено свыше 34% запасов природного газа и около 13% мировых разведанных запасов нефти. [51] Европейский Союз не располагает существенными запасами энергетических ресурсов. Нефть в ЕС в основном добывают в Великобритании и Дании, газ – в Великобритании, Голландии, Италии, Германии. Однако, по прогнозам, месторождения газа в странах ЕС истощатся уже в ближайшие 20–30 лет, а месторождения нефти – еще быстрее. В ЕС также развиваются альтернативные технологии получения электрической энергии на основе возобновляемых источников (энергия ветра, солнца, воды, биомасса), однако данная отрасль занимает пока скромное место в совокупном энергообеспечении Евросоюза. Россия и страны ЕС нуждаются в сотрудничестве. однако, несмотря на взаимозависимость и заинтересованность в кооперации, позиции России ЕС в энергетическом сотрудничестве различны. российская Федерация стремится играть более значимую роль в торговле нефтью и газом и наращивать свое присутствие в Европе, в то время как ЕС заинтересован в диверсификации своего импорта энергии, снижении зависимости от России и развитии альтернативных способов получения энергии. Но даже в случае благополучного развития проектов альтернативных источников энергии, включая ядерную энергетику, они смогут обеспечить мировую потребность энергии лишь на 6-8% к 2030 году.

Исторически сложилось так, что большая часть нефти и газопроводов соединяет Россию с Европейским союзом, что ставит покупателя (ЕС) в более выгодное положение: у России нет альтернативных рынков сбыта для таких больших объемов энергоресурсов, в то время как ЕС может импортировать газ и нефть из других стран в значительных объемах. Тем не менее, ЕС может влиять на условия предложения энергетических ресурсов лишь в ограниченном масштабе, в основном, снижая спрос и развивая технологии энергосбережения.

Однако существует ряд разногласий между Россией и ЕС, например, проблема ратификации договора к энергетической хартии (ДЭХ) Российской Федерацией.

Энергетическая хартия создавалась как механизм сотрудничества между Западной и Восточной Европой по энергетическим вопросам и была подписана в Гааге 17 декабря 1991 г. К 2003 г. к договору присоединилось 51 государство Европы и Азии. 17 стран и 10 международных организаций имеют статус наблюдателя.

Основными положениями договора являются: защита и стимулирование иностранных инвестиций в энергетику, свободная торговля энергетическими ресурсами, свобода

энергетического транзита по трубопроводам и сетям, сокращение ущерба, наносимого окружающей среде энергетической промышленностью, создание механизмов разрешения споров между государствами или между инвестором и государством [52]. Главной причиной, по которой РФ не ратифицирует ДЭХ, является наличие в договоре транзитного протокола, согласно которому предусматривается допуск зарубежных компаний к национальной транспортной инфраструктуре по внутренним тарифам. В результате такие страны, как Азербайджан, Грузия, Казахстан, Турция, Туркменистан и Узбекистан, располагающие запасами энергоресурсов и желающие поставлять их на льготных условиях через территорию РФ в Европу, оказываются прямо заинтересованными в ратификации ДЭХ Россией.

Очевидно, что последствия ратификации российской Федерацией ДЭХ не могут быть однозначными. С одной стороны, ратификация ДЭХ ускорит процесс диверсификации энергоснабжения ЕС. Если Россия подпишет договор, поставки газа из средней Азии каспийского региона (себестоимость которого ниже, чем в среднем по России) на европейский рынок возрастут. Это приведет к снижению значимости российских энергоресурсов на энергетическом рынке ЕС. Кроме того, рост предложения газа может существенно снизить цены. Эти последствия наступят достаточно быстро, и уже в краткосрочном периоде структура европейского энергетического рынка может измениться в худшую для России сторону. В результате высокие темпы прироста ВВП, наблюдающиеся в России в последние годы и обеспечивающиеся в том числе за счет благоприятной мировой конъюнктуры на рынке энергоносителей, снизятся, а экономическое развитие страны замедлится. Одновременно необходимо просчитывать последствия ратификации договора Россией в долгосрочной перспективе. Даже если Россия не ратифицирует ДЭХ, она не сможет предотвратить диверсификацию энергоснабжения ЕС, так как в европейском союзе уже осуществляются реальные проекты по данному направлению. Например, строятся транскаспийский, транскаспийский и другие газопроводы. Также важно учесть снижение зависимости ЕС от российского газа, наличие законодательных и налоговых проблем, недостаток инвестиций в отрасль и высокую степень изношенности основных фондов. Присоединение к хартии может дать России приток средств в ТЭК в 480–600 млрд. долл. и оградить Россию от дискриминационных мер на западных рынках.

Безусловно, делать прогнозы в данной сфере, даже на несколько ближайших лет, очень сложно. Для всего мирового энергетического сотрудничества на данный момент характерна непредсказуемость, многое зависит от мировых цен на энергоресурсы. Но маловероятно, чтобы европейский союз или Россия оказались в односторонней зависимости от своего партнера. Пока что существует взаимная зависимость между ЕС и РФ и весьма вероятно, что она сохранится в течение следующих десятилетий. Россия представляет собой очень крупного поставщика энергетических продуктов в ЕС, которого невозможно заменить за один день. ЕС же является очень важным рынком для России, который также невозможно заменить за один день.

Таким образом, цель энергетического диалога состоит в том, чтобы обеспечить расширение поставок российских энергоносителей в Западную Европу, создать условия для притока западных инвестиций в топливно-энергетический сектор России и облегчить доступ иностранных операторов к российским ресурсам и трубопроводам [53].

У руководителей ЕС было несколько причин для того, чтобы выступить с этой инициативой. Обострение обстановки на Ближнем Востоке вызывает все большее беспокойство промышленно развитых стран относительно надежности и стабильности поставок ближневосточной нефти. Желание диверсифицировать источники снабжения особенно усилилось после террористических актов 11 сентября 2001 г. Россия представляется в этом отношении оптимальным партнером. Но Энергетическая хартия, на которую государства—члены ЕС возлагали столь большие надежды, фактически заморожена.

5. Трудности углубления и расширения европейской интеграции

Период с середины 2003 г. по настоящий момент в отношениях между ЕС и странами-кандидатами характеризовался дальнейшей интеграцией в структуры Евросоюза 10 государств, вступивших в ЕС 1 мая 2004г., и продолжающимися переговорами по *acquis* с Болгарией и Румынией.

В сентябре 2003 г. в Эстонии и Латвии прошли референдумы о вступлении этих стран в Евросоюз. В бюллетень для голосования был также включен вопрос об изменении конституции страны, которая не предусматривает членство Эстонии в международных союзах. 14 сентября 2003г. 66,92 % эстонских граждан, имеющих право голоса, высказались за вступление Эстонии в ЕС. Против - 33,08 %. В голосовании приняли участие 63,4 % избирателей. Спустя неделю, 20 сентября 2003г. состоялся аналогичный референдум в Латвии. При достаточно высокой явке избирателей (72,53 %) 66,97 % граждан, принявших участие в голосовании, отдали свои голоса за присоединение к Союзу. Отрицательно высказались 32,26 % избирателей. Примечательно, что в городе Даугавпилсе, в котором проживает в основном русскоязычное население, идею членства Латвии в ЕС поддержали лишь 31 % граждан. Следует особо отметить, что более 25% жителей этих стран не является их гражданами и, соответственно, лишено права голоса[54]. Таким образом, во всех 9 странах-кандидатах, где проводились общенациональные референдумы о членстве в ЕС, они состоялись и завершились победой сторонников европейской интеграции. Напомним, что лишь греческое правительство Кипра отказалось проводить в своей стране подобное голосование.

Другим важным событием этого периода стоит назвать обнародованный 5 ноября 2003г. Комиссией ежегодный доклад о состоянии экономической и политической ситуации в 13 странах-кандидатах (“Regular Reports”). 10 стран, которые стали членами ЕС, в последний раз рассматривались Комиссией в данном отчете в качестве кандидатов. В документе подчеркивается, что в этих странах достигнут устойчивый прогресс в построении демократического правового государства и функционирующей рыночной экономики. Тем не менее, в реализации этими государствами *acquis* выявлен целый ряд проблемных мест. Их список насчитывает 140 пунктов, из которых 39 признаны “достаточно серьезными”. Наиболее частыми недостатками Комиссия называет слабое развитие структур, которые будут в дальнейшем координировать финансирование новых стран-членов из Структурных фондов, а также предоставление фермерам прямой помощи. Также признаны не вполне удовлетворительными борьба с коррупцией, адаптация к санитарным нормам и пищевым стандартам ЕС[55]. По мнению Комиссии, следует приложить больше усилий для улучшения ситуации в таких областях, как внутренние дела и правосудие, здравоохранение, охрана окружающей среды.

Что касается Турции, то Комиссия достаточно неопределенно высказалась относительно шансов этой страны начать переговоры с ЕС о вступлении в ближайшее время, пообещав дать более четкую формулировку в следующем докладе в конце 2004 г. В данном докладе Комиссия впервые открыто увязала вопрос вхождения Турции в ЕС с разрешением проблемы Кипра – его разделения на греческую и турецкую части.

Относительно Болгарии и Румынии, Комиссия подтвердила свои прежние оценки развития этих стран, отметив серьезный успех их экономических реформ. Было подчеркнуто, что Договор о вступлении в ЕС с этими государствами может быть подписан уже в конце 2005г., полноправными членами Союза они смогут стать уже в 2007г., но это все целиком зависит от дополнительных усилий данных двух стран[56].

Продолжалось заметно теряющее накал противостояние Польши и ЕС относительно предоставления компенсаций польским фермерам после вступления Польши в ЕС. Польское правительство отметило, что последним шагом в разрешении

этой ситуации может стать обращение в Суд ЕС с жалобой на Брюссель. Реформа Комиссии предполагает постепенное увеличение субсидий фермерам в новых странах-членах так, чтобы они сравнялись с нормами для нынешних членов к 2013 г. Такая практика касается всех прямых выплат для вступающих в ЕС стран. Польша, в которой проживает более 2-х миллионов фермеров, настаивала на стопроцентных выплатах, с момента присоединения к Союзу. Польское правительство также настаивало на переносе срока рассмотрения данной реформы до середины 2004 года, с тем чтобы попытаться заблокировать её[57].

В свою очередь, министерство финансов Франции обнародовало данные исследования, посвященного приобретениям и потерям в связи с расширением ЕС. Согласно результатам исследования, Польша в период 2007-2013 гг. получит, благодаря фондам ЕС, сумму, равную 4,5 % валового национального продукта. Французский дипломат на страницах “Либерасьон” задается вопросом: а стоит ли финансировать 4,5 % польского ВВП, если эта страна так упорно противодействует интеграции. В то же время Испания, главный союзник Польши на переговорах относительно проекта будущей Конституции ЕС, больше потеряет от расширения, чем приобретет. Называя Германию и Францию основными донорами ЕС, авторы доклада подчеркивают, что в 2013 г. вклад Германии в ЕС достигнет 1350 евро на душу населения. Все это приведет к бурным дебатам относительно бюджета ЕС на 2007-2013 гг.[58]. Канцлер ФРГ Герхард Шрёдер и министр иностранных дел Германии Йошка Фишер ясно дали тогда понять, что предпочли бы увязать обсуждение проекта Конституции с рассмотрением бюджета.

Бюджет ЕС-25 составил в 2004 г. более 99,7 млрд. евро, что на 2,3 % больше, чем бюджет ЕС-15 в 2003 г. При этом 10 новых стран-членов стали, наряду со старыми странами-членами Евросоюза, получателями сельскохозяйственных субсидий, средств из региональных и структурных фондов[59].

Кроме того, в долгосрочной перспективе претендентами на членство могут стать Хорватия, Македония, а также Албания, Босния и Герцеговина, в порядке развития их нынешних ассоциативных соглашений с ЕС. Из стран СНГ такую перспективу видят перед собой Украина и Грузия, однако они не рассматриваются Брюсселем как потенциальные кандидаты.

У интеграционных процессов в Европе, естественно, есть своя объективная база. Это континент во многом с общей историей, географией, традициями и ценностями. В европейской интеграции, как и в любой другой, заложена её пространственная динамика, и ожидаемое расширение будет уже четвертым по счету. Наконец, современная глобализация реализуется отнюдь не исключительно через универсальные решения, например, в формате ВТО или МВФ. Даже быстрее она идёт сейчас через региональные и субрегиональные схемы, что характерно не только для Европы. Увеличение первоначального числа членов происходит, например, в Таможенном союзе СНГ, у которого просматриваются также и иные потенциальные участники. На американском континенте в общую зону свободной торговли агрегируются НАФТА, МЕРКОСУР, Андское сообщество и ЦАОР. Растет число таких двух- и многосторонних зон и в мегарегионе АТЭС.

Обычно существующие объективные предпосылки трансформируются в организационные решения лишь при своем постепенном вызревании, тогда как в случае с ЕС они пока еще вовсе не адекватны тому темпу расширения, который задается Брюсселем и особенно завышенными ожиданиями стран-кандидатов.

Так, дрейфуя на Восток, Евросоюз расширяет, прежде всего, экстенсивные (территория – на 57%, население – на 45%), нежели интенсивные (научный потенциал – всего на 5%, экспорт – на 5% и т.д.) факторы своего экономического роста. Он вбирает в себя страны со среднедушевым доходом, составляющим лишь 38% от среднезападноевропейского, которые обеспечивают ЕС прирост всего в 6% ВВП, но приносят с собой свыше 200 млрд. долларов неоплаченного внешнего долга. Очевидно,

что все это не укрепляет, а “разводняет” хозяйственный потенциал ЕС, множит риски его развития[60]. Приобретаемая дотационная клиентура превращает Сообщество в своего рода зеркальное отражение прежнего СЭВ, но со сменой донора. Надеяться же на скорое устранение этого разрыва беспочвенно, ибо даже на своей современной, высокоразвитой территории ЕС удаётся, при всем напряжении сил, сужать его в отношении менее развитых Греции, Испании и Португалии не более чем на два процентных пункта в год, а восточные земли Германии, при всех громадных вливаниях средств и из федерального, и из европейского бюджетов, остаются пока, как и десять лет назад, замыкающими в списке регионов Евросоюза, ранжированных по душевому ВВП. Соответственно, расширение рамок в обозримой перспективе скорее ухудшит, чем улучшит позиции ЕС в международной конкуренции.

Более того, ряд отмеченных выше экстенсивных факторов в применении к Евросоюзу являются еще и деструктивными. Это, прежде всего, вовлечение в аграрную политику ЕС конкурирующих восточных сельскохозяйственных земель, что резко увеличивает нагрузку на бюджет Евросоюза и «размазывает» субсидии Аграрного фонда по гораздо большей территории, тем самым снижая их эффективность. Особенно острые противоречия возникают между их нынешним основным бенефициаром – Францией – и будущим – Польшей. Ожидается и массовый наплыв в благополучные страны ЕС избыточной рабочей силы с востока – только в Германию, согласно данным опросов, мечтают переместиться 175 тыс. чехов. Придется распределять по гораздо большей площади и бюджет содействия региональному развитию, против чего резко выступают средиземноморские страны ЕС[61]. Наконец, «увязнув» в Восточной Европе, ЕС резко снизит возможности проведения своей внешнеэкономической политики в международном масштабе, например, в отношении стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ) или в том же Средиземноморье.

Подтверждением сказанному является то, что пока ни одно государство-кандидат в полноценной мере не соответствует количественным и качественным «копенгагенским критериям», установленным для такого приёма (развитое гражданское общество, функционирующая рыночная экономика, готовая выдержать конкуренцию на едином рынке ЕС, способность выполнять все обязательства по членству в Евросоюзе)[62]. Ещё в меньшей степени кандидаты удовлетворяют критериям присоединения к евро, а это значит, что единый внутренний рынок ЕС ещё надолго останется поливалютным, а сам евро не сможет опираться на его ресурс в целом.

К началу 2004 года кандидаты согласовали с ЕС лишь наиболее легкие разделы своего 31-сегментного вступительного досье. По другим идут споры либо о предоставлении им переходных периодов (например, на продажу сельскохозяйственных земель нерезидентам), либо об исключениях из правил для самого ЕС (временные ограничения на приток рабочей силы с востока). В итоге Брюссель уже отказался и от какого-либо «залпового» приема в свои ряды новых членов, и от деления их на «первую» и «вторую» волну. Процесс расширения будет разноскоростным при индивидуальной оценке готовности к нему отдельных претендентов. Однако организационно это лишь ослабляет применение к претендентам единых подходов, открывает двери взаимной ревности и лоббизму.

Расширение готовит группе стран, образующих ядро ЕС, и институциональную ловушку. За претендентами зарезервировано 108 голосов (из 333) в Совете ЕС и 197 мест (из 720) в Европарламенте. По сравнению со взносом в 6% ВВП это означает, соответственно, 27% и 38% голосов (мест) в этих основных органах ЕС, то есть влияние в них будет впредь делиться уже не по реальному хозяйственному вкладу в интеграцию, как ранее, а, наоборот, «по едокам». Так, например, Польша получает в Совете и в Европарламенте столько же голосов (мест), что и Испания; Румыния – больше, чем Нидерланды; Венгрия – столько же, сколько и Бельгия[63]. Перефразируя известную библейскую притчу, можно сказать, что эти «тощие» коровы, при определенных

обстоятельства вполне могут блокировать в органах ЕС мнения нынешних «коров тучных», то есть доноров Евросоюза. Напомним, что решения в Совете ЕС после расширения будут приниматься при трёх условиях, а именно: если за них будет подано не менее 258 голосов, «за» проголосуют не менее 14 стран, а в целом эти голоса будут представлять не менее 62% населения ЕС[64]. По мере расширения круга вопросов, не требующих единогласия, и при известных демографических тенденциях в Европе, это вполне может сместить вектор принятия политических решений в ЕС к востоку от его нынешнего западноевропейского эпицентра.

С другой стороны, немалые экономические проблемы встают и перед самими странами-кандидатами. Брюссель выделяет на их «подтягивание» к членству всего 80 млрд. евро, перекладывая все остальные подготовительные расходы на их финансы и бюджеты. Произойдет жесткая «прополка» их хозяйственной специализации, промышленности и фермерства (только в Польше «лишними» оказываются миллион фермеров и значительная часть металлургов!), возрастут противоречия в межрегиональном развитии (восточные регионы этих стран уже сейчас отстают и от западных соседей, и от собственных столиц)[65]. Делается окончательный выбор в пользу западных внешних рынков, где их продукцию мало кто ждёт. Наконец, сам переход на *acquis communautaire* означает, говоря в русских терминах, схожую с нашей «перестройку» со всеми её последствиями.

Не случайно первоначальная потребительская и психологическая эйфория среди населения «новичков» все чаще сменяется на «евроскептицизм» (Польша, Чехия, Венгрия, даже Эстония). С другой стороны, реакция на вступление новых членов всё чаще граничит с неприятием в странах ЕС, особенно в тех, что являются либо основными донорами, либо основными бенефициариями бюджета Сообществ.

Нельзя не отметить что, форсированное расширение имеет свою неадекватную экономическую цену для всех участников этого процесса, что заставляет ставить в нём на первое место уже не столько экономические, сколько политические причины. Видимо, ЕС не терпит собрать под своё крыло разрозненные остатки бывшего социалистического лагеря в Европе (унаследовав его проблемы), а правящим кругам вступающих государств и стран-кандидатов – получить нового спонсора и сохранить власть, прикрываясь лозунгом защиты от давно уже мифической «российской угрозы» за «частоколом» членства интеграционных структурах единой Европы.

6.Расширение ЕС и мировые интеграционные процессы

Активно протекающий процесс расширения Западной Европы за счёт принятия в НАТО и ЕС новых членов из числа стран Центральной и Восточной Европы не вызывает однозначно положительной оценки, поскольку явных политических или экономических выгод не получает не только ни одна из сторон, то и «третьи» стороны, в том числе Россия, «азиатская группа» стран СНГ. Более того, европейские структуры становятся «рыхлыми», а на пространстве Евразии растёт вероятность появления новых региональных группировок, которые в будущем могут дефрагментировать и НАТО, и ЕС. Вновь принятые в ЕС страны, в частности самая крупная из «новичков» Польша, не скрывают своих намерений использовать «сегодняшнюю слабость ЕС»[66] для собственного экономического возрождения и формирования зоны собственных интересов в Европе.

Тем не менее, в западноевропейской политике присутствуют достаточно мощные побудительные причины для форсирования объединительного процесса через расширение.

Во-первых, это понимание растущей маргинализации Европы на фоне роста активности США в строительстве монополярного мира, во-вторых, при отсутствии

реальной военной угрозы странам Западной Европы требуется координация военно-политических усилий в борьбе с проявлениями регионального сепаратизма и мусульманского экстремизма, и в-третьих, понимание того, что ни одна из отдельно взятых европейских стран, включая ядерную Францию или Германию[67], не может играть роль даже регионального лидера (более того, как демонстрирует последнее десятилетие, разрешение региональных кризисов практически невозможно имеющимися евроструктурами).

Многие из западных экспертов отмечают увеличение разрыва в понимании протекающих геополитических процессов между США и Западной Европой. Разногласия ширятся в сфере торговли (достаточно вспомнить последний «стальной» скандал, инициированный американскими корпорациями), политики (США и Европа имеют различные подходы к решению проблем с Ираком, Северной Кореей, Кубой или Беларусью)[68]. Коренные разногласия проявились и в правовой сфере - американцы резко выступили против возможного привлечения граждан США к суду Международного уголовного трибунала, ставя себя таким образом вне сферы действия международных норм и правил[69].

Процесс раздела на «европейцев» и «атлантистов» вызвал возрождение в Европе идей антиамериканизма и единого континента - от Атлантики до Урала - идей, которые после Второй мировой войны генерировал французский военный и политический деятель Шарль де Голль. Уже в 1960-е годы генерал Де Голль говорил: «Построим Европу от Атлантики до Урала». По замыслу Де Голя, формула западноевропейской интеграции должна была отвечать триединой идее: независимость и величие Франции могли воскреснуть лишь в опоре на единую и сильную Малую Европу, опирающуюся на государства-нации[70]. При этом голлистский национализм и заложенная в основание европейской интеграции идея наднациональности (какой она представлялась французским отцам-основателям ЕЭС, в частности Ж. Монне и Р. Шуману) далеко не всегда могли гармонично сосуществовать.

Главным противником американского понимания нового миропорядка и сейчас выступает Франция. Именно в этой стране вновь была озвучена идея необходимости объединения Европы для создания противовеса США и американской гегемонии (Лионель Жоспен). При этом Франция придерживается четко выраженной национальной позиции[71]. Так, в 2001 году Л. Жоспен выступил с официальным заявлением французского правительства по поводу предложений ФРГ в области реформирования структуры ЕС. Жоспен резко отверг предложение канцлера Шрёдера о преобразовании Совета министров ЕС в одну из палат Европарламента и придания ему широких законодательных полномочий. По словам Жоспена, предложения ФРГ ведут к чрезмерной федерализации ЕС в ущерб интересам отдельных государств. «Для меня важна Европа, но я, как и прежде, предан своему народу», - заявил тогда по этому поводу французский премьер[72].

Сторонники объединённой Европы без американцев желали бы расширением ЕС инициировать и второй, не менее важный для Европы вопрос - создание собственных европейских вооруженных сил, способных соперничать с армией США в решении региональных задач по урегулированию кризисов.

Но на текущий момент (а вероятнее всего, и в обозримом будущем) идея европейской армии нереальна по нескольким объективным причинам:

- ни одни коалиционные вооруженные силы не способны располагать столь же высоким боевым духом и централизованным командованием, как национальная армия, какой являются вооруженные силы США. Тем более что численность объединенных евросил не будет превышать численности ВС США;
- несмотря на то, что европейский общий рынок несколько больше американского, Европа выделяет на нужды обороны лишь 2/3 от бюджета США, а военная продукция составляет менее четверти от американской;

- углубление технологического разрыва между Европой и США лишает ее возможности создать собственные глобальные системы управления и разведки, необходимые для обеспечения боевых действий на удалённых ТВД[73].

Ситуацию так прокомментировал один из стратегов Пентагона Ричард Перль: «Европейские вооруженные силы настолько отстали, что мы перестали их учитывать»[74]. Но наиболее сложным представляется объединенная Европа с экономической точки зрения, поскольку наблюдается и имеет тенденцию к сохранению в будущем огромный дисбаланс в уровнях экономического развития стран как внутри Западной Европы, так и между странами ЕС и странами-кандидатами на членство.

Особую остроту проблема приобретает на фоне отсутствия тенденций к экономическому росту в «благополучной» Европе. Западная Европа испытывает нехватку рабочих рук, что связано со сложной демографической ситуацией, и погрязла в социальных проблемах. В частности, по данным ОБСЕ, в странах действия евро рабочих мест в частных фирмах сейчас меньше, чем тридцать лет назад[75].

Лучшей иллюстрацией европейских проблем может служить ситуация в одной из наиболее благополучных стран Западной Европы - Германии. Группа независимых экономических экспертов прогнозировала, что экономический рост Германии в 2002 году не превысил 2 процентов, а в 2003 - не более 1 процента. Внешний долг, вероятнее всего, скоро превысит нормы ЕС и составит 3,7 процента от ВВП. Более 4 миллионов немцев остаются без работы[76]. В результате объединения Германии отмечался скачкообразный экономический подъем, но в течение последующих 10 лет ВВП будет находиться в пределах не более 1,5 процента. Причины немецких проблем внешне просты, но сложно разрешимы с политической точки зрения: оплата труда в Германии (одна из самых высоких в мире) идет в сочетании с чрезмерными льготами и пенсиями, не соответствующими реалиям. Все это происходит, как указано выше, на фоне демографического кризиса[77].

Введение в оборот единой валюты евро только ухудшило ситуацию. Связано это с тем, что усредненная макроэкономическая политика ЕС привела к установлению процентных ставок на том низком уровне, который не может способствовать оживлению немецкой экономики. Вероятно, что в будущем эта политика вызовет рост инфляции даже в динамично развивающейся сейчас Ирландии.

В целом можно констатировать, что в ближайшем будущем Европа не сможет составить, как того желают её политики, конкуренции США. В самой Западной Европе также идёт процесс экономического размежевания. Наряду с Ирландией подъём испытывают Испания, Великобритания и Нидерланды. Великобритания - вопрос отдельный. Она остается крупнейшим непосредственным инвестором для США и наоборот, что подкрепляет вывод о политическом сближении англоязычных стран в атлантическом течении и отрыве туманного Альбиона от Европы[78].

Так или иначе, в ходе саммита ЕС в Копенгагене в декабре 2002 г. 10 государств получили официальное приглашение в Евросоюз. В 2003 году их лидеры подписали договор о вступлении, а в мае 2004 г. Польша, Латвия, Литва, Эстония, Венгрия, Чехия, Мальта, греческий Кипр, Словения и Словакия стали полноправными членами ЕС. Саммит в Копенгагене был событием, бесспорно, историческим. В этом смысле показательна ситуация вокруг Польши. Для соседей - это «пример того, как руководство государства защищает интересы граждан»[79]. Во время переговоров польская делегация до последнего настаивала на своих требованиях. Даже несмотря на заявления датского премьера, что кто-то из кандидатов приглашение может не получить. Пыталась отстоять свои интересы и Чехия. В результате ей пообещали выделить денег в 3 раза больше, чем, к примеру, соседней Венгрии.

Ещё одним из итогов той встречи европейских лидеров стал проект договора о сотрудничестве ЕС и НАТО. Соглашение предусматривает, что Альянс передаст командование миротворческими операциями в Македонии, Боснии и Герцеговине

Еврокорпусу.

В 2003 г. армия объединенной Европы насчитывала 60 тысяч человек, а НАТО оказывала ей техническую поддержку. Встреча лидеров европейских стран в Копенгагене стала логическим продолжением важного для России Пражского саммита НАТО: Европа приняла решение об экономическом расширении, подкрепляя решение военно-политическое - о расширении НАТО[80]. Основное внимание в обоих случаях сосредоточилось на странах Центральной и Восточной Европы, которые должны составить новый пояс безопасности Западной Европы перед азиатскими просторами СНГ.

Саммит ЕС в Копенгагене, как никакое другое мероприятие, проводимое в рамках интеграционных процессов в Европе, продемонстрировал уже не зарождение, а открытое проявление будущей регионализации европейского континента, по крайней мере, на три субрегиона: западноевропейский, центрально- и восточноевропейский и восточноевропейский. Кроме того, активное развитие может получить и балтийский субрегион[81].

В целом принятие 10 новых членов обходится каждому жителю стран Западной Европы в среднем 9 евро ежегодно, тогда как первоначально речь шла о 30 евро. На первом году членства в ЕС (2005 год) Польша получила из Брюсселя помощь в размере 67 евро на человека, Венгрия - 49 евро, Словения - 41 евро, а Чехия - 29 евро. Отрыв от помощи ЕС западным странам очевиден: Греция получает ежегодно на те же самые цели 437 евро, Ирландия - 418 евро, Португалия - 211 евро, а Испания - 126 евро[82]. Данные суммы остались неизменными до 2007 года.

Тем не менее, несмотря на все проблемы, общий тон происходящих в Европе событий, связанных с расширением НАТО и ЕС, крайне патетический: западным европейцам кажется, что осуществляется на практике старая идея Соединенных Штатов Европы, которые сотрут границы между европейскими странами, обеспечат динамическое развитие континента и смогут противостоять Соединенным Штатам Америки. Премьер Дании Андерс Фог Расмуссен на закрытии саммита в Копенгагене торжественно провозгласил: «С днём рождения, Новая Европа!»[83].

Но этот оптимизм разделяют далеко не все политики и эксперты. Один из ведущих экономистов современности лауреат Нобелевской премии американец Милтон Фридман заявил: «Такие крупные государства, как Германия, Франция и Италия, очень скоро обнаружат, что создание зоны евро было ошибкой. Внутри этой зоны существуют значительные политические расхождения. Рано или поздно эта система рухнет». По его мнению, единственное, что может спасти ситуацию, - создание единого государства - Соединенных Штатов Европы[84]. Создание Соединенных Штатов Европы неизбежно, считает бывший премьер Великобритании Маргарет Тэтчер, - слишком уж сильна инерция объединительного процесса. «Остальному миру, и прежде всего Америке, остаётся лишь попытаться уменьшить вред, который новая Европа неизбежно принесёт. И когда эта конструкция рухнет, а она рухнет в силу отсутствия общих интересов, остальному миру нужно будет помочь европейцам собрать осколки». Поэтому пришло время, считает баронесса Тэтчер, выходить из единой Европы. Европейский Союз, по её мнению, - это организация, не поддающаяся каким-либо реформам. Тэтчер утверждает, что все проблемы человечества, от марксизма до нацизма, родились в континентальной Европе, а все решения этих проблем приходили извне[85].

Любопытно, что негативную оценку возможности создания Соединенных Штатов Европы давали ещё марксисты в начале прошлого века. Так, упоминавшийся уже в Главе 1 В.И. Ленин в его знаменитой записке писал: «Конечно, возможны временные соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение европейских капиталистов ...о чем? Только о том, как сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии против Японии и Америки..., которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа. По сравнению

с Соединенными Штатами Америки, Европа в целом означает экономический застой. На современной экономической основе, т.е. при капитализме, Соединенные Штаты Европы означали бы организацию реакции для задержки более быстрого развития Америки»[86].

«Америка будет вынуждать Европу стремиться ко все большей рационализации и в то же время будет оставлять Европе все меньшую долю мирового рынка. Это повлечёт за собою непрерывное обострение трудностей в Европе. Конкуренция европейских государств за доли мирового рынка неизбежно усилится. В то же время под давлением Америки, европейские государства будут стремиться координировать свои силы. Это ведь и есть основной источник бриановской программы Соединенных Штатов (Европы). Каковы бы, однако, ни были отдельные этапы развития, ясно одно: постоянное нарушение мирового равновесия в пользу Америки станет в течение всей ближайшей эпохи основным источником кризисов и революционных потрясений в Европе. Кто считает, что европейская стабилизация обеспечена на десятки лет, тот решительно ничего не понимает в мировой обстановке, и тот неизбежно с головой потонет в болоте реформизма»[87].

Так или иначе, ЕС стал закономерным этапом экономической, правовой, социальной и политической интеграции западноевропейских государств. Европейская интеграция, начатая в 1950-х гг. шестью государствами с решения общих экономических проблем, привела к созданию системы межправительственного взаимодействия и сети наднациональных институтов, регулирующих международные отношения и внутренние вопросы 15 государств Западной Европы, а с 2007 года – уже 27 государств как Западной Европы, так и Центральной (даже - Восточной).

Объективными факторами, вызвавшими экономическую интеграцию в Западной Европе в 1950-е гг. и её углубление в конце 1980-х гг., были ускорение концентрации производства и централизации капитала, вызванные НТР; обострение противоречий между тремя центрами Запада - США, Западной Европой и Японией; сплочение рядов перед нарастающей мощью социалистических стран.

До 2004 года ЕС охватывал пространство площадью 3,2 млн. кв. км с населением более 370 млн. человек. Это крупнейший в мире экспортер, обладающий совокупным ВВП большим, чем у любого государства[88]. В ходе реализации своих экономических интересов ЕС оказывает значительное влияние и на многие иные стороны жизни государств региона. Технически европейскую интеграцию можно представить следующим образом.

На первом этапе были ликвидированы внутренние таможенные барьеры и образована зона свободной торговли. Второй этап - таможенный союз. Отсутствуют таможенные границы между государствами-членами и наличествует общий таможенный тариф. Третий этап - общий рынок. Таможенный союз был дополнен свободным перемещением капитала, услуг и рабочей силы. Четвёртый этап - экономический и валютный союз[89]. Ко всему вышеперечисленному добавились гармонизация экономической политики, а также общая валюта и единая курсовая и монетарная политика центрального банка.

На этом этапе, продолжающемся и сегодня, проявились проблемы в сотрудничестве государств ЕС и в других сферах: внешнеполитической, военной, миграционной, транспортной, информационной сфере безопасности и т.п. Потребность в углубленном сотрудничестве в Западной Европе обусловлена развитым экономическим партнерством и общими политическими интересами, но тормозится естественным проявлением национализма (в здоровом смысле слова), которое не дает лидерам стран ЕС в еще большей мере ограничить суверенитет своих стран[90].

Именно поэтому союз в области обороны, провозглашенный ещё в середине 1950-х гг., не реализован и поныне, а обещания создать европейские вооруженные силы регулярно декларируются после каждого успеха американских войск.

На заседании Европейского совета в декабре 1999 г. в Хельсинках было принято решение о прекращении существования ЗЕС и передаче его компетенции ЕС, а также

принята общая европейская цель: к 2003 г. государства-члены ЕС должны быть готовы развернуть в течение 60 дней и затем содержать, по крайней мере, в течение года силы, необходимые для выполнения всего спектра Петербургских задач, численностью до уровня корпуса (50-60 тыс. человек)[91]. Также было решено создать в рамках Совета новые политические и военные органы: Комитет по вопросам внешней политики и безопасности, Военный комитет и Военный штаб для осуществления общей европейской политики по безопасности и обороне. Впоследствии (примерно к 2005 г.) объединённая европейская армия может быть доведена до 150 тыс. человек с приданием им 600-700 военных самолетов различного назначения. С учётом персонала вспомогательных служб и ротации личного состава речь может идти о группировке постоянной численностью до 300 тыс. человек[92].

Необходимость укрепления собственной обороноспособности стало очевидной для ЕС после югославской кампании НАТО 1999г. Скромный вклад европейских государств, по сравнению с США, в войнах против Югославии и Афганистана в 2001-2002 гг. свидетельствует о существующем разрыве в военных возможностях[93]. Сегодня ЕС не способен проводить такие операции самостоятельно, в том числе по причине того, что большинство его членов развивают свои возможности в этой области в составе специализированного военно-политического института НАТО, где сплоченность ОВС обеспечивается главным образом волей США.

Во избежание противопоставления обязательств государств, являющихся одновременно членами ЕС и НАТО, эти институты пошли по пути укрепления взаимных связей. По предложению Великобритании Амстердамский договор предусмотрел то, что НАТО обеспечивает общую оборону некоторых государств-членов. Вашингтонский саммит НАТО в апреле 1999 г. приветствовал решение ЕС иметь возможности для самостоятельных действий и подтвердил стремление построить на существующем механизме ЗЕС-НАТО отношения НАТО-ЕС, предоставив в распоряжение ЕС мощности Североатлантического альянса для операций, в которые Альянс не будет вовлечен целиком[94].

Очевидно, создание единой европейской армии задерживается не из-за отсутствия денег: у ЕС их больше, чем у любого государства мира. Проблема, скорее всего, в отсутствии у ЕС высокой цели, на достижение которой не жаль никаких военных расходов.

Либеральная цель обеспечения благополучия граждан является привлекательной для многих, она способна обеспечить довольно высокий средний уровень потребления, но это, так сказать, цель без цели. Европейские чиновники объясняют рост безработицы в ЕС различными структурными причинами, в то время как чуть ли не главной причиной является отсутствие для безработных необходимости работать[95]. Есть ли смысл отказываться от пособия, если оно гарантирует европейский жизненный стандарт? Низкий социальный статус безработного мог бы вынудить его стать трудящимся, если бы возвращение в «свет» давало ему какие-то духовные ценности, а если массовое общество считает смыслом жизни материальное обеспечение этой самой жизни, то оно у безработного какое-то и так есть[96].

Проблема смысла европейской интеграции, будущего ЕС, стала темой дискуссий, ведущихся с начала 2002 г. В них рассматриваются демократический вызов Европе, её роль в глобальном мире, ожидания европейских граждан. Разрабатываются проекты реформ ЕС: уточнение существующих целей ЕС и постановка новых задач, четкое распределение компетенции между Союзом и государствами-членами, изменение данной компетенции. В частности, предстоит ответить на следующие вопросы: какие изменения следует внести в общую внешнюю политику и политику в области безопасности, следует ли обновлять Петербургские задачи, нужно ли европейцам более интегрированное регулирование сотрудничества в уголовно-правовой сфере, как усовершенствовать координацию экономической политики (планирования), как интенсифицировать

сотрудничество в социальной и экологической областях[97].

Проблема функционирования расширенного ЕС выражается в возможности большего применения решения вопросов квалифицированным большинством, упрощении и ускорении процедуры совместного принятия решений Советом и Парламентом, отказе от шестимесячной ротации председательства в ЕС, улучшении взаимодействия Верховного представителя по вопросам безопасности и внешней политики и соответствующего Комиссара.

Предстоит упростить систему учредительных документов ЕС. Однако замена договоров на европейскую конституцию не состоялась. Возникают вопросы: как упростить существующие договоры, не изменив их содержания, подвергнется ли пересмотру различие между Союзом и Сообществом, что станет с тремя опорами ЕС, должно ли делаться различие между положениями основного договора и других договоров, должна ли быть включена в основной договор Хартия основных прав и не следует ли ЕС присоединиться к Европейской конвенции о правах человека[98].

Продолжение европейской интеграции ведет также к расширению компетенции ЕС на всё больший круг вопросов. В перспективе это может привести к компетентностной конкуренции с Советом Европы и даже поглощению его Европейским Союзом или функционированию в качестве инструмента ЕС по сотрудничеству с европейскими государствами, не являющимися членами последнего[99]. Это повлечёт за собой соответствующие изменения во внешней политике государств, не являющихся членами ЕС, в том числе России или, к примеру, Беларуси.

К примеру, расширение ЕС имеет как положительные, так и отрицательные последствия для Беларуси, которая более тесно интегрируется в общеевропейское пространство, прежде всего - за счет вхождения в единую коммуникационную инфраструктуру Европы, это вызывает повышение инвестиционной привлекательности Беларуси как транзитной страны между ЕС и РФ. В то же время часть иностранных инвестиций переориентируется на новых членов ЕС, которые становятся все более привлекательными для инвесторов[100]. Можно ожидать увеличения возможностей для диалога с ЕС по более широкому спектру двусторонних отношений, развития сотрудничества не только в экономической, но и в гуманитарной сферах.

В любом случае, прием восточноевропейских государств в ЕС изменил и сам Евросоюз и международную ситуацию в Европе. ЕС из протестантско-католического романо-германского проекта становится поистине общеевропейской организацией. По самым приблизительным подсчетам уже после 2004 г. численность населения ЕС достигла полмиллиарда человек, при этом доля славян в нем составила примерно 65 млн. человек (14% населения ЕС), православных - 43 млн. человек (9%). После приема Румынии и Болгарии в ЕС в 2007 г. доли славян и православных еще значительно увеличились. Учитывая, что доля славян в населении планеты составляет около 5% (в XIX веке - 10%), их присутствие в ЕС будет весьма заметным и обещает сказаться на отношениях ЕС и тремя братскими славянскими странами (Россия, Украина и Белоруссия)[101].

Основная «проблема» ЕС заключается в его многонациональности, причём на фоне возрождения не только национальных государств, но и национального самосознания в ряде европейских стран.

История учит, что межгосударственные союзы стран, преимущественно одного географического региона, вполне жизнеспособны на определённом отрезке времени, а протяженность этого отрезка зависит от множества политико-экономических факторов. Но при всем, протекающие интеграционные процессы неизменно заканчиваются очередным кризисом - распадом имеющейся системы и образованием на ее обломках новой[102]. Исторически данный процесс не зависит от степени родства народов в союзах и их общности в социальном, политическом либо экономическом развитии. «Даже если все они (этнос) имеют одних предков, необходимость адаптироваться к различным условиям среды через несколько поколений сделает их мало похожими друг на друга. И

эта несхожесть будет увеличиваться до тех пор, пока системные связи между ними не ослабнут вследствие того, что одновременно идет поступательное движение общества на основе развития производительных сил и производственных отношений, что, со своей стороны, неизбежно влечет обновление устаревающей общественной системы. Если же вследствие превратностей судьбы у данного этноса возникло два - три государства, то устойчивость системы будет еще меньше»[103].

По оценке некоторых экспертов, ещё до расширения ЕС уже «болел» четырьмя серьезными болезнями:

- Евросоюз недостаточно приспособлен к вызовам глобализации;
- внутри ЕС сохраняются противоречия между странами-членами по вопросам интеграции в рамках общеевропейских проектов (принципам реализации полномочий властных структур, направлениям экономической политики, действию единой валюты евро и т.п.);
- на европейском континенте идет старение общества, что влечет за собой обострение социальных проблем.
- члены ЕС не могут решить проблем безопасности континента, и союз всё больше зависит в этой сфере от США[104].

Таким образом, расширение территориального, экономического и политического пространства ЕС, равно как и НАТО, относится к естественным геополитическим процессам перераспределения сфер влияния в регионе после исчезновения одного из центров силы - СССР. Однако, несмотря на внешние выгоды расширения пространства ЕС, создание «единой Европы», тем более в качестве федеративного образования, нереально.

Присоединение к Европе стран различной этнической, религиозной, культурной и исторической ориентации неизбежно приведет к выделению и усилению на пространстве ЕС региональных группировок, что будет способствовать размежеванию союза, вплоть до его распада[105].

Поскольку ЕС в течение ближайших десятилетий будет оставаться реальной политической и экономической силой на евразийском пространстве, развитие сотрудничества с ним играет важную роль в формировании внешнеполитического курса стран СНГ. Особое значение данный вывод имеет на фоне того, что российская политика уже переориентируется на Европу и США. В отношениях между Европой и США будет сохраняться, а временами усиливаться напряженность, что связано с непрекращающейся экономической борьбой за мировые рынки, в первую очередь сырьевые.

7. Реформа механизмов и институтов международной и европейской безопасности

В последнее время Россия и НАТО не могли не почувствовать серьёзных перемен в сфере безопасности. Террористические нападения на США и Россию в 2000-2004 годах привели к коренному изменению отношений между Россией и Западом, открыв, в частности, путь к более тесному взаимодействию и сотрудничеству между Россией и НАТО. Наша общая задача состоит в том, чтобы не упустить представившуюся возможность для развития взаимодействия: разработать и создать новые механизмы для консультаций, принятия совместных решений и выработки согласованных действий.

Понятно, что для России, США и НАТО существуют одни и те же (или, по крайней мере, однотипные) угрозы безопасности. К ним относятся угрозы транснационального характера, такие как глобальный терроризм и экстремизм, распространение ОМУ. Сохраняются также угрозы, исходящие из регионов нестабильности[106]. НАТО необходимо продолжать процесс своей адаптации к этим угрозам, в ходе которого она должна осознать, что противодействовать угрозам XXI века можно гораздо успешнее при тесном взаимодействии с Россией.

Сегодня Россия и НАТО имеют общее представление как о характере угроз, так и

широких возможностях, которые появляются при создании механизма эффективного взаимодействия сторон. Интересам как НАТО, так и России отвечает, таким образом, создание новой системы взаимоотношений, основанной на принципах истинного партнёрства, что будет способствовать поддержанию безопасности всех стран Евразии и поможет ускорить процесс интеграции России в семью демократических стран с рыночными экономическими системами. Отношения между Россией и НАТО должны ориентироваться на противодействие общим угрозам и на взаимные интересы, касающиеся защиты и распространения ценностей демократии, свободы и норм права[107].

Для того, чтобы перейти от единых взглядов к эффективным совместным действиям, учитывая при этом более широкие потребности и интересы сторон, необходимо будет сконцентрировать усилия на нескольких взаимосвязанных областях и задачах. Таким образом, сотрудничество России и НАТО должно развиваться для решения следующих задач:

- создать и поддерживать стабильные отношения при сохранении соответствующего уровня доверия и транспарентности, что должно определять будущее состояние отношений между Россией и НАТО;
- осознавать особую важность обеспечения стратегической стабильности, доверия и безопасности в Европе, с учётом интересов всех европейских государств, включая страны Центральной и Восточной Европы;
- организовать новые структуры для обсуждения и разрешения неизбежных при этом спорных вопросов (как между НАТО и Россией, так и среди самих стран-членов НАТО), или же для сдерживания разногласий и ослабления их возможного негативного влияния, в случаях, когда отсутствует возможность урегулирования;
- придерживаться принципа общей ответственности за совместно принимаемые решения в согласованных областях и на основе консенсуса;
- выработать практическую повестку дня с целью определения совместных задач в пределах общеевропейского пространства;
- применять достигнутые в результате взаимодействия России и НАТО результаты в деятельности других организаций и институтов, таких как Европейский Союз (ЕС), Организация безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ), ООН, а также в рамках двусторонних отношений;
- использовать перечисленные выше меры в качестве надёжной основы повышения возможностей России и НАТО совместно противодействовать угрозам за пределами Европы и выступающей как своего рода «экспортер стабильности», помогающий стабилизировать ситуацию в тех районах мира, откуда исходит потенциальная угроза России, Европе и Соединённым Штатам, а также обеспечивающей формирование более благоприятной обстановки в будущем, отвечающей как взаимным интересам, так и интересам мирового сообщества в целом;
- сохранять и укреплять международную безопасность и стратегическую стабильность путем адаптации существующих режимов контроля над вооружениями к новым глобальным реальностям.
- обеспечивать доведение информации до правительств и общественности стран-членов НАТО и Российской Федерации с целью их ознакомления с проводимыми акциями и предпринимаемыми усилиями, и добиваться их поддержки общественностью и парламентами[108].

В целом меняющаяся ситуация в области безопасности представляет собой уникальную возможность для Соединённых Штатов, НАТО и России не только пересмотреть состояние их отношений друг с другом, но и осознать существование взаимозависимости в обеспечении жизненно важных потребностей безопасности, которые невозможно решать в одиночку. Этот принцип относится также и к другим сферам, не имеющим прямого

отношения к «безопасности», но являющимся перспективными для развития сотрудничества в будущем.

Для развития конструктивных и долгосрочных отношений между Россией и НАТО сначала необходимо избавиться от остатков взаимного недоверия, как наследия эпохи «холодной войны»[109]. Важно также разобраться в характере этих двусторонних отношений в последние годы и извлечь соответствующие уроки.

Со времени, когда президент Джордж Буш-ст. провозгласил цель создания «единой и свободной Европы», последовавших за этим попыток президента Билла Клинтона и союзников преобразовать НАТО, чтобы она соответствовала задачам XXI века, и до встреч двух президентов Владимира Путина и Джорджа Буша-мл. вопрос о месте России и её взаимоотношениях с НАТО оставался одним из центральных в повестке дня[110].

В последние десять лет главные задачи процесса эволюции НАТО связывались с продолжением стратегической вовлечённости Соединенных Штатов в Европе, сохранением наиболее ценных составляющих западного союза, в т.ч. интегрированную военную командную структуру, содействием (вместе с ЕС) интеграции стран ЦВЕ в Евроатлантические структуры, урегулированием конфликта в бывшей Югославии и вывод страны на путь развития и надежд, полномасштабное присоединение России к мировому сообществу. Эта амбициозная повестка дня даёт возможность России, как и другим европейским странам, найти свое достойное и равное место в структуре общеевропейской безопасности. Однако многие в России считают, что усилия НАТО по интеграции России были явно непоследовательны и представляли собой скорее форму «ограничения ущерба» от расширения блока. Они считают, что в будущем альянс должен уделять большое внимание вопросам развития сотрудничества между Россией и НАТО[111]. В то же время страны НАТО уверены, что до сих пор Россия не полностью использует имеющиеся возможности. В начале последнего раунда обсуждений еще не было ясно, необходимо ли с учетом новой ситуации создание новых механизмов взаимодействия России и НАТО или же вполне достаточно уже имеющихся органов и структур. Основополагающий Акт Россия-НАТО, подписанный в мае 1997г. и созданный в соответствии с положениями этого документа Совместный Постоянный Совет (СПС), заложили основы сотрудничества и способствовали достижению ряда положительных результатов. Действительно, по мнению альянса, сам факт создания СПС свидетельствует о готовности НАТО рассмотреть новые более широкие формы взаимодействия с Россией, и политическая значимость самого существования СПС велика, даже вне зависимости от результатов его практической деятельности[112]. Часто его заседания носили неорганизованный характер и тем не менее в течение всех лет его работы, за исключением небольшого периода, связанного с конфликтом в Косово, когда совет вообще не функционировал, в рамках СПС проходили регулярные встречи, участники которых имели возможность «поработать языками, а не кулаками», что представляется важным хотя бы с психологической точки зрения.

Однако Россия разочарована тем, что НАТО, по её мнению, не желает координировать свои действия с Россией и учитывать её интересы при принятии решений. С российской точки зрения, работа СПС велась больше для проформы, а не для того, чтобы серьезно разобраться со взглядами и позицией России. Особую обеспокоенность России вызвали военные действия НАТО в бывшей Югославии, а также перспективы расширения альянса. Россия также высказывает сомнение относительно права НАТО проводить операции по принуждению к миру (в отличие от миссий поддержания мира) в других странах. Некоторые россияне высказывали также недовольство существующими механизмами включения России в миротворческие операции НАТО[113]. Они отмечали, что российские подразделения в Боснии и Косово не должны подчиняться приказам, даже получаемым не напрямую, от политических организаций, членом которых Россия не является и в которых она лишена права участвовать в принятии решений.

С другой стороны, США и многие их партнёры по НАТО сомневаются в том, что Россия

действительно хочет полностью использовать возможности для развития сотрудничества, имеющиеся в, особенно если иметь в виду длинный список потенциальных областей взаимодействия, который содержится в тексте Основополагающего Акта. Союзники напрасно надеялись, что Россия будет активно участвовать в программе «Партнерство ради мира», а с самого начала функционирования СПС они ставили под вопрос поддержку Россией политики Сербии в Боснии и Косово, хотя уже давно было понятно, что (по крайней мере, Западу), что эта сербская политика не соответствовала интересам европейской безопасности и демократического развития[114].

Россию в то же время беспокоил тот факт, что её оборонная промышленность вытеснялась из конкурентной борьбы за военные заказы в Европе, в том числе и в Центральной Европе, которая в течение долгого времени имела на вооружении системы советского производства. Таким образом, российская оборонная промышленность теряла свои традиционные рынки. В ответ официальные представители НАТО пояснили, что с начала участия России в программе ПРМ её оборонная промышленность может участвовать в конкурентной борьбе в Центральной Европе, но она должна адаптировать производство к стандартам НАТО, которые становятся едиными во всем регионе[115]. Российские представители высказали определенные сомнения в отношении искренности подобных заявлений и заявили, что, по их мнению, решение проблемы конкурентной борьбы на рынках вооружений способствовало бы более позитивному восприятию НАТО, в первую очередь среди офицерского состава российских вооруженных сил.

Кроме того, недостаток финансирования является серьезным препятствием на пути развития сотрудничества между Россией и НАТО. Из-за отсутствия средств Россия не может участвовать во многих мероприятиях НАТО. В то же время, россияне часто чувствуют, что к ним относятся не как к равным. Например, учебные программы в Центре Маршалла, школе НАТО (в школе ВГК ОВС НАТО в Европе) и военном колледже НАТО разрабатываются исключительно только западными странами, фактически без участия представителей России[116].

Как свидетельствуют эти примеры, потенциал для развития отношений НАТО с Россией, содержащийся в Основополагающем Акте, механизме СПС, а также СЕАП и ПРМ, далеко не исчерпан, хотя сохраняются возможности для возникновения разногласий по широкому спектру проблем, включая непонимание общих политических задач каждой из сторон. Конечно же, до сих пор СПС не был достаточно эффективен в плане противодействия некоторым серьезным угрозам безопасности, а также в использовании всех своих возможностей для развития сотрудничества[117]. Таким образом, в последние пять лет состояние и уровень отношений между Россией и НАТО не оправдывали возлагаемых надежд ни одной из сторон. Но расширение списка общих интересов способно в ближайшее время придать динамизм процессу развития широкомасштабного сотрудничества между обеими сторонами.

Анализируя имеющийся опыт, особенно со времени заключения в 1997 г. Основополагающего Акта Россия-НАТО, было бы полезным «освежить» наше понимание существующего положения дел с целью лучшего понимания основных принципов и положений, которые будут оказывать непосредственное влияние на развитие будущих отношений между Россией и НАТО. Важно, чтобы Россия и НАТО сосредоточились не на вопросах, по которым существуют разногласия, а на проблемах, которые их объединяют.

8.Международно-политические задачи ЕС и НАТО в связи с расширением на Восток

Поддержка демократических преобразований и постепенное расширение зоны стабильности и процветания в Европе лежат, по мнению самих европейцев, в основе процесса продолжающегося расширения интеграции. Экономическое измерение расширения ЕС ставило задачу максимально возможной интеграции экономических систем стран-кандидатов с единой экономикой Союза. Несомненно, этот процесс не

может не затронуть Россию, остающуюся за рамками расширения, несмотря на то, что после распада СССР и устранения идеологических барьеров в Европе и страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), и Россия стали двигаться в одном направлении, хотя и с разными скоростями[118]. Тем не менее, дюжину лет спустя после распада СССР Россия - в отличие от стран ЦВЕ - остаётся вне интеграционных процессов в контексте так называемой “Большой Европы”, подробно рассмотренной в Главе 1 и частично в первом параграфе этой главы. В представлении многих западных политиков “Большая Европа” - это некая внешняя (преимущественно благоприятная) среда взаимодействия Западной Европы (к которой геополитически принадлежат, например, и США) с Восточной Европой[119]. Применительно к России существование самого понятия “Большой Европы” - это отражение объективной реальности постбиполярных международных отношений, а именно, нерешённости вопроса о месте России в Европе.

Преодоление этой неопределённости является главным условием предотвращения нового раскола Европы; оно предполагает создание структур для постепенной, но последовательной интеграции России в основные европейские институты. Эта задача приобретает особую остроту в свете расширения ЕС и НАТО (прежде всего на страны Балтии), и выдвижения на первый план проблемы Калининграда.

Первоначально расширение ЕС рассматривалось руководящими кругами России главным образом через призму экономических интересов, хотя и по этому вопросу в российском академическом сообществе не было единой точки зрения. Вместе с тем, большинство российских экспертов признавали, что общий макроэкономический эффект процесса расширения ЕС будет, скорее всего, благоприятным для России, хотя на первых и промежуточных этапах эти реформы создадут для нее дополнительные проблемы. В связи с этим Россия представила ЕС список своих озабоченностей, добившись от Евросоюза признания того, что процесс расширения на страны ЦВЕ не должен препятствовать обеспечению законных политических и экономических интересов безопасности России[120].

Тогда же политические последствия расширения ЕС представлялись российскому руководству как в целом благоприятные. Во-первых, ЕС и Россия не имеют серьёзных разногласий в сфере безопасности. Россия и Европа имеют общие внешнеполитические цели и интересы в этой области, связанные с необходимостью отражения новых вызовов, возникших по окончании биполярной эпохи, включая этнорелигиозные и территориальные конфликты, распространение оружия массового уничтожения, международный терроризм и другие трансграничные угрозы (организованная преступность, нелегальная иммиграция и наркотрафик и др.)[121]. И Россия, и ЕС заинтересованы в развитии согласованного сотрудничества международного сообщества на основе общепризнанных норм международного права и выступают против односторонности в решении важнейших проблем в международных отношениях. Поэтому расширение ЕС - в отличие от расширения НАТО - не представляло для России угрозу её интересам безопасности.

Во-вторых, одно из условий, которое выдвигал ЕС в переговорах со странами-кандидатами, - это преодоление «советского синдрома» и проявлений антироссийских настроений, нормализация отношений с Россией. Это требование особенно настоятельно звучало в отношении стран Балтии, нередко использовавшим исторические обиды и претензии к СССР для оказания давления на руководство НАТО и ЕС.

В-третьих, приём новых членов из стран ЦВЕ, в том числе и стран Балтии, включение их в правовое пространство ЕС, мог создать новый благоприятный формат для отношений между Россией и этими государствами. Странам ЦВЕ придется подчинить не только свою экономику и законодательство, но и свои политические традиции нормам ЕС[122].

Общая озабоченность российского руководства в связи с расширением ЕС как в экономическом, так и в политическом отношении была связана с опасениями

увеличивающегося разрыва между объединяющейся Европой и Россией. ЕС предпринял некоторые шаги по преодолению этого разрыва, выдвинув программу «Северное измерение» - единственную, по сути, региональную европейскую программу, в которую предполагалось включить северо-западные регионы России.

Однако, как показало время, «Северное измерение», испытывая недостаток в финансировании, всё больше превращается в декларативную программу. Несмотря на то, что в летом 2000 года в Португалии Европейский Совет принял план действий в рамках «Северного измерения», его финансирование остаётся слабым[123]. Вместе с тем, эта программа - исключительно важный шаг как для России, так и для ЕС, поскольку «Северное измерение» могло бы стать одним из ключевых направлений интеграции России в единую Европу.

Чрезвычайно важным для России является вопрос и о том, каким будет Европейский Союз после расширения, поскольку отношения между Россией и ЕС зависят от целого ряда факторов, в том числе и от развития самого Союза. Россия заинтересована в том, чтобы расширение и углубление интеграции, реформирование механизма принятия решений в ЕС не отразилось на его функционировании в качестве важнейшего международного института в Европе. С этой точки зрения, позиция российского руководства полностью совпадает с подходом стран, принадлежащих к «ядру» ЕС, которые подчеркивают, что реформы в ЕС должны быть синхронизированы и согласованы со стратегией приема новых членов[124]. Иными словами, Россию в связи с расширением волнует вопрос, будет ли эта организация более дееспособной, экономически более сильной, а потому и представляющей больший интерес для России в качестве политического и экономического партнёра.

Кроме того, Москва обеспокоена тем, что может измениться характер ЕС как партнёра России после расширения за счёт стран, все еще испытывающих «постсоветский синдром». Имея опыт расширения НАТО на страны ЦВЕ, Россия опасается, что антироссийские настроения, сдерживаемые этими странами в период переговоров о вступлении в ЕС, могут после их приёма оказаться тормозом для инициатив по развитию сотрудничества с Россией. Особенно чувствительным для российского руководства и контрпродуктивным для самого ЕС было бы противодействие новых членов Союза сотрудничеству с Россией в сфере политики безопасности[125]. Это могло бы изменить в целом благожелательное отношение России к европейской интеграции в сфере Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО).

По мере приближения сроков расширения ЕС на страны Балтии, которое, вопреки ожиданиям России, не стало альтернативой расширению НАТО, всё более остро стали проступать вполне конкретные политические разногласия между Россией и ЕС в связи с расширением зоны Шенгенских соглашений и - особенно - проблемой Калининграда.

Шенгенские соглашения были разработаны и воплощены в жизнь в 1990-1996 годах в ЕС с целью реализации проекта создания внутреннего рынка со свободой передвижения для четырех его составляющих: товаров, услуг, капитала и людей[126]. В условиях всё более тесной европейской интеграции страны, входящие в эту зону, должны унифицировать визовые требования, предъявляемые к остальному миру. Иными словами, цель Шенгенских соглашений – не только обеспечить свободу передвижения внутри ЕС, но и усилить контроль над гражданами из стран, не входящих в Евросоюз, которые пересекают его внешнюю границу.

Став членами ЕС, новые страны должны унифицировать свои правовые базы в соответствии с правовой базой Союза. Они обязаны ввести визовый режим в отношении тех стран, где такой режим применяется остальными членами Евросоюза, а также привести свое законодательство в отношении иностранных граждан в соответствие с требованиями ЕС в целом. В практическом плане перспектива расширения ЕС привела к тому, что ряд стран Центральной и Восточной Европы уже ввел визовый режим для россиян.

Дальнейшее расширение визовых требований ЕС на восток Европы создало качественно новую ситуацию для России, приблизив «визовой пояс» к российским границам[127]. Это привело к ужесточению визовой политики стран-участниц Шенгенских соглашений в отношении граждан России по всем аспектам: удлинению сроков выдачи виз, применению более строгих критериев при рассмотрении визовых обращений, пополнению списка «отказников», повышению визовых тарифов.

Россия исходит из того, что необходимо не допустить превращения Шенгенских соглашений в новую разделительную стену в Европе. В этом смысле заслуживает всяческой поддержки получившая в 2005 году новое развитие инициатива российского президента Владимира Путина, поддержанная Р. Проди, о переходе в перспективе к безвизовому режиму в отношениях между Россией и ЕС.

С расширением ЕС на страны Балтии для России центральным стал вопрос о транзите и свободном доступе в Калининградскую область, где проживает без малого 1 миллион российских граждан. Проблемы свободного доступа в Калининградскую область, обеспечение нормальной жизни в российском анклаве стали во главу угла отношений России и ЕС в свете его расширения на Восток. Эти вопросы высветили важность отношений России с Литвой и Польшей, которые должны были привести к единому знаменателю две важнейшие задачи - обеспечение стабильных границ, что является центральным условием для приема в ЕС, и недопущение ущемления российских интересов.

Принципиальный компромисс по режиму транзита в/из Калининградской области был найден на саммите ЕС-Россия в конце 2002 года[128]. Тем не менее, его практическое воплощение потребует сотрудничества и усилий всех заинтересованных сторон. Получение транзитных документов для российских граждан не должно превратиться в новую проблему. Россия же, со своей стороны, должна решить вопрос о ратификации договора о границах с Литвой, без чего невозможно обустройство государственной границы.

Проблема Калининградской области не исчерпывается лишь проблемой транзита для российских граждан. Это и проблема российских и иностранных инвестиций в связи с нерешенностью судьбы области; это и проблема особой экономической модели области, построенной на импортозамещающем производстве, для которого снижение торговых пошлин в случае вступления России в ВТО может обернуться крахом; это и проблема адаптации экономики области к экономике окружающего ее ЕС[129].

Несмотря на декларируемые ЕС выгоды для Калининградской области в связи с расширением Союза, область уже сейчас испытывает существенные неудобства. Скандинавские авиалинии свернули свою деятельность в Калининграде, что заставляет калининградцев совершать поездки в Европу через Москву и Санкт-Петербург. Область уже лишилась прямого железнодорожного маршрута Калининград - Санкт-Петербург через Латвию после того, как Латвия ввела визы. Среди предпринимателей Калининградской области существуют опасения, что вступление соседей в ЕС приведет к разрыву уже сложившихся за последнее десятилетие экономических связей. Снижается объём приграничной торговли - основного источника существования для многих жителей области и их соседей[130].

В связи с этим, оптимальным решением было бы заключение специального соглашения между Россией и Евросоюзом по Калининградской области. Параллельно необходимо разработать программу, направленную на усиление партнёрства России и ЕС, а также интеграцию России в общее европейское экономическое пространство, что компенсировало бы в какой-то степени негативные для России аспекты расширения.

Несомненно, последствия расширения ЕС, помноженные на задачи глубокого реформирования Союза, являются в определенном смысле вызовом как для России, так и для самого Европейского Союза. И трудно сказать, для кого этот вызов является более серьезным. Если расширение ЕС и углубление европейской интеграции не учтут всех

последствий этих процессов для России, то цели европейской интеграции, направленные на расширение зоны стабильности и безопасности в постбиполярной Европе, не будут достигнуты. Невозможно обеспечить процветание и стабильность в западной части Европы, если ее восточная часть останется источником экономической отсталости и нестабильности[131]. Это обстоятельство должно являться мощным стимулом для постепенной, но последовательной интеграции запада и востока Европы. Иными словами, и процесс расширения, и процесс углубления европейской интеграции должны иметь «российское измерение», т.е. комплекс программ и мер, направленных на сокращение разрыва между объединяющейся Европой и Россией.

9. Трансформация НАТО из военно-оборонительной в военно-политическую организацию и современные трансатлантические противоречия

Важным фактором, влияющим на характер и масштабы отношений между Россией и НАТО, является эволюция альянса. Для НАТО главным становится вопрос выбора, остаётся ли она региональной европейской организацией или будет готова противостоять угрозам, существующим или потенциальным, возникающим в других районах мира, но оказывающим непосредственное влияние на развитие европейской ситуации. Однако вне зависимости от того, будут ли в будущем задачи НАТО ограничены Европейским континентом или будут распространяться за пределы «зоны ответственности» альянса, современные проявления терроризма показали, что угрозы завтрашнего дня не имеют геополитических границ[132]. Это значит, что многие области возможного, необходимого, взаимодействия России и НАТО выходят за пределы Европы. К ним относятся сферы сотрудничества, которые не ограничиваются географическим измерением, такие как совместная борьба с международными террористическими организациями и процесс распространением оружия массового поражения. События 11 сентября 2001 года ещё раз показали, что не только для США, но и для других стран-членов НАТО существуют серьезные потенциальные угрозы, требующие задействования статьи 5 Вашингтонского пакта. Таким образом, НАТО может быть оказаться в ситуации, когда придётся решать проблемы за пределами Европы, даже несмотря на ее желание ограничить себя формальными гарантиями обеспечения безопасности в Североатлантическом регионе.

Вопрос о границах зоны ответственности вызывает острую дискуссию в самом альянсе. В значительной степени Россия и США сталкиваются с широким спектром угроз во многих регионах мира вдали от Европы, и вполне возможен вариант их двустороннего сотрудничества как в рамках НАТО, так и вне блока[133]. Последний вариант представляется отнюдь не лучшим выбором. Более того, в связи с тем, что зона ответственности и действий НАТО может расширяться по мере появления новых угроз, могут соответственно расширяться и возможности взаимодействия России и НАТО.

Основанием для необходимости существования НАТО в меняющейся стратегической обстановке отнюдь не требует наличия «врага» на европейской территории. Роль НАТО в наши дни и в будущем состоит в первую очередь в том, что она способна поддерживать определенный уровень стабильности, обеспечивать процесс военной интеграции и содействовать трансформации строго военных и военно-политических отношений в отношении в сфере безопасности в широком понимании значения этого термина. Действительно, именно эти моменты и составляли суть преобразований в НАТО в 1990-е гг., преследовавших цель создания «единой и свободной Европы»[134], в которой каждое государство, присоединившееся к решению общих задач, почувствует преимущества создаваемой на континенте системы безопасности постконфронтационного периода. Сотрудничество между Россией и НАТО способно расширить существующие рамки альянса, особенно если Россия и НАТО объединят усилия в борьбе против новых и общих угроз. События 11 сентября 2001 года способствовали тому, что Россия, США и Европа пришли к пониманию того, что по некоторым принципиально важным вопросам они

имеют больше общего друг с другом, чем с другими странами, расположенными в разных районах мира. По мере трансформации и развития НАТО все в большей степени становится очевидной необходимость развития конструктивных и позитивных отношений между всеми тремя сторонам треугольника — Соединёнными Штатами и Россией, Соединёнными Штатами и Европой, Европейским Союзом (ЕС) и Россией. Конечно, взгляды США и России на перспективу глобального развития не во всем совпадают, так же как они не всегда совпадают (или не будут совпадать) в отношении проблем безопасности, включая некоторые моменты, касающиеся угроз со стороны международного терроризма. Хотя Россия и не желает видеть НАТО или Соединённые Штаты в качестве «мировых жандармов», она готова сотрудничать с НАТО и с Соединёнными Штатами в противостоянии общим вызовам безопасности[135]. Это может привести к образованию сложных балансов взглядов и интересов в России. Но несмотря на отсутствие в России энтузиазма в связи с действиями США вблизи её границ и определенным беспокойством относительно продолжительности присутствия США на территориях, значительная часть которых находится в зоне российского влияния, Россия на самом деле хочет избавиться от угрозы терроризма, исходящей с этих же территорий. Новая ситуация в области безопасности вызвала необходимость определения национальных интересов каждого из государств, включая Россию, с целью разработки общих целей и подходов. Вряд ли можно сомневаться в том, что это приведёт к изменениям в самой НАТО, так как от нее требуется уделять больше, чем раньше, внимания вопросам борьбы с терроризмом и распространения ОМУ. Поскольку данное направление деятельности требует подключения большого числа военных, разведывательных, политических, правоохранительных, экономических, финансовых, спасательных (при возникновении чрезвычайных ситуаций) и других организаций и структур многих стран: альянсу и всем его участникам придется столкнуться с целым рядом новых проблем[136]. Эти проблемы представляют также новые возможности для сотрудничества России и Запада.

Тем не менее, история противостояния НАТО и России делает сложным для многих российских граждан восприятие НАТО как организации, не представляющей более угрозы. Даже те многие россияне, которые понимают, что долгосрочным интересам России отвечает интеграция с Западом, и которые выступают за широкомасштабное развитие отношений между Россией и НАТО, всё еще выражают тревогу в связи с дальнейшим расширением альянса. По меньшей мере, россияне хотят, чтобы с их страной консультировались по вопросу о расширении НАТО, при том, что они понимают твердую позицию альянса относительно не предоставления России права вето. Они выступают за расширение сотрудничества с НАТО еще до начала процесса расширения блока[137]. США и их союзники рассматривают это как положительный момент, но не согласны рассматривать его в качестве предварительного условия. В то же время многие российские специалисты, хотя и продолжают придерживаться мнения, согласно которому расширение НАТО не есть необходимость и представляет собой ошибку, признают, что это скорее всего неизбежно. Лишь немногие видят в этом серьезную военную угрозу[138]. Однако, если процесс расширения не будет сопровождаться соответствующими мерами, направленными на предотвращение роста политической, и, возможно, военной, напряженности, многие российские представители уверены в том, что это может привести к снижению уровня доверия и, соответственно, уменьшению стабильности в Европе в целом.

Так, на следующий день после чудовищных террористических актов против США 11 сентября 2001 года многие солидные европейские газеты, обычно довольно скептически настроенные к политике США на мировой арене, вышли под заголовками «Все мы – американцы!». И, как ни странно, произошедшие за какие-то полтора года после этих трагических событий изменения в восприятии Америки более всего заметны сейчас не в России, Китае или арабском мире (они традиционно критичны к США), а в

западноевропейских странах, верных союзниках Вашингтона.

Формальной причиной острых противоречий стала коллизия вокруг Ирака - континентальная Европа, прежде всего Германия и Франция, не разделяли желания Белого дома избавиться от «ненавистного» режима Саддама во что бы то ни стало и вне зависимости от правовой и доказательной базы. Однако и в США, и в Европе всё чаще говорят о том, что ситуация с Багдадом - лишь верхушка айсберга, в который превратились в последнее время разногласия между Старым и Новым Светом. По мнению многих наблюдателей, на противоположных берегах Северной Атлантики всё больше расходятся относительно того, на каких принципах должна основываться международная политика[139].

Взгляды европейских и американских политиков коренным образом разнятся в вопросе действенности применения силы, её этичности и желательности. Объединённая Европа отказывается от применения силы, точнее перемещается в область, где сила не нужна - в автономный мир законов и правил, межгосударственных переговоров и сотрудничества. Она входит в «постисторический рай», где царят спокойствие и относительное благоденствие. Соединенные Штаты Америки тем временем завязли в «холодном» прошлом - они упрямо упражняются в применении силы в том самом анархическом мире, где международные законы и правила ненадёжны и где настоящая безопасность и свобода всё ещё зависят от обладания военной мощью и её использования.

Позиция Европы, прежде всего, связана с её относительной слабостью - военной и политической (но только относительно Америки!). Европа, естественно, не согласна с тем, что культ права, царящий на континенте, есть не более чем следствие недостатка силы[140]. Благодаря ликвидации разделительных линий Старый Свет смог приступить к осуществлению казавшейся несбыточной мечты об общеевропейской интеграции. Её основа и необходимое условие - общая законодательная база, продукт сложнейших переговоров между многочисленными участниками процесса объединения. Европейцы кропотливо создают новое, постепенно расширяющееся правовое пространство, в котором первичны гуманитарные ценности, а отношения между государствами подробно регламентируются всевозможными международными нормативными актами.

США же в результате крушения прежнего мирового порядка превратились в единственную и недостижимую по мощи сверхдержаву, в принципе способную достичь любой цели в одиночку. Озабоченное теперь только собственной безопасностью, это супергосударство ориентируется на практический результат. Иными словами - если интересы безопасности Соединенных Штатов требуют действий, не согласующихся с правовыми нормами (будь то международными или внутригосударственными), то этими нормами можно пренебречь. Универсальные ценности демократии тоже отступают на второй план, если того требует безопасность.

Как же относятся к этому сами американцы? Недавний опрос общественного мнения показал, что американцы обеспокоены потенциальными сложностями антитеррористической и миротворческой миссии, какую взяли на себя США в глобальном масштабе. В то же время большинство американцев не считает, что в ближайшей перспективе США прибегнут к новым военным действиям в какой бы то ни было стране «оси зла». Растёт количество американцев, которые боятся, что США могут надолго завязнуть в дорогостоящей миссии по поддержанию мира в Ираке и по созданию дееспособной демократической иракской республики. По результатам опроса, проведённого совместно телекомпанией “ABC News” и газетой “Washington Post”, серьёзное беспокойство по этому поводу высказали 73% опрошенных. На вопрос, достаточно ли, по их мнению, делают США для восстановления порядка в Ираке, две трети американцев ответили утвердительно. 58% опрошенных считают, что успех коалиционных сил в Ираке приведёт к снижению угрозы новых террористических актов внутри США[141].

В то же время, по вопросу об опасности новых войн население США настроено, в

принципе, оптимистично. Даже если американское правительство вновь решится на применение силы против иностранного государства, только одна треть опрошенных будет готова поддержать войну[142]. Таким образом, большинство американцев рассчитывают, что по существу поддерживаемый двумя третями населения президент Дж. Буш мл. и его администрация смогут воспользоваться сложившейся теперь в мире ситуацией, чтобы невоенными средствами заставить диктаторские режимы отказаться от поддержки терроризма и от стремления к наращиванию оружия массового уничтожения.

И, несмотря на это, совершенно неслучайно в последнее время Европу буквально захлестнула волна антиамериканизма. Причем, как отмечают социологи, речь идёт не столько о реакции европейцев на те или иные конкретные шаги Вашингтона, сколько о растущем ощущении общей угрозы, исходящей со стороны единственной сверхдержавы, которая, по мнению европейцев, неуклонно стремится придать «американское обличье всему, за что она берется»[143]. Америку же от «антиевропеизма» спасает, пожалуй, только одно - элементарный недосуг «мирового жандарма» обращать внимание на мелкие шалости своих в целом послушных «легионеров». Ведь, по большому счету, обретя более двух веков назад политическую независимость от европейцев, США больше уже не испытывали серьезных проблем с Европой. Впрочем, и антиамериканизм (также как и антиглобализм) европейцев имеет свои пределы, несмотря на обоснованную опаску потерять свою культурную индивидуальность и идентичность.

Просто, по-видимому, в ходе общей и праведной борьбы мирового сообщества против международного терроризма стало очевидным пресловутое различие подходов европейских государств и США к решению международных проблем, суть которого сводится к одному: Америка слишком агрессивна и готова «идти до конца», лабильную же Европу постоянно мучают «смутные подозрения». Здесь последняя рискует со временем стать заложником борьбы двух гигантов - «мирового добра» в лице США, с одной стороны, и «мирового зла» в лице международного терроризма, а также стран, его поддерживающих и несущих потенциальную угрозу сложившемуся миропорядку и всех прочих «изгоев» - с другой. Ведь, судя по настрою Вашингтона, эта борьба обещает быть долгой и бескомпромиссной, а заявленный им перечень опасных и ненадежных стран в будущем может только пополниться. А выходцы из стран «третьего мира» и без того давно уже стали головной болью Старого Света. И в отличие от США, всерьез занявшихся на своей территории отслеживанием подозрительных элементов преимущественно арабского происхождения, решить такую же задачу у себя дома европейцам явно не по силам[144].

Поэтому глобальные планы США и вызывают столь серьезную тревогу во всей Европе, а не только, скажем, в Париже и Берлине. Впрочем, и такая европейская фронда внешнеполитическим планам США имеет свои пределы, в том числе и сугубо территориальные. Да и как иначе должны поступать, скажем, восточноевропейские партнёры США, часть из которых совсем недавно вошла в элитные клубы ЕС и НАТО и всерьез рассчитывает на солидные дивиденды от такого изменения в статусе? Ведь даже Россия, только расчищающая себе путь на Запад и именуемая исключительно «стратегическим партнёром» североатлантических союзников, судя по всему, так и будет продолжать смягчать свои позиции в этих вопросах. Главное, чтобы она и здесь не ошиблась.

Всё вышеизложенное, однако, не означает, что Америка и Европа стоят на грани разрыва - их по-прежнему слишком многое объединяет. Это не только вековая приверженность принципам рыночной экономики и демократии (никто из находящихся в здравом рассудке не подозревает Соединенные Штаты в желании отказаться ни от того, ни от другого), но и обоюдная торговля и взаимные инвестиции объемом 2 триллиона долларов[145]. И хотя раздражение политикой США - не редкость в европейских столицах, требования разорвать связи с Америкой не высказываются даже шёпотом.

Тем временем, в прошедшие годы Европейский Союз пережил масштабные изменения.

Число членов Евросоюза достигло в 2004 году 25 и, скорее всего, составит 27 в 2007 году. Население единой Европы выросло до полумиллиарда, а в сферу её экономического притяжения попадет ещё десяток стран - как минимум, Балканы, Украина, Белоруссия, Молдавия. Неизбежно и постепенное многоаспектное и неголословное сближение с Россией. Разрабатываемые сейчас конституционные реформы ЕС, призваны превратить Союз в мощного, монолитного и суверенного игрока на мировой арене. Тогда и европейский голос, по надежде самих европейцев, в диалоге с американскими союзниками будет звучать громче и увереннее. Но Северная Атлантика, видимо, так навсегда и останется «океаном проблем».

10. Последствия для России вступления стран Центральной и Восточной Европы в ЕС и НАТО

Произошедшее географическое расширение объединённой Европы является беспрецедентным как по количеству стран, так и по характеру связанных с этим расширением проблем. Даже несмотря на строгую регламентацию процесса расширения в Маастрихтском, Амстердамском и Ниццком договорах, в течение определенного времени будет сохраняться ряд качественных проблем, с которыми уже сталкиваются и еще столкнутся как «новички», так и «старожилы» ЕС[146]. Основная причина заключается в том, что на протяжении почти полувека политический и экономический потенциал в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) формировался на принципиально иной основе, в рамках социалистического планового хозяйства и в условиях глубокой интеграции блока социалистических стран. Кроме того, новый этап расширения границ европейской интеграции происходит на рубеже двух тысячелетий и в условиях усиления глобализации и интернационализации мировой экономики в целом.

Следует, однако, особо подчеркнуть те последствия расширения, которые имеют значение непосредственно с точки зрения реализации российских интересов на европейском пространстве. К ним относятся как внутривнутриполитические преобразования и проблемы расширения, так и внешние последствия этого противоречивого процесса.

Одну из наиболее серьезных проблем представляет собой введение евро в странах-кандидатах, так как они намного отстают от критериев конвергенции, а следовательно, в рамках единого рынка ЕС еще течение длительного периода времени будет функционировать несколько валют и потенциал единой валюты не будет задействован в полной мере. В то же время окончательный переход этих стран на евро повлияет на изменение стратегического баланса сил между долларом и евро в пользу усиления позиций последнего. В то же время цены на товары, составляющие основу поставок в страны ЕС и в страны ЦВЕ, котируются в основном в долларах, что повлечет за собой дополнительные издержки в случае окончательного перехода стран ЦВЕ на евро[147].

На новом этапе расширения ещё с большей остротой перед ЕС встанут вопросы институционального характера и, прежде всего о распределении голосов при расширении круга своих членов в Совете ЕС и Европарламенте. Если сохранить принцип распределения в соответствии с долей стран в населении ЕС, то вполне возможно прогнозировать, что со временем восточная составляющая интеграционной группировки будет в значительной степени влиять на процесс принятия политических решений. В случае распределения голосов согласно доле в экономическом потенциале группировки может произойти сосредоточение полномочий в сфере принятия решений в руках крупнейших участников, что закрепит доминирование отдельных членов и приведет к усилению неравенства внутри группировки.

Не менее важные геополитические задачи решает сейчас ЕС и на международной арене. Безусловно, расширение состава группировки позволит усилить позиции как супердержавы или суперблока на Западе и приведет к изменению отношений с важнейшим стратегическим партнёром – США[148]. В то же время одной из наиболее

обсуждаемых тем среди политологов в последнее время является будущее отношений Евросоюза с его крупнейшим восточным соседом и партнером – Россией в условиях расширения его на Восток.

Пятое расширение Европейского Союза распространяется на многие важные и традиционные для России рынки, а потому и поэтому требует четкого анализа последствий и возможного ущерба для российской экономики. На страны Центральной и Восточной Европы в настоящее время приходится примерно 15% внешнеторгового оборота России, при этом даже несмотря на кризисные явления в экономике и замедление темпов прироста внешней торговли после 1998 года, объемы торговли с этим регионом увеличивались. Основным аргументом Брюсселя, оптимистично оценивающего перспективы торгово-экономического сотрудничества с Россией после расширения, звучит соответствие этого процесса нормам XXIV статьи ГАТТ/ВТО[149]. Эти нормы заключаются в том, что создание или расширение интеграционной группировки должно повлечь за собой дальнейший рост экономического сотрудничества третьих стран как со всем блоком стран-кандидатов, так и с расширенным ЕС в целом.

Можно проследить две фактически противоположные тенденции в развитии отношений между Россией и ЕС, Россией и ее восточноевропейскими партнерами. С одной стороны, страны ЦВЕ и Балтии активно стремятся использовать свой имидж традиционных торговых партнеров России, хорошо знающих особенности работы с непонятными до конца для Запада русскими и предлагающих себя в качестве связующего звена в будущих интенсивных товарных потоках между ЕС и РФ. ЕС заверяет, что после принятия стран ЦВЕ экономические и, в частности, торговые отношения между ЕС и Россией вступят в новый качественный этап и приведут к существенному расширению товарооборота[150]. С другой стороны, налицо переориентация и ухудшение конкурентоспособных позиций России на рынках стран ЦВЕ и ЕС.

Вышеприведенные положения позволяют прогнозировать, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе расширение ЕС может принести России определенные экономические выгоды, в то время как первые результаты расширения могут повлечь за собой новые проблемы взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом.

Остановимся, прежде всего, на позитивных моментах.

Во-первых, во многих странах-кандидатах на вступление в ЕС до сих пор сохранился традиционный спрос на российские товары, что позволит сохранить отдельные статьи российского экспорта, прежде всего, энергетические товары и транспортные средства, и экспортировать их уже на рынок ЕС.

Во-вторых, в рамках ЕС возникнет огромный единый европейский рынок, не разделенный таможенными барьерами. Национальные таможенные тарифы и национальные таможенные кодексы стран-кандидатов будут заменены на единый внешний тариф и таможенные правила ЕС, кодифицированное применение которых гибче, чем у национальных тарифов стран-кандидатов. К сожалению, до сих пор так и не появились четкие оценки того, как изменится уровень тарифной защиты рынка ЕС после расширения. Так, по подсчетам Экономической комиссии ООН для Европы, произойдет сокращение этого уровня, причем эта удешевляющая разница колеблется, по основным российским товарам, в размере до 12-23 процентных пунктов таможенного обложения импорта.[151] В то же время по оценкам самой КЕС уровень ввозных пошлин в торговле с третьими странами возрастет как минимум на треть. Присоединяющиеся страны будут подключены и к системе преференций ЕС для России.[152]

В-третьих, изменения претерпит торгово-политическое регулирование взаимных связей. В рамках европейского пространства появится единая правовая база регулирования торговых операций, что обеспечит большую предсказуемость введения тех или иных ограничительных мер регулирования. Присоединение стран ЦВЕ к нормам и правилам единой внешнеторговой политики ЕС позволит России торговать с восточноевропейскими партнерами на общепринятых условиях и ценах, уйти от

характерного в настоящее время «уторговывания» интересов. Что касается количественных ограничений, то в отличие от стран-кандидатов, в импортном режиме ЕС в отношении России эти меры распространяются на торговлю отдельными видами черных металлов и ограничительного лицензирования ввоза товаров ядерного цикла. Новые члены ЕС присоединятся и к этим положениям, что значительно сократит перечень товаров, квотируемых при поставках в Европу. Взаимные связи со странами ЦВЕ будут регулироваться Соглашением о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, которое по своим положениям максимально приближено к режиму ГАТТ/ВТО, вступление России в которую будет проходить через определенный переходный период.

В-четвертых, в рамках «Большой Европы» будут введены одинаковые стандарты и нормы оценки качества товаров[153].

Определённые выгоды можно извлечь и с точки зрения форм развития экономических взаимоотношений. В результате расширения существенно увеличивается протяженность общей границы России и ЕС, что даст возможность использовать новые для российской экономики формы приграничного сотрудничества российских регионов с регионами стран Европейского Союза, в том числе на льготном режиме и условиях.[154] Могут получить стимул для развития и схемы многостороннего экономического сотрудничества с участием России в бассейнах Баренцева, Балтийского и Чёрного морей.

Вместе с тем, расширение ЕС на Восток влечет за собой и значительные проблемы для России. При этом интересно, что все те же перечисленные выше факты имеют и явные отрицательные последствия для России.

Начавшаяся с конца 1980-х годов переориентация стран ЦВЕ с ранее приоритетных экономических отношений с СССР/Россией на связи с Западом, может усилиться за счет дальнейшего сокращения торговых барьеров с уже полноценными участниками интеграционной группировки, а распространение так называемого кумулятивного принципа при определении страны происхождения товара [155] приведёт к дальнейшей переориентации производителей в странах ЦВЕ с рынка России на рынок западной половины интеграционного блока.

Со вступлением стран-кандидатов в ЕС их торговля неизбежно переориентируется на правила, регламентирующие торговые операции. На них также распространятся положения энергетической политики ЕС о 25-30-процентных лимитах на импорт энергоносителей в их общем потреблении в ЕС (которые пока не применяются в странах-кандидатах). Доля поставок энергетического сырья из России в страны ЦВЕ в настоящее время составляет в среднем 75% спроса.[156] Поставки российских товаров ядерного цикла в ряд стран-кандидатов на присоединение составляют около 90% их потребления, в то время как Евросоюз установил для России долю лишь в 20%. Страны ЦВЕ будут обязаны осуществить программу диверсификации своего энергетического импорта. Наиболее успешно по этому пути продвигаются Польша, Чехия, Венгрия, Словения и Эстония за счет достижения долгосрочных контрактов на поставку нефти и газа из Норвегии и Алжира, а также за счет строительства нефтепровода Германия – Чехия и трубопровода по дну Балтийского моря.

Расширение ЕС создает и некоторые проблемы для российского импорта. На первом этапе после присоединения страны ЦВЕ будут решительно вытесняться конкурентами из основного состава ЕС с рынков традиционного сбыта аграрной продукции в СНГ, прежде всего в России (вследствие более высоких дотаций на экспорт)[157]. После постепенного выравнивания цен в рамках ЕС Россия лишится более дешевого продовольственного импорта из стран ЦВЕ.

В качестве положительного момента ранее был отмечен переход единой Европы на единые стандарты. В то же время «еврогармонизация» действующих технических норм и технических стандартов ухудшит условия доступа российских машиностроительных изделий.

Присоединение новых членов к единому европейскому рынку будет

сопровождаться дальнейшим приростом иностранных инвестиций из стран Западной Европы. В иной ситуации и при условии разумного инвестиционного климата в России, эти средства могли бы быть направлены именно в нашу экономику. По данным доклада о мировых инвестициях за 2000 год, устойчивость и продолжающийся рост потоков прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) в Центральную и Восточную Европу действительно впечатляют[158]. С учётом масштабов их экономики, Эстония, Венгрия и Чехия являются региональными лидерами в деле привлечения ПЗИ. В 1999 году показатель соотношения суммарного объема ПЗИ и ВВП составил соответственно 41,5%, 39,6% и 30,6%[159].

Но главная проблема при формировании торгово-политического регулирования связей с Большой Европой заключается в том, что на присоединяющиеся страны распространятся жесткие антидемпинговые правила ЕС, которое в настоящее время во многих центральноевропейских странах либо отсутствует, либо является более либеральным. И если в настоящее время примерный ущерб от сохраняющих силу антидемпинговых процедур ЕС-15 в отношении России составляет около 250 млн долл. в год, то в пространстве ЕС-27 он, естественно, может существенно возрасти. Это уже произошло при приеме в ЕС Финляндии, что обернулось для России расчетными убытками в дополнительные 27 млн долларов. Может увеличиться число антидемпинговых жалоб и со стороны предприятий стран ЦВЕ, возможные санкции по которым, согласно нормам единой внешнеторговой политики ЕС, будут распространяться на всю территорию ЕС[160]. Иски по факту демпинга уже были предъявлены со стороны Венгрии, Литвы и Словакии.

Итак, суммарный эффект всех этих изменений достаточно трудно оценить однозначно. Он требует специальных подсчетов. Между Россией и ЕС начат диалог по последствиям расширения ЕС для России, который ведется в рабочих органах сотрудничества СПС и Комитете сотрудничества на регулярной основе. В этой связи представляется целесообразным сделать следующие выводы и рекомендации.

1. Вероятно, российской стороне следует проводить более детальные переговоры не по комплексу вопросов, а по каждому аспекту и по каждой проблеме в отдельности;

2. При этом необходимо согласование позиции и объединение усилий российских внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств (МИД, МЭРТ) и заинтересованных производителей;

3. Следует рассматривать более гибкие и перспективные по сравнению с торговлей пути развития сотрудничества и реализации своих интересов. Например, интересным представляется участие российских фирм в инвестировании в проекты в странах ЦВЕ, а также привлечение фирм этих стран в аналогичную деятельность в России;

4. Со стороны ЕС было бы перспективно рассмотреть вопросы финансирования проектов приграничного сотрудничества. Это послужило бы достижению социальной и политической стабильности в регионе и на континенте.

11. Новые формы и содержание отношений между Организацией Североатлантического договора и Российской Федерацией

Установление нового формата отношений между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора происходит в то время, когда сама НАТО решает для себя вопрос: является ли нынешний момент её существования новым стартом или началом конца. Объективная неготовность альянса как целостного организма к отражению новых угроз, в первую очередь связанных с терроризмом, экстремизмом, распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), нарастающие сомнения США в полезности НАТО как механизма борьбы с этими вызовами (во всяком случае в том, что касается ведения так называемых «высокотехнологичных» войн), труднопреодолимое отставание объединённой Европы от США по уровню развития и наращивания военного потенциала – всё это многие западные и некоторые российские наблюдатели расценивают как

основную угрозу размывания военно-стратегической функции НАТО, превращение альянса в дискуссионный клуб, в «ОБСЕ с комитетом военного планирования»[161]. Естественно, никто из лидеров НАТО и входящих в неё стран не хочет терять альянс как сильную военную организацию. Однако для этого сама организация должна быть существенно модернизирована. Как постоянно подчёркивал бывший Генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон, перед альянсом стоит выбор: модернизация или маргинализация[162].

Наиболее важным на данный момент представляется вопрос о произошедшем в апреле 2004 г. вступлении в НАТО Балтийских государств, приглашение к которому они получили уже на саммите НАТО в Праге в ноябре 2002 года. Некоторые российские специалисты предлагают, чтобы Эстония, Латвия и Литва присоединились к Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) ещё до их принятия в НАТО. Они также выражают тревогу в связи с возможным развертыванием иностранных (натовских) войск на территории Балтийских государств[163].

Существует несколько возможных вариантов решения проблемы. Одна из предлагаемых российскими представителями идей заключается в том, что в случае вступления Балтийских стран в НАТО их территория, а также Калининградская область должны быть демилитаризованы (или же дислоцированные в регионе вооруженные силы должны быть существенно сокращены в размере и масштабах)[164]. Однако было признано, что будет нелегко убедить Балтийские страны в том, что такое решение в наибольшей мере отвечает их интересам. В качестве альтернативы союзники могут вновь выступить с вариантом «односторонних заявлений», наподобие тех, которые были включены в Основополагающий Акт Россия-НАТО. В этом документе содержится следующее заявления:

«Государства-члены НАТО подтверждают, что не имеют намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеют необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидят необходимости делать это в будущем. ...НАТО подтверждает, что в нынешних и обозримых условиях безопасности альянс будет осуществлять свою коллективную оборону и другие задачи через обеспечение необходимых совместимости, интеграции и потенциала усиления, а не путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил»[165].

Несмотря на различие взглядов относительно расширения НАТО, особенно в том, что касается вступления Балтийских государств, все согласны с необходимостью скорой по времени и широкой по масштабам интеграции России в Европу, даже если целью не является, по крайней мере в краткосрочной перспективе, членство России в НАТО.

Одной из возможностей является скорейшее определение того, какими должны быть результаты сотрудничества России и НАТО в долгосрочной перспективе (например, принятие в конечном итоге России в альянс, новая форма «ассоциированного» членства, продолжение сотрудничества без формального членства в союзе, простое признание факта существования развитого партнёрства или какой-то другой вариант)[166]. Определение конечной и желаемой цели может помочь в выборе необходимых средств и сфер сотрудничества, что в свою очередь будет способствовать продвижению к этой выбранной цели. С другой стороны, может быть гораздо более полезным и продуктивным, если отложить решение вопроса об «окончательной цели» сотрудничества и предоставить возможность появления с течением времени новых подходов, событий и действий на фоне продолжающегося взаимодействия сторон в тех областях, где существуют общие цели и взаимные потребности.

Россия переживает переходный период, и, хотя она все больше разделяет ценности западной демократии, сам процесс ее демократизации далеко не завершен. Точно так же все возрастающая экономическая взаимозависимость способствует развитию процесса демократизации в России и укреплению отношений партнерства со странами Запада,

несмотря на то, что Россия и США по-прежнему придерживаются различных взглядов на ряд вопросов, так же как иногда и США не соглашаются со своими союзниками по НАТО[167]. Например, хотя и США, и Россия в целом согласны с тем, что международный терроризм является их общим врагом, они не нашли взаимопонимания по таким вопросам, как точное определение самого термина «терроризм», как роль, которую играют такие страны, как Ирак и Иран, и какой должна быть при определенных обстоятельствах реакция на их действия. Фактически не по всем этим вопросам имеется согласие и в НАТО.

Что касается ведущейся дискуссии по Ираку, его возможном участии в террористической деятельности и его очевидном стремлении стать обладателем оружия массового поражения, то события нескольких ближайших месяцев неизбежно повлияют на отношения между Россией и НАТО (а также Россией и США). В значительной степени, Совместный Постоянный Совет стал жертвой разногласий в интересах и взглядах сторон относительно событий в Косово. Как союзники по НАТО, так и Россия должны будут проявить особую осторожность на начальной стадии развития нового этапа в истории своих взаимоотношений, например при организации работы нового Совета Россия-НАТО, чтобы разногласия по Ираку не привели к повторению прошлых ошибок[168].

Говоря о развивающемся сотрудничестве, важно учитывать те двусторонние или многосторонние действия, предпринимаемые НАТО, отдельными государствами НАТО или Российской Федерацией, которые непосредственно затрагивают интересы или вызывают опасения других стран. Например, недавно и НАТО, и Россия провели военные учения на основе разработанных сценариев, в которых они рассматривались скорее как противники, а не как партнеры или друзья. Один из возможных вариантов решения проблемы предполагает расширение участия России в процессе планирования учений НАТО (не ограничиваясь только приглашением её представителя в качестве наблюдателя на проводимые учения)[169], и таким же образом — участие представителей НАТО в планировании российских учений.

В целом более совершенные и продуктивные отношения между Россией и НАТО играют решающую роль не только в достижении целей альянса, особенно в отношении угроз, возникающих за пределами Европы, но также и для освобождения России от сохранившихся элементов мышления времен «холодной войны». Будет ли это достигнуто в результате структурных изменений в НАТО или просто за счёт развития сотрудничества, дальнейшие изменения в восприятии российскими гражданами облика НАТО, как организации не являющейся больше источником военной угрозы, позволит российским военным стратегам перейти от составления сценариев по т.н. «наихудшему варианту»[170] рассматривающему возможность конфликта со странами НАТО к более вероятным и опасным вариантам конфликтов, которые, возможно действительно ожидают Россию в будущем.

Разумеется, на общее улучшение ситуации большое влияние окажет прогресс в развитии экономических отношений России с Западом, особенно с Европейским Союзом. Развитие этого процесса зависит от развития параллельного процесса — отношений между Россией и НАТО. Более того, Россия в принципе готова к сотрудничеству в реализации Европейской политики безопасности и обороны и со временем могла бы стать участником уже упоминавшихся нами создаваемых воинских формирований ЕС — сил быстрого реагирования. Дальнейшая разработка европейского подхода к созданию этих сил и их взаимодействия с НАТО, несомненно, окажет свое влияние на отношение к ним России и потребует координации действий с Североатлантическим альянсом.

В то же время, по выражению руководителей общеевропейского направления российского внешнеполитического ведомства и ведущих отечественных американистов, в настоящее время идёт активный поиск не только некоего «модус вивенди»[171], но и конкретного «модус операнди»[172] между самой мощной в мире военно-политической организацией — НАТО и самой крупной, в том числе в военно-стратегическом отношении, страной в

Евроатлантическом регионе и в Евразии - Россией.

Если использовать терминологию современных политологов, очевидно, что позиционирование этих двух акторов по отношению друг к другу и во взаимодействии с другими субъектами, определяющими состояние безопасности в этом регионе, будет иметь решающее значение для формирования новой архитектуры, идущей на смену биполярному противостоянию времён «холодной войны».

Этот процесс ещё далек от завершения. В этом смысле подписанную в мае 2002 года Декларацию глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО не стоит рассматривать в качестве финального аккорда в оформлении отношений России с НАТО, как не стал им и основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, заключённый в Париже в мае 1997 года[173].

Появившейся на свет в Риме в 2002 году новой формуле взаимодействия в формате «двадцатки» ещё только предстоит пройти тест на адекватность новым условиям безопасности, доказать и показать на практике эффективность нового механизма сотрудничества для безопасности России, стран НАТО и их граждан. Но заложенный Римским саммитом потенциал даёт все основания рассчитывать на то, что на европейской политической карте появляется новый механизм взаимодействия, позволяющий объединить ресурсы 20 суверенных государств для решения общих задач нейтрализации угроз и вызовов XXI века.

Думается, правомерно говорить о том, что первый этап становления отношений Россия-НАТО закончился одновременно с трагическими событиями весны 1999 года, в дни, когда Североатлантический альянс начал воздушную операцию против Союзной Республики Югославия. Эта акция нанесла тяжёлый урон системе международной безопасности, предельно обострила ситуацию на Балканах, привела к страданиям и массовой миграции десятков тысяч ни в чём не повинных людей. Её последствия ощущаются до сих пор[174]. События в Югославии показали, что ресурсы международного сотрудничества не были использованы полностью. Не сумела сказать своё решающее слово ООН, оказалась отторгнутой в сторону ОБСЕ (здесь нельзя не упомянуть тот факт, что эта организация в 1992 году собственным решением отлучила от себя СРЮ, лишившись таким образом рычагов воздействия на развитие ситуации). Не сработали и механизмы основополагающего акта Россия-НАТО, который предусматривал возможность проведения консультаций в «горячих ситуациях»[175].

Ясная и чёткая позиция, занятая Россией в те дни, показала всему миру, что Москва не намерена и не будет следовать в кильватере политики Запада, поддерживать решения, в разработке которых не участвовала и которые противоречат нормам международного права.

12. Деятельность Совместного Постоянного Совета, Совета евроатлантического партнёрства и Совета «Россия-НАТО»

Вместе с тем последовавшая за югославским кризисом «глубокая заморозка» связей с альянсом позволила сторонам остановиться, перевести дыхание и по-новому взглянуть на базисные подходы к выстраиванию взаимоотношений. Пища для размышлений уже была. Основополагающий акт Россия-НАТО и созданный на его основе Совместный постоянный совет (СПС) проработали около двух лет. Сформировалась определённая культура и навыки политического диалога. Был запущен ряд конкретных проектов. В результате и россияне, и натовцы стали лучше понимать поведение друг друга. Деятельность НАТО и её внутренняя механика стали для нас более транспарентными.

Важно и то, что при глубоком охлаждении политических отношений с НАТО продолжался диалог по коренным вопросам обустройства европейского поля безопасности, в ходе которого российская сторона настойчиво добивалась принятия

решений, нацеленных на реальное укрепление общеевропейских инструментов обеспечения безопасности и надежно гарантирующих интересы всех и каждого независимо от участия в военно-политических союзах.

Среди всего этого многообразия на первом плане были задачи усилить нормообразующую основу европейской безопасности, по максимуму и без срыва в конфронтацию нейтрализовать негативные последствия расширения НАТО на Восток. В принципиальном плане обе эти задачи были решены с подписанием на Стамбульском саммите Хартии европейской безопасности и Соглашения об адаптации Договора об обычных вооружённых силах в Европе[176]. Оба эти проекта — результат реализации российских инициатив. Ещё раньше в Хельсинки была успешно завершена работа над выработкой соглашения о российском участии в силах для Косова на равноправной со странами НАТО основе. Тем самым были созданы объективные предпосылки для постепенного размораживания и восстановления отношений с НАТО. После возвращения югославской ситуации в международно-правовое поле контакты НАТО на политическом уровне стали восстанавливаться. В начале 2001 года генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон посетил с визитом Москву. В его ходе помимо обстоятельного анализа текущих дел в отношениях Россия—НАТО состоялся и первый концептуальный разговор о видах на будущее[177]. Пожалуй, главным итогом стало достижение понимания того, что в условиях появления новых рисков и угроз у российско-натовского сотрудничества есть потенциал и что сохраняющиеся разногласия по ряду важных международных вопросов, прежде всего, по проблеме расширения НАТО, не должны мешать сотрудничеству в тех областях, где интересы близки или совпадают. Тематика взаимодействия с альянсом с акцентом на долгосрочную перспективу стала занимать особое место в политических контактах на высшем и высоком уровне.

Трагические события 11 сентября 2001 года в США явились встряской и для отношений Россия-НАТО. Уже 13 сентября СПС Россия—НАТО выступил с сильным совместным заявлением, осуждающим бесчеловечные акты терроризма. В нем говорилось и о готовности к совместной борьбе. А уже через месяц на свет появилась конкретная программа действий по взаимодействию в этой сфере. Более предметным стало обсуждение контуров общего изменения алгоритма отношений России с альянсом.

Свои соображения на этот счёт высказали Великобритания, Италия, Германия, Канада и другие страны. Пока это были достаточно противоречивые сигналы. Но их объединяло одно - ощущение того, что востребованность российско-натовского взаимодействия в новых условиях резко возрастает, но для этого необходимы реальные, а не косметические шаги по переводу отношений на качественно иной уровень. Беседы В.В.Путина с Дж. Бушем в Кроуфорде, с другими лидерами стран НАТО, а также две встречи с Дж. Робертсоном осенью 2001 года в Брюсселе и в конце того же года в Москве заложили основу для начала предметной работы по формированию этого нового качества[178].

В ходе заседания СПС на уровне министров иностранных дел в декабре 2001 года российская сторона сформулировала свой подход: новое качество — это новые принципы, новые механизмы и конкретные области сотрудничества, где эти механизмы могли бы быть сразу задействованы[179].

Здесь необходимо отступить и сказать несколько слов о «внутренней кухне» формулирования этих подходов. Как известно, реакция в российских СМИ на процесс сближения с НАТО была далеко не однозначной. Немало стрел было выпущено в Римскую декларацию. Но, пожалуй, все критические оценки укладываются в три тезиса.

Первый: Россия боролась, но не получила права «вето» на решения НАТО. Второй: новый Совет будет работать в неких периферийных областях, не оказывая влияния на процессы, реально определяющие состояние безопасности в Евроатлантическом регионе. Третий: теракты в США продемонстрировали «иррелевантность» НАТО в новых условиях. Сближаясь с НАТО, Россия только помогает альянсу найти своё новое предназначение в меняющемся мире[180]. Такого рода оценки нуждаются в комментариях.

Вообще, вопрос о праве «вето» российской стороной не ставился и ставиться не мог, поскольку Россия прямо заявила о том, что членом НАТО стать не стремится. Дело в том, что в силу своей военной самодостаточности и с учётом общей ситуации в мире Россия не нуждается в гарантиях НАТО по коллективной обороне. Следовательно, тем самым сразу за скобки новой формулы отношений Россия-НАТО были выведены вопросы, и связанные с функционированием Вашингтонского договора, и затрагивающие суверенное право России обеспечивать свою военную безопасность и выстраивать отношения со своими военными союзниками. Что касается второго, то сам формат взаимодействия с девятнадцатью странами Запада естественным образом лимитирован рамками компетенций и возможностей этих стран как членов альянса. И в этом смысле механизм Россия-НАТО - лишь деталь, пусть и весьма существенная, в общей сети взаимодействия по вопросам безопасности, включая каналы ООН, ОБСЕ, СЕ, СНГ и ДКБ, в рамках ШОС и СВМДА, по линии укрепления сотрудничества с Евросоюзом и т.д.

Развитие взаимодействия России с ключевыми участниками антитеррористической коалиции стало подтверждением того, что для нейтрализации новых глобальных рисков есть только один путь - эффективное объединение усилий международного сообщества. По существу, Россия и отдельные страны НАТО выступали как союзники. Если получается выстраивать качественно иные отношения с членами НАТО, то почему не укреплять связи с самой организацией, добиваясь большего влияния и разворота сотрудничества лицом к проблемам, реально влияющим на безопасность России и НАТО? Наконец, нельзя не учитывать того, что развитие сотрудничества между Россией и НАТО - это один из факторов, влияющих на дальнейшую трансформацию самого альянса в направлении его встраивания в общую евроатлантическую архитектуру безопасности.

В этом смысле российский подход получил поддержку, и было принято поручение «рассмотреть и разработать в предстоящие месяцы новые эффективные механизмы для консультаций, сотрудничества, совместного принятия решений и осуществления скоординированных совместных действий»[181]. Партнёрами были определены и приоритетные области сотрудничества - кризисное регулирование, нераспространение, меры контроля над вооружениями и по укреплению доверия, ПРО ТВД, поиск и спасание на море, сотрудничество между военными и в чрезвычайном гражданском реагировании. Фактически это был мандат переговоров. Сроки завершения работы были поставлены жёсткие - к намеченной на май 2002 года к новой встрече министров иностранных дел в Рейкьявике. Было условлено, что основным переговорным каналом станут контакты по линии заместитель министра иностранных дел России - заместитель генерального секретаря НАТО, которые будут встречаться попеременно в Москве и в Брюсселе при поддержке экспертов.

В столицах закипела работа. После интенсивной межведомственной проработки российская сторона в феврале 2002 года внесла на рассмотрение всех стран НАТО проект документа о новом качестве отношений Россия-НАТО. Он синтезировал уже достигнутые понимания относительно нового характера отношений и развивал предыдущие решения.

В числе главных принципов, на основе которых должна строиться работа нового Совета «Россия-НАТО», российская сторона обозначила: безусловное соблюдение обязательств по международному праву, Уставу ООН и хельсинкскому Заключительному акту; акцент на согласование совместных подходов, выработку совместных решений и определение совместных действий на базе системного политического диалога по широкому кругу вопросов безопасности; стремление к консенсусу; отказ от односторонних действий, противоречащих принятым совместно решениям.

Принципиальным моментом стало то, что в российском документе была раскрыта формула «двадцатки»: предусматривалось, в частности, что в новом органе Россия и страны НАТО обязуются действовать в суверенном, «национальном качестве», а не по отжившей своё формуле «19+1», которая превратилась в очевидный тормоз для встраивания действительно равноправного сотрудничества, обеспечивающего учёт

интересов каждого участника Совета «Россия-НАТО»[182]. Были сформулированы конкретные и далеко идущие предложения по областям сотрудничества, а также по механизмам, организационным условиям и некоторым процедурным моментам функционирования Совета.

Первый встречный натовский проект был передан российской стороне в марте 2002 года, позднее он был дополнен новыми элементами. В результате непростых, но проведённых в конструктивной атмосфере восьми раундов переговоров, продолжавшихся буквально до открытия заседания СПС на уровне министров иностранных дел в Рейкьявике в мае 2002 года, был согласован пакет документов, состоящий из проекта Декларации глав государств и правительств «Отношения Россия-НАТО: новое качество», Программы работы Совета «Россия-НАТО» (СРН) на 2002 год и «Организации работы и правил процедуры СРН». Министры документы одобрили и приняли решение рекомендовать главам государств и правительств подписать декларацию[183]. Дорога к первому саммиту Россия-НАТО в новом формате «двадцатки» была открыта.

Саммит, итоги которого широко освещались в СМИ, дал мощный импульс работе нового Совета. На встрече министров обороны стран - членов СРН, состоявшейся в Брюсселе в июне 2002 года, была принята солидная и предметная программа сотрудничества по военной линии, а на последовавшем «посольском» заседании СРН, по сути, был утверждён комплексный план основных мероприятий на 2002 год. Существенный прогресс был достигнут в разработке общей концепции миротворческих операций Россия-НАТО. Удалось сделать хорошие заделы и на других треках взаимодействия. Был, в частности, согласован документ, содержащий общие оценки России и стран НАТО террористических угроз миротворческим контингентам на Балканах[184]. Его значение трудно переоценить. Работа над ним показала, что, несмотря на естественные различия в подходах, у России и стран НАТО есть много совпадающих оценок в отношении как самой природы и характера угроз терроризма в преломлении к конкретному региону, так и путей их нейтрализации. Углубляется диалог по вопросам ядерной безопасности, нераспространения ОМУ, ПРО ТВД, по военной реформе. Продвигается работа по заключению рамочного документа по спасанию экипажей подводных лодок. Идет интенсивная подготовка к совместным учениям по линии МЧС России по отработке действий при инцидентах на объектах повышенной опасности[185]. Словом, «двадцатка» действительно заработала.

13. Механизмы адаптированного Договора об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ)

В своём программном выступлении на саммите Россия-НАТО в мае 2002 г. Президент России подчеркнул, что с подписанием Римской декларации строительство новых отношений только начинается. Отправная точка здесь, отметил он, - это ясное понимание того, что «ни ракетно-ядерные потенциалы, ни обязательства времён холодной войны уже не могут быть и не являются панацеей от современных угроз»[186]. В этом не только взвешенная оценка перспектив российско-натовского взаимодействия, но и чёткий сигнал нашим партнёрам относительно той платформы, на которой должно выстраиваться взаимодействие.

Как ни пытались бы определённые круги на Западе затушевать проблему расширения НАТО, очевидно, что Москва не будет оставаться безучастной ни к реализации соответствующих планов, ни к процессу трансформации НАТО в целом. После 11 сентября 2001 года многие западные и российские политологи вновь заговорили о «закате НАТО» как главного инструмента обеспечения безопасности, выразившемся в синдроме невостребованности. Действительно, события в Нью-Йорке и Вашингтоне побудили НАТО пойти на беспрецедентное решение - задействовать статью 5 Вашингтонского пакта, однако сформировавшаяся антитеррористическая коалиция вышла далеко за рамки

альянса, а вклад неучастников НАТО в поддержку операции в Афганистане был порой ценнее и весомее, чем вклад самой организации. Какой выход из «парадокса не востребоваемости» будет искать НАТО - вопрос пока открытый[187]. Но, очевидно, что стратегия внутренней модернизации, которую сами для себя изберут страны - члены альянса, будет иметь большое значение и для развития отношений с Россией.

Ход подготовки к Пражскому саммиту в ноябре 2002 года однозначно свидетельствовал о том, что в повестке дня будет не только тема расширения, но и вопросы адаптации к новым угрозам. Её базовые критерии уже сформулированы. Так, в Заявлении министров обороны стран НАТО от 2002 года говорится о том, что «способность альянса выполнять весь спектр задач в меняющейся стратегической среде будет зависеть от способности увеличить ту часть наших боевых сил и сил поддержки, которая может развертываться для операций вне собственной территории и без существенной поддержки принимающего государства»[188]. Другими словами, поставлена задача существенно повысить возможности альянса в проведении операций на удаленных театрах.

Второе направление в военном строительстве - укрепление антитеррористического измерения обороны путём улучшения защиты против атак с применением ОМУ. Страны НАТО признали, что они нуждаются в ПРО ТВД для защиты развёрнутых сил.

Эти внутринатовские наработки весьма созвучны римскому пакету конкретных областей сотрудничества с Россией. Следовательно, налицо общность подходов в оценках того, что надо делать для противодействия новым рискам. Есть все основания рассчитывать на то, что страны НАТО пойдут по пути реализации сформулированных задач через самое тесное и равноправное сотрудничество с Россией и в целях укрепления общей и неделимой безопасности в Евроатлантическом регионе на основе соблюдения норм международного права и уважения законных интересов других государств, тогда, видимо, действительно можно будет говорить о том, что фактор взаимодействия Россия-НАТО становится одним из опорных элементов новой системы безопасности.

У этого вопроса есть и другой аспект, а именно: как планируемое усиление военных способностей альянса для решения новых задач будет сочетаться с действующими соглашениями и договоренностями в сфере обеспечения военной безопасности? Для нашей страны это принципиальный вопрос[189]. Россия внесла наибольший вклад в укрепление европейской безопасности, снижение фактора военной силы, демонтаж потенциала угроз и формирование в Европе средствами контроля над вооружениями такой структуры военных балансов, которая исключала бы саму материальную возможность подготовки и ведения войны. Этот вопрос остро стоит и в контексте состоявшегося расширения альянса, которое, не будучи вписано в логику общеевропейских интересов, может нанести серьёзный урон сформированной в последней четверти минувшего столетия системе военной безопасности. К числу основополагающих документов, создающих её основу, следовало бы отнести Договор о РСМД, Договор об ОВСЕ (ДОВСЕ), Договор по открытому небу, Венский документ о мерах укрепления доверия, Кодекс поведения, Глобальный обмен военной информацией и некоторые другие документы, выработанные в рамках ОБСЕ[190].

Особое место в этом ряду занимает Договор об ОВСЕ. И не столько в силу того, что этот договор является краеугольным камнем европейской безопасности, но и потому, что именно в конкретных положениях документов по контролю над вооружениями декларируемые политические намерения в военной сфере переводятся на язык цифр, мест дислокации и других параметров, на основе которых можно делать выводы о реальной направленности процесса военного планирования[191]. Не случайно проблематика ДОВСЕ - ратификация Соглашения об адаптации, вступление в силу и присоединение к нему новых членов - нашла своё отражение в Римской декларации.

Ситуация вокруг Соглашения об адаптации ДОВСЕ не может не внушать тревоги. В гонке натовского расширения в числе фаворитов к Пражскому саммиту альянса называют семь государств - Словению, Словакию, Румынию, Болгарию, Латвию, Литву, Эстонию. Между

тем Словения и три балтийские республики не являются участниками ДОВСЕ, а страны НАТО пока не предпринимают шагов для того, чтобы ввести Соглашение об адаптации в силу и тем самым открыть возможность для присоединения к нему этих и других государств.

Очевидно, что, в случае возникновения ситуации, при которой некоторые официально приглашённые, и тем более члены НАТО, останутся за рамками режима жёстких мер контроля над вооружениями, само существование ДОВСЕ будет поставлено под угрозу, ибо он изначально создавался для того, чтобы охватить ограничениями членом военных союзов. Особую обеспокоенность вызывает развитие ситуации применительно к Балтийскому региону. Ведь система сдержанности в конвенциональной области, включающая фланговые ограничения, дополнительные обязательства России применительно к Калининградской и Псковской областям, другие дополнительные обязательства нынешних членом НАТО, во многом формировалась с учётом де-факто нейтрального статуса стран Балтии и общей оценки того, что на территории этих государств не будет располагаться военный потенциал, требующий учёта в «бухгалтерии» ДОВСЕ[192]. Кстати сказать, именно этими соображениями руководствовались страны-участники ДОВСЕ, принимая в октябре 1991 года решения об исключении территории стран Балтии из района применения договора. После Праги всё это осталось в прошлом.

И здесь важен не только сам факт присоединения к ДОВСЕ, но и позиции, с которыми они выйдут на переговоры об условиях присоединения. Если речь, как и в случае с Венгрией, Польшей, Чехией, опять пойдёт о праве на временные развёртывания с неопределёнными целями и вплоть до уровня армейского корпуса, тогда вряд ли можно будет говорить о том, что развитие военного планирования в натовских штабах поспевает за политической динамикой в отношениях с Россией.

«Угол ДОВСЕ» - лишь один из многих элементов, из которых будет складываться мозаика отношений Россия-НАТО[193]. Очевидно, что для поступательного их развития потребуется не только выход на машинально интенсивное равноправное взаимодействие в тех областях, где интересы объективно совпадают, но и кропотливая работа по сближению позиций там, где мы расходимся в оценках или не уверены в намерениях друг друга. Видимо, потребуется продолжение диалога по стратегическим концепциям и доктринальным установкам.

Итак, Римский саммит 2002 года открыл новую страницу в отношениях Россия-НАТО. Создана солидная основа для выстраивания подлинно партнёрских отношений на благо мира, стабильности и создания в Евроатлантическом регионе единого пространства безопасности без разделительных линий. Цель нового Совета «Россия-НАТО» мы видим в том, чтобы в его рамках логику общих интересов трансформировать в логику совместных действий.

14.Общеввропейские инициативы «измерений» и «соседства» как новые факторы региональной безопасности и межрегионального сотрудничества

Нестандартные, оригинальные инициативы, направленные на выработку особых «Северного» и «Восточного» «измерений» европейских институтов, а также контуры концепции «соседства» появились в условиях, когда сами интеграционные образования оказались на переломном этапе своего развития. Как справедливо замечают специалисты Санкт-Петербургского Центра интеграционных исследований и проектов, для того чтобы лучше понять контекст, который обусловил появление этих инициатив, содержание дискуссии по данному вопросу, позиции заинтересованных и способных влиять на ход событий сторон и, соответственно, перспективы поведения ЕС и НАТО в отношении своих восточных соседей, важно рассматривать данный сюжет с точки зрения исторической ретроспективы[194]. Подобный подход позволит выявить основные тенденции, которые свойственны европейскому интеграционному процессу с точки

зрения его пространственной конфигурации, взаимосвязи пространственной и структурно-функциональной трансформации, а также логики взаимодействия с его окружением в условиях эволюции глобальной международной системы.

Их коллеги - прибалтийские политологи - подчёркивают, что поиск нетрадиционных путей разрешения традиционных противоречий между европейскими державами (Францией и Германией, в первую очередь) был спровоцирован обвальным крушением евроцентристской модели мироустройства после окончания Второй Мировой войны и наличием двух мощных и эффективных интеграторов[195].

В качестве негативного интегратора выступал СССР, представлявший сильнейшую со времен великого переселения народов цивилизационную угрозу и стимулировавший формирование общей идентичности, а точнее – ее ощущения, - у элит Франции, Западной Германии и Италии. Не случайно, что у истоков интеграции стояли страны, которые потерпели наиболее сокрушительное поражение во второй мировой войне (на первом или втором ее этапах), чьи традиционные институты, элиты и чувство идентичности были серьезно подорваны и дискредитированы. Эти страны нуждались в определенной «европейской санкции» для преодоления системного кризиса. Угроза захвата власти экстремистами, идеологически гомогенными главному континентальному победителю в войне, проявлялась в них наиболее отчетливо. Страны Бенилюкса, «зажатые» между Францией и Германией, вполне естественно предпочитали быть участниками интеграционного процесса, нежели оставаться потенциальным полем сражений между великими державами.

Великобритания, входившая в тот момент в «большую тройку» победителей и не ощущавшая кризиса традиционных структур, вполне закономерно не пожелала присоединиться к начальному этапу европейской интеграции. Франция при этом сделала всё возможное, чтобы Великобритания сделала этот выбор и не препятствовала развитию данного процесса (и особенно франко – германского взаимодействия) на французских условиях.

Вне его рамок остались также страны, оказавшиеся в советской сфере влияния, нейтральные государства, не желавшие портить отношения с СССР (Финляндия, Швеция), страны, в которых установились или сохранились диктаторские режимы (Испания, Португалия, Греция), а также Ирландия, Исландия, Дания и Норвегия, для которых связи с Великобританией были важнее, чем с резко ослабленными Германией и Францией[196].

В такой ситуации позитивным интегратором Западной Европы стали Соединенные Штаты Америки, которые резонно рассудили, что фрагментированная и раздробленная Европа сможет только просить помощи и защиты, в то время как единая и сильная Европа сможет сотрудничать в борьбе против общей угрозы. С точки зрения логики биполярного противостояния сила и могущество интегрированной Европы в любом варианте должны были быть на американской чаше весов.

Как уже отмечалось нами в Главе 1 настоящей диссертации, Европа по всем параметрам была оптимальным полигоном для интеграционного эксперимента. Однородность форм хозяйственной жизни, уровня развития, политической и духовной культуры, наличие устойчивых и устоявшихся межэлитных отношений, длительной истории существования «европейской идеи» и связанной с ней цивилизационной идентификации создавали из американского военно-политического протектората начального периода «холодной войны» вполне податливый материал для стимулирования соответствующих процессов[197].

Только в этих условиях стал возможен беспрецедентный в мировой истории случай, когда один центр силы стал вполне осознанно и целенаправленно формировать другой центр силы. Колебания биполярной системы вполне успешно объясняют как структурно-функциональную, так и пространственную трансформацию дальнейшего европейского интеграционного процесса.

Успешность переговоров, приведших к подписанию Римских договоров (1957) во многом была predeterminedена Суэцким кризисом, окончательно похоронившим мировой державный статус Франции и Великобритании, и почти синхронной советской интервенцией в Венгрии, реанимировавшей ощущение цивилизационной угрозы, притупившееся в условиях послесталинского первого издания разрядки.

Первое «британское» расширение (Великобритания, Ирландия, Дания) было связано со вторым витком разрядки, инициированным новой «восточной политикой» достаточно эмансипировавшейся Германии и соответственным этому обстоятельству поиском политических противовесов германскому влиянию со стороны Франции.

Второе и третье расширения (Греция, Испания, Португалия) в решающей степени были мотивированы необходимостью консолидации прозападного выбора молодых демократий, испытывавших после падения диктатур серьезный кризис идентичности, а также имевших в своей политической системе весьма влиятельные коммунистические партии. Эти расширения заставили Европейские Сообщества фундаментально усилить структурные фонды, целью которых стала прямая поддержка экономического развития менее развитых новых членов.

«Белая книга» Жака Делора и Единый Европейский Акт (1986), приведшие к включению в систему базовых договоров Европейских Сообществ формализованного политического сотрудничества и переходу от концепции общего рынка к единому экономическому пространству, были порождены угрозой превращения европейского континента в объект ядерной конфронтации сверхдержав и окончательного лишения Западной Европы права политической субъектности, а также все возраставшим экономическим эгоизмом США после энергетического кризиса семидесятых годов и усиливающейся геоэкономической конкуренцией между ЕС, США и Японией[198].

Дополнение «второго экономического пакета» Ж. Делора идеей «общей внешней политики и политики безопасности» и начало процесса, приведшего к созданию «трехопорного» Европейского Союза, было напрямую связано с окончательной эмансипацией Германии в условиях завершения «холодной войны». ФРГ позволила себе проявить ряд инициатив, формально нарушавших процедуры Европейского Политического Сотрудничества и двусторонние соглашения с Францией (в том числе и по поводу процедуры германского объединения). Это спровоцировало желание надежно связать Германию Европой в условиях крушения биполярной системы и не допустить ренационализацию ее внешней политики.

Пожалуй, только третье, «скандинавско - альпийское» (Австрия, Швеция, Финляндия) расширение ЕС носило выраженный функциональный характер[199]. Хотя для «нейтралов» эпохи «холодной войны» присоединение к ЕС означало не только возможность влиять на законодательную базу единого экономического пространства, но и самоутверждение в качестве политических субъектов, способных делать выбор без оглядки на сверхдержавы и усиливать свой внешнеполитический ресурс посредством участия в общей внешней политике и политике безопасности ЕС.

Так называемые Европейские Договоры со странами ЦВЕ инициировались первоначально как альтернатива расширению ЕС. Формальным правом претендовать на вступление в него они стали только в октябре 1993 года. В этот момент наиболее острая фаза гражданской войны в Югославии, «горячие» конфликты на постсоветском пространстве и актуальная возможность гражданской войны в России сделали необходимым создание стабилизирующей интеграционной перспективы для стран Центральной и Восточной Европы, по аналогии с той, что была в свое время создана для Испании, Португалии и Греции.

Усердное и целенаправленное культивирование европейской идентичности, осуществляемое в Европейском Союзе, можно рассматривать как важный инструментальный способ предотвратить кризис данного постмодернистского проекта и реанимацию модернистских вариантов этнического самоутверждения в постбиполярной

Европе.

При этом обеспечение стабильности и безопасного внешнего и внутреннего контекста существования является важнейшим условием выживания интеграционного образования, которое оказалось перед лицом кардинального изменения подавляющего большинства факторов, определявших его развитие в предшествующую эпоху.

Современная Россия не в состоянии исполнить роль объединяющей угрозы, которую с успехом играл Советский Союз. Наша страна будет и впредь использоваться как альтернатива «Европе», как консолидирующий объект противопоставления, цивилизационный оппонент и возможный конкурент европейского интеграционного процесса. Но прежний уровень цивилизационной чужеродности и имманентной враждебности вряд ли достигим. Соответственно и в отношениях ЕС с США начинают проявляться не только экономическая конкуренция, но и существенные политические разногласия[200]. При этом по данному вопросу видны стратегические отличия между позициями как старых, так и вновь вступающих членов самого ЕС.

Германия полностью эмансипировалась от последствий поражения во второй мировой войне. Соответственно, европейская интеграция превращается для нее из инструмента эмансипации в средство максимизации собственного влияния на международную систему и процессы. В этом направлении трансформируется и поведение Германии как главного донора ЕС.

Разрыв в уровне социально-экономического развития между старыми и вновь вступившими в 2004 году членами ЕС и НАТО беспрецедентно велик. Проблематична и культурно – цивилизационная совместимость старых и новых членов ЕС. Особенно в условиях отсутствия объединяющей угрозы и подавления открытых конфликтов на территории европейского континента. Конкуренция между старыми и новыми реципиентами помощи также представляется чрезвычайно вероятной. Это не может не проявиться и в кризисе системы принятия решений, принципиально не измененном по сравнению с первоначальной «шестеркой». Проблема цивилизационной совместимости (особенно актуальная в связи с перспективой расширения ЕС в сторону Балкан и Турции) делает особенно острым вопрос о радикальной реформе системы принятия решений в ЕС[201].

Вновь вступившие страны решают проблемы своей безопасности (антироссийские, в основном, по своей природе) за счет членства в НАТО и опоры на США. Поэтому крайне маловероятно, что они смогут внести свой вклад в развитие консолидированной политики безопасности и обороны ЕС, в которой заинтересованы Франция и Германия, исторически составляющие ядро и являющиеся главным мотором европейской интеграции.

Таким образом, наряду с общей заинтересованностью участников интеграционного процесса в сохранении внутренней и внешней стабильности и благоприятного контекста для его развития исчезает консолидирующая интеграцию общая угроза, векторы новых угроз и интересов начинают существенно расходиться, а наднациональный механизм принятия решений испытывает серьезный перегрев. Данные обстоятельства влияют и на перспективы выработки и осуществления консолидированной политики по отношению к географическим соседям Европейского Союза и Североатлантического альянса, в том числе, северными и восточным.

Логическим следствием вышеуказанного является четко просматривающееся стремление отдельных стран или их группировок обеспечить за счет выдвижения соответствующих инициатив собственные интересы или укрепить свое влияние в значимых для них регионах. Наднациональные бюрократические структуры ЕС (Европейская комиссия, в первую очередь) в новых условиях существенно ограничены в поисках устраивающего всех общего знаменателя, что существенно снижает возможность выработки общесоюзной политики в отношении соседей, предполагающей масштабное финансирование из фондов ЕС.

Данная тенденция проявилась уже при выдвижении и реализации финской инициативы

«Северного измерения» Европейского Союза (1997). Эта инициатива была одобрена на союзном уровне лишь потому, что не предполагала создания новых финансовых инструментов в рамках бюджета ЕС. В реальном измерении «Северное измерение» оказалось всего лишь общеевропейским зонтиком для реализации проектов, которые в любом варианте были бы осуществлены в рамках программы ТАСИС или в которых просматривалась четкая заинтересованность конкретных стран – членов ЕС. В основном эти проекты касались энергетики и экологии. Надежды России на содействие в рамках «Северного измерения» модернизации ее транспортной и экономической инфраструктуры со стороны ЕС не оправдались[202]. При этом Финляндия сумела набрать «политические очки», представив себя региональным лидером, инициатором и проponentом программы, отражающей общие интересы стран региона, включая, в первую очередь, Россию.

Польская инициатива «Восточного измерения» ЕС, наиболее отчетливо сформулированная в документе «Польские предложения по поводу политики в отношении восточных соседей после расширения ЕС», который был опубликован в декабре 1992 года от имени МИДа РП, представляла, прежде всего, попытку со стороны Польши выступить покровителями и лоббистами интересов ее непосредственных восточных соседей: Украины, Белоруссии и Молдавии[203]. Конечной целью реализации данной инициативы должна была стать подготовка выше-указанных стран к вступлению в ЕС в отдаленной исторической перспективе. В отношении России подобная перспектива не предполагалась, но допускалась интенсификация взаимодействия с ЕС по региональным проблемам (Калининград, прежде всего) или по вопросам, где просматривается отчетливый общий интерес (энергетический диалог, безопасность, разработка концепции общего экономического пространства). При этом, в отличие от финского проекта, польская концепция предполагала создание новых финансовых инструментов в рамках бюджета ЕС.

В случае успеха данной инициативы Польша получала бы статус субрегионального лидера, ее эксперты занимали бы ключевые позиции в структурах, руководящих на уровне ЕС ее реализацией, произошла бы переориентация потоков финансовой помощи из европейских фондов в выгодном для Польши направлении.

Для России это означало бы дальнейшее снижение интереса ЕС к «Северному измерению», в котором, при всех оговорках, наша страна занимает центральное место, что станет еще ощутимей после вступления стран Балтии в ЕС. Был бы усилен цивилизационный и геополитический дрейф в сторону от России Украины, Белоруссии и Молдавии. С другой стороны, Россия могла бы рассчитывать на некоторое увеличение финансовой поддержки взаимовыгодных программ из структурных фондов ЕС.

Однако в нынешних условиях польская инициатива имела крайне мало шансов на успех. В ней была совершенно не заинтересована возглавляемая Францией группа южных стран – членов ЕС. Политическая мотивация, направленная на отрыв Украины, Белоруссии и Молдавии от России, проглядывает в словах и действиях ряда европейских политиков (в первую очередь следует упомянуть руководителя делегации Европарламента на переговорах с этими странами Яна Вирсму). Но ее явно недостаточно для того, чтобы существенно увеличивать затраты на осуществление подобной линии до завершения нынешнего расширения ЕС и появления четкого представления о его итогах и цене[204]. Нынешний состав европейской бюрократии также не заинтересован в дальнейшем усилении конкуренции за места в Брюсселе и переходе контроля за существенными финансовыми потоками к представителям новых стран–членов.

Лоббистом и проponentом самостоятельного «Восточного измерения» в нынешнем составе ЕС может быть только Германия. Она, как главный донор ЕС, несомненно заинтересована в том, чтобы деньги структурных фондов ЕС шли на Восток, в том числе и за пределы будущих границ Евросоюза. Но она ни в коем случае не будет рисковать своей солидарностью с Францией и постарается избежать в обозримой перспективе инициатив, которые могут вызвать негативную реакцию в Москве. Не соответствует германским

интересам и переход инициативы в проведении «восточной политики» ЕС к другим странам.

Исходя из изложенных обстоятельств можно объяснить позицию, которую заняла по данному вопросу Европейская комиссия. В 2003 году ею было выпущено два документа по изучаемой проблеме: «Расширенная Европа – соседство: новые рамки для отношений с нашими восточными и южными соседями» (март) и «Прокладывая путь для нового соседства» (июнь). Логика этих документов с наибольшей вероятностью и будет положена в основу консолидированной стратегии ЕС.

Ключевым элементом первого документа является, на наш взгляд, то, что Европейская комиссия рассматривает политику по отношению к западным странам СНГ в одном ключе со странами южного средиземноморья. Это вполне соответствует интересам Франции и ее союзников по «южной группировке» ЕС. При этом для балканских стран обозначается интеграционная перспектива, что больше соответствует германским интересам. Россия, Украина, Белоруссия и Молдавия рассматриваются в одном ряду и при этом впервые позитивно упоминаются интеграционные процессы на территории СНГ. Перспективой для этих стран обозначается возможность формирования общего экономического пространства и безвизового режима с ЕС. В качестве условия выдвигается трансформация политических и экономических систем в этих странах в соответствии со стандартами Европейского Союза[205].

Таким образом, можно говорить о том, что России и ее партнерам по СНГ предлагается принимать стандарты, не предполагая даже в отдаленной перспективе допустить к системе их формирования.

Второй документ определяет возможности создания финансового инструмента для проведения вышеобозначенной стратегии. До конца 2006 года не планируется создавать ничего нового, а лишь совершенствовать и адаптировать к новым реалиям старые программы. Из того, что предполагается делать, начиная с 2007 года, можно выделить только возможность использования структурных фондов ЕС для финансирования проектов за пределами ЕС, что, как мы отмечали, соответствует интересам Германии, но запрещается нынешним законодательством ЕС. При этом главный акцент делается на программах приграничного сотрудничества. Это отражает общекомунитарный интерес Европейского Союза, заключающийся в ослаблении демографического давления на его границы, вызываемого контрастом в уровне жизни и социального развития по ее разные стороны, необходимостью борьбы с нежелательной миграцией, контрабандой и распространением эпидемий.

Дискуссия о перспективах «Северного» и «Восточного» «измерений» несомненно будет продолжена. После получения восточноевропейскими странами доступа к системе принятия решений в ЕС усилятся лоббистские возможности его пропонентов. Но это не дает оснований прогнозировать радикальную трансформацию нынешней позиции Еврокомиссии. Открытый призыв министра иностранных дел Германии к польскому коллеге «поумерить аппетит» (ноябрь 2002 года), неудача с принятием Конституции ЕС в конце итальянского президентства и скандал, связанный со стремлением франко-германского тандема уменьшить количество голосов Польши и Испании (чистых реципиентов помощи в ЕС и политических союзников США по вопросу о войне в Ираке) в главном законодательном органе ЕС (декабрь 2003 года), показали, что в новых исторических условиях логика экономического эгоизма и стремление сохранить за собой контролирующую позицию в Евросоюзе станут в возрастающей степени определять поведение ведущих членов ЕС[206]. Это неизбежно будет влиять и на поведение самого интеграционного образования как консолидированной единицы.

Политической мотивацией для укрепления франко – германского тандема во все большей степени становится противостояние американской гегемонии в западном сообществе и основанному на ней курсу американской администрации. Крайне маловероятно, что на этой основе возможно создать соответствующий политический климат в отношениях с

восточноевропейскими странами – новыми членами ЕС, который мог бы стимулировать потребность в экономических уступках по отношению к ним со стороны Франции и Германии.

Для России также нежелательно «улучшать» и политически мотивировать свои отношения с ЕС и его ведущими членами на антиамериканской основе. Степень системной взаимозависимости в трансатлантическом сообществе, с одной стороны, и России с этим сообществом, с другой, таковы, что конъюнктурные выгоды от подобной тактики могут обернуться серьезными стратегическими потерями.

Соответственно, России также следует исходить из того, что серьезной политической мотивации для уступок со стороны ЕС в экономических отношениях с нашей страной в обозримой перспективе не будет, и логика его поведения будет определяться экономическим эгоизмом и естественной потребностью «переварить» нынешнее расширение. Это будет предполагать не только концентрацию ресурсов (выделяемых традиционными донорами с возрастающим нежеланием) на сближении старых и новых членов в уровне развития, но и серьезные трудности в выработке и осуществлении консолидированной политики в отношении соседей, предполагающей серьезные финансовые затраты[207].

Не взирая на риторику, ЕС будет проводить в отношении России стратегию Европы – крепости в таких принципиальных вопросах, как визовый режим и общие тарифные границы. Эта перспектива выглядит наиболее естественным общим знаменателем, объединяющим интересы всех стран – членов ЕС в обозримом будущем. Усиление переговорных позиций России по данным вопросам будет возможно только в условиях рывка в социально – экономическом развитии, который предстоит осуществлять при опоре на собственные ресурсы.

Это делает практически бессмысленной ставку на соответствие «общеевропейским стандартам» и требует выработать способы решения стоящих перед нашей страной задач, адекватные российским реалиям и учитывающие отсутствие у России стимулирующих интеграционных перспектив во взаимоотношениях с Европейским Союзом и НАТО. Создание общего, партнёрского международно-политического пространства с единой Европой будет целесообразно только при условии сохранения Россией суверенности в принятии решений в сфере социально-экономической политики и исключения ситуации, при которой данный проект будет использоваться для дальнейшего выкачивания ресурсов из нашей страны.

Итак, очередной раунд расширения ЕС и НАТО, в рамках которого с весны 2004 года полноправными членами Европейского Союза стали страны, непосредственно граничащие с Россией, Украиной и Беларусью и имеющие с ними традиционно тесные экономические и культурно-гуманитарные связи, ставит перед объединённой Европой вопрос о формировании политики в отношении восточных соседей. К этому подталкивает целый ряд факторов.

Во-первых, общая граница ЕС и европейских стран СНГ существенно удлиняется. Если до расширения с Союзом граничила только Россия по российско-финской границе, то после вступления в ЕС Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Венгрии и Словакии внешняя граница ЕС со странами СНГ протянулась от Балтийского почти до Черного моря. Это создает не только новые возможности для расширения взаимодействия и сотрудничества, но и новые вызовы для Европы. Экономически слабые, социально нестабильные государства СНГ рассматриваются в качестве естественных источников рисков мягкой безопасности – нелегальной миграции, распространения инфекционных заболеваний, трансграничной преступности. ЕС должен определиться с *modus operandi* своей политики по отношению к восточным соседям. Либо надо максимально отгородиться от «зоны хаоса», либо содействовать улучшению ситуации в европейских странах СНГ.

Во-вторых, новые страны-члены, по крайней мере, большинство из них, осознают перспективность и приоритетность отношений со своими восточными соседями и

стараятся лоббировать свою позицию в Брюсселе уже сейчас, формально еще не являясь членами ЕС. С одной стороны, их интерес определяется стремлением сохранить наработанные экономические и гуманитарные связи со своими восточными контрагентами. Очевидно, что со вступлением в ЕС не все отрасли экономики вновь принятых стран одновременно окажутся конкурентоспособными на общем рынке, а наиболее перспективные рынки сбыта лежат на востоке Европы. Кроме того, социально-экономическая стабильность приграничных регионов новых членов Евросоюза, как правило, в значительной степени зависит от трансграничного сотрудничества с восточными соседями. Это применимо и к северо-востоку Польши, и к западным районам Литвы, и к северо-востоку Эстонии. Наконец, только при сохранении тесных связей и с Востоком, и с Западом Европы, новые страны-члены смогут реализовать свой посреднический потенциал, в том числе и в плане близости культур и отсутствия языкового барьера. Таким образом, новое дыхание обретает тезис о ЦВЕ как мосте между Востоком и Западом, отброшенный в силу политической конъюнктуры в середине 90-х годов прошлого века[208].

С другой стороны, страны-члены, особенно Польша и Литва, продвигая инициативы по сотрудничеству ЕС с Россией, имеют в виду возможные политические дивиденды в форме повышения их роли в общей внешней политике ЕС. Например, они уже сумели использовать калининградскую проблематику в своих внешнеполитических целях. Литва стала играть роль посредника между региональными властями Калининградской области и Брюсселем, в то время как Польша пыталась занять нишу связующего звена между Брюсселем и Москвой. Аналогичные задачи ставились и инициаторами Северного измерения, в значительной степени, направленного на преодоление маргинализации географически периферийных регионов Европы, которые в системе концентрических кругов, имеющей центр гравитации в Брюсселе, оказываются в заведомо невыгодном положении.

В-третьих, российско-европейский переговорный процесс по калининградской проблематике выявил недостаточность опыта и каналов взаимодействия между Россией и ЕС. Кроме того, оптимальное решение многих проблем Калининграда (не только визовой) может быть найдено только после достижения договоренностей по более широкой повестке – к примеру, через создание общей российско-европейской безвизовой зоны и общеевропейского экономического пространства. Это вряд ли реализуемо без подключения к системе договоренностей и, как минимум, других европейских республик СНГ, учитывая наличие общего экономического и визового пространства между ними.

В-четвертых, результаты политики ЕС по отношению к Украине, Беларуси и Молдове оказались в целом неудовлетворительными. Отсутствуют эффективные каналы влияния на ситуацию в Беларуси, а страны ЕС зачастую либо просто не воспринимают РБ как независимое государство, либо реализуют конфронтационный путь и стремятся к ее политической изоляции. Молдова превратилась в беднейшее государство Европы. Не смог Евросоюз и эффективно способствовать преодолению политической нестабильности на Украине.

Понимание необходимости выработки новой политики по отношению к восточным странам-соседям проявилось еще в апреле 2002 г. Тогда на заседании Совета по общим вопросам и внешним связям ЕС состоялся обмен мнениями и была одобрена инициатива комиссара Хавьера Соланы о выработке во второй половине 2002 г. конкретных предложений о политике ЕС в отношении ее соседей, в первую очередь – восточных. В дальнейшем Совет неоднократно возвращался к обсуждению основ будущей восточной политики, подчеркивая особую значимость укрепления отношений с Украиной, Беларусью и Молдовой. Заинтересованным странам, в том числе кандидатам на членство в ЕС, было предложено представить свое видение Восточного измерения. В результате, 11 марта 2003г. вышло Сообщение КЕС Европейскому Совету и Европарламенту «Большая Европа – соседство: новый формат для отношений с нашими восточными и южными

соседями»[209]. Хотя в документе упоминаются не только восточные, но и южные соседи ЕС, основное внимание уделено европейским республикам СНГ, в то время как опыт Средиземноморского процесса рассматривается в качестве примера.

15. Контур «Восточного измерения»

Анализ Сообщения КЕС позволяет ответить на несколько вопросов, вызывающих особый интерес. Во-первых, будет ли включать новая политика соседства ЕС по отношению к восточным странам Россию? Как эта политика будет сочетаться с уже достигнутым уровнем сотрудничества? Во-вторых, не станет ли новое Восточное измерение конкурентом Северного и не повторит ли его не во всем удачный опыт? И, в-третьих, будет ли инициатива «нового соседства» началом очередной волны вступления в ЕС, либо всего лишь расширенным форматом сотрудничества?

Хотя очевидно, что наибольший интерес ЕС вызывает необходимость интенсификации отношений с Украиной, Беларусью и Молдовой (объединенных коллективной аббревиатурой – «новые западные независимые государства»), Россия не исключена из инициативы. Более того, по многим вопросам внутривосточное развитие в России и российско-европейское сотрудничество ставятся в пример другим «западным» странам СНГ. Как отмечается в Сообщении, «развитие диалога ЕС/Россия и сотрудничество по политическим вопросам и вопросам безопасности, энергетике, окружающей среде, науке и технологиям в последние годы быстро укрепилось»[210], а по макроэкономическим параметрам Россия вообще оказалась на третьем месте среди всех стран-соседей ЕС, пропустив вперед лишь Израиль и Ливан. В пользу включения России в инициативу «Нового соседства» есть серьезные аргументы. Так, аналитики Центра восточных исследований (Варшава) считают, что отсутствие общего подхода ко всем странам-соседям может привести к доминированию в восточной политике ЕС отношений с Россией в силу разницы экономических потенциалов по сравнению с Беларусью или Украиной. Кроме того, экономические, политические и гуманитарные связи европейских стран СНГ очень сильны, а протекающие в этих странах процессы идентичны[211]. Однако, если сама необходимость включения России в Восточное измерение политики ЕС и не вызывает сомнения, то степень этого участия еще не определена. Очевидно, что с учетом территориальных и людских масштабов России ЕС вряд ли сможет в обозримой перспективе адекватно ее переварить. Не ясно, захочет ли этого и политическая элита в Москве. Ряд польских исследователей считают, что существует два сценария ограничения участия России в Восточном измерении – территориальный и функциональный. Согласно первому, в зону действия инициативы попадают Калининградская область и северо-западные регионы России. Согласно второму, России предоставляется особый статус в отношениях с ЕС в энергетической, политической сферах и по вопросам безопасности[212].

Как отмечается в Сообщении КЕС, «новая политика соседства станет только дополнительной подпоркой общего стратегического партнерства ЕС и России»[213] при сохранении уже налаженных механизмов взаимодействия.

Вряд ли можно говорить и о конкуренции нового Восточного измерения с Северным. С одной стороны, обе программы направлены на преодоление социально-экономической пропасти и разделительных линий в Европе. Кроме того, заинтересованные страны-участники Северного измерения являются активными участниками дискуссии по Восточному измерению. С другой стороны, последнее не ставит перед собой амбициозных политических целей – формирования пространства, на котором все стороны выступают полноправными партнерами, участвуют в создании общей политики и стремятся к созданию общей идентичности. Как отмечает П. Йоненниemi, «Восточное измерение не нацелено на создание региональной конфигурации со своей собственной динамикой, которая бы в свою очередь оказывала влияние на Союз в целом...Вместо

Восточного измерения более обоснованно, возможно, было бы говорить о политике соседства, главным образом, служащей интересам Польши и соседей, не являющихся членами...»[214]. Очевидно, что и в Брюсселе не готовы к новым слишком амбициозным внешнеполитическим инициативам. Не случайно в названии уже упомянутого Сообщения КЕС термин «измерение» отсутствует.

Политика соседства предполагает общие рамки, но дифференцированный подход, который ставит реализацию программ сотрудничества в зависимость от успехов восточных соседей в деле строительства рыночной экономики, институтов демократии и прав человека. Естественно, что речь идет о нормах и стандартах, которые уже приняты в ЕС. Таким образом, восточные соседи рассматриваются как объекты политики ЕС, а не равноправные партнеры. Другими словами, политика соседства предполагает распространение «правильной» идентичности ЕС на сопредельные территории, а не синтез новой общей идентичности. Аналитики польского Центра Восточных исследований видят задачу восточной политики ЕС в «продвижении политических и экономических стандартов, принятых в ЕС и его законодательстве»[215]. Такой подход был успешно реализован в отношении стран-кандидатов, однако его перспективы для политики по отношению к России или даже Украине (несмотря на провозглашенный ими европейский выбор) выглядят весьма сомнительными.

Естественно, предлагая восточным соседям воспринять традиции рыночной экономики и демократии по европейскому образцу, ЕС должен предложить и какие-то побуждающие стимулы, и механизмы, компенсирующие все трудности и издержки. Представляется, что наиболее эффективным средством может стать перспектива членства в ЕС. К примеру, авторы польского доклада «Новое соседство – новая ассоциация. Украина и Европейский Союз в начале 21 века» считают, что «Евросоюз должен поддержать усилия Украины по подписанию соглашения об ассоциированном членстве. Такое соглашение должно содержать возможность, неопределенную во времени, но явно признающую перспективу будущего членства Украины в ЕС»[216]. Одним из основных аргументов в пользу предоставления пусть призрачной перспективы членства в ЕС является поддержка проевропейских политических сил в соответствующих странах. Впрочем, а priori подразумевается, что Россия не претендует на членство в ЕС.

Правда, в Сообщении КЕС о долгосрочной перспективе речи не идет, а в среднесрочной перспективе России, Украине, Молдове и Беларуси предлагается ощутить широкий набор преимуществ от привилегированного сотрудничества с ЕС и без формального членства. Сообщение КЕС предлагает следующий набор «адаптационных» инициатив:

- Содействие в развитии внутренних рынков; преференциальные торговые отношения и предоставление доступа на рынки ЕС;
- До настоящего времени рамочные документы, подписанные Евросоюзом со странами СНГ – Соглашения о партнерстве и сотрудничестве – в отличие от Договоров об ассоциированном членстве со странами Средиземноморья, не предоставляли преференциального статуса в торговле, лишь упоминая о возможности создания зоны свободной торговли в будущем;
- Инициативы в сфере миграции, включающие как упрощение выдачи долгосрочных виз и поощрение трудовой миграции, так и развитие малого трафика на приграничных территориях, и долгосрочную перспективу развития безвизового режима между ЕС и его восточными соседями;
- Сотрудничество в области предотвращения и борьбы с общими угрозами безопасности – терроризмом и транснациональной оргпреступностью, злоупотреблениями в таможенной и налоговой сферах, угрозами, связанными с использованием ядерной энергии, экологией, распространением инфекционных заболеваний;
- Более широкое политическое участие ЕС в предотвращении и разрешении конфликтов, предполагающее активизацию роли Союза в процессе урегулирования приднестровского конфликта (наряду с палестинским и западно-сахарским);

- Усилия в области прав человека, развитии культурного сотрудничества и взаимопонимания;
- Интеграция транспортных, энергетических и телекоммуникационных сетей, а также научного сообщества;
- Новые инструменты привлечения и защиты инвестиций; поддержка интеграции в глобальную торговую систему – в первую очередь в ВТО; финансовая поддержка, в большей степени отвечающая реальным нуждам реципиентов; содействие в привлечении финансирования международных финансовых организаций, таких как Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и Европейский инвестиционный банк (ЕИБ).

Признается, что недостаточная координация программ ФАРЕ, ТАСИС и ИНТЕРРЕГ создавала препятствия развитию трансграничного и субрегионального сотрудничества. Еврокомиссия согласилась рассмотреть возможность создания нового «Инструмента соседства», который объединил бы позитивный опыт реализации других программ поддержки внутри ЕС и сконцентрировался бы на развитии трансграничного сотрудничества, региональной и субрегиональной кооперации и устойчивого развития на восточных границах ЕС [217]. Кроме того, речь идет о возможности выделения грантовой помощи и бюджетной поддержки новым западным независимым государствам.

Имплементация предложенных мер поддержки будет осуществляться на дифференцированной основе исходя из конкретных, определенных индивидуально для каждой страны, промежуточных результатов, а не на основе общей оценки прогресса экономических реформ и демократических преобразований, как это было ранее. Основопологающим документом, определяющим цели и служащим для оценки результатов, должен стать среднесрочный план действий для каждой страны, возможно, дополненный и планом действий, носящим общерегиональный характер. Кроме того, КЕС выражает готовность изучить возможности для замены существующих Соглашений о партнерстве и сотрудничестве на Соглашения о соседстве с более широким набором целей и обязательств.

16. Восточное измерение и новые члены ЕС

Каково видение своего места во внешней политике ЕС у новых стран-членов? Как они будут влиять на формирование и реализацию новой линии Союза в отношении восточных соседей? Наибольший интерес в этой связи представляют позиции Польши как основного двигателя политики соседства, а также стран Балтии, отношения с которыми (в первую очередь, имеются в виду Латвия и Эстония) России далеки от окончательной стабилизации, несмотря на позитивный тренд последних нескольких лет.

Польша заинтересована в нахождении адекватной ниши в Общей внешней политике и политике безопасности ЕС (ОВПБ). Как сказал глава МИД Польши В. Чимошевич, Варшава «стремится взять на себя новую ответственность, что определенно принесет и новые возможности» [218]. Развернутое мнение Польши по поводу дискуссии о политике соседства было представлено польским внешнеполитическим ведомством в конце 2002 г. Особый интерес страна традиционно проявляет к развитию отношений с Украиной и Беларусью, которые «должны иметь перспективу отношений с ЕС на уровне и с интенсивностью, равной отношениям ЕС с Россией». Польская политика в 1990-е годы определялась геополитическим мышлением и была направлена на поддержку суверенитета Украины как необходимого условия противодействия возрождению империи на востоке. Элементы этой политики сохраняются и сейчас. В Варшаве осознают, что активизация польской внешней политики в рамках Восточного измерения ЕС может быть негативно воспринята в Москве, а это не является целью Варшавы [219].

С другой стороны, в Польше понимают все возрастающее значение России для ЕС, ее улучшившиеся отношения с НАТО и США, в то время как, к примеру, значение Украины

в международной политике имеет тенденцию к снижению. Поэтому в Варшаве бы не хотели, чтобы Восточное измерение сконцентрировалось бы в основном на России в ущерб отношениям с Украиной и Беларусью. Таким образом, современный уровень российско-европейских отношений в Польше находят вполне удовлетворительным, предлагая сконцентрироваться на нахождении практических решений в рамках договоренностей по Калининграду, а также выражая намерение присоединиться к диалогу в политической и энергетической сферах и выработке концепции общеевропейского экономического пространства.

Страны Балтии видят свое место в ЕС по-разному. Внешняя политика Литвы нацелена на капитализацию своих отношений с Россией в рамках ЕС и рассматривает Россию в числе своих первоочередных приоритетов. С избранием президента Роландаса Паксаса линия Литвы на повышение своего статуса в ЕС через сотрудничество с Россией активизировалась. Если раньше литовские внешнеполитические инициативы по России в основном ограничивались соседней Калининградской областью, то в настоящее время обретает очертания «Северо-западная инициатива», нацеленная на укрепление отношений с регионами Северо-запада России. Выступая перед послами Литвы в иностранных государствах, Р. Паксас отметил, что «необходимо использовать ситуацию, когда, с одной стороны, Литва хорошо знает своих соседей на востоке, а с другой, - имеет большой ценный опыт интеграции в ЕС и НАТО...Накоплены немалые наработки с центральной властью России, а также с властями Калининградской области Российской Федерации. Этот опыт необходимо перенести на сотрудничество с другими регионами, в первую очередь, с северо-западной Россией. Этот регион становится пространством особого взаимодействия ЕС и России»[220].

Чего ожидает Литва от инициативы ЕС по отношению к восточным странам? По мнению госсекретаря МИД Литвы Э. Игнатавичюса, «необходимы эффективные форматы сотрудничества, общие проекты и фонды для их осуществления». Очевидно, что собственных средств на осуществление программ сотрудничества с соседними странами у Литвы нет, а риск дискредитации новой инициативы по причине отсутствия денег весьма велик. Впрочем, зависимость от финансовых ресурсов из Брюсселя может привести к тому, что роль Литвы и Польши в реализации программы будет определяться формулой «тихого несогласия и громкого согласия» с решениями ЕС.

Развитие внутривосточной обстановки в Литве и последствия импичмента литовского президента, инициированного его политическими оппонентами, к сожалению, могут замедлить процесс формирования партнерских отношений между Россией и Литвой[221]. Озабоченность вызывает тот факт, что для решения внутривосточных задач некоторые политические силы в Литве вновь взяли на вооружение тезис об угрозе с Востока, а более конкретно – от российских спецслужб и русской мафии. Это свидетельствует о том, что приоритетность российского направления литовской внешней политики пока не стала элементом консенсуса различных политических сил (в отличие, скажем, от интеграции в НАТО и ЕС).

Эстония, так и не достигнув до настоящего времени желаемого прорыва на российском направлении, проводит по отношению к России линию, которая зачастую воспринимается как провокационная. В частности, одним из приоритетов Эстонии является оказание помощи Грузии (наряду с другими закавказскими и европейскими республиками СНГ) в строительстве ее вооруженных сил. С учетом многолетней напряженности в российско-грузинских отношениях и недавних внутривосточных потрясений в этой стране, такая политика вряд ли будет позитивно воспринята в Москве, хотя бывший министр обороны Эстонии Свен Миксер и выражал надежду на то, что «отношения с Россией достаточно прагматичны, чтобы сотрудничество Эстонии с Грузией не воспринималось как антироссийское».

Таллинн по-прежнему пытается строить отношения со своим непосредственным соседом через Брюссель: «С точки зрения безопасности Эстонии и ее экономического развития,

одним из существенных вопросов внешней политики и политики безопасности является развитие отношений Европейского Союза с Россией»[222].

Очевидно пассивную позицию по отношению к России занимает Латвия. Страна не инициировала конкретных предложений в рамках вновь формирующейся восточной политики ЕС и стабилизации двусторонних отношений с Россией. В Риге ожидают, что членство ЕС защитит Латвию от всех неблагоприятных для нее действий России.

17.Россия и Восточное измерение

События в Ираке несколько отвлекли внимание российского общественного мнения и политической элиты от взаимодействия с ЕС. Тем не менее, России предстоит определить свое отношение к новой восточной политике Союза. Представляется, что нашей стране необходимо тщательно взвесить все «про» и «контра» этой политики.

С одной стороны, инициатива ЕС содержит в себе целый ряд позитивных элементов. Во-первых, впервые идет речь о довольно серьезном пакете экономических мер содействия, в том числе доступе на рынки ЕС, финансовых инструментах, подключении России к инфраструктурным программам. Во-вторых, в рамках Восточного измерения смогут найти свое решение проблемы трансграничного сотрудничества и (без)визового режима. В-третьих, Россия заинтересована в стабилизации в государствах, являющихся транзитными артериями в экономических взаимоотношениях с ЕС, в первую очередь, в Украине. Полезным было бы распространение европейского опыта в сферах управления и бизнеса. Наконец, есть надежда, что в рамках общей внешней политики ЕС восточная политика отдельных стран Балтии станет более благоприятной по отношению к России.

С другой стороны, Восточное измерение несет целый ряд угроз российским интересам. Во-первых, Россия выступает в качестве объекта политики ЕС и ей предлагается стать импортером норм и стандартов в экономической и политической жизни, а не партнером по совместной выработке общих подходов. Это чрезвычайно сложно не только с экономической, но и с политической точки зрения для России, претендующей на самостоятельный статус в современной системе международных отношений и свободу рук во внутривосточной сфере, в частности, в решении чеченской проблемы. Во-вторых, реализация Восточного измерения предполагает расширение политического влияния ЕС в «новых западных независимых государствах», например, в урегулировании приднестровского конфликта, поддержке процессов демократизации в Беларуси и т.д. Как показала ситуация с провалом российского плана решения приднестровской проблемы, подходы России и ЕС по этим вопросам не обязательно совпадают. Небеспокойны опасения, что Восточное измерение может быть использовано для выдавливания России из стран СНГ. В-третьих, нельзя исключать ситуации, когда не в таком далеком будущем Украина, Молдова и Беларусь станут членами ЕС, в то время как Россия, в силу своих масштабов, не будет принята в ЕС никогда[223]. Это чревато целым рядом негативных последствий – потерями для российского бизнеса в этих странах, смертью проекта российско-белорусской интеграции, еще большей «эксклавизацией» Калининградской области.

Различная оценка баланса выгод и издержек от Восточного измерения создает два полюса мнений по поводу оптимальной российской линии. Либерально-проевропейское направление считает, что инициатива ЕС, если она будет принята, будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности и демократизации политической жизни России. На другом полюсе – сдержанная настороженность по отношению к проектам восточной политики ЕС. По мнению калининградского исследователя Г. Федорова, «концепция «прямого соседства» ЕС должна быть противопоставлена аналогичная концепция России и стран евразийского пространства. Она должна носить активный характер, отвечая экономическим интересам РФ, улучшению позиций страны в международном разделении труда»[224]. Речь идет об интеграции структур в рамках СНГ.

Представляется, что окончательные выводы можно будет сделать лишь после того, как сформируются основные контуры европейской политики соседства, станет ясным набор конкретных проектов и их финансовое обеспечение. Пока неизвестно, насколько существенные средства будут выделены на реализацию программы. Тем не менее, очевидно одно – противодействие реализации политики соседства в отношении Молдовы, Украины и Беларуси будет контрпродуктивным. Достаточно вспомнить результаты многолетнего противостояния расширению НАТО на восток. Правильнее было бы определить приемлемые формы участия, одновременно формируя свою логичную и последовательную линию в отношении европейских государств СНГ.

18. Варианты развития отношений России с основными акторами современных международных отношений в Европе

Общеизвестно, что на протяжении последнего десятилетия российская внешняя политика претерпела существенные изменения; особенно ощутимым был поворот, произошедший в середине 1990-х годов. На этом фоне нельзя, например, не обратить внимания на то, что в период после 1991г. отношения России с Европейским Экономическим Сообществом, а затем и с Европейским Союзом развивались достаточно ровно. Это было обусловлено несколькими обстоятельствами, среди которых следует отметить, прежде всего, отсутствие в деятельности и структурах ЕС (до самого последнего времени) военной составляющей, что очевидно способствовало укреплению доверия к этой организации со стороны России. Отсутствие же столь пристального внимания к весьма болезненной для России проблематике, связанной с правами человека (во всяком случае, до начала операции в Чечне в 1999г.), как, например, со стороны Совета Европы, также создавало весьма благоприятную атмосферу для углубления сотрудничества. Важным этапом развития отношений России с объединенной Европой стало заключение уже неоднократно упоминавшегося в данной работе Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Российской Федерацией, подписанного в 1994г. и вступившего в силу с 1 декабря 1997г.

Необходимо подчеркнуть, что именно страны ЕС, прежде всего Германия и Италия, на протяжении протяжение последнего десятилетия XX-го века являлись для России основными инвесторами, причём объём инвестиций из каждой из этих стран существенно превысил объём американских капиталовложений (впрочем, не следует забывать, что США выделяли средства России в основном не напрямую, а через международные финансовые организации, прежде всего МВФ и Всемирный Банк).

Правда, начиная с 1998г. кредитование России со стороны ЕС и отдельных стран-членов Евросоюза по известным причинам сведено практически на нет, масштабы негосударственных инвестиций также резко упали. Но теперь уже можно определённо утверждать, что и прекращение финансовой "помощи" пошло России на пользу, и бегство с российского рынка явно преобладавших на нём "портфельных" инвесторов лишь способствовало некоторому оздоровлению финансово-экономической ситуации в стране[2255]. Наметившиеся же в последнее время позитивные сдвиги в российской экономике открывают, наконец, неплохие перспективы для привлечения в страну инвесторов стратегических, прежде всего опять-таки из западноевропейских государств.

Влияло на отношение россиян к ЕС и НАТО, безусловно, и то обстоятельство, что Европейский Союз является одной из немногих влиятельных организаций, политика которых не определяется в решающей степени Соединёнными Штатами. Убеждение значительной части российского общества и политической элиты в том, что именно позиция США является одним из важнейших препятствий для полноценной интеграции России в сообщество высокоразвитых государств - убеждение, которое стало всё более крепнуть во второй половине 1990-х гг. - стало ещё одним стимулом для развития

отношений с Европейским Союзом, который многими в России рассматривался как потенциальный противовес Соединённым Штатам[226].

Неудивительно поэтому, что в середине 1990-х гг. в России, как в прессе, так и во властных структурах, всерьёз обсуждался вопрос о том, следует ли России подать заявку на вступление в ЕС и/или НАТО. О намерении присоединиться со временем к этой организации было даже заявлено Б.Н. Ельциным во время одного из его зарубежных визитов (впрочем, не вполне понятно, отражало ли это заявление временно возобладавшие в политическом руководстве страны настроения, личную позицию Ельцина, являлось ли оно своего рода сигналом, адресованным структурам ЕС и, в целом, западным партнерам России, призванным продемонстрировать её стремление к углублению интеграции в сообщество демократических государств, либо же стало всего лишь одной из многочисленных курьёзных оговорок первого Президента России)[227]. Однако довольно быстро стало очевидно, что, с одной стороны, реальных шансов для России претендовать на членство в этой весьма привлекательной организации практически нет (если даже вступление её в Совет Европы сопровождалось массой осложнений); с другой стороны, многие из требований, предъявляемых ЕС к своим членам и даже кандидатам на членство, оказались бы для России либо просто непосильными, либо явно не соответствующими её интересам.

Кроме того, членство в постепенно федерализирующемся Евросоюзе, как известно, уже сегодня подразумевает некоторое ограничение государственного суверенитета, что для России, где проблема обеспечения государственной целостности ещё на протяжении определённого времени будет оставаться в высшей степени актуальной, едва ли приемлемо, - ни общество, ни властные структуры к этому в обозримой перспективе не будут готовы. Но, тем не менее, отношения с Европейским Союзом всегда рассматривались в России как один из безусловных приоритетов внешней политики. После же избрания главой государства В. Путина западноевропейское направление российской внешней политики, кажется, вообще выходит на первый план, ибо отношения с США уже не рассматриваются (впервые за несколько последних десятилетий!) как приоритетные, имеющие исключительное значение, в будущее СНГ новое российское руководство, судя по всему, не верит, а активизация контактов со странами Азии всё же не свидетельствует о том, что государства Востока мыслятся новым президентом и его командой в качестве основных партнёров, - здесь, скорее, налицо стремление вернуть (хотя бы частично) утраченные в последние годы позиции в этом регионе, а также желание продемонстрировать разновекторность российской внешнеполитической активности[228]. В новой ситуации постановка вопроса о возможности создания в обозримом будущем зоны свободной торговли между Россией и ЕС (такая перспектива была намечена на встрече Президента Путина с руководством Евросоюза ещё в мае 2001г.) представляется вполне обоснованной.

В то же время одним из важнейших факторов, омрачающих отношения России с ЕС, является, как уже говорилось, сохраняющаяся и даже усиливающаяся в последние годы дискриминация российских производителей на рынке объединённой Европы. Конечно, практически никто в России не ожидал, что немедленно после либерализации внешнеэкономической деятельности в начале 1990-х гг. отечественным товарам будет предоставлен льготный режим в странах Европейского Союза - очевидно, что именно в поддержке собственных производителей, защите единого экономического пространства и заключался изначальный смысл создания ЕС. Однако введение против российских экспортёров, наряду с таможенной защитой западноевропейского рынка и прямым квотированием поставок некоторых товаров (прежде всего стали и текстиля), антидемпинговых процедур выглядит всё же абсолютно необоснованным. Напомним: о настоящем демпинге и, соответственно, о противодействии ему можно говорить лишь в тех случаях, когда мы имеем дело с поставками за рубеж товаров по заниженным ценам (в целях закрепления на иностранных рынках), причем нередко речь идёт о поддержке такой

политики экспортёров со стороны собственного государства. Очевидно, что в случае с российским экспортом ситуация имеет принципиально иной характер: причина исключительной - по западноевропейским меркам - дешевизны многих поставляемых из России товаров заключается отнюдь не в сознательном занижении цен, а в крайне низкой стоимости на внутреннем российском рынке многих видов сырья, электроэнергии и - особенно - рабочей силы (именно эти факторы позволили в своё время производителям из целого ряда государств Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и т.д. завоевать неплохие позиции на рынках экономически наиболее развитых стран, что стало одной из важнейших причин тех впечатляющих темпов экономического роста, которые были достигнуты в 1970-90-х гг. новыми индустриальными странами)[229].

Поэтому, на наш взгляд, сегодня важнейшей задачей российских властей является либерализация режима внешней торговли с наиболее развитыми в экономическом отношении странами, что делает необходимым обеспечение вступления страны во Всемирную Торговую Организацию. Впрочем, у россиян едва ли есть достаточные основания, позволяющие рассчитывать на быстрый успех в этом деле: памятная многим история многострадальной российской заявки на вступление в ВТО, которая всякий раз «случайно» оказывалась то неверно оформленной, то не в срок поданной, а то и просто потерянной где-то в коридорах этой организации, вполне наглядно демонстрирует, сколь серьёзное сопротивление предстоит преодолеть России. В настоящее же время, хотя со стороны ведущих западных лидеров декларируется готовность содействовать скорейшему вступлению Российской Федерации в ВТО, в ходе переговоров российскому правительству предъявляются (прежде всего именно странами ЕС, поскольку с США условия вступления России во Всемирную Торговую Организацию, судя по всему, в данный момент уже в основном согласованы) заведомо неприемлемые требования - практически полная либерализация российского таможенного законодательства как предварительное условие заключения соответствующих соглашений. Отметим, что в течение длительного времени мощное противодействие курсу на вступление России в ВТО оказывалось внутри страны, со стороны приверженцев протекционистского курса.

Однако после девальвации 1998г. аргументы в пользу сохранения или, тем более, ужесточения прежней протекционистской таможенной политики стали явно несостоятельными в условиях существенно заниженного курса рубля, который сам по себе обеспечивает эффективную защиту интересов российских товаропроизводителей на внутреннем рынке, а также является одним из важнейших факторов, стимулирующих экспорт. В то же время требования абсолютной либерализации тарифной политики и в этой ситуации представляются необоснованными; неудивительно, что нынешняя дискриминационная политика Евросоюза в отношении российских экспортёров оказывается особенно болезненной и вызывает со стороны России более резкие, чем прежде, протесты[230]. Кроме того, есть основания полагать, что продолжающееся укрепление российской национальной валюты (идушее, хотя и разными темпами, начиная с 1999г.) предопределяет возрастание сопротивления идее присоединения к ВТО со стороны отечественного бизнеса в том случае, если вопрос не будет решён в ближайшее время.

Очевидно, что перспективы отношений России с Европейским Союзом следует рассматривать с учётом предстоящего включения в состав ЕС новых членов из числа восточноевропейских государств. Однако становящаяся всё более определённой перспектива расширения ЕС на Восток пока не вызывает особого беспокойства в России, поскольку ни российское общество в целом, ни политическая элита не усматривают в этом процессе серьёзной угрозы российским национальным интересам; кроме того, для всех в России очевидно, что по меньшей мере необоснованно будут выглядеть протесты против вступления восточноевропейских государств в организацию, практически не имеющую военных функций (в отличие от Северо-Атлантического альянса, расширение которого на протяжении 1990-х гг. рассматривалось в качестве угрозы национальной

безопасности России, особенно после операции НАТО в Югославии; впрочем, события осени 2001г. стали началом принципиально новых отношений между блоком НАТО и РФ, хотя перспектива вступления России в НАТО всё равно представляется крайне маловероятной)[231]. Между тем, даже самый поверхностный анализ показывает, что последствия последнего расширения Евросоюза - во всяком случае, ближайшие - окажутся для Российской Федерации, по крайней мере, противоречивыми.

Безусловно, следствием расширения ЕС станет необходимость для государств Западной Европы инвестировать колоссальные средства в экономики новых государств-членов. Причём речь здесь может идти не только о прямых вложениях через бюджет ЕС (прежде всего - с использованием механизма т.н. структурных фондов, при помощи которого обеспечивается проведение политики выравнивания уровня социально-экономического развития европейских регионов; очевидно, что после расширения Европейского Союза именно восточноевропейские государства станут основными реципиентами соответствующих субсидий; более того, немалые средства уже выделены в последние годы в рамках специальной программы помощи странам ЦВЕ в подготовке к их вступлению в ЕС; в период 2000-2006 гг. на эти цели планируется израсходовать более 20 млрд евро)[232], но и о стимулировании правительствами западноевропейских стран и структурами Евросоюза частных инвестиций именно в государства Центральной и Восточной Европы. Это может негативно сказаться на перспективах притока западных капиталов в Россию, экономика которой, как известно, тоже нуждается в масштабных инвестициях. Конечно, сегодня, в условиях продолжающейся (хотя и в существенно меньших, чем прежде, масштабах) утечки российских капиталов из страны эта проблема может показаться несколько умозрительной, однако при развитии позитивных тенденций в российской экономике уже через несколько лет она способна оказаться в высшей степени актуальной.

Необходимо отметить также, что углубление экономической интеграции стран Западной Европы, с одной стороны, и ЦВЕ, с другой, вполне может повлечь за собой переориентацию некоторых наших традиционных партнёров в восточноевропейских государствах, с которыми существуют отлаженные связи ещё со времён Совета экономической взаимопомощи (хотя события последнего десятилетия и нанесли по этому традиционному сотрудничеству серьёзный удар), с российского рынка на рынок западноевропейский. Этому же будет способствовать и практически предопределённый - в случае унификации экономического законодательства - переход целого ряда предприятий в новых странах ЕС в руки собственников из западноевропейских государств; впрочем, этот процесс уже сейчас развивается достаточно динамично[233]. Кроме того, распространение на страны ЦВЕ одной из директив Евросоюза, требующей обеспечить диверсификацию источников энергоснабжения государств-членов, может вынудить их искать альтернативы поставкам энергетических ресурсов из России; впрочем, есть основания надеяться на то, что данная проблема будет урегулирована в рамках переговоров Российской Федерации и ЕС ещё до его расширения.

Очевидно и то, что неизбежное - и уже начавшееся - ужесточение таможенной политики в восточноевропейских государствах, введение визового режима для граждан стран, не являющихся членами ЕС, и целый ряд других мероприятий, которые нынешние кандидаты на членство в Евросоюзе вынуждены будут осуществить либо уже начали осуществлять в соответствии с правилами, принятыми в этой организации, создадут немало новых проблем в их отношениях с Россией.

Дело в том, что в Европе получили развитие сложные динамические процессы, в ходе которых происходит формирование новой архитектуры европейской безопасности, дискуссии о которой продолжаются вот уже более десяти лет. Важной её частью является Организация Североатлантического договора. В этой связи возникает естественный интерес к тому, что представляет собой НАТО сегодня, как происходит ее адаптация к новым реалиям, когда отсутствует бывший противник, на какую роль претендует Альянс в

сфере обеспечения безопасности евроатлантического пространства.

Как уже отмечалось, созданный в своё время в том числе и для противостояния Советскому Союзу, Альянс не прекратил своего существования с распадом СССР и роспуском Организации Варшавского договора. Предпринимаются разнообразные инициативы по адаптации НАТО к современным реалиям. Суть и направленность этих усилий наиболее полно отражены в Стратегической концепции 1999 г. и в решениях Пражского саммита НАТО 2002г.

Согласно новой Стратегической концепции, НАТО призвана играть центральную роль в формирующейся системе евро-атлантической безопасности. Подтверждается приверженность развитию демократических институтов, мирному разрешению споров - в соответствии с Уставом ООН[234]. Признавая, что вероятность крупномасштабной агрессии против стран-участниц НАТО мала, разработчики концепции отмечали, что Альянс должен противостоять рискам, которые являются разнонаправленными и трудно предсказуемыми. К их числу, в частности, отнесены распространение ядерного, биологического и химического оружия, терроризм, диверсии и организованная преступность, нарушение потоков жизненно важных ресурсов, неконтролируемые перемещения значительных групп людей как следствие вооруженных конфликтов самого различного происхождения.

Важное место отводится предотвращению конфликтов и урегулированию кризисов, в том числе не исключается проведение операций, не подпадающих под статью 5 Вашингтонского договора, в которой, как известно, определен принцип коллективной обороны в случае агрессии против любого из участников Альянса. Под предлогом необходимости учета «глобального контекста» при обеспечении безопасности стран-участниц проводится идея о выходе за пределы традиционной зоны ответственности.

В решениях Пражского 2002 г. саммита НАТО детализированы положения Стратегической концепции об адаптации к новым угрозам и вызовам. В первую очередь, предусматривается качественное наращивание военного потенциала Альянса в свете современных требований, планируется создание сил реагирования, прежде всего, для проведения антитеррористических операций, в том числе на удаленных от зоны действия Альянса территориях. Значительному сокращению подлежит большое количество штабов самого различного уровня. Ожидается, что новая структура НАТО будет более стройной и эффективной, способной к быстрому развертыванию сил и действиям в обстановке, связанной с риском распространения ОМУ[235].

Необходимость формирования более гибкой военной структуры НАТО обусловлена стремлением преодолеть такой недостаток, как определенная громоздкость, которая затрудняет адекватное реагирование на динамичные изменения обстановки, необходимое при проведении миротворческих операций, противодействии терроризму и распространению ОМП. В целом все меры, предусмотренные пражскими решениями, направлены на закрепление ведущего положения Альянса в системе евроатлантической безопасности на длительную перспективу.

В процессе своей адаптации и трансформации НАТО рассчитывает преодолеть консерватизм, свойственный военным структурам, как в смысле внутреннего содержания, так и в отношениях с окружающим миром. Реализация замыслов и планов осложняется появлением новых проблем. В значительной мере они обуславливаются неоднозначным влиянием процесса расширения Альянса, различиями в политической культуре и в уровнях военных потенциалов, поиском оптимальных отношений между НАТО и ЕС, в частности, его военной составляющей.

К настоящему времени просматриваются две тенденции в развитии НАТО, связанные с её расширением. Первая из них идёт по линии количественного роста государств-членов в ходе своеобразного «состязания» с Европейским Союзом. Вторая же тенденция носит характер геополитической экспансии, проявляясь в выходе альянса за пределы традиционной зоны ответственности[236].

На том же саммите в НАТО были приглашены, как известно, семь стран, включая три балтийские (Латвия, Литва, Эстония). В принципе, расширение военно-политического союза ведёт не к устранению разделительных линий эпохи конфронтации, а к их переносу на восток - непосредственно к российским границам. Не следует забывать, что НАТО остаётся классическим военным союзом с соответствующими функциями и ресурсами. Поэтому, даже учитывая, что сегодня Альянс адаптируется с учётом новых реалий в сфере безопасности, нельзя не видеть, что интеграция стран Балтии может иметь негативные последствия для обеспечения безопасности России. Это связано, прежде всего, с выполнением ими обязательств по возможному размещению натовского потенциала усиления, что предполагает заблаговременное создание инфраструктуры для развертывания войск. Появляются также дополнительные возможности для организации контроля и наблюдения за прилегающей российской территорией[237].

Таким образом, возникает необходимость гармонизации интересов в сфере обеспечения безопасности с учетом российских озабоченностей, появившихся в связи с изменениями, произошедшими в результате расширения Альянса. Это, в первую очередь, эффективное использование международно-правовых инструментов, гарантирующих безопасность России. Здесь важна приверженность новых членов союза положениям и обязательствам, изложенным в основополагающем Акте Россия-НАТО 1997г. и Римской декларации «Россия-НАТО: Новое качество» 2002г. Среди них: обязательства воздерживаться от размещения ядерного оружия и существенных боевых сил на своих территориях, и, как следствие, необходимость стать участниками Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), являющегося краеугольным камнем системы европейской безопасности[238]. Важной формой отношений, учитывая новый контекст, является созданный в мае 2002 г. Совет Россия-НАТО, который призван развивать сотрудничество в процессе противодействия новым вызовам и угрозам и обеспечивать разрешение возникающих проблем путем поиска взаимоприемлемых подходов и создания атмосферы доверия, сочетающийся с существующими мерами контроля над вооружениями.

Что касается декларированной возможности выхода НАТО за пределы традиционной зоны ответственности, то это зачастую мотивируется тем, что сегодня угрозы безопасности во многом носят внеевропейский характер. В результате перед НАТО встаёт проблема взаимодействия с другими международными институтами, действующими в сфере безопасности. Альянсу предстоит встраиваться в формирующееся сообщество по обеспечению международной безопасности, соблюдая правовые нормы и признавая особую роль Совета Безопасности ООН.

Расширение НАТО также влечёт за собой появление целого спектра проблем, возникающих вследствие различий в экономическом и политическом развитии, в уровнях и качестве военных потенциалов, в подходах к роли и месту ООН. Высказываются опасения, что расширение Альянса чревато потерей оперативности при принятии решений и снижением управляемости структуры в целом[239].

В ходе иракского кризиса явственно проявились различия между союзниками в отношении критериев целесообразности применения военной силы. Руководство ряда государств склонялось к необходимости соблюдения норм международного права, признания приоритетной роли Совета Безопасности ООН. Не все было гладко и при получении США согласия Турции на использование ее территории в интересах проведения антииракской операции. Можно также отметить, что избранная Вашингтоном и его союзниками по коалиции политика применения военной силы в обход Совета Безопасности ООН не нашла сколь-нибудь значительной поддержки населения во многих европейских странах, включая те, руководство которых высказалось в поддержку военных действий против Ирака.

Сохраняется определенная напряженность в области взаимоотношений между НАТО и ЕС. Декларация об отношениях между ними, принятая вскоре после Пражского

саммита, заложила основы их взаимодействия. Использование ресурсов НАТО Евросоюзом позволяет последнему сократить расходы и оптимизировать структуру совокупного военного потенциала, использовать накопленный Альянсом опыт планирования различных операций. Однако обеим организациям предстоит еще решить целый комплекс концептуальных и практических проблем, тем более, что продолжает обсуждаться идея создания Европейским Союзом независимых от НАТО сил[240].

Одной из проблем, существующих в НАТО, также является значительный технологический разрыв в оснащении оружием и техникой вооруженных сил стран-участниц. По оценкам западных аналитиков, кроме США лишь Великобритания и Франция, в той или иной степени, располагают силами и средствами, необходимыми для ведения боевых действий в современных условиях. Многие страны-участницы НАТО, в частности, из числа новичков, не могут позволить себе увеличения военных бюджетов, не поставив под угрозу решение имеющихся социально - экономических проблем.

Соответственно на вооружение армий этих стран не поступает новейшая военная техника. Выход здесь видится, с одной стороны, в модернизации имеющейся техники и оружия, и доведения их до натовских стандартов, а с другой - в движении по пути специализации национальных армий. Так, одни планируют сосредоточить усилия в сфере защиты от ОМУ, другие - в создании сил для проведения отдельных видов специальных операций, третьи - в укреплении военно-медицинских подразделений и т.д.

Решения Пражского саммита также направлены на преодоление существующего технологического разрыва, но практическая реализация принятой военно-технической программы требует тесной координации, достижения консенсуса по ряду военно-стратегических проблем, выделения значительных финансовых средств[241].

Представляется, что Альянсу следовало бы критически посмотреть на результаты миротворческих операций в Боснии и Герцеговине, Косово. Нельзя сказать, что ситуация там не изменилась в лучшую сторону, но по-прежнему остаются не устраненными глубинные причины конфликтов. В Косово сербское население практически выдвинуто за пределы края, в Боснии и Герцеговине так и не создана действенная общегосударственная система управления. С большими сложностями НАТО, видимо, столкнется и при проведении операции в Афганистане, в особенности в случае переноса военных действий на провинции этой страны.

Эти нерешенные проблемы свидетельствуют о целесообразности использования при кризисном урегулировании более широкого спектра средств и методов, помимо чисто военных. Дальнейшая логика рассуждения приводит к мысли, что едва ли можно найти сейчас более удобную площадку для разрешения кризисных ситуаций, нежели ООН, располагающую политическими, экономическими и гуманитарными возможностями и обладающую способностью их комплексного применения. Сегодня много говорится о недостаточной эффективности этой универсальной международной организации[242]. Однако, очевидно, что этот недостаток преодолим в процессе совершенствования (реформирования) механизма ООН.

Для России очень важна направленность НАТО на трансформацию. Её ориентация на поиск ответов на новые угрозы и вызовы в сочетании с уважением международного права, несомненно, будет способствовать расширению сотрудничества России с Альянсом. Россия и НАТО во многом одинаково оценивают свои потребности в сфере обеспечения безопасности. Все основные направления трансформации Североатлантического союза переключаются с базовыми областями сотрудничества, указанными в Римской декларации. Представляется, что адаптацию военных потенциалов России и НАТО к современным реалиям можно рассматривать как важный элемент отхода от военных схем периода холодной войны.

Широкомасштабная работа по развитию российско-натовских отношений осуществляется сегодня Советом «Россия-НАТО», который представляет собой вполне жизнеспособную модель международного сотрудничества. Россия и страны-участницы

НАТО взаимодействуют как равные партнеры в своих национальных качествах[243]. В итоге на наших глазах отрабатывается механизм поддержания неконфронтационных отношений, который способствует достижению долгосрочной цели обеспечения стабильного и прочного мира на евроатлантическом пространстве.

Вместе с тем оказывается, что совокупный процесс расширения ЕС и НАТО на Восток способен повлечь за собой массу опять-таки неприятных для России последствий, которые приобретут характер реальной угрозы жизненным интересам РФ в том случае, если в более или менее отдалённой перспективе будет переведён в практическую плоскость вопрос о возможности вступления в ЕС государств, образовавшихся на постсоветском пространстве (за исключением, пожалуй, стран Балтии, отношения России с которыми, во-первых, находятся не на самом высоком уровне, а, во-вторых, их вступление в Евросоюз, как и интеграция в НАТО - рано или поздно - кажется практически предопределённым), ибо утрата соответствующих рынков и, в целом, возможности влияния на данные государства неизбежно приведёт к серьёзнейшим изменениям в геополитическом положении России[244]. Однако такое развитие событий представляется крайне маловероятным, особенно если принять во внимание, что именно перед Россией открывается перспектива создания зоны свободной торговли с Европейским Союзом.

Среди же более или менее позитивных для России результатов расширения ЕС и НАТО на Восток, пожалуй, можно спрогнозировать лишь один, хотя и немаловажный. Есть все основания надеяться на то, что интеграция бывших советских сателлитов в Евросоюз и НАТО (как, кстати, и в иные международные институты) приведёт со временем к изменению общественных настроений в восточноевропейских государствах, исчезновению страха перед бывшим «старшим братом», перед ставшей давно уже сугубо мифической угрозой с Востока и, как следствие, к исчезновению той антироссийской доминанты в политике некоторых из этих государств, которая пока ещё прослеживается достаточно чётко, и к появлению возможностей для выстраивания полноценных, сбалансированных отношений между странами ЦВЕ и Российской Федерацией.

В заключение сформулируем основные факторы, способные, на наш взгляд, определить перспективы дальнейших отношений РФ, ЕС и НАТО:

- характер дальнейшего развития России, прежде всего экономического. Продолжение экономической деградации предопределяет неизбежный упадок интереса к ней со стороны структур Евросоюза и западноевропейских инвесторов; преодоление кризиса и переход к устойчивому экономическому росту столь же очевидно обеспечат России положение в высшей степени привлекательного партнёра и для западноевропейских государств, и для бывших союзников из Восточной Европы - новых членов ЕС;
- исход переговоров о вступлении России в ВТО, который, с одной стороны, сегодня в решающей степени зависит именно от позиции Евросоюза, с другой же стороны, безусловно, окажет существенное воздействие на характер эволюции торгово-экономических отношений Российской Федерации и Европейского Союза и на возможность создания зоны свободной торговли между ЕС и РФ;
- способность российского политического руководства сформулировать и в дальнейшем последовательно осуществлять продуманную и сбалансированную политику в отношении Европейского Союза и Североатлантического альянса, которые (особенно в условиях постепенного усиления политической, а в перспективе, возможно, и военной составляющей в деятельности ЕС) также объективно заинтересованы в прогрессирующих отношениях с Россией, сохраняющей серьёзный вес на международной арене, как факторе упрочения позиций этой организации;
- результативность политики, направленной на привлечение инвестиций из стран ЕС. Если эта политика окажется результативной, то, помимо очевидных экономических дивидендов, можно утверждать, что западные инвесторы (разумеется, стратегические, а не портфельные, как в середине 1990-х гг.) станут во многих отношениях лучшими,

наиболее эффективными защитниками российских интересов в своих странах; это, в свою очередь, способно стать существенным фактором, обеспечивающим изменение отношения к России в общественном мнении стран Евросоюза;

- характер и итоги сотрудничества России со структурами Евросоюза, НАТО и их государствами-членами в рамках формирующейся в настоящее время глобальной антитеррористической коалиции.

Европа вошла в XXI век тремя колоннами – интегрированная Западная Европа, жаждущая интегрироваться Центральная и Восточная Европа и до конца не выбравшая свой путь европейская часть бывшего СССР вкупе с несколькими балканскими государствами. Каждая из этих трех групп сейчас по-своему видит будущую единую Европу. Как она будет выглядеть на самом деле – в огромной, вернее, в решающей степени зависит от Европейского Союза и НАТО, а также России и США.

Отечественные и зарубежные экономисты, историки, юристы, политологи солидарно признают, что на сегодня ЕС – самая мощная и продвинутая региональная группировка мира. Она единственная имеет институты, наделенные законодательными, исполнительными и контрольными функциями (Совет, парламент, Комиссия), систему наднационального права, наконец, единую валюту. Именно Евросоюз определяет лицо «своей» части света, чего не скажешь о североамериканской НАФТА, азиатской АСЕАН, постсоветском СНГ и уж тем более трансконтинентальном АТЭС[245]. А раз так, то хочется задать себе простой до наивности вопрос: зачем Европе Европейский Союз и НАТО и какая от них будет польза через 10-20 лет?

За несколько последних лет слово «интеграция» незаметно превратилось из политологического термина в рядовую единицу современного, «актуального» русского языка. Вместе с «дистанционным обучением», «фундаментальными показателями», «транспарентностью» и «андеррайтерами». Частое употребление, правда, не столько прояснило, сколько затуманило смысл: интеграцией стало почти все, что раньше было объединением, участием, сотрудничеством. Сразу скажем: интеграция какой-либо страны в мировую экономику (например, вступление России в ВТО, развитие ее внешнеэкономических связей) и региональные интеграционные группировки – вещи разные, как по механизму, так и по целям.

Региональная межгосударственная интеграция держится на трех китах, которым соответствуют и три ее главные цели: укрепление позиций в мире, политическая стабильность внутри региона, экономический рост. В зависимости от специфики и «возраста» группировки приоритетность целей варьируется, но их набор обычно остается неизменным.

Региональная интеграция всегда сродни крепости, ее первейшее назначение – защищать своих от чужих. Даже для США аморфная с виду НАФТА служит действенным средством и обороны и наступления. В 1994 году Генри Альфред Киссинджер писал: «Система свободной торговли, охватывающая все Западное полушарие, первым шагом к созданию которой послужило Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), придаст обеим Америкам командную роль независимо ни от чего. Если на деле будут реализованы принципы Уругвайского раунда Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ)... Западное полушарие станет могучей составляющей глобального экономического роста. Если будут преобладать дискриминационные региональные группировки, Западное полушарие с его обширным рынком будет в состоянии успешно конкурировать с прочими региональными торговыми блоками; на деле НАФТА является наиболее эффективным средством предотвратить подобное состязание или выстоять в нем, коль скоро оно появится»[246]. Насчет командной роли обеих Америк теоретик «политического реализма», понятно, лукавил.

Для внутренней политической стабилизации интеграция полезна тем, что, став союзниками, государства-участники принимают кодекс добрососедства. В дальнейшем усиление хозяйственной взаимозависимости делает военные действия внутри группировки экономическим абсурдом. Кроме того, интеграция призвана выравнять межрегиональные различия в уровнях экономического развития и сглаживать перепады хозяйственной конъюнктуры, что также сужает базу для внутренних конфликтов. Многие региональные блоки имеют программы борьбы с наркотиками, продажей оружия и другими формами криминальной деятельности. При этом у каждой из них – своя политическая направленность интеграции. Руководители АСЕАН очень гордятся тем, что им удалось предотвратить этнические и социальные конфликты в регионе, где подавляющая часть населения живет в откровенной бедности, а разница в доходах огромна. Главная проблема для НАФТА – сотни тысяч мексиканцев, включая женщин на последних неделях беременности, ежегодно штурмующих пограничную Рио Гранде в надежде на достойные заработки и американское гражданство.

Экономическая полезность интеграции и вовсе очевидна. Во-первых, официально оформленный союз позволяет легально обходить правила ВТО и вводить ограничения в отношении третьих стран. Ни режим наибольшего благоприятствования, ни другие международные обязательства не мешают жизни интеграционного «острова свободы». Так, Евросоюз 40 лет поддерживает свое сельское хозяйство высокими пошлинами, импортными квотами и экспортными субсидиями. Благодаря им продукция европейских фермеров поставляется на внешние рынки по ценам ниже себестоимости[247]. И никаких антидемпинговых разбирательств. Кстати, США в срочном порядке начали создавать НАФТА, когда их всерьез беспокоили интеграционные успехи ЕС и АСЕАН.

Во-вторых, устранение таможенных барьеров в несколько раз увеличивает емкость внутреннего рынка, что важно как для небольших стран, так и для крупных (их корпорациям нужно место, чтобы развернуться). Национальные компании получают возможность продавать свои товары на всей территории союза и, значит, расширить производство до объемов, когда издержки на единицу продукции достигают минимума. Обычный эффект масштаба.

И, наконец, экономическая интеграция в любом ее проявлении (будь то зона свободной торговли, таможенный или валютный союз) является отличным способом запустить механизм естественного отбора. Предприятия, лишившись защиты местных властей, вступают в открытую конкуренцию с производителями из соседних стран; а с правительств снимается большая доля моральной ответственности за причиненные гражданам «неудобства»: банкротства, увольнения, сокращение государственных субсидий.

С другой стороны, за полвека (и особенно - за последнюю дюжину лет) европейская интеграция радикально изменила жизнь Старого Света. Создано величественное здание гармонии и взаимодействия между правительствами и народами десятков государств Европы. Уже сегодня их 27, скоро, возможно, станет 29. Членами Североатлантического альянса являются сейчас 26 стран. Интеграции доказала таким образом свою бесспорную жизненность и эффективность.

Однако ни Европейский Союз, ни НАТО не имеют ни малейших оснований для того, чтобы почтить на лаврах. Более того, чем дальше вперед уходит интеграция, тем больше проблем возникает перед её участниками. Причем вызовы европейской интеграции исходят и извне, и изнутри. По нашему мнению, главным внутренним вызовом является индивидуализация, её социальные и духовные последствия. Главный внешний вызов — глобализация, подвергающая европейскую интеграцию нелицеприятной объективной проверке.

Одним из главных принципов западноевропейской цивилизации является индивидуальная свобода. Однако свободная личность всегда была опутана паутиной иерархического общества. Семья, церковь, школа, шеф на рабочем месте, полиция, армия,

местные и центральные власти довели над личностью, ограничивали рамки её фактической свободы. Именно эти институты организовывали общественную жизнь, формировали национальные и европейскую культуры. Именно им Западная Европа обязана и крупнейшими достижениями, и величайшими несчастьями в своей истории.

Нам удалось выяснить, что одной из наиболее примечательных черт современной Европы является освобождение личности от каких бы то ни было иерархических пут, радикальное изменение отношения личности и общественных институтов. Верховенство личности превращается из абстракции в живую общественную практику. Это обеспечивает возможность беспрецедентного развития индивидуальных способностей в самых разнообразных областях. Но этот процесс имеет и обратную сторону: идёт быстрое обесценение и ослабление общественных институтов, которые в течение многих столетий были устоями западноевропейской цивилизации, а в последние полвека — и европейской интеграции. Особенно крупные последствия вызывает очевидное ослабление суверенных национальных государств.

Новое, либеральное общество рождает и новые инструменты социального действия: малые и средние предприятия, транснациональные корпорации, институциональных инвесторов, неправительственные организации. Окажутся ли они такими же эффективными, как те институты, которым они идут на смену? В частности, смогут ли они обеспечить дальнейшее развитие интеграции, главными движущими силами которой до сих пор были государства-нации? Как можно констатировать, в жизни основных действующих лиц системы международных отношений в Европе есть немало явлений, вызывающих сомнение в этом.

Во-первых, ЕС и Россия не имеют принципиальных разногласий в сфере безопасности. Россия и Европа имеют схожие внешнеполитические цели и интересы в этой области, связанные с необходимостью отражения новых вызовов, возникших по окончании биполярной эпохи, включая этнорелигиозные и территориальные конфликты, распространение оружия массового уничтожения, международный терроризм и другие трансграничные угрозы (организованная преступность, нелегальная иммиграция и наркотрафик и др.). И Россия, и ЕС заинтересованы в развитии согласованного сотрудничества международного сообщества на основе общепризнанных норм международного права и выступают против односторонности в решении важнейших проблем в международных отношениях. Поэтому расширение ЕС - в отличие от расширения НАТО - не представляет (по крайней мере, сейчас) для России прямую угрозу её интересам безопасности.

Во-вторых, одно из условий, которое выдвигал ЕС в переговорах со странами-кандидатами, - это преодоление «советского синдрома» и проявлений антироссийских настроений, нормализация отношений с Россией. Это требование особенно настоятельно звучало в отношении стран Балтии, нередко использовавших исторические обиды и претензии к СССР для оказания давления на руководство НАТО и ЕС.

В-третьих, приём новых членов из стран ЦВЕ, в том числе и стран Балтии, включение их в правовое пространство ЕС, может создать новый благоприятный формат для отношений между Россией и этими государствами. Странам ЦВЕ придётся подчинить не только свою экономику и законодательство, но и свои политические традиции нормам ЕС.

Обращаясь к общим выводам анализа некоторых позитивных для российских интересов моментов расширения европейской интеграции, необходимо подчеркнуть, что:

- во-первых, во многих странах-кандидатах на вступление в ЕС до сих пор сохранился традиционный спрос на российские товары, что позволит сохранить отдельные статьи российского экспорта, прежде всего, энергетические товары и транспортные средства, и экспортировать их уже на рынок ЕС;
- во-вторых, в рамках ЕС возникнет огромный единый европейский рынок, не разделённый таможенными барьерами. Национальные таможенные тарифы и

национальные таможенные кодексы стран-кандидатов будут заменены на единый внешний тариф и таможенные правила ЕС, кодифицированное применение которых более гибкое, чем у национальных тарифов стран-кандидатов;

- в-третьих, изменения претерпит торгово-политическое регулирование взаимных связей. В рамках европейского пространства появится единая правовая база регулирования торгово-экономических и финансовых операций, что обеспечит большую предсказуемость введения тех или иных ограничительных мер регулирования.
- в-четвертых, в рамках «Большой Европы» будут введены одинаковые стандарты и нормы оценки качества товаров.

С этой точки зрения, несмотря на все успехи интеграции, в Западной Европе немало трудностей. Процесс неуклонного усиления её позиций в мировой экономике приостановился. Уровень производительности, измеренный, скажем, величиной ВВП на душу населения, много ниже, чем в США, и в Японии. Безработица в странах Европейского Союза остается на неприемлемо высоком уровне, сдерживающем и нормальное экономическое развитие, и решение социальных проблем. Найдёт ли Европейский Союз достойный ответ на вызов глобализации? Этот вопрос пока остаётся открытым.

Что касается декларированной возможности выхода НАТО за пределы традиционной зоны ответственности, то это зачастую мотивируется тем, что сегодня угрозы безопасности во многом носят внеевропейский характер. В результате перед НАТО встаёт проблема взаимодействия с другими международными институтами, действующими в сфере безопасности. альянсу предстоит встраиваться в формирующееся сообщество по обеспечению международной безопасности, соблюдая правовые нормы и признавая особую роль Совета Безопасности ООН.

Расширение НАТО также влечёт за собой появление целого спектра проблем, возникающих вследствие различий в экономическом и политическом развитии, в уровнях и качестве военных потенциалов, в подходах к роли и месту ООН. Вполне обоснованы опасения, что расширение альянса чревато потерей оперативности при принятии решений и снижением управляемости структуры в целом.

В ходе последнего иракского кризиса явственно проявились различия между союзниками в отношении критериев целесообразности применения военной силы. Руководство ряда государств склонялось к необходимости соблюдения норм международного права, признания приоритетной роли Совета Безопасности ООН. Можно также отметить, что избранная Вашингтоном и его союзниками по коалиции политика применения военной силы в обход Совета Безопасности ООН не нашла сколь-нибудь значительной поддержки населения во многих европейских странах, и – тем более – в России, включая те, руководство которых высказалось в поддержку военных действий против Ирака.

Сохраняется определенная напряжённость в области взаимоотношений между НАТО и ЕС. Декларация об отношениях между ними, принятая вскоре после Пражского саммита 2002г., заложила формальные основы их взаимодействия. Использование ресурсов НАТО Евросоюзом позволяет последнему сократить расходы и оптимизировать структуру совокупного военного потенциала, использовать накопленный военным альянсом опыт планирования различных операций. Однако обеим организациям предстоит еще решить целый комплекс концептуальных и практических проблем, тем более, что продолжает обсуждаться идея создания Европейским Союзом независимых от НАТО вооружённых сил.

Отметим, что для России очень важна направленность НАТО на трансформацию. Её ориентация на поиск ответов на новые угрозы и вызовы в сочетании с уважением международного права, несомненно, будет способствовать расширению сотрудничества России с альянсом. Россия и НАТО во многом одинаково оценивают свои потребности в

сфере обеспечения безопасности. Все основные направления трансформации Североатлантического союза перекликаются с базовыми областями сотрудничества, указанными в декларациях последних встреч на высшем уровне. Представляется, что адаптацию военных потенциалов России и НАТО к современным реалиям можно рассматривать как важный элемент отхода от военных схем периода «холодной войны».

Кроме этого, широкомасштабная работа по развитию российско-натовских отношений осуществляется сегодня Советом «Россия-НАТО», который представляет собой вполне жизнеспособную модель международного сотрудничества. Россия и страны-участницы НАТО взаимодействуют как равные партнёры в своих суверенных национальных качествах. В итоге на наших глазах отрабатывается механизм поддержания неконфронтационных отношений, который способствует достижению долгосрочной цели обеспечения стабильного и прочного мира на евроатлантическом пространстве.

Тем временем, в Брюсселе озабочены этими и другими коренными вопросами будущего Европейского Союза, в первую очередь в свете продолжающегося расширения ЕС, а также НАТО. После многих лет замалчивания истинного масштаба грядущих перемен в Западной Европе заговорили, наконец, о реальном противоречии между углублением европейской интеграции и расширением собственно её институтов - Европейского Союза и НАТО.

Бывший председатель Европейской комиссии Ж. Делор, не подвергая сомнению неизбежность дальнейшего расширения, вместе с тем призвал найти способ избежать замедления темпов интеграции в западной, наиболее динамичной, экономически и политически продвинутой части союзов. За достаточно обтекаемыми формулировками выступлений Ж. Делора прослеживалась мысль о неизбежности «Европы двух скоростей»[248]. Пусть страны-кандидаты возможно более полно осваивают *acquis communautaire*, выходят на нынешний уровень интеграции. Но «твёрдое ядро» ЕС не должно стоять на месте, наиболее передовые государства-члены должны двигаться дальше, в том числе и по пути углубленной политической интеграции. Он не видит противоречия в том, что внутри широкой конфедерации европейских государств будет действовать сплочённая группа государств, связанных между собой федеративными узлами. По существу в том же направлении идут размышления двух других выдающихся европейцев — бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена и бывшего канцлера ФРГ Гельмута Шмидта. Они исходят из того, что в течение XXI века (самое позднее — во второй его половине) неоспоримое могущество США сойдёт на нет. Мир станет действительно многополярным, и Европейский Союз должен будет взять на себя адекватную его экономическому весу политическую ответственность. Пока он к этому совершенно не готов, поскольку не в состоянии проводить сильную общую внешнюю политику и политику безопасности. Будущая судьба стареющих европейских обществ прямо зависит от их воли к дальнейшей интеграции.

Жискар д'Эстен и Гельмут Шмидт, в частности, заявили: «Очевидно, что полная интеграция не является реалистичной целью для 30 стран, сильно отличающихся друг от друга по своим политическим традициям, культуре и уровню экономического развития. Попытки осуществить интеграцию такого числа стран могут привести лишь к полному провалу»[249]. По их мнению, расширив Европейский Союз, его следует оставить в том виде, в каком он существует сегодня (проведя, разумеется, необходимую институциональную реформу). В то же время некоторые государства—члены ЕС пойдут дальше, к полной интеграции. Круг участников этого проекта должен быть ограничен странами, имеющими необходимую для этого политическую волю и почти идентичные социально-экономические характеристики. Инициативу должны взять на себя государства—основатели ЕС. К ним могут присоединиться и некоторые другие государства-члены, входящие в настоящее время в зону евро. Единственным ограничителем их продвижения по пути дальнейшей интеграции будет безусловное соблюдение ими своих обязательств внутри более широкого Европейского Союза.

Таким образом, активно протекающий процесс расширения Западной Европы за счёт принятия в НАТО и ЕС новых членов из числа стран Центральной и Восточной Европы не вызывает однозначно положительной оценки, поскольку явных политических или экономических выгод не получает не только ни одна из сторон, то и «третьи» стороны, в том числе и Россия. Более того, европейские структуры становятся «рыхлыми», а на пространстве Европы растёт вероятность появления новых региональных группировок, которые в будущем могут дефрагментировать и НАТО, и ЕС.

Так или иначе, прогресс Европы всегда был конечным продуктом противоборств отдельных её частей. До Второй мировой войны это были уверенные государства-нации, затем — два антагонистически противоположных военно-политических блока. В конце 1980-х годов, с окончанием «холодной войны», в Европе произошел цивилизационный сдвиг. Возможности развития через противоборство исчезли. Европейцы были поставлены перед необходимостью научиться жить и развиваться по-новому, в атмосфере единства и сотрудничества.

Как ни странно, первая попытка создать идейную парадигму единой, «расширенной», Большой Европы была предпринята М.С. Горбачёвым, выдвинувшим идею «общего европейского дома». Эта идея провалилась, и по вполне понятным причинам. Единая Европа не может быть «облаком в штанах», сотканным лишь из благих пожеланий «пустой» и политической риторики[250]. Для того чтобы быть жизнеспособной и эффективной, единая Европа должна основываться на силе закона, адекватности общих институтов и действенности общей политики. Для того чтобы народы оказали доверие к проекту единой Европы, он должен быть направлен на резкое повышение международной конкурентоспособности европейской экономики, обеспечение прочной безопасности всех без исключения государств и достижение реального равенства граждан, к какому бы государству они ни принадлежали.

19. Сравнительный анализ взаимоотношений России и ЕС, России и НАТО

Нужно отметить, что процесс формирования механизмов сотрудничества России с Европейским союзом и НАТО во многом зависел как от реальных функций, возможностей данных структур, так и от представлений об этих институтах, сложившихся у российского руководства. Европейский союз воспринимался, и в значительной степени воспринимается в России до сих пор преимущественно как важный экономический партнер, сотрудничеству по вопросам политики и безопасности уделялось второстепенное внимание. Россия в большей степени занималась обсуждением и решением проблем региональной безопасности в рамках или совместно с другими многосторонними структурами, такими как ОБСЕ, НАТО, либо на двусторонней основе с отдельными европейскими государствами. Евросоюз, наоборот, преследовал в основном политические цели, довольно сдержанно относясь к торгово-экономическому сотрудничеству с Россией (примером может служить ситуация с предоставлением России статуса страны с рыночной экономикой). Для ЕС было важно заручиться поддержкой Москвы относительно своего расширения на Восток, получить одобрение планов, касающихся общей внешней политики и политики безопасности. Кроме того, уровень сотрудничества ЕС с Россией находился в определенной зависимости от характера изменений внутри страны. Чем больше был прогресс в экономической, политической сферах, в области законодательства, в вопросе прав человека, свободы СМИ и т.д., тем сильнее было выражено намерение Европейского союза углублять отношения с Москвой. И наоборот, события, в которых Евросоюз усматривал нарушение прав человека, ущемление независимости прессы, другие отступления от норм и принципов демократического государства, приводили к охлаждению отношений между сторонами. В этом смысле показателен пример Чечни. Начало первой чеченской кампании привело к задержке ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве некоторыми европейскими государствами. Вторая российская контртеррористическая операция в Чечне привела к

тому, что на Саммите в Хельсинки в декабре 1999г. Европейский совет принял решение о пересмотре принятой в июне 1999г. Общей стратегии ЕС по России. То есть в стратегических планах ЕС в отношении Российской Федерации важнейшей целью было способствовать таким преобразованиям внутри страны, которые бы привели к становлению России в качестве стабильного и предсказуемого партнера, не только в двусторонних отношениях, но и на международной арене, следующего общим с Европой принципам.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное в 1994г., зафиксировало тот формат диалога по политическим вопросам и вопросам безопасности, на который стороны были готовы к тому моменту времени. Однако за прошедшее после подписания СПС время Россия и ЕС существенно продвинулись в формировании механизмов сотрудничества, давно вышли за рамки, предусмотренные Соглашением. Поэтому раздел СПС, посвященный политическому диалогу, нуждается в пересмотре. Российское руководство не отрицает того, что Соглашение о партнерстве и сотрудничестве требует некоторого «омоложения». Так, министр иностранных дел РФ И.Иванов заявил о том, что есть смысл поговорить на эти темы с нашими европейскими коллегами и партнерами - например, на очередной встрече в верхах Россия-ЕС в мае 2003 года в Санкт-Петербурге[251]. Действительно, саммит Россия – ЕС, состоявшийся 31мая 2003г. в Санкт-Петербурге, в отличие от предыдущих встреч такого уровня, собрал руководителей всех стран-членов ЕС, а также стран - кандидатов. В совместном заявлении по итогам саммита говорится о решении укрепить существующий Совет сотрудничества в качестве «Постоянного совета партнерства». Он должен действовать в качестве координационно-распорядительного органа по всем вопросам двустороннего сотрудничества. Совет должен проводить свои заседания чаще и в различных форматах. При этом ему должна оказываться поддержка путем тщательной подготовки и политической координации с обеих сторон. Россия и ЕС признали необходимость оптимизации структуры политического диалога и согласились начать целенаправленную дискуссию по данному вопросу[252].

Еще до майского саммита некоторые эксперты предлагали учредить общую политическую структуру, способствующую сближению России и ЕС. Место существующих до сих пор регулярных полугодовых саммитов «Евросоюз — Россия» мог бы занять специально для этого созданный совет министров Евросоюза и России. На регулярных встречах этого совета участники могли бы вести обсуждение всего круга проблем, представляющих взаимный интерес. Решения, принятые советом министров, по одобрению их обеими сторонами-партнерами — ЕС и Россией — должны становиться для них обязывающими[253].

Российское руководство пыталось установить отношения с НАТО, соответствующие важной роли страны в европейских делах, дающие возможность влиять на решения, принимаемые альянсом, которые непосредственно затрагивают интересы России. Для Москвы было важно, чтобы сотрудничество между сторонами развивались на равноправной основе. Нужно отметить, что механизм собственно двусторонних отношений - Совместный постоянный совет был учрежден лишь в мае 1997г. Причем Россия и НАТО по-разному понимали предназначение данного органа. Россия видела в нем инструмент для практического сотрудничества, механизм для воздействия на решения Альянса по вопросам, вызывающим озабоченность: расширение Североатлантического союза на Восток, трансформация НАТО из военного блока в преимущественно политическую организацию, изменение концептуальных установок Альянса и т.д. НАТО видела в СПС прежде всего орган для консультаций, обмена информацией. По мнению некоторых экспертов, формат взаимодействия с НАТО как с единым целым существенно ухудшил российские позиции на переговорах с Альянсом по сравнению даже с таким форумом для консультаций по вопросам безопасности, как ССАС (позднее СЕАП), поскольку в рамках СПС российские представители имели дело не с представителями

индивидуальных членов и кандидатов в члены НАТО, а с заранее консолидированной позицией натовской верхушки, которая доводится до сведения России в готовом и не подлежащем модификации виде. Кроме того, в отличие от импровизированного характера ССАС, СПС изначально действовал в рамках жестко ограниченной компетенции, исключающей принятие решений которые накладывали бы какие бы то ни было ограничения на последующие действия сторон[254]. Основополагающий акт, которым и был учрежден Совместный постоянный совет, а также само создание механизма для диалога Россия – НАТО были восприняты Альянсом в качестве знака согласия на расширение Организации Североатлантического договора на Восток. Следует также заметить, что Основополагающий акт, являясь политическим, а не юридическим документом, сохранил сомнения Москвы в том, что все положения данного документа будут соблюдаться натовской стороной. Новый формат сотрудничества – Совет Россия - НАТО предполагает, что страны члены НАТО будут выступать на заседаниях в своем национальном качестве, а не единым фронтом. В этом смысле «Двадцатка» выглядит предпочтительнее предыдущего органа сотрудничества.

С формальной точки зрения, равноправное сотрудничество России с ЕС и НАТО возможно лишь в случае присоединения России к данным институтам. Российское руководство не ставит своей целью полноправное членство в какой либо из названных структур. Москва заинтересована в установлении таких форм отношений, которые бы позволяли России, находясь вне рамок формального членства, иметь влияние на принятие решений по важнейшим проблемам европейкой безопасности, непосредственно затрагивающим интересы страны, упрочить свою роль важного и ценного партнера. Поэтому полноценное сотрудничество России с Европейским союзом и НАТО в ближайшее время будет зависеть в первую очередь от политической воли сторон, искреннего желания совместно бороться с возникающими кризисами.

Отношение России к расширению ЕС, особенно в первой половине рассматриваемого периода было прямо противоположным российскому отношению к расширению НАТО. Отчасти это объясняется негативным опытом противостояния между странами - членами ОВД во главе с Советским Союзом и государствами - членами НАТО времен «холодной войны», и стереотипами, сложившимися у России по отношению к Европейскому союзу[255]. Поэтому российское руководство было более восприимчиво к доводам именно ЕС о том, что расширение этого объединения будет способствовать распространению зоны экономической, политической стабильности и безопасности на континенте. Аналогичные высказывания представителей НАТО вызывали совершенно другой эффект. Как уже отмечалось в предыдущей главе, присоединение стран Центральной и Восточной Европы, Прибалтики к ЕС рассматривалось рядом политиков и экспертов в качестве альтернативы вступления этих государств в НАТО. Отличается и характер озабоченностей России в связи с расширением двух институтов. Если в случае расширения ЕС российская сторона видела в основном вызовы экономического характера, то в продвижении НАТО на Восток усматривались воено-политические угрозы.

Расширение является источником новых проблем и для Европейского союза, и для НАТО. В результате увеличения количества государств-членов организаций могут возникнуть проблемы с эффективностью данных структур. Фактор присутствия в объединениях большого количества новых государств со своими особыми интересами порождает дополнительные трудности с согласованием и принятием решений. Не добавляет единства предложенное Д.Рамсфельдом деление Европы на «старую» - (Германия, Франция) и «новую» - (страны Центральной и Восточной Европы), после того, как представители «старой» части континента выступили против войны США в Ираке. Некоторые эксперты полагают, что не только расширение НАТО, но и расширение ЕС выгодно Соединенным Штатам, так как восточноевропейские страны могут выступить проводниками проамериканских настроений в Старом Свете. Хотя не все разделяют подобную точку зрения.

По мнению члена Европейской комиссии Гюнтера Верхойгена, ведающего расширением Евросоюза, восточные европейцы «ни в коем случае» не настроены более проамерикански, чем его нынешние члены, и поддержали США в Ираке лишь для того, чтобы не осложнять ратификацию своего приема в НАТО сенатом США[256]. Кроме того, у Франции и Германии есть серьезные рычаги влияния на новых членов Евросоюза, прежде всего экономические, в виде субсидий и инвестиций, от которых зависит дальнейшее благополучие стран-новичков. Поэтому представляется маловероятным, чтобы будущие государства-члены ЕС пошли на серьезную конфронтацию со своими странами - донорами.

Различное отношение было и к военно-политическим изменениям в Европейском союзе и НАТО. Российское руководство постоянно подчеркивало свою заинтересованность в трансформации Альянса из военного блока в политическую организацию, такой процесс снизил бы озабоченность России по поводу расширения Альянса, и усилил бы желание Москвы к сотрудничеству. Для чего натовской стороне необходимо принимать меры для сокращения обычных вооруженных сил и вооружений в Европе, принять обязательство о не размещении этих войск на территории новых государств-членов НАТО, пересмотреть отношение к силовым методам проведения антикризисных операций и т.д.

Следует также отметить, что в будущем России, вероятно, все чаще придется вести диалог с НАТО по проблемам, лежащим вне европейского региона. В связи с решением НАТО развивать свои возможности в сфере кризисного регулирования, быть готовой действовать за пределами своей традиционной сферы влияния в Европе, натовские силы будут все чаще оказываться вне зоны ответственности блока. 16 апреля 2003г. НАТО приняла решение участвовать в Международных силах безопасности в Кабуле, сейчас внутри НАТО идут дискуссии по поводу участия этой организации в иракских делах. Таким образом, может произойти «географическое» расширение повестки для Совета Россия-НАТО, тем более что, например, на недавнем заседании «Двадцатки» в Москве уже обсуждались особенности проведения миротворческих операций не только на Балканах, но и в Афганистане[52]. Можно предположить, например, что в случае кризиса в Средней Азии в будущем не исключены консультации по поводу взаимодействия не только между НАТО и Москвой, но и между НАТО и недавно образованной Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ), куда входит Россия. Согласно решениям, принятым странами-членами Договора о коллективной безопасности 28 апреля 2003г. в Душанбе, в рамках ОДКБ должны быть созданы Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-азиатского региона и до 1 января 2004г. - военно-штабной орган Организации [257].

Деятельность ЕС, направленная на укрепление собственной внешней политики и политики безопасности, рассматривалась в целом позитивно, в качестве одного из элементов развития европейской интеграции, как шаг к укреплению роли Евросоюза в качестве влиятельного международного игрока. Военно-политическое усиление ЕС не противоречит положению, зафиксированному в «Стратегии развития отношений РФ с ЕС на среднесрочную перспективу» об обеспечении европейской безопасности силами самих европейцев без изоляции от США и НАТО, но и без их монополизма на континенте. Расширение и военно-политическое укрепление ЕС – в комплексе могут повлиять на развитие сотрудничества России и ЕС в сфере кризисного реагирования. Расширение границ ЕС и их приближение к зонам нестабильности (Приднестровье, Закавказье, Северный Кавказ) в сочетании с увеличением антикризисного потенциала может активизировать деятельность Евросоюза по разрешению конфликтов, на территории своей периферии. Важно чтобы эти усилия согласовывались с российской стороной, учитывали ее интересы, в этой связи была бы целесообразна разработка сценариев совместных действий в конфликтных ситуациях.

Судя по выступлениям представителей России, ЕС и НАТО, принятым совместным документам, стороны заинтересованы в углублении своего сотрудничества в сфере безопасности. И России, и государствам-членам Европейского союза и НАТО необходима эффективно работающая система европейской безопасности, способная справляться существующими угрозами. Однако на протяжении исследуемого периода по ряду вопросов позиции России, ЕС и НАТО не совпадали. Россия долгое время делала ставку на ОБСЕ, как на организацию, которая должна играть ключевую роль в системе региональной безопасности. Однако, российская концепция европейской безопасности не нашла поддержки у западных партнеров, предпочитающих в конфликтных ситуациях больше полагаться не на ОБСЕ, а на НАТО и Европейский союз. Представляется маловероятным повышение роли ОБСЕ в разрешении кризисов в Европе, так как в настоящее время ведущими странами, в том числе и США, этой организации отводится второстепенная роль. Соединенные Штаты и их европейские союзники не отрицают того факта, что будучи самой представительной в регионе, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе вносит свой вклад в укрепление общественной, экономической и военно-политической безопасности. Тем не менее, как заявил посол США в России А.Вершбоу, подобно тому, как это происходит на рынке, каждая организация будет стремиться работать в тех областях, где она имеет относительное преимущество. По мнению Вершбоу, в случае с ОБСЕ важно понять, что ей предстоит играть основную роль за пределами Европы, а именно в Центральной Азии и в Кавказском регионе. В этих регионах существуют реальные проблемы, которые ОБСЕ могла бы помочь решить, в том числе и под руководством России, одновременно обеспечив там начальный прогресс интеграции, который в остальной Европе уже идет полным ходом. В Европе ОБСЕ может действовать на Балканах, так как в этом регионе ее миссия еще не завершена, кроме того, полезна деятельность организации в такой сфере, как защита прав национальных меньшинств[258]. Представляется, что после приема в НАТО и ЕС новых членов, ставка западных государств на эти расширенные структуры при решении вопросов европейской безопасности будет увеличиваться, а роль ОБСЕ в Европе станет еще менее значительной. В настоящее время отечественные дипломаты признают, что в 90-е годы в российской внешней политике доминировала концепция ОБСЕ-центризма, которая во многом была идеалистична, что было характерно для общих тенденций того романтического периода. В результате к ОБСЕ предъявлялись завышенные требования, соответствовать которым Организации было не под силу[259]. Сегодняшний подход основан на прагматизме. Такая позиция исходит из того, что система европейской безопасности включает в себя целый ряд международных организаций, ни одна из которых объективно не в состоянии в одиночку выполнить функцию основы архитектуры безопасности. Все они должны не конкурировать, а дополнять усилия друг друга, объективно учитывая собственные преимущества и возможности партнеров. Главным критерием этих отношений является принцип «добавочной стоимости» каждого института, действующего на европейском пространстве. В этом смысле ОБСЕ призвана играть важную партию в первом ряду скрипок общеевропейского оркестра международных организаций[260].

В тоже время, у России и некоторых ее европейских партнеров существуют близкие позиции по важнейшим проблемам международной безопасности, относительно устройства системы международных отношений. По мнению российского МИДа, новое мироустройство должно быть многополярным, отражая реальное существование в мире различных центров влияния. Сложившаяся ситуация требует серьезных усилий по гармонизации их интересов и выработки общей стратегии решения международных проблем, должна основываться на самом широком многостороннем сотрудничестве. Это предполагает необходимость тесной координации деятельности различных международных структур. Схематически это можно представить в виде пирамиды, вершиной которой является ООН и ее Совет Безопасности - орган, несущий главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Следующий

уровень - многочисленные региональные организации. Затем - плотная ткань двусторонних отношений. И, наконец, основа и своего рода цементирующий материал всей конструкции международных отношений - международное право[261]. По мнению И. Иванова, демократической модели мироустройства противостоит тенденция к построению однополярной системы, строящейся на логике силы и односторонних действий в обход ООН и международного права. Многие европейские государства также обеспокоены односторонностью действий США, их ставкой на силовое решение конфликтов. Прежде всего, это касается Франции и Германии. Примером может служить Совместное заявление России, Франции и ФРГ по Ираку (10 февраля 2003г.), а также саммит Россия – Франция – Германия, состоявшийся 11 апреля 2003г.

Российская сторона придала трехсторонним инициативам особое значение. Например, совместное заявление по Ираку, по мнению Президента РФ В.В. Путина является первой после Второй мировой войны попыткой урегулировать острый, серьезный международный вопрос, острый кризис во внеблоковом режиме. Такой документ — первый «кирпичик» в строительство того самого многополярного мира, о котором я говорил (В. Путин сказал о том, что если мы хотим, чтобы мир был более предсказуемым, более прогнозируемым, а значит более безопасным, он должен быть многополярным, и все участники международного общения должны придерживаться определенных правил, а именно — правил международного права)[262].

Саммит четырех европейских государств – Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга, состоявшийся 29 апреля 2003г., направленный на выработку инициатив по повышению военного потенциала ЕС, продемонстрировал заинтересованность данной группы стран в усилении роли Европейского союза в международных делах[263]. Так, Президент Франции Ж.Ширак на конференции после саммита отметил, что «для равновесия нужна сильная Европа наряду с сильными Соединенными Штатами». Он высказался также за «взаимодополняемость и взаимодействие между равными партнерами». Нужно отметить, что участники мини-саммита подчеркивали, что мероприятие и инициативы, принятые на нем, не направлены против США, НАТО, и не имеют целью расколоть европейское единство. По мнению канцлера ФРГ Г.Шредера, дело не в том, что в НАТО слишком много Америки. Там мало Европы. Такая ситуация и требует соответствующих изменений в европейской политике. Принятым в Брюсселе документом четыре страны хотели обратить внимание на эти проблемы, подчеркнув значение европейской оборонной политики. Кроме того, Европа видит себя партнером и другом США, что не исключает наличия собственной политики. С учетом того, что многие страны ЕС, включая крупнейшие и наиболее влиятельные, такие как Франция и Германия, имеют близкие с Россией позиции по важным вопросам, касающимся обеспечения международной безопасности, сотрудничество в данной сфере имеет неплохие перспективы. Тем не менее, нельзя забывать и о разногласиях внутри ЕС и НАТО, обострившихся в результате войны в Ираке, и о сохраняющейся для европейцев важности отношений с Соединенными Штатами. Поэтому российская политика должна быть выверенной, чтобы не вызывать у западных партнеров подозрений в антиамериканизме, подрыве трансатлантического и европейского единства.

Современная международная ситуация требует объединения усилий России, ЕС, НАТО для борьбы с угрозами европейской безопасности, главной из которых является, по определению А.Г.Арбатова – «супертерроризм», что означает «международный терроризм» плюс «оружие массового уничтожения». С явлением «супертерроризма» связаны еще несколько проблем — этнические и религиозные конфликты в Европе, трансграничная организованная преступность, незаконная эмиграция и контрабанда оружия и наркотиков[264].

Представляется, что эффективно бороться с терроризмом Россия может, взаимодействуя как с ЕС, так и с НАТО. Причем, такое сотрудничество может быть взаимодополняемым. Например, в случае с ЕС возможно углубление контактов на стыке двух его «опор»:

общей внешней и оборонной политики и сотрудничества в сфере внутренних дел и правосудия. Двусторонняя деятельность может включать в себя работу в области законодательства, международного права, то есть разработку и принятие соответствующих документов в рамках ООН, ОБСЕ, других международных институтов, адекватных существующей угрозе, исключающих применение двойных стандартов к тем или иным террористическим организациям, модернизацию национальной законодательной базы. Кроме того, это еще и обмен информацией, разработка спецслужбами совместных мер по противодействию международному терроризму. Сотрудничество с НАТО в борьбе с террористической угрозой для России может представлять интерес с точки зрения совместной деятельности военных, реформирования вооруженных сил таким образом, чтобы они были готовы к успешной борьбе с международным терроризмом, другими современными проблемами. В настоящее время вооруженные силы России необходимо модернизировать до уровня, позволяющего самостоятельно проводить антитеррористические мероприятия, а также эффективно взаимодействовать с европейскими военными, специальными подразделениями в осуществлении контртеррористических, миротворческих операций. В этом смысле опыт стран НАТО в реформировании своих вооруженных сил может быть полезным для России.

Плодотворным, ввиду общей заинтересованности, может стать взаимодействие России с Европейским союзом и НАТО в противодействии распространению оружия массового уничтожения. Так, по оценке министра обороны РФ С.Иванова, сотрудничество между Москвой и Альянсом в области борьбы с распространением оружия массового уничтожения и средств доставки развивается достаточно интенсивно и успешно. Он также подчеркнул, что итоги заседаний рабочей группы Россия - НАТО свидетельствуют о наличии большого потенциала для сотрудничества в этой области.

Европейские государства видят в России, обладающей большим арсеналом ОМУ, потенциальную угрозу его распространения, в частности, не исключают возможности попадания различных видов оружия массового уничтожения в руки террористических групп и режимов, обеспокоены условиями его хранения. Поэтому отдельные страны-члены ЕС, Европейский союз в целом оказывают помощь России в уничтожении и переработке запасов ОМУ. 17 декабря 1999г. в Брюсселе был принят План Совместных действий Совета Европейского союза, в котором говорится о том, что ЕС готов содействовать совместным действиям по снижению риска, и безопасному и надежному уничтожению ресурсов ОМУ в России. Данный документ учредил «Программу сотрудничества Европейского Союза по нераспространению и разоружению». Цель Программы – поддержать Российскую Федерацию в ее усилиях по контролю над вооружениями и разоружению, для чего:

- сотрудничать с Российской Федерацией в ее усилиях по безопасной и экологически обоснованной ликвидации и/или конверсии инфраструктуры и оборудования, связанного с ОМУ;
- обеспечить правую и операционную базу для активизации роли Европейского Союза в совместных действиях по снижению риска на территории Российской Федерации в форме совместных проектов;
- обеспечить соответствующую координацию программ и проектов в этой области на уровне Сообщества, государств-членов и на международном уровне[265].

Ряд проектов, предусмотренных Программой, уже реализуется. Так, 26 апреля 2003г. на специально созданном в этих целях объекте в поселке Горный Саратовской области, была осуществлена ликвидация суммарного количества в 400 тонн химического оружия – отравляющего газа иприта. В ближайших планах налаживание в Горном второй линии по уничтожению запасов отравляющего вещества – люизита. С учетом опыта работы в Горном планируется построить еще два мощных объекта химразоружения в Камбарке (Удмуртия) и Щучьем (Курганская область). Большую техническую и

финансовую помощь в сооружении объекта оказали Германия, Нидерланды, Финляндия и Евросоюз. По мнению российского МИДа, Горный стал настоящим символом европейского партнерства в ликвидации целого вида оружия массового уничтожения[266].

Следует отметить, что сотрудничество не исчерпывается только уничтожением ОМУ, существуют проекты по ликвидации обычных видов вооружений. 29 апреля 2003г. на заседании совместной рабочей группы российской стороне был представлен проект меморандума об оказании альянсом помощи РФ в утилизации противопехотных мин. Российские специалисты советуют расширить сотрудничество с НАТО и распространить его на другие боеприпасы[267].

Перспективным может стать военное сотрудничество России и ЕС, так как Россия и Евросоюз потенциально являются в военном отношении взаимодополняющими величинами в не меньшей мере, чем в экономической области[268]. Пока военная торговля России и ведущих стран ЕС очень незначительна. Одна из причин в том, что оборонно-промышленные комплексы России и ведущих европейских стран - Франции, Великобритании, ФРГ, Италии являются в гораздо большей мере конкурентами, чем партнерами в мировой торговле оружием, и довольно настороженно относятся к допуску иностранной военной техники на свой внутренний рынок как по коммерческим, так и по политическим соображениям. Тем не менее, существует ряд причин для углубления сотрудничества. Во-первых, российским и западноевропейским фирмам все труднее отдельно друг от друга соперничать на мировом рынке с США и набирающими силу новыми конкурентами из Азии. Во-вторых, экспоненциальный рост стоимости и сложности современных вооружений все труднее уместить в рамки национальных бюджетных и научно-технических возможностей. Евросоюз уже идет по пути кооперации в создании ряда систем оружия (например, "Еврофайтер"). Россия привлекает к сотрудничеству традиционных смежников из постсоветских стран, но средств оборонного заказа катастрофически не хватает собственно российским предприятиям (загрузка остается на уровне до 25% производственных мощностей, а для конструкторских бюро и институтов - гораздо ниже).

Единственный способ сохранить свои позиции как на мировых рынках оружия, так и в оснащении собственных армий - это военно-техническая и производственная кооперация России и крупнейших держав Западной Европы[269].

Действительно, взаимодополняющее и взаимовыгодное сотрудничество России и европейских партнеров возможно. Например, Россия может создавать лучшие в мире истребители (Су-27 и его модификации), тактические ракеты наземного и морского базирования, артиллерийские системы и бронетанковую технику, малые военные корабли. Западная Европа может дополнить их современной электроникой, информационными системами и средствами управления и связи, передовой базой обслуживания и ремонта и т.д. Отдельный опыт такой кооперации уже есть у России и Франции. В настоящее время Россия и Франция участвуют в осуществлении совместного проекта - создании учебно-тренировочного самолета «Миг-АТ». Россия и Франция также приступили к разработке нового самолета военного назначения пятого поколения[270]. Фирмой «Сухой» подписан ряд протоколов о намерениях, в том числе с французской авиационной фирмой «Dassault», европейской EADS, американской «Boeing». На сегодняшний день создана совместная рабочая группа. Объявлен тендер на создание определенных систем и узлов для нового истребителя. Согласно базовой позиции основными поставщиками комплектующих и различных систем для истребителя пятого поколения должны быть российские партнеры[271].

Россия и Европейский союз рассматривают возможность предоставления российской транспортной авиации силам быстрого реагирования ЕС. Такой шаг может компенсировать недостатки военной интеграции Евросоюза, связанные с отсутствием стратегической мобильности обеспечения корпуса быстрого развертывания (КБР) ЕС.

Тогда досягаемость КБР перекроет не только Балканы, но и всю Африку, Ближний и Средний Восток, а с использованием российских баз - Центральную и Южную Азию, Юго-Восточную Азию и Дальний Восток.

Сотрудничество Евросоюза с Россией способствовало бы устранению неразвитости военно-космического комплекса ЕС и зависимости в этой сфере от США. Военные операции в Косово, Афганистане и Ираке наглядно продемонстрировали, что без космических средств разведки, предупреждения, управления, связи, навигации и метеорологии невозможны подготовка и использование современных вооруженных сил, включая высокоточное оружие большой дальности.

Возможности России, при соответствующем финансировании, могут обеспечить потребности ЕС в космических носителях и космических аппаратах. Полученная прибыль могла бы быть направлена на исправление ситуации с финансированием космической военной группировки и наземной инфраструктуры управления. В настоящее время российское авиационно-космическое агентство и его отрасли существуют во многом благодаря запускам американских спутников и крайне зависят от этого сотрудничества (из европейских партнеров - есть небольшая кооперация с Францией, планы сотрудничества с Италией и другими странами). Поэтому военное партнерство с ЕС может повлечь резкое расширение на первом этапе программы обеспечения европейских спутников российскими космическими носителями, а в дальнейшем - более глубокую интеграцию по поддержанию, развитию, управлению и использованию военно-космических систем и спутников двойного назначения.

За последние годы в европейской оборонной индустрии осуществлена глубокая реконструкция и созданы ведущие мировые концерны в оборонной сфере, такие как BAE Systems, EADS и Thales. Создание этих предприятий вызвано необходимостью оптимизировать использование промышленных ресурсов и объединить технологический потенциал с целью совершенствования различных систем в сфере обороны. В частности, речь идет о наземных системах и морских платформах. Тем не менее, процесс объединения ресурсов европейских стран в сферах обороны и безопасности идет медленно. Шесть стран-членов Евросоюза (Франция, Германия, Великобритания, Италия, Испания и Швеция) уже согласились одобрить некоторые элементы совместной политики. Поставив свои подписи под письмом о намерениях, они тем самым договорились о координации своей политики в области обороны. Кроме того, четыре страны возложили задачу осуществления целого ряда оборонных проектов на OCCAR (Организация совместной кооперации по вооружениям, известная по французскому названию Organisation de Cooperation Conjointe en Matiere d'Armement (OCCAR), основана в 1995 году на основе инициатив Франции и Германии, позже в OCCAR вступили Великобритания и Италия. В настоящее время к компетенции OCCAR относится выполнение 14 совместных европейских проектов). Европейские страны, проанализировав опыт операций по поддержанию мира в Косово и Афганистане, признали, что Европа испытывает острую нехватку по многим ключевым направлениям оборонной сферы. В настоящее время вступила во вторую фазу реализация проекта «Европейский план действий» - ЕСАР (European Capability Action Plan - проект, осуществляемый в рамках концепции совместной политики ЕС в сфере безопасности и обороны). В рамках этой программы создаются центры совместных исследований, где в числе других изучаются также проблемы защиты от ядерной, бактериологической и химической угрозы. Могут быть выдвинуты другие инициативы, направленные на усиление эффективности и координации действий сухопутных сил, а также сил ВВС и ВМС европейских стран и США. Существуют планы по реализации проектов в сферах стратегического и тактического наблюдения, а также объединения основных мощностей правительств для управления кризисами и военными операциями. Для успешного осуществления всех этих проектов нужно устранить пробелы в законодательстве европейских стран. На протяжении последних лет объем капиталовложений стран Евросоюза в сферу военных

исследований и оборонных технологий значительно отстает от американского. Страны Евросоюза, вместе взятые, ежегодно тратят на эти цели лишь 40 миллиардов евро, в то время как США - 100 миллиардов долларов[66]. К тому же, европейские капиталовложения в эту сферу осуществляются разрозненными усилиями различных стран. Поэтому назрела необходимость объединить усилия в этой отрасли. Как в двусторонних заявлениях французских, немецких и английских правительств, так и в выводах оборонной комиссии Конвента о будущем Европы выражается поддержка идеи создания Европейского Агентства по вооружениям и стратегическим исследованиям. В рамках этого органа, который можно создать на основе существующих структур, станет возможной координация совместных проектов в оборонной сфере. Безусловно, это стало бы большим шагом вперед в развитии европейской оборонной индустрии. России следует внимательнее отнестись к развитию европейской военно-промышленной интеграции, искать пути к более активному вовлечению в эти процессы.

В интересах подключения страны к европейской военно-технической интеграции, Москва готова перевести часть продукции российской военной промышленности на стандарты НАТО. Так, по мнению заместителя председателя правительства РФ по вопросам промышленности Бориса Алешина, использование стандартов НАТО, откроет для России новые рынки для реализации своей продукции, так как стандарты НАТО основываются на международной системе стандартов качества. Переход нашей продукции на эти стандарты позволит России присутствовать везде[272].

Россия и НАТО приступили к согласованию конкретной программы по сотрудничеству в области противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД). В свое время президент России Владимир Путин представил свои предложения в данной области. Теперь, по словам генерального секретаря НАТО Д.Робертсона, эти предложения были внимательно рассмотрены, вместе с предложениями США и европейских стран, сведены вместе и на их основе сейчас согласовывается конкретная программа. Важно высказывание генерального секретаря Альянса о том, что странам НАТО не имеет смысла строить свою собственную ПРО, отдельно от России. Конечно, сотрудничество в области ПРО ТВД связано с определенными финансовыми затратами, тем не менее, каждая из стран заявила о готовности участвовать в финансировании этого проекта.

Возможности сотрудничества России и ЕС в кризисном регулировании, миротворческой деятельности во многом будут зависеть от того, как будут развиваться и соотноситься между собой два проекта - силы быстрого реагирования ЕС и силы быстрого реагирования НАТО. Например, по мнению ряда исследователей, разделение ролей между новыми вооруженными силами НАТО и ЕС может выглядеть следующим образом. Силы быстрого реагирования НАТО могли бы использоваться для решения задач, которые были бы в политическом плане слишком жесткими и слишком рискованными для Евросоюза; США могли бы возглавить ограниченную коалицию в начальной фазе интервенции, а вооруженные силы под командованием европейцев вступили бы в дело позже. Подобный сценарий исходит из опыта урегулирования конфликтов и нынешнего потенциала ЕС этой сфере. Если действительно будет осуществлен такой вариант разделения функций между Европейским союзом и НАТО, то для России это может означать во-первых, взаимодействие с силами Альянса и Евросоюза на разных этапах проведения антикризисных мероприятий, во вторых, сотрудничество в урегулировании конфликтов различной интенсивности (более острый конфликт – силы НАТО, конфликт меньшей интенсивности - силы ЕС).

Примечания:

1. Гумилёв, Л.Н. От Руси к России. – М.: Дрофа, 1999.
2. Там же.
3. Новиков, С.В., Манькин А.С., Дмитриева О.В. Всеобщая история. Справочник студента. – М.: Слово, 1999. – 640с.
4. Там же.
5. Рубинский, Ю.И. Европейская цивилизация между двумя тысячелетиями: Доклад № 58. - М. ИЕ РАН, 1999.
6. Рубинский, Ю.И. Европа XXI века: государство, политические ситемы, гражданское общество: Доклад № 67. – М. ИЕ РАН, 2000.
7. Гегель, Г. В. Ф. Философия истории / Г.В.Ф. Гегель. - М.: Изд-во «Наука», 1993. - 480с.
8. Европейская интеграция, большая гуманистическая Европа и культура / Под ред. Глухарева Л.И. – М., 1998.
9. Цит. по: Ключевский В.О. Собр. соч. в 9 тт. — Т.3. — М.: Мысль, 1988.— С. 10-11.
10. Европейская интеграция, большая гуманистическая Европа...
11. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция. Учебное пособие. – М.: Международные отношения, 2003. – 400с.
12. Там же.
13. Политика. Экономика. Право: Словарь-справочник. – Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 2003. – 396с.
14. Рогов, С. Переход к новым отношениям Россия-Запад: Научный доклад / Рогов С., Хантер Р. – М.: ИСК РАН, 2002.
15. Russia and the West. The 21st century Security Environment / Ed. by Arbatov A.G., Kaiser K. and Legvold R. - New York: East-West Institute, 1999.
16. Дилигенский, Г.Г. Хочет ли Россия дружить с Западом? / Дилигенский Г.Г. // МЭиМО, 2002. - №4.
17. Пушков, А. Россия в новом миропорядке: рядом с Западом или сама по себе? // Международная жизнь, 2000. - №10. – С. 33.
18. Быть или не быть Соединённым Штатам Европы? – М.: Комитет «РОЕ», 2003. – 48с.
19. Ленин, В.И. О лозунге «Соединённых Штатов Европы». – Полное собр. соч. Изд-е 5-е. – Т.26. – М.: Политиздат, 1973. – С.357-355.
20. Pankowski K. European Parliament and EU Institutions in the Polish Public Opinion. - Warsaw: Institute of Public Affairs, 2003. – 66р.
21. Всемирная история: Учебник для вузов / Под ред. Поляка Г.Б., Марковой А.Н. – М.: Юнити, 1999. – 496с.
22. Там же.
23. Шемятенков, В.Г. Указ соч.
24. Десять уроков Европы. – М.: Право, 1994. – 71с.
25. Там же.
26. Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией. – М.: Право, 1994. – 271с.
27. В настоящее время Программа сотрудничества ЕС и России финансируется в рамках программы Тасис (программа технической помощи странам СНГ). Российская Федерация получила самый большой объем финансирования проектов по программе Тасис на постсоветском пространстве – около половины всего бюджета программы. С момента запуска программы в 1991 году в 58 регионах России осуществлено свыше 1,500 проектов на общую сумму более 2,7 миллиардов евро. Деятельность Программы регулируется Соглашением о партнерстве и сотрудничестве ЕС и России (СПС), Регламентом Тасис №99/2000 от 29 декабря 1999г. и Стратегией деятельности ЕС в России 2002-2006 гг. Срок

- действия соглашения истекает в 2006 году. Европейская Комиссия разрабатывает новую концепцию дальнейшего развития программы сотрудничества ЕС и России.
28. Новиков, С.В., Манькин А.С., Дмитриева О.В. Всеобщая история. Справочник студента. – М.: Слово, 1999. – 640с.
29. Борко, Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. – М.: Деловая литература, 2003. – 464с.
30. Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией. – М.: Право, 1994. – 271с.
31. Постсоветские государства в Европе XXI века: Доклад № 57 / Шмелёв Н.П., Водошнянова Е.В., Кандель П.Е., Кудров В.М. - М. ИЕ РАН, 1999.
32. Первый год действия Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Российской Федерацией. Материалы международной конференции АЕВИС. – М. Интердиалект+, 1999. – 115с.
33. Там же.
34. Коллективная стратегия Европейского Союза в отношении России / <http://eur.ru/p_317.htm>; Стратегия развития отношений Российской Федерации с европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010гг.) / Открытое досье ДЭС МИД России.
35. Воронов, К. Европа и Россия после Балканской войны 1999 года: драматические уроки / Воронов К. // МЭиМО, 2000. - №4.
36. Алексеев, А.П. Россия в европейском политическом поле // Международная жизнь, 2001. - №4. – С. 22.
37. Каблова, Л.В. Правовые аспекты европейской интеграции: проблемы коммунитаризации в региональных составляющих Европейского Союза: Монография. – Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2000. – 102с.
38. «Северное измерение»: идея и реальность. - М.: Комитет «РОЕ», 2002. – 52с.
39. Шмелёв Н.П., Водошнянова Е.В., Кандель П.Е., Кудров В.М. Постсоветские государства в Европе XXI века: Доклад № 57. - М. ИЕ РАН, 1999.
40. Декларации глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО от 28 мая 2002 года // Заседание Совета «Россия-НАТО». Спецвыпуск информационного бюллетеня Департамента информации и печати МИД России. – М., 2002.
41. Иванов И. Расширение Евросоюза и интересы России // Экономист, 2001. - №3.
42. Воронов, К. Калининградская область во взаимоотношениях России и ЕС: медленный дрейф / К. Воронов // МЭиМО, 2005. - №3.
43. Басов А. «Чёрная дыра» у границ России // Гудок. – 9 января 2004. – С.7.
44. Глинкина, С. Накануне вступления в Евросоюз / Глинкина С. // Современная Европа, 2001. - №3.
45. Иванов И.Д. Европейский Союз: Структура, политика, взаимоотношения с Россией. - М.: Научная книга, 2001.
46. Ивашов Л.Г. В чём состоит геополитическая стратегия США-НАТО? / <http://www.iamik.ru/14387.html>
47. Как углубить сотрудничество России и Европейского Союза? Ежегодный доклад. - М.: Комитет «РОЕ», 2003. – 52.; Рогов С., Хантер Р. Переход к новым отношениям Россия-Запад: Научный доклад. – М.: ИСК РАН, 2002.
48. Меморандум о промышленном сотрудничестве в энергетическом секторе между Министерством топлива и энергетики Российской Федерации Европейской комиссией. Москва, 11 февраля 1999 г. // www.delrus.cec.eu.int/ru/p_327.htm
49. «Дорожная карта» по общему экономическому пространству. Утверждена 10 мая 2005 г. в Москве президентом России В. Путиным, премьер-министром Люксембурга Ж.-К. Юнкером, председателем Комиссии европейских сообществ Ж.М. Дуран-Баррозу и верховным представителем ЕС по внешней политике и безопасности Х. Соланой //

- www.kremlin.ru/interdocs/2005/05/10/1940_type72067_87994.shtml?type=72067.
50. Шестой обобщающий доклад по энергетическому диалогу Россия – ЕС // <http://journal.oilgaslaw.ru/free/report6-2005.shtml> - Нефть Газ Право. – 2005 - № 6 .
51. Михайлов, С. Вектор энергосбережения сместился в регионы и к конкретным компаниям / С. Михайлов // www.minprom.gov.ru/press/release/showNewsIssue?url=activity/inter/news/84) - Новости Минпромэнерго. – 2006. - 06.04.
52. Договор к Энергетической хартии // www.encharter.org.
53. Потёмкина, О.Ю. Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка: границы, содержание, механизмы: Монография. – М.: ИЕ РАН, АЕВИС, 2002.
54. Быховский С. Расширение ЕС / <http://www.aes.org.ru/show.php?doc=113&PHPSESSID=9eb323508f45e2c25064b78a08420eda>
55. General Report on the Activities of the European Union in 2003, - Brussels: The European Commission, 2004.
56. Там же.
57. Pankowski K. European Parliament and EU Institutions in the Polish Public Opinion. - Warsaw: Institute of Public Affairs, 2003. – 66p.
58. Kazmierkiewicz P. Turning Threats into Opportunities: Impact of the Expansion of Schengen Acquis on the New Borderlands. – Warsaw: Institute of Public Affairs, 2003. – 84p.
59. Там же.
60. Croft S., Redmond J., Wyn Rees G., Webber M. The enlargement of Europe. – Manchester: Manchester University Press, 1999. – 189p.
61. Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 472с.
62. Борко Ю.А. Что такое Европейский Союз? – М.: Интердиалект+, 2000. – 44с.
63. Strategia integracji i rozwoju // Rzeczpospolita. - 16.12.2003. – Р.3.
64. Кавешников Н.Ю. Институциональная реформа ЕС и Ниццкий договор: ответа или вопросы? Доклад № 87. – М.: ИЕ РАН, 2002.
65. Каблова Л.В. Правовые аспекты европейской интеграции: проблемы коммунитаризации в региональных составляющих Европейского Союза: Монография. – Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2000. – 102с.
66. Soveroski M. European Union Enlargement: Prospects and Potential Pitfalls Along the Way / Soveroski M. – Amsterdam: EIPA, 1999. – 9p.; Strategia integracji i rozwoju // Rzeczpospolita, 16.12.2003. – Р.3.
67. Великобритания не учитывается, поскольку относится к выражено атлантическим странам и выступает в роли сателлита США и участвует в формировании нового - атлантического - миропорядка.
68. Терентьев, А. Мироустройство начала XXI века: существуют ли альтернативы «американской империи»? / А. Терентьев // МЭиМО, 2004. - №10.
69. Чумаков В.А. Современные Североатлантические противоречия: общественно-политический аспект / Актуальные проблемы американистики. - Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2003. - С. 166-170.
70. Vozo F. Two strategies for Europe: De Gaulle, the United states, and the Atlantic alliance. – New York, 2001.
71. Тэвдой-Бурмули, А.И. Расширение ЕС и эволюция этнополитической ситуации в Европе / А.И. Тэвдой-Бурмули // МЭиМО, 2005. - №10.
72. Обичкина Е.О. Европейский проект Франции и место в нем России / <http://www.polit.spb.ra/art.php3?rab=120&id=11385>.
73. Чумаков В.А. Формирование объединённых вооружённых сил Евросоюза в свете позиций США и НАТО / Актуальные проблемы американистики. - Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 2001. - С. 296-302.
74. Гулливер и лилипуты // Newsweek. - №51-52, 2002. – Р. 34.

75. <http://www.podrobnosti.ua/power/2002/12/15/44163.htm>
76. Максимычев, И.Ф. Российско-германские отношения: формирование, состояние, перспективы, ДИЕ РАН, N38 / И.Ф. Максимычев. - М., 1997.
77. Бугров Р.В. Институционально-политическое развитие Европейского Союза: тенденции, закономерности, перспективы: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2002. – 25с.
78. Центры силы в современной системе международных отношений. Материалы международной конференции, 10 декабря 2003г. Под ред. В.С. Рыкина. ДИЕ РАН, № 141. - М., 2004.
79. «Kopenhaskie rozwiazanie». «Wprost», № 1047, 22 декабря 2002г.
80. Кузнецова, Е. НАТО. Тенденции к размыванию альянса / Е. Кузнецова // Международная жизнь, 2004. - №4-5. – С.83.
81. Карабешкин, Л. Восточное измерение политики ЕС и Россия // Восточное измерение Европейского Союза и Россия / Под ред. Ф. Казина, В. Кузнецова. СПб.: БИЦ, ЦИИП, 2004. С. 36 – 48.
82. <http://euro.pap.com.pl/>, http://europa.eu.int/index_en.htm
83. «Где пройдет новая граница Старого Света?» 16.12.2002. <http://www.vremya.ru/>
84. «Нужно ли создавать Соединенные Штаты Европы?», <http://www.wn.ni/fmance/news/11.09.2002/2.html>
85. «Железная леди» не верит в Соединенные Штаты Европы». По материалам «Таймс». http://www.rg.ra/Anons/arc_2002/0320/6.shtml
86. Цит. по: Ленин В.И. О лозунге «Соединённых Штатов Европы». – Полное собр. соч. Изд-е 5-е. – Т.26. – М.: Политиздат, 1973. – С.357-355.
87. Иванов П., Халоба Б. Россия-НАТО: европейская безопасность на рубеже столетий // МЭиМО, 2001. - №4; Примаков, Е.М. Разворот над Атлантикой / Примаков Е.М. // Международная жизнь, 2002. - №9. – С. 103-111.
88. Рашковский, Е. Европа: внутренний облик и глобально-историческая динамика / Е. Рашковский // МЭиМО, 2005. - №12.
89. Европейская интеграция. – М.: ИЕ РАН, 1996. – 106с.; Европейский Союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 472с.
90. The European Union beyond Amsterdam; new concepts of European integration / Ed. by Westlake M. – L., 1998.; The Foreign Policies of European Union Member States / Ed. by I. Manners & R.G. Whitman. – New York: Manchester University Press, 2000. – 284p.
91. Ткаченко С. Расширение ЕС и вопросы безопасности России / Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век. – М.: Московский Центр Карнеги, 2002. - С.71.
92. Fontaine P. A new idea for Europe. The Schuman declaration 1950-2000. - Luxembourg: Office for official publications of the European Communities, 2000. – 43p.
93. Рыхтик, М.И. Зачем нужно НАТО в XXI веке? / Рыхтик М.И. // Россия и НАТО после Балканского кризиса: Материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 2000. – С. 87-90.
94. Soveroski M. European Union Enlargement: Prospects and Potential Pitfalls Along the Way. – Amsterdam: EIPA, 1999. – 9p.
95. Антропов, В. Модель социальной защиты в странах ЕС / В. Антропов // МЭиМО, 2005. - №4.
96. Погорецкая, С. «Вечно вчерашние»: правый популизм и левый радикализм в Западной Европе / С. Погорецкая // МЭиМО, 2004. - №3.
97. Viber F. Europe simple, Europe strong: the future of European Governance / Viber F. – Cambridge, 2001.; Treaty establishing a Constitution for Europe. – Luxembourg: Office for Official publications of the European Communities, 2005. – 482p.

98. How the European Union works. A citizen's guide to the EU institutions. - Luxembourg: Office for official publications of the European Communities, 2003. – 46p.
99. Presidency Conclusions: Seville European Council Meeting 21 & 22 June, 2002. <http://ue.eu.int/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/72638.pdf>
100. Гужев Е. «Школа» интеграции // Интеграция. - №1-2(44), 2004.
101. Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский национализм в контексте европейской интеграции. Доклады ИЕ РАН, N 22 / А.И. Тэвдой-Бурмули. – М., 1996.
102. История европейской интеграции (1945-1994гг.). – М.: ИВИ РАН, 1995. – 308с.
103. Цит. по: Бургонов О.В. Международная интеграция – тенденции XXI века. – СПб., 1999.
104. The European Union beyond Amsterdam; new concepts of European integration / Ed. by Westlake M. – L., 1998.
105. Гавриков, Д. Европейский Союз как территория противоречий / Д. Гавриков // МЭМО, 2004. - №12.; Глинкина, С. Накануне вступления в Евросоюз / Глинкина С. // Современная Европа, 2001. - №3.
106. Заявление Совета Россия-НАТО от 28 мая 2002 года в Риме / <<http://www.mid.ru/79432569e70041fdc5/21e78f3382a82df643256bc7005c38fb?OpenDocument>>. Смирнов П.Е. НАТО: границы экспансии и степень солидарности союзников. Научный доклад. – М.: Институт США и Канады РАН, 2002. – 25с.
107. Совместное заявление комитетов Парламентской ассамблеи НАТО и постоянной делегации Государственной Думы России в Парламентской ассамблеи НАТО от 18.06.2004 / <<http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/8aa6d005cdf4b79432569e70041fdc5/432569d800223f34c3256eba002c9a52?OpenDocument>>.
108. Рекомендации Парламентских слушаний 27 июня 2000 года в Государственной Думе ФС РФ на тему: «О состоянии и перспективах отношений между Россией и НАТО» / <<http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/8aa6d005cdf4b79432569e70041fdc5/432569d800223f344325699c003b5f42?OpenDocument>>.
109. Из официальных правительственных материалов к прощальному визиту бывшего Генерального секретаря НАТО Дж. Робертсона в Москву осенью 2003г.
110. Рогов С., Хантер Р. Переход к новым отношениям Россия-Запад: Научный доклад. – М.: ИСК РАН, 2002.
111. Рыхтик М.И. Роль НАТО в XXI века / Международные отношения в XXI веке: новые действующие лица, институты и процессы. - Москва: МГИМО (У) МИД РФ, 2001. - С. 68-74.
112. Смирнов П.Е. Марс теснит Венеру. Перестройка союзнических интересов США // Международная жизнь, 2003. - №6. – С. 53-68.
113. Партнёрство в действии. - Брюссель: Бюро информации и прессы НАТО, 2001. – 23с.
114. Соглашение между Государственным Комитетом Российской Федерации по стандартизации и метрологии и Советом национальных директоров по каталогизации НАТО об участии Российской Федерации в системе каталогизации НАТО // Спецвыпуск информационного бюллетеня Департамента информации и печати МИД России. – М., 2002.
115. Россия – США – НАТО: динамика современных взаимоотношений и возможности преодоления кризиса доверия. Монография под общ. ред. О.А. Колобова. – Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2000. – 243с.
116. Лаврова, Е. НАТО не должен игнорировать Россию / Лаврова Е. // Единая Россия. – 5 апреля 2004. – С. 13.
117. Grabbe H. Enlarging of the EU Eastwards / Grabbe H., Hughes K. – London: The Royal Institute of International Affairs, 1998. – 130p.
118. Давыдова Р.И., Кочкина В.Г. Основы геополитики: Курс лекций. – Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 2001. – 224с.
119. Арбатова Н. Расширение ЕС: политические последствия для России // Международная

политика, 2003. - №1.

120. Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина, Председателя Европейского совета Х.М.Аснара, при содействии Генерального секретаря Совета ЕС/Высокого представителя по вопросам внешней политики и политики безопасности ЕС Х.Соланы, и Председателя Комиссии Европейских сообществ Р.Проди на Саммите «Россия – ЕС» (Москва, 29 мая 2002г.). <http://www.delrus.cec.eu.int/ru/images/pText_pict/312/sum51_rus.doc>

121. Воронов К. Пятое расширение ЕС: судьбоносный выбор // МЭиМО, 2002. - №9. – С. 59-69.

122. The Northern Dimension of the European Union – strengthening the regional approach to Russia. Position paper of the Confederation of Danish Industries. – Copenhagen: Dansk Industri, 2002. – 17p.

123. Чижов, В. Россия – ЕС. Стратегия партнёрства / В. Чижов // Международная жизнь, 2004. - №2. – С.23.

124. Европа после 11 сентября 2001 года: Сборник статей. - М.: Комитет «РОЕ», 2002. – 148с.

125. Беспалов С.В. Россия и расширяющийся Евросоюз: состояние и перспективы взаимоотношений / <<http://www.edc.spb.ru/conf2001/Bespalov.html>>.

126. Володин Л.Н., Новикова Т.А. Европа и Россия: современность и перспективы (научно-аналитический обзор публикаций Института Европы 1998-2002 гг.). – ДИЕ РАН, № 117. - М., 2003.

127. Документы саммитов ЕС-Россия. / <http://www.eur.ru/ru/p_308.htm>.

128. Как углубить сотрудничество России и Европейского Союза? Ежегодный доклад. - М.: Комитет «РОЕ», 2003. – 52.

129. Воронов, К. Калининградская область во взаимоотношениях России и ЕС: медленный дрейф / К. Воронов // МЭиМО, 2005. - №3.

130. Расширение ЕС: угроза или шанс для России? - М.: Комитет «РОЕ», 2002. – 56с.

131. Заявление Совета Россия-НАТО от 28 мая 2002 года в Риме / <<http://www.mid.ru/79432569e70041fdc5/21e78f3382a82df643256bc7005c38fb?OpenDocument>>.

132. Евробезопасность: есть ли в ней место для России?.. М.: Комитет «Россия в объединённой Европе», 2002. – 52с.

133. Европа после 11 сентября 2001 года: Сборник статей. - М.: Комитет «Россия в объединённой Европе», 2002. – 148с.

134. НАТО и Россия в глобальном гражданском обществе. Монография /Под. общ. ред. акад. О.А. Колобова. – М., Нижний Новгород, Арзамас: АГПИ, 2005. – 276с.

135. Робертсон, Дж. Ядро капитала составляют НАТО и Россия / Робертсон Дж. // Международная жизнь, 2003. - №1. – С. 47-51.

136. Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе. Монография. – Нижний Новгород: ННГУ, 1998. – 320с.

137. Глинский-Васильев Д. Политические ограничения НАТО и возможности России // МЭиМО, 2000. - №7.

138. Лукьянов Ф. Атлантика – океан проблем? Что разделяет, а что объединяет Европу и Америку // Европа, №11. – 2002.

139. По Лукьянову Ф.: из статьи Роберта Кагана (Фонд Карнеги) «Сила и слабость», опубликованной в “Policy Review”.

140. Материалы радио «Свобода»: < <http://www.svoboda.org/ll/usa/0403/ll.041903-1.asp>>

141. См. об этом подробнее: Чумаков В.А. Современные Североатлантические противоречия: общественно-политический аспект / Чумаков В.А. // Актуальные проблемы американистики. - Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2003. - С. 166-170.

142. Kaase M., Kohut A. Estranged Friends? The Transatlantic Consequences of Societal Change. – New York: The Bertelsmann Foundation Publishers, 1996. – 123p.

143. Североатлантический мезальянс: <<http://www.profil.orc.ru/archive/n323/text1.html>>
144. Лукьянов Ф. Указ. публ.
145. Основы права Европейского Союза: схемы и комментарии / Под ред. Кашкина С.Ю. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 137с.
146. US Allies in a Changing World / Ed. By B. Rubin & T.A. Keaney. – Portland: Frank Cass Publishers, 2001. – 294p.
147. Балуевский, Ю.Н. Российско-американские отношения. Новая модель / Балуевский Ю.Н. // Международная жизнь, 2002. - №8. – С. 48-58.
148. Статья XXIV ГАТТ/ВТО регламентирует процессы создания интеграционных группировок и является основным международно-правовым инструментом подписания соглашений в сфере региональной экономической интеграции.
149. The Impact of Enlargement on EU's Northern Dimension and External Relations. - The Finnish Institute of International Relations, 2002.
150. Иванов, И.Д. Европейский Союз: Структура, политика, взаимоотношения с Россией. Москва. «Научная книга», 2001г., стр.63.
151. До настоящего времени страны-кандидаты не предоставляли России торговых преференций. После вступления в ЕС новых членов на них должны распространиться все преференции Евросоюза в пользу России. Напротив, с присоединением в перспективе к ЕС Болгарии, Румынии, Мальты и Кипра, свидетельствующем о достаточно высоком развитии их экономик, преференции, ранее предоставляемые им Россией, должны быть отменены.
152. Региональные политические процессы свете моделей устойчивого развития: Информационный бюллетень НИЦ СЭНЭКС. – Нижний Новгород, 2005. – 122с.-
153. Следует подчеркнуть, что сейчас приграничные связи развиваются хаотично и не имеют четкой правовой базы. Подписанные соглашения о развитии приграничного сотрудничества зачастую противоречат конституционным нормам Российской Федерации.
154. Товар подпадает под действие льготного таможенного режима в ЕС, если в его стоимости свыше 60% приходится на комплектующие из ЕС.
155. Экспорт энергоносителей поддерживается отлаженной инфраструктурой и сетью трубопроводов, построенных в годы существования СЭВ и при участии специалистов из этих стран.
156. Стратегия развития отношений Российской Федерации с европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010гг.) / Открытое досье ДЭС МИД России.
157. World Investment Report. New York: UNCTAD, 2001.
158. Ibid.
159. Ibidem.
160. Россия и НАТО после Балканского кризиса: Материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 1999.
161. НАТО: наука и общество. – Брюссель: Отдел научных вопросов Комитета по проблемам современного общества НАТО, 2002. – 8с.
162. НАТО, Россия и Европейский Союз. – М.: Комитет «Россия в объединённой Европе», 2003. – 52с.
163. Рекомендации Парламентских слушаний 30 сентября 2002 года в Государственной Думе ФС РФ на тему: «Калининградская область: международный и геополитический аспекты национальной безопасности России» /
164. <<http://www.duma.gov.ru/search/kmpage/80200016/arc3/meropr/parlsl/11.html>>.
165. основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора от 27 мая 1997 года. – Брюссель: Бюро информации и прессы НАТО, 1998. – 11с.
166. Россия – США – НАТО: динамика современных взаимоотношений и возможности преодоления кризиса доверия. Монография под общ. ред. О.А. Колобова. – Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2000. – 243с.

167. Чумаков В.А. Современные Североатлантические противоречия: общественно-политический аспект / Актуальные проблемы американистики. - Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2003. - С. 166-170.
168. Козин В. Кремль и НАТО: перспективы взаимодействия // Международная жизнь, 2001. - №4. - С. 97.
169. Леушкин, Д.В. Особенности взаимоотношений России с Европейским Союзом и НАТО при разрешении проблем международной безопасности (1991 – 2003 гг.): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук / Леушкин Д.В. – Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2003. – 25с.
170. НАТО сегодня: упрочнение безопасности и стабильности для всех. - Брюссель: Бюро информации и прессы НАТО, 2002. – 40с.
171. Из личной беседы автора с Членом Коллегии, Директором Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России, Чрезвычайным и Полномочным Посланником А.В. Грушко летом 2003г.
172. Из выступления заслуженного деятеля науки России, академика О.А. Колобова на ежегодном международном научном семинаре «Актуальные проблемы американистики» зимой 2003г.
173. Грушко А.В. Россия – НАТО. «Двадцатка», кажется, заработала // Международная жизнь, 2002. - №7. – С.87-94.
174. Россия и НАТО после Балканского кризиса: Материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 1999.
175. Примаков Е.М. Разворот над Атлантикой // Международная жизнь, 2002. - №9. – С. 103-111.
176. Стамбульская 2002 года Хартия европейской безопасности // Заседание Совета «Россия-НАТО». Спецвыпуск информационного бюллетеня Департамента информации и печати МИД России. – М., 2002.
177. НАТО сегодня: упрочнение безопасности и стабильности для всех. - Брюссель: Бюро информации и прессы НАТО, 2002. – 40с.
178. Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина, Председателя Европейского совета Г. Верхофстадта, при содействии Генерального секретаря Совета/Высокого представителя по вопросам внешней политики и политики безопасности ЕС Х. Соланы, и Председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди на Саммите «ЕС – Россия» (Брюссель, 03 октября 2001г.). <http://www.delrus.ccc.eu.int/ru/images/pText_pict/313/sum41_rus.doc>
179. Из открытых аналитических материалов досье и архивов Правового Департамента, Департамента внешнеполитического планирования и Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России.
180. Европа после 11 сентября 2001 года: Сборник статей. - М.: Комитет «Россия в объединённой Европе», 2002. – 148с.
181. Из открытых справочных материалов Информационно-аналитического программного комплекса МИД России «Дипломат».
182. Заявление Совета Россия-НАТО от 28 мая 2002 года в Риме / <<http://www.mid.ru/79432569e70041fdc5/21e78f3382a82df643256bc7005c38fb?OpenDocument>>.
183. Грушко А.В. Россия – НАТО. «Двадцатка», кажется, заработала // Международная жизнь, 2002. - №7. – С.87-94.
184. Декларации глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО от 28 мая 2002 года // Заседание Совета «Россия-НАТО». Спецвыпуск информационного бюллетеня Департамента информации и печати МИД России. – М., 2002.
185. Декларации Пражской встречи НАТО на высшем уровне от 21 ноября 2002 года. – Москва: Информационное бюро НАТО при Посольстве Бельгии в России, 2002. – 10с.

186. Стамбульская 2002 года Хартия европейской безопасности / Заседание Совета «Россия-НАТО». Спецвыпуск информационного бюллетеня Департамента информации и печати МИД России. – М., 2002.
187. Алексеев, А.П. НАТО на путях трансформации / Алексеев А.П. // Современная Европа, 2003. - №1.
188. Декларации Пражской встречи НАТО на высшем уровне от 21 ноября 2002 года. – Москва: Информационное бюро НАТО при Посольстве Бельгии в России, 2002. – 10с.
189. Хохлышева, О.О. Разоружение, безопасность, миротворчество: глобальный масштаб / Хохлышева О.О. – Москва - Нижний Новгород: АВН РФ; ИСИ ННГУ, 2000. – 308с.
190. Чернов В. Договор об обычных вооружённых силах в Европе и безопасность России // Международная жизнь, 2002. - №5. – С. 26-32.
191. Декларации глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО от 28 мая 2002 года // Заседание Совета «Россия-НАТО». Спецвыпуск информационного бюллетеня Департамента информации и печати МИД России. – М., 2002.
192. Басов А. «Чёрная дыра» у границ России // Гудок. – 9 января 2004. – С.7.
193. Чернов, В. ДОВСЕ. Россия прошла свою часть пути / В. Чернов, А. Мазур // Международная жизнь, 2004. - №11-12. – С.141.
194. Кузнецов, Б.В. Перспективы восточного измерения европейского союза в контексте базовых исторических тенденций развития ЕС. Санкт-Петербург - Новгород Великий, 2004.
195. Восточное измерение Европейского Союза и Россия. – СПб: Балтийский исследовательский центр, 2004. – 150с.
196. Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 3. - М.: Наука, 1999. – 366с.
197. Браницкий А.Г., Каменская Г.В. История европейской интеграции: Учебное пособие. – М., Нижний Новгород: ИМЭМО РАН – ФМО ННГУ, 2003. – 234с.
198. European Union. - Luxembourg: Office for official publications of the European Communities, 1992. – 51p.
199. Treaty of Amsterdam: what has changed in Europe. - Luxembourg: Office for official publications of the European Communities, 2000. – 31p.
200. Sloan S.R. NATO, the European Union, and the Atlantic Community: the Transatlantic Bargain Reconsidered / Sloan S.R. – Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. – 287p.
201. The Foreign Policies of European Union Member States / Ed. by I. Manners & R.G. Whitman. – New York: Manchester University Press, 2000. – 284p.
202. The Impact of Enlargement on EU's Northern Dimension and External Relations. - The Finnish Institute of International Relations, 2002.
203. Кузнецов, Б.В. Указ. публ.
204. Йоенниemi, П. Россия и «Северное измерение» Европейского Союза: взаимодействие или столкновение цивилизаций? / Йоенниemi П., Сергунин А.А. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2003. – 452с.
205. Commission Report «Paving the way for a New Neighborhood Instrument», Brussels, xxx COM(2003)393 final, Communication from the Commission.
206. Гавриков, Д. Европейский Союз как территория противоречий / Д. Гавриков // МЭиМО, 2004. - №12.
207. Косачёв, К. Россия между европейским выбором и азиатским ростом / К. Косачёв // Международная жизнь, 2005. - №3-4. – С.42.
208. Karabeshkin L., Wellmann C. The Russian Domestic Debate on Kaliningrad . Integrity, Identity and Economy. Munster : LitVerlag, 2004. - 104p.
209. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours?. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Brussels, 11.3.2003, COM (2003) 104 final.
210. Ibid.

211. Pelczynska-Nalecz K., Duleba A., Poti L., Votapek V. 'Eastern Policy of the EU: the Visegrad Countries' Perspectives'. Warsaw: The Center for Eastern Studies. (February) 2003. P. 35.
212. Cichocki J., Cichocki M., Kowal P. 'Poland and the EU's "Eastern Dimension"' in P. Kowal (ed.) The EU's "Eastern Dimension" – an Opportunity for or Idee Fix of Poland's Policy? Warsaw: The Center for International Relations. 2002. P. 6.
213. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours'. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Brussels, 11.3.2003, COM (2003) 104 final, p. 5.
214. Joenniemi, P. The European Union's Two Dimensions: The Northern and the Eastern. Выступление на международной конференции «Европа и Россия: границы, которые объединяют», Калининград, 21 февраля 2002г.
215. Pelczynska-Nalecz K., Duleba A., Poti L., Votapek V. 'Eastern Policy of the EU: the Visegrad Countries' Perspectives'. Warsaw: The Center for Eastern Studies. February 2003. P. 36.
216. Цит. по Карабешкину Л.А.: 'New Neighbourhood – New Association. Ukraine and the European Union at the Beginning of 21st Century'. Report No. 6. Warsaw: Stefan Batory Foundation. March 2002. P. 12. Аналогичные рекомендации сделаны и по отношению к Беларуси. См.: The Forgotten Neighbour – Belarus in the Context of EU Enlargement to the East. Report No. 4. Warsaw: Stefan Batory Foundation. September 2001. P. 12.
217. Появления «Инструмента соседства» можно ожидать начиная с 2007г., в 2004-2006 гг. на цели «Нового соседства» предполагается перераспределить чуть менее 1 млрд. евро с других инструментов, главным образом – INTERREG. Cf.: Paving the way for a New Neighbourhood Instrument, Communication from the Commission, 1 July 2003, COM (2003) 393 final.
218. Non-paper, Polish Ministry for Foreign Affairs, December 2002.
219. 'The Eastern Dimension of the European Union. The Polish View'. Speech by Włodzimierz Cimoszewicz, Polish Minister of Foreign Affairs, at the Conference "The EU Enlargement and Neighbourhood Policy" Warsaw, 20 February 2003.
220. По Карабешкину Л.А.: Lietuvos Respublikos Prezidento Rolando Pakso kalba LR ambasadorių suvažiavime (Речь президента Литовской Республики на собрании послов ЛР), 27 февраля 2003г.
221. Там же.
222. Main Guidelines of Estonia's Foreign Policy, Address by the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Estonia Kristiina Ojuland to the Riigikogu on behalf of the Government of Estonia, 4 November 2003
223. Косачёв, К. От логики «ближнего зарубежья» к единству интересов / К. Косачёв // Международная жизнь, 2005. - №3-4. – С.63.
224. См. например.: Leshukov I., 'In Case You Missed It ... the EU Is Offering a New Deal' // The St.-Petersburg Times, March 18, 2003.
225. Беспалов, С.В. Россия и расширяющийся Евросоюз: состояние и перспективы взаимоотношений / <<http://www.edc.spb.ru/conf2001/Bespalov.html>>.
226. Смирнов, П.Е. Марс теснит Венеру. Перестройка союзнических интересов США // Международная жизнь, 2003. - №6. – С. 53-68.
227. Кузнецов В.Е. Эволюция системы безопасности в Европе и интересы России / <<http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/kuznetzov.html>>
228. НАТО, Россия и Европейский Союз. – М.: Комитет «РОЕ», 2003. – 52с.
229. Фишер, В. Европа: экономика, общество и государство. 1914-1980. – М.: Владос, 1999. – 368с.
230. Антропов, В. Модель социальной защиты в странах ЕС / В. Антропов // МЭиМО, 2005. - №4.

- 231.Рыхтик, М.И. США в поисках более совершенного союза: Исторические очерки. – Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 2002. – 156с.
- 232.Обердорфф, А. Политическое становление Европы // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск, 2001. - С.22.
- 233.Кукавка, П. Региональная политика Европейского Союза // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск, 2001. - С.101-121.
- 234.Стратегическая концепция Североатлантического Союза / В кн.: Хохлышева О.О. Разоружение, безопасность, миротворчество: глобальный масштаб. – Москва - Нижний Новгород: АВН РФ; ИСИ ННГУ, 2000. – 308с.
- 235.НАТО сегодня: упрочнение безопасности и стабильности для всех. - Брюссель: Бюро информации и прессы НАТО, 2002. – 40с.
- 236.Злоказова, Н. Расширение ЕС: за и против с позиций его членов / Н. Злоказова // МЭиМО, 2004. - №1.
- 237.Алексеев, А.П. НАТО на путях трансформации // Современная Европа, 2003. - №1.
- 238.Декларации глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО от 28 мая 2002 года // Заседание Совета «Россия-НАТО». Спецвыпуск информационного бюллетеня Департамента информации и печати МИД России. – М., 2002.
- 239.Смирнов, П.Е. Марс теснит Венеру. Перестройка союзнических интересов США / Смирнов П.Е. // Международная жизнь, 2003. - №6. – С. 53-68.
- 240.Sloan, S.R. NATO, the European Union, and the Atlantic Community: the Transatlantic Bargain Reconsidered. – Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2003. – 287p.
- 241.Декларации Пражской встречи НАТО на высшем уровне от 21 ноября 2002 года. – Москва: Информационное бюро НАТО при Посольстве Бельгии в России, 2002. – 10с.
- 242.См. об этом также: Россия – США – НАТО: динамика современных взаимоотношений и возможности преодоления кризиса доверия. Монография под общ. ред. О.А. Колобова. – Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2000. – 243с.
- 243.Лаврова Е. НАТО не должен игнорировать Россию // Единая Россия. – 5 апреля 2004. – С. 13.
- 244.Холодковский, К. Конфликт «западничества» и «почвенничества» в контексте других линий размежевания / К. Холодковский // МЭиМО, 2004. - №6.
- 245.НАФТА – Североамериканская ассоциация свободной торговли (North American Free Trade Association – NAFTA) создана в 1988 году США и Канадой, в 1992 году к ним присоединилась Мексика. АСЕАН – Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (Association of South East Asian Nations – ASEAN) создана в 1967 году. Участники: Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Вьетнам, Лаос, Мьянма, Камбоджа. АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (Asian Pacific Economic Cooperation – АПЕС) создана в 1989 году как межправительственная организация, в нее входят 20 стран, в том числе: Австралия, Вьетнам, Гонконг, Канада, Китай, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Россия, Перу, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Чили, Южная Корея.
- 246.Киссинджер, Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1999. – С. 759.
- 247.Борко Ю., Буторина О. Европа: поиск новой идентичности // Космополис, 2004. - №1.
- 248.How the European Union works. A citizen's guide to the EU institutions. - Luxembourg: Office for official publications of the European Communities, 2003. – 46p.; Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. Учебное пособие. – М.: Международные отношения, 2003. – 400с.
- 249.Treaty establishing a Constitution for Europe. – Luxembourg: Office for Official publications of the European Communities, 2005. – 482p.
- 250.Быть или не быть Соединённым Штатам Европы? – М.: Комитет «РОЕ», 2003. – 48с.
- 251.Иванов И.С. Объединение или разъединение? Появятся ли новые барьеры в объединённой Европе / И.С. Иванов // Известия 11.01.2003.

252. Совместное заявление. Саммит Россия – ЕС. (Санкт-Петербург, 31 мая 2003г.) // <http://www.mid.ru>
253. Россия и Европейский союз: как углубить стратегическое партнерство? - М.: Комитет «Россия в объединенной Европе». 2002. - С.29.
254. Глинский – Васильев Д. Расширение НАТО на восток как проблема российской и европейской безопасности / Д. Глинский –Васильев // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век. Под ред. Д.Тренина.- М. 2000. - С.117.
255. Подробнее: Лешуков И. Россия и Европейский союз: стратегия взаимоотношений / И. Лешуков // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век. Под ред. Д.Тренина.- М. 2000. С.24-27.
256. Козловский, В. НАТО, ЕС и троянские кони / В. Козловский // http://news.bbc.co.uk/hi/Russian/news/newsid_3012649.stm
257. Петровская Ю. НАТО готовится вступить в Ирак. Робертсон встречается с Путиным – впервые после войны в Персидском заливе / Ю. Петровская, В. Мухин // Независимая газета. 13.05.2003г.
258. Об итогах сессии Совета коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности. // <http://www.mid.ru>. 29.04.2003.
259. Вершбоу, А. Отношения России, НАТО и ЕС / А. Вершбоу // НАТО, Россия и Европейский союз. М.- Комитет «Россия в объединенной Европе» 2003. - С.10 -11.
260. Выступление заместителя министра иностранных дел Российской Федерации В.А. Чижова на заседании «круглого стола» в Дипломатической академии МИД РФ «ОБСЕ и европейская безопасность», Москва, 20 июня 2003г. // <http://www.mid.ru>
261. Выступление министра иностранных дел России И.С. Иванова на конференции «Россия и новое мировое устройство» Москва, 12 мая 2002г. // www.mid.ru
262. Интервью В.В.Путина телеканалу ТФ-1. Париж, 11 февраля 2003г. // Дипломатический вестник. 2003, №3.- С.36.
263. Саммит «четверки»- вторая опора НАТО // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 30.04.2003. // <http://www.inosmi.ru/abstract/179910.html>
264. Арбатов, А. «Супертерроризм» как главная угроза европейской безопасности / А. Арбатов // Евробезопасность: есть ли в ней место для России. М.- Комитет «Россия в объединенной Европе». 2002 - С. 9.
265. План совместных действий Совета Европейского союза в связи с принятием Программы сотрудничества Европейского союза по нераспространению и разоружению в Российской Федерации. Брюссель. 17.дек. 1999г. // <http://www.eur.ru>.
266. О выполнении Россией первого этапа химического разоружения./ Департамент информации и печати МИД РФ. Сообщение для печати. 27.04.2003г.
267. Маркушин, В. Россия-НАТО: от теории к практике / В. Маркушин // http://www.redstar.ru/2003/05/14_05/n.html
268. Арбатов, А. Под одним зонтиком. Военное взаимодействие РФ и Западной Европы возможно и необходимо / А. Арбатов // Независимая газета. 07.04.2003г.
269. Россия и Франция разрабатывают боевой самолет пятого поколения / Страна.Ru. 29.06.03. // <http://www.strana.ru/print/185335.html>
270. Круглов, О. Шаг к сотрудничеству. Провозглашен совместный проект истребителя пятого поколения / О. Круглов // Независимое военное обозрение. 04.07.2003
271. Страны Евросоюза должны объединить свой оборонный потенциал / Ф. Камю, Р. Хертрих, Д. Рэнк // Le Monde. 29.04.2003. // <http://www.inosmi.ru/abstract/179860.html>
272. Российская оборонка сможет заработать на поставках вооружений стандарта НАТО / Страна.Ru. 05.05.2003г // www.strana.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Европа долгое время отождествлялась с Христианским Миром, противостоящим миру ислама. Когда в новостях появляется очередное сообщение о погромах во Франции или Бельгии, терактах в Испании или Великобритании, поджоге посольств Дании или Норвегии на Ближнем и Среднем Востоке, это мнение не кажется устаревшим. Иммигранты-мусульмане в странах ЕС практически не поддаются ассимиляции и периодически устраивают то обычные беспорядки, то теракты. В ответ нарастают праворадикальные настроения европейской общественности. С другой стороны, миру ислама сегодня противостоят не столько верующие христиане, сколько воинствующие безбожники, оскорбляющие Мухаммеда и Аллаха. Похоже на то, что европейским атеистам надоело критиковать христианские ценности, им понадобилась новая, более актуальная мишень, дабы продемонстрировать свое свободомыслие. Католическая Церковь в лице Ватикана не в силах объединить современную Европу. Однако почти все видные деятели европейской интеграции (включая Моннэ и Делора) были католиками, а их христианское сознание часто руководило их поступками. Принцип субсидиарности, столь характерный для Европейских Сообществ, был прямо взят из учения Римско-Католической Церкви.

Европейский Союз – законный наследник Европейских Сообществ. Уже Жан Моннэ предусмотрел сложную комбинацию новаторского тогда наднационального начала с традиционным межгосударственным подходом, что и стало «визитной карточкой» ЕС на международной арене. Франция и Германия с самого начала занимали центральное место в Сообществах – собственно, вся европейская интеграция долгое время служила цели примирения этих бывших заклятых врагов. Только Елисейский договор, подписанный де Голлем и Аденауэром в январе 1963 г., окончательно перевернул эту страницу истории. У ядра интеграционной группировки всегда были серьезнейшие проблемы с Великобританией, которая хотела участвовать в интеграции «по-своему», и с США, чье неустрашимое влияние чувствуется в современном однополярном мире ничуть не меньше, чем в былом биполярном. Задачи обеспечения национальной и региональной безопасности в Европе также отнюдь не сняты с повестки дня, хотя все время появляются новые угрозы и вызовы. И по-прежнему НАТО вольготно чувствует себя в Брюсселе, а идея самостоятельной «европейской армии» находит лишь ограниченное число сторонников в государствах-членах ЕС. Решение насущных практических вопросов, как обычно, подталкивает и «расширение», и «углубление» в гораздо большей степени, нежели умозрительные теории интеграции. И всегда будут играть важнейшую роль лидеры (если они настоящие) и созданные ими формальные и неформальные институты (если они правильно функционируют). Жак Делор сумел создать свою «сеть», наладить неформальное взаимодействие с национальными лидерами и, в результате, стать ровень со своим учителем: из Европейских Сообществ вырос Европейский Союз. Дело Моннэ и Делора живет - личные контакты продолжают «смазывать колеса» системы институтов ЕС на любом уровне.

Европейскую интеграцию затеяли всего 6 стран – сегодня их 27. Особо следует отметить, что пока ни одна из стран-членов ЕС не выражала намерения покинуть Союз. Германия же, по нашему мнению, никогда не захочет потерять свою новую «сферу влияния», тем более что во Франкфурте-на-Майне прописался важнейший автономный институт ЕС – Европейский Центральный Банк. Европейская интеграция начиналась с идей и проектов, с преодоления множества иллюзий. Сегодня мы держим в руках банкноты евро, получаем Шенгенские визы, легко пересекаем границы от Финляндии до Испании (если повезло без проблем пересечь границу российско-финскую). У первого Сообщества была крайне узкая специализация – уголь и сталь. Современный Евросоюз

развивает сотрудничество стран-членов практически во всех сферах жизни. Этот процесс, видимо, уже невозможно остановить, и участие России в европейской интеграции – веление времени. Мы не можем – по объективным обстоятельствам - рассчитывать в ближайшей перспективе на вступление в ЕС. Однако уже четыре «общих пространства», если они будут построены в срок, сделают нас, россиян, полноправными европейцами.

Итак, исторический анализ позволяет определить Европу как совокупность «христианских» и «полухристианских» государств Евразии. Примерно с рубежа X-XI веков граница Европы и Азии проглядывается довольно отчетливо, что напрямую связано с христианизацией таких славянских народов, как древние русы и поляки. Границу Европы на начало XI века важно установить еще и потому, что в 1054 году произошел печально знаменитый раскол Христианской Церкви на Западную и Восточную. Следовательно, границы Европы начала XI века - это последние границы действительно единой Христианской Европы, еще не разделенной окончательно на «Запад» и «Восток».

Россия всегда занимала особое положение в Европе, дававшее пищу для постоянных сомнений в ее «европейской природе». Тем не менее, «родительское государство» России - Киевская Русь - по крайней мере, с начала XI века вполне принадлежало к кругу европейских держав и поддерживало многочисленные связи с ними, включая династические (что особенно важно). Новгород считается первой столицей земли русской, а легенда «о призвании варягов» удивительно напоминает исторические предания других европейских народов эпохи могущества викингов. Именно границы Киевской Руси долгое время служили на северо-востоке рубежами Европы - как с точки зрения геополитики, так и при цивилизационном подходе. Далее начинались владения тюркоязычных народов, в массе своей исповедовавших ислам - то есть "Азия". Ни Хазарский каганат с высшей прослойкой из иудеев и тюрков, ни мусульманскую Волжскую Булгарию никак нельзя признать "европейскими" державами в смысле их происхождения и государственного развития. Они были тесно связаны со Средней Азией и Ближним Востоком, структурно вполне примыкая к прочим азиатским державам.

Южную и юго-восточную границу Европы держали в начале XI века Византийская империя, Армения и Грузия (точнее, мелкие грузинские княжества в их совокупности). Здесь совершенно особое положение занимала Армения как государство, с одной стороны, ранее всех других признавшее Христианство государственной религией (в 2001 году широко отмечалось 1700-летие данного события), но, с другой стороны, вполне поддавшееся ереси монофизитства (иначе – монофиситство), широко распространенной на Ближнем Востоке. Монофизитство возникло в Византии в V веке как реакция на несторианство и довольно быстро стало знаменем политического сепаратизма в Египте, Сирии, той же Армении. Халкидонский собор 451 года осудил монофизитов и признал их учение ересью. Однако в большинстве древних восточных церквей - от Эфиопии до Армении - с этим не согласились. Поскольку Армения начала XI века, с одной стороны, входила в сферу влияния Византии и считалась христианским государством, а с другой стороны упорно держалась характерной для Ближнего Востока ереси, ее положение можно рассматривать как промежуточное между Европой и Азией, что подтверждается и географическим положением Армении на стыке двух миров.

Следующей крупной вехой в становлении границ Европы следует, вероятно, признать начало XVI века. Во-первых, это важнейший момент европейской истории, предшествующий Реформации и дальнейшему усложнению структуры европейского геополитического пространства. Во-вторых, границы начала XVI века надо признать "национальными" для новой российской государственности. В 1493 году Иван III получил титул "Государь Всея Руси" - и "Московия" стала "Русью". Политику же Ивана IV нельзя рассматривать иначе, как выход за пределы геополитической ниши национального великорусского государства, то есть как "империалистическую экспансию" (следуя терминологии Г.П.Федотова). Границы Европы начала XVI века показательны и в том отношении, что только что закончилась "первая реконкиста", но еще не началась

“вторая”, под которой следует понимать освобождение европейского геополитического пространства от второй волны экспансии мира ислама, представленного Османской империей. К середине XV века Турция заканчивает завоевание Балканского полуострова и устремляется в Северное Причерноморье. В то же время возникает пояс новых мусульманских государств в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири. В 1475 году Османская империя захватывает прибрежную полосу Крыма, а само Крымское ханство оказывается в вассальной зависимости от империи. Такая же судьба ждала ханства Казанское, Астраханское и Сибирское. Полукольцо исламских стран, взявшее в осаду Европу с юго-востока и востока, могло получить единый организационный центр.

Таким образом, пока христианские рыцари успешно изгоняли арабов на западе (в 1492 г. была отвоевана Гранада, последний оплот мира ислама на Иберийском полуострове), на юго-востоке росла новая угроза. Если бы Турции удалось расшириться не только в южном направлении, захватив Междуречье и Северную Африку, но и в северо-западном, приняв в свой состав (или на правах вассалов) все осколки Золотой Орды, то с такой империей, равной по мощи и размерам Монгольской, не смог бы справиться весь христианский Запад в целом. Однако именно данному расширению и воспрепятствовала молодая Россия, чем значительно облегчила как свою собственную участь, так и дело “второй реконквисты”. Как мы видим, несмотря на многочисленные противоречия между европейским Западом и европейским Востоком, они имели общего грозного врага в лице Османской империи и образовывали две половинки единого геополитического пространства Европы уже в начале XVI века. Поэтому нет оснований говорить о том, что Европа «кончалась» на границах Турции и России (как утверждали многие западноевропейские авторы). Европа – с точки зрения геополитики – действительно «кончалась» на границах Османской империи. Но на границах России «кончался» лишь Запад – и начинался Восток Европы.

Границы европейского геополитического пространства на юго-востоке длительное время упирались в границы Османской империи. Однако в XX веке возникли предпосылки включения и данной страны в состав геополитической Европы. Лозаннский мирный договор от 24 июня 1923 года установил современные границы Турции – в пределах бывшей византийской геополитической ниши. Страна была провозглашена республикой, затем был ликвидирован халифат и принята республиканская конституция. В течение последующего десятилетия была проведена целая серия реформ, направленных на «европеизацию» страны: секуляризация экономической, политической и общественной жизни; упразднение норм мусульманского права, отделение церкви от государства, предоставление избирательного права женщинам, введение европейского календаря. Таким образом, к середине 30-х годов XX века Турция перестала быть исламским государством с правовой точки зрения. Однако это еще не делало страну европейской державой. Главный «геополитический сдвиг» произошел после Второй мировой войны, что напрямую связано с процессом структурирования биполярного мира (в целом) и биполярной Европы (в частности). США остро нуждались в подобном государстве, граничащем с Советским Союзом и исторически враждебно к нему настроенном. Турция стала «европейской державой» никак не ранее 1945 года, когда началось структурирование биполярного европейского геополитического пространства, но и не позднее 1955 года, когда этот процесс благополучно завершился. Важными рубежами на этом пути стали: участие Турции в «Плане Маршалла», принятие данной страны в Совет Европы и в НАТО. Приблизительно к 1952 году Турция была, наконец, прочно интегрирована в европейское геополитическое пространство. Таким образом, в начале XXI века границы Европы как единого геополитического пространства охватывают как Турцию, так и Россию.

«Континент Европа», действительно, был в древности искусственно и произвольно выделен из общего массива земель Старого Света и не имел серьезного географического основания. Однако на современном этапе развития географических знаний такое

основание найти возможно и даже необходимо. По мнению автора, им может быть признана евразийская (иначе - европейская) плита литосферы.

Тождество понятий «Христианский Мир» и «Европа» действительно лишь для эпохи Средневековья. Источники указывают, что все средние века Европа отождествлялась с Христианским Миром (в пределах Евразии), противостоящим миру ислама. Однако и в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова концепт Христианской Европы все еще сохраняет актуальность для Ватикана и довольно многочисленных христианских демократов, объединенных на европейском уровне в самую большую группу Европарламента - Европейскую народную партию. Основным критерий расширения ЕС – религиозный фактор (преобладание христианского населения в странах-кандидатах). С этой точки зрения, полноправное членство Турции в ЕС недопустимо.

Концепт Европы как «континента свободы» зародился еще в эпоху греко-персидских войн, а около 424 г. до н.э. Гиппократ предпринял первую серьезную попытку определить таким образом общеевропейскую идентичность. В результате деятельности просветителей в XVIII в. Европа почти повсеместно стала восприниматься как континент свободомыслия и прогресса, противостоящий «азиатской» отсталости и деспотизму. Концепт «континента свободы» сохраняет актуальность для сторонников атлантической интеграции и либералов, объединенных на европейском уровне в Альянс демократов и либералов за Европу («третья сила» в Европарламенте). Современная Европа противостоит миру ислама еще и в качестве светской системы власти (где церковь отделена от государства), не допускающей ограничений свободы личности, слова и печати. Основным критерий расширения ЕС – соблюдение прав человека и основных свобод в странах-кандидатах. С этой точки зрения, Беларусь не является европейским государством.

Концепция «Социальной Европы» зародилась в XIX в. в среде революционных демократов, республиканцев и социалистов. Окончательную форму данный концепт приобрел только во второй половине XX в. в ходе западноевропейского интеграционного процесса. В качестве наиболее «современного» способа определения европейской идентичности выдвигается второй по численности группой Европарламента – Европейской социалистической партией. Основным критерий расширения ЕС – уровень социально-экономического развития страны-кандидата (ВВП на душу населения). С этой точки зрения, Молдова в ближайшее время не может войти в ЕС.

Все попытки объединить Европу силой оружия успехом не увенчались, а объединение Европы мирным путем имеет лишь частичный успех. И Франция (под руководством Наполеона), и Германия (под началом Гитлера) встретили ожесточенное сопротивление окраинных европейских держав, прежде всего – Великобритании и России, чьи национальные интересы выходили далеко за рамки европейского геополитического пространства. Попытка объединить Европу мирным путем увенчалась частичным успехом. В эпоху биполярного мира Ж. Монне и его единомышленники дали жизнь Европейским Сообществам, которые Ж. Делор и его соратники сумели в новых исторических условиях трансформировать в Европейский Союз. Однако в ЕС наднациональное начало до сих пор вынужденно сосуществует с межгосударственным, а институты постоянно нуждаются в очередном реформировании. При всей своей способности к «расширению» и «углублению» Евросоюз периодически сотрясают мощные кризисы, главный из которых, на наш взгляд, - кризис европейской идентичности. Вопрос, принимать ли в ЕС мусульманскую Турцию, может окончательно расколоть европейское общественное мнение.

Под «европейской интеграцией» должно пониматься (кроме всего прочего) обретение утраченного единства Европы. Европейская «Христианская республика» во главе с папой Римским была фактом истории, однако Ватикан в современной Европе уже не способен играть роль главного «интегратора». При этом отцы-основатели ЕС (Ж.

Моннэ и Ж. Делор), а также многие другие лидеры исторического процесса объединения Европы (Р. Шуман, К. Аденауэр, А. де Гаспери и т.д.) были католиками, а принцип субсидиарности был прямо заимствован из учения Римско-Католической Церкви. Европейский Союз остро нуждается в новом лидере, способном примирить (и, возможно, «интегрировать») концепты Христианской Европы, Социальной Европы и «континента свободы». Он, как и Делор, должен быть свободомыслящим и прагматичным «немного социалистом» и «немного католиком», возможно – французом, допустимо – итальянцем, бельгийцем, люксембуржцем, но никак не немцем, не англичанином, не представителем скандинавских стран и не уроженцем Центральной или Восточной Европы. Роль личностей в истории объединения Европы исключительно велика.

Концепт «Соединенных Штатов Европы», известный с первой половины XIX в., отражает стремление к созданию полноценной европейской федерации. Данный концепт был использован самыми разными политическими силами – от крайне левых (Л. Троцкий) до крайне правых (А. Гитлер). Сегодня призыв создать СШЕ внутри ЕС означает желание придать институционный характер Европе «разных скоростей» и «переменной геометрии».

Решение насущных практических вопросов подталкивает и расширение ЕС, и углубление интеграции в гораздо большей степени, чем умозрительные теории. Франция и Германия с самого начала занимали центральное место в европейском интеграционном процессе, а Великобритания всегда имела собственное мнение и желала участвовать в интеграции «по-своему». Влияние США на становление ЕС было весьма существенным. Современный Евросоюз рассматривается либо как структура внутри Атлантического Сообщества, либо как противостоящий США самостоятельный центр силы. Окончательный выбор в пользу одного из этих путей развития еще не сделан. Если Великобритания перейдет на евро и войдет в Шенгенскую зону, не исключено более тесное взаимодействие Евросоюза и США. Если Великобритания покинет ЕС, единая Европа сможет стать полноценной федерацией и со временем избавиться от американского влияния.

Россия в силу своих размеров не может войти в ЕС, ибо это нарушит хрупкое равновесие сил внутри Союза и приведет к замене «треугольника» ведущих европейских держав (Великобритания, Германия, Франция) «осью» ФРГ – РФ. Однако уже четыре «общих пространства», если они будут построены в срок, сделают россиян полноправными европейцами. При этом евразийская концепция, разработанная еще Аристотелем и примененная к России в 20-е гг. XX в. русскими эмигрантами, все еще актуальна. Она позволяет РФ развивать интеграционные усилия не только на европейском, но и на азиатском направлении. Рано или поздно России придется сделать окончательный выбор в пользу Европы или Азии. Альтернативой может стать только глобальная интеграция, стирающая все различия, под эгидой США.

Современное состояние Европейского Союза весьма далеко от идеального. Ж.-М. Баррозу так определил главные направления своей деятельности: экономическое развитие и проведение необходимых реформ. Он будет стремиться превратить ЕС к 2010 г. в «наиболее конкурентоспособную зону мира». Нынешний Председатель Комиссии не возражает категорично против расширения Евросоюза дальше на Восток, имея в виду не только Балканы, но и европейские страны СНГ (прежде всего, Украину). Уже проделана предварительная работа, необходимая для построения реально действующего общего европейского экономического пространства. Кризис, связанный с провалом референдумов по Конституции во Франции и Нидерландах, был частично преодолен подписанием Лиссабонского договора в декабре 2007 г. Однако процесс его ратификации еще продолжается. Давать окончательную оценку деятельности Баррозу на посту Председателя КЕС пора, безусловно, рано. Но ясно вполне, что спокойного и уверенного движения вперед не предвидится.

Европейская идентичность – это двухуровневый процесс. С одной стороны, это

метафизическая данность, которая диктует свои закономерности, выступающие онтологическими индикаторами всего европейского – такие как эксцентричность, эксклюзивность и вторичность. С другой стороны, это конструируемая политическая реальность, основанная на технологиях политики идентичности. В зависимости от того, какие параметры и условия заложены в этот процесс (субъекты, объекты, характер отношений, пространственные рамки, внешние и внутренние факторы), постепенно происходит качественная трансформация формируемого посредством технологий и политического инструментария уровня идентичности в разряд идентитарных закономерностей, не поддающихся четкой концептуализации.

Европейская культурно-политическая идентичность на протяжении веков была вторична, так как базировалась на римской, в свою очередь заимствованной у эллинистического и иудео-христианского миров. Это ощущение вторичности в ходе исторического процесса вылилось в европоцентризм, маскируемый терминами «общечеловеческая цивилизация», «гуманитарные ценности» и «международное сообщество». В этом смысле весь мир выступает в определенной степени частью Европы, а значит - оправдывает внешнюю направленность (эксклюзивность) и внешнюю идентичность (т.н. комплиментарность) Европы как единого целого. Эксклюзивность всегда была присуща европейскому политическому пространству, ибо оно не мыслимо без пограничной идентичности, которая по мере территориального расширения становилась частью общеевропейской. Во многом, за счет этого, Европа никогда не имела постоянного центра, ибо эксцентричность выражалась в постоянном стремлении к развитию и доминированию полицентричной системы. Благодаря эксцентричности возможно существование мультикультурализма, трансграничной идентичности, «Европы разных скоростей» и «Европы регионов», которые объединились в понятии «ново-средневековая Европа».

Европейский Союз, являясь «империей поневоле», вынужден находиться на острие общеевропейской политики субверсивной европеизации, если рассматривать этот процесс как воздействие трех взаимосвязанных механизмов:

- правовых обязательств в политической и экономической сферах, исходя из требований, предъявляемых при принятии страны в ЕС для усвоения *acquis communautaire*;
- объективных изменений в экономике, политической структуре и индивидуальных интересах как результат слияния с Европой;
- субъективных изменений в европейском менталитете, которые ведут к автоматическому закреплению только европейских норм во всем мире.

Проводя активную культурную и образовательную политику, ЕС ассоциирует себя с Европой в ходе внешней идентификации. Как в свое время ЕЭС «позаимствовал» основной свой символ – флаг – у Совета Европы, так теперь ЕС участвует в построении новой общеевропейской идентичности, исходя, прежде всего, из собственных интересов. Однако это привело к трансформации контролируемого процесса достижения преимущественно экономических целей преимущественно политическими методами в самоподдерживающийся процесс экономических, политических и социально-психологических перемен, подверженный уже не контролю, а незначительным корректировкам. При этом, та специфическая идентичность, проект создания которой разрабатывался европейскими политиками, перестает носить абсолютно искусственный характер и начинает развиваться по естественным законам коллективной идентичности.

Внутри Евросоюза проводится политика культурного многообразия, дополняющая политику сплочения, направлена на нейтрализацию роли национальных государств, которые рассматриваются как анахронизм, представляющий угрозу европейскому миру, а на самом деле являются основной питающей средой той эмпирической общеевропейской идентичности, которую ЕС хочет трансформировать в жесткий прогнозируемый и контролируемый процесс. Формируются прямые линии политических отношений «ЕС-

регион», которые Евросоюз использует в качестве рычага давления на страны и в виде механизма эрозии суверенитета, тем более что государства зачастую сами вынуждены финансировать подобные программы.

Идентичность, построенная в рамках «культурного многообразия», исключает существование сильной национальной идентичности, что вызывает кризис внутренней комплиментарности в современной Европе. Негативным фактором здесь выступает то, что исчерпаны возможности ассимиляции, являющиеся определяющим фактором существования европейской цивилизации, наблюдается территориальное расширение при углублении внутреннего идентитарного кризиса, как это показали тревожные события во Франции в марте 2006 г. или в Испании в апреле того же года.

При конструировании общеевропейской идентичности ЕС, как организация изначально экономическая, опирался на существующие экономические методы и инструменты. Основным из них стало внедрение евро, которое повлекло экономические последствия, spill-over имеющие политический характер. Концентрация и интеграция финансовых рынков привели к укрупнению производства и усилению лобби ТНК в европейских институтах. С другой стороны, реструктуризация крупнейших компаний привела к росту вложений в НИОКР, повышению экономического потенциала и международного престижа ЕС, переходу от экономической модели high-tech к high-hume, а также к разработке и внедрению кардинально новых технологий валютно-финансового регулирования, многие из которых немедленно были использованы КЕС – от антикризисного реагирования в ответ на управляемые кризисы до создания валютных микрозон в развитие теории оптимальных валютных пространств.

Несмотря на то, что введение евро часто объясняется экономическими причинами интеграции, конечной целью данного проекта была политическая унификация через создание наднациональных структур кардинально нового уровня, преобразующих ЕС из международной организации в подобие наднационального государства. Примером осуществления идентитарной политики в этом ракурсе является деятельность ЕЦБ. Она поставила вопрос о доверии к наднациональным институтам как синониме международного влияния, от решения которой во многом зависит успех закономерной политической интеграции стран-членов в единую сверхдержаву. В то же время этот институт наглядно демонстрирует отсутствие политической воли на национальном уровне для отстаивания пока аморфных общеевропейских интересов, что ставит КЕС перед необходимостью структурных реформ по созданию наднационального политического органа «имперского» типа. Это соответствует и интересам ЕЦБ, выраженным в политической унификации Европы в формате ЕС.

Используя политику «малых шагов», ЕС стремится к стабилизации МВФС посредством установления биполярной валютной системы, где евро постепенно заменит доллар в качестве основной рабочей валюты. Подобная практика наталкивается на противодействие «долларовой дипломатии», конечная цель которой – реформировать МВФС в американских интересах, в том числе – через силовое и политическое вмешательство. США лишь частично заинтересованы в стабилизации системы, так как она может представлять потенциальную угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов. Вопреки распространенному мнению о жесткой конфронтации евро и доллара, наблюдается сравнительно мирный передел сфер валютно-финансового влияния за счет сокращения долларовой арены обращения в пользу евро. В обмен, европейцы выступают основным гарантом США в области страхования долларовой рисками, тогда как американцы сохраняют в руках все инструменты управления рисками. Тот факт, что валютные риски диверсифицировались, а значит - стали в меньшей степени управляемыми, подтверждает по аналогии с Луврскими соглашениями 1987 г. заключение в Нью-Йорке в сентябре 2001г. секретного договора, предусматривающего пакет мер по поддержанию мировой валютной системы, чьей рабочей валютой выступает доллар (а не привязанный к нему евро). Таким образом, появление «альтернативной» доллару валюты

не только увеличило риск возникновения кризиса, но и снижает видимость угроз экономической безопасности, отдаляя перспективы интеграции в странах, прилегающих к США и ЕС из-за включения их в «зону валютного окружения». В случае с Европой подобная практика попутно сопровождается процессом европеизации со всеми вытекающими последствиями.

Методика политического использования единой европейской валюты является материальным воплощением реализации и механизмов европеизации, и всех ее компонентов. Более того – значение евро в построении идентичности на данный момент является его ключевой политической функцией. Это не отрицается ни в Еврокомиссии, ни в Европарламенте, ни на национальном уровне.

Различное отношение к евро в зависимости от страны в силу существующего евроэффекта не может нейтрализовать рефрен об исключительно европейском предназначении новой валюты, которая тем временем выступает основным инструментом по закреплению за ЕС маркера «Европа». Можно даже просчитать определенные закономерности, связанные с «синдромом привыкания» к евро, что свидетельствует о поступательном формировании эгрегора пользователей новой валюты и роста ключевого элемента в эру виртуальной экономики – доверия как синонима обеспеченности и стабильности.

Тем временем, по политике распространения европейская валюта навязывается как единственно приемлемая для государств ЕС и их ближайших соседей. Политика, проводимая ЕЦБ и его президентом Ж.-К.Трише, направлена на то, чтобы закрепить за евро статус основного маркера принадлежности к Европе, той самой Европы, которая будет выступать синонимом ЕС в рамках общей исторической парадигмы. Девизом евро как валюты стала толерантность, хотя в сфере политики идентичности власти ЕС далеки от соблюдения критерия толерантности, но само это понятие нужно им для того, что переписать европейскую историю, максимально романтизируя ее, устраняя негативные политические мифы.

Этому способствуют и «волнообразное расширение» сфер влияния ЕС, и психологически агрессивная иконография новой валюты. Определяющим фактором в данном случае выступает то, что внутренняя самоидентификация Европы наталкивается на определенные трудности, так как ее геополитические границы до сих пор четко не определены. Однако можно сделать вывод, что в качестве «пограничных» государств выступают Великобритания, Турция и Россия. В то же время если в краткосрочной перспективе политика европейских властей по сплочения вновь не будет активизирована, и после Румынии и Болгарии будет присоединена Турция, есть все основания говорить об утверждении «Междуевропы», которая всегда будет ориентирована на догоняющую модель развития по отношению к Западу до тех пор, пока не будут истощены мобилизационные ресурсы.

В свете этого некоторую угрозу представляет состоявшееся расширение ЕС, которое привело не только к диспаритету бенефициаров евро и остальных членов Евросоюза, но и искажению уже сложившихся успехов в области политики сплочения западноевропейских народов. Латентный кризис динамики интеграционных процессов, получивший наиболее четкое выражение в провале проекта Конституции, требует от властных элит погасить его посредством выноса вовне. Это вполне соответствует двум основным факторам идентификационной политики ЕС – мультикультурализму и эксцентричности (внешней направленности).

Поэтому форсированное развитие влияния европейской валюты в России объясняется постепенным включением РФ в «валютную периферию» ЕС, роль которой ранее исполняли страны ЦВЕ. В том числе это делается для того, чтобы после успешного перехода новых стран-членов на евро, существовало уже сформированное и адаптированное к европейским стандартам «благоприятное валютное окружение». Таким образом, вместо дедолларизации экономики вырисовывается вполне возможный сценарий

евроизаации со всеми вытекающими последствиями субверсивной европеизации.

Единственной альтернативной реакцией на процесс европеизации является выработка собственных цивилизационных моделей, не обязательно враждебных европейской, но воспринимаемой Европой как угроза, выраженная в ослаблении универсальных критериев цивилизованности. С одной стороны, только наша страна способна оспорить переосмысление европейской исторической парадигмы в интересах ЕС и присвоение бренда «Европа». Во-вторых, выводя собственную валюту на мировую арену с января 2007г., она делает заявку на лидерство в регионе. В противном случае, наша страна станет валютной периферией ЕС и одновременно – США, что впоследствии не исключает даже территориальное дробление РФ.

Глобальные процессы, происходящие в настоящее время в Европе, связанные с кардинальной трансформацией роли НАТО на континенте и продолжающимся расширением ЕС на Восток, оказывают всё возрастающее международно-политическое влияние на Россию в силу её территориальной близости, то есть как на внешнюю, так и на внутреннюю среду военно-политической и социально-экономической жизни нашей страны.

На общеевропейском направлении российской дипломатии следует проводить более детальные переговоры - не всегда «пакетно», по широчайшему комплексу вопросов сотрудничества, а по каждому аспекту и по каждой проблеме в отдельности. В этом – залог успеха отстаивания наших геостратегических позиций и интересов. При этом необходимо согласование позиций и объединение усилий российских внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств (МИД, Минобороны, МЭРТ) и заинтересованных хозяйствующих субъектов.

Российской национальной экономике следует рассматривать более гибкие и перспективные по сравнению с торговлей пути развития сотрудничества и реализации своих интересов в Европе. Например, интересным представляется участие российских предприятий в инвестировании в проекты в странах ЦВЕ, а также привлечение фирм этих странах в аналогичную деятельность в России.

Со стороны ЕС и НАТО было бы перспективно рассмотреть вопросы финансирования проектов приграничного сотрудничества с субъектами Российской Федерации и регионами СНГ. Это послужило бы достижению социальной и политической стабильности в субрегионе и на континенте в целом.

Россия, НАТО и ЕС должны развивать конструктивные отношения равных акторов для решения следующих задач:

- создать и поддерживать стабильные отношения при сохранении соответствующего уровня доверия и транспарентности, что должно определять будущее состояние отношений между Россией и евроатлантическими структурами;
- осознавать особую важность обеспечения стратегической стабильности, доверия и безопасности в Европе, с учетом интересов всех европейских государств, включая страны Центральной, Восточной и Южной Европы;
- организовать новые структуры для обсуждения и разрешения неизбежных при этом спорных вопросов (как между ЕС, НАТО и Россией, так и среди самих стран-членов НАТО и ЕС), или же для сдерживания разногласий и ослабления их возможного негативного влияния, в случаях, когда отсутствует возможность традиционного политического урегулирования;
- придерживаться принципа общей ответственности за совместно принимаемые решения в согласованных областях и на основе консенсуса;
- выработать практическую повестку дня с целью определения совместных задач в пределах общеевропейского пространства;
- применять достигнутые в результате взаимодействия России, ЕС и НАТО результаты в деятельности других организаций и институтов, таких как Организация безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ), Совет Европы, а также в рамках двусторонних

отношений;

- использовать перечисленные выше меры в качестве надежной основы повышения возможностей ЕС, России и НАТО совместно противодействовать угрозам за пределами Европы и выступать своего рода «экспортером стабильности», помогающим стабилизировать ситуацию в тех районах мира, откуда исходит потенциальная угроза России, Европе и Соединенным Штатам, а также обеспечивающим формирование более благоприятной обстановки в будущем, отвечающей как взаимным интересам, так и интересам мирового сообщества в целом;
- сохранять и укреплять международную безопасность и стратегическую стабильность путем адаптации существующих режимов контроля над вооружениями к новым глобальным реальностям;
- обеспечивать доведение информации до правительств и общественности стран-членов ЕС, НАТО, США и Российской Федерации с целью их ознакомления с проводимыми акциями и предпринимаемыми усилиями, и добиваться их поддержки общественностью и парламентами.

Суммарный эффект всех этих изменений достаточно трудно оценить однозначно. Он требует дальнейших специальных подсчетов. Тем временем, между Россией, НАТО и ЕС уже начат вполне конструктивный политический диалог по последствиям расширения и дальнейшим направлениям сотрудничества во благо людей в новых условиях взаимозависимого Евразийского континента.

С нашей точки зрения, присоединение к ЕС и НАТО ряда стран Центральной, Восточной и Южной Европы означает продвижение в правильном направлении. Однако продолжающееся расширение этих европейских институтов не решают фундаментальную проблему построения единой Европы. Они не дают полноценного ответа на вопрос о судьбе России и других, «новых» европейцев – евразийских стран-участниц Содружества независимых государств в историко-политическом будущем единой Европы.

Для того чтобы осуществить интеллектуальный и цивилизационный прорыв в строительстве единой Европы, требуется гораздо более высокая степень взаимного доверия и политического взаимодействия между Европейским Союзом, НАТО, Западом в целом и СНГ «во главе» с Россией. Собственно, этого просто не дано историей. Будущее покажет, насколько быстро и эффективно европейские народы, их государства, институты и организации смогут претворить это веление истории и общей судьбы в жизнь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колобов О.А.,

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
руководитель авторского коллектива

Браницкий А.Г.,

доктор исторических наук, профессор (общая концепция, главы I-V)

Бугров Р.В.,

кандидат исторических наук, доцент (глава IV)

Дмитриева Д.В.

аспирант (глава IV)

Жильцов Н.В.,

аспирант (глава VIII)

Кабешев Р.В.,

доктор политических наук, профессор (глава IV)

Каблова Л.В.,

кандидат политических наук (глава VI)

Кемаев К.В.,

кандидат исторических наук (глава V)

Колобов А.О.,

кандидат политических наук (глава VII)

Леушкин Д.В.

кандидат политических наук (главы VII – VIII)

Морозова О.С.,

аспирант (глава IV)

Сергеев А.Е.,

аспирант (глава II)

Толкачев В.В.,

кандидат исторических наук, доцент (глава VII)

Хохлышева О.О.,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор (глава VII)

Чумаков В.А.,

кандидат политических наук (глава VIII)

**Европа:
проблемы интеграции
и развития**

Монография

Том I

История объединения Европы и теория европейской интеграции

Часть 2